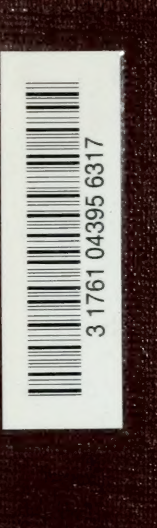

3 1761 04395 6317

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

I.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Въ Росписи книг. Глазунова, подъ № 2550 (1867 г.) значится: „Записки о южной Руси. П. Кулиша. 2 т. 1856–1857. ц. 3р.—Купи [illegible], подъ [illegible] у букинист, за 40 к. 19 окт. 1888 г. [illegible]

Въ Типографіи Александра Якобсона.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ, говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занятъ преимущественно историческами воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О переводѣ Малороссійскихъ думъ и преданій.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности характеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ сотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что̀ по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводимо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, произведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописаніе и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прийшли́*, *мину́ли*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы*, и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы*, или *ми*, такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образ-

цомъ служитъ для меня наиболѣе общее Малороссiянамъ нарѣчiе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанiя. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссiянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣнiемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *кони*) я выражаю десятиричнымъ *i*.

Буква *е* въ Малороссiйскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссiйски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dérévo*). Но есть въ Малороссiйскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ въ словѣ *зiллє*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многiя Малороссiйскiя слова различаются отъ Великорусскихъ только ударенiемъ, и потому Великороссiянинъ, взявшись читать по-Малороссiйски, безпрестанно

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *При́шла служанка́ отъ со́сѣда.* Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышеніе и пониженіе голоса разскащика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *і*, удареніе не поставлено, это значитъ, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *і*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

Изслѣдованія.

2.

Преданія, легенды и повѣрья.

Жидовскіе откупы до Хмѣльницкаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолнѣровъ съ козаками. (Жолнѣры и и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собой, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмѣльницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣсняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ »права«; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмѣльницкій хитростью добылъ отъ Барабаша »права« и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмѣльницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолнѣры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмѣльницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмѣльницкаго за плѣнныхъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины). Стр. 276.

Хмѣльницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ всѣ деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданѣ Хмѣльницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатью палачами. — Свиданіе съ королемъ). Стр. 114.

Преступленія и казнь Юрія Хмѣльницкаго. (За разореніе отцовской церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазепѣ и Паліи. (Мазепа заложилъ Палія кирпичомъ въ столбѣ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазепино войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазепѣ и Паліи. (Степанъ Плаха [Палій]

Ночной набѣгъ гайдамакъ. (Отаманъ, предъ вступленіемъ въ городъ, »характе́рствовалъ« на успѣхъ. — Вторгнувшись въ домъ Дри́ги, гайдамаки пыткою заставили его выдать имъ червонцы.) Стр. 246.

Наймытъ-гайдамака. (Выраженіе благодарности къ бывшему хозяину.) Стр. 249.

Похожденія гайдамакъ въ Смилой. (Въ первый набѣгъ разграбили за́мокъ и увели съ собой »панну« и »хло̀пца«, но потомъ отпустили. Во второй—разбили, подъ предводительствомъ Вовчка́. Польскій отрядъ.) Стр. 132.

Встрѣча пасичника съ гайдамакою. (Пасичникъ отдалъ гайдамакѣ свою сорочку и накормилъ его. За это гайдамака указалъ ему зарытыя въ землѣ деньги.) Стр. 133.

Месть за имя Жида. (Одинъ гайдамака назвалъ Жидомъ другого и былъ убитъ имъ за это. Товарищи нашли убійцу правымъ.) Стр. 284.

Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ. (Устройство Сѣчи. — Поляки ищутъ гайдамакъ въ монастырѣ. — Гайдамаки отвлекаютъ ихъ слухами о нападеніи на села.—Трусость Польскаго намѣстника при извѣстіи, что гайдамакь не беретъ пуля.) Стр. 279.

Пребываніе Максима Зализняка въ Черкасахъ. (Наружность Зализняка.—Въѣздъ въ за́мокъ. — Гайдамаки разливаютъ водку по базару. — Зализнякъ требуетъ »сапъя́нцевъ.« — Гайдамака овладѣваетъ чужими сапогами.) Стр. 251.

Бѣгство гайдамакъ. (Донцы захватываютъ гайдамакъ въ-расплохъ. — Гайдамаки, уходя по Днѣпру на Запорожье, казнятъ Черкасскаго писаря.) Стр. 259.

О Золотой Грамотѣ. (Преслѣдованіе »благочестія« и сожженіе ктитора въ Мліевѣ. — Игуменъ Мотренинскаго монастыря пишетъ Золотую Грамоту). Стр. 149.

Похожденія гайдамакъ въ Каневѣ. (Гайдамака овладѣваетъ конемъ поселянина. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ.— Крещеніе Жидовки въ Каневѣ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Сўботовскій горшечникъ.—Его схватилъ обманомъ панъ Шéрба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жáботинѣ. (Причиною гайдамачества въ Жаботинѣ былъ Жидъ-арендаторъ, насчитавшій на городовыхъ козаковъ плўтовскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Уманѣ. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гайдамаки велѣли Базиліянамъ пройти по улицамъ и отправить торжественные похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украйнѣ. (Католики обращаютъ »благочестиваго« священника въ уніятство. — »Благочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унію. — Жалобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткою принуждаютъ »благочестиваго« священника къ Уніи. — Возвращеніе »благочестія« на мѣсто уніи.) Стр. 261.

Объ уніи и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго« духовенства. — Принужденіе народа къ уніи.) Стр. 137.

Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и праздникамъ. (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ »благочестія,« такъ точно, какъ прежде посредствомъ уніи.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Калінвщины. (Десяти хатамъ позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиліянахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны поощряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. (Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не принимала земля. — Надпись Царя Петра на камнѣ близъ Савуръ-Моги-

О войнѣ съ Польшею въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Плѣнные Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ героѣ, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затрепетала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — »Грець« въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юра́сь, Домна и Мо́тря, старинные колонизаторы Украйны. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повинностяхъ, урожаяхъ и цѣнахъ въ западной Украйнѣ. Стр. 143.

Странствованіе по тому свѣту. (Обмиравшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, разсказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Всѣ подаянія и пожертвованія, сдѣланныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются »померпіимъ душамъ« на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленыхъ угольяхъ — Разбойникъ переносящій змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ душѣ.) Стр. 303.

3.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ »старшаго князя«-язычника въ »Христіянскую Землю«. Записалъ А. Шишацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жина совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвистачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Буря у Христіянскаго берега. — Сомнѣніе въ могуществѣ и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіянскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіянской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. Записалъ Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Феськѣ Андыбéрѣ, записанная П. Кулишемъ и дополненная варіантомъ М. В. Нѣговскаго. (Козакъ-нетяга гуляетъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабачницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаетъ трехъ Ляховъ, дукъ-срибляниковъ. — Насмѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабачница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ упирается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за умъ и покупаетъ для него кúнву пива. — Степная кабачница велитъ служанкѣ принесть самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося »пьяное чолó« и подала козаку, отворачивая носъ отъ кúнвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремѣть кúнвою объ полъ такъ сильно, что въ кабакѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Насмѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-нетяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лаптями на пóкутѣ. — Потомъ вынимаетъ изъ-подъ полы »позолотúстый недолúмокъ«, гремитъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дуки поняли тогда, что передъ ними не козакъ-нетяга, а Феско́ Гáнжа Андыбéръ, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки мстятъ дукамъ-богачамъ за то, что они захватили всѣ поля и »лýки.«) Стр. 200.

О козацкой жизни. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклинаетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ безпорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записалъ А. С. Аѳанасьевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣснею. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Марусѣ Богуславкѣ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Плѣнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горесть, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью разсказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записалъ П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; но эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и превозноситъ доброту братьевъ. — Выѣхавъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавýръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые собрались къ нему на »темный пóхоронъ«. — Обращеніе къ своей участи и смерть. — Раскаяніе старшаго брата. —

Упрекъ средняго. — Ночлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, что̀ говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О бурѣ на Черномъ морѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третей потопаютъ два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признаютъ вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакѣ Голо́тѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: [1] Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбе́рѣ. — Въ городѣ Киліи Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущею побѣдою надъ козакомъ Голо́тою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ спискѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [пѣвецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ оттѣняющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатыя одежды убитаго врага и воспѣваетъ хвалу Киліинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записалъ П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ всѣ козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Поло́нне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоннаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записалъ М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Копытько [2]: Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: »Не вмівъ ти есй въ Ка́мяньскімъ Подільці пробува́ти« и пр. — Ляхи упрекаютъ Жидовъ въ возмущеніи козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидъ,

---

(1) У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, на стр. 15.

(2) Въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень«, изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не съ зозаками, а »*козакамъ* пятами накива́въ« .) Стр. 223.

О Бѣлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Вислу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Вислѣ ломается подъ бѣгущими ледъ. Козаки топятъ Ляховъ, посмѣваясь ихъ нѣжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 51.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселянъ въ неволю. Записалъ П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записалъ П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 271.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Запрожцевъ захватываютъ въ расплохъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ эсауломъ. — Все имущество гайдамакъ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюри́нскомъ, по поводу разоренія Сѣчи. Записалъ П. Кулишъ). Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная просьба къ Царицѣ. — Горесть Запорожцевъ. — Предложеніе Васюринскаго.) Стр. 321.

Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобзаря. Записалъ П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣстность происхожденія Запорожцевъ. — Похвала Запорожской жизни. — Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 315.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записалъ П. Кулишъ. (Отмѣны противъ думъ, помѣщенныхъ съ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннолѣтія, сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова проситъ Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости. — Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что̀ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные разсказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падокъ на простонародные разсказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе разсказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которою назвучался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною разскащика, которое могло бы служить для меня опорою въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ разсказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводиря́*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ землянаго цвѣта да

обрывки свитки, недоношенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ *въ науку* безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учитъ его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и всѣ неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братіею великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредясь во всѣ стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на днѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украйнѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе геніи, которымъ присвоивалось титло *старéчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слѣпые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу изчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомѣ и Еремѣ*, о *Дворянкѣ*, вышедшей замужъ за *хлибороба*, и тому подобнымъ. Мой кіевскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недовѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго пріучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморщенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человѣкъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на свое убожество, а звуками и содержаніемъ пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержать память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Нищіе нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводиремъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ лихолітте було́, то прийшо́въ чужозѐмець, Тата̀ринъ, и ото́ вже на Вѝшгородъ бъе, а да́лі вже й підъ Кі́евъ підступа́е. А тутъ Миха̀йликъ лы́царь бувъ, да якъ зійшо̀въ на ба́шту да пустѝвъ зъ лука стрілу́, то стріла́ и впа́ла у мы́ску тому́ Тата̀рину. Той скоро сівъ коло скамъі обідати, тілько що поблагословы̀всь ісги, ажъ та стріла́ такъ и встромы̀лась у печѐню.

»Э«, ка́же, »се жъ тутъ е сы̀льний лы́царь!... Пода́йте«, ка́же, »мині того́ Миха̀йлика, то я одступлю.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихолѣтье*, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь (1) Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *печѐню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

(1) Великорусское слово *богатырь* не вполнѣ соотвѣтствуетъ малороссій-

Отъ Кияне шушу́-шушу́, и ра̀дятця: А що̀ жъ? оддаймо!«

А Миха̀йликъ ка̀же: »Якъ оддастѐ ви менѐ, то въ оста́нній ра̀зъ бу́дете ба́чить Золотіі Воро́та.«

Да сівши на коня́, оберну́всь до іхъ да й промо̀вивъ:

»Ой Кия́не, Кия́не, пано̀ве грома́да!
Пога̀на ва́ша ра́да:
Якъ-бй ви Миха́йлика не оддава̀ли,
По́ки світъ со̀нця, ворогѝ бъ Киева не доста́ли!«

Да взя̀въ на ра́тище воро́та, — такъ якъ отъ снопъ свято́го жи́та візьмешъ, да й поіхавъ у Царігра́дъ черезъ Тата́рське військо. А Тата́ре його̀ й не ба̀чять. Отъ, якъ одкрѝвъ воро́та, то чужозе́мці ввали́лись у Киевъ да й пішли́ по́топтомъ.

А ли́царь Миха́йликъ и до́сі живѐ въ Царігра́ді; передъ нимъ

хайлика, такъ отступлю.« Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: »Что же? выдадимъ!« А Михайликъ говоритъ: »Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кіяне*, *Кіяне*, честная *громада!* (1) неразуменъ совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдавали, — *пока свѣтъ солнца*, не добыть бы врагамъ Кіева!« И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святого *жита* (2) — и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и *пошли потоптомъ*.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка: больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Во-

---

скому *лицарь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *лицарю* ближе; но Великорусскій *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссійскаго *лицаря*, именно — сверхъестественнаго могущества, независящаго отъ физической силы и удачи.

(1) Міръ, мірская сходка. — (2) Житомъ называется въ Малороссіи рожь.

стоіть стаканчикъ воды, и проскурка лежить: більшъ нічого не іеть. И Золотиі Ворота стоять у Царіграді. И буде, кажуть, колись таке время, що Михайликъ вернетця въ Кіевъ и поставить ворота на своє місто. И, якъ, идучи хто мимо, скаже: »О Золотиі Ворота! стоять вамъ изновъ тамъ, де стояли«, то золото такъ и засеяе. А якъ же не скаже, або подумае: »Ні, вже не буть вамъ у Кіеві!« то золото такъ и померхне. (¹)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарщины, въ умѣ моего Кіевскаго нищаго сохранилось воспоминаніе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Колись-то, ще якъ Польща панувала, — бо теперъ уже Польщи тілько рукавъ, увесь світъ — свита, а Польщи тілько рукавъ, — Польща хуторъ, — такъ Татаре набігали. Було на-

---

рота стоятъ въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворота! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли«, то золото такъ и засіяетъ. Если жъ не скажетъ, или подумаетъ: »Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!« то золото такъ и померкнетъ (¹).

(*) *Переводъ.*—Когда-то, еще какъ *пановала* Польша—теперь вѣдь отъ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ—*свита*, а Польша — только рукавъ, Польша — хуторъ, — такъ набѣгали тогда Татары.

(¹) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семилѣткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гвоздовѣ, подъ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вя́же людей рука́ми до жёртки ні́зку да ії жене́. Отъ же есть и га́й *Переги́нъ*.

Такъ тоді-то разъ Тата́ринъ та́къ нагна́въ того́ мі́ру, що ії землі ва́жко. Ото́ ночу́ють вонй въ степу́. Такъ ті́й вже до людей говорять: »Чи вже́ жъ між нами нема́ тако́го сильного, щобъ оцю́ сприцю порва́въ, або́ тако́го, щобъ ружже́ замо́вивъ, або́-що? Подава́ймо ми оцю́ мо́ву по всему́ обществу́ изъ конця́ въ кіне́ць, щобъ такъ якъ оце́.....« (¹)

Подалй ту́ю мо́ву, одйнъ по одному́, одйнъ по одному́. Ажъ одйнъ и ка́же: »Я«, ка́же, »розвяжу́ и собі, ії ва́мъ ру́ки, тілько не вйдайте мене́«.

»Не бійся,« ка́жуть, »абй тобі Бо́гъ помага́въ.«

Ото́ вінъ ста́въ навко́лішки, стену́вся, — сприця такъ и тріснула.

»Тепе́ръ же«, ка́же, »одйнъ одно́му розвя́зуйте ру́ки да забіга́йте зъ усіхъ бо́ківъ по частя́мъ та ії кричіть: «Сюдй на́ші! сюдй на́ші! Забіра́й Ту́рка! бий Ту́рка!«

Колй такъ якъ наро́блять крйку, — Ту́рки не стя́мились да

Бывало Татаринъ навяжетъ къ жерди людей и гонитъ. Оттого и лѣсъ зовется *Перегонъ*.

Вотъ однажды Татаринъ нагналъ столько народу, что и землѣ было тяжко. Ночуютъ они въ степи; плѣнники и говорятъ между собою: »Неужели между нами нѣтъ такого, чтобъ разорвалъ этотъ ремень, заговорилъ ружье, или что другое? Пустимъ-ка мы эту рѣчь по всему своему *обществу*, изъ конца въ конецъ, чтобъ такъ какъ вотъ...« (¹) Пустили рѣчь одинъ черезъ другого; вотъ и говоритъ кто-то: »Я«, говоритъ, »развяжу и себѣ, и вамъ руки, только не выдайте меня.« — »Не бойся«, говорятъ: »лишь бы тебѣ Богъ помогъ.« Вотъ онъ сталъ на колѣни, встряхнулся — ремень такъ и треснулъ. »Ну, теперь«, говоритъ, »развязывайте одинъ другому руки, забѣгайте со всѣхъ сторонъ *по частямъ* да кричите: »Сюды наши! сюды наши! Бери Турка! бей Турка!« И какъ этакъ подняли крикъ: го, го! го, го! какъ подняли

(¹) Разскащикъ не нашелъ здѣсь словъ для выраженія своей мысли.

въ-ро́стичъ, а на́ші за ні́ми; побі́ли й порубали, а самі́ додо́му вернулись.«

Заговоривъ о нищихъ слѣпцахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никопе́нкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человѣкъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (¹). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худощавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ акомпанировалъ себѣ на *ли́рѣ* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *ко́бзѣ*, или *банду́рѣ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голоситъ и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни правоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

---

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

(¹) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что̀ онъ зналъ, или помнилъ. Мнѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и разсказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ о́ржицкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голо́тѣ,* ненапечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (1)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такий бувъ зъ-ма́лечку, що разъ хаї проспіва́е, то я ії переймý.

Пе́рше було́ на́шому бра́ту до̀бре: якъ узя́въ па́лицю да струме́нтъ, то й пішо̀въ собі куди́ хочъ; ніхто̀ не пита́въ, хто̀ ти такий и звідки. А тепе́ръ, то вже за свій станъ не ходи́, ато́ за калаву́ромъ приста́влять. Тоді не було̀ сьего́, щобъ жени́тьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. ко́бзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(1) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникахъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ стиховъ.

або-що: нашъ братъ увéсь вікъ ходи́въ си́тиі̆ и вкри́тиі̆. А тепéръ хиба́ въ свою́ ха́ту схова́есся....

Пéрша жі́нка въ менé булá дóбра люди́на. Було́, що зароблю́, то вона́ іі̆ захова́е. Отъ и назбіра́въ рублівъ півтора́ста ([1]), та оцé ха́ту и ґру́нтъ ([2]) купи́въ. Ха́та въ менé дóбра....

При тіі̆ жі́нці одни́хъ сорочóкъ изъ три́дцять нажи́въ. И не пита́въ, и не знавъ, дé вони́ и скільки. Ска́жешъ тілько було́: »Даі̆ білу сорóчку« — вона́ знаі̆де іі̆ дасть. А цé вже леда́що! ([3]) Пóки сиджу́ дóма та стережу́, то іі̆ ціле; а скóро горілки вки́нувъ, або́ одлучи́всь, такъ усé іі̆ перевóдить. Сорочóкъ изъ три́дцять було́ — усé попропива́ла, тó-що. Оцé чвéртку сóли купи́въ ([1]), то за недíлю іі̆ нема́. Богъ ёго́ знáе, якъ мині іі̆ віку дожива́ть. Ста́нешъ ла́ять, — »Я«, ка́же, »тебé, сяки́і̆, таки́і̆ си́ну, запалю́!« Такъ цу́ръ тобі іі̆ пекъ! »Я«, ка́же, »тебé, сяки́і̆, таки́і̆

ато представятъ за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что: нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покрытъ. А теперь развѣ въ своеі̆ хатѣ укроешься отъ непогоды....

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что̀ заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублеі̆ полтораста ([1]), да вотъ и хату, и *грунтъ* ([2]) купилъ. Хата у меня славная....

При тоі̆ женѣ однѣхъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ онѣ и сколько. Скажешь только бывало: »Даі̆ чистую рубаху« — она сыщетъ и дастъ. А это ужъ такая дрянь! ([3]) Пока сижу дома да сторожу, то все и цѣло; а только лишнее выпьешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропила, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку ([4]) соли; смотрю — черезъ недѣлю ужъ и нѣту! Богъ знаетъ, какъ мнѣ и вѣкъ свой доживать. Станешь бранить, — »Я«, говоритъ, »тебя, сякоі̆, такоі̆ сынъ, подожгу!« Такъ ну тебя къ не-

---

([1]) Разумѣется, ассигнаціями. — ([2]) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Пахотная земля въ полѣ *грунтомъ* не называется. — ([3]) Т. е. вторая жена. — ([4]) Четверть пуда.

сіну, покину!« Да ii покіне ледащиця. Отъ и теперъ уже шість неділь нема.... А теперъ знову прителішуетця до мене. Пришла оце вчора: »Очини!«

»А що«, кажу »небого? ще не все рознесла? Изновъ до мене, щобъ изновъ що потягти?«

Мовчить, якъ сатана.

Такъ я взявъ, двері очинивъ: »Де ти була?«

»У дочки.«

»Що жъ ти тамъ робила? де пробула, що ти своє время проходила? А теперъ на зіму до мене? Мині нема ні зимі, ні літа — я завсегда въ роботі. Поздоровъ, Боже, міръ — пропитае мене. А ти де валасалася?«

Прийде та овалашить що-небудь, та ii піиде. Сижу самъ собі въ хаті, граю-граю — ніхто не слухае. Хиба віжечки, верёвочку звить унесе. А теперъ, якъ одробились у полі, до ii того немае.

Надобно замѣтить, что Архипъ Никоненко пособлялъ своему пѣнію ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ ощупью вилъ веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ пеньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

---

чистому! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, брошу!« И точно броситъ негодная. Вотъ и теперь ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту..... А теперь опять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!« — »А что«, говорю, »голубушка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ опять что-нибудь стащить?« Молчитъ, какъ сатана. Вотъ я дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?« — »У дочки.« — »Что же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперь на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зимы, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Дай Богъ здоровье міру — прокормитъ меня. А ты гдѣ шлялась?« Придетъ, стащитъ что-нибудь да и была такова. Сижу одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ кто-нибудь возжи, или веревку свить принесетъ. А теперь, какъ покончили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одноі̆ трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архипъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ:

(*) Хтò жъ се въ мене́ іхъ підчѝстивъ? (1)...Воно́ й берѐ, да не заразо́мъ, а потро́шку. Ві́дно, бере́, да не ду́рень — розу́мний: щобъ я іі не пізна̀въ ще. Са́ме мѐньше, а жмінь шість пропа̀ло. Ой сукиноі шѐльми соба́ки необа́шноі! Колѝбъ мині ёгò піймàть да провчѝть — воно́ бъ тоді одсахну̀лося. Одного́ я провчѝвъ. Отъ, якъ о святóму Миколàі... дай, Бо́же, дожда́ть на тòй годъ... укра́дено въ мене́ не бага́то — пудъ три сàла! Давàй я ськать, давàй ськать, — людéй поіть та випи́тувать; бо такъ нельзя́: ду́рно ніхтò не признàетця.... Послі́дні тенеткѝ розо́брано.... Отъ и найшòвъ. Такъ вінъ хáту та горо́дъ продàвъ, та мині й заплатѝвъ....

Богъ ёгò знàе, до чого̀ мене́ Богъ доведѐ. Якъ не зароблю́, то лежàтиму, по́ки й опу́хну. На Бо́га наді́йся, а Богъ нічòго не дасть. Пра́вда, воно́ й скàзано, що, кáже, робѝ, небо́же, то й

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (1) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобъ я и не узналъ. По малой мѣрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣстная собака! когдабы мнѣ поймать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного этакого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я искать, ну искать, людей поить да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается.... Послѣднее рубище растаскали.... Ну, и нашелъ. Продалъ онъ хату да огородъ, и заплатилъ мнѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведетъ Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и опухну. Правда, оно и сказано: *Робù, небо́же, то й Бо́гъ помòже.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

---

(1) Кто укралъ *коно́плі* (пеньку)?

Бо́гъ помо́же. Хазяйствечко було́, и тѐ ростекло́ся.... До́бре, якъ кому́ е пригле́діть, а якъ нема̀, то не тре́ба тобі нічо̀го, якъ на тобі соро́чка. Ходѝ, по́ки съ хребта̀ спаде́, да тоді дру́гу ськай....

Ту́тъ дітки мале́нькі, а ту́тъ ще й тѝмъ прпстяза́ють: хло̀пець бу́въ годъ чотирна́дцяти, того́ взялѝ, наня́лѝ за поду́шне. Ось оста́лась оця́ Явдо̀шка; пятий годо́къ....Мале́, та якъ що гру́бе ска́жешъ, то цілий день и нема́е. Воно́ й ту́тъ бу́де, два ступні одъ ме́не, та не озвѐтця. Тре́ба й ту́тъ терпіть. Лю́де сердѝтимъ мене́ ро́блять. »Сліпий«, ка́жуть, »та сердѝтий.« Пе́рше годъ два́дцять чу́жихъ найма́въ, щобъ водѝли; ну, а вонѝ не булѝ такі, якъ свої. Хло́пець було́ мій у рівъ у такій увопре́, що ста́ну — са́жень косовий, та й руко̀ю не доста́ну....

Чи воно́ такъ и спѐршу було́, якъ Христо̀съ не народѝвся? Ка́жуть, тоді ні пісѐнь, нічо̀го не зна́ли. А якъ народѝвсь Христо́съ, то кото́рі дога́дливі бува́ли та христѝлись, такъ святѝми ста́ли; кото̀рі жъ плюва́ли, то ка̀мінемъ ста́ли. Звісно, жилѝ якъ звіръ; то які ту́тъ пісні?.....

злось. Хорошо, когда есть кому присмотрѣть, а какъ некому, то не нужно человѣку ничего, кромѣ рубахи. Ходи, пока свалится съ хребта, а тогда ищи другой....

Тутъ маленькія дѣтки, а тутъ еще и тѣмъ прижимаютъ: былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати — взяли да наняли за подушное. Теперь осталась вотъ Явдошка; пятый годокъ.... Малютка, а скажешь что-нибудь грубое, такъ и изчезнетъ на цѣлый день. Она здѣсь же будетъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, да не откликнется. Надо и тутъ терпѣть. Люди меня сердитымъ считаютъ. »Слѣпой«, говорятъ, »да сердитой.« Прежде, лѣтъ двадцать нанималъ я чужихъ дѣтей водить меня, но тѣ не были такъ злы, какъ свои. Мой мальчикъ бывало затащитъ меня въ такой ровъ, что стану, подниму руку — косая сажень, да и рукою не достану....

Такъ ли оно было и прежде, когда Христосъ не родился? Говорятъ, тогда не знали ни пѣсень, ничего. А какъ родился Христосъ, тогда — кто

Про все́ мині байду́же, а ко́бзи якъ-би на неділю не було́, такъ я и го́ри топлю́. А за жінкоюб айду́же. Иноді и въ-ночі вста́ну — гра́ю собі, гра́ю.....

Тепе́ръ, ба́чте, малі старці наста́ли — нічо́го не тя́млять. Стань ёго́ вчи́ть, то воно́ ії слу́хать не хо́че. »Се«, ка́же, »все брехня́ (¹). Ва́ші напотці бреха́ли, и ви́ бре́шете.« А якъ колі́, то, попа́вши на́шого бра́та на шляху́, и попобъю́ть. Яка́ жъ воно́ брехня́, колі́ воно́ такъ и́менно було́? а воні́ не тя́млять, та ще ії на́съ собиваю́ть. Колі́сь та́къ було́, що намъ ка́зано на глу́мъ, а ми беремо́ на у́мъ: що на́че бъ то на шу́тку, а ми все́ заміча́емо....А теперъ прийде до тебе́ вчи́тьця.... Якъ же ёго́ вчи́ть, колі́ воно́.....? Ото́ до́бре було́, якъ ми покі́рні булі́: що намъ ска́же на глу́мъ, а ми беремо́ на у́мъ. Ато́ якъ ви́вчитця, я́къ хліба ви́просить, то ії потя́гне собі... Поса́дить було́ коло се́бе ...такъ якъ оце́ сиди́ть, такъ и я ся́ду. Хоть и не га-

---

понялъ дѣло да крестился, тотъ святымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обратились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жъ тутъ пѣсни?

Все мнѣ ни по чемъ, а кобзы пусть только недѣлю при мнѣ не будетъ, такъ *я и горы топлю* (Богъ знаетъ что̀ готовъ дѣлать). А о женѣ мало мнѣ заботы. Иногда встану и ночью, и всё наигрываю себѣ....

Теперь, видите, малые нищіе настали — ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. »Это«, говоритъ, »все вздоръ (¹). Ваши отцы врали, и вы врете.« А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутя, а мы мотали на усъ.... А теперь придетъ учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? То̀ было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ *на глумъ*, а мы беремъ на умъ. Ато, лишь только выучится, ка̀къ выпросить хлѣба, такъ и побрелъ себѣ.. .. Посадитъ бывало кобзарь меня возлѣ себя.. . такъ вотъ какъ Явдошка сидитъ, такъ и я сяду. Хоть и не хотѣлось тогда слу-

---

(¹) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

ра̀здъ було̀ слу̀хать ([1]), а тепѐръ и тѐ до̀бре, и ті̀мъ зарѐбишъ копійку. Чи ска̀же що, чи ні — терпі̀шъ; а тепѐръ дитѝни рідної не на̀вчишъ, та̀къ у світі наста̀ло. Одѝнъ Богъ, одні люде, да не одна̀ково стано̀вится.«

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его головѣ, сокрушенной горемъ и нуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только всѣ онѣ, кромѣ одной, извѣстны уже печатно. Впрочемъ Архипъ пѣлъ ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь всѣ.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой по̀лемъ, по̀лемъ Килиімськимъ,
То шля̀хомъ бѝтимъ Гордѝнськимъ,
Ой тамъ гуля̀въ коза̀къ Голо̀та.

шать, а теперь и то̀ хорошо, и тѣмъ копейку заработаешь. Скажетъ ли суровое слово — терпишь бывало; а теперь родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всё тотъ же Богъ, всё тѣ же люди, да не попрежнему идетъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ.* — По Килійскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голота. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакѣ

([1]) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страннымъ.

Не боітця ні огня́, ні меча́, ні тре́тёго боло̀та.
Пра́вда, на козако́ві ша́ти дороги́і —
Три семпря́зі лиха́і:
Одна́ недо́бра, друга́ него́жа,
А тре́тя й на хлівъ незго́жа. (1)
А ще, пра́вда, на козако́ві постолі́ вязо̀ві,
А ону́чи китайча̀ні —
Щи́рі жіно́цькі рядня́ні;
Воло́ки шовко̀ві —
Удвое жіно́цькі щи́рі вало́ві. (2)
Пра́вда, на козако́ві ша́пка би́рка,
Зве́рху дірка,
Траво́ю поши́та,
Вітромъ піді́бита,
Куди́ віе, туди́ й провіва̀е,
Козака́ моло́дого́ прохоложа̀е.

То гуля́е козакъ Голо́та, погуля̀е,
Ні го́рода, ні села̀ не займа́е, —
На го́родъ Килію́ погляда̀е.
У го́роді Килиі Тата̀ринъ сиди́ть борода́тий,
По гірницяхъ похожа̀е,

одежа дорогая — три ветхія сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не сто́итъ. На козакѣ лапти вязовые, а онучи китайчатыя — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женскаго *валу* вдвое. На козакѣ шапка баранья — сверху дыра; травою шапка сшита, вѣтромъ подбита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ

Гуляетъ козакъ Голо́та, погуливаетъ, ни города, ни села не трогаетъ, на городъ Килію посматриваетъ. Въ городѣ Киліи Татаринъ сидитъ бородатый. Онъ по горницамъ похаживаетъ, съ Татаркой разровари-

---

(1) Уже́ й закынуть неспосо́бна. *Примѣчаніе пѣвца.*

(2) Коза́къ прибіра́всь на прочу́до; сла́ву свою́ пуска́въ на ввесь світъ. *Пр. п.*

До Татарки словами промовляе:
»Татарко, Татарко!
Ой чи ти думаешъ те, що я думаю?
Ой чи ти бачишъ те, що я бачу?«
Каже: »Татарине, ой, сідий, бородатий!
Я тількі бачу, що ти передо мною по гірницяхъ походжаешъ,
А не знаю, що ти думаешъ да гадаешъ.«

Каже: »Татарко!
Я те бачу: въ чистімъ полі не орелъ літае:
То козакъ Голота добримъ конемъ гуляе.
Я его хочу живцемъ у руки взяти
Да въ городъ Килию запродати,
Ище жъ нимъ передъ великими панами башами вихваляти.
За его много червонихъ не лічачи брати,
Дорогії сукна не мірячи пощитати.«

То тее промовлявъ, — дороге платте надівае,
Чоботи обувае,
Шликъ бархотний на свою голову надівае,
На коня сідае,
Безпечно за козакомъ Голотою ганяе.
То козакъ Голота добре козацький звичай знае, —
Ой на Татарина скрива, якъ вовкъ, поглядае.

ваетъ: »Думаешь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, что я вижу?« — »Нѣтъ, сѣдой, бородатый Татаринъ, я вижу только, что ты по горницамъ похаживаешь, да не знаю, что замышляешь.«

»Я вижу, Татарка, не орелъ въ чистомъ полѣ летаетъ: то козакъ Голота на добромъ конѣ гуляетъ. Хочу я живьемъ его взять и въ городъ Килию продать, хочу похвастать имъ передъ великими панами пашами и набрать за него червонцевъ безъ счету и дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

Сказалъ, и въ дорогое платье одѣвается, въ сапоги обувается, на голову надѣваетъ бархатную шапку, садится на коня и безпечно гоняется за козакомъ Голотою.

А козакъ Голота хорошо козацкій обычай знаетъ; онъ посматри-

Ка́же: »Тата̀рине, Тата̀рине!
На віщо жъ ти ва̀жишъ:
Чи на мою̀ ясне́нькую збро̀ю,
Чи на мого́ коня̀ вороно́го,
Чи на менѐ, козака́ молодо́го?«

»Я«, ка́же, »ва́жу на твою̀ ясне́нькую збро̀ю,
А ще лу́чче на твого́ коня̀ вороно́го,
А ще лу́чче на тебѐ, козака́ молодо́го.
Я тебе́ хо́чу живце́мъ у ру́ки взя̀ти,
Въ горо́дъ Килію̀ запрода́ти,
Передъ вели́кими пана́ми баша̀ми вихваля́ти
И мно́го черво̀нихъ не лічачи набра́ти,
Дороги́і су́кна не міря́чи пощита́ти.«

То коза́къ Голо́та до̀бре зви́чай коза́цький зна́е,
Ой на Тата́рина скри́ва, якъ во̀вкъ, погляда́е.
»Ой«, ка́же, »Тата̀рине, ой сіди́й же ти, борода́тий!
Либо́нь же ти на ро̀зумъ небага́тий:
Ще ти козака́ у ру̀ки не взявъ,
А вже за ёго́ й гро̀ші пощита́въ.
А ще жъ ти міжъ козака́ми не бува̀въ,

ваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: »На что̀ ты, Татаринъ, мѣтишь: на мою ли блестящую сбрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?«

»Я«, говоритъ, »мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще больше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килію, хочу похвастать тобой передъ великими панами пашами и набрать за тебя червонцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

А козакъ Голота хорошо козацкій обычай знаетъ: онъ посматриваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты«, говоритъ, »сѣдой, бородатый Татаринъ! не богатъ, видно, ты умомъ-разумомъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между козаками, не ѣдалъ козацкой каши и не знаешь козацкихъ обычаевъ.«

Козáцькоі кáши не ідàвъ
И козáцькихъ звичàівъ не знàешъ.«

То тée промовлявъ,
На присішкахъ стàвъ,
Безъ міри пòроху підсипáе,
Татáрину гостúнця въ грýди посилàе.
Ой ще козáкъ не примірився,
А Татáринъ икъ лихій мáтері съ конѝ покотився.
Вінъ ёмý віри не доиімàе,
До ёгó прибувàе,
Кéлепомъ міжѝ плечи грімáе,
Колú жъ оглèдитця, ажъ у ёгó й дýху немáе.
Вінъ тоді дòбре дбавъ,
Чòботи Татáрські истягàвъ,
На своі козáцькі нòги обувáвъ;
Одéжу истягàвъ,
На своі козáцькі плèчи надівáвъ;
Бáрхотний шлúкъ издиймàе,
На свою козáцьку гòлову надівáе;
Конѝ Татáрського за поводú взявъ,
У гòродъ Січѝ припáвъ, (1)
Тамъ собі пъе-гулѝе,

Сказалъ и привсталъ на стременахъ; подсыпалъ пороху не мѣрючи и послалъ въ грудь Татарину гостинецъ. Еще козакъ и не прицѣлился, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ однакожъ ему не довѣряетъ, приближается и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣлъ— съ него и духъ вонъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои козацкія ноги надѣлъ; одежду съ него стащилъ и на свои козацкія плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацкую голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за повода и прибылъ въ въ городъ Сѣчь (2). Тамъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славитъ:

---

(1) Бóже! дè ті городú, не знáемо, а бачъ, слáва ажъ òтъ де хòдить! *Пр. и.*

Пòле Килiмське хвàлить-вихваляе:
»Ой пòле Килiмське!
Бодáй же ти літо й зіму зеленіло,
Якъ ти мене́ при нещасли́вiй годи́нi сподобúло!
Дáй же, Бòже, щобъ козакú пилú та гулÿли,
Хорóші мúслі мáли,
Одъ мéне більшу дóбичу брáли,
И неприятеля підъ нòзі топтáли!«

Слáва не вмрè, не поляже,
Отнúнi до вiка!
Дарýй, Бòже, на мнóгi лiта!

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якъ на слáвнiй Украïнi,
Та въ слáвнiмъ гóродi у Крилòвi,
Тамъ жилá старá женà удовá
И мiла въ себé три синù,
Якъ ясні соколú.
Зъ малúхъ лiтъ до велúкого зрóсту (¹) кохàла-годувáла,

»О, будь же ты, Килiйское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки пили да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, непрiятеля ногами топтали!«

(*) *Переводъ.* — На славной Украйнѣ, въ славномъ городѣ Крыловѣ, жила старушка вдова, и было у нeй три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ малыхъ и до совершенныхъ лѣтъ она ихъ лелѣяла, кормила, чужимъ

(¹) Бáчте, до совершéнного умà бъ то. Тàкъ попрóсту вонó. *Пр. п.*

Чужи́мъ рука́мъ на потира́ннє не дава̀ла,
Сла́ви-па̀мяти сподіва́лась.

Ско́ро сині́ порослѝ,
Усі три до ро̀зуму дойшли,
Усі три ко̀ні посідла́ли
И на ри́нокъ Крилівський гуля́ть поіжджа̀ли.
По ри́нку Крилівському проіжджа̀ли.
Ні до́брого, ні худо̀го не вида́ли; (1)
У домівку приіжджа̀ли,
Ой у домі́вці не велѝку за́знобку счини́ли —
Ма́тку старе́ньку зъ двора̀ вигони́ли:
»Иди́ ти, ма́ти, де ѝнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вживати,
Бо бу́дуть, ма́ти, въ насъ, жѐни молоди́і,
Дітки мале́нькиі,
Бу́дешъ ти іхъ прокліна́ти —
Ой не бу́дуть вони́ щáстя й до̀лі собі ма́ти.
Ато́ ти йди де ѝнде пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вжива́ти.«

То ма́ти се зачува̀е,

рукамъ прикасаться къ нимъ не давала, надѣялась оставить по себѣ добрую славу и память.

Когда сыновья взросли и всѣ трое достигли полнаго разума, сѣдлали они коней и выѣзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѣхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать: будутъ у насъ молодыя жены и малыя дѣти, а ты станешь ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѣ въ иное мѣсто проживать и спокойно хлѣбъ-соль кушать.«

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

---

(1) Не знайшли́, ви́дно, съ кимъ ні би́тьця, ні боротьця. *Пр. и.*

Иде́ зъ двора̀, спотика̀етця,
За слёза̀ми світа Бо́жого не вида́е,
Синівъ своіхъ кленѐ-проклина́е:
Бода́й же васъ, сини́ моі, бі́дні вдови́ченки, у по́лі
Поби́ло ра́зомъ три недо̀лі:
Щобъ васъ пѐрва до́ля поби́ла —
Щобъ Богъ хліба не вроди́въ;
А дру̀га до́ля щобъ побила —
Щобъ не ста́ли васъ лю́де зна́ти,
До́бримъ сло̀вомъ поклика́ти;
Трѐтя до́ля щобъ поби́ла —
Щобъ ви у своі́й домівці на промешка́нні щáстя й до̀лі не ма́ли!«

То десь узя́вся близькúй сусіда,
Ма́тку старе́ньку изъ землі піді́йма́е,
Ху́стку свою́ зъ кише́ні винімàе,
Вдові старі́й слёзи втира́е:
»Иди́ ти, ма́ти, до менѐ пробува́ти,
Хліба-со̀ли споко́йно вжива́ти.
Бу́дешъ ти насъ на все до̀бре наущ́ати,
Бу́демъ ми тебе́ шанува̀ти й поважа̀ти.«

То ма́ти йде, спотика̀етця,

свѣта не видитъ, сыновей своихъ проклинаетъ: »Пускай васъ, дѣти мои бѣдныя, постигнутъ въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ въ своемъ житьѣ-бытьѣ счастья-доли не знали!«

Какъ вотъ откуда ни возьмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Поди, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешь у меня спокойно хлѣбъ-соль кушать, будешь насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.«

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свѣта не видитъ. А

За слёза́ми світа Бо́жого не вида́е.
А синъ сиди́ть наймéншиі́, у квати́рку погляда̀е,
Изъ ма́тки старéнькоі насміха̀етця.
»Ой дивітця«, ка́же, »бра́тця:
Либо́нь же на́ша ма́ти стара́ поперéдъ на̀съ у Жи́да-рандаря́ пробува́ла,
До́бру горілку попива́ла:
Не ду́рно йде, спотика́етця: (1)
Підъ плечéмъ пля̀шку несé, або́, мо́же, й дру̀гу.« (2)

То живу́ть сини́ го̀дъ, або два̀, або й трѝ.
За́разъ імъ Богъ погодѝвъ —
У по́лі хлі́бъ не вродѝвъ.
За́разъ дру̀га іхъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли іхъ лю̀де зна́ти,
До́бримъ сло̀вомъ поклика́ти.
Трѐтя до́ля ихъ поби́ла —
Ой не ста́ли вони́ въ домі̀вці на промешка́нні зъ молоди́ми жéнами щáстя й до̀лі собі ма́ти.

То въ неділю ра́но-поранéньку,

меньшой сынъ сидитъ да посматриваетъ въ *квати́рку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жида-арендатора и пила добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрно, подъ мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годъ, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ — въ полѣ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми женами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

---

(1) Вінъ-то ду́мавъ, що до сусіди йде, то вже зъ пляшкою. *Пр. п.*
(2) Онъ за що ёму̀ ста́ло за́пно! *Пр. п.*

Не буйні вітри́ шумі́ли,
Не дрібні дощики накрапа́ли,
Якъ бідні вдовйченки у своéму дворі гомоні́ли.
»Ходімо,« ка́же, »ми, бра́тте, у чужи́й двіръ
Да упадемо́ ма́тері старе́нькій крижѐмъ до ні́гъ.
Поки ми ма́тіръ свою́ поважа̀ли,
По́ти намъ Бо̀гъ годи́въ;
А не ста̀ли ми ма́тки старе́нькоі зна̀ти,
За́разъ насъ пѐрва до́ля поби́ла —
Богъ хліба не вроди́въ;
А дру̀га до́ля насъ поби́ла —
Не ста́ли насъ лю̀де зна́ти,
И до̀бримъ сло̀вомъ поклика́ти;
Трѐтя насъ до́ля поби́ла —
Не ста́ли ми въ домі́вці на промешка́нні зъ молоди́ми же́нами щастя
й до̀лі собі ма́ти.
То йди ти, ма́ти, до насъ, стара́я, пробува́ти,
Споко́йно хліба-со̀ли вжива́ти.
Ми своіхъ бу̀демъ женъ наущàти,
Щобъ на тебе́ не нарі̀ка̀ли.«

То ма́ти стара́я, ой, до Бо́га ру̀ки здийма́е:
«Ой не услишàй, Го́споди, клятьби́ моéі,

частый дождикъ кропилъ: то бѣдные вдовины сыновья на своемъ дворѣ говорили: »Пойдемъ, братцы, на чужой дворъ да падемъ старой матери крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ поръ и Богъ намъ помогалъ; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродилъ; и другая бѣда насъ постигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома счастья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка, къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы станемъ наставлять своихъ женъ, чтобъ тебя не попрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаетъ: »Боже! не внимай

Що я своіхъ синівъ кляла̀-проклина́ла:
У своій голові вели́кий прасу̀нокъ ма́ла.«

За̀разъ імъ Богъ погодѝвъ —
У по́лі хлі́бъ уродѝвъ.
За̀разъ іхъ ста́ли лю̀де зна́ти,
До̀бримъ сло̀вомъ поклика́ти.
Ста́ли вони́ въ домівці на промешка́нні щастє й до̀лю собі ма́ти.

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю ра́но-поране́ньку,
Ой то ра́нніми зоря̀ми,
То не си́ва зозу̀лька закува́ла,
То не дрібна́ пта̀шка щебета́ла,
Якъ сестра̀ до бра́та на чужу̀ чужи́ну
До̀бримъ здоро̀въямъ покланя́лася;
Ой квати́рочку очиня̀ла,
Слова̀ми промовля́ла,
Слёза̀ми рида́ла:
»Бра̀тіку мій рідний,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей: у меня въ головѣ была тогда великая досада.«

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградилъ—въ полѣ хлѣбъ уродилъ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться, и счастливо зажили они до́ма.

(*) *Переводъ.* — Въ воскресенье рано поутру, на зарѣ, не сѣрая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала: то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала. Отворила окно и говоритъ со слезами: »Братецъ мой родной, голубчикъ мой сизокрылой! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи.«

Якъ голу̀бонько си́зий!
Прибу̀дь ти до ме́не,
Одвідай ти ме́не
На чужі́й чужи́ні,
При злі́й хуртови́ні,
При нещастли́вій годи́ні.«

»Сѐстро«, ка́же, »ми́ла,
Роди́но серде́шна!
Не могу̀ я до тебе́ прибува̀ти:
Я прожива́ю за те́мними луга̀ми,
За широ́кими поля̀ми,
За бистри́ми ріка̀ми.«

»Бра̀тіку ми́лий,
Якъ голу̀бонько си́зий!
Прибу̀дь же ти до ме́не.
Те́мниі лу̀женьки ясне́нькимъ соко̀ленькомъ перелети́,
Широ́киі поля̀ мали́мъ-невели́кимъ перепѐлонькомъ перейди́,
Бистри́і рі́ченьки й озе́ра бі́лимъ лебѐдонькомъ перепливи́;
Сядь-пади́ у моі́мъ дворі́ си́вимъ голу̀бонькомъ,
Голо̀вку склони́,
Жалібнѐнько загуди́. (1)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя навѣстить: я живу за темными лѣсами (2), за широкими полями, за быстрыми рѣками.«

»Братецъ мой милой, голубчикъ мой сизокрылой! темные лѣса яснымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди, быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ переплыви; пади сизымъ голубемъ на

---

(1) Богъ ёго́ зна́е, я́къ би то: затужи́ть? *Пр. п.*

(2) Въ подлинникѣ *луга́ми*; но лугомъ называется въ Украинской народной поэзіи и то, что̀ *мы* разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *лугъ*, и лѣсъ, растущій на низменныхъ, прирѣчныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *луга́ми* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Нехай я буду вихождати,
Ой по голосу познавати,
Родиною сердешною назвивати,
И на хлібъ на сіль закликати,
И на здоровъе тебе, брате, буду питати.«

»Сестро«, каже, »міла,
Родино сердешна!
Ой сподівайся мене тоді въ гості,
Якъ будуть о Петрі быстриі ріки-озера замерзати, (¹)
Объ Різдві калина въ лузі процвітати.
Пойди ти, сестро, до тихого Дунаю,
Возьми ти, сестро, піску у білу ручку,
Посій ти, сестро, на камiню:
Коли той буде пісокъ на білому камені зіхожати,
Синімъ цвітомъ процвітати,
Хрещатимъ барвінкомъ біленький камінь устилати,
Разними красними цвитами украшати,
Тоді, сестро, буду до тебе въ гості прибувати,
Твого життя при бідности доглядати.«

»Братіку«, каже, »милий,

моемъ дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимъ сердцу роднымъ, зазову на хлѣбъ на соль и стану спрашивать тебя о здоровьи.«

»Сестра«, говоритъ, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня въ гости, когда о Петрѣ быстрыя рѣки и озера станутъ замерзать, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтать. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, въ бѣлую руку песку, посѣй его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломъ камнѣ, зацвѣтетъ синимъ цвѣтомъ, устелетъ камень крещатымъ *барвінкомъ* и украситъ разными цвѣтами,— тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ въ гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.«

(¹) А Богъ його знає, коли того й дожидать. А будуть, кажуть, колись, замер-

Якъ голу̀бонько си́зий!
Не тепѐръ я на ногàхъ стàла,
Одъ старихъ людéй прѝповісти такої не чува́ла.
Щобъ о Пéтрі бистри́й ріки-озѐра замерзáли,
Щобъ объ Різдві калѝна въ лу̀зі процвітáла,
Щобъ жо́втий пісо̀къ на білому кàмені зіхожáвъ,
Щобъ си́німъ цвітомъ процвітàти,
Хрещáтимъ барвінкомъ білéнький кáмінь устилáти,
Рáзними крáсними цвітàти украшáти:
А лишъ, брáтіку, тебé до віку не сподівáти!
Якъ на прáзникъ хвалéбенъ лю́де до цѐркви йдуть,
Якъ бжілкѝ гуду́ть,
Чужі брáтіки зихожàютця,
Братъ изъ брàтомъ,
Сватъ изъ свàтомъ, (1)
Кумъ изъ кỳмомъ,
Сестрá зъ сестрòю,
Однò зъ одни́мъ схожáетця
И прàзникомъ хвалéбнимъ поздоровля́етця;
А менé плечé зъ плечѐмъ, полá зъ полòю торкáе,
И въ вічи не впдáе. (2)

»Братецъ мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на ноги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтобъ о Петрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ всходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устилалъ бѣлый камень крещатымъ барвинкомъ и украшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братецъ, тебя не дождаться! На *хвалебный* праздникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудутъ, сходится братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалебнымъ праздникомъ, а меня —

зáть річкѝ о Пéтрі. Бу́де, та тілько не за сіхъ людѐй; тоді бу́де, якъ світъ переміиитця. Лю́де перемінятця, и світъ перемінитця. *Пр. п.*

(1) Бачъ, якà бъ ужé тамъ — поду́мать — рідня́: сватъ изъ свàтомъ! *Пр. п.*

(2) Помісь би то не бàчить. *Пр. п.*

Ой якъ у на́шого отця́ та й ма́тки пилѝ та іда́ли,
Тоді насъ и ку́ми, й побратѝми до́бре зна́ли;
А якъ насъ пришйбла недо́бра годи́на,
Одцура̀лась насъ близька́я й дале́кая, вся назва́ная, серде́шная роди́на!
Тя̀жко«, ка́же, »бра́тіку!...
Якъ птѝці перна́тій въ чѝстімъ по̀лі безъ дре́ва ночува́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко живій ри́бі безъ водѝ прожива́ти,
Якъ тя́жко та ва́жко білий ка̀мінь зъ сиро́і землі проти се́бе изня́ти, —
Ой такъ тя́жко та ва́жко на чужій чужи́ні безъ кре́вноі родѝни поміра́ти!«

4.

ДУМА О БУРѢ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ. (*)

Ой якъ на Чо́рному мо̀рі,
Та на білому ка́мені,
Тамъ сиди́ть я́сенъ соко̀ленько,
Смỳтно ма́е,
Жалібне́нько квѝлить-проквиля́е,
На Чо́рнее мо̀ре сья́е,
Далѐко погляда́е,
Що на Чо́рному мо́рю не до̀бре вчиня́е:

хоть плечо плечомъ, полу полой задѣнетъ, — будто и въ глаза не видитъ. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, ѣдали, тогда насъ и кумовья, и пріятели знали, а какъ пришибла злая бѣда, — отреклась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, задушевная родня. И какъ пернатой птицѣ трудно въ чистомъ полѣ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѣ безъ воды дышать, какъ тяжело бѣлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѣ безъ кровнаго родного умирать!«

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, сидитъ ясный соколъ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѣ не добро творится: поднимается

Протѝвну фѝлю зо дна мòря знімáе,
Сýдна козáцькі на три чàсті розбивáе.
Пéрву часть ввірвàло,
Въ гѝрло Дунáйське замчáло;
Дрýгу часть увірвàло,
У зéмлю Орàбську замчáло; (1)
Трèтю часть увірвáло,
Ой не знáло, де подіти,
Серéдъ Чóрного мòря утопѝло.

У тій часті потопáло два братѝ риднéнькі,
Товàриші сердéшні.
Що ні до кого приплинýти,
Опрощèння принѝти.
Ті два братѝ одѝнъ до одногó приплива́ли,
Опрощèнне приймáли
И словàми промовлѝли,
Слёзáми ридáли:
Ой не èсть то насъ, бра́те, на Чóрному мóрі супротѝвна фѝля потопля́е,
А èсть то отцéва-мáтчина молѝтовъ побивáе-карáе.
Намъ отéць-мáти позволѝли одномý въ вíйсько виступáти.
А дрýгому дóма хлíба пахáти.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козацкія суда на три части. Первую часть оторвало и въ Дунайское устье умчало; другую часть оторвало — въ Арабскую землю унесло; третью часть оторвало и, не зная, куда дѣвать, среди Чернаго моря потопило.

Въ той части потопало два родныхъ брата, два сердечныхъ товарища, и не къ кому имъ приплыть, некому принести исповѣдь. Другъ къ другу они подплывали и со слезами исповѣдь творили: »Это, братъ, не противная волна на Черномъ морѣ насъ потопляетъ, — это насъ отцовская и материнская молитва караетъ. Отецъ и мать одному изъ насъ

---

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ:
По-за мòремъ розімчáло.

А то ми, брате, недобре вчиняли —
Обидва коні посідлали,
У військо виступали,
Зъ отцемъ, зъ маткою опрощення не приймали.
Ще матку стареньку зневажали,
Стременемъ у груди одъ коней одпихали.
То ще ми, брате, недобре вчиняли —
Мимо церкви святої проїжджали,
За гордостю, за пишностю зъ главй шлика не здиймали.
На себе хреста не покладали
И Бога милосердного на помічъ не благали.
То ще ми, брате, недобре вчиняли —
По улицямъ добрими кіньми гуляли,
Дітки маленькі кіньми розбивали, (1)
Кровъ Християнську безневинно проливали.
Іхали ми городомъ-улицею,
Тамъ стояли три жени старенькі;
Може, думали та й гадали противъ насъ що добре сказати,
Да ми й тамъ за гордостю, за пишностю противнимъ словомъ одказали.

позволили въ войско вступить, а другому велѣли дома землю пахать: а мы, братъ, нехорошо поступили: осѣдлали коней, выѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стременемъ въ грудь оттолкнули. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и спѣси шапки съ головы не сняли, креста на себя не положили и милосердаго Бога на помочь не призвали. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Христіянскую безъ вины проливали. Ѣхали мы городомъ-улицей; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и спѣси отвѣтили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

---

(1) Колись роскошъ була й такимъ. *Пр. п.*

Не пита́ли цѐркви свято́й
Да пита́ли корчмѝ нові́.
Чужі козакѝ по церква̀хъ молѐбні найма́ли,
А ми у шинку̀ пъемъ-гуля́емъ,
Та́нці-музы̀ки найма́емъ.
Колы̀бъ да̀въ Богъ на суходілъ виступа́ти,
Вже бъ тепе́ръ моглы̀ зна́ти,
Якъ свято́і цѐркви не забува́ти,
Отця-ма́тку шты̀ть и поважа́ти.«

Ста́ли воны̀ отце́ву й ма́тчину молы̀тву сохвалъя́ти,
Ста́ла на Чо́рному мо́рю супротѝвна фѝля утиха́ти,
Ставъ Госпо́дь милосе́рдный і́хъ визволя́ти.
Воны̀ тоді до прѝстані прибува́ють,
За білый ка́мінь рука̀ми хвата́ютця,
На суходілъ висту́па́ють
И слова̀ми промовля́ють:
»Кото́рый чоловікъ отця-ма́тіръ шану́е-поважа̀е,
Богъ ёму̀ милосе́рдный помага̀е;
Кото́рый чоловікъ отця́-ма́тери не шану́е, не пова̀жае,
Нещаслы̀вый той чоловікъ бува́е,
Та̀къ вінъ абы̀-де ма́рне пропада́е.«

заки по церквамъ молебны нанимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку нанимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то теперь мы святой церкви никогда бъ не забывали, а отца и мать почитали.«

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черномъ морѣ противная волна утихать, сталъ ихъ милосердый Господь спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они руками за бѣлые камни, выходятъ на суходолъ и говорятъ: »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому милосердый Богъ помогаетъ; кто жъ отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — нѣтъ счастья тому человѣку! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтѣ!«

5. (1)

ДУМА О БѢГСТВѢ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турѐцькоі,
Да зъ віри бесурмѐнськоі,
Изъ гóрода изъ Озóва не пи́ли-тумани̇ вставáли:
Тікáвъ повчòкъ,
Мали̇й-невели́чокъ, (2)
Тікáло три брáтіки ріднéнькі, (3)
Три товáриші сердéшні.
Два кінниxъ, трéтій піший-піхоти́нець,
За кінними біжи́ть-підбігáе,
Чóрний пожáръ підъ білі нòги підпадáе,
Кровъ слідѝ заливáе,
За стремѐна хватáе,
Словáми промовляе:
»Брáттє ми̇ле, брáттє лю̇бе!
Хоть одѝнъ ви милосéрдє мáйте,
Опрáни кульбáки (4), дòбичъ изъ кóней скидàйте,
Менé, брàта піхоти́нця, міждó кòні беріте,
Хочъ ми̇лю верстъ увезіте
И доріженьку укажіте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: тò уходилъ малый отрядецъ — три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третій за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливаетъ. Хватаетъ онъ за стремена, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогія сѣдла, возьмите меня, пѣ-

---

(1) Се все стародàвні, невóлницькі. *Пр. п.* — (2) Отò вже Богъ ёгó знáе, щò вонó знáчить. *Пр. п.* — (3) Коли́сь-то булó охóтне вiйсько, такъ іхъ усіхъ трохъ и зáбрано. *Пр. п.* — (4) Хтò ёгó знáе, щò то булó такé! *Пр. п.*

Нехай я буду знати,
Куди за вами въ городи Християнськi зъ тяжкоi неволi втiкати.«

То старший братъ згорда словами промовляе:
»Чи подобенство, мiй брате,
Щобъ я свое добро Турецьке на шляху покидавъ,
Тебе, трупъ, на коня бравъ?
Одначе ми сами не втечемо,
Нi тебе не ввеземо.
Будуть Кримцi та Нагайцi, безбожнi бусурмени,
Тебе, пiшого-пiхотинця на спочинкахъ минати,
А насъ будуть кiньми доганяти
И назадъ у Турещину завертати.«

То братъ пiший-пiхотинець за кiнними бижiть-пiдбiгае,
Чорний пожаръ пiдъ бiлi ноги пiдгортае,
Словами промовляе:
»Братте любе, братте миле!
Хочъ одинъ же ви милосердее майте,
Назадъ коней завертайте,
Зъ пiховъ шаблi виймайте,
Минi, брату меншому, пiшому-пiхотинцю, зъ плiчъ голову здиймайте,

---

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажите дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ за вами уходить изъ тяжкой неволи въ города Христiянскiе.«

На это старшiй братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Крымцы да Ногайцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонятъ и воротятъ въ Турецкую землю.«

Снова пѣшiй братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ: »Братья мои милые! пусть хоть одинъ изъ васъ надо мною сжалится: поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.«

У чи́стому по̀лі поховайте,
Звіру-птѝці на потáлу не подáйте.«

То брат старший згорда словáми промовля̀е:
»Чи подобѐнство, брате́, тебе́ рубáти?
Однáче шабля не візьме,
Рука̀ не зведе́тця,
Сѐрце не осмілитця
Тебе́ руба̀ти! (1)
А якъ ти живъ-здоро́въ бу̀дешъ,
Са̀мъ у зе́млі Христия̀нські увійдешъ.«

То братъ найме́нший, пішиӣ-піхоти́нець, за кінними біжи̇ть-підбіга́е,
Слова̀ми промовля́е:
»Бра́ттє ми̇ле, бра́ттє лю̀бе!
Хочъ оди̇нъ же ви милосе́рдее ма́йте,
Бу̀дете до тернівъ, до байра́ківъ прибіга́ти,
Такъ у боки́ забіга̀йте,
Віти терно́ві руба́йте,
По шляху́ покида̀йте,
Мині, бра́ту пішому-піхоти́нцю, на призна̀ку дава́йте.«

То ставъ братъ ста́ршиӣ та середу̀льшиӣ до тернівъ, до байра́ківъ прибіга̀ти, —
У боки́ забіга̀ли,

Опять старшій братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебя не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешься, то самъ придешь въ города Христіянскіе.«

Снова меньшой братъ, пѣшій, за конными подбѣгаетъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одинъ надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставляйте мнѣ, пѣшему брату, примѣты.«

---

(1) Звісно, одна̀ кро̀въ. *Пр. п.*

Віти тернові зелені рубали,
Брату меншому, пішому-піхотинцю, признаку давали.

Да ставъ же братъ наименший, пішиий-піхотинець, до байраківъ прибігати,
Ставъ віти тернові знахожати,
У руки бере,
Къ сєрцю кладе,
Словами промовляе
И слёзами ридае:
»Боже мій милий, Сотворителю небесний!
Видно, то мої братіки сюда зъ тяжкої неволі втікали,
Объ мині велике старанне мали.
Колибъ мині Господь помігъ зъ сиі тяжкої неволі Озівськоі втікати,
Могъ би я своіхъ братіківъ при старості літъ шановати й поважати!«

То ставъ же братъ старший та середульший на полівку избігати,
На степи високі, на великі дороги росхідниі, — (1)
Не стало терпівъ да байраківъ рубати;
До ставъ же братъ середульший до старшого промовляти:

Приближаются старшій и средній братья къ терновымъ буеракамъ, заѣзжаютъ по сторонамъ, рубятъ зеленыя вѣтви, оставляютъ меньшому, пѣшему брату примѣты.

Вотъ меньшой братъ, пѣшій, подходитъ къ буеракамъ и начинаетъ находить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Боже мой милый, Творецъ небесный! сюда-то, видно, мои братья изъ тяжкой неволи уходили и обо мнѣ заботились. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжкой неволи Азовской, — почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!«

Выѣзжаютъ старшій и средній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда средній братъ говоритъ старшему: »Снимемъ-ка, братъ, мы съ себя

---

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ:

На вишчні степи Самарські, на шляхи Муравські избігати.

»Нумъ, бра́те, ми зъ себе́ зеле́ні жупа̀ни скида́ти,
Черво́ну та жо́вту кита̀йку видира́ти,
Пішому бра́ту, ме́ншому, на призна̀ку поклада́ти;
Неха́й вінъ бідний зна̀е, куди́ за на́ми, кінними, тіка́ти.«

До ставъ же братъ ста́рший згорда слова̀ми промовля́ти:
»Чи подобе́нство, бра́те, щобъ я свое добро̀ Туре́цьке на шматки́ дравъ,
Бра́ту ме́ншому на призна̀ки дава́въ?
Якъ вінъ живъ-здоро́въ бу̀де,
Такъ са̀мъ у зе́млі Христия́нські, безъ на́шихъ призна̀ківъ усякихъ, прибу́де.«

До братъ середу́льший милосѐрде ма́е,
Изъ свого́ жупа́на черво́ну та жо́вту кита̀йку видира́е,
По шляху́ стѐле-поклада́е,
Ме́ншому бра́ту призна̀ки дава́е.

То ставъ братъ найме́нший, піший-піхоти́нець, на полівку избіга̀ти,
На степи́ висо́кі, на великі доро̀ги росхідні́і, —
Нема́ ні терни́въ, ні байра́ківъ,
Ніякихъ призна́ківъ.

зеленые *жупа́ны*, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую китайку и оставлять меньшому брату примѣты; пусть онъ знаетъ, куда за нами, конными, уходить изъ неволи.«

На это старшій братъ гордо отвѣчалъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свою Турецкую одежу въ куски рвалъ, для примѣтъ меньшому брату? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Христіянскіе.«

Но средній братъ умилосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупа́на красную да желтую китайку, стелетъ ее по дорогѣ, оставляетъ меньшому брату примѣты.

Всходитъ меньшой, пѣшій братъ на поля, на высокія степи, на большія расходныя дороги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую китайку, — беретъ ее

Ставъ червону китайку да жовту знахожати.
У руки бере,
Къ сèрцю кладé,
Словàми промовляе
И слёзàми ридáе:
»Що не дỳрно жъ ся червóна да жóвта китайка по шляхỳ валяетця:
Либóнь моіхъ брáтіківъ на світі немáе:
'Альбо іхъ порỳбано,
'Альбо іхъ пострèляно,
'Альбо у гордỳ тяжкỳ позáймано!
Колúбъ я мòгъ дóбре знáти,
Що іхъ порýбано, áльбо пострèляно,
Могъ би я въ чúстому пóлі тіла шукáти,
Въ чúстому пóлі поховàти,
Звіру-птúці на потàлу не дáти.«

Однó жъ брáта наймéншого, одно безвіддя,
Дрỳге безхлібъя,
Трéте те, що тúхий вітеръ зъ нігъ валяе. (1)
До Осавýръ-могúли прибувàе,
На Осавýръ-могúлу зіхожáе,
Тамъ собі безпéчне девятого дня спочѝвокъ мáе,

въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Не даромъ красная да желтая китайка по дорогѣ валяется: видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межъ тѣмъ его самаго и жажда, и голодъ одолѣваютъ, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валитъ. Наконецъ приближается онъ къ Савуръ-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятый

---

(1) Що тúхий вітеръ, да й тòй валяе: що вже хочъ би тамъ и тіло іхъ булó (т. е. братьевъ), такъ вінъ не долженъ нічòго рáди дать. *Пр. п.*

Девя́того дня изъ не́ба води́-пого̀ди вжидáе.
Мáло-немнóго спочива̀въ,
Къ ёму́ во̀вці-сірохмáнці нахождáли,
'Орли-чорнокри́льці налітáли, (1)
Въ голо́вкахъ сіда̀ли, —
Хотіли заздалегоди́ живота́ те́мний по̀хоронъ одправля́ти. (2)
Тоді вінъ слова̀ми промовля́е:
»Во̀вці-сірохмáнці, о̀рли-чорнокри́льці,
Го̀сті мої ми́лі!
Хоть мáло-немно̀го обождіте,
По́ки козáцька душá зъ тіломъ розлу́читця.
Тоді бу́дете мині зъ ли́ба чо́рні о̀чи висмика́ти,
Біле тіло коло жо́втої ко̀сті оббірáти,
И комиша̀ми вкривáти.«

Мáло-немнóго спочива̀въ...
Отъ, руками не візьме,
Ногáми не пійде,
И я́сно очи́ма на не́бо не згля́не...
На не́бо взира̀е,

день бѣгства — въ девятый день ждетъ дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чернокрыльцы, садились въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говоритъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черные очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело взды-

---

(1) Я не ба́чивъ, чи чо̀рні кри́ла въ орлівъ. *Пр. п.*

(2) Бо́же, твоя́ во́ля! хто ёго́ повига̀дувавъ, хто ёго́ те́е! Що не мо́жна ви́думать би такъ ніко́му въ світі. — (О словѣ *те́мний*:) Се, бачъ, та́йний: то звіръ да пти́ця. *Пр. п.*

Тя̀жко воздихáе:
»Гòлово моя́ козáцькая!
Бувáла ти у зѐмляхъ Турéцькихъ,
У вірахъ бесурмéнськихъ;
А тепéръ припáло на безвідді, на безхлѝбъі погибáти.
Девя́тий день хліба въ устáхъ не мáю,
На безвідді, на безхлѝбъі погибáю!«

Тутъ тée промовля́въ... не чóрна хмàра налітáла, (1)
Не буйні вітрѝ вінýли,
Якъ душá козáцька-молодéцька зъ тіломъ розлучáлась.
Тоді вóвці-сірохмáнці нахождàли
И óрли-чорнокрѝльці налітàли,
Въ головкахъ сідàли,
Зъ ліба чóрні óчи висмикáли,
Біле тіло коло́ жóвтоі кóсті оббірáли,
Жовту кість по-підъ зелéними яворáми розношáли
И комишáми вкривàли. (2)

А ще ставъ братъ стàршиі да середу́льшиі до річки Самáрки прибігàти, (3)

хаетъ: »Голова моя козацкая! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ; а теперь пришлось тебѣ погибать на безводьи, на безхлѣбьи. Девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погибаю!«

Сказалъ....и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки сбѣгались, и черпокрылые орлы налетали, въ-головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

(1) До смѐрти балáкавъ! *Пр. п.* — (2) Оцé вже одного́ поховàли. *Пр. п.*
(3) Щò тутъ річка Самáрка, чи вжѐ далéко? Ну, да все то чужá землѧ́ колѝсь булá. *Пр. п.*

Ста́ла іхъ те́мна нічка обіймати,
Ставъ братъ ста́рший до середу́льшого промовляти :
»Ста́ньмо, бра́тіку, ту́та, кòні попасімо :
Тутъ моги́ли вели́кі,
Трава́ хорòша
И вода́ погòжа.
Ста́ньмо ту́течка підождімо,
По́ки сòнце обітріе, (sic)
Чи не прибу́де икъ намъ нашъ піший-піхоти́нець.
Тоді на ёго́ вели́ке усе́рдие ма́ю,
Усю дòбичъ скида́ю,
Ёго́, пішого, міждо кòні хвата́ю.«

— »Було́ б̀ъ тоді, бра́те, якъ я каза́въ, хвата́ти!
Тепе́ръ девя́тий дѐнь мину́въ,
Якъ хлібъ-сіль ївъ,
Вòду пивъ,
До́сі й на світі нема́е.«

Тоді вони́ ко́ней пусто́пашъ попускàли,
Кульба́ки підъ себе́ послàли,
Ру́жжя по комишàхъ поховàли,
Безпѐчно спать полягàли,
Світовòі зорі дожидàли.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говоритъ старшій братъ среднему: »Остоновимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могилы большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣхотинецъ. Я бы о немъ позаботился: бросилъ бы всю свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.«

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый день, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его нѣтъ на свѣтѣ.«

Пустили они коней на пастьбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зари, уснули.

Ставъ Бо́жий світъ світа̀ти,
Ста́ли вони́ на ко̀ні сіда́ти,
Черезъ річку Сама́рку у Христия́нські зѐмлі утіка́ти, —
Ставъ братъ ста̀рший до середу́льшого промовля́ти:
»Якъ ми бу́демъ, бра́тіку, до отця́, до ма́тки прибува̀ти,
Якъ ми імъ бу́демъ повіда́ти?
Бу́демъ ми, бра́те, по пра̀вді каза́ти, —
Бу́де насъ отець-ма́ти прокина̀ти;
А бу́демо ми, бра́те, пере́дъ отце́мъ, пере́дъ ма́ткою олга̀ти, —
Такъ бу́де насъ Госпо́дь милосе́рдний и вѝдимо, й невѝдимо кара́ти.
А хиба́, бра́те, та̀къ иска́жемо:
Що не въ одного́ па̀на пробува́ли,
Не одну́ нево̀лю ма́ли,
И ночно́і добі́ зъ тяжко́і нево̀лі втіка́ли,
Такъ ми й до ёго забіга́ли:
»Уста́нь, бра́те, зъ на́ми, козака́ми, зъ тяжко́і нево̀лі втіка́ти!«
Либо́нь-то вінъ та̀къ исказа́въ:
»Тіка̀йте жъ ви, бра́тця,
»А я бу́ду ту̀тъ остава́тьця,
»Чи не бу́ду собі лу́ччого долі-ща̀стя ма́ти.« (1)

Когда жъ стало свѣтать, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Христіянскія земли черезъ рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему: »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то ка̀къ станемъ имъ разсказывать? Скажемъ правду — проклянутъ насъ отецъ и мать; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — покараетъ насъ милосердный Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ: что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью; заѣзжали и къ нему: »Вставай, братъ, уходи съ »нами, козаками, изъ тяжкой неволи.« А онъ будто-бы та̀къ отвѣтилъ: »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

---

(1) Другой кобза́рь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Лекса́ндра Михайлю́къ, пѣлъ такъ:

Не хо̀чу, моя́ вели́ка нево̀ля,
А тре́те — й коня́ не ма́ю.

А бу́де оте́ць-ма́ти помі̀ра̀ти
И бу́демъ грунта́-худо́бу на дві ча̀сті паюва́ти, —
И тре́те між̀ъ на́ми не бу́де міша̀ти.«

Тутъ те́е промовля̀ли,
И не си́зі орли̇̀ заклекота̀ли,
Якъ їхъ Ту́рки-яни̇̀ченьки изъ-за моги́ли напа̀ли, —
Постреля̀ли, порубàли,
Ко́ні зъ до́биччу наза̀дъ у го́родъ, у Туре̇̀щину позаверта̀ли.

Полегла̀ двохъ братівъ голова́ ви̇́ще річки Сама̀рки,
Тре́тя у Оса́уръ-моги́ли.
А сла́ва не вмре̇̀, не поля́же
Одни̇́ні до віка!
А вамъ на мно̀гая літа! (¹)

(*) Отакі старці коли́сь бува́ли (говорилъ Архипъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), таки̇́хъ співа́ли; такъ и люде іхъ люби́ли! А тепе́ръ ёму́ співа̇́й, а воно́ й не слу́хае. Бу-

---

»ливится.« А когда умрутъ отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться наслѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.«

Лишь только онъ сказалъ, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклектали—Турки-янычары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пулями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворъ-могилы; но слава не умретъ, не погибнетъ отнынѣ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ.* — Такіе-то нищіе когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любили! А теперь поешь, и не слушаютъ. Бывало,

---

(¹) Лександра Михайлюкъ пѣлъ:

Дару́й, Бо́же, ми́лості ва́шій и всему́ ві́йську Запоро́зькому на мно́гая літа.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніе въ то время, когда думы пѣлись »Гетманскимъ« и »Запорожскимъ« козакамъ.

ва́ло, въ кого́ ѐ снага́, обі́йде чи два́дцять хатъ, чи три́дцять, а по́слі вѐрнетця додо́му: »Запряжи́, хло́пче, коня́, отъ до тако́го поідь, до тако́го поідь; тамъ мині обіща̀ли.« Поіде хло́пець, такъ по́венъ візъ усёго́ наберé.

Нищая братія въ Малороссіи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Будучи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, Малороссійскіе нищіе занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти всѣ слѣпы. Немногіе поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калѣчеству; еще меньше — по лукавству и охотѣ къ праздношатательству. Лучшіе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдѣ ихъ каждый знаетъ. Города рѣшительно портятъ нравственность нищаго.

Я разскажу здѣсь о моемъ знакомствѣ съ Андреемъ Шутомъ, слѣпымъ пѣвцомъ народныхъ думъ (въ мѣстечкѣ Александровкѣ, Сосницкаго уѣзда Черниговской губерніи), слѣдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдѣлалось мнѣ извѣстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникѣ«. Помѣщенная въ этой статьѣ дума Андрея Шута дала мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ его пѣсень въ историческомъ отношеніи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Натурально, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андреѣ Шутѣ. Мнѣ отвѣчали, что Александровскій бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкій сосѣдъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ другъ дома. Дѣйствительно, не прошло нѣ-

---

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хатъ, а потомъ воротится домой: »Запрягай, *хло́пче,* коня да поѣзжай къ тому и тому; тамъ обѣщали мнѣ.« Поѣдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полонъ возъ.

скольких минутъ, какъ Андрей Шутъ отворилъ дверь въ гостиную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, новешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими человѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шутъ, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашелъ для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шутъ едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слѣпота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усвоивалъ себѣ все, что̀ слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подъигриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмѣ Божіемъ, къ которому естественно прилѣпляется человѣкъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутрень, обѣдень, вечерень, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безпрестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною изъ дому на промыселъ, отвергъ всѣ тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только рукодѣльемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступя въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищіе исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развивъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ религіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

высотѣ. Напримѣръ, Андрей Шутъ такъ разсказываетъ о своемъ участьи въ распространеніи познаніі о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗСКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОБЪ УЧЕНИКѢ ЕГО. (1)

(*) Есть тутъ у насъ у Верхолíссі козáкъ Ми́цъ у прíймахъ. Бага́та вдова̀ тамъ живé, такъ вінъ до іі дочки́ у прíйми и́ приста̀въ. Па́рень роботя̀щий, такъ вона́ іі приняла̀ ёго́ у прíйми. Да скупа̀ собі ба́ба, такъ, щобъ не найма́ть на̀ймита, посила́е зя̀тя па́сти ко́ні. Отъ вінъ и пасé. А тамъ у Верхолíссі обіднíвъ оди́нъ чоловікъ, а въ ёго́ два сини́ и дві дочки́; такъ оди́нъ синъ у людѐй слу́жить, а дру́гого ни́щий, кобза̀ръ узя́въ, Гордій изъ Яду́тъ. За годови́ще півторá цілко̀вого поступи́въ. Вінъ и жи̇въ при тому́ нищому два го́ди. Да старшині трéба було́ пого̀нича, такъ вінъ изиськ̀авъ того́ хло́пця да й наня̀въ на́ годъ. Отъ вінъ и па-

---

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верхолѣсьи козакъ Мыцъ, *въ прíймахъ*. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ *въ прíймы* (зятемъ). Парень работящій, такъ она и приняла его. Только такая скупая баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верхолѣсьи обѣднѣлъ одинъ человѣкъ, и у того человѣка два сына и двѣ дочки; вотъ одинъ пошелъ служить къ хозяину, а другого взялъ къ себѣ нищій, кобзарь, Гордій изъ Ядутъ. Далъ ему на годъ полтора цѣлковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ нищемъ два года. Но старшинѣ нуженъ былъ погоньщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

---

(1) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницкаго уѣзда отличается произношеніемъ *о* на *а* (напр. вмѣсто *коня́*, тамъ говорятъ *каня*) и остраго *і* на *уэ* (напр. вмѣсто *вілъ* — *вуэлъ*). Звукъ *ѣ* произносится тамъ почти такъ, какъ въ Великороссіи, а не за *і*, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссійскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *степовика́*, удержаны мною, какъ въ разсказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

сè кóнеі̆. И Онпкі̆і̆ Мицъ у-кýпі зъ нимъ пасé, да й питàе въ хлóпця: »Ты въ старця́хъ бýвъ?

»Бувъ«, кáже.

»Тебé старці навчѝли Бóгу молі́тьця?«

»А я̀къ же?«

»Якѝ жъ ти молитвѝ знáешъ?«

»Знáю«, кáже, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую*...«

»*А Помилуй мя, Боже?*«

»*И Помилуй мя, Боже*, знаю,«

»Навчѝ менé *Помилуй мя, Боже.*«

»Дóбре.«

Отъ и давàй учѝть: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши*.... По се місто: *и побѣдиши*. И далóсь ёмý пійтѝ на косовѝцю. Кóсять и горілку пъють, вже звісно. И трéба ёмý похвалѝтьця томý старшині!

лошадей. И Оникій Мыцъ пасетъ вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваетъ мальчика: »Ты въ нищихъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебя нищіе молиться Богу?« — »А какъ же?« — »Какія жъ ты молитвы знаешь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Боже, Вѣрую*....« — »А *Помилуй мя, Боже?*« — »И *Помилуй мя, Боже*, знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Боже.*« — »Хорошо.«

Вотъ и началъ учить: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши*.... До сихъ поръ: *и побѣдиши*. И случись ему

»Твій«, ка́же, »челяди́нець вели́кого сто́іть: вінъ уміе Бо́гу моли́тьця, и мене́ навчи́въ.«

Що́ жъ? дава́й изъ его́ и зъ того́ хло́пця сміятьця: »Ко́ні пасу́ть, и Бо́гу молитьця у́чатця!« ...Хло́пець послі сего́ го́ді да й го́ді вчить, и не сіда́е коло его́ — стиди́тця. Такъ и зоста́всь Оники́й: *и побі́диши*, а більшъ и не вмівъ Бо́гу моли́тьця; моли́вся тілько кусо́чокъ.

Отъ я разъ пришо́въ до его́ те́щи за ми́лостинею, а вінъ седи́ть на ла́ві да во́вну бъе. Вінъ и кушнірську робо́ту зна́е. Поздорови́въ дне́мъ.

«Спаси́бу, діду. Сядь, погомони́; давно́ я тебе́ ба́чила.«

Я сівъ.

»Чи не гріхъ«, ка́жуть, »сего́дні робить?« [А тоді чи Сорока́ Му́чениківъ було́, чи Олексія Бо́жого Чоловіка.]

»Да мо́же«, кажу́, »не бу́де Олексій гніватьця.«

Изняли́ яку́сь річъ про святе́. А Оники́й у Чепіги, въ коза́ка, у Киселі́вці во́вну бивъ: а въ Чепіги си́нъ и ону́къ пись-

---

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »*челядинецъ* дорогой человѣкъ: онъ умѣетъ Богу молиться, и меня научилъ.« Что́ же? всѣ принялись надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!«... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учить, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и остался Оникій: *и побѣдиши*, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостынею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣетъ выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днемъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексѣя Божьяго Человѣка.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексѣй не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Оникій у козака Чепиги

мѐнниі, дакъ вінъ одъ іхъ де-що чувàвъ, да й почàвъ роскá-зувать.

Я слýхавъ–слýхавъ... »Ні«, кажý, »Онпкію, се не тàкъ бу-лó, а òсь якъ. Ось якъ Богъ світъ создáвъ, òсь які святі бу-лú. Тп дýмаешъ, я на тѐ кажý, щобъ ти мині мúлостиню більшу давъ? Ні, вонó йменно такъ булó. Отъ спитàй и въ отцá Геóргія.«

Тоді вже вінъ гóді роскáзувать да давàй питáть у менѐ. Да идучú у неділю до цéркви, и зàйде до менѐ въ хáту, и давàй про-сить менé: »Навчú менé *Помилуй мя, Боже.* Я знáю тілько ось пóки: *и побідúши.*«

»Вонó«, кажý, »велúке, не скóро нàвчисся.«

»Да мóже такú нàвчимось.«

[А ёмý вже літъ трúдцять бýде.] Давàй я ёгó вчить. Прокажý стихъ, словъ дѐсять, чи що, вінъ іхъ и твердúть цілий тѝждень; а въ неділю знóвъ до менé зàйде. Оце булó осіннёго врѐмя, Пилú-півкою, прúйде изъ Верхолісся — пòлемъ да горòдами навпрос-тéць — ще й півні не проспівáють: »Щé не дзвонúли до ýтрені?«

въ Киселевкѣ перебивалъ шерсть; а у Чепиги сынъ и внукъ грамотные, такъ онъ кое-что слыхалъ отъ нихъ, — вотъ и началъ разсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ«, говорю, »Онпкій, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какіе были свя-тые на свѣтѣ. Ты думаешь, я для того тебѣ разсказываю, чтобъ ты мнѣ бóльшую милостыню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгія.« Тогда ужъ онъ полно разсказывать, да началъ у меня распрашивать. Вотъ, идучи въ церковь, въ воскресенье, и заходитъ ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилуй мя, Бо-же.* Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побѣдиши.*« — »Она«, говорю, »длинна, эта молитва; не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажу ему стихъ, словъ десять, что ли, — онъ и твердитъ ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье опять ко мнѣ заходитъ. Бывало осенью, въ Филиповъ постъ, придетъ изъ Верхолѣсья — полемъ да напрямикъ огородами — и пѣтухи еще не пропоютъ: »Еще не звонили къ зау-

»Ищѐ не ско̀ро ії бу̀дуть. Сіда̀й.«

И я̀ встану. Я на ла̀вці сплю, — такъ, напра̀во.

»Ну, діду, прока̀зуй *Помилуй мя, Боже.*«

Отъ я її прока̀зую, поки до цѐркви задзво̀нять. И до цѐркви йдучѝ, усе́ про се саме́е гово̀римо.

И вже тепе́ръ не пропу̀стить не одноеі слу̀жби, не у̀трені. 'Иноді тѐща его̀ й ла̀е: «Чого̀ такі̀ тобі знаії до цѐркви ходить? Ми жъ такі̀ не ходѝли разъ у разъ. Тілько було̀ понесѐ па̀ску. Да й то жилѝ и хлібъ іли.«

»А на̀ що жъ«, ка́же, »сі церкві̀ и все те слу̀жѐние и сла̀ва Госпо̀дня, колі́ намъ не ході́ть того̀ диві̀тьця да слу̀хать?«

То-то не да̀рмо, ма́буть, чита̀етця: ***Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.***

Такъ проповѣдывалъ Андрей Шутъ, сидя на креслѣ, которое стоитъ именно для него у двери гостинной добраго отца Георгія. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выраженій, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографіи всѣ отступленія, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разсказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогалъ ему моими вопросами высказы-

---

тренѣ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Садись!« И самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мнѣ ***Помилуй мя, Боже.***« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. И въ церковь идучи, всё объ одномъ и томъ же толкуемъ.

И ужъ теперь не пропуститъ онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Иной разъ теща и бранитъ его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходить? Мы не ходили же всякой разъ Только бывало снесетъ мужъ освятить пасху, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ ѣдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все служеніе, и слава Господня, если не ходить намъ смотрѣть и слушать?« То-то, не даромъ, видно, читается: ***Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея.***

ваться. Въ этомъ старикѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни нахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга; онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говоритъ, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не ***селюка́мъ*** чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро съѣхали на историческія думы. Андрей Шутъ отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что̀ творилось на свѣтѣ въ-старину, и хранитъ ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоцѣнные памятники народной словесности: о ***Вдовѣ и ея сыновьяхъ;*** о ***Га́нжѣ Андыбе́рѣ;*** о ***Хмѣльницкомъ и Барабашѣ;*** о ***Хмѣльницкомъ и Василѣ Молдавскомъ;*** о ***смерти Богдана Хмѣльницкаго*** и объ ***Ивасѣ Вдови́ченкѣ (Коновче́нкѣ)***. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго (¹). Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ ненапечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Ѳй чи гара́здъ, чи до̀бре нашъ гетьма́нъ Хмелні̂цькій учинивъ,
Що зъ Ляха́ми, зъ мостйвими пана́ми, у Білій Це́ркві замирйвъ?

(*) *Переводъ.* — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмѣльницкій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церкви помирился? Онъ

(¹) »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велівъ Ляха́мъ, мости́вимъ пана́мъ, по козака́хъ, по мужика́хъ ста́-
ціею стоя́ти,
Да не велівъ вели́кои ста̀ціі вимишля́ти.
То ще жъ то Ляхи́, мости́виі пани́, по козака́хъ и по мужика́хъ ста́цією
поста̀ли,
Да вели́кую ста̀цію вимишля́ли.
Одъ іхъ ключі поодбира̀ли,
Да ста́ли надъ іхъ дома́ми господара̀ми.
Хазя́іна на конюшню одсила́е,
А самъ изъ его́ жоно́ю на подушка̀хъ почива́е.

То коза́къ, альбо́ мужи́къ изъ конюшні приходжа̀е,
У квати́рку погляда́е —
Ажъ Ляхъ, мости́вий панъ, ищѐ зъ его́ жоно́ю на подушка̀хъ опочива́е.
То вінъ оди́нъ осьма́къ у карма́ні ма̀е,
Піиде зъ тоски́ да зъ печа̀лі у каба́къ да й то̀іі прогуля́е.
То Ляхъ, мости́вий панъ, одъ сна устава́е,
'Юлицею йдѐ,
Каза́въ би якъ свиня̀ нескре́бена попе́реду у́хомъ ведѐ,
Ище́ слу́хае-прослуха̀е,
Чи не су́дить его́ де коза́къ, альбо́ мужи́къ...

велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоемъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и размѣстились Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоемъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяина Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваетъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваетъ. Такъ онъ и послѣдній *осьма́къ* (восемь злотыхъ) въ кабакѣ съ тоски, съ печали пропиваетъ.

Встаетъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаетъ ли его гдѣ-нибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ кабакъ, и кажется ему, что

У кабáкъ ухождáе, —
То ёму́ здаéтця, що ёго́ козáкъ мèдомъ шкля́нкою, або́ горілки ча́ркою витáе,
Ажъ ёго́ козáкъ межѝ очи шкля́нкою шмагáе,
Іщé стиха словáми промовля́е:
»Эй Ляхи́ жъ ви, Ляхи́,
Мости́виі пани́!
Хотя́ жъ ви одъ насъ ключі поодбирáли,
И стáли надъ нашими домáми господарàми....
Хотя́ бъ ви на нáшу кумпàнію не нахождáли.«

Тогді жъ козакѝ стáли у рàді, якъ малиі діти;
Одъ своіхъ рукъ листѝ писáли,
До гетьмáна Хмелни́цького посилáли,
А въ листáхъ прописували:
»Пáне гетьмáне Хмелни́цький,
Бáтьку Зинóвъ нашъ Чигирѝнський!
Зà що ти на насъ таки́і гнівъ положи́въ?
Нà що ти на насъ таки́й ясиръ наслáвъ?
Ужé жъ ми тепéръ не въ чому́ вòлі не мáемъ:
Ляхи́, мости́виі пáни́, одъ насъ ключі поодбирáли
И стáли надъ нáшими домáми господарàми.«

Тогді-то Хмелни́цький листи́ читáе,

козакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меду, или чаркой водки; а козакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли!«

И собрались козаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмѣльницкому: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій, отецъ нашъ Зиновій Чигиринскій! за что̀ ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стиха словами промовляе:
»Эй козакй, діти, друзі, небожата!
Підождіте ви мало, трохи, небагато, —
Якъ одъ святоі Покрови до світлого триднévного Воскресення.
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде наша вся голота рясна.«

Тогді-то панъ Хмелницький добре дбавъ,
Козаківъ до сходъ сонця у походъ випровожавъ
И стиха словами промовлявъ:
»Эхъ, козакй, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украіну прибувайте,
Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубайте,
Кровъ іхъ Лядську у полі съ жовтимъ пескомъ мешайте,
Віри святоі Християнськоі у поругу не подайте!«

Тогді Ляхи, мостивиі пани, догадливи бували,
Усі по лісахъ, по кущахъ повтекали.
То козакъ и лісомъ бежить,
А Ляхъ за кущемъ и лежачи дрижить.
То козакъ Ляха за кущемъ знажождае,
Келепомъ межи плечи наганяе

Читаетъ Хмѣльницкій письма и говоритъ: »Эй, козаки, дѣти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наступитъ красная весна, тогда вся наша голь пріодѣнется.«

Тогда панъ Хмѣльницкій выслалъ въ походъ козаковъ до восхода солнца и говорилъ имъ: »Эхъ, козаки, дѣти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украйну, рубите Ляховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ Ляшскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святой Христіянскою вѣрой!«

Спохватились тогда Ляхи, вельможные паны, и всѣ разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжитъ, а Ляхъ и лежа за кустомъ дрожитъ. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И сти́ха слова̀ми промовля́е:
»Эй Ляхи́ жъ ви, Ляхи́,
Мости́виі пани́!
Го́ді жъ вамъ по-за кущ̀ами валя́тьця,
Пора́ до на́шихъ жіно́къ на опочі̀вокъ ити́.
Уже́ на́ши жінки́ и подушкѝ поперебива́ли,
Васъ, Ляхівъ, мости́вихъ панівъ, ожида́ли.«

Тогді-то Ляхѝ козаківъ рідними брата̀ми узива́ли:
»Эй, козаки́, рідниі бра́тці!
Коли́бъ ви до́бре дба́ли,
Да насъ за Ві̀слу річку хоть у одни́хъ сорочка̀хъ пуска́ли!«

Оттогді-то Ляха́мъ Богъ погоди́въ,
На Ви́слі річці лідъ обломи́въ.
Тогді козаки́ Ляхівъ рятова̀ли —
За па̀тли хвата́ли
Да ще й да̀лі підъ лідъ підпиха́ли,
И сти́ха слова̀ми промовля́ли:
»Эй, Ляхи́ жъ ви, Ляхѝ!
Мости́виі пани́!
Коли́сь наши діди́ надъ сі́ею річкою козакова́ли
Да въ сій рі́чці ска̀рби похова́ли.

номъ въ спину и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вельможныхъ пановъ, поджидаючи.«

Тогда Ляхи козаковъ родными братьями называли: »Эй козаки, родные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Вислу рѣку хоть въ однѣхъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. Тогда козаки Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подъ ледъ пихали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то наши дѣды надъ этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ бу́дете ска́рби находи́ти,
Бу́демъ зъ ва́ми попола̀мъ ділúти,
Тогді бу́демъ зъ ва́ми за рідного бра̀та жи́ти.
Ступа́йте! тутъ вамъ доро́га одна̀—
До са́мого дна̀.«

Дума Андрея Шута, помѣщенная въ »Этнографическомъ Сборникѣ«, напечатана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣшностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностію въ Александровкѣ, помѣщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелни́щини,
Якъ одъ Хмелни́щини да до Бря̀нщини,
Якъ одъ Бря́нщини да й до сёго̀ жъ то дня,
Якъ у землі кралéвській да добра̀ не було́:
Якъ Жиди́-ранда́ри
Всі шляхи́ коза́цьки́ зарандова́ли,
Що на одній ми́лі
Да по три шинкѝ станови́ли.
Станови́ли шинки́ по долѝнахъ,
Зво́дили що́гли по висо̀кихъ моги́лахъ.
Ще́ жъ то Жиди́-ранда́ри
У тому́ не переста̀ли:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.«

(*) *Переводъ*. — Отъ Куми́вщины до Хмѣльниччины, отъ Хмѣльниччины до Брянщины, отъ Брянщины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды всѣ козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шесты по высокимъ курганамъ.

На сла́вній Украі́ні всі коза́цьки торгѝ заорандова́ли
Да бра́ли ми́то-проми́то:
Одъ возово́го
По півъ-золото̀го,
Одъ пішого-пішениці по гри дѐнежки мі́та бра́ли,
Одъ небора́ка ста̀рця
Бра́ли ку́ри да я́йця,
Да ище́ пита́е:
»Ци нема́, ко́тикъ, сцѐ цого́?«

Ище́ жъ то Жиди́-ранда́ри
У тому́ не переста̀ли:
На сла́вній Украі́ні всі коза́цьки церквѝ заорандова́ли.
Кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити̇ну появи́ти,
То не йди̇ до попа́ благослови́тьця,
Да пійди́ до Жи̇да-ранда́ра, да поло́жъ шоста́къ, щобъ позво́ливъ цѐркву
одчини́ти,
Ту́ю дити̇ну охрести́ти.
Ище́ жъ то кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити̇ну одружи́ти,
То не йди̇ до попа́ благослови́тьця,
Да пойди́ до Жи̇да-ранда́ра да поло́жъ би́тий та́рель, щобъ позво́ливъ
цѐркву очини́ти,
Ту́ю дити̇ну одружи́ти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкіе рынки, и брали мытъ отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яицы, да еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голубцикъ, есце цего?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику дитя, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи *шестакъ* (шесть злотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окрестить. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить, дочь замужъ выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Іще́ жъ то Жиді-рандáри
У тому́ не перестáли:
На слáвній Украі́ні всі козáцьки рѐки зарандовáли.
Пе́рва на Самàрі,
Дру́га на Саксàні,
Трѐйтя на Гнилій,
Четвѐрта на Пробо́йній,
Пя́та на рі́чці Ку́десці.
Кото́рий би то козáкъ, альбо́ мужи́къ схотівъ ри́би влови́ти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти,
То не йди́ до пáна благослови́тьця,
Да пійди́ до Жида-рандáра да поступи́ ёму́ чàсть оддáть,
Щобъ позво́ливъ на рі́чці ри́би влови́ти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.

Тогді жъ то оди́нъ козáкъ ми́мо кабáкъ идѐ,
За плечи́ма мушкѐтъ несé,
Хо́че на рі́чці утя̀ вби́ти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.
То Жидъ-рандáръ укварти́рку поглядàе,
На Жидівку свою сти́ха сло́вами промовля́е:
»Эй Жидівочко жъ моя́ Рáся!
Щò сей козáкъ ду́мае, що він у кабàкъ не всту́пить,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славной Украйнѣ всѣ козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гнилой, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Ку́дескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормить жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормить.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить. А Жидъ-арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! чтò этотъ козакъ вздумалъ? чтò онъ не зайдетъ

За де́нежку горілки не ку́пить,
Мене́, Жи́да-ранда́ра, не перепро̀сить,
Щобъ позво́ливъ ёму́ на річці утя̀ во́йти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді-то Жидъ-ранда́ръ стиха підхождàе,
Козака́ за пàтли хвата́е.
То коза́къ на Жи́да-ранда́ра ско́са, якъ ведмідь, погляда́е,
Ище́ Жи́да-ранда́ра мости́вымъ пàномъ узива́е:
»Эй Жи́ду«, ка́же, »Жи́ду-ранда́ре,
Мости̇вий па́не!
Позвòль мині на річці утя̀ во́йти,
Жінку свою́ зъ дітьми покорми́ти.«

Тогді Жидъ-ранда́ръ у каба́къ вхождàе,
На Жидівку свою́ сти́ха словàми промовля́е:
»Эй Жидівочко жъ моя Рàся!
Буть мині тепе́ръ у Білій Це́ркві наста́внимъ рàвомъ:
Назва́въ мене́ коза́къ мости́вимъ пàномъ.«

Тогді-то у святи́й боже́стве́нний день у четвертòкъ,
Якъ Жиди́-ранда́ри у Білую Цѐркву на сеймъ збира́лись,
Оди́нъ до одного́ сти́ха словàми промовля́ли:

въ кабакъ купить за денежку водки и меня попросить, чтобъ я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и дѣтей покормить?«

Потомъ Жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ на него съ-искоса, какъ медвѣдь, посматриваетъ и Жида-арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: »Эй Жидъ-арендаторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить.«

Воротился Жидъ-арендаторъ въ кабакъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рася! Быть мнѣ теперь въ Бѣлой Церкви *наставнымъ равомъ*: назвалъ меня козакъ вельможнымъ паномъ.«

И собирались Жиды-арендаторы, въ святой божественный день четвертокъ, на сеймъ въ Бѣлую Церковь, собирались и говорили меж-

»Эй Жиди жъ ви, Жиди-рандари!
Що теперъ у васъ на славній Украіні слишно?«

»Слишенъ«, говорить, »теперъ у насъ гетьманъ Хмелницький:
Якъ одъ Білоі Церкви да до славного Запорожа
Не така стоіть Жидівська сторожа.«

Тогді озоветця одинъ Жидъ Оврамъ
[У того бувъ невеликий крамъ, —
Тілько шпильки да голки,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дуривъ козацьки жінки]:
»Эй Жиди жъ ви, Жиди-рандари!
Якъ изъ Низу тихий вітеръ повіне,
Вся ваша Жидівська сторожа погине.«

Тогді жъ то якъ у святий день божественний у вовторникъ
Гетьманъ Хмелницький козаківъ до сходу сонця у походъ виправлявъ
И стиха словами промовлявъ:
»Эй козаки ви, діти, друзі!
Прошу васъ, добре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руський *Очинашъ* читайте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! что слыхать у васъ на славной Украйнѣ?«

»Слышно«, говорятъ, »у насъ про гетмана Хмѣльницкаго: уже отъ Бѣлой Церкви до славнаго Запорожья не по-прежнему стоитъ Жидовская сторожа.«

Отозвался тогда Жидъ Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — только шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Днѣпромъ и обманывалъ козацкихъ женъ]: »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуетъ изъ Низу (т. е. изъ Запорожья) тихій вѣтеръ — погибнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмѣльницкій до восхода солнца высылалъ козаковъ въ походъ и говорилъ имъ: »Эй козаки, дѣти, друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте отъ сна, читайте Русскій

На сла́вну Украіну прибува́йте,
Жидівъ-ранда́рівъ у пѐнь руба́йте,
Кро̀въ ихъ Жидівську у по́лі зъ жо́втимъ пескомъ меша́йте,
Віри своеі Христия́нськоі у пору́гу не пода́йте,
Жидівському ша́башу не польгу̀йте.«

Отогді-то всі Жиди́-ранда́ри дога̀дливи бува́ли,
Усі до го́рода Поло́нного повтека̀ли.
Тогді-то Хмелни́цький на сла́вну Украі́ну прибува̀въ,
Не одного́ Жи́да-ранда́ра не застава̀въ.
Тогді-то Хмелни́цький не пи́шний бува́въ,
До го́рода Поло́нно́го прибува́въ,
Одъ своіхъ рукъ листи́ писа̀въ,
У го́родъ Полонно́го подава̀въ,
А въ листа́хъ пропи̇сувавъ:
»Эй Полоня̀не, Полоня́нська грома́да!
Коли́бъ ви до̀бре дба́ли,
Жидівъ-ранда́рівъ мині до ру̀къ пода́ли.«

Тогді-то Полоня́не ёму́ одписа̀ли:
»Па̀не гетьма́не Хмелни́цький!

Отче нашъ, приходите на славную Украйну, рубите Жидовъ-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ желтымъ пескомъ ихъ Жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей Христіянской вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.«

Спохватились Жиды-арендаторы и всѣ ушли въ городъ Полонное. Пришелъ Хмѣльницкій на славную Украйну и не засталъ въ ней ни одного Жида-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ и къ городу Полонному. Тамъ писалъ письма и посылалъ въ городъ, а въ письмахъ говорилъ: »Эй, Полоняне, *Полонянская громада*! хорошо бы вы сдѣлали, когдабъ Жидовъ-арендаторовъ мнѣ выдали.«

На это Полоняне ему отвѣчали: »Панъ гетманъ Хмѣльницкій! хоть

Хоть бу́демъ оди́нъ на одному̀ лягáти,
А не мòжемъ тобі Жидівъ-рандáрівъ до рукъ подáти.«

Отогді-то Хмелни́цький у дру̀гий разъ листи́ писáвъ,
У го́родъ Полоннòго подавáвъ:
»Эй Полоня̀не, Полоня̀ньска громáда!
Нехорòша вáша рáда.
Есть у мéне одна́ пу̀шка Сиротá —
Одчи̇нятця вáши залізни широ́ки воротá.«

Тогді-то якъ у святи́й день божествéнний четвертòкъ
Хмелни́цький до схо́ду сòнця уставáвъ,
Підъ го́родъ Полянòе бли́жей прибувáвъ.
Пу́шку Сироту́ упереду̀ постановля́въ,
У го́родъ Поляно́го гости́нця подавáвъ.
Тогді-то Жиди́-рандáри
Го́ркимъ гòлосомъ заволáли:
»Эй Полоня̀не, Полоня̀нська громáда!
Коли́бъ ви дòбре дбàли,
Одъ Пòльщи ворóта одбивàли,
Да насъ за Ви́слу річку хочъ у одни́хъ сорочкáхъ пускáли!
То бъ ми за річкою Ви́слою пробувàли,

ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а Жидовъ-арендаторовъ тебѣ не выдадимъ.«

Хмѣльницкій написалъ къ нимъ въ другой разъ: »Эй Полоняне, Полонянская громада! неразуменъ совѣтъ вашъ. Есть у меня пушка Сирота — отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.«

И вотъ въ святой Божій день четвертокъ всталъ Хмѣльницкій до восхода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинецъ. Тогда Жиды-арендаторы горькимъ воплемъ завопили: »Эй Полоняне, Полонянская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Будемъ мы жить

Да собі дітѐй дожида̀ли,
Да іхъ до̀брими ді̀ла̀ми науща̀ли,
Щобъ на коза̀цьку Украіну и криві̀мъ о̀комъ не погляда̀ли.«

Отогді-то козака̀мъ у го̀роді Полоно̀зі да̀на во̀ля на три часа̀ съ полові̀ною:
»Пі̀йте-гуля̀йте,
Коло̀ Жидівъ-ранда̀рівъ собі здо̀бу хоро̀шу ма̀йте.«

Тогді-то козакі̀ у го̀роді Полоно̀зі пѝли-гуля̀ли,
Здо̀бу хоро̀шу собі коло̀ Жидівъ-ранда̀рівъ ма̀ли;
Обра̀тно на славну Украіну прибува̀ли,
Очерто̀мъ сіда̀ли,
Сребро̀ й зла̀то на три ча̀сті паёва̀ли:
Пѐрвую часть на Покро̀ву Січову̀ю да на Спа̀са Межѝгорського одда̀ли,
Дру̀гу часть на меду̀ да на оковѝтіи горільці пропива̀ли:
Трѐйтю часть межд̀о собо̀ю, козака̀ми, паёва̀ли.
Тогді-то не оді̀нъ коза̀къ за па̀на гетьма̀на Хмелницкого Бо̀га просѝвъ,
Що не оді̀нъ Жидівський жупа̀нъ зносѝвъ.«

Я провелъ двое сутокъ въ Александровкѣ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутомъ. Пересказать всѣ

за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на козацкую Украйну даже не взглянули косо.«

И дана была тогда козакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жидовъ-арендаторовъ.«

И козаки въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидовъ арендаторовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Украйну, садились въ кружокъ и дѣлили серебро-золото на три части; первую часть на *Сѣчевую Покро̀ву* и на Межигорскаго Спаса отдали, другую на меду да на хорошей водкѣ пропили, а третью между собой раздѣлили. Не одинъ козакъ тогда молилъ Бога о панѣ Хмельницкомъ, одѣваясь въ Жидовскіе кафтаны.

нашп бѣседы нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленье и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіантовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человѣкъ, живущій въ Петербургѣ, человѣкъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слыхалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шутъ. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что̀ съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто ища чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, упирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли наговориться вдоволь, или лучше сказать — наслушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шутъ здравствуетъ донынѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этого пожелаютъ, вмѣстѣ со мною, всѣ цѣнители Малороссійской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоцѣнныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ, извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

нія высшимъ настроеніемъ ума, или рѣдкимъ благодушіемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленіямъ. Я вспомню здѣсь нѣсколькихъ слѣпцовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козакъ Семенъ Юрче́нко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзе́нскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишась зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощію пріемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствіи онъ прозрѣлъ безъ пособія медицины, но мнѣ не случалось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Ми зъ жінкою — нехáй легко ій души! — прожилú до стáростей своíхъ. А дідизни булó довóлі — вíчнии покóй прéдкамъ и дідáмъ! — и къ томý ужé прижилú. А дітóкъ намъ Богъ не давъ. Дакъ отó ми зъ бáбою ій порáдились. Такъ вонá ій кáже: »Щò жъ то, стáрий? тобі è пóмічъ, а мині немà.«

»Постій, бáбо, оженю́, такъ и тобі пóмічъ бýде.«

Да отó ій оженúли. Отъ и бáбі е пóмічъ. Прáвду кáжуть: ***Що рáда, то не зрáда.*** А вонú, слáва Бóгу, дóбри — ищé не огризáютця. А якъ що не тàкъ, то не я втéрплю да ій скажý; а якъ

(*) *Переводъ.* — Мы съ женой — легко будь ея душѣ — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой предкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтокъ намъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посовѣтовались. Она и говоритъ: »Что жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, женю пріемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Богу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что не по-моему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

міжъ собо́ю заведу́тця, то я й ціпуру̀ покажу́; »Ось я«, кажу́, »васъ помирю́!«

А умремо́, то й бу̀де імъ худібчина.

*

Спаси́бі вамъ за ягідки́! Понесу́ для вну̀ківъ. (1)

»Чи вони́ жъ тебе́ жа̀лують?« (2)

А я̀къ же? Прѝде до мѐне да ся̀де на колінахъ:

»Діду̀сечку, голу̀бчику! сліпѐсенький!» да й обниме.

»Да ну, йдіть!«

»Э, ні, діду́сечку, ми тебе́ жа̀луемъ.«

Да якъ ся̀де на колінахъ, то й сѐрце радіе.

А другі́ ду́рні: »Чого́ вінъ іхъ жа̀луе? чи вони́ его́ діти?

А я імъ: »Дура́чество ви гово̀рите! Чоловікъ пта́шку пойме, на ру́ку поса́дить да й ра́дуетця; а то жъ таки́ Християнѝнъ, свое́ рідне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я васъ помирю!« А умремъ, такъ имъ и останется хозяйствейцо.«

*

Спасибо вамъ за ягодки! Снесу внукамъ (1). »А они тебя любятъ?« (2) — Какъ же? Придетъ комнѣ, сядетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голубчикъ! слѣпенькой!« и обниметъ. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣдушка, мы тебя любимъ.« И какъ сядетъ на колѣняхъ, то и сердце радуется. А глупые люди: »Зачѣмъ онъ любитъ ихъ?« говорятъ: »развѣ они его дѣти?« А я имъ: »Что̀ за вздоръ вы говорите! Человѣкъ поймаетъ птичку, посадитъ на рукѣ и радуется; а это вѣдь Христіянинъ, свое родное.«

---

(1) Внуками онъ называетъ дѣтей своего пріемыша.

(2) Вопросъ собесѣдника.

Исторія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малороссійскаго поселянина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разсказѣ.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му рóку. Тогді въ Полщі зробилась завирюха. Міжъ Полщакáми и дóбри люде есть, да чáсомъ діло нишкомъ рóблять. Отъ и вийшовъ укáзъ зобрáть Малороссийськихъ козаківъ. То насъ и зобрáли въ Чернігові въ 1790-му гóді; а 1791-го и 1792-го у Киеві вже лáгерами стояли. Изъ трехъ губéрень насъ нáбрано дéвять тисячъ. Я й знáю, якъ Потёмкинъ набирáвъ насъ. Вінъ бувъ пéрвымъ совітчикомъ у Государини; а Речéтниковъ бувъ начáлникомъ. Ну, такъ оцé насъ бувáло що неділі смóтрить. На страженні вінъ багáцько війська потерявъ; про ёгó пролóжена й пісня:

Ой Потёмкинъ генерáлъ
Мнóго війська потерявъ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ поднялась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда изподтишка дѣло затѣваютъ. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малороссійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Кіевѣ. Изъ трехъ губерній набрали насъ по девяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смотръ каждую недѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженіи, такъ про него сложили и пѣсню:

Ой Потемкинъ генералъ
Много войска потерялъ....

А Государиня — сказано жінóщина — вона ёмý те ії простила. Вінъ сказавъ іїі: »Государиня Екатеріна Алексіевна! нехáїі други комáндують іми, а позвóльте изъ трёхъ губéрніїі чи́стихъ мині Малороссиянъ набрáть.« Отъ вонá—нехáїі царствуе—и позвóлила. Вінъ изъ трёхъ губéрніїі и набрáвъ дéвять ти́сячъ, и изъ Хвастовèць ти́сячу. Отъ ми ви́шли въ Кіевъ. А тамъ Дніпръ манасти́ръ Ви́дубськиїі підри́завъ, и погребі́ булі́ одкри́ти. То старші́і ії кáжуть: »А щò, козакі́! кáша ости́ла—до буряки́въ« Отъ ми тогді до буряківъ, да въ котлі́. Тогді жъ я заслабівъ и остáвся въ обóзі. Отъ Потёмкинъ першъ смотрівъ у Чернігові все віїсько. Піхóта жъ махнýла, а пóки ми прибулі́, вінъ ужé пересмотрівъ и махнýвъ у Петенбýрхъ. Егó потрèбували туди́. Ажъ ось—трèба!—укáзъ и пришòвъ: »Помèръ Потёмка, помèръ!« А Леванúдовъ же тепéръ владіе віїськомъ, и Речéтниковъ, и говòрять: »Щò намъ робúть изъ оцімъ кòрпусомъ? Чи ёгó по повкáмъ розбúть — такъ велúка сúла — чи щò«? И послáли укáзъ до Цари́ці. А вонá ії одписáла: »На вáсъ оддаюсь, на вáше сум-

---

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей сказалъ: »Государыня Екатерина Алексѣевна! пускай командуютъ ими другіе, а мнѣ позвольте набрать изъ трехъ губерній чистыхъ Малороссіянъ.« Она — царство ей небесное — и позволила. Онъ и набралъ изъ трехъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Днѣпръ подрѣзалъ Выдубицкій монастырь, и погреба были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что, козаки? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва смотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Пѣхота поспѣшила къ нему, а пока мы прибыли, онъ ужъ кончилъ смотръ и махнулъ въ Петербургъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда ужъ войскомъ стали командовать Леонидовъ и Кречетниковъ, и говорятъ: »Что намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбить ли его по полкамъ — такъ сила велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царицѣ. А она отвѣчала: »Отдаюсь на

лѐппе. Того́ вже нема̀, кому́ я позво́лила зобра̀ть.« А воні́ ії роз-суді́ли — нехаїі царствують: »Пусті́ть іхъ у госпо́ду. Па́ні од-служи́ли, тепе́ръ пусті́ть іхъ на свобо́ду, де хотя̀ прожи́ть, — тілько однодво̀рцівъ; а наймитівъ по повка̀мъ, бо ска́же: »Я своє́ одслужи́въ.«

Ото́ жъ ми ї пришли̇ у Кіевъ 1793-го го́ду...уже́ не трѐба, за-мирі́лось усе́. Тілько Нащо́кинъ... Я его́ знавъ и на рунду́ку́ сто-я̀въ на часа̀хъ. Разъ иде́ у ві́ступцяхъ и сертуку́ — а бувъ чоло-вічокъ собі невели́чкий, старѐнький — я и зроби́въ на калаву́ръ, а вінъ гово́рить: »Не на̀да, голу́бчикъ.« А вінъ не при кавалѐрії, не що. Отъ, якъ роспусти́ли насъ, то вінъ и зложи́въ муні́цію въ магази́ни. А тогді жъ то потре́бували въ По́лщу и попівъ, щобъ пра́вить по *благоче́стию* для Поля́ківъ, скілько іхъ приверну́лось. Ми жъ ото́ ви́шли нічч у на майда́нъ, щобъ позво́дно... А про́тивъ насъ Астраха̀нський повкъ. Отъ и пішли̇ командува́ть: »Пали́!«... Тріс ь! тамъ тріс ь! Астраха́нськпй повкъ тріс ь! До то́го дотріска-лись, що за ру́лю немо́жна було́ взя́тьця, та̀къ розогрілась. Ми

васъ, на вашу совѣсть. Нѣтъ ужъ того на свѣтѣ, кому я позволила со-брать.« Вотъ они и разсудили — царство имъ небесное: »Отпустить домой. Послужили Царицѣ, теперь отпустить ихъ на свободу; пускай живутъ, гдѣ пожелаютъ, — но только одпихъ однодворцовъ; а наемни-ковъ — по полкамъ, ато скажетъ иной: »Я свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Кіевъ въ 1793 году... уже не нужно, все утихло. Только Пащокинъ... Я его зналъ и стоялъ на крыльцѣ у него на часахъ. Разъ онъ идетъ въ туфляхъ и въ сертукѣ — а былъ онъ че-ловѣчекъ небольшой, старенькой — я и сдѣлалъ на-караулъ, а онъ го-воритъ: »Не надо, голубчикъ.« На немъ не было ни кавалеріи, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммуницію въ магази-ны. А въ то время потребовали въ Польшу и поповъ, чтобъ служили по *благочестію* для Поляковъ, сколько ихъ обратилось. Вышли мы на вы-гонъ ночью, чтобы позводно... А противъ насъ Астраханскій полкъ. Вотъ и пошли командовать: »Пали!«... Хлопъ! тамъ хлопъ! Астрахан-скій полкъ хлопъ! До того дохлопались, что нельзя было взять рукою за

жъ холости́ми заря́дами стреля́емо, а изъ Астраха́нського які́йсь бойнимъ — тілько зззъ! зззъ! почала́ зи́згать ку́ля. Якъ холости́мъ заря́домъ, то воно́ тілько тріснe; за́разъ вже знать. Отъ ми стоімо́ да й ду́маемъ: »Ту́тъ уже́ додо́му бъ то ско́ро йти, а ту́тъ о́сь яке́ ли́хо!« Ту́тъ за́разъ нача́льники постерегли́ да: »По́лно! по́лно!« Ото́ ми й розійшли́сь. А и тоді не безъ за́ідівъ було́: не дали́ намъ за треть го́да жа́лования.

Пришо́въ же я додо́му. Ну, нічого таіть гріха́: треба засва́татьця одружи́тьця. Бо́гъ же зна, коли́ бу́де тре́ба, бо однодво́рці пови́нни були́, якъ ука́зъ при́де, знòвъ буть на місті. А братъ ка́же: »Я за те́бе послужу́.« Така́ согла̀ска вже.

А тутъ донесли́ Госуда́рині — неха́й царству́е — що стрілка́мъ не о́ддано жа́лования. Отъ вона́ й приписа́ла: »Одда́ть жа́лованне!« Ажъ ту́тъ Левани́довъ кричи́ть: »Пода́й стрілко́въ! пода́й Малороссійскихъ стрілко́въ!« То тутъ ки́дай и пече́не, й варе́не. Левани́довъ: »Пода́й стрілко́въ! въ По́лщі зно̀въ закуёвдилось.«

стволъ, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвистѣли пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узнаешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы идти, а тутъ вонъ какая бѣда!« Но начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за треть года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: нужно было засвататься, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козаки: вѣдь однодворцы обязаны были опять быть на мѣстѣ, лишь только придетъ указъ. А братъ и говоритъ: »Я послужу за тебя.« Такъ, видите ли, условились.

А тутъ и донесли Государынѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричитъ: »Подавай стрѣлковъ! подавай Малороссійскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Подавай стрѣлковъ! въ Польшѣ опять заварили кашу.« Вотъ

Отъ же й моіму брату пти́ бъ служи́ть, такъ немо̀жна: Левани́довъ приписа́въ: »Безъ моеі відоми щобъ не переміня́лись. Чи сліпи́й, чи криви́й, щобъ були́ налѝчно«. Ба́ба моя́ — тогді ще молода́ — кла̀няетця: »Бра̀тіку, соко̀лику! идѝ ти переміни́!« А я ёму̀ іі тогді ще каза́въ: »А що̀ жъ, якъ не піідешъ? хазяйку засмути́шъ и вѝгонишъ. Вона́ на те́бе бу̀де пла̀катьця.«

Отъ и списа́ли на бума́гу да въ Борзну̀. А въ Борзні Миха́йло Васи́левичъ Часни́къ комиса̀ромъ бувъ. Пришли́ до ёго́ зъ бума́гою. А вінъ бувъ невели́чкий, да грубнѐнький. »Голу̀бчики«, ка́же, »не на́ша си́ла. Сохра́нь Бо̀же переміня́тьця! Генера́ли ка́жуть — немо̀жна.«

Мы й пішли́ — нічого роби́ть — пішли́ въ Черніговъ. Намъ и перекли́чка есть, а брати́ за на́ми йдуть, якъ бурла̀ки. Губерна́торъ ка́же: »Не могу́ я изроби́ть нечо̀го.«

Отъ ми зъ Чернігова поверну̀ли въ Ки́евъ. Брати́ ка́жуть: »Э, бра́тця! ви насъ до убитку доведетѐ. Ми додо̀му піідемъ.«

моему бы брату и идти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобъ не перемѣнялись; слѣпой, или хромой — чтобы всѣ были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколъ! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и прежде говорилъ ему: »Что̀ же, если ты не пойдешь? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзну̀. А въ Борзнѣ Михайло Васильевичъ Часни́къ былъ коммиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого росту, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Боже сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и перекличка, а братья идутъ за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кіевъ. Братья говорятъ: »Эхъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше домой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Что̀ же дѣлать? мы васъ не нево-

»Ідіть«, ка́жемъ. »Щò жъ робúть? ми васъ не сúлуемъ.«

А въ мого́ бра́та нóви чòботи. »На«, ка́же, »бра́те, тобі сі чóботи, а мині дай старèньки.«

»Ні«, кажу́, »бра́те; ти до́ма не роздобу́дешъ, а я тутъ безъ чобітъ не бу́ду.«

Інши жъ пішлú, а дру́ги оста́лись зъ на̀ми. А мій братъ ка́же такú: »Учú мене́ свого́ артику́лу, щобъ мене́ послі не бúли.«

Ажъ ото́ почу́ли, що мòжна зминя́тьця. Пита̀ють мого́ бра́та: »Ра̀дъ Бо́гу и Госуда́рині служúть?«

»Радъ, ва́ше високопроисходúтелство.«

И записа̀ли его́.

Отъ ми вже бъ то й росхòдитьця, ажъ тутъ даганя́ють: »Постóйте жъ, ище́ не іідіть, бо такъ не дійдете.«

И далú намъ бума̀гу.

Якъ далú ту бума́гу, тогді у насъ изъ бра́томъ сѐрце зомліло. И радъ, и сму̀тно на душі. Самъ уго́ру пішо̀въ, а его́ на́че притопта̀въ. Се́рце отта́къ и отта́къ! Питаю: »Щò, братко́? якúй я?«

»Білий. А я, братко́?«

»И тú білий.«

лимъ.« А у моего брата новые сапоги. »Возьми«, говоритъ, »братъ, себѣ эти сапоги, а мнѣ дай старенькіе.« — »Нѣтъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешь, а я тутъ безъ сапогъ ходить не буду.« Иные ушли, а другіе остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не били.« Какъ вотъ услышали, что можно одному идти вмѣсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Богу и Государынѣ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходительство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ догоняютъ: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сердце и заныло. И радъ, и грустно на душѣ. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѣ. Сердце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что, братецъ? каковъ я?« — »Блѣденъ. А я, братецъ?« —

Ну, щò жъ роби́ть? Пішли́ до Дніпра́, взяли́ горілки, поцілува́лись, попроща́лись: »Ідіть собі зъ Бо́гомъ!«

А тутъ (до́ма) люде сказа́ли, що обоіхъ візьмуть, то ма́ти ле́дві хо́дить, а жінка тілько що жи́ва. Ска́зано, баба́мъ повірили.«

Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя подробности о послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, показывающія, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНІЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костю́чка бувъ кроле́мъ у По́льщі. И стари́й бувъ, ка́жуть, да ка́верзникъ вели́кий. А якйй ка́верзникъ? Поса́дять у клітку, а вінъ и втечѐ. То давъ прика́зъ: »Сю нічъ порізать або́ поколо́ть постоя́льцівъ; а хто не згу́бить, тому́ само́му го́лову зруба́ть.«

А въ одного́ бувъ ку́мъ изъ на́шихъ. Пришо́въ додо́му... зві-

---

»И ты блѣденъ.« Ну, что же дѣлать? Пошли къ Днѣпру, купили водки, и цѣловались, простились. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А тутъ (дома) люди сказали, что обоихъ насъ запишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, бабамъ повѣрили.

(*) *Переводъ.* — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужъ былъ, говорятъ, да большой пройдоха. Посадятъ его въ клѣтку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколоть постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замирйлось, то бувъ на гулянці абò-що, — ажъ хазяїнъ смутнйй, все здихáе.

»Чогò се ти, кýме, смутнйй такйй?«

»А що жъ?« кáже, »намъ всімъ прикáзано оттáкъ и тàкъ зробйть. То повечéрай, збирàй мунйцю да и втікàймо обйдва.«

То той положйвъ лóжку — ужé наївсь! — да до своѓо товàриша: Оттакá й такà річъ!

»Щò ти кáжешъ! ходімъ до порýтчика.«

Отъ зàразъ барабáнъ збòръ. Хто вечéравъ, лòжку кйдавъ, за мунйцію. Хто спать лігъ, вставàвъ; хто кудй гулàть пішòвъ, и тòй прибігъ. Отъ, примірно, Більмачівка недалèко, то й почýла барабáнный гáласъ; Ивáнгородъ, абò Хвастовці недалèко, и тàмъ чýють, що тревóга, збирáются й собі въ похóдъ; а Борзнá, такъ трйдцять верстòвъ, такъ тамъ нечýтнò булó барабáна, то й вирізано всіхъ нáшихъ.

Отъ тутъ ужé давàй збирáть козаківъ. Прихòдимъ у Кйевъ, ажъ тамъ ужé пòвни шпаковні. Де Андрéй Первозвàнний, то й тàмъ іхъ пóвно у лёхáхъ. Отó, щò імъ робіть? Стáли вонй реш-

---

вѣстно, смирное время, такъ онъ былъ на пирушкѣ, что ли; приходитъ — хозяинъ что-то невеселъ. »Что̀ это ты, кумъ, такъ невеселъ?« — »Что̀ же?« говоритъ, »намъ всѣмъ приказано то-то сдѣлать. Такъ поужинай, собирай аммуницію и уйдемъ оба. »Тотъ положилъ ложку — ужъ и наѣлся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. »Что̀ ты говоришь! пойдемъ къ поручику.« Вотъ тотъ-часъ забили сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибѣжалъ. Вотъ, примѣрно, Бѣльмачовка недалеко, то и услышала барабанный бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалеко — и тамъ слышатъ тревогу, собираются и себѣ въ походъ; а Борзна́, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышно барабана — и вырѣзали всѣхъ нашихъ.

Давай наши собирать козаковъ. Приходимъ въ Кіевъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванный, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Что̀ съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

тантами. Було поженуть чоловіка пятнадцять на Дніпръ палі бить, піїде жъ пятнадцять чоловіка, а чоловіка сімъ приде. Тягнуть залізну бабу, щобъ убивать палі, а далі й сами бовть у воду своєю волею! бо вмирать — вмирать. Генераламъ кажуть, що оттакъ и такъ: Поляки топлятця; а вони: »Катъ іхъ бери, нехай топлятця.«

Іхъ брали на допросъ (1). »А що жъ?« кажуть, »ми не по своїй волі: король велівъ, шляхта.«

2.

ПРЕДАНІЕ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Комишники тиі жили по комишахъ и очеретахъ. Було иде чумакъ, то вискочать, обдеруть да й були такиі. Ото разъ идуть чумаки, отъ іхъ два вискакуе. Одинъ ратище на дорозі встромивъ и кричить: »Одъ возівъ, чортя!«

Бывало погонятъ ихъ человѣкъ пятнадцать къ Днѣпру бить сваи; человѣкъ пятнадцать туда пойдетъ, а человѣкъ только семь воротится назадъ. Тянутъ желѣзную бабу, которою вколачиваютъ сваи, а потомъ бултыхъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладываютъ генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Катъ ихъ бери, пускай бросаются.«

Призывали ихъ къ допросу (1). »Что же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: король, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идетъ чумакъ, они выскочатъ, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идутъ чумаки, какъ и выскочили двое. Одинъ воткнулъ копье на дорогѣ и кричитъ: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Всѣ молодцы такъ и разбѣ-

---

(1) По дѣлу возстанія.

Усі парубкй такъ и порозбігались; а отаманъ и зоставсь.

»Тй отаманъ?«

»Я«, каже.

»Давай грошп.«

»Що жъ«, каже, »люде добри? ми йдемо підъ хуру, то де въ насъ тйі грошп?«

«Брешешъ, вражнй сйну!«

И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шкуру піднявъ — нема. Вінъ до другоі. А отаманъ чумацькпй, Товстуха, собі ума прибирае, що ему робить. Вйнявъ двйло, а гайдамака до его. Дакъ и то не худопахолокъ: якъ ударить! »Эй«, каже, »сюдй!«

Отъ хлопці позбігались, потрощйли імъ ноги на гамузъ да й покйдали.

»Ой, братці, доколіть насъ!«

»Ні, якъ заробйли, такъ и одвічайте.«

У чумаківъ колеса товстйі; то въ колесахъ було попродовбуе диркй, да тудй гроши положить, да й позабивае гвіздками; то его хоть якъ хочъ нехай разбивае, а гроши е.

жались, а отаманъ и остался. »Ты отаманъ?« — »Я«, говоритъ. »Давай деньги.« — »Что же«, говоритъ, »добрые люди? мы веземъ кладь, такъ что у насъ за деньги?« — »Лжешь, вражій сынъ!« И началъ искать, искать въ возахъ. Приподнялъ одну шкуру — нѣту. Онъ къ другой. А чумацій отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой парень: какъ хватилъ его! »Эй«, говоритъ »сюда«! Тогда молодцы сбѣжались, изломали имъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!« — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбитъ чумака камышникъ, а деньги цѣлы.

3.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стоя́ли ми въ Кі́еві, то я зъ другі́ми стра̀жъ держа́въ. Міжъ на́ми булі́ Запоро́зці въ холодні́ці. Ста́ршії Запоро́жець у залізахъ седи́ть, а товари́ство въ колодка̀хъ. Ста́ршії здоро́вії, оттакі́ї! да й то̀ не худопахо́лки.

А Запоро́зці во̀льни лю́де булі́. Ка́же: »Хочъ до крові нехаї бъю́тця, а колі́ до насъ нема̀ про́зьби, то ми й не помага̀емъ«. За те, що іхъ изъ степівъ проганя́ли и добува̀ть не позволя́ли, то кошові́ї розсѐрдився, що одъ іхъ увесь стѐпъ одбира́ли и завоѐвувать не позволя́ли. Тогді імъ такі́ и тіснійше ста́ло, бо вередова̀ть почалі́. А воні́ на̀шії Царі́ці служи́ли. До іхъ и зъ на̀шихъ утіка́ли, бо тамъ вольнійшъ було́.

Отъ оцеі старші́ї и товари́ство підмовля́ли до себе Моско́вського карабинера; а той не пішо́въ, да своімъ офицѐрамъ и объяви́въ, то іхъ и позабира́ли. То було́ говорить: »У насъ отта̀къ, ба́тькови

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли мы въ Кіевѣ, то я съ другими козаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожецъ сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ этакой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пускай дерутся, а когда къ намъ нѣтъ просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошевой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тѣснѣе таки стало, потому что начали буянить. А они нашей Царицѣ служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было воли.

Такъ этотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабинера, а тотъ не поддался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелалъ — ступай къ

діти, діялось: колі́ зажела̀въ, ступа̀й до насъ; а ні, сказа́въ: »Мині й ту́тъ до́бре служи́ть Бо́гу й Цари́ці за віру »Християнську,« а не підво́дь!«

А на ёму̀ оде́жа сла̀вна: штани́ оксами́тни чо̀рни, ку́ртка зелѐна, а ша̀пки не ба̀чивъ, — и не надіва̀въ (вінъ), пра̀вду сказа̀ть.

Оце́ за нимъ хо̀димо, калау̀римо, а вінъ намъ ка̀же: »Щò ви, ба̀тькови діти, хо̀дите за мно́ю? Ви бъ три дні надо мно́ю стояли, ви бъ ду̀мали, що я передъ ва̀ми, а я Бо̀гъ зна́е, де бувъ би!«

Да було́ своі̀му̀ това́риству, що въ холодни́ку́, гласъ и оддаѐ: »Седіть«, ка́же, »хло́пці; ви шутку̀йте, шутку̀йте, да ждіть ладу̀, по́ки бума̀га при́йде зъ по́вку. Поба̀чимъ, хто винова̀тъ: чи ми, що підмовля̀ли, чи вінъ, що насъ підъя̀бедивъ. Не пога̀не мо́ре, що соба́ки хле́пчуть: не пога̀ни й лю̀де, що підъ прика̀зомъ седя̀ть.«

А вони́, сказано, седя̀ть у калау̀рні; іхъ и на робо̀ту зъ решта̀нтами не вигани̇ли. Тутъ и ло̀жечко для пра̀порщика. То який Запо-ро́жець: »Отъ увяжіть мене́«, ка́же, »въ мішо́къ, чи встережетѐ мене́, що мене́ бережете́?«

намъ, а нѣтъ — говори: »Мнѣ и тутъ хорошо служить Богу и Царицѣ за Христіянскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одежа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говоритъ: »Что вы, *батьковы дѣти*, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передъ вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!« И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, что сидѣли въ холодной: »Сидите« говоритъ, »ребята: шутите себѣ да дожидайтесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виноватъ: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наябедничалъ на насъ.« Не оскверенятъ моря собаки тѣмъ, что пьютъ изъ него воду: и людямъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; ихъ и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорщика. Вотъ иной Запорожецъ и говоритъ: »Завяжите меня въ мѣшокъ; убережете ли меня?« — »А почему же?« — »Давайте сюда

»Чòмъ?«

»Кѐте мішóкъ.«

Да и влізе въ мішóкъ, да до свóлока ѐгó ѝ притягнуть за трямки́; а вінъ изъ-за дверéй и йдѐ да: »Здорòви, вражи сини́! устереглѝ?«

Абó котóрий-нéбудь Запорóжець: »Що, ви дýмаете, я не знàю, що ви вміете крàсти?«

Да разъ до менé: »А нà що ти пятакá вкравъ?«

Я й не бàчивъ пятакá!«

»А ну, скѝнь чòботъ!«

Скѝнувъ, ажъ у чòботі пятàкъ.

А вінъ: »А, ідять васъ мýхи!«

Да й сміетця врáжий Запорóжець. А то вінъ хѝмородою хѝмородивъ. Скáзано — кàверзники.

А стáрший було́ лежѝть да: »Гуляйіте, хлóпці, гуляйіте да заспівáйте лишъ пісню!«

»А якòі«, кажý, »вамъ пісеньки заспівáть? мóже, оттакóі, дядьку, оттакóі?«

А я й не знàвъ, що вінъ Запорòжець: на ёмý неякòі кавалéрии немá, а въ залізахъ, да дýмаю: »Тàкъ служáщий«, да й заспівàвъ ёмý Запорóзькоі:

мѣшокъ.« И влѣзетъ въ мѣшокъ, и подтянутъ мѣшокъ къ перекладинѣ; а онъ, какъ тутъ, и идетъ изъ-за двери: »Здравствуйте, вражьи дѣти! а чтò, уберегли?« А иной изъ Запорожцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы умѣете красть?« Да разъ ко мнѣ: »А зачѣмъ ты укралъ пятакъ?« — »Чтò вы? я и не видалъ пятака!« — » А сними-ка сапогъ!« Снялъ, а въ сапогѣ пятакъ. Тогда онъ: »А, чтобъ васъ ѣли мухи!« и смѣется, проказникъ. А вѣдь это онъ не съ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное дѣло — колдуны. А старшій бывало лежитъ да и скажетъ: »Гуляйте, *молодцы*, гуляйте да спойте-ка пѣсню!« — »А какую,« говорю, »спѣть вамъ пѣсню? не хотите ли, дядя, свою вотъ эту?« А я не зналъ, что онъ Запорожецъ: на немъ нѣтъ никакой кавалеріи, и въ желѣзахъ; думаю: »Такъ служащій«, и спѣлъ ему Запорожскую:

Ой поіжджає да по Украіні да козаченько Швачка....

То він слухавъ-слухавъ, слізми́ облився да мене́ за го́лову: »Ахъ, си́ночку мій! се жъ на́ша ба́тьківщина! се жъ на́ша отцѐвська пісня! Се не пісенька, се щи́рая пра́вдонька! Такъ ми у своіхъ батьківъ служи́ли, да оце про іхъ и пісню проло́жено!«

Причинъ частоі слѣпоты между Малороссійскими простолюдинами я не берусь объяснять. Но приведу коротенькой разсказъ слѣпца Бориса Запа́ры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чего, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпи́мъ и роди́всь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, мене́ ма̀ти прокляла́. Пришли́ до насъ разъ за поду́шнимъ. А я тоді ще малѐнькимъ бувъ та кажу́: »Ма́мо, да́й хліба!«

А вона́ росѐрдилась та ка́же: »Вра̀жа дити́но! я тобі якъ да́мъ хліба, то въ тебе́ й о̀чи повила́зять!«

Отъ зъ того́ ча́су якъ почали́, якъ почали́ боліть у мене́ о̀чи! а да́лі й зовсімъ ставъ неба̀чить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поіжджа́е да по Украіні да коза́ченько Шва́чка....

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, сынокъ ты мой! вѣдь это наше отцовское наслѣдіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а истинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ*. — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушнымъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлѣба.« А она разсердилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлѣба, такъ и глаза у тебя вылѣзутъ.« Съ того времени и начали болѣть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ

Нехай вас такъ Сйнъ Божиі прикрйе, якъ вй оцé менé прикрйете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарятъ иногда въ оборотахъ, истинно краснорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехай тобі Госпóдь помóже, де ти ступнѐмъ стýпишъ и зъ речàми обéрнесся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Пàночку лебéдочку! щóбъ тебé Госпóдь такъ узрівъ, якъ тѝ менé вздрівъ! Тілько, пàне, се й твогò, що ти своéю рукóю дасѝ; ато всѐ не твоé. Гóсподи! постановѝ се передъ твоéю душéю! (Въ-сторону:) А, людѝна жъ предóбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣпцамъ. Въ Звѣнигородкѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лирникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который объяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разсказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я услышалъ. Мнѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятныя исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поютъ думы о временахъ Хмѣльницкаго,

---

(*) Пускай васъ такъ Сынъ Божій прикроетъ, какъ вы меня прикроете.

(**) Помоги тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, чтò ты своей рукою подашь, а остальное все не твое. Господи! поставь все это передъ твоей душою! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одноіі думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живутъ въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Коліивщины,* которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителеіі на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самоіловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ воіінъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ воинъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые мстили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителеіі въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокоіінахъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣіішемъ берегу, то многолюдными »громадами« козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украіна въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго воіінъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую »Гетма́нщину«. Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самоіловичъ по разореніи Чигирина, а гетманъ Скоропадскіи на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со всѣмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквами, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говоритъ: »Се було́ ще до *зго́ну*«, или: »Се було́ вже після *зго́ну*«, а весь періодъ воинъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ hosticum, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руйною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлые нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ-будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Корсуня и Бѣлой Церкви на Волынь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши паки (говоритъ онъ), видѣхъ пространные тогобочніе Украино-Малороссійскіе поля и розлеглые долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлые, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослые. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украино-Малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася.« ([1])

Было бы однакожъ дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

([1]) »Лѣтопись Самоила Величка«, т. I, стр. 5.

такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять человѣкъ. Всѣ прежніе обитатели Западной Украіны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неудерживаемые какимъ-нибудь насиліемъ, возвращались на дорогую для сердца *батьковщину* и *матерúзну*. Владѣтели Украинскихъ старóствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — »губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ« — сперва только для занятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собой и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ ***Полѣщукóвъ***, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украінѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣжинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западноі Украіны состояли изъ однихъ старóствъ и владѣній магнатскихъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смиля́нщина отъ Конецпольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ »дѣдичи« никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирался народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣстъ, то изъ дворянскихъ селъ верхней Украіны. Это мы знаемъ изъ процессовъ, часто возникавшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была средина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ имѣніяхъ Любомирскихъ и въ старо́ствахъ Сангушковъ, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на »заложеніе осадъ« (1). Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предпріимчивой шляхты, приливавшей въ Украйну изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партіею*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободою заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно домы и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Всѣ вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, зажиточный селянинъ не соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ перемѣнить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смилянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

---

(1) Osadzić — заселить.

нему съ чужоі̆ женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, запестрѣли землянки, мазанки и срубленныя на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бо́льшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украіны. А эти, съ своеі̆ стороны, посылали къ нимъ зазывы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земской управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетма́нщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставлялись на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселянъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе »подданныхъ« отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что̀ собственно и называлось *слобо́дою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана »слобо́да« какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладину вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. (1)

Повинности Украинскимъ »подданныхъ« были довольно легкія: въ казну взносилось только *подымное*; панщины назнача-

---

(1) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вульшками*, отъ воли, а въ Украинѣ *слободами* отъ свободы. (»Opis Powiatu Wasylkowskiego«, przez E. Rulikowskiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба сѣяли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокуренія въ небольшихъ размѣрахъ и т. п. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогащались подарками, которые народъ имъ дѣлалъ, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во »дворѣ«, а такъ-же разнаго рода торговлею, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ самыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожье разнаго рода жизненныя потребности, которыя покупались за безцѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнивались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народонаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму ([1]), и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всѣми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украйнѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія происходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

([1]) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ »благочестивыхъ« и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Синюхи до Тыкича и отъ Роси до устья Тясмина, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двоихъ, троихъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтораста, мы находимъ Западную Украйну уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ hosticum, или *руйны,* съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украйну въ пустыню; а черезъ полъ-вѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украйны, они неизбѣжно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніятскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украйны, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религіозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніятскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украйны, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманными видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ »осадахъ«, вызвалъ сюда викарія уніятской митрополіи, ксенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устроивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніятскіе, то »благочестивые«. Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмънибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилой существовалъ маленькій монастырь Капуцыновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францысканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базиліянъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украйнѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и »паничи«, сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою уніятскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украйнѣ и въ то время было не безъ »благочестиваго« духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками »благочестивыми«. Основатели селъ, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что уніятскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовали во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тясминскимъ островамъ, или разсѣявшись небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашествующее духовенство »благочестивое« находилось подъ властью Кіевскихъ митрополитовъ и Заднѣпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (¹), къ нимъ обращалось по дѣламъ

(¹) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и надобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и »благочестивое«. Нетрудно дагадаться, что отсюда неизбѣжно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пепелищахъ, принесъ съ собой неблагопріятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между шляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *полиціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякого рода безпорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украйнѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ неистовствахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украйны XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбѣжно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и уніятовъ, заставляетъ догадываться, что̀ это были за люди.

ской Церкви; между ними посредствующій, торговый, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко всѣмъ предметамъ сбыта и потребленія, ко всѣмъ ввознымъ и вывознымъ товáрамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному вліянію ксензовъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переялавѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отрозненности отъ братій, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единородца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и уніятскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и унія — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разсѣянными на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *паланками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ »благочестивыхъ« съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на поприщѣ побѣдъ »козацкаго батька«, между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церковью, Корсунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обагренныя кровью воды воспѣты бандуристами въ энергическихъ думахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что̀ все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ ксензъ, по-прежнему обираетъ »добрыхъ людей« Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабано̀въ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебійноса. Между Украйной Польскаго государства и Запорожьемъ никогда не прекращались сношенія, и »добрые молодцы« являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣха и тому подобные товары, и не всѣ выручаемыя деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшѣ*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинецъ, водку, сукно, одежу и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожаныхъ *чересахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что̀ оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ »Польши«, возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сильнѣе къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская »юнацкая« молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашней жизни, приходила на Украйну со всей Польши, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

ми. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, надворные козаки и то, что̀ называлось Украинскою партіею, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украйнѣ тайные доброжелатели, дававшіе имъ во̀ время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подъ-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчевался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь изчезали многочисленныя семейства католиковъ и Жидовъ, а ихъ за̀мки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, наѣзжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собой обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновенно водится, коммиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогонные гультаи съ другой расправлялись собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно̀ на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошъ, мстя Полякамъ за ихъ *подъѣзды*, потакалъ »добрымъ молодцамъ« въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собой никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удальцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коліивщины....

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и разскащикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣпь старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельнищину* рядомъ съ *Колійвщиною* и, перезабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣваютъ старинымъ складомъ пѣсень и старинными ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ препріятіяхъ такъ какъ Хмѣльницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непремѣнно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Остряница. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарились только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напримѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риѳмованнымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторыя лица, невписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотникъ Жаботинскій Харко́, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Варейникомъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ ([1]). Эту самую пѣсню

([1]) »Нар. Южнор. Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 425.

пѣлъ мнѣ въ Звѣнигородкѣ лирникъ Дмитро Погорѣлый съ нѣкоторыми отмѣнами (¹). Но его комментаріи интереснѣе самой пѣсни. Именно:

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

....У Па́волочі була́ у ёго́ хрещена ма̀ти, зъ вели́кого покоління па́ні; то вінъ-то надіявся, що ёго́ тамъ не за́ймуть, та напи́вшись до́бре, якъ лігъ спа́ти, тогді та па́ні: »Тепѐръ«, ка́же, »Ляшки́, ма́ете часъ, оступа́йте Харка́!« То Ляхи́ за ёго́.

Отъ же щѐ бъ вони́ ёго́ не стра́тили, коли́бъ ёго́ коня́ не прикова̀ли: кінь би ёго́ вѝзволивъ, не да̀въ би ёму́ пропа́сти; вінъ би ї гу́би, ї зу̀би усімъ порозбива̀въ и будѝнокъ розвали́въ, бо то кінь бувъ лица̀рській. Ато взяли́ бісові Ляхи́ та ї прикова̀ли за чоти́ри ноги́ у ста́ні. То кінь, якъ почу̀въ Харко́ву кровъ, то дава̀й иржа́ти; та вже нічо̀го не вра́дивъ. А Ляхи́, якъ ста́ли Харка́ руба́ть, то руба́ли ажъ три дні, та ніякъ не поруба̀ють; и

(*) *Переводъ.*—....Въ Паволочи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онъ и надѣялся, что его тамъ не тронутъ, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говоритъ, »Ляхи, самая пора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онъ бы и губы, и зубы всѣмъ расшибъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всѣмъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почуялъ кровъ Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля иззубрилась пуще желѣза: наконецъ догада-

(¹) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ варіантъ, записанный Зоріаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ »Укр. Нар. Пѣсняхъ«, изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

ша́бля позубі́лась гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумова́лись, щобъ руба́ть ёго́ ёго́ жъ ша́блею. А въ ёго́ ша́бля була́ лица́рська; то та ша́бля ёго́ й побідйла.

Сотникъ Харко́ представляетъ загадочное явленіе въ исторіи Польской Украйны. Н. А. Маркевичъ въ своей »Исторіи Малороссіи« (т. II, стр. 659) упоминаетъ о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Коліивщинѣ. Г. Скальковскій въ »Наѣздахъ Гайдамакъ« не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко́ былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарану́ху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Коліивщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНІЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я са́мъ знавъ Харка́. Вінъ бувъ со́тникомъ у Жа́ботині. Вони́ зъ Леле́кою ви́йшли сюди́, якъ Моска́ль розруйнова́въ Січъ, та й поженй́лись у Жа́ботині. Леле́ка жъ ставъ господарова́ть: млинй

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ.* — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупу

державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботині, и у его було сорокъ чоловікъ козаківъ. То було до панівъ посилає: »Я васъ«, каже, »заслоняю й стережу, а ви мині давайте кошту и провізії.« То пані було й присилають ему въ Жаботинъ.

Бравиі бувъ козакъ! Було іде — жупанъ голубий на-версі, красний на-споді, чоботи сапъянці, шапка чорна, похилиста; самъ чоловікъ плечистий, русявий, повновидий. Було разъ проіде сивимъ конемъ, у другиі вороним, у третій буланимъ, у четвертыі білимъ... тоі же еднораль! а козакъ! А було до войни такиі жвавиі, що вже зъ нимъ козаки нічого не боятця. Назадъ *Отче нашъ* переговоривъ — ступаі сміло: куля не візьме.

И пішла вже така слава, що супротивъ его ніхто не встоіть. То Ляхи й думають собі: »Отъ же ми его, вражого сина, годуемо, та вигодуемо такого гайдамаку, якъ Хмельницький. То була Хмельниччина, а ще буде Харківщина!«

Да й прислали до его въ Жаботинъ: »Просить панъ до Паволочи въ гості.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харко сдѣлался сотникомъ въ Жаботинѣ, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панамъ: »Я васъ«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провизію.« Паны и присылаютъ бывало все это ему въ Жаботинъ.

Славный козакъ былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподью, сапоги сафьянцы, шапка черная на-бокъ, самъ онъ человѣкъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланомъ, въ четвертый на бѣломъ... точно генералъ... а козакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговоритъ наизворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоитъ никто Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражьяго сына, да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмѣльницкій. Тогда была *Хмельничина*, а теперь будетъ *Харківщина*!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поіхавъ....

А я зъ Лелѐкою дòбре знавсь такѝ. Зъ Харкòмъ — нічого хвáстать, а зъ Лелѐкою ми такѝ дòбре гуля̀ли. То вінъ сàмъ мині роскáзувавъ: »Я«, кàже, »ёмỳ й казàвъ: »»Эй, не ідь, бгá»те!«« [А Лелѐка той кортàвивъ трòхи] »»Эй«, кажỳ, »не ідь, »бгáте! бо не дỳрно кінь на ворòтяхъ спотикáетця.«« [А Харкò якъ виіздѝвъ до Пàволочи, то кінь на ворòтяхъ спіткнỳвся].

»Ні, якъ такѝ не слỳхать панівъ? Вонѝ менè й годỳють, и все.«

Нỳ, булò-жъ ёмỳ хочъ не напивàтьця, булò ёмỳ лить у кишèню; хусткѝ въ ёгò булѝ — булò ёмỳ въ хусткѝ лить, то бъ ёгò такѝ не взялѝ. Ато якъ напѝвсь, то ёгò пъянòго взялѝ къ чòрту та й стрáтили.

Какъ ни обстоятельно опредѣлено здѣсь время появленія Харка въ Жаботинѣ, но я не совсѣмъ довѣряю Кондрату Тарану̀хѣ. Онъ знавалъ сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мной бесѣдовалъ въ 1843 году. Если онъ былъ въ какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гуля́ть дòбре* съ Лелекою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должнò было быть не менѣе 87 лѣтъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, мнѣ

ботинъ: »Проситъ тебя панъ въ Паволочь въ гости.« Онъ и поѣхалъ. А мы съ Лелекою были хорошіе пріятели. Съ Харкомъ — нечего хвастать, а съ Лелекою мы таки славно кутили. Такъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ: »Я«, говоритъ, »и говорилъ ему: »»Эй, не ѣзди, бгатъ!«« [А Лелека тотъ немного картавилъ] »»Эй«, говорю, »не ѣзди, бгатъ! не да»ромъ конь твой въ воротахъ спотыкается.«« [Какъ выѣзжалъ Харкó въ Паволочь, то конь въ воротахъ споткнулся.] »Нѣтъ, кàкъ можно ослушаться пановъ? Они меня и кормятъ, и все.« Ну, хоть-бы онъ не напивался! надобно было ему выливать вино въ карманъ; были у него платки — надобно было въ платки выливать, такъ его всё бы еще не взяли. Ато какъ напился, такъ его соннаго и отправили къ чорту.

указали въ Смилоіі на Кондрата Таранýху, какъ на человѣка *древняго*, но, войдя къ нему въ хату, я нашелъ его за шитьемъ какой-то одежи, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновенію, я развязалъ ему языкъ и заставилъ смотрѣть на себя благосклонно штофикомъ водки, вынутымъ изъ кармана. Тутъ явился пріятель Таранýхи, по ремеслу бондарь. Они куликнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоилъ себѣ, для большаго эффекта, разсказъ своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Пріурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украйнѣ много Запорожцевъ, и разсказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранýхи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харкó долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому доказательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украйнѣ, невозмущаемое никакими возстаніями со стороны городовыхъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранýхи Ляхи опасаются, чтобы Харкó не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнивать его съ Зализнякомъ и Гонтою, еслибы онъ существовалъ послѣ Колiивщины. Наконецъ въ третьихъ, пѣсня о Харкѣ, сложенная послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣснею въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькáхъ*, какъ это видно изъ словъ Запорожскаго химородника, приведенныхъ въ разсказѣ Семена Юрчéнка (¹).

(¹) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе изъ тѣхъ, кто самъ не пробовалъ собирать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятствіями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Заходите вы въ какую угодно хату и попросите спѣть самую общеизвѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: »Хиба́ ми пъя́ні, щобъ співа́ли?« или что-нибудь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣченный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путешественника семинарскими псалмами, или какою-нибудь »Чечоточкою«; пѣсни *козацкія* и *невольницкія* онъ оставитъ для пріятеля, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: »Якъ намъ, па́не, те́е знать, що діялось у старовину́? ми лю́де неда́вніі«. Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою, распѣвающимъ свои пѣсни на *при́спахъ* мужичьихъ хатъ, и съ каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ за благо вашу чарку горилки, какъ Тарану́ха, не каждый пустится тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что̀ не относится къ *дѣлу*. Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти всѣ мы, антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырываемся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже надышаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и отвлекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предпріятій. Мы дѣлаемъ на лету свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключницы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ нами нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этнографическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознаться со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть того, что̀ имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу своихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человѣческой жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлялъ что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовитъ къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примкнуть съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобнаго однакожъ между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоставляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

I.

О БАЗИЛІЯНАХЪ. (*)

Базиляне учать було по-Польскій, и котрий хлопчикъ, або дівочка скаже Боже приказаніе, то стросцина (1) дасть пятака, грив-

(*) *Переводъ*. — Базиліяне бывало учатъ народъ вѣрѣ по-Польски, и который мальчикъ, или дѣвочка, проговоритъ заповѣдь, тому жена ста-

(1) Жена старосты.

ню, або̀ хрѐстикъ. Сказано — манѝла. У одно́го хло́пчика спитàла: »На щò тебе́ Богъ созда́въ?«

А вінъ ка́же: »Щобъ пàнщину робѝвъ.«

Тому́ дала́ срібного злòтого.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Тогді тàкъ було́, що оце́ підмòвить дівку, завезѐ на Запоро́жжя, продàсть, а самъ вѐрнетця. Минí одѝнъ признавàвсь: »Я«, ка́же, »продàвъ Ва́рку, то й кàюся, и не бу́ду до віку женѝтьця.«

И не женѝвся.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЪ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А тоїі Артѝпармакъ такѝй бувъ, що водѝвъ Орду̀ по всій Украіні. То де позвòлено було́ ясѝръ брать, то й брàли. Була́ тая

ро́сты давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику. Извѣстное дѣло — заманивала. — У одного мальчика спросила: »На что̀ тебя создалъ Богъ?« А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому дала она серебряный злотый.

(*) Въ то время водилось такъ, что подобьетъ какой-нибудь повѣса дѣвушку, увезетъ на Запорожье, продастъ (Татарамъ), а самъ воротится домой. Мнѣ одинъ человѣкъ признавался: »Я«, говоритъ, »продалъ Варвару, и до сихъ поръ каюсь, и ужъ никогда не женюсь.«

И не женился.

(**).... Тотъ Артѝпармакъ водилъ Орду по всей Украйнѣ, и гдѣ позволено было ей брать плѣнныхъ, тамъ и брала она. Была та Орда въ

Ордá въ Капýстиній, и въ 'Ірках, и въ Калнйболотахъ. А тутъ нарóдъ зійшóвся зъ ціпáми: »Ходімо, вйбъемъ врáжу Ордý, щобъ іі й дýху не булó!«

А Артúпармакъ сказáвъ: »Не займáйте, бо пýшки на васъ наведý и всіхъ вйбъю, а Ордá зостáнетця ціла.«

Та іі повернýвъ на Криві Коліна, да тамъ ужé не знàю, де вінъ іі дівъ. Мáбуть, де взявъ, тудú іі вйвівъ.

А въ насъ тогді бувъ козáкъ Кýзубъ. Той и кáже: »Поідемо, брàтці, за Ордóю, чи не достáнемо по червінцю.«

Отъ мій бáтько, да щè одúнъ чоловікъ, да той Кýзубъ сіли на кóней та й поіхали. Приіхали въ 'Ірки, ажъ тілько въ однііі хáті три Татàрюги сидять посерéдъ хáти гóлиі и гріютця колó огню, бо се булó въ-зúмку, и люлькú кýрять. Отъ нáші іхъ повбивàли та, не знайшóвши при нихъ нічòго — бо скàзано голóта — и повернýли додóму. Колú жъ зустрічáють ватáгу козаківъ: тè-жъ ідуть на чáти.

»Здоровì, козакú!«

»Здоровì!« кáжуть нáші.

Капустной, и въ Иркахъ, и въ Кальнйболотахъ. Народъ собрался съ цѣпами: »Пойдемте, перебьемъ вражью Орду, чтобъ и духу ея не осталось!« Но Артúпармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыя Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ онъ тамъ ее дѣвалъ. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кýзубъ. Онъ и говоритъ: »Поѣдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одинъ человѣкъ, да тотъ Кýзубъ сѣли верхомъ и поѣхали. Пріѣхали въ Ирки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — извѣстно, голь — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козаковъ: тоже ѣдутъ на поиски. »Здравствуйте, козаки!« — »Здравствуйте!« говорятъ наши. »А гдѣ вы были?« — »Да вотъ«, говорятъ, »ѣздили за

»А де ви булú?«

»Та оце«, кáжуть, »іздили за Ордою.«

»А що ви тамъ бáчили?«

»Нічого. Трохъ голихъ Татáръ убили та й вернулись зъ порóжніми рукáми.«

»Давайте жъ сюдú, врáжі синú, и своіхъ кóней!«

Та й побрáли въ нихъ кóней. А вонú сердéшниі мýсили йти додóму пішки. То сміху, сміху опісля зъ того булó! Оттакъ воюй Орду! Довго сміялись, якъ булó зберутця у кумпаніи.

4.

ПРЕДАНІЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезъ Звенигорóдку течé невелúчка річка *Погúбна*. Та и ввесь байрáкъ зовéтця Погúбна. Колúсь тамъ булú велúкиі лóзи. Отъ Татарвá якъ набігла, то кілько чоловікъ сховáлось та й сидять у тихъ лóзахъ. Колú жъ дúвлятця, ажъ Татарюга піймавъ чоловіка та й ведé черéзъ містóкъ. То вонú й кáжуть: »Отъ погúбне чоловікъ ні за собáку!«

Ордой.« — »Что жъ вы тамъ видѣли?« — »Ничего. Троихъ голыхъ Татаръ убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жъ намъ, вражьи сыны, и своихъ лошадей!« И забрали лошадей у нихъ. А они бѣдняги принуждены были воротиться домой пѣшкомъ. Такъ ужъ сколько было смѣху послѣ! Вотъ какъ воюютъ съ Ордою! Долго смѣялись, какъ соберутся бывало въ компаніи.

(*) *Переводъ.*—Черезъ Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погúбна*. Да и весь оврагъ называется Погибною. Когда-то росли въ немъ густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько человѣкъ тамъ спрятались. Смотрятъ — Татаринъ поймалъ человѣка и ведетъ черезъ мостикъ. Они и говорятъ: »Вотъ погибнетъ человѣкъ ни за собаку!« А

А одúнъ ка́же: »Побíжу я его́ обороню́; у мене́ ціпъ є.«

Да зъ ціпомъ до того́ Тата́рина вúскочивъ та и вбúвъ Тата́рина, и чоловíка однявъ.

То вже тогдí тíи люде й ка́жуть: »Отъ же, якъ мавъ чоловíкъ погúбнути, то нехáй лу́чче рíчка зовѐтця Погúбною, щобъ тутъ уже́ нікóли люде не погибáли!«

А оцюдú чере́зъ гóру есть óзеро *Топúло*. Тамъ хлóпець чищó втопúвсь, та й прозвáли Топúломъ. А вонó такъ, що якъ літо жаркѐ, то все й вúсохне.

А за тіе́ю долúною, черезъ стрѐлицю (¹)—урóчище *Козáцький Курінь*. Якъ булó ще тутъ колúсь старóство, то булó старостя́нськиі козакú стережу́ть дубúни.

А ще есть тутъ у Ґудзíівці могúла *Звенúгородъ*. Бóгъ іі знáе, чогó вонá такъ зовѐтця. Тілько кáжуть, що Звенúгородъ бувъ колúсь козáчий гòродъ: одъ жáдного дворá козàкъ вихóдивъ. И на сáміи оттíй могúлі су́дъ стоя́въ, бо гóродъ далѐко росхóдився. А въ Ґудзí-

---

одинъ говоритъ: »Побѣгу я обороню его; у меня цѣпъ есть.« Выскочилъ съ цѣпомъ къ Татарину и убилъ Татарина, а человѣка выручилъ. Тогда тѣ люди говорятъ: »Вмѣсто того, чтобъ человѣку погибнуть, пусть лучше рѣчка называется Погибною, чтобъ ужъ никогда въ ней люди не погибали!«

А здѣсь за горой есть озеро *Топúло*. Тамъ мальчикъ, что-ли, утопъ, отъ-того и прозвали озеро Топиломъ. А оно въ жаркое лѣто высыхаетъ до дна.

А за той долиной, пройдя лѣсокъ, — урочище *Козацкій Курень*. Какъ было еще тутъ когда-то старóство, то бывало старостинскіе козаки сторожатъ дубовый лѣсъ.

А есть еще тутъ въ Гудзіевкѣ могила *Звенúгородъ*. Богъ знаетъ, отъ-чего она такъ называется. Говорятъ только, что Звенигородъ былъ когда-то козачій городъ: всякій дворъ поставлялъ козака. И на самой этой могилѣ стоялъ судъ: городъ далеко раскидывался. А въ Гудзіевкѣ

(¹) Жидкій лѣсокъ.

івці живъ колйсь чоловікъ Сӳдзь, то одъ ёго́ вже и вся слобода̀ Сӳдзіёвкою прозва̀лась.

Ще *Шуга̀йлова* моги́ла есть. А назва̀лась вона́ Шуга̀йловою ще тогді, якъ Украіною князі пра̀вили (¹). То було̀ оце́ якъ ста̀нуть грянйчитьця, то село́ на село̀ іде. Той ка̀же: »Сюдѝ грянйця!« а той каже: »Сюдѝ!« Такъ оди́нъ коза́къ, Шуга̀йло, віскочивъ коне́мъ на моги́лу, а ёго́ зъ того́ бо́ку ку́лею якъ дали́, такъ вінъ зъ коня́. Тамъ ёго́ й закопа̀ли, и моги́ла зъ того́ ча́су якъ Шуга̀йлова, то й Шуга̀йлова.

А у са́мому го́роді, оце́ са́ме, де городнйчий живе́, зове́тця *Натяга̀йлівка*. Що було́ якъ бъетця навкула́чки пара́фия на пара́фию, то якъ дожену́ть до того́ міста, то вже до̀бре за чуби́ натяга́ють; отъ и Натяга̀йлівка.

А де тепе́ръ живе́ Головачёвськй, то зва́вся *Грѐцький Куто́къ*. Було́ якъ збира̀ютця на грець, чи то, бачъ, навкула́чки,

---

жилъ когда-то человѣкъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзіевкой.

Еще есть *Шуга́йлова* могила. А назвалась она Шуга́йловою еще тогда, когда Украйной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шуга́йло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватила пуля съ противной стороны, такъ онъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шуга́йловой.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натяга́йловка*. Бывало, какъ выйдетъ одна парафія противъ другой на-кулачки, да какъ нагонятъ другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягаютъ; вотъ и Натяга́йловка.

А гдѣ теперь живетъ Головачёвскій, то мѣсто звалось *Гре́цкій Куто́къ*. Бывало, какъ соберутся на *грець*, то есть на-кулач-

---

(¹) На вопросъ мой: »Які́ князі?« Дмитро отвѣчалъ: «Поляки́».

то зійдутця на тоіі кутокъ самиі стариі та ії розкладають раду, якъ зайти, чи зъ того, чи зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокахъ пти: и такъ собі таіно змовлятця да потімъ уже ії пускають дітвору, ажъ поки ії до старихъ дійде. Було оце такиіі стариіі чоловікъ буде, якъ я, то бороду въ зуби та й пішовъ гулять зъ кулаками; та часомъ стариіі бъетця ще лучче молодого. Теперъ якъ гулять, то ідуть або на музики, або у шинкъ, а тогді — то все навкулачки. Оце зострінутця де-небудь хлопці:

»Здоровъ, брате!«

»Здоровъ!«

»А давай навкулачки!«

»Давай!«

Тоі того въ груди, а тоі того. (¹)

А по сеіі бікъ Погибноі — *Кучугурівка*. Колись сее місто було зовсімъ пусте. То якийся чоловікъ прийшовъ, чи зъ Бердичова, чи що, на слободу та й сівъ собі коло Погибноі. Ото призивають его пани: »Якъ тебе зовуть?«

ки, то самые старые бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому впереди, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собой, пускаютъ сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — бороду въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старый дерется лучше молодого. Теперь собираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ корчму, а тогда — всё на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по сю сторону Погибной — *Кучугуровка*. Мѣсто это было когда-то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человѣкъ *на слободу*

(¹) Этимъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Э, треба тобі друге прізвище дать, щобъ тебе твоі пані звідти не взялй«. (¹)

»Та я«, каже, »панове, на такйхъ кучугурахъ сівъ, що ніхто не зайде, ні заіде«.

»Ну, будь же ти Кучугуромъ«.

»Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да опісля и ввесь той кутокъ назвався Кучугурівкою.

А по той бікъ річки Звенигородки зоветця місто *Цяпівка*. Тожъ була колись пустиня, а одинъ чоловікъ изъ жінкою прийшовъ на слободу жъ такй та й сівъ собі одинъ однимъ за річкою. Такъ було жінка ёго вийде въ-ранці та на курей: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люде зъ сёго боку, сміютця було та й прозвали того чоловіка Цяпомъ, а одъ Цяпа и ввесь кутокъ ставъ Цяпівка.

А ще, якъ іхати на Калнйболота, то, одъ города верстовъ пять, стоіть камень *Пйсанка*, що синй поставили колись надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дать другое прозвище, чтобъ твои господа не взяли тебя оттуда.« (¹) — »Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугурахъ* (²), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучугуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь тутъ конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Цяпивка*. Тоже было когда-то пустошью, и пришелъ одинъ человѣкъ съ женой на слободу же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ куръ: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человѣка Цяпомъ, отъ Цяпа и весь околотокъ началъ называться Цяпивкою.

А еще по дорогѣ въ Кальниболота, верстахъ въ пяти отъ города,

---

(¹) Чтобы уразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(²) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

батькомъ. Писанка тоїі бувъ ро́домъ изъ Стебно́го [дві версті одъ Звениго́родки], старйїі, дідйзниїі чоловікъ; и такйїі, ка́жуть, бувъ коза́къ, що неха́їі до ёго́ стреля́е, то ру́ку наста́вить да й ку́лі верта́е наза́дъ. Якъ ще булй козакй у старосцйни Солтико́вої, то вже було́ безъ ёго́ не піїідуть грянйчитьця, бо не іхъ бу́де сйла. А якъ же Писанка е, то вже йдуть сміло. Такъ отъ надъ тимъ-то Писанкою и стоіть той ка́мінь Писанка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живописи исторіи. Между положеніемъ Западной Украйны въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украйны Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустные разсказы о томъ, какъ въ-старину *граничились* сосѣди помѣщики, или старосты (что́ въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іереміею Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ напечатаю въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоитъ камень *Писанка:* когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Писанка тотъ былъ родомъ изъ Стебно́го [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старый, дѣдовскихъ временъ человѣкъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣляй въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пули. Когда еще служили козаки у жены старо́сты, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступятъ драться съ сосѣдями за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

5.

Пограничныя схватки жолнѣровъ съ козаками. (*)

Есть десь рiчка Жовтѐнька. То по однý стóрону, на зáходъ сóнця, стоя́ли жовнiри, а протíвъ сóнця стоя́ли Запорóзцi. Изiйдутця булó въ шинкъ на дешѐву горiлку. То жовнiри, а то козакѝ; у рядý сидя́ть собi. Та якъ напъютця горiлки, то й заведýтця бíтьця за грянúцю, та чáсомъ которий которого й зарубáе. А дáлi вже тàкъ завелúсь, що стáли й дýже бúтьця, и проженýть бувáло жовнiрiвъ ажъ гѐть за слóбоду, а въ слободi позабiрáють усé та й вѐрнутця. То жовнiри просúли короля́, щобъ постáвлено iмъ пѐвну грянúцю. Отъ корóль и кáже козакáмъ: »Прижените тихъ жовнiрiвъ ажъ у Варшáву.« Отъ вонú якъ пригнáли, то корóль и кáже отáману: »Чимъ тебé награди́ть? Отъ тобi нагрáда: де побáчишъ Жúда, або багáтого мужикá, то печú й дерú.« Такъ оттогдi-то бувъ Нечáй и Хмельнúцькiй.

Отбросивши въ этомъ преданiи конецъ, въ которомъ грубѣйшiй смыслъ гайдамачества смѣшанъ съ неясными воспоминанiями

(*) *Переводъ.*—Есть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтыя Воды). На западной сторонѣ стояли *жолнѣры* (Польскiе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешевую водку и сидятъ рядомъ; да напившись и начнутъ драться за границу и иного на смерть изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорились, что стали драться не на шутку, и прогонятъ бывало козаки жолнѣровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жолнѣры просили короля, чтобъ опредѣлилъ имъ точную границу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жолнѣровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградить? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жида, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмельницкiй.

о Хмѣльницкомъ, обращу опять вниманіе читателя на параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. *Дикое Поле* было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословій. Что разсказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андыбѣрѣ [1] облечено въ поэтическія краски; но обѣ повѣсти, по характеру событій, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Наливайка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородкѣ въ записной моей книжкѣ остались еще два разсказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Пасічникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разсказы его не нуждаются въ характеристикѣ разсказщика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служи́въ два го́ди у Берисла́ві, а тамъ недале́ко ри́бні заво́ди Запоро́зькиі. То було́ якъ прийдешъ у заво́дъ, то вони́ тебе́ не ста́нуть пита́ть, що̀ ти за чоловікъ, а за́разъ: »Да́йте лишъ козаку́ попоісти, та й горілки ча́рку піднесі́ть, бо вінъ, мо́же, зда́лека ідѐ, то втоми́всь.«

(*) *Переводъ.* — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда невдалекѣ были Запорожскіе рыбные *заводы*. Бывало, какъ придешь на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что̀ ты за человѣкъ, а тотъчасъ: »Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.« А когда поѣшь, то еще ложись

[1] См. ниже.

Отъ якъ наісися, то ще ляжъ одпочинь, да тогді вже питають: »Хто ти такий? Може, роботи шукаешъ?«

Отъ и скажешъ: »Шукаю.«

»Такъ и въ насъ е робота; приставай!«

То й пристанешъ, и часомъ за місяць рублівъ двадцять заробишъ.

А народъ бувъ усе роскошний. Шиі такиі, що хочъ обідде гни. Уже воні до себе якого-небудь не приймуть. А уси довгі, що ажъ за уши позакладують. У неділю було зберутця гулять; то багатиі особо, а вбогиі особо. Багатиі й шатеръ собі напнуть и справляють балъ: горілку пьють, у карти, а найбільше въ шашки, грають. На кобзі було лірникъ імъ грае, підобгавши ноги, а воні танцюють. Пійде було навприсядки, то геть обійде — чортъ знае де. То вже народъ муштрованиі бувъ! Або колесомъ пійде... то чортъ ёго знае, якъ вінъ тамъ котитця: зовсімъ якъ колесо! (¹)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?« Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешь бывало на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцат заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шеи у нихъ — хоть ободье гни. Ужъ они въ свое общество какую-нибудь дрянь не примутъ. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особо, а бѣдные особо. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ балъ: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далеко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. То ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (¹)

(¹) То, что разсказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, воспѣто въ пѣснѣ, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Темна хмара наступае, ставъ дощикъ итти,
Благослови, отамане, наметъ напясти!

2.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦѢЛОМУДРІЕ. (*)

Роскáзувала однá старá бáба, що, кáже, якъ булà я дівкою, то, кáже, Запорóжець ставъ зо мнóю жартувàть. А другий стоіть да й кáже: »Врáжиіі сйну! нà що ти зъ дівкою жартуешъ? хибá тобі немá молодйці?«

»Я«, кáже, »тілько тàкъ.«

Да вйнявъ зъ кишéні такỳ хорóшу шовкóву хýстку! да й кá-же: »Нà жъ тобі, бісова дівко, носй. Се тобі за тè, що съ тобóю пожартовàвъ.«

(*) *Переводъ.* — Разсказывала одна старуха, что когда я, говоритъ, была дѣвушкою, то Запорожецъ началъ заигрывать со мной. А другой стоитъ и говоритъ: »Вражій сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвушкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодицъ?« — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напялй козачéньки червóнии намѐтъ.
Берýть вонй винó, пиво и солóдкий медъ.
Усі панй, усі дукй въ намѐту сіли,
Нáше брáття сіромáшня та й не посміли,
Взялй квàрту мéду зъ жáрту, на дощі сіли.
Иде козáцький отамáнъ, стáло ёмý жàль;
Взявъ изъ сéбе голубйй жупàнъ, намъ намѐтъ напъявъ —
Идé багáчъ, та йде дукáчъ, пъянъ валяетця,
Зъ козáцького отамáна насміхáетця:
»За що тáя голóтонька напивàетця!« (Тутъ пропускъ.)
Одйнъ ведé за чуприну, другйй дýла бъе;
»Не йдй тудй, врáжий сйну, де голóта пъе!«

А вже въ іхъ тàкъ (разсказывалъ мнѣ ***Климъ Біликъ*** въ Кумéйкахъ), що якъ садовйшъ, то садовй багáтого и вбóгого; а якъ же ні, то й хазяіна по грýдяхъ: »Мáтері твоіи бісъ! багáтого, такъ и трактýешъ, а менé, такъ и ні!«

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, разсказалъ уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человѣкомъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Тарану́хою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его разсказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельни́цькый пѐрвый піднявъ гайдама́къ. Напыса́въ такійй листъ, що: »Гей! хто̀ до мене́ пріста́не?« та й назбира̀въ козаківъ. Якъ назбира̀въ, то й почали́ різати Ляхівъ и Жидову́. А якъ поба̀чить було́ хоро́шу па́ні, або́ Жидівку, то зми́луетця та й перехри́стить у свою́ віру. И панівъ перехрі́щувавъ... Отъ, якъ ста̀въ воёва́ть, якъ ста̀въ воёва́ть, то повоёва̀въ Ляхівъ ажъ по Случъ; одісла́въ військо додо̀му, а надъ Слу́ччу поста́вивъ вітряни́ барабáни. Що подмѐ вітеръ, то Ляхи́ ду́мають, що у коза́цькому війську въ тру́бы гра́ють, да й боя́тця йти́ за Случъ. А Хмельни́цькый тымъ ча́сомъ ба́чить, що бага́цько ли́ха наробы́въ, та взявъ да й полі̀зъ до короля́ проха́ти ми́лости. А коро́ль наряди́въ одина́дцять катівъ у короле́вське пла̀тте, а са́мъ двана̀дцятий

(*) *Переводъ*. — Хмѣльницкій первый поднялъ гайдамакъ. Написалъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердится и перекреститъ въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ.... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случь; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтрянные барабаны. Вѣтеръ подуетъ, а Ляхи думаютъ, что то въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случь. А Хмѣльницкій между тѣмъ увидѣлъ, что надѣлалъ бѣды, и полѣзъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельни́цькиі до якóго кáта, зáразъ ёмý гó-лову одтять. Отъ же Хмельни́цькиі не полізъ и до одного кáта, да прямо до короля́. Прилізъ до ёгó рáчки и впáвъ у нóги. То корóль підня̀въ ёгó за гóлову та іі сказáвъ: »Оіі ти, свавóльнику! багáцько ти невинниxъ душъ занапасти́въ!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛІИ. (*)

Мазéпа боявся Палія́, щобъ вінъ ёгó не звоёвáвъ, та взявъ ёгó да іі замуровáвъ у стовбъ у такиіі, що тілько малéньке вікóнце, а то ввесь замурóванніі; и якъ хто подáсть у те вікóнце шматóкъ хліба, то тілько вінъ и живъ. Отъ, замуровáвши Палія́, и ставъ Мазéпа воёвáть зъ Царéмъ. А тогді ще Москóвськоі землі бувъ тілько оди́нъ рукáвъ та іі гóді. А се вже тепèръ такъ Государь розжи́вся: давъ Госпóдь милосéрдниі, що позавоёвувавъ собі и городівъ, и земèль. А тогді Москóвськоі землі булó тілько такъ,

---

королевское платье, а самъ сталъ между ними двѣнадцатый, и велѣлъ — лишь только Хмѣльницкій прилѣзетъ къ которому-нибудь палачу, тотъ-часъ отсѣчь ему голову. Но Хмѣльницкій не полѣзъ ни къ одному палачу, а прямо къ королю. Прилѣзъ къ нему на черверенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда король поднялъ его за голову и сказалъ: »Ахъ, ты, *своевольникъ!* много ты невинныхъ душъ погубилъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Палія, чтобъ онъ его не побѣдилъ, и заложилъ его въ каменномъ столбу, въ которомъ было только маленькое окошечко. Кто-нибудь подастъ кусокъ хлѣба въ окошко — тѣмъ только и питался Палій. Засадивши Палія въ столбъ, началъ Мазепа воевать съ Царемъ. А въ то время Московской земли былъ только одинъ рукавъ. Это ужъ теперь такъ Государь разжился: помогъ Ему Господь милосердый завоевать городовъ и земель. А тогда Московской земли бы-

якъ на рукавъ. Отъ зовсімъ уже Мазе́па одоліва́е Царя́. А Царь якъ дочу́всь, що въ такімъ и такімъ місте́чку заму́ро́ванъ у стовбъ Палій, за́разъ, посла́въ таки́хъ, що розруйнова́ли геть чи́сто той стовбъ. Отъ, якъ ви́пустили Палія́, то вінъ ажъ тремти́ть уве́сь, та́къ осла́бъ. То Царь му́сивъ проха́ти у Мазе́пи на двана́дцять день зго́ди, поки одха́явъ Палія́. А якъ одха́явъ, то Палій сівъ на коня́ да объїхавъ круго́мъ Мазе́пине військо, да якъ поста́вивъ отта́къ (¹) ра́тище, то імъ здало́сь, що то лісъ стоі́тъ. Отъ вони́ и почали́ іхаті черезъ той лісъ, схиля́ючись; а Палієви козаки́ дава́й руба́ть імъ го́лови. А Мазе́па постерігъ, що ли́хо, да якъ уда́рить у тараба́ни: »Гей, бра́тці, втіка́йте, бо що ще стари́й соба́ка живъ!«

Здѣсь кстати привести другую легенду о тѣхъ же лицахъ, записанную мною со словъ П. Е. Чуйкевича, который слышалъ ее отъ чабана близъ Новой Басани, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Въ ней фантастическій элементъ преобладаетъ надъ историческимъ еще въ сильнѣйшей степени, и самыя имена перепначены. Семенъ Палій обращенъ въ Степана Плаху, а Мазепа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазепа совсѣмъ одолѣваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ-то мѣстечкѣ заложенъ въ столбъ Палій, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столбъ дочиста. Какъ выпустили Палія, то онъ весь дрожитъ, такъ ослабъ. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазепы на двѣнадцать дней перемирія, пока Палій не оправился. А лишь только оправился, — сѣлъ на коня, объѣхалъ кругомъ Мазепино войско и какъ поставилъ вотъ этакъ (¹) копье, то имъ показалось, что то̀ лѣсъ стоитъ. Вотъ и ѣдутъ они черезъ тотъ лѣсъ наклоняясь, а Палієвы козаки давай рубить имъ головы. Спохватился Мазепа, что бѣда, и ударилъ въ барабаны: »Эй, братцы, уходите: еще старый песъ живъ!«

(¹) Тутъ Тарану́ха протянулъ руку такъ, какъ будто держалъ отвѣсно, упершії въ землю, копье.

является крестнымъ сыномъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепы и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народной фантазіи, которому не достаетъ только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*).

У Мазéпи родúвся сúнъ. Царь Петрó бувъ кýмомъ. Отъ, якъ ужé булú на підпúтку, то Петрó и призвàвъ до себé козакá Степáна Плáху. [А той Степáнъ Плáха такúй бувъ чоловікъ, що знавъ усé, щò бýде напере́дъ за сто літъ.]

»Скажú«, кáже, »Степáне Плáхо, щò зо мнóю бýде?«

»А òтъ що зъ тобóю бýде, Цáрю«, кáже Плáха: »черезъ трúдцять рікъ твій хрищéникъ воёвàтиме на тéбе.«

»Брѐшешъ, Степáне!« кáже Петрó: »чи мòжна, щобъ моé дитя́ підняло́ на менé рýки?«

Да й звелівъ забúть Плáху въ кайдàни и посадúть у темнúцю, — не давя́ть ёмý ні пúти, ні істи,, тілько ріжóкъ зъ тобáкою положúти біля ёго.

(*) *Переводъ*. — У Мазепы родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козака Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человѣкъ, что зналъ все, чтò будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, чтò со мною будетъ?« — »Вотъ чтò съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ трицать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодки, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

»Отъ же«, каже, »тобі, Степане, ріжокъ тобаки. Колі твоя правда, то ти въ темниці будешъ жить тридцять літъ одною тобакою; а колі брехня, то згинешъ.«

Посадіивъ та й байдуже опісля на того Плаху.

А Мазепенко тимъ часомъ росте, и, скоро сповнилось ёму тридцять літъ, заразъ зібравъ свою ватагу — гайда въ степъ! да й забушовавъ. »Гей«, каже, »Царю! давай на погуляння!«

Петро жахнувся: знавъ, що ніякою силою не одоліє. Мазепенко бо сей такий бувъ ломусъ, що поставивъ пушку на долоні та якъ стрѣливъ изъ Бикова, то досягъ ажъ у Остеръ и розбивъ у Острі церкву. И досі стоіть та церква розбита.

Узялі Царя Петра думки та гадки; сумує на столиці, не може жадноі ради приложити. Колі жъ де взявсь старий салдатъ: »А що«, каже, »Царю! бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха?«

»Який Степанъ Плаха?«

»А забувъ христини въ Мазепи? Тамъ Степанъ Плаха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешь жить въ темницѣ тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погибнешь.« Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазепы) ростетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ степь! и забушевалъ: »Эй«, говоритъ,« Царь! выѣзжай на *погулянье*!« Петръ ужаснулся; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазепенко былъ такой громадина, что поставилъ пушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то досягнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоитъ въ Острѣ разбитая церковь. Призадумался Петръ, горюетъ, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ни возьмись старый солдатъ: »А что, Царь«, говоритъ онъ, »теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!« — »Какой Степанъ Плаха? — »А развѣ ты позабылъ крестины у Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попалъ, что

сказа́въ, якъ у о̀ко вліпи́въ, що твіï хріще́нихъ черезъ три́дяцть літъ воёва̀тиме на те́бе.«

То Петро́ ажъ за го̀лову вхопи́всь: »За̀разъ, за̀разъ ви́пустить ёго́ зъ темни́ці!«

Прийшли́ до Степа́на царськіï слу̀ги, та якъ гля̀нули на ёго, то ажъ за сѐрце іхъ заколупи́ло. На тому̀ Степа́ну Пла́сі вже тільки ко̀жа да ко́сти; уве́сь ажъ мо̀хомъ обрісъ, и борода́ до по́яса. Біля́ ёго́ ріжо́къ, тільки въ ріжку́ вже пу̀сто. Якъ-бй ще днѐмъ, або́ двома̀ опізни́всь Петро́, то тільки бъ и ба̀чили Степа́на Пла́ху.

Отто́ за̀разъ розби́ли на ёму̀ кайда́ни, понеслй на носи́лкахъ до Петра́, бо куди́ вже само́му ёму̀ йти! Принеслй до Царя́, то Царь ажъ слізми́ вми́вся. »Простѝ«, каже́, »мене́, Степа́не, за твою́ оби́ду! Пришло́сь и мині тепѐръ кру̀то: Мазе́пенко гаса́е по степу̀ та клйче на погуля̀нне.«

То Пла̀ха тогді: »Не журй́сь, Ца̀рю; вѝзволю тебе́ зъ біди́, дай тільки мині вѝгулятьця на во̀лі.

Отъ и пішо̀въ гуля̀ть. Пъе дѐнь, пъе дру̀гий, пъе трѐтій; и якъ вѝгулявсь, то бере́ зъ собо́ю одина́дцять козаківъ, а самъ два-

---

твой крестникъ чрезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.« Тогда Петръ схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!«

Пришли къ Степану царскіе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Плахѣ уже только кожа да кости; весь онъ обросъ мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рожокъ, только въ рожкѣ ужъ пусто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петръ, то не застали бы въ живыхъ Степана Плахи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на носилкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говоритъ, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и мнѣ теперь плохо: »Мазепенко разъѣзжаетъ по степи и зоветъ на *погулянье*.« Тогда Плаха: »Не горюй, Царь, выручу я тебя изъ бѣды, дай только мнѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пьетъ одинъ день, пьетъ другой, пьетъ третій; и когда

надцятиїі, та й гайда въ степъ. Скоро забачивъ Мазепенкову ватагу, заразъ узявъ та й объїхавъ її кругомъ. Якъ объїхавъ, то козаки Мазепенкови мовъ подуріли и стали одинъ одного колоть да рубать. А Мазепенко навтікача; а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ. Скоро настигъ, заразъ ёго и проколовъ списомъ. Тілько то бісова тварь! Изожравъ одинъ списъ, изожравъ другий, изожравъ третій, и такъ усі одинадцять списівъ поівъ; та вже якъ ударивъ ёго Плаха своїмъ дванадцятимъ, тогді вже ёму й капутъ. А потімъ узявъ Степанъ Плаха Мазепенка, спаливъ та й попелъ по степу розвіявъ.

Отъ за того-то вражого Мазепенка розгнівався дуже Царь Петро на Вкраїну. Заразъ шле указъ, щобъ рубали въ пень увесь народъ.

Уже й шаблі повиймали, щобъ рубать. А тутъ усюди въ труби та въ жоломійки смутно та жалібно виграваютъ, а по церквахъ молебні правлять, щобъ одвернувъ Господь гнівъ царськиї.

Ажъ ось шле Петро другиї указъ: велить всімъ голови здиймать.

оправился, беретъ съ собой одиннадцать козаковъ, а самъ садится на коня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и объѣхалъ ее кругомъ. Объѣхалъ — тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали одинъ другого колоть да рубить. Мазепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололь его копьемъ. Да то была бѣсова тварь! Проглотилъ одно копье, проглотилъ другое, проглотилъ третье, и такъ всѣ одиннадцать копій переѣлъ; но какъ ударилъ его Плаха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Степанъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепелъ развѣялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнѣвался крѣпко Царь Петръ на Украйну. Тотъ-часъ посылаетъ указъ, чтобъ рубили до остатку весь народъ. Уже и сабли вынули, чтобъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ отвратилъ Господь гнѣвъ царскій. Какъ вотъ, посылаетъ

То вже й шаблі поодпускали, та щё такі голівъ не здиймають. А тутъ усюди въ трубп та въ жоломийки смутно та жалібно вигравають, а по церквахъ молебні правлять, щобъ помиловавъ Господь невинниі души.

Колй жъ шле Петро третій указъ: прощае ввесь народъ. Тогді вже всюди скоки та музики. Звеселився ввесь людъ Християнськиі.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣе интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ (¹) и историковъ. Народъ какъ-будто стоитъ въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что называютъ его исторіею), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головъ. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ Господь помиловалъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петръ третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіянскій.

(¹) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни разсказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малороссію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать героическимъ. Онъ простодушно славитъ сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурею въ родѣ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Паліи, и чаетъ своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодѣ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и »переколотыми шаблюками«, явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былого? Подобные вопросы неизбѣжно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ-слѣдствіе изученія изустной словесности Малороссійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что̀ ни происходило въ Малороссіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнію политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Паліи, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалоро́ссія-

ненъ народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ первыхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛИИ. (*)

Бувъ-то такíй Мазèпа, такíй-то гетьмàнъ, що й Царь ѐго́ бáтюшкою звавъ. А Кочубéй да Искра довідались, що вінъ хóче зъ Швéдомъ бить на востóчного Царя́, та й пішлй до Царя́ до востóчного: »Эй«, кáжуть, »Цàрю востóчний! хóче Мазéпа на тебé бить.«

А Царь не понявъ віри. »Чи мòжна«, кáже, »щобъ вінъ на мене́ бивъ?«

Отъ же и въ пісні співáють:

»А Царь«, кáже, »віри не понявъ
Та назàдъ іхъ одіслáвъ.« (1)

Тільки що вонй одішлй, ажъ біжи́ть гонèць до Царя́: »Становітця«, кáже, «на батàлію, ато Мазéпа битиме на васъ!«

(*) *Переводъ.* — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь называлъ батюшкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ воевать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному: »Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать противъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ:

А Царь віри не понявъ
Та назàдъ іхъ одіслáвъ. (1)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовьтесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударитъ!« Царь изумился:

---

(1) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года, стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумѝвся. »Біжѝ жъ«, ка́же, »чи не наженѐшъ іхъ! біжѝ якъ мо̀жна, щобъ вінъ іхъ не потра́тивъ!«

Колѝ жъ прибіжѝть, ажъ імъ ўже́ ѝ го̀лови одтя́то.

Ото́, якъ ставъ бить Мазѐпа на Царя́, то Богъ зна́е, щѐ ѝ робѝть. Ажъ на розділъ на це́ркву постя́гувавъ у Батўрині пўшки да бивъ. Та̀къ избѝвъ, що вже — ка́же коза́къ ([1]) — та̀къ на̀ше військо завертілося, що пропада̀ть да ѝ тілько!

Царь бідкаетця. »Чи нема̀«, ка́же, »въ на̀шому ца̀рстві тако́го чоловіка, щобъ знавъ, якъ одоліть Мазѐпу? Неха́й обзива̀етця«, ка́же, »бўду жа̀ловать ёго́.«

А одѝнъ старѝй Запоро́жець осміливсь та ѝ ка́же: »Піиду̀ я до Царя́ та ѝ скажў, що у насъ ѐсть такѝй, Палій Семе́нъ.«

[А пе́рвый Импера́торъ такѝй жорсто́кий бувъ, що тілько збрешѝ, то ѝ го̀лову зніме.]

Та ѝ пішо́въ.

»А чого̀ ти«, ка́же, »коза̀че, прийшо́въ?«

»Прийшо̀въ«, ка́же, »я, Ца̀рю, пора́дить тебе́, що ѐсть у насъ такѝй чоловікъ, Семѐнъ Палій. Вінъ одоліе Мазе́пу.«

»Скачи«, говоритъ, »вслѣдъ за ними! спѣши какъ только можно, ато онъ ихъ погубитъ!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отсѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазепа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что̀ и дѣлать. Въ Батуринѣ встащилъ онъ пушки на самый *раздѣлъ* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козакъ ([1]) — наше войско совсѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, какъ одолѣть Мазепу? Пусть обозвется«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда одинъ старый Запорожецъ осмѣлился и говоритъ: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ — Палій Семенъ.« [А первый Императоръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметъ.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козакъ, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посовѣтовать тебѣ, что

([1]) Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

А Царь ка́же: »Нема́ Палія́, стра̀ченний.«

»Ни, Ца́рю, жи́въ, тілько на Сибе́рі.«

Отто́ посла́ли по его по́шту таку̀ о́гненну, що й пти́ця не злети́ть. Примча̀ли до Царя́: »Эй«, ка́же, »Палію, Палію Семѐне! ѐтъ ца́рство втра́тимъ!«

А вінъ ка́же: »Не бійсь, колы́ я заіду, то ще бу́де по-на̀шому.«

Ото́ за̀разъ ёму̀ істи.

»Ні«, ка́же, »неха́й задзво́нять до слу̀жби Бо́жоі« .... (¹)

»Тепе́ръ«, ка́же, »дава́йте мині коня̀!«

Пішо̀въ до стані, такъ не добере́ собі коня̀. Струснѐ за гри́ву, то такъ и впадѐ. »Ні«, ка́же, »Ца́рю, нема̀ въ те́бе тако́го коня́.«

А Царь розгніва́всь: »Якъ-то нема́? я Царь, та нема́ въ мене́ коня̀ для те́бе?«

у насъ есть такой человѣкъ — Семенъ Палій. Онъ одолѣетъ Мазепу.« А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семенъ!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *зайду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ.« .... (¹)

»Теперь«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

(¹) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Разскащикъ не счелъ нужнымъ говорить о томъ, что̀ само собою разумѣется, т. е. ,что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церкви.

»Нема́«, ка́же. »Пусті́ть мене́ въ коза́цьке ві́йсько, то я собі ві́беру коня́.«

Пійшо́въ у коза́цьке ві́йсько; гля́не, ажъ ёго́ коне́мъ во́ду везу́ть. Вінъ ажъ запла́кавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кінь мій у нево́лі!«

Сі́въ на коня́, то кінь підъ нимъ, такъ якъ оре́лъ!

»Тепе́ръ«, ка́же, »поідьмо, Ца́рю, у Мазе́пине ві́йсько, то почу́емъ, що́ про тебе́ гово́рять.«

А Палі́й таки́й лі́царь бувъ, що не вольше́бствомъ, а а́нгельскимъ чи́номъ воёва́въ, — таки́й, що ї́здить по чужо́му ві́йську — ніхто́ ёго́ й не ба́чить; а якъ гля́не кому́ въ ві́чі, то зъ-ро́ду не ві́держить.

Поі́хали, ажъ сидя́ть у наме́ті тро́е: Мазе́па, Шве́дъ и Туре́цький Баша́, та й ка́жуть: »Оце́ зобъе́мъ усе́ ёго́ ві́йсько та й ца́рство ёго́ на́-трое розді́лимъ.«

»Бачъ«, ка́же, »Ца́рю, що́ гово́рять!«

Мазе́па жъ и Туре́цький Баша́ не ба́чили Царя́ зъ Палі́емъ, а Шведъ постері́гъ, що се щось не пе́вне, та й ві́стреливъ на Палі́я зъ рушни́ці.

Такъ Палі́й оберну́вся до Царя́ та й ка́же: »Якъ-би́ не стара́ шку́ра, то бъ, мо́же, й пробі́въ би. Вра́жий синъ и се́ до́брий!«

»Нѣту«, говоритъ Палій. »Пустите меня въ козацкое войско, такъ я выберу по себѣ коня.« Пошелъ Палій въ козацкое войско, смотритъ — его конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ: »Я«, говоритъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орелъ! »Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазепино войско, такъ услышишь, что̀ про тебя говорятъ.« Поѣхали, смотрятъ — сидятъ въ палаткѣ втроемъ Мазепа, Шведъ и Турецкій Паша и говорятъ: »Истребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.« — »Видишь, Царь, что̀ говорятъ!« Только Мазепа и Турецкій Паша не видѣли Царя и Палія, а Шведъ смекнулъ, что это что̀-то неспроста и выстрѣлилъ по Палію изъ ружья. А Палій повернулся къ Царю и говоритъ: »Еслибъ не старая кожа, то, можетъ, и пробилъ бы. Хорошъ и этотъ бестія.«

Їдуть звідти уже́, а Запоро́зці сидя́ть да въ ка̀рти гуля́ють.

А Палії ка́же: »Здоро́ві, папи́ молодці! чи бу́демъ би́тьця, чи бу́демъ мири̂тьця?«

А оди́нъ Запоро́жець ка̀же: »Се Палії поїхавъ!«

»Дѐ тобі«, ка́жуть, »у чо̀рта тоії Палії тутъ бу́де!«

Колі́ жъ вінъ уїхавъ у своє́ вііська, та й клейно̀ди свої ви́ставивъ. Такъ вони́ й похоло̀нули.

А Мазе́па одъ Палія́ бувъ навче́нъ (¹). Такъ Царь ка́же: »Що жъ, Палію? ти ёму́ нічо̀го не зро́бишъ, бо й вінъ одъ тебе́ навче́нъ.«

»Ні«, ка́же, »Ца̀рю, хочъ вінъ и навчѐнъ одъ ме́не, да я ёму́ не сказа̀въ усіє́і пра́вди.«

Отъ и взя̀въ заряжа́ть пу́шки на́вхрестъ: та туди́, а та туди̂; та туди́, а та туди̂. »Тепе́ръ«, ка́же, »стреля̀йте, то не бага̀то зоста́нетця.«

Якъ уда̀рили жъ, то такъ якъ били́на на пожари́щі зоста́нетця, то такъ съ того́ війська зоста́лось. Отъ и погна̀ли Мазе́пу...

Ѣдутъ уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Палій. »Что̀, будемъ биться, или мириться?« А одинъ Запорожецъ говоритъ: »Это Палій поѣхалъ!« — »Кой чортъ Палію быть здѣсь!« Какъ тутъ онъ въѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазепа былъ *наученъ* Паліемъ (¹), а потому Царь и говоритъ: »Что же, Палій? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.« — »Нѣтъ, Царь«, отвѣтилъ Палій, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ заряжать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы послѣ пожара. Вотъ и погнали Мазепу...

(¹) *Навче́нъ* здѣсь значитъ наученъ *характе́рству*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазе́пу усю Гетьма́нщину ви́губить, да ото́ й ка́же Палію, якъ уже́ побили Мазе́пу: »Ну, тепе́ръ, Палію Семе́не, чого́ ти одъ мене́ хо́чешъ? чи вели́кого па́нства, чи зла́та, чи що́?«

А вінъ ка́же: »Що́ жъ, Ца́рю? я бу́ду проси́ть тебе́ объ одну́ річъ; подару́й мині!«

»Що́ таке́? кажи́.«

»Не плюндру́й«, ка́же, »Гетьма́нщини.«

»Ну«, ка́же, »до́бре; для те́бе дару́ю.«

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польской литературой, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе дѣйствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Руликовскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковскаго уѣзда (Opis Powiatu Wasylkowskiego), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго [1], проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ тѣмъ, что̀ мною высказано выше, на стр. 84—85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *руины* и *згону*. Палій у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазепу хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбили Мазепу, — говоритъ Палію: »Ну, Палій Семенъ, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?« А онъ говоритъ: »Нѣтъ, Царь: я попрошу тебя объ одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Что̀ же такое?« — »Не опустошай«, говоритъ, »Гетманщины.« — »Ну«, говоритъ Царь, »быть по твоему!«

[1] Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украйнѣ Польскіе старосты, съ своими »губернаторами, экономами, лѣсничими« и другими *официалистами*, или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

»Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украйну, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовалъ Палій. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Палій, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то истребляя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Палій, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратить Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, сосѣдними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Палій посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ »поселился въ »вольной козацкой Украйнѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣ- »етъ никакого права, а имѣетъ право только онъ, какъ истинный

»козакъ и гетманъ козацкаго народа.« Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церкви, схватить Палія и представить къ нему. Брантдъ прислалъ нѣсколько человѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ пасикъ, а въ Хвастовъ отправили одного Жида, чтобы онъ, торгуя у Палія медъ, выманилъ его изъ города къ пасикамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палій, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ пасикамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ далъ знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палій тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Семашко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жиду голову и, возвратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлалъ вылазку съ нѣсколькими сотнями конницы и истребилъ притаившихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого произшествія, гетманъ Яблоновскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палій велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцяное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумя стами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольцъ и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палій черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бочекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.«

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что Поляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденными, старались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, признававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палій вездѣ ихъ колотилъ, прогналъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою Церковью, по праву »истиннаго козака и гетмана козацкаго народа«. Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *лицаря,* посмѣвавшагося безсилію Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго нѣчто въ родѣ независимаго княжества. Палій, по словамъ его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, »склонялся подъ рейментъ Мазепинъ, пріѣздячи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розные отбираючи подарунки« (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключеніе его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспѣты въ прекрасныхъ пѣсняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбымъ ему Мазепою....

Однакожъ онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разсказовъ Таранухи.

Гайдамакъ Тарануха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немногое, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разсказы старожиловъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немногое, продолжая прерванную нумерацію.

---

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

3.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМИЛОЙ. (*)

Гайдама́ки дра́ли Смілу разівъ три, чи що́. У пе́рвий разъ якъ прийшли́, то па́ні захова́лась у лёху́, а па́нна у гру́бі; тілько па́нну таки́ знайшли́ и за́мокъ розгра́били. А по́тімъ узяли́ па́нну и хло́пця Өедірку та ви́вели ажъ до Кури́ловоі моги́ли, а тамъ вата́жко зми́лувавсь та й ка́же: »Иди́ жъ, па́нно, та моли́ за мене́ Бо́га, ато́-бъ ти на сій моги́лі полягла́!«

И хло́пця Өедірку пусти́ли. А се було́ зімо́ю. Па́нна жъ таки́ хочъ у череви́чкахъ бігла по снігу́, а Өедірка бо́сий.

А въ дру́гий разъ прихо́дивъ вата́жко Вовчо́къ, та й ставъ коло́ Костянти́нова, у Шолу́дьковімъ садку́; душъ іхъ деся́токъ тілько. Стоіть вінъ тамъ, а повкъ Поляківъ, почу́вши, що ту́тъ гайдама́ки зібра́лись, притягну́въ ажъ изъ Білоі Це́ркви та й наткну́всь на той садо́къ. А Вовчо́къ якъ ви́скочить звідти, то жовніри наза́дъ!

(*) *Переводъ*. — Гайдамаки грабили Смилу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то *па́ні* спряталась въ погребѣ, а *па́нна* въ печкѣ; но панну гайдамаки всё таки отыскали и за́мокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Өедорку и вывели къ самому Курилову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говоритъ: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Өедорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Өедорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смилу отаманъ Вовчо́къ и остановился возлѣ Константинова, въ Шолудьковомъ садикѣ; было съ нимъ только человѣкъ десять. Стоитъ онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Бѣлой Церкви да и наткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчо́къ выскакиваетъ оттуда. *Жолнѣры* назадъ. А Вовчо́къ былъ и самъ маленькаго росту — только

А Вовчо́къ той и са́мъ невели́чкий—тілько плечи́стий ше́льма—и на невели́чкому ко̀нику, та якъ узя̀въ іхъ гнать, то такъ ра́тищемъ и на то̀й, и на то̀й бікъ іхъ и кладе́. А на ёму́ бувъ кажано̀къ (¹); то зъ-підъ того́ кажанка́ кровъ такъ и ллєтця, що по ра́тищу біжи́ть у рука̀въ. Та якъ догна̀въ до Сміля́нськоі гре́блі и воні́ вско̀чили въ Смілу, тогді верну̀всь та й ка́же: »Ота̀къ Вовчо́къ! женѐ Ляхівъ повчо́къ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ пріятелю Тарану́хи, бондарю́, коечто изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесѣды такимъ образомъ:

ВСТРѢЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Роска́зувавъ мині оди́нъ дідъ, що—ка́же—сижу́ я въ па̀сіці, коли́ жъ чортъ несѐ бурла̀ку. Уве́сь обша̀рпаний.

»Здоро̀въ, діду!«

»Здоро́въ!«

»А що̀ бу́демо роби́ти? дава́й на сорочкѝ міня́тьця!«

Я вже злякàвсь. »Дава́й«, кажу́.

плечистая бестія—и на маленькомъ конѣ. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обѣ стороны копьемъ такъ и кладетъ. На немъ былъ *кажано́къ* (¹), изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, что̀ текла по копью въ рукавъ. Пригналъ къ Смиля́нской плотинѣ, они вскочили въ Смилу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчо̀къ! гонитъ Ляховъ волчокъ!«

(*) *Переводъ.* — Разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ: Сижу я, говоритъ, въ пасикѣ, какъ и несетъ нечистый ко мнѣ бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А что̀ будемъ дѣлать? давай мѣняться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай«, говорю,

---

(¹) Родъ куртки, или полукафтанья изъ кожи.

Одда̀въ ёму̀ соро́чку.

Він̀ъ скйнувъ тée ря́мъе, надівъ соро́чку: »Давáй и штанѝ!«

Оддáвъ я й штанѝ.

»Давáй, діду, мѐду!«

Я — кáже — ажъ тремчу̀ ввесь зъ переля́ку. Пішóвъ, одрізавъ ёму̀ зáбоцень такòго вже гáрного, гречáного!

Він̀ъ наївсь та й кáже: »Чи ти, діду, знàешъ Вóвчу Гать?« ([1])

»Знáю.«

»Отъ же«, кáже, »тамъ е пенёкъ дубóвий, обшмóрганий колёсами. То ти зáвтра встàнь до сходъ сóнця, та піійдѝ тудѝ, та одлічѝ три ступні, и вѝкопаешъ тамъ грòші. Отó тобі за тè, що ти менé приодівъ и нагодовàвъ.«

Пішóвъ я на другий день, ажъ спрáвді повнісинький у̀лень самѝхъ пятаківъ!

Понравился Кондрату Тарану̀хѣ пріятельскій разсказъ. Онъ пожалѣлъ, что съ нимъ никогда не случилось ничего подобнаго тому, что̀ съ пасичникомъ, и какъ-то невзначай припомнилъ еще кое-что о гайдамакахъ, а именно:

и отдалъ ему свою рубашку. Онъ сбросилъ свое лохмотье, надѣлъ рубашку. »Давай и штаны!« Отдалъ я и штаны. »Давай, старикъ, сотовъ.« Я, говоритъ, весь дрожу отъ страху. Пошелъ и вырѣзалъ ему сбоку въ ульѣ самыхъ лучшихъ, гречневыхъ сотовъ. Онъ поѣлъ и говоритъ: »Знаешь ты, старикъ, Волчью Гать?« ([1]) — »Знаю.« — »Тамъ«, говоритъ, »есть дубовый пень, обтертый осями. Встань завтра до восхода солнца, поди туда, отсчитай три шага и выроешь деньги. Это тебѣ за то̀, что ты меня пріодѣлъ и накормилъ.« Пошелъ я на другой день — въ самомъ дѣлѣ полнехонькой улей чистыхъ пятаковъ!

([1]) Въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ села Дубіивки.

4.

О ГАЙДАМАКѢ ШВАЧКѢ. (*)

Гайдамáки дéрли нарóдъ рокíвъ, мóже, зъ дѐсять, ажъ пóки мандебýрия (¹) стáла. Тогдí стíйчики, що зáмку стереглú, и застýкали íхъ оттýтъ у лóзахъ. А колíямъ нíчимъ стрелять, — кýль немá; то оцé вирíже зъ лозú та й хрѐстикъ нарíже, та й стреляе. Швàчка íми довóдивъ. Есть про ёгó й пíсня. Колú хóчете, то й заспíваю:

Ой на козàченькíвъ, ой на Запорóзцівъ та пригòдонька стáла:
Ой у сѐреду та й у обíднiй часъ íхъ Москвà забрáла.
Крúкнувъ Швáчка та на осаýлу: »Изъ кòней додóлу!
Охъ и не дáймося, панóве молóдцi, ми Москалàмъ у невòлю!«
Москáлики ýмнi, Москалí розýмнi, рòзуму добрáли:
Ой наперéдъ Швàчку изъ осаýлою до-кýпи звязáли.
Охъ извязàли и попаровáли й на возú поклáли,

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили народъ лѣтъ, можетъ, десять, пока не установилась *магдебургія* (¹). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѣсь въ лозахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѣлять; такъ они рѣжутъ изъ лозы пули, нарѣзываютъ на нихъ крестики и стрѣляютъ. Предводительствовалъ ими Швачка. Есть про него и пѣсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѣднюю пору, захватили ихъ въ плѣнъ *Москали*. Крикнулъ Швачка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, паны молодцы, въ неволю *Москалямъ!*« Но *Москали* были люди умные, придумали, что̀ сдѣлать: прежде всего связали Швачку вмѣстѣ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на возы и повезли въ тюрьму изъ Богуслава въ Бѣлую Цер-

---

(¹) Подъ этимъ словомъ разсказчикъ разумѣетъ военныя мѣры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленія порядка въ Украйнѣ.

Изъ Богуславья до Білоі Церкви іхъ у неволю забрали.
Охъ дè жъ ваші, панове молодці, вороніі коні?
Ой нашпі коні въ пана на припоні, а самі ми въ неволі!
Охъ а дè жъ ваші, панове молодці, а срібнпі ўзди?
Ой нашпі ўзди въ конєхъ на занузді, а самі ми у нужді!
Охъ а дè жъ ваші панове молодці, ясенькіі списи?
Ой нашпі списи вже въ пана у стрісі, а самі ми у лісі!
Охъ а дè жъ ваші, панове молодці, грімкіі рушниці?
Ой наші рушниці въ пана у світлиці а самі ми въ темниці!
Охъ а дè жъ ваші, панове молодці, голубіі жупани?
Ой наші жупани поносили пани, а самі ми пропали!
Охъ а дè жъ ваші, панове молодці, чоботи сапъянці?
Ой наші сапъянці позабірали райці у неділеньку вранці!
Охъ пошлімо галку, охъ пошлімо чорну, а до Січи рибу істи,
Охъ нехай донесе, охъ нехай донесе до кошового вісти.
Охъ уже жъ гальці, охъ уже чорній та назадъ не вертатьця:
Ой уже жъ намъ, панове молодці, изъ кошовимъ не видатьця! ([1])

ковь. Гдѣ же ваши, паны молодцы, вороные кони? »»Наши кони стоятъ »привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, серебрянные узды? »»Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нужду!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? »»Наши ружья у пана »въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, голубые жупаны? »»Наши жупаны износили паны, а мы пропали!«« Гдѣ ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? »»Наши сафьянцы забрали судьи, »поутру въ воскресенье!«« Пошлю я черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу, пускай передастъ кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ назадъ не воротиться, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видаться.« ([1])

([1]) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываетъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи, будь ласко (спросилъ бондарь), гайдамаки якъ идуть було, то ii пiснi спiвають?«

»Нi, гайдамака йде тихо (отвѣчалъ Тарануха). А се вже вонi тогдi спiвали, якъ у неволi сидiли.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-прiятельски съ Малороссiйскими поселянами, все теченiе разговора между мной, Таранухой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его ранѣе двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что̀ сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминанiями, къ которымъ приводилъ Тарануху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНIИ И БЛАГОЧЕСТIИ. (*)

Довго тягались по Вкраїнi тiи колiи, та опiсля вже почали усюди iхъ хватать, и якъ стала мандебурия на нихъ, то стали гонiтельства и на попiвъ благочестивихъ. Людей гонили силою на присягу; то й батько присягавъ на унiю. А де-которiи не хотiли та ховались. Не хотiли ламати вiри, а ждали такого времʼя, що знову буде благочестие. И я тогдi родився, якъ мандебурия

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарануха) гайдамаки идутъ, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украйнѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *магдебургiя*, то начались гоненiя и на *благочестивыхъ* поповъ. Людей гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унiю*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

встáла. То бáтько не хотівъ хрестúть менé увъ уніята, а хотіли везтú ажъ у Виногрáдськиий манастúръ, та вже якось знайшлú попá тýта и въ-ночі тáйно охристúли.

Такъ Польша до конца политическаго своего существованія осталась вѣрна религіозной іерархіи, за которую получила столько жестокихъ, но напрасныхъ уроковъ! Разсказъ Таранýхи, имѣющій всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЫГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

....А якъ ужé забрáла краї Царúця, та стáло всюди благочéстие, тогді úродъ у пéклі й тýжить одúнъ до дрýгого: »Отъ лúхо! всюди благочèстие стало! Тепéръ ужé нельзя нікóго ні на гріхъ, ні на щò підвестú: у бýдень бýдуть робúть, а въ неділю по церквàмъ ходúть.«

А дрýгий кáже: »Не журúсь, брáте: ми такùхъ на іхъ панівъ нáшлемъ, що въ неділю не бýдуть по церквáмъ ходúть, а зрóблять усюди по неділямъ ярмарки; то й самù нікóли не бýдуть у цéркві, и нарòдъ бýде ярмарковáти.«

ии, когда опять настанетъ *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебургія*. Отецъ не хотѣлъ крестить меня у уніата, а хотѣлъ везть въ Виноградскій монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь попа и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужъ овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти въ аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе!* Теперь ужъ никого нельзя искусить на грѣхъ: въ будни станутъ работать, а по воскресеньямъ ходить въ церковь.« А другой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашлемъ на нихъ такихъ

Отъ же й справди́лось дия́вольске сло́во! Тепе́ръ у насъ що неділя, що свя́то, то й я́рмарокъ, не въ тімъ, то въ тімъ селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІЕ ПОСЕЛЯНЪ ПОСЛѢ КОЛИИВЩИНЫ. (*)

Після гайдама́ччини, якъ уже́ Ляхи́ ста́ли зновъ пра́вити Вкраїною, то було́ на де́сять хатъ оди́нъ ніжъ и одна́ соки́ра: боя́лись, щобъ зно́въ наро́дъ не збунтова́всь. Оце́ ввійде жовніръ у ха́ту: »А, ти, мужи́ку, сизма́тику! у тебе́ два ножі, ġалġанъ, гайдама́ка!« Візьме и пропа́ло.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Було́ що ро́ку наїздя́ть на я́рмарокъ у Смілу Запоро́зці зъ Січи. Приїде було́ іхъ чоловікъ двана́дцять, трина́дцять. А наря́дъ на іхъ такий, що, Бо́же, твоя́ во́ля! Зо́лото та срібло́! Оце́ ша́пка на

господъ, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.« Что́ же? вѣдь исполнилось дьявольское слово! Теперь у насъ что̀ воскресенье, что̀ праздникъ, то̀ и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамаччины* начали опять Ляхи управлять Украйной, то на десять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не взбунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жолнѣръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодяй, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) *Переводъ.* — Бывало каждый годъ пріѣзжаютъ Запорожцы въ Смилу на ярмарку, — человѣкъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ёму́ бу́де оксами́тна, червòна, зъ ріжками, а око́личка — такъ па́льці на три — або́ си́ва, або́ чо̀рна; на спо̀ді у ёго́ жупа́нъ — самі́й чи́стиі кармазинъ, якъ ого́нь, що ії очи́ма не зогля́нешъ; а звѐрху черке́ска зъ вилётами або́ си́ня, або́ голуба̀; штани́ суко́нни си́ні, широ̀кі, такъ и вися́ть ажъ почти́ по передка̀хъ; чо̀боти червòні; а на ляду́нці або́ зо̀лото, або́ срі́бло́; и черезплічники, то ії тѐ все позоло́чуване; ша́бля при боку́ вся бу́де въ зо̀лоті — ажъ гори́ть. А якъ иде́, то ії до землі не доторка́етця. А оце́ було́ ся́дуть на ко́ней та по я̀рмарку — якъ и̂скри ся́ють! Ки́не оце́ було́ бриль та ії не допу̀стить: підбі́жи́ть коне́мъ та и̂ ухва̀тить. А ско̀ро въ кого́ впа̀въ, то вже оце́ і̂дуть, пъють и гуля̀ють за ёго́ гро̀ші. А хра̀брость, така́ хра̀брость! Було́ и̂де, то ій Бо́гу до землі не доторка́етця! тілько шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — пішо̀въ гуля́ть!

Сва́тають було́ дівча̀тъ. Мою́ сестру̀ засва̀тали; то ко́ней у ба́тька поодгодо̀вували, самі неділь зо̀ дві погуля̀ли, та по́тімъ: »Поідемо жъ ми за свидітельствомъ та бу́демо вінча̀тьця.«

Якъ поіхали, то тілько й ба́чили.

рожцѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, — горитъ, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеска съ вылѣтами, или синяя, или голубая: штаны суконные синіе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ бывало Запорожецъ шляпу и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожецъ, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и пошелъ, и пошелъ.

Сватаютъ бывало дѣвушекъ. И мою сестру сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поѣдемъ теперь за свидѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уѣхали — и поминай какъ звали.

9.

ПРЕДАНІЕ О ЗАПОРОЖЦѢ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Якý жъ вамъ тепéръ пісню заспівáть? Хибá про Васюрйнського?

Васюрйнськпй козарлюга все пъè та гуляе,
Отáмана кошового бáтькомъ називáе:
»Позвóль, бáтьку отáмане, намъ на бáшті стáти....

Васюрйнськпй, знáете, той бувъ такйй сйльний, що якъ причащáетця, то чотйрі чоловіки держять попá, щобъ не впавъ одъ дýху. Такйй бувъ лицарь, що тілько дхнè, то одъ самóго дýху не встóішъ на ногáхъ. Якъ прийшлй Москалі Січъ жакувáти, то вінъ просйвъ, щобъ тілько позвóлено ёмý стать на бàшті: »Ми«, кáже, »стáнемо съ кулакàми, то ні спись, ні кýля не візьме.«

А опісля, якъ побàчили, що Москвá вже все позабірàла, то сіло іхъ сóрокъ тйсячъ на човнй та й поіхали до Тýрка.

(*) *Переводъ.* — Какую же теперь вамъ пѣсню спѣть? Развѣ про Васюринскаго?

»Васюринскій *козарлюга* (козакъ-громадина) все пьетъ да гуляетъ, кошевого отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ, взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силачъ, что во время причащенія, четыре человѣка поддерживали священника, чтобъ не упалъ отъ его духу. Такой былъ онъ богатырь, что только дохнетъ — не устоишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москали* разорять Сѣчь, онъ просилъ, чтобъ только позволили ему взойти на башню: »Мы«, говоритъ, »станемъ съ кулаками — и ни копье, ни пуля не возьметъ насъ.« А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москали* все ужъ захватили, то сорокъ тысячь ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминулъ случая распросить Таранýху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспоминанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЕ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОИ. (*)

Не знáю, чи згадàю всі врóчища, бо е въ насъ іхъ до кàта. Оцé зáразъ *'Юрова Горá.* Булó у якóгось пáна трóе дітéй; то синъ Юрáсь збудовáвъ собі домòкъ на 'Юровій Горі — ще й дóсі слідъ знать; а однá дочкá, Дóмна, грèблю Смілянську сúпала; а друга, Мóтря, Мотрéнинъ манастúръ збудовáла.

А зновъ есть, верстóвъ, мóже, пятнáдцять одъ Смілоі, *Gé-русівъ Яръ.* Тамъ, кáжуть, Тỳрки колúсь сиділи. И колòдязь тамъ есть, увéсь вúкладенъ кáмнемъ; а глибóкий такúй, що роскáзувавъ Смілянський такú нашъ чоловікъ, що — кáже — разъ якъ одвалúвъ кáмінь та якъ кúнувъ тудú, то летівъ, летівъ та тілько — дзеннь!

А ще есть *Барабашúха* яръ, верстóвъ дéсять одъ Смілоі. Тамъ колúсь козàкъ Барабáшъ сидівъ.

(*) *Переводъ.* — Не знаю, вспомню ли всѣ урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора.* У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрій выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Домна, насыпала Смилянскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Гéрусовъ Яръ.* Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — разсказывалъ мнѣ одинъ Смилянской человѣкъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ище́ *Холо́дний Яръ*, да́вніі ду́же.....

А коло́ Юрового до́му есть, на горі такі́, моги́ла; зове́тця *Роско́пана*...... Отъ ії й ві́дно звідсі. Та и зъ Черка́съ, ско́ро ві́йдешъ за ца́рину, за́разъ и ві́дно.

11.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ УКРАИНѢ. (*)

Тогді, було́, даси́ два ру́блі *че́нши* посе́сорові, та одбу́дешъ двана́дцять день *ша̀рварку,* гре́блю бъ то гати́ть, а тамъ уже́ що загада̀ють; та *возовѐ* одбу́дешъ, шість візъ привезе́шъ коло̀дъ; та запла́тишъ *коменно̀го* півко́пи гро́шей, та *о̀сипу* ко́рець жи́та, та півко́рця овса́ и ячмѐню, та й сиди̇шъ до́ма. А па́нщини ніякоі не було́. Тілько толо́кою було́ зо̀ремъ ланъ посе́сорові, та ві́жавши складе́мъ и звозимъ та й го́ді. Оце́, було́, прі́йде до ха́ти: »Проха́въ панъ на толо́ку ора́ть, [або́ тамъ жать, чи коси́ть].«

Есть еше яръ *Барабаши́ха.* Жилъ тамъ когда-то козакъ Бараба́шъ.

Есть *Холодный Яръ,* очень старинный..........

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жъ могила *Раскопанная*...... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкасъ, только выйдешь за *ца́рину* (полевыя ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ.* — Тогда бывало дашь два рубля *чи́ншу* поссессору, да двѣнадцать дней отбудешь *ша̀рварку,* стало быть, чинить плотину, или вмѣсто того что-нибудь другое дѣлать: да *возовое* отбудешь — привезешь шесть возовъ лѣсу; да *коменно̀го* заплатишь двадцать-пять грошей, да четверть ржи, да полъ-четверти овса и ячменю, а потомъ и сиди дома. Барщины никакой не было. Только бывало гуртомъ вспашемъ большую ниву для поссессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придетъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ орать [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трое рабочихъ,

То зъ хати два, або три біжить, и въ одинъ день зробляять толокою, що треба, та ii напъютця, й наідятця въ посесора; ще ii музики грають. Добре було жить!

Урожаі були куди проти теперешніхъ! Знаете, степи булі вольнпі, бо ще Смілянки, Рохмистрівки и Ковалихи тогді не було, то поля було доволі. Роківъ десять, або пятнадцять перелогомъ лежить; та якъ зорешъ на новині та посіешъ кавунівъ, то вродять такиі, що зъ землі не знімешъ. А на другий годъ посіешъ пшениці, або жита. То, було, якъ заложишъ чотирі парі воливъ та день попоорешъ, то вродить тобі на однімъ дні кіпъ сорокъ, да таке густе, що було кіпъ чотирі за день нажнешъ; а теперъ попоганяйся, поки нажнешъ и дві копи. Та було оце попоорешъ роківъ три та ii пускаешъ зновъ на перелігъ, а орешъ новину. А теперъ якъ воно буде родить, коли що року все на однімъ місті орють? Изъ копи, було, наберешъ четверть, якъ добрий колосъ.

А ціни ось які булі. Мішокъ гречки такий, що четвериківъ два, — три копійки; проса, овса, ячменю — три копійки; жита

сдѣлаютъ гуртомъ въ одинъ день, что нужно, напьются и наѣдятся у поссессора, — и музыка, бывало, играетъ. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнивать съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Смилянки, ни Ротмистровки, ни Ковалихи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лѣтъ десять, или пятнадцать лежитъ земля въ пару, а потомъ какъ вспашешь на новинѣ да насѣешь арбузовъ, такъ уродятъ такіе арбузы, что съ земли не поднимешь. А на другой годъ сѣешь бывало пшеницу, или рожь. То бывало, какъ запряжешь четыре пары воловъ да поработаешь день, то получишь урожая копъ сорокъ, и такая густая пашня, что въ день нажнешь копы четыре. Года черезъ три опять бывало пускаешь подъ паръ, а новь пашешь. А теперь куда ему родить, когда каждый годъ пашутъ всё на томъ же мѣстѣ? Изъ копы бывало получишь четверть, если колосъ хорошъ.

А цѣны были вотъ какія. Мѣшокъ гречи четверика въ два стоилъ три копейки; проса, овса, ячменя — три копейки; ржи три мѣры въ

ко́рець у Смі́лій — два́дцять копіёкъ, а въ Біла́зеръе повезі́, то трі́ гро́ші; пшені́ці ко́рець — со́рокъ копіёкъ; візъ кавунівъ — гри́вня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Тарану́хѣ, то сборникъ мой былъ бы преисполненъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокупность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминаніями, пѣснями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Скальковскаго, который, собираясь писать »Наѣзды Гайдамакъ«, »нарочно посѣщалъ (говоритъ онъ) почти всѣ тѣ мѣста Западной Украйны, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ« (стр. 144), но не записалъ *ни одной* пѣсни о гайдамакахъ, *ни одного* преданія объ ихъ похожденіяхъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Таращу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ говорливости, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ несмягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которыя доводили меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характеристическими фразами, которыя народъ разсыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

Отдѣльныя выраженія Малороссійскихъ поселянъ. (¹)

У ха́ті въ ій, якъ у віно́чку; хлі́бъ ві́печений, якъ со́нце; сама́ сиди́ть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Бѣла́зерьи три гривны; пшеницы три мѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

(¹) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малороссійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Може вінъ таку пісню знае, що якъ-би заспівавъ, то й волосъ би завъявъ!

А чомъ ви, хлопці, не оретè? — Да, дядьку, свято. — Якè свято? — Чересло й лемішъ изнято!

Хочъ у ступу всадіть да пирогами годуйте, все буду однака. (1)

Вамъ хочъ голову пробий, то не вгодишъ.

Не по чимъ и бъè, якъ не по голові! (2)

Якъ розгуляетця погода та противъ вітру якъ поженè буруни, то дубъ грае по бурунахъ то вгору, то внизъ якъ візъ по балкахъ.

Кровъ дзюрить, булькотить зъ спини.

Велика бувае чубанина на вкулачкахъ, а инший довідаетця, що й молотить неможна: помякчать ребра!

Пèкъ ёму, моя мати рідна! поночі зовсімъ не бачу.

Пошли тобі, Боже, на сімъ світі панство, на тімъ світі вічнее царство!

Е щò й істи, й пити, е по чому й походити, тілько ні на чому гараздъ гостèй посадити. (3)

Такъ якъ кажуть за дванадцять миль киселю істи, ні зъ сёго, ні съ того приіхала до мене кума зъ Ніженя.

Чого ти на мене дивисся, якъ чортъ на попа?

Я живу якъ у рèшеті: відки вітеръ подмè, то повні хати.

Якъ у воді не безъ чòрта, такъ у великого пана не безъ Жида.

Идé Москаля такъ якъ трави.

Якъ же мині знать, который мині годъ? Якъ родивсь, то безъ памяти бувъ; якъ рісъ, то розуму не мавъ; а якъ уже до розуму дойшòвъ, тоді бъ то й лічить, та багацько літъ уплило.

На що ти тамъ ячмінь посіявъ? — Да тамъ, пане, така люба ріля, що дитина виросла бъ, коли-бъ посадивъ!

---

(1) Т. е. не сдѣлаюсь полнѣе.

(2) Въ томъ-то и дѣло! отъ этого-то все и зависитъ!

(3) Говорила хозяйка немеблированной свѣтлицы.

Оттамъ, матінко, лихіі люде! якъ напало на мене семеро перекупокъ, то ледві одгрізлась.

Якъ занедужавъ, то такъ не хочетця вмирать! чи ми жъ кому приклонимося? чи ми обідець исправимъ, чи ми чужого чоловіка погодуемъ, колй ми такі бідні?

Такъ холодно, що якъ-би не вмівъ дрижать, то змерзъ би, Такъ болить, що якъ-би не вмівъ стогнать, то вмеръ би.

Вода чиста якъ слеза. Дівка — якъ тополя. Гарна, хочъ води напийсь. Швидкий, якъ мотиль. Проворний, якъ вітеръ у полі. Сидить, якъ грибъ. Хлопець молодий, якъ барвінокъ. Повнолиций, якъ місяць. Росте, якъ зъ води. Щебече, якъ ластівка. Похожае, якъ пава. Соколъ, не парубокъ! Пъяний, якъ нічъ. Надувсь, якъ сичъ. Біга, якъ дзиґа. Боретця, якъ рябець. Пнетця, якъ жаба на купу. Вертитця, якъ шкуратъ на огні. Величаетця, якъ порося на орчику. Дивитця, якъ теля на нові двері. Цапкомъ ставъ (1). Мовчить, якъ стіна. Ходить, такий якъ квачъ (2). Гострий, якъ бритва. Въетця, якъ гадина. Весела, якъ ясочка. Тепло, якъ у вусі. Добре, якъ у Бога за дверима. Житте ему, якъ у Христа за пазухою.

Байструкъ, та росте якъ струкъ!

Отъ якъ вихоръ злетить да летить не звісно куди, то такъ наше добро ростеклось, — якъ слиня по воді.

Такъ якъ вода зъ відра тече, а воно схне, то такъ вона сохнула въ нашихъ очахъ, — скорій, ніжъ поліно въ печі.

Ти мене слухай, а своімъ робомъ не ходи.

Тутъ теши да теши, а тамъ треба пупъ напять. (3)

Инший такий е, що въ мене, каже, світлійше око попросить; а другий: А въ мене світлійше вкрасти.

Треба робить потай-Бога, щобъ и чортъ не знавъ.

---

(1) Уперся, какъ козелъ.
(2) Т. е. такъ пьянъ.
(3) Говорено при сравненіи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комору, то хочъ-бй гадюка лежала, то зогнавъ би да вкравъ.

Хиба надовго старйй жёнитця? абó самъ умре, абó жінка покйне.

Чогó ти трусисся, якъ сичъ на негóду?

Діла робйть не хóчешъ, а пйка — хочъ пацюкй бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не гріешъ, — дарéмне въ Бóга хлібъ ісй. Я давъ би дві зімі за однó літо.

Душá не сусідъ: її не вйпрешъ. ([1])

Знайте мене перепечайку, що на ворóтяхъ тісто!

Госпóдь милосéрдний нікóли не спить: у тогó щáсте одбирáе, а тому дае.

Тамъ такóго наговорйвъ, що й класти нікуди.

Ідьте, сéрдечко, навпрямецъ, а тамъ живéть Андрій Швець; а тамъ — круто собъ — живéть Кулйна Вакуленкова: її чоловіка торікъ взялй въ Москалі. А тамъ провáллечко, а за провáллечкомъ — гулькъ — по горóду хóдить сйва кобйла, а на прйзьбі лежйть рудá собáка. Отó, сéрдечко, й отáманъ живéть.

По части преданій, въ этихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ставъ Хмельнйцький надъ Случчу, на горі, то обобравъ своé військо такъ, що не зосталось у козаківъ грóшей ні въ кишеняхъ, ні зашйтихъ. ([2])

(*) *Переводъ.* — Когда Хмѣльницкій расположился надъ Случью на

([1]) Говорится о голодѣ.

([2]) Разсказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

2.

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТѢ. (*)

Ляхи́ взяли́ся гнать на благочѐстие. »Чого̀ вони́«, ка́жуть, »на на́шиї землі живу́ть, а *благочести́вого Государя́* помина́ють?« И дава́й головки́ лупи́ть благочести́вимъ. Ото̀ спали́ли першъ ти́таря въ Мліеві, а да́лі й хуторкѝ чернѐчі Мотрѐнинські попали́ли. А въ тому́ манастирі бувъ гу́менъ... охъ, забу́въ же я, я̀къ ёго̀ зва́ли! (¹) Ба̀чить, що ли́хо Ляхи́ ро̀блять, полу́плять го̀лови благочести́вимъ; а писа́ка до̀брий бувъ, та якъ удра̀въ *Золоту́ Гра́моту!* А Макси́мъ Залізня́къ приіхавъ на поклонѐние, а вінъ ёму́ й підні́съ: »Вели́къ світъ Госуда́риня (²) вели́ть рі́зать Жи́да й

горѣ, то обобралъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе.* »Зачѣмъ они«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя?*« И давай головушки снимать *благочестивымъ.* Сперва сожгли ктитора въ Мліевѣ, а потомъ пережгли и монашескіе Матренинскіе хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игуменъ.... ахъ, позабылъ я его имя! (¹) Видитъ онъ, что Ляхи дѣлаютъ бѣдовое дѣло—перегубятъ *благочестивыхъ,*—и хватилъ *Золотую Грамоту*... писака былъ онъ славный. Въ это время пріѣхалъ на поклоненіе Максимъ Зализнякъ; онъ и поднесъ ему: »*Великъ свѣтъ* Государыня (²) велитъ рѣзать Жида и Ляха до послѣдней ноги,

---

ный человѣкъ съ *оселедцемъ*, котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головѣ чупри́ны, называютъ *леверже́тъ.*

(¹) Мельхиседекъ Яворскій.

(²) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Вели́кий світъ на́ша ма́ти! жа̀лю наробила. —
Сла́вне ві́йсько Запоро̀зьке та й запапасти́ла!

Ляха́ до ногй, щобъ и не смерділи на Вкраіні.« Якъ гукну́въ Залізня́къ на охо́тника, такъ такъ и повали́въ наро́дъ, — уся́ Сміля́нщина й Чигири́нщина. Якъ пішли́ ви́нники, то́-що, тогді вже *веліла ма́ти й ва́лъ бра́ти.* (¹)

3.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запоро́зці пе́рше зва́лись Коза́ри (²) и сиділи въ Ка́неві, по́тімъ въ Рома́нкові, по́тімъ у Старо́му Кодаку́, а да́лі ни́жче Никопо́ля. Служи́ло іхъ три́ у короля́. Коро́ль заплати́въ двомъ жа̀лованнє, а тре́тёму сказа̀въ: »Отъ же я двомъ заплати́въ грішми, а ти, коли хо̀чъ, иди́ въ Ка́невъ, осади́ собі тамъ сло̀боду.« Отъ вінъ пішо́въ та й завівъ тамъ Січъ. (³)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украйнѣ«. Кликнулъ кличъ Зализнякъ — народъ такъ и повалилъ къ нему со всей Сміля́нщины и Чигиринщины, и какъ зашевелились винокуры и другіе этакіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) ***Переводъ.*** — Запорожцы назывались прежде Козарами (²) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Рома́нковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньги, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Сѣчь. (³)

(¹) Разсказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(²) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *козакъ* — *козарлю́га*, а уменьшительное ласкательное — ***козу́ря.*** Примѣры:

Васюри́нській козарлю́га все пье та гуля́е...

Лу́чче бъ, козу́рю, могли́ мої о́чі на поти́лиці ста́ти....

(³) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢБОСОЛЬСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запорожжі ніхто було не скаже старому: »Дурно хлібъ ісú.« Приідь, ратище встромú, янчарку повісь та й лежú собі хочъ три місяці, пий и іжъ готове. Тілько встань, Богу помолúсь; колú е гроші, идú въ корчму — горілку пий. А якъ же скаже хто: »Дурно хлібъ ісú«, то козакú такъ и нападуть: »А ти вже закозакувався, сякий-такий сину!« (1)

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ КАНЕВѢ. (**)

»Що то, діду, за гайдамаччина була?« (2)

Проклята була! Самовольці такі булú, що... Невірне такъ

(*) *Переводъ.* — Въ Запорожьи никто бывало не смѣетъ сказать старому человѣку: »Ты даромъ хлѣбъ ѣшь.« Пріѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копье, повѣсь саблю и лежи себѣ хоть три мѣсяца, — пей и ѣжь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу; а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетъ: »Даромъ хлѣбъ ѣшь«, то козаки тотъ-часъ и накинутся: »А ты ужъ закозаковался, сякой, такой сынъ!«

(**) *Переводъ.* — »Что это, старикъ, было за гайдамачество такое?« (2)

Проклятое было! Своевольники такіе были, что.... И какъ просла-

(1) Записано въ Корсунѣ.

(2) Вопросъ путешественника.

було́ прослави́лось! Якъ попъе́тця, то ёму́ не кажи́ ні зло́го, ні до́брого, — така́ соба́ча юха!

Були́ ми зъ ба́тькомъ у я́рмарку підъ Мо́шнами, на Святу́ Неділю, то іхъ и наткну́въ хтось, що въ Білика кінь до́брий есть. А мого́ ба́тька й торкну́ли: »Утіка́й, Дми́тре, ато́ бу́де тобі ли́хо!« То ба́тько якъ ру́шивъ зъ я́рмарку! Добіга́е до сёго́ хреста́, що підъ містомъ стоі́ть, огля́нетця, ажъ вінъ лети́ть изъ узво́зу, такъ якъ воро́на. И до села́ не допусти́въ, нагна́въ. А тутъ череда́ хо́дить. То ба́тько ви́кинувъ коня́ та й пусти́въ у че́реду.

Ганя́вcь вінъ, ганя́вcь за тимъ коне́мъ; ганя́вcь-ганя́вcь, — не пійма́въ; та ажъ до ха́ти прийшо́въ до ба́тька: »Иди́, си́ну вра́жий, та коня́ мині дай!«

То ба́тько му́сивъ самъ лови́ть коня́ и одда́въ ёму́.

»Ну, при́йдешъ же у Ка́невъ, то тамъ Неживи́й тобі запла́тить.«

Прийшо́въ ба́тько въ Ка́невъ, ажъ Ка́невъ уже́ спа́ленъ. А тамъ-то пани́ зроби́ли собі за́мочокъ та ажъ у три́ ряди́ па́лями обгоро-ди́лись и запе́рлись тамъ. А гайдама́ки дава́й соло́му вози́ть, та

вилась было эта сволочь! Какъ напьется, то не смѣй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мошнами о Святой. Имъ и сказалъ кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шепнули: »Уходи, Дмитрій, ато не миновать тебѣ бѣды!« Отецъ скорѣе съ ярмарки. Доскакалъ до креста, что̀ стоитъ подъ городомъ, оглянется — летитъ за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустилъ отца и до села, нагналъ. Тутъ близко ходило стадо. Отецъ отпрегъ коня и пустилъ въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не поймалъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поди, вражій сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдалъ ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажли,

якъ запалйли, то все тамъ и съ панáми, и зо всімъ такъ огнéмъ и взялóсь. У якóгось пáна кінь бувъ, óгиръ такúй, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сідлó самè пять сотъ рублівъ вáрте булó; такъ завелú тогó коня ажъ у острові у лугъ, а гайдамáки й тáмъ найшлú... Такъ отó прихóдить бáтько въ Кáневъ, а гайдамáки посадйли дванáдцять Жидівокъ у-рядъ, та зáйде зъ бóку та й бъè зъ пистóля. Усіхъ вйбили; а до одніеі три рáзи примéръ робйли, такъ не спалить та й гóді. Отъ и пішлй до отáмана: »Щò тутъ робйть, пáне отáмане? три рáзи робйли примéръ до Жидівки — не спалйло.«

»А щò жъ? мóже, вонá схóче вйхриститьця?«

»Хòчешъ вйхриститьця?«

»Хóчу«, кáже. »Я вже и *Вірую во едúного Бóга* знáю.«

Отъ и почалй затязці збірáть христúни. Де молодúцю попадуть: »Идú кумòю!« А самú кýмами. А пóслі якъ стáли даровáть своій хрищéниці, то наскидáли самúхъ денежóкъ стілько, що й конèмъ не повезéшъ.

И дóбра молодйця зъ тиеі Жидівки вййшла; віру нáшу опісля

и все вмѣстѣ съ панами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребецъ, что̀ стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его нашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ — гайдамаки посадили двѣнадцать Жидовокъ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашедши сбоку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порохъ никакъ не вспыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Что̀ намъ дѣлать, панъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?« — »Хочешь креститься?« — »Хочу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во единаго Бога* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки сбирать крестины. Встрѣтятъ молодицу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестницу и набросали ей столько однѣхъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень набожна.

хороше́ держа́ла и така́ була́ богомільна. Було́, тілько задзво̀нять до це́ркви, то и йде.

Такъ ото́ ба́тько й приступи́въ до тихъ затя́зцівъ. А воні́ у Нетере́бці ви́рвали каза̀нъ: »На жъ тобі«, ка́жуть, »оце́й каза́нъ.« Ба́тько взя̀въ каза́нъ, а Нетере́бці опісля́ прийшли́ та й узяли́.

Такѐ-то прокля́те було̀ та гайдама́ччина! Бага̀то нако́іли ли́ха. А опісля́ ще пани́ та Жиди́ наро́дъ де́рли. Прийде: »Се тобі гайдама̀ки дали́, або́ ти са̀мъ гайдама́чивъ!« та й берѐ, що зу́здрить. Таке́-то! (1)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козаки́ підъ Мазе́пою змінйли та й пішли́ підъ Ту́рка. Ту́рокъ давъ імъ зе́млю и все. Коли́ жъ умѐръ коза́къ, а земля́ й ви́кинула; уме́ръ дру̀гий — и друго̀го ви́кинула, трѐтій — ви́кинула й тре-

---

Только бывало начнутъ благовѣстить, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдамакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетеребкѣ котелъ. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котелъ.« Отецъ, и взялъ, а Нетеребцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ панъ, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что̀ ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и поддались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и другого выбросила, тре-

---

(1) Разсказывалъ въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.

тѐго. Такъ вонѝ тоді: »Эй, брáтці сердéчнії! вернімось, бо насъ тутъ и землѝ не приймáе.« А Царь Петрó вже зазиває. »Верніт-ця«, кáже, »не бýде вамъ ніякоі кáри, ні упомѝнку.« Такъ вонѝ й вернýлись. То іхавъ разъ бáтько поузъ Сáвуръ-Могѝлу, а тамъ велѝкиі шляхѝ йдуть: одѝнъ у Московщину, а другий у нашу сто-рону. То міжъ тѝми шляхáми, коло тиі Сáвуръ-Могѝли кáмінь ве-лѝкий лежѝть. А зъ нимъ ходѝвъ тоді на Дінъ Васѝль Куцéнко, письмéнний. Такъ бáтько кáже; »Идѝ лишъ, Васѝлю, прочитáй, щó на тімъ кáмені напѝсано.« А той пішóвъ та й прочитàвъ: »Прóклятъ, прóклятъ, прóклятъ, хто бýде одъ Запорóзцівъ одбі-рáть зèмлю, пóки світъ сóнця!« Государь такé заклятте положѝвъ. (¹)

Мій бáтько такѝ водѝвся зъ тимѝ Запорóзцями. Бувáло, то

тій — выбросила и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротим-ся въ отечество: насъ тутъ и земля не принимаетъ.« Между тѣмъ Царь Петръ зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говоритъ, »не будетъ вамъ ника-кой кары, ни упрека.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савуръ-Могилы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савуръ-Могилы, лежитъ боль-шой камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Донъ Василій Куцéнко, грамот-ный человѣкъ. Отецъ и говоритъ: »Поди-ка, Василій, прочитай, чтò на томъ камнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочиталъ: »Проклятъ, проклятъ, проклятъ, кто будетъ отбирать у Запорожцевъ землю, *пока свѣтъ солнца*!« Такое заклятіе Государь положилъ. (¹)

(¹) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Ку-цéнко, читая на камнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ разсказщика ходилъ на Донъ около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Серб-скими поселеніями за земли. Василь Куцéнко могъ посѣщать ихъ рыбные »заво-ды« для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и наслушаться тамъ разсказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что̀ видалъ и слыхалъ во время своихъ стран-ствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человѣка, ко-торый умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобъ еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на камнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то́-що во́зять у Січъ. Роска́зуе було́, що, ка́же, якъ привезѐшъ горілку, то ій прийіде купова́ть, и за́разъ берѐ волочо́къ, тяга́е, са̀мъ пъе и душъ де́сять часту̀е. Хто стоіть, жо̀дного часту̀е. Уже́ жъ ти ёму̀ не кажи́ нічо̀го. То випъютъ такъ якъ на корхъ зъ бо̀чки, та тоді вже́: »Запла́тимъ же, пани́ молодці, за горілку«, та й заку̀пить усі бочки́, и вже запла́тить до̀бре. А якъ же бъ що сказа̀ въ, той стоя̀въ би тамъ не знать до́ки, та, мо́же, й наза̀дъ повізъ би горілку. »Не йдіть«, ка́жуть, »до вра́жого си́на купова́ть: ча̀рки горілки жа́лує.«

Жва̀вий наро́дъ бувъ! Було́ якъ пійде коне́мъ, то не та̀къ, якъ на̀ші, а такъ, якъ па̀нъ: колибъ струсну̀вся! Такъ и пізна̀ешъ ёго́ оддалеку̀.

Разъ стою за ворітьмѝ, ажъ іхъ іде тро̀е, а за ни́ми по одному̀ коню̀ підъ въюками, и що тамъ срібла̀ въ тихъ въюкахъ! Такъ ду̀маю, що четвери́къ на жо̀дному.

»Здоро́въ«, ка́жуть, »хлопча́!«

Мой отецъ водился таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Сѣчь. Бывало разсказываетъ: Какъ привезешь водку, вотъ и приходитъ Запорожецъ покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стклянку на снуркѣ), опускаетъ въ бочку, пьетъ самъ и потчиваетъ человѣкъ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждаго потчиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Выпьютъ Запорожцы изъ бочки водки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, паны молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ всѣ бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что̀-нибудь сказалъ имъ непріятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и уѣхалъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражьяго сына: онъ чарки водки жалѣетъ.«

Удалый народъ былъ! Ѣдетъ бывало верхомъ, такъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узнаешь.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ѣдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по коню подъ вьюками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вьюкахъ! Думаю, четверикъ на каждомъ. »Здорово, хлопче!« говорятъ мнѣ.

»Здоро́ві!«

»А де́ тутъ Дмитро́ Біликъ живе́?«

»Оце́«, кажу́, »її Біликъ.«

»А до́ма?«

»До́ма.«

Заїхали, пообідали въ ба́тька та її поїхали.

А то воні́ верта́лись изъ По́льщи. Ка́жуть ба́тькові: »Уже́, Дми́тре, надра́ли; бу́де зъ насъ, поки її на́шого віку.«

Не одну́ жъ По́льщу воні́ дра́ли· було́ її на̀шимъ одъ іхъ ли́хо. Ні харчі, було́, не провезе́шъ, нічо́го. Роска́зувавъ ба́тько, що йдемо́ — ка́же — зъ Запоро̀жжя. А братъ до бра́та на Запоро̀жже ходи́въ, такъ вінъ ёму́ два во́зи ри́би накла́въ. Идемо́ зъ Запоро̀жжя, ажъ ди́вимся — ра́тище на шляху́ встро́млене. Уже́ жъ и не іди́ да́льше, ато́ якъ ви́скочать прокля́ті коми́шники, то недо̀вго на світъ дивитимесся. Зупини́ли волі́, ажъ и іде іхъ три. Два жъ стоіть на ко̀няхъ, а оди́нъ до во́за: »Розшнуро̀вуй візъ, вра́жий си́ну!«

Розшнурова́въ.

Вінъ и поча́въ изъ во́за ри́бу викида́ть. А въ друго́му во́зі

»Здравствуйте!« — »А гдѣ Дмитрій Бѣликъ живетъ?« — »Вотъ онъ живетъ«, говорю. »А до̀ма?« — »Дома.« Заѣхали къ намъ, отобѣдали у отца и поѣхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрали мы, Дмитрій, добычи!« говорили они отцу. »Будетъ съ насъ, пока живы.«

И не одну Польшу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешь, ничего. Разсказывалъ отецъ: Ѣдемъ — говоритъ — разъ изъ Запорожья, а съ нами одинъ человѣкъ ходилъ къ брату на Запорожье, такъ тотъ нагрузилъ ему два воза рыбою. Ѣдемъ изъ Запорожья, смотримъ — копье на дорогѣ воткнуто. Это значитъ: не ходи дальше, ато какъ выскочатъ проклятые камышники, то недолго будешь послѣ того глядѣть на Божій свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — ѣдетъ трое камышниковъ. Двое остались на коняхъ, а третій соскочилъ и къ возу: »Разшнуровывай возъ, вражій сынъ!« Чумакъ разшнуро-

спис стримів. Віз був очеретом укритий, и спис у єму стримів. Той чумак дивився-дививсь, далі як ухопить спис та як суне того комишника під бік, — так и пронявъ.

»А йдіть«, каже, »й ви сюди! [на тихъ уже, що на коняхъ сидять] И вамъ те буде!«

То тиі бачать, що се не промахъ, та й звомпили. »Що жъ?« кажуть, »ми бачимо, що вінъ, вражий синъ, глумитця.«

Та й оружже поодкидали.

»Сховаймо«, кажуть, »його, братці: то не падлюка, то Християнинъ«.

Угорнули въ рядно — рядно въ того чоловіка взяли — та й заховали.

Тоді питаютця: »Хто жъ ти такий?«

»Я«, каже, »оттакий и такий. Ходивъ до брата въ гості.«

»Знаемо«, кажуть, »того козака. Щобъ же тебе! коли-бъ ти намъ хочъ слово сказавъ, що ти його братъ, ми бъ тебе й не чіпали.«

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копье. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копье въ немъ торчало. Чумакъ сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватитъ копье да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и прокололъ. »А подите«, говоритъ, »и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!« Видятъ камышники, что это то-же молодецъ, и струсили. »Что же?« говорятъ, »мы видимъ, что онъ, вражій сынъ, глумится«, и отбросили въ-сторону оружіе. »Похоронимъ«, говорятъ, »его, братцы: вѣдь это не падаль, а Христіанинъ.« Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того человѣка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: »Кто же ты таковъ?« — »Я«, говоритъ, »такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.« — »Знаемъ«, говорятъ, »того козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказалъ, что ты его братъ, мы бъ тебя и не трогали.« И поѣхали отъ насъ.

Да й поіхали. (¹)

Такий-то нарóдъ бувъ! Якъ не крàде Запорóжецъ, то й кà-жуть ёмý: »Дòки ти, врàжий сúну, бýдешъ лежàти? И чàрки горілки ні за що вúпіть.«

Нашъ рóдичъ Яцькò бувъ у Запорóзцяхъ; то булó роскàзуе. Пішлú ми — кàже — ажъ за Бòгъ-рікý, надъ Тилигýлъ, кòней красти. Глянемъ, ажъ такúй табýнъ кòней хòдить! Отъ я прилізъ, ажъ Нагàець вартовúй спить и віжки замотàвъ колò рукú. Я якъ сунýвъ ёгó спúсомъ! а вінъ бувъ у панцúрі, то спúсъ такъ и закòрчився. Вінъ якъ схòпитця та до менé! то якъ-бú не булó ножà, то зарізавъ би врàжúй синъ. Атó я якъ черкнý ёгó ножéмъ по гóрлу, то вінъ такъ и повалúвсь.

А вже въ Січъ бàба не ходù. Хочъ-бú сестрà, хочъ-би рідна мàти — не пýстять. Такъ, чòртъ знàе по-якому жилú тúі Запорóзці: самі собі якъ бурлàки. Бувъ одúнъ Запорóжець Нагàець та и внàдивсь до паламàрки. Колò Січи тамъ десь у сельці паламàръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожецъ не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражій сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что выпить.« Нашъ родственникъ Яцко былъ въ Запорожцахъ и бывало разсказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходитъ! Подползъ я къ нимъ, смотрю — сторожевой Ногаецъ спитъ и возжи намоталъ на руку. Я какъ ныр-ну его копьемъ! но онъ былъ въ панцырѣ, — копье такъ и свернулось. Вскочилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражій сынъ. Ато я хвать его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчь не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пустятъ. Чортъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одинъ Запорожецъ, по прозванію Но-

---

(¹) Эта сцена напоминаетъ разсказъ Семена Юрченка о камышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба разсказщика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключеніе; но Юрченко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Бѣликъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламáрки и внáдився. А Запорóзці проню́хали та й пішлй до кошового: »Такий намъ стидъ рóбить Нагáець, пáне бáтьку: унáдивсь«, кáжуть, »до паламáрки, такъ якъ той собáка!«

»Постійте жъ«, кáже, »панй молодці«, я козакà надéжного пошлю́, нехáй присочйть ёгó, тоді вже бýде ёмý сýдъ и роспрáва.«

Отó Нагáець поіхавъ изъ Січи, а козáкъ собі. Приіхавъ до паламáрки: »Одчинй!«

Не одчиняє.

Вінъ якъ сунè двери ногóю — двéри такъ и вйвалились. У хàту, — ажъ вінъ тамъ за зáпонкою.

»А щò ти тутъ рóбишъ, сякий-такий сйну?«

Якъ узявъ бить ёго нагаéмъ!

А той прóситця: »Брáте мій рідний! уже́ хочъ бий, тілько пáнові бáтьку не ясй!«

|А тамъ уже́ такè чóртове заведéнне, що сімъ разъ якъ удàрить кйемъ, то вже хліба не істимешъ.|

Такъ щò жъ? у такóго одмòлисся? И нагаéмъ вйбивъ, и ко-

гаецъ и повадился ходить къ пономарихѣ. Возлѣ Сѣчи жилъ пономарь, такъ онъ къ пономарихѣ и повадился. А Запорожцы провѣдали да и пошли къ кошевому: »Какой намъ стыдъ дѣлаетъ Ногаецъ, пане батько! повадился ходить къ пономарихѣ, словно песъ какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говоритъ кошевой, »я пошлю надежнаго козака, пусть онъ его подкараулитъ, а потомъ ужъ будетъ ему судъ и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нимъ. Пріѣзжаетъ къ пономарихѣ: »Отвори!« Не отворяетъ. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вывалилась. Входитъ въ хату, смотритъ — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А что ты дѣлаешъ тутъ, сякой, такой сынъ?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваетъ его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не сказывай пану батьку!« |А ужъ у нихъ такой чертовскій обычай, что какъ ударитъ семь разъ дубиною, то хлѣба не будешь больше ѣсть.| Что же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шовому зъясовавъ. Ну, звісно вже: заразъ до стовба та киями. Занедужавъ сердешний Нагаець одъ такоі бані та й вмèръ незабаромъ.

Уже що бойкиі людъ бувъ, то такъ! Разъ ходивъ изъ батькомъ у Січъ изъ горілкою мій рідний дядько. Отъ и питаютця: »Щò се, Дмитре, съ тобою?«

»Та се«, каже, »мій шуринъ, моеі жінки братъ.«

»Якъ ёго зовуть?«

»Хома.«

»Не вклепались же«, каже, »й ви, що ёму таке имя дали: вінъ на Хому й походивъ, дияволівъ синъ!«

А разъ таки добре допекли моиму батькові. Сидить вінъ изъ ними въ лёху та й пъють. А вони й давай ёго на сміхъ підіймать: »Ге, васъ«, кажуть, »тамъ у Польщи [а се бъ то, бачъ, на Вкраіні] миромъ не мажуть, а гусячимъ саломъ.«

А батько, не довго говоривши, схопивсь та на базарі купивъ хліба та й пішовъ до кошового.

Кошовий вислухавъ. »Ишъ«, каже, »вражі сини! а вони жъ

стегалъ, и кошевому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Ногайца и наказали дубьемъ. Заболѣлъ бѣдняга Ногаецъ отъ такой бани и умеръ вскорѣ.

Что̀ за бойкій народъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходилъ въ Сѣчь съ водкою мой родной дядя при отцѣ. Они и спрашиваютъ: »Что̀ это за человѣкъ съ тобою, Дмитрій?« — »Это«, говоритъ, »мой шуринъ, братъ моей жены.« — »А какъ его зовутъ?« — »Ѳома«. — »Ну«, говорятъ, »вы не ошиблись, давши ему такое имя: онъ, чортовъ сынъ, и похожъ на Ѳому!«

А разъ задѣли таки моего отца за живое. Сидитъ онъ съ ними въ погребу и пьетъ водку. Только они и давай надъ нимъ подсмѣиваться: »Васъ«, говорятъ, »тамъ въ Польшѣ [а это, выходитъ, на Украйнѣ] помазываютъ не миромъ, а гусиными жиромъ.« Отецъ, не говоря дурного слова, вскочилъ съ своего мѣста, купилъ на базарѣ хлѣба и пошелъ къ кошевому. Кошевой выслушалъ. »Вишь«, говоритъ, »вражьи дѣти! а они откуда наплодились? И они же вышли изъ мужиковъ, а те-

изъ чогò поплодúлись? И вонú жъ изъ мужиківъ породúлись, а теперъ ужé тілько іхъ мúромъ мáзано! А пійдú«, кáже на козакá, що при ёмý бувъ, »пійдú лишéнь помирú іхъ.«

Прийшòвъ козáкъ изъ бáтькомъ до лёху: »А чогò«, кáже, »ви тутъ, врáжі сини, змагáетесь?«

А вонú: »Сядь, сядь, бáтьку, чáрку горілки випий.«

Отъ вінъ посúдівъ трòхи. »Щò жъ«, кáже, »я дáрмо чòботи топтáвъ для васъ? Положíть по рублю!«

Усі вúйняли по рублю й положúли ёмý въ шáпку. И бáтько мýсивъ положúть рубля. Тàкъ розсудúвъ, диявóлівъ синъ!

Атó, кáжуть, ще-то въ-старовинý одібрáвъ кошовúй що найкрáщий нарóдъ та одіжний та й послáвъ до королà. Отъ Ляхú бàчать, що въ іхъ ýси оттакéлезні: »Чогó бъ«, кáжуть, »дать імъ істи? Даймо імъ сметàни.«

Далú сметàни. А Запорóзці кáжуть: »У насъ не даютъ сметáни напередъ; мèдъ напередъ даютъ.«

»Ну, дать імъ мèду!«

Далú мèду. А вони якъй попоіли мèду та позакрýчували ýси: »Теперъ«, кáжуть, »давáйте й сметàни!«

перь ужъ только они и помазаны муромъ! Ступай«, говоритъ къ козаку, что былъ при немъ, »ступай, помири-ка ихъ«. Пришелъ козакъ съ отцемъ въ погребъ. »А что вы«, говоритъ, »вражьи дѣти, спорите тутъ?« А они: »Сядь, батько, сядь, выпей чарку водки.« Вотъ онъ посидѣлъ немного. »Что же?« говоритъ, »я даромъ для васъ сапоги топталъ? Положите мнѣ сюда по рублю.« Всѣ вынули по рублю и положили ему въ шапку. И отецъ принужденъ былъ положить рубль. Такъ разсудилъ, чортовъ сынъ!

Ато, говорятъ, еще въ старину выбралъ кошевой самыхъ лучшихъ, самыхъ щеголеватыхъ Запорожцевъ и послалъ къ королю. Видятъ Ляхи, что у нихъ усы вотъ этакіе, большущіе, и говорятъ: »Чего бы дать имъ поѣсть! Дадимъ имъ сметаны«. И дали сметаны. А Запорожцы говорятъ: »У насъ не подаютъ сперва сметану; сперва подаютъ соты.« — »Ну, дать имъ сотовъ.« Подали сотовъ. Они поѣли и закрутили

А підъ тоїі часъ неприятель прислáвъ Ляхáмъ лýкъ: »Якъ не натягнете«, кáже, »сёгó лýка, то становітця на батáлію.«

Отъ Ляхиі прóбовали — піхтò не натягне.

А одúнъ Запорóжецъ: »Ось кѐте«, кáже, »лишéнь сюдú!«

Узявъ, такъ и натягнýвъ тоїі лýкъ.

»Даiте жъ«, кáже, »тепéръ мині штáбу заліза.«

Та взявъ та кругóмъ шиі тому послóві обгорнýвъ та ії завернýвъ; такъ якъ отъ снипъ завертáешъ, що перевéсло скрýтишъ, такъ вінъ ту штàбу завернýвъ.

»Колú одвѐрнете«, кáже, »ви сю штáбу, то ми на батáлію зъ вáми стàнемъ.«

Якиі же ёгó чортъ одвéрне? Хиба́ бъ гòлову одкрутúвъ! Мóже, якъ приіхавъ, то, мóже, чòртъ знáе дóки пилялú. Не мóжна ні лягтú, нічóго.

Э, здорòвиі нарóдъ бувъ! Ужé якъ зруйновàли Січъ, то одúнъ такиі бýвъ здорóвиі, що дýхомъ убъé чоловіка. Якъ пішòвъ причащатьця та дýху не втаівъ, то трóхи священникъ не впавъ нáвзнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ непріятель Ляхамъ лукъ. »Коли не натянете«, говоритъ, »этого лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нѣтъ, никто не натянетъ лука. Тогда одинъ Запорожцевъ: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »мнѣ полосу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полосу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ снопъ свяжешь и завернешь связку, такъ онъ завернулъ ту полосу. »Коли развернете«, говоритъ, »вы эту полосу, то выйдемъ съ вами на бой.« Кой чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутить! Какъ воротился посолъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ сколько времени пилили желѣзо. Нельзя ни прилечь, ни что.

Эхъ, народъ былъ дюжій! Когда разорили Сѣчь, такъ одинъ былъ такой силачъ, что однимъ дыханіемъ убилъ бы человѣка. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дыханія, то едва священникъ не упалъ на-

»Хто ти« , ка́же, »ста́рче, таки́й? призна́йся.«

»А щò жъ« , ка́же, »ба́тюшка? я отòй и той.«

»Зиі́ди́ жъ« , ка́же, »зъ сѐго́ гра̀да, бо тілько дозна́ютця, то пропадѐшъ.« ([1])

Ще ско́ро рознесла́сь чу̀тка, що Запоро́жже зруйну̀ють, то Гетьма́нці було́ Запоро́зцямъ співа́ють:

Вра́жі сини́ Запоро́зці не до́бре вчини́ли:
Степъ широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

То Запорòзці було́ злятця! Вони́ бъ то й би́ли іхъ, такъ и тò жъ наро́дъ вое́нний. Хочъ и по шинка́хъ було́ зострінутця, то не ду̀же було́ стра́шно. ([2])

А було́ якъ очортіе Запоро́зцямъ у Січі горілку пить, то й понаіжджàють у го́сті на Вкраіну, або́ на Гетьма́нщину. Приіжджа́ють

взничъ. »Кто ты таковъ, старикъ?« говоритъ онъ, »признайся.« — »Чтò же«, говоритъ, »батюшка? я такой-то«. — »Изыди же«, говоритъ, »изъ сего града, ато, какъ узнаютъ о тебѣ, то погибнешь.« ([1])

Еще лишь только разнесся слухъ, что Запорожье разорятъ, то гетманскіе козаки припѣваютъ бывало Запорожцамъ:

Вра́жі сини́ Запоро́зці недо̀бре вчини́ли:
Степъ широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

Запорожцы, бывало, бѣсятся на *Гетма́нцевъ* за эту пѣсню. Они пожалуй и поколотили бы ихъ, да и то былъ народъ военный. Хоть и въ кабакѣ встрѣтятся было съ Запорожцами, то не очень трусили. ([2])

А ужъ, бывало, какъ опротивѣетъ въ Сѣчи водка Запорожцамъ, то и наѣдутъ въ гости на Украйну, а не то — на Гетманщину (т. е. на

([1]) Прошу читателя припомнить преданіе Тарану́хи о козарлюгѣ Васюринскомъ (см. выше стр. 141). Очевидно, что дѣйствительно на Запорожьи существовало лицо, производившее сильное впечатлѣніе на умы. Подъ физическою силою надобно разумѣть здѣсь нѣчто и другое.

([2]) Вѣроятно, этою пѣснею дразнили *отставныхъ* Запорожцевъ. Ея продолженіе показываетъ, что она сложена *послѣ* разоренія Сѣчи.

було́ й до мого́ ба̀тька. То імъ же до̀бре, що е̇ за що пить, а ба̀тько зъ ни́ми та̀къ було́ укача́ется въ довги́, що ну! Якъ позъіздя̀тця було́, то й гово̀рять: »На́ше Запоро́жже та̀къ изведе́тця, що чортма́тиме ніч̀о́го!« Такъ самі, було́, й гово́рять. Отъ же и звело̀сь.

Якъ уже́ въ Січъ Моска́ль пори̇̀нувъ, то вони́ дра̀ла, а Моска́ль: »Біжіть та коло́ Кизикерме́на ланцю̀гъ переки́ньте чере́зъ Дніпръ! якъ бу̀дутъ утіка́ть, то зъ пу̀шокъ на іхъ!« А вони́ вербу̀ зруба̀ли та й пусти́ли по Дніпру̀. То верба́ вда̀рилась объ ланцю́гъ, а пу̀шки — гу, гу! А Запоро́зці тоді: »Оттепе́ръ, бра́тця, гребіть!« та й утекли̇̀ одъ Москаля́. (1)

7.

ПОВѢРЬЕ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОѢ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була́ та війна̀ (2) знов̀ъ незна́ть чого́ наро́дъ изтрусну̀вся. Було́ ка̀жуть: »Се, ви́дно, десь таки́й ли̇̀царь уроди́вся, що

лѣвый берегъ Днѣпра). Прiѣзжаютъ бывало и къ моему отцу. Ну, имъ-то не бѣда — есть на что̀ пить, а отецъ бывало вкатается въ такіе долги, что ну! Какъ съѣдутся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорожье такъ изведется, что ни чорта не останется!« такъ сами бывало и говорятъ. И подлинно вѣдь извелось.

Какъ бросились *Москали* въ Сѣчь, такъ они бѣжать, а тѣ посылаютъ отъ себя: »Поскорѣе перебросьте возлѣ Кизикермена цѣпь черезъ Днѣпръ! и какъ станутъ уходить, палите изъ пушекъ!« А Запорожцы срубили вербу и пустили по Днѣпру. Ударилась верба объ цѣпь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорожцы: »Теперь, братцы, гребите!« и ушли отъ *Москалей*. (1)

(*) *Переводъ.* — Въ ту войну опять не вѣсть отъ чего народъ встре-

---

(1) Разскащикъ (Климъ Біликъ) смѣшалъ здѣсь бѣгство Запорожцевъ въ Турцію съ выступленіемъ Запорожскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

(2) Съ Польшею, 1792 — 1795.

вся земля́ затрусилась!« Ажъ тоді са́ме, якъ була́ ота́ заверюха, той Гла̀дкий-то народи́всь.

8.

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Було̀ коли́сь такъ — ще́ перѐдъ Хмельни́щиною — що церко́вні ключі були́ въ Жида. Якъ чого́-тре́ба до це́ркви, то йди вже до Жида да торгу́йся, що вінъ візьме. То зъ того́-то її ли́хо счало́ся.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ. (**)

Ста́ли Ляхи́ ду́же вже паляга́ть на козаківъ. Прийшло́ іхъ у Запоро́жжа по два Ляхи́ на одного́ козака̀. То козаки́ сла́ли до короля́ листи́, що такі намъ збитки ро́блять, що не мо́жна ніякъ прожити. Такъ коро́ль и да̀въ імъ права́. А Бараба́шъ схова̀въ та ні-

---

вожился. Бывало говорятъ: »Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!« Анъ въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкій-то родился.

(*) *Переводъ.*—Когда-то водилось такъ — еще до Хмѣльничины — что церковные ключи хранились у Жида. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жиду да торгуйся, что̀ онъ возьметъ за это. Изъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козаковъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козаки посылали къ королю жалобы, что они дѣлаютъ имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

кому її не показавъ. Отъ Ляхи козаками й орудують. А Хмельницький бувъ при Барабашеві за писаря въ Чигирині. Самъ у Суботові сидівъ, а туди іздивъ на писарство. Отъ, якъ родилась у Хмельницького дитина, то вінъ кумомъ узявъ гетьмана. Якъ же впоівъ гетьмана добре, тоді вйнявъ у его зъ кишені хустку, и перстень зъ руки знявъ, та й посилае до Чигирина свого джуру. »Два коні бери та біжи въ Чигиринъ по права!«

Приїжджае той джура до гетьманши: »Пані! заиливсь изъ гетьманомъ пани, — порубають; такъ дайте тиі права, що одъ короля!«

»Оттамъ же«, каже, »вони въ стані підъ ворітьми, въ глухімъ кінці у пуздерку, въ землі.«

Проснпаетця гетьманъ: »Ой куме«, каже, »куме! була въ мене хустка въ кишені, а теперъ нема! бувъ у мене перстень щирозлотий на руці, а теперъ нема!«

рабашъ спряталъ ихъ да никому и не показалъ. Ляхи и ворочаютъ козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмѣльницкій былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Суботовѣ, а туда ѣздилъ на службу. Когда у Хмѣльницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ напоилъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринъ своего *джýру* (слугу): »Возьми двухъ коней да скачи въ Чигиринъ за правами!«

Пріѣзжаетъ джура къ гетманшѣ: »Пани! повздорили съ вашимъ мужемъ паны, — изрубятъ въ куски; дайте права, что король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говоритъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ (¹) они въ погребцѣ лежатъ въ землѣ.«

Просыпается гетманъ: »Эй«, говоритъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ карманѣ платокъ, а теперь нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперь нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмѣль-

---

(¹) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится пятка, или петли.

»То́«, ка́же, »мій хло́пець роздяга́въ тебе́, якъ клавъ у ліжко, то повиіима́въ.«

А самъ усе̇ позира́е въ вікно́. Колы́ жъ гля̇не гетьма́нъ, ажъ хло́пець повівъ у ста́ню коня́ тако̇го, що тілько—хахъ, ха, хха, хха! (¹) Тоді вже й постерігъ, що Хмельни́цькій посила́въ по права̇.

»Ой Хме́лю«, ка́же, »Хме̇лику!
Вчини̇въ есі́ ясу́
И поміжъ пана́ми вели́кую трусу́.
Лу̇чче було́ бъ тобі брать су́кна не міря̇чи,
А гро́ші не лічачи;
Лу̇чче бъ було́ тобі съ пана́ми до́бре пожива́ти,
Аніжъ тепе́ръ по луга́хъ Базалу̇гахъ потира́ти,
Комарівъ, якъ ведме́дівъ, годова́ти!

Гетьма́нъ же іде додо̇му, а вони́ съ хло́пцемъ, ко́ней сідла́ють та ідуть у Січъ. Приіхали; вда̇рили въ ко́тли; зибра̇лись коза́кі́. Вінъ ви̇читавъ оди́нъ ука̇зъ — не слу̇хають; ви̇читавъ дру-

---

ницкій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваетъ въ окно. Смотритъ гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хахъ, ха, хха, хха! (¹) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмѣльницкій посылалъ за правами.

»Ой ты, Хмѣль«, говоритъ, »Хмѣль! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ брать отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базавлукамъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Ѣдетъ гетманъ домой, а Хмѣльницкій съ мальчикомъ сѣдлаютъ коней и ѣдутъ въ Сѣчь. Пріѣхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочиталъ Хмѣльницкій одну бумагу — не согласны; прочиталъ дру-

---

(¹) Этими междометіями разскащикъ выражаетъ тяжелое дыханіе коня, прибѣжавшаго съ гону.

гий — не слу̀хають; та вже якъ третій прочита̀въ, тоді всі й ста̀ли на бата̀лію. (¹)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежатъ ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ думы о Хмѣльницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поютъ объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кия́не, Кия́не, пано̀ве грома́да!
Пога̀на ва́ша ра́да:
Якъ-бй ви Миха́йлика не оддава̀ли,
По́ки світъ со̀нця, ворогѝ бъ Кѝєва не доста́ли...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62), въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоня̀не, Полоня́нська грома́да!
Не хоро̀ша ва́ша ра́да ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значитъ, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

---

гую — не согласны, да ужъ какъ третью прочиталъ, тогда всѣ вышли на бой.

(¹) Разсказывалъ Климъ Біликъ.

кихъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзіи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнъ, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ ([1]). Перенести же куплетъ изъ думы о новѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для разскащика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще человѣческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинъ стараго, но не подпирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ »Слова о Полку Игоревѣ« говоритъ, что хорошо бы начать пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ пѣвалъ Боянъ, только разсказать въ ней *былины сего времени*; и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія новѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воротахъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзіи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

([1]) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ (»Укр. Нар. Пѣсни«, изд. Максимовича, стр. 26):

Ой пишли́ козакы́ на чоти́рі поля́,
Що на чоти́рі поля̀, а на пяте на Подо̀лье...

взять изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорится:

Отее́ жъ и пішли̇ на̇ші на чоти́рі поля́,
Що на чоти́рі поля̀, а на пятее на Подо̀лье.
Ляхівъ на всі сто́рони, по всімъ хреста̀мъ колоти́ли...

обломокъ? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что̀ дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Га̀нжѣ Андыбѐрѣ, или нѣкоторыя другія думы, помѣщенныя въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что̀ предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Илличъ записалъ въ селѣ Красиловкѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный разсказъ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностой. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валеньемъ *валу* или пряжею *во̀вны,* пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то »соловья стараго времени« дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что »вѣщіе персты« давно уже не вторили ей на »живыхъ струнахъ« и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь разсказщицы. 85-лѣтняя старуха *Гу̀йдиха*, передавшая ее г. Шишацкому-Илличу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плавателяхъ по »круглому« морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Илличъ! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народной поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя »Слова о Полку Игоревѣ.«

Интересно во многихъ отношеніяхъ введеніе разскащицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзя́каньемъ*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояніи, какъ одна старуха-сказочница, которая говорила о себѣ: »За ста́ростю ма̀ло вже що памята́ю; мовъ сплю, або́ пъя̀на, або́, здае́тця, пере́дъ ва́ми стою́ да іі брешу̀ зъ голові́, чого́ зъ ро́ду й не чу̀ла.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слушала *въ за́печку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатерининскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчъ Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (1)

ДУМА-СКАЗАНІЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ »СТАРШАГО КНЯЗЯ«-ЯЗЫЧНИКА ВЪ »ХРИСТІЯНСКУЮ ЗЕМЛЮ.« (*)

Стари́і лю́де ка̀жуть, що колись були́ лю́де зовсімъ не таки́, якъ (2), тепе́реньки: були́, ка̀жуть, и вели́кіі и гонки́і та́къ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совсѣмъ не томъ, что̀ теперь: былъ крупенъ и такой рослой, что нога,

---

(1) Перепечатываю ее изъ № 16 »Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей« 1855, гдѣ она неосновательно названна »*Сказкою* про бога Посви́стача«, въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что »дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножитейскихъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.« (Примѣч. 5) Кромѣ того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ похожденія князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посви́стача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(2) Въ правописаніи держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна́ нога́, примі́рно сказа́ть, намъ по плечѐ досяга́ла, а въ на́шихъ хата́хъ тепе́реньки імъ и жи́ть би не по мі́рі. Ска̀зано, пора́ одъ пори́ усе́ ма̀лятця. Коли́сь, ка́жуть... Богъ-то ёго́ зна́е уже́, колі́ се бу́де... зросту́ть такі̀ лю́де, якъ у насъ мурашкі̀, да тогді уже́, поговору́ють, и коне́ць світу бу́де. Бачъ, ка́жуть старі́і лю́де... да Богъ-то ёго́ зна́е, відкуля́ вони́ се́е уже́ зна̀ють: чи то̀ імъ уже́ та́кеньки праді́ди роска́зували, чи инакъ якъ, Госпо́дь іхъ зна́е... я̀къ-то воно́ бу́де таке́, що лю́де такъ изживу́тця, що якъ комашкі̀ ти ста́нуть! Аже́ жъ, якъ подиві̀тьця на тепе́решнёго чоловіка, дакъ ище́ либо́нь не шві̀дко таке́ мале́ переро́битця, и світъ ище́ замісь до̀вго стоя́ть бу́де. Не намъ, бачъ, дожда̀ть сёго́: хиба́ вже діти на́ши, чи вну́ки, або́ да́лі.

Да то ска̀зано, що лю́де си вели́киі були́ зовсімъ не те, що ми́, Христия́не: у іхъ и бо́га я́кось и̇накъ зва́ли — ка́жуть, *По̀свистачъ* яки́сь. Вінъ, ка́жуть-то, установля́въ годи́ну усю́ди, а більше нечо́го и не зна̀въ: объ дру́гімъ чі́мъ дру́гиі зна́ли и поря́докъ свій дава́ли.

примѣрно сказать, досягнула бы намъ до плеча, а въ нашихъ хатахъ ему и жить теперь было бы не по мѣрѣ. Извѣстно, что̀ дальше, то всё народъ мельчаетъ. Говорятъ, когда-то... Богъ знаетъ только, когда это будетъ... явятся такіе люди, какъ теперь муравьи, да тогда ужъ, сказываютъ, и конецъ свѣта настанетъ. Видишь, говорятъ старые люди... только Богъ ихъ знаетъ, откуда они все это знаютъ: такъ ли ужъ имъ прадѣды разсказывали, или какъ-нибудь иначе... какъ оно этакъ сдѣлается, что люди изживутся и станутъ, какъ муравьи! Вѣдь, какъ посмотрѣть на нонѣшняго человѣка, то, кажется, не скоро бы всему этакъ выродиться, и свѣту, кажись, стоять бы еще долго. Не намъ, видишь, дожить до этого: развѣ доживутъ наши дѣти, или внуки, или далѣе.

Ну, извѣстно, эти большіе люди были совсѣмъ не то, что̀ мы, Христіяне: у нихъ и бога какъ-то иначе звали: богъ у нихъ былъ, говорятъ, какой-то *По́свистачъ*. Онъ, говорятъ, устанавливалъ всюду погоду, а больше ни о чемъ не заботился; объ иномъ прочемъ заботились другіе и распоряжались по-своему.

Та́къ-то було́ коли́сь, про що вамъ стара́ Гу́йдиха верзя́кае. (1) Ска́зано: *Старо́му брехáть — не ціпомъ махáть.*

Отó, ка́жуть... слу́хайте жъ, бо се вже справедна́ ка́зка починáетця... у сіхъ вели́кихъ людéй старшíй якíйсь бувъ князь, да заду́мавъ вінъ женúтьця, щобъ по собі було́ кого́ на ца̀рстві зоста́вить. Ставъ сей князь людéй своíхъ ззива́ть. Зíйшли́ся усі старíі, розу́мни головú, що совíтъ дава́ли своíму́ князю. Вінъ імъ и ка́же:

»Оцé, слу́ги мої вíрниі, намъ трéба зна̀ть,
Кого́ пóслі мéне на ца̀рство зоста́вить,
Щобъ ва́ми, розу́мними голова́ми, дóбре-предóбре пра̀вить;
Ча́сомъ (2) моéі смéрти, щобъ ви зна̀ли,
Кого́ царё̀вать поста́вить.«

От ёму́ й ка̀жуть:
»Це ти, нашъ ста́ршій князю, на́ша голова́ наро́дна,
Це ти са́мъ мóжешь дóбрый совíтъ дать,
И своíмъ рóзумомъ помíркова́ть.
А колú дозвóлишъ, такъ ми тобі отъ що ска́жемъ:
Не прикажú насъ казнúть и руба́ть,
А позвóль тобі кра́сную княгúню доста́ть,

Такъ-то было когда-то все это, что̀ вамъ старая Гу́йдиха болтаеть. Извѣстно, *старóму брехáть — не ціпомъ мáхать.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшій князь, и вздумалъ онъ жениться, чтобъ было кого оставить по себѣ на царствѣ. Сталъ этотъ князь людей своихъ сзывать. Сошлися всѣ старыя, умныя головы, что̀ давали совѣты своему князю. Онъ и говоритъ имъ. (3)

---

(1) При этомъ разскащица улыбнулась. *Прим. Ш.-И.*

(2) Въ-случаѣ.

(3) Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объясню только нѣкоторыя мѣста и отдѣльныя слова.

Позвόль карабéлі стругáть
Да на сúне мòре виїжджáть.«

Тутъ стáршиЙ князь усміхнȳвся…
Повелівъ караблі знаряжáть
И новú будовáть, ([1])
А въ караблі вíйсько насáжувать
И кадкú мèду уставлять,
Щобъ булό съ чимъ по сúнёму мòрю гулять,
Да крáсную княгúню затримáть и шановáть. ([2])

Якъ зобрáли жъ да збудовáли караблú,
Тогді ставъ князь у волосянý дàху одягáтьця ([3])
Да золотúмъ чересл`мъ ([4]) підперàзуватьця. ([5])
Стáли вíрнні слýги ёгό на майдàнахъ громáдитьця ([6])

([1]) И новые строить.

([2]) Угощать и потчивать.

([3]) Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *даха* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстью наружу. (»Матеріалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря«, стр. 195.) Попросту — даха значитъ бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ-Илличемъ въ селѣ Чемерѣ, Козелецкаго уѣзда:

Обýвъ нόги не въ ремінь, не въ ремінь,
А въ чόботи изъ сапъàну, изъ сапъяну,
Шúтий чéресъ все шовкàми — кругόмъ стáну.
Одягъ плéчи не въ жупàнъ, не въ жупáнъ,
Надівъ *дàху,* ставъ якъ пàнъ, ставъ якъ панъ.
Вόвна звéрху такъ и мàе, такъ и мáе.
Ззáду кόбень такъ и грàе, такъ и грáе;
А рукáва да широкиі, широки:
Задáсть мόлодъ всякій дìвонці морόки…

Г. Шишацкій-Илличъ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненіе: На мой вопросъ: »Что такое даха?« пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: »Хутряна звірёва свúта, тільки вòвною до вèрху, себъ-то инáче кожухъ, да тільки дуже корòтка. Кàжуть, булá ся одéжина ажъ вúшше вкòлішокъ; иззáду нáче кобенякъ, а рукàва широки да такъ и мàялись по вітру, а на руки не вдягàлись. Я, бачъ, не бàчивъ, а кàжуть такъ.«

([4]) *Чересл*ó или *чéресъ* — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — ([5]) Опоясываться. — ([6]) На выгонахъ собираться.

Да своїму̀ бо́гу Посвистачу моли́тьця,
Щобъ вінъ імъ годину давъ
Да мо̀ря не турбова́въ. (1)

Ста́ли за сімъ вони́ збира̀тьця
Да карабе́лі свої у мо̀ре випуска́ть.
Ста́ли карабе́лі свої ча̀йми (2) підима́ть;
Якъ ста́до лебедівъ вони́ одъ бе́рега одпливали,
По си́нёму мо́рю якъ бжо̀ли (3) сновали,
Що ажъ мо́ре собо́ю, нена́че хма̀рами (4) ти́ми, кри̇́йма укривали.

'Їде князь ста́рший зъ своімъ військомъ по кру̇глому мо́рю до землі Христия́нськоі,
Щобъ тамъ у ля́къ своіми карабля́ми усіхъ постанови́ти (5)
И собі кра́сную княги́ню въ заму̇жже доста́ти.
Якъ ста́ли вони́ до Христия́нськоі землі доіжджа̀ти,
Ста́ло ста́ршого кня́зя уда́ле се́рце недо̀бре зачува́ти.
И ка̀же вінъ своімъ ра́днимъ слуга́мъ: (6)
»Эй ви слу́ги мої, ра̀ти вірнії!
Щось моя́ душа́ недо̀бре чу̇е:

---

(1) Не волновалъ.

(2) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу — мачты и паруса. — (3) Пчелы. — (4) Тучами. — (5) *У лякъ постановити* — привести въ ужасъ. —

(6) Эти два слова, можетъ быть, пѣлись старосвѣтскими баянами — *ратнымъ слугамъ*. Поправка позднѣйшихъ пѣвцовъ, или разскащиковъ имѣетъ свое основаніе и не уклоняется отъ смысла »старыхъ словесъ«. Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѣтниками). Это не были конюшіе, или разсыльные, это были повѣренные величайшихъ тайнъ. Хмѣльницкій послалъ своего чуру къ женѣ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѣла судьба Малороссіи. Чура Палія, Стоусь, послѣдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѣ Андрея Шута о Хмѣльницкомъ говорится (Сборн. Метлинск. стр. 391):

Тогді жъ то не моглй знати ні со́тники,
Ні полко́вники,
Ні чу̇ри коза́цькиі,
Ні му̇жи грома́дськиі,
Що нашъ панъ Хмельни́цький — —
У городі Чигрині заду̇мавъ вже й загада́въ.

Що ні сòнъ не йде, ні хліба иззісти,
Ні водӥ испити...
Колибъ намъ часомъ (1) оттутъ своіхъ душъ не положити!

Тогді старӥ голови стали князя резòнити,
Що на синёму морю імъ нічого боятись:
Бачъ, вонӥ свого бога Посвистача прохали мòря не турбовати.

Якъ тільки жъ до берега Христіянського вонӥ стали допливàть,
Ставъ чорний орèлъ надъ моремъ літать,
А літавши, ставъ вінъ гòлосомъ казать: (2)
»Пхе, Руська кòсть пахне!«
Ставъ народъ Християнсьский до моря зиходитьця
Да Бòга свого прохать,
Щобъ вінъ карабелі вражеськи вітромъ розогнавъ,
Чи водою потопивъ.
Ставъ Богъ Християнський бурю піднимàти
Да круглее сине море изъ свого лòжа вивертàти.
Тогді караблі по морю безъ ладу гуляли,
Чайми іхъ вітромъ ламало
Да по воді роскидало.
Стало військо князя старшого у мòрі потопать,
Ставъ тогді старший князь своімъ раднимъ слугамъ казать:
»Эй ви, слуги мої вірниі! (3)
Не есть се богъ нашъ Посвистачъ Богъ настоящий,
Що вінъ сеéі бури не втишивъ,
Да наши караблі въ такій силі потопивъ.
Десь нашъ богъ Посвистачъ спàвъ,
Чи въ Макòши (4) гулявъ....
Есть-то Богъ настоящий
Богъ Християнський!«

Тогді старший князь кораблі свої останні завертàвъ,

(1) Подъ-часъ. — (2) Говорить.
(3) Этотъ стихъ подтверждаетъ предъидущее замѣчаніе.
(4) Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назàдъ одпливáвъ.
Якъ приіхавъ князь стáршій у свою невірную зèмлю,
Ставъ вінъ совітъ старúхъ людéй ззивàть да збирáть,
Да въ Християнську зèмлю посилáть,
Щобъ вонú тамъ віру займáли
Да Християнського Бóга и собі Бóгомъ зазнáли.

Дòвго старú гóлови мовчáли.
Однú свогó стáршого кня́зя одъ сеéі дýмки одвертàли,
Другйі самú собі нарекáли,
А трéйті стáли стáршого кня́зя вàжить, (1)
Щобъ швúдче човнù бударáжить (2)
Да у Християнську зèмлю одпливáть.

Стáли вонú виіжджàть,
Стáли тогді усі пùръ пировáть,
Да кріпкимъ мéдомъ дорòгу поливáть.
Не день и не двà вонú такъ гуляли,
Пóкіль ажъ посланці зъ стáршимъ кня́земъ назàдъ повертáлись.
У дудкù грáли
И въ брязкùти (3) бряжчáли...

Я тамъ булá,
Медъ-винó пилá,
По бороді теклó,
Да въ рòті не булó.
Зъ барúлечка горілочка буль-бýль,
А нáшимъ ворогáмъ сімъ дуль! (4)

Въ какое время была сложена эта дума?

Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

---

(1) Убѣждать. — (2) Ладьи снаряжать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминанія, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о *разореніи Кіева Батыемъ*. (См. въ приложеніяхъ).

представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соотвѣтствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятные синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (¹)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляетъ его слушать рапсодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагаемы были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражавшей его воображеніе. Рапсодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляетъ своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вслѣдъ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ »Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго«, написанной современникомъ этихъ »бунтовъ«, говорится (на стр. 44), что невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ *о немъ* »думу козацкую«; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упомянуто, что епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, »зложилъ собою думу альбо пѣснь« о Вѣнской войнѣ.

(¹) Недавно я слушалъ лирника Ѳедора Кононéнка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовиченкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шáпку изъ голови знимáе,* а въ другой: *шликъ изъ глави здиймáе.* На вопросъ мой: отчего онъ неодинаково поетъ? онъ отвѣчалъ: »То я попрóстому співавъ, а ви оттáкъ записуйте: *шликъ изъ глави здиймáе.*«

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (¹) говоритъ:

Ой де жъ то панъ Палій Семе́нъ *тепе́ра* журитця!

Она сравниваетъ Мазепу, который, пожертвовавъ душою, носитъ шитую золотомъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири:

Той, ду́шу закла́вши, свиту, ба́чъ, гапту́е,
А той по Сибіру — мовъ въ лу́зі дубу́е...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращенъ изъ Сибири, а Мазепа находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1831-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ:

Шве́дського ро́ку, нещасли́вого літа.....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ нищими слѣпцами такъ, какъ Палій, вѣрный слуга Царя Петра? Мнѣ скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

(¹) «Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній Малороссійскаго поэтическаго генія и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодіи, въ которыхъ разсказываются такія подробности, какъ напримѣръ:

Пéрва (аренда) на Самáрі,
Дрýга на Саксáні,
Трéйтя на Гнилій,
Четвéрта на Пробóйній,
Пята на річці Кýдесці (¹)...

или:

Гóродъ Сорóку у неділю рáно задобідде взявъ,
На рúнку обідъ пообідавъ,
Къ полýдній годúні до гóрода Січáви припàвъ,
Гóродъ Січáву огнéмъ запалúвъ и мечéмъ исплюндровàвъ (²)...

наши рапсодіи суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложившій Иліаду лѣтъ черезъ полтораста по разореніи Трои, не могъ иначе помнить всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

(¹) См. выше, стр. 58.
(²) »Нар. Южнор. Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодіи, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственныя его воспоминанія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и разсказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому нищи пѣсни, сложенныя народомъ, послужатъ, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ — одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изустной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своеи національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтическаго творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внуртреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое изчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Что̀ выйдетъ изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до бозобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческою жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочностію скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залоги грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума чоловѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія человѣческаго духа въ формахъ былого не должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣпые пѣвцы-нищіе не творятъ новыхъ думъ подъ-стать старымъ:

Spiewak niesiety! spiewać nie mam komu.... (¹)

Поколѣніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творитъ историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что̀ не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и нѣтъ для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ заученныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться воззрѣніемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэтическаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже ненапечатанныя, они знаютъ наизустъ, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

(¹) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутреннею своею гармоніею поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только слѣпцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аѳанасьевымъ между Пырятиномъ и Прилуками (1), изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израненномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ всѣ заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣснею о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрною подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожнею,* и когда козакъ лишился всего, то —

Тількі іі зосталась ёму́ *банду́ра* подоро́жняя
Та у глибо́кій кишéні *лю́лька*-буру́нька.

Уже это сближеніе бандуры съ люлькою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе жинки (2), показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человѣкъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Тата́рськихъ поля́хъ,
На коза́цькихъ шляха́хъ,

(*) *Переводъ.* — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

---

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 443.

(2) Мині зъ жінкою не возитьця,
А тютю́нъ та люлька козаку́ въ доро́зі знадобитця

Не вовкѝ-сiрома̀нцi квѝлять-проквиляють,
Не орлѝ-чорнокрѝльцi клеко́чуть и пiдъ небеса̀ми лiта̀ють:
То сидѝть на могѝлi коза̀къ старе́сенький,
Якъ голу̀бонько сиве́сенький,
У ко́бзу гра̀е-виграва́е,
Го̀лосно спiва́е...

Кiнь бiля ёго́ пострiляний, пору́баний,
Ра́тище пола̀мане.
Пiхви безъ ша̀блi була́тноi,
У ладiвнѝцi нi однiсенького набо́ю.
Тiлькi й зоста́лась ёму̀ банду̀ра подоро́жняя,
Та у глибо́кiй кише́нi лю́лька-буру́нька,
Та тютюну̀ пiвъ-папу́шки.

Коза́къ серде́га люлечку потягàе,
У ко́бзу гра̀е-виграва́е,
Жа̀лiбно спiва́е:
»Гей, бра́тця, панѝ моло́дцi,
Козакѝ Запоро́зцi!
Де ви ся поверта̀ете.
Якъ ви ся ма̀ете?
Чи до Сiчи-ма́тери прибува̀ете?

не сѣрые волки воютъ, не чернокрылые орлы клохчутъ и подъ небесами летаютъ: то сидитъ на курганѣ престарѣлый козакъ, сѣдой какъ голубь; онъ играетъ на ко́бзѣ, онъ громко поетъ...

Подлѣ него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да полъ-папуши табаку.

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? каково вамъ поводится? Возвращаетесь ли вы къ матери-Сѣчи, побиваете ли дубьемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-ма́тери прибува́ете,
Чи Ляхівъ-ворогівъ кия́ми покладаете?
Чи Татаръ бусурме́нівъ малахаями, якъ че́реду, у поло́нъ заганяете?
Колибъ мині Богъ помігъ старі ноги роспраўляти,
За ва́ми поспішати,
Мо́же бъ ще я здужавъ на оста́нку віку вамъ заграти,
Го́лосно заспівати!
Неха́й би моя́ ко́бза знала,
Що мене́ рука́ Християнська похова́ла!
Ато́ пропаде́ моя́ ко́бза ні за собаку:
Лежа́тиме сама собі у степу, ви́вернувши уго́ру с...!
А вже мині старе́нькому безъ кобзи пропада́ти:
Не зможу я по степа́хъ чвала́ти.
Бу́дуть мене́ вовки-сірома́нці зустріва́ти,
Бу́дуть дідомъ за обідомъ коня́ мого́ заіда́ти.
Ко́бзо жъ моя́, дружи́но вірная,
Бандуро моя́ малёваная!
Де жъ мині тебе́ діти?
А чи у чи́стому степу спали́ти?
И попілець по вітру пусти́ти?
А чи на могилі положи́ти?
Неха́й буйний вітеръ по степа́хъ пролітає,
Струни твоі зачіпае,

лонъ нагайками бусурмановъ Татаръ, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправить старыя ноги и поспѣшить за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко запѣть вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Христіянская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сѣрые волки; конь мой будетъ имъ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О ко́бза, подруга моя вѣрная, банду́ра ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепелъ по вѣтру, или положить на курганѣ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степямъ, пусть

Смутнéсенько, жалібнéсенько грáе-вигравáе.
То, мóже, подорóжні козакѝ бігтимуть близéнько,
Почýють, що ти грáешъ жалібнéнько,
Привѐрнуть до могѝли....« ([1])

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣ подорожнею и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлались *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украйнѣ общеупотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкій вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

---

задѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышатъ твой жалобный голосъ и поворотятъ къ кургану...«

([1]) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Січь-мáти*, или *Полá*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіянскія земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмѣльницкаго имѣютъ своею почвою *Городá*, или собственно *Украйну*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмѣльницкаго сложенныя думы такъ сильно проникнуты духомъ партій, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упомянувъ въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, подъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женясь и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуту брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества; бандуры ихъ раскололись въ щепья, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гуслямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подъ-часъ цинической поэзіи (¹). Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанію, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Висóко сóнце схòдить, низéнько ложѝтця;
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ тепéра журѝтця?
Висóко сóнце схòдить, низéнько захòдить;
Ой десь-то панъ Палій Семéнъ по Сибіру брóдить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религіи; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

(¹) Еще недавно на гусляхъ игривали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чу́ро мій, чу́ро, мій вірний Стоу́сю!
Ой ходімо у каплицю, Бо́гу помолюся.
Ой Бо́гові помолюся, святи́мъ поклонюся:
Зледащівъ же я, пону́рий, старѐнькимъ здаюся,
Старѐнькимъ здаюся, молитися му́шу!
Хай милуе Милости́вий мою́ грішну ду́шу!«

Это одно средство къ облегченію *пону́рои* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленіе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссійскаго характера. Но человѣкъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенія души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішо́въ панъ Палій Семе́нъ Бо̀гові моли́тьця, —
Не то Бо̀гові моли́тьця, а не то жури́тьця.

Отводомъ этоіі тоски служитъ человѣку философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращаетъ человѣку утраченное спокойствіе. Палій естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утолять душевную скорбь философскими сѣтованіями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенія (хотя этотъ шагъ дѣлаютъ немногіе). Но посмотрите, что̀ служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Прийшо́въ панъ Палій додо̀му да й сівъ у наме́ті,
На банду́рці виграва́е: »Лихо жити въ світі!«
Той, ду́шу закла́вши, свиту, бачъ, гапту́е,
А той по Сибіру мовъ у лузі дубу́е!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенія стиха. Строгій характеръ исторической Малороссійской пѣсни вообще, и этой въ особенности, не допускаетъ никакихъ украшеній, въ противорѣчіе дѣйствительности. Исчисленіе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго излiянія, религіозный и поэтическій, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ-старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣсу, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участи, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожецъ выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безпечно шутитъ по-Запорожски съ читателемъ:

Въ мéне ѝмя не однò, а есть іхъ до-кàта;
Такъ зовýть, якъ набіжѝшъ на якóго свáта:
Жѝдъ зъ бідѝ за рідного бàтька почитáе,
Милостѝвимъ добрòдіемъ и Ляхъ називаe.
А ти якъ хòчъ назовѝ — на всè позволяю,
Аби-бъ тілько не крàмаремъ, бо за те полàю.

Эти надписи имѣютъ множество варіантовъ, но всѣ онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всѣми его принадлеж-

ностями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. (1) Одна надпись начинается такъ:

Струни мої золотиї! заграйте мні стиха,
Ачей (2) козакъ-нетяжище позабуде лиха....

Это двустишіе напоминаетъ общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ полюбилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если полюбилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непремѣнно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззвавъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожецъ выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой. бѣдственной, хоть и разгульной подъ-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гладко пьють, якъ зъ лука бьють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своими молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ безсиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черстваго *товариства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что̀ выражала и бандура Палія, именно: ***Лихо жити въ світі!***... Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандуристъ ***зъ журби*** можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

4. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній свой

(1) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для «Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи», Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину.—Полную надпись помѣщаю въ приложеніяхъ. — (2) Авось-либо.

часъ, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей; если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ органомъ свои мысли и чувства на тему: *Лúхо жúти въ свíтí!* если чубатый Запорожецъ взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при звонѣ ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія сквозь призму цвѣтистаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсень и потомъ распѣвать ихъ на *прúспахъ* подъ сельскими хатами. Имъ принадлежатъ, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій. ([1])

5. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго »козацкій народъ«, и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминанія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израненномъ конѣ; то можно судить, какое обиліе произведеній эпической изустной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

([1]) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попустíмо Ляхóві Пóльщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попустú, Бóже!* или: *Не попустíте, козакú!*

творчество сдѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши вовсе не упоминаютъ о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малороссійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до временъ Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *кронічкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Круковщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла иноковъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонавтовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предпріимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя риѳмованныя, или тоническія сказанія слагались для извѣстнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для переписки священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то пріиде войною на такого-то. До инока, погребеннаго заживо въ пещерѣ, не доходили воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ суету мірскую, вмѣстѣ съ *сопѣлями* и *гуслями*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу *о полку Игоревѣ*, но и та дошла до насъ въ искаженномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ переписчиковъ допускали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добиваясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ риѳмъ, которыя только случайно кое-гдѣ уцѣлѣли. Но,

можетъ быть, это было совсѣмъ иначе: можетъ быть, уроженецъ безрпѳменноѝ страны слыхалъ рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтопись объ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южноѝ рѳомы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старосвѣтскоѝ поэтической дѣятельности на Руси расширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-товдали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени*... Для состязающихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существуя въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служитъ доказательствомъ и приведенная выше дума объ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ объ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Объ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ«: ....*пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславличю.* Или: *О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ!... пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку.* Самый заключительный куплетъ поэмы: *Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побораяза Христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Паліи и Мазепѣ:

Дай, Бо́же, честь и хвалу́
Світъ пра́ведному Государю́,
Та й Семе́ну Па́лію, превели́кому па́ну,
Що не давъ Шве́ду Христия́нъ на пота́лу!

Ой дай, Боже, усімъ Христіянамъ многая літа
Та щасливого прожитія у сімъ світі! (¹)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословій князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрый вечеръ*, наканунѣ новаго года, толпа народа, подойдя къ окну дома, котораго хозяина зовутъ, положимъ, Александромъ, поетъ:

Слáвенъ, слáвенъ да панъ Олексáндра!
Щéдрий вéчіръ!
Ой чимъ же вінъ слàвенъ? тромá городáми.
Щéдрий вéчіръ!
Тромá городáми, своіми синáми.
Щéдрий вéчіръ!

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бываютъ Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедрівки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Что̀ значитъ припѣвъ: ***Щéдрий вéчіръ?*** Не было ли въ-старину опредѣленныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедрýютъ*? (²)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *лицарямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старыя времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпосъ былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(¹) «Запорожская Старина», изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.
(²) Трубадуры по окончаніи своихъ пѣсень восклицали: Largesse! largesse!

рическая поэзія — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобраннаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, неискаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всё здоровыя, звучныя и полновѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всѣ эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсень обработывался отдѣльно и дошелъ самъ собой до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со временъ козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсень. Дума была первою формою, изобрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *ущекотать*, подобно соловью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перезабыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все населеніе Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народной

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищіе (которыхъ одна необходимость заставляетъ изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣятели и свидѣтели геройскихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршественномъ, или иномъ сборищѣ странствующіе пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣснями о старинѣ, и что эти пѣсни перебирали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что передъ ними въ то время происходило. Сами нынѣшніе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Александровскій и Архипъ Оржицкій, вспоминаютъ о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всѣ* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пьесамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствами, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ риомованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригоренко, которому въ его молодости одинъ Запорожецъ продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни »добраго молодца« до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитаньями, похожими на причитанья по мертвомъ:

»Ти жъ була́ моє́ю втіхою (говорилъ онъ), ти жъ розважа́ла мене́ у всякій пригоді. Бага́то людей вельмо́жнихъ, бага́то лицарства сла́вного и всякого наро́ду правосла́вного слухали твоіхъ пісе́нь! Де ти не бува́ла, якоі приго́ди не дозна́ла? Чи ра́зъ же ти мою́ го́лову и зъ шинку визволя́ла? Чи ра́зъ же ти въ заста́ві лежа́ла, та й ніде́ жъ ти не застря́ла! А тепе́ръ довело́сь мині съ тобо́ю розлуча́тись, за чотирі карбо́ванці рублі тебе́ въ чужі ру́ки оддава́ти, та й по вікъ вішний, мо́же, тебе́ не видати!« и т. п.

Запорожецъ, по словамъ Ригоре́нка, зналъ безчисленное множество пѣсень и думъ о старинѣ и нѣкоторыя передалъ ему. Ригоре́нко усвоилъ бы ихъ и всѣ, но Запорожецъ умеръ, не успѣвъ передать ему всего, что̀ зналъ и, можетъ быть, скомпоновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, что̀ зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пѣсень М. В. Нѣговскій, его бандура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на полицѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пѣсень *послѣдняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожъ, важны и въ своемъ разрозненномъ и искаженномъ видѣ. Они расширяютъ передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ рапсодіяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанію, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всѣхъ цѣнителей памятниковъ нашей народной поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоцѣнностей, помѣщаю ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Га́нжѣ Андыбе́рѣ* извѣстна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ нѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Неговскій открылъ весьма важный варіантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато онъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль рапсодіи — вражда войсковой черни къ *дукамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣютъ полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Неговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщаю изъ него въ приложеніяхъ все, что не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

I.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О ГАНЖѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Килиімськимъ,
Битимъ шляхомъ Ординськимъ,
Гей гулявъ, гулявъ бідний козакъ-нетяга сімъ годъ и чотирі,
Та потерявъ съ-підъ себе три коні ворониі.
На дванадцятий годъ повертає —
Козакъ-нетяга до города Черкасъ прибуває.
На козаку, бідному нетязі,
Три сіромязі,
Опанчина рогозовая,

(*) *Переводъ.* — По Килійскому полю, по торной Ордынской дорогѣ, гулялъ бѣдный козакъ-*нетяга* (бездомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двѣнадцатый годъ — козакъ-нетяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ три сермяги, эпанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поясйна хмеловая
На козакý, бідному нетязі, сапъянці —
Видні пяти и пальці,
Де стýпить — бóсоі ногѝ слідъ пише.
А ще на козакý, бідному нетязі, шапка-бирка —
Звéрху дірка,
Хýтро голе, окóлиці Біѓъ-мае;
Вонá дощéмъ покрйта,
А вітромъ, на слáву козáцьку, підбйта.

Іщé жъ то козáкъ, біднйй нетяга, до гóрода Черкáсъ прибуває,
Насті Горовóі, кабáшниці степовóі, шукáе-питáе.
Скóро козáкъ, нетяга Насті Горовóі, кабáшниці степовóі-допитався,
Зáразъ у світлйцю врáвся.
Тамъ пилй три Ляхѝ,
Дýки-сріблянйкѝ:
Пéрвий пивъ Гаврйло Довгопóленко Переяславський,
Дрýгий пивъ Війтéнко Ніженський,
Трéтій пивъ Золотарéнко Черніговський. (¹)
Отъ вонй пилй-підпивали,

гдѣ ни ступитъ — слѣдъ босой ноги оставляетъ. А еще на бѣдномъ козакѣ-нетягѣ баранья шапка — сверху дыра, мѣхъ вылѣзъ, околышка нѣту; дождемъ шапка покрыта, а вѣтромъ, на козацкую славу, подбита.

Прибываетъ бѣдный козакъ-нетяга въ городъ Черкасы и спрашиваетъ, гдѣ живетъ Настя Горовая, кабачница степная. Лишь только отыскалъ ее, тотъ-часъ ввалился въ свѣтелку. Тамъ пили три Ляха, дýки-богачи: первый Гаврило Довгопóленко Переяславскій, другой Войтéнко Нѣжинскій, третій Золотарéнко Черниговскій. Пьютъ они, гуляютъ и под-

---

(¹) Въ думѣ Ригорéнка эти имена переиначены, а именно: *Кйевський Війтéнко*, *Переяславський Суддéнко*, *Гаврйло Крилівський Довгопóленко*. Я удержалъ имена, исчисленныя Андреемъ Шутомъ, потому что они складомъ своимъ напоминаютъ народныя названія полковниковъ. На примѣръ, Василій Золотаренко назывался въ народѣ *Васютою Ніженськимъ*, Мартинъ Пушкарь — *Мартйномъ Пушкарéмъ Полтáвськимъ*, и т. д.

Съ козака́-нетя́ги насміха̀лись,
На шинка̀рку поклика̀ли:
»Гей шинка̀рко Горова̀я.
На̀сте молода́я!
До́бре ти дба̀й —
Намъ соло́дкі меди́, окови́ту горілку щѐ підсипа̀й,
Сего́ козака́, пресу́чого си́на. у поти́лицю съ ха̀ти випиха̀й;
Бо десь вінъ по ви́нницяхъ, по брова̀рняхъ валя́вся,
Опали́вся, оша̀рпався, обідра́вся,
До насъ прийшо́въ добува̀ти,
А въ и́ншу корчму́ бу́де нести́ пропива̀ти.«

Тоді шинка́рка Горова̀я,
На́стя, каба́шниця степова̀я,
Козака́-нетя́гу за́ чубъ бра̀ла,
Въ поти́лицю съ ха̀ти вибива́ла.
То коза́къ-нетя́га до́бре дба̀е,
Коза́цькими пя́тами опина̀е.
По́ти пя̀вся,
По́ки до поро̀га добра́вся.
Коза́цькими пя́тами за порігъ зачепа́е,
А коза́цькими рука́ми за одвірки хапа́е,
Підъ ми́сникъ го̀лову коза́цьку молоде́цьку хова́е.

Тоді два Ляхѝ, ду́ки-срібляникѝ, на ѐго́ погляда̀ли,

смѣиваются надъ козакомъ-нетягою и говорятъ: »Эй *шинка́рка* (продавица напитковъ) Горовая, Настя молодая! прибавь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналью козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьетъ не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.«

Тогда шинкарка, Настя Горовая, кабачница степная, беретъ козака-нетягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А козакъ-нетяга упирался козацкими пятами, пока дошелъ до порога; а тамъ зацѣпился ко-

Зъ єго насміхали,
А третій, Гаврило Довгополенко Переяславський, бувъ обашний:
Изъ кармана *людську денежку* виймавъ,
Насті кабашній до рукъ добре оддававъ,
А ще стиха словами промовлявъ:
»Гей«, каже, »ти, шинкарко молода, ти, Насте кабашна!
Ти«, каже, »до сіхъ бідныхъ козаківъ-нетягъ хочъ злая, да й обашна:
Колибъ ти добре дбала,
Сю денежку до рукъ приймала,
До погреба одходила,
Хочъ пороцового пива уточила,
Сему козаку, бідному нетязі, на похмілле живітъ єго козацький скрепила.

Тоді Настя Горовая,
Шинкарка степовая,
Сама въ лёхъ не ходила,
Да наймичку посилала:
»Гей, дівко наймичко!
Добре ти вчини,
Кінву-чвертівку въ руки вхопи

зацкими пятами за порогъ, схватился козацкими руками за косяки, а козацкую, молодецкую голову спряталъ подъ *мисникъ*. (1)

Смотрятъ на него Ляхи, дуки-богачи, и смѣются. Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгополенко Переяславскій, былъ человѣкъ толковый: онъ вынулъ изъ кармана *людскую денежку*, подалъ Настѣ кабачной и сказалъ: »Эй ты, молодая шинкарка, ты, Настя кабачная! ты хоть и зла на этихъ бѣдныхъ козаковъ-нетягъ, но разсудлива. Возьми-ка эту денежку, поди въ погребъ, наточи хоть мартовскаго пива, чтобъ этотъ бѣдный козакъ-нетяга подкрѣпилъ на похмѣльи свой козацкій животъ.

Не пошла Настя Горовая, кабачница степная, сама въ погребъ, а послала служанку: »Эй, дѣвушка-служанка! захвати-ка съ собой чет-

(1) ***Мисникъ*** — полка надъ дверью, для мисокъ. Здѣсь выражается высокій ростъ козака-нетяги, который досягнулъ головою до полки (а полка обыкновенно находится подъ самымъ потолкомъ), и не только досягнулъ, но еще наклонился, чтобы спрятать голову отъ Насти.

Та въ лёхъ убіжи,
Та вісімъ бочокъ мини,
А зъ девятоі поганого пива наточи.
Якъ маемъ ми ёго свинямъ виливати,
То будемъ ми ёго на такихъ нетягъ роздавати.«

Тоді дівка наймичка у лёхъ убігала,
Та девять бочокъ минала,
Та зъ десятоі *пьяного чола* меду наточила.
Та въ світлицю вхождае,
Свій нісъ геть одъ кінви одвертае,
Буцімъ-то те пиво воняе.

Якъ подали козаку въ руки ту кінву,
То вінъ ставъ біля печи
Та й почавъ підпивати пивце грече.
Взявъ, разъ покоштувавъ, у-друге напився,
А въ-трете якъ узявъ ту кінву за ухо,
То зробивъ у тій конівці сухо.
Якъ ставъ козацьку хміль голову розбірати,
Ставъ козакъ конівкою по мосту добре погрімати.

вертную *конву*, бѣги ты въ погребъ и, миновавъ восемь бочекъ, наточи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свиньямъ, то лучше будемъ раздавать этакимъ козакамъ-нетягамъ.«

Побѣжала наемница въ погребъ, миновала девять бочекъ, а изъ десятой наточила меду — *пьянаго чела*. Воротилась въ свѣтелку и отворачиваетъ носъ отъ конвы, точно какъ-бы пиво воняло.

Подали козаку въ руки конву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тянуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ коновкою гремѣть по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли дуки-богачи Божьяго свѣту.

Ста́ли въ ду́ківъ-сріблянпиківъ изъ стола́ чарки й пляшки скака́ти,
И ста́ла шинка́рська гру́ба на де́сять штукъ скрізь по ха̀ті лета́ти.
Не ста́ли тоді Ляхи́, ду́ки-срібляники́, за са́жею світу Бо́жого вида́ти.

Тоді ті Ляхи́, ду́ки-срібляники́, на его́ погляда̀ли,
Слова́ми промовля̀ли:
»Десь сей коза́къ-нетя́га нігде́ не бува̀въ,
До́брихъ горіло̀къ не пива́въ,
Що его́ й пога́не пиво опъяни́ло!«

Якъ ставъ коза́къ-нетя́га те́е зачува̀ти,
Ставъ на Ляхівъ грізно гука̀ти:
»Гей ви, Ляхо̀ве,
Вра́зькі сино̀ве!
Икъ поро̀гу посува́йтесь,
Мені, козаку́-нетя́зі, на по́куті місце попуска́йте.
Посува́йтесь тісно,
Щобъ було́ мені, козаку́-нетя́зі, де на по́куті изъ ла́птями сісти!«

Тоді Ляхи́, ду́ки-срібляники́, до́бре до̀ли,
Да́льше икъ поро́гу посува̀ли,
Козаку́-нетязі більше місця на по́куті попуска̀ли.

Тоді коза́къ-нетя́га на по́куті сіда̀е,

Смотрятъ они тогда на него и говорятъ: »Видно, этотъ козакъ-нетяга нигдѣ не бывалъ и хорошей водки не пивалъ, что опьянѣлъ и отъ негоднаго пива!«

Слышитъ это козакъ-нетяга и грозно говоритъ Ляхамъ: »Эй вы, Ляхи, вражьи дѣти! подвигайтесь къ порогу, давайте мнѣ, козаку-нетягѣ, *на по́кутѣ* (подъ образами) мѣсто; помѣщайтесь за столомъ потѣснѣе, чтобъ было гдѣ мнѣ, козаку-нетягѣ, сѣсть на по́кутѣ съ лаптями!«

Тогда Ляхи, ду́ки-богачи — нечего дѣлать — подвинулись дальше къ порогу и дали козаку-нетягѣ больше мѣста на по́кутѣ.

Исъ-підъ полы позлотистий недолимокъ виньмае,
Шинкарці молодій за цеберъ меду застановляе.

Тоді ті Ляхи, дуки-срібляники, на ёго поглядали,
Словами промовляли:
»Гей, шинкарко Горовая,
Насте молодая,
Кабашнице степовая!
Нехай сей козакъ, бідний нетяга, не маетця въ тебе сеі заставщини викупляти,
Намъ, дукамъ-срібляникамъ, нехай не зарікаетця волі поганяти.
А тобі, Насті кабашній, грубъ топити.«

Оттоді-то козакъ, бідний нетяга, якъ ставъ сіі слова зачувати,
Такъ вінъ ставъ чересокъ виньмати,
Ставъ шинкарці молодій, Насті кабашній, увесь стілъ червінцями устилати.

Тоді дуки-срібляники, якъ стали въ ёго червінці зоглядати,
Тоді стали ёго витати
Медомъ шклянкою
И горілки чаркою.
Тоді й шинкарка Горовая,

Садится козакъ-нетяга на покутѣ, вынимаетъ изъ-подъ полы золоченый чеканъ и отдаетъ шинкаркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дуки-богачи на него посматриваютъ и говорятъ: »Эй шинкарка Горовая, Настя молодая, кабачница степная! пускай этотъ козакъ, бѣдный нетяга, не надѣется выкупить у тебя этотъ закладъ, пускай не *зарекается* (не даетъ обѣта, что не будетъ) погонять у насъ воловъ, а у тебя, Насти кабачной, печей топить.«

Слышитъ эти слова козакъ, бѣдный нетяга, вынулъ кожаный поясокъ и устлалъ молодой шинкаркѣ, Настѣ кабачной, весь столъ червонцами.

Тогда дуки-богачи, увидѣвъ у него червонцы, начали потчивать его стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шинкарка Горовая, Настя мо-

Настя молодая,
Истиха словами промовляе:
»Эй, козаче«, каже, »козаче!
Чи снідавъ ти сёгодні, чи обідавъ?
Ходи зо мною до кімнати,
Сядемъ ми съ тобою поснідаемъ,
Ли пообідаемъ.«

Тогді-то козакъ, бідний нетяга, по кабаку похождае,
Квартирку одчиняе.
На бистрні ріки поглядае,
Кличе, добре покликае:
»Ой ріки«, каже, »ви ріки Низовиі,
Помошниці Дніпровиі!
Теперъ або мене зодягайте,
Або до себе приньмайте!«

Оттоді одинъ козакъ иде,
Шати дорогиі несе,
На ёго козацькі плечи надіе;
Другий козакъ иде,
Боти сапъянові несе,
На ёго козацькі ноги надіе:
Третій козакъ иде,

лодая, говоритъ ему потихоньку: »Эй козакъ ты, козакъ! завтракалъ ли ты сегодня, обѣдалъ ли? пойдемъ со мной за перегородку, сядемъ съ тобой, позавтракаемъ, или пообѣдаемъ.«

А козакъ, бѣдный нетяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: »Ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или пріодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козацкія плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сафьянные сапоги несетъ, на его козацкія ноги надѣваетъ: третій козакъ идетъ, козацкую шапку несетъ, на его козацкую главу надѣваетъ.

Шличо̀къ коза́цькиі несе́,
На ёго́ коза́цьку гла̀ву надіе́.

Тоді ду́ки-сріблянникі стіха слова́ми промовлялп:
»Эй не ѐсть же се, бра́тці, коза́къ, бідниі нетя́га,
А есть се Фесько́ Ѓа́нжа Андибѐръ,
Гетьма̀нъ Запоро́зький!...
Прису́ньсян ти до насъ«, ка́жуть, »бли́жче,
Покло́нимось ми тобі нѝжче,
Бу́демъ ра́дитьця, чи гара́здъ-до́бре на сла́вній Украіні прожива́ти.«
Тоді ста́ли ёго́ вита́ти мѐдомъ шкля́нкою
И горілки ча̀ркою.

То вінъ те́е одъ ду́ківъ-сріблянниківъ приіма̀въ.
Самъ не випива̀въ,
А все на своі ша̀ти пролива́въ:
»Эй ша́ти моі, ша̀ти! пи́йте-гуля́йте:
Не менѐ шану́ють, бо ва̀съ поважають.
Якъ я васъ на собі не мавъ,
То й чѐсти одъ ду́ківъ-срібляниківъ не знавъ.«

Тоді-то Фесько́ Ѓа́нжа Андибе́ръ, гетьма̀нъ Запоро́зькій, стіха слова̀ми промовля́е:
»Эй козаки́«, ка́же,« діти, дру̀зі, моло̀дці!

Тогда ду́ки-богачи потихоньку перемолвились: »Эхъ, братцы! это не козакъ, бѣдный нетя́га, а Фесько́ Га́нжа Андыбе́ръ, гетманъ Запорожскій!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славной Украйнѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дукъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежу: »Эй ты, одежа моя, одежа! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Фесько́ Га́нжа Андыбе́ръ, Запорожскій гетманъ, говоритъ:

Прошу я васъ, до́бре доба́йте,
Сіхъ ду́ківъ сріблянико́въ за́ ліо́ъ, на́че волівъ, изъ-за стола́ вивожда́йте,
Передъ вікнами поклада́йте.
У три берѐзини потяга́йте,
Щобъ воні́ мене́ спомина̀ли,
Мене́ до віку памята́ли!«

Тілько Гаври́ла Довгопо́ленка Переяславського за те улюби́въ,
Край се́бе сядови̂въ,
Що він ёму́ за свою́ де́нежку пи̂ва купи́въ.

Тогді жъ то козаки́, діти, дру́зі, моло́дці, до́бре доба̀ли,
Сіхъ ду́ківъ сріблянико́въ за́ ліо́ъ бра̀ли,
Изъ-за стола́, на́че волівъ, вивожда̀ли,
Пере́дъ вікнами поклада̀ли,
У три бере́зини потяга̀ли.
А ще сти́ха слова̀ми промовля́ли:
»Эй ду́ки«, ка́жуть, »ви, ду̀ки!
За ва́ми всі луги́ и лу̀ки, —
Нігде на́шому бра́ту, козаку́-нетя́зі, ста̀ти
И коня̀ попа́сти!«

»Эй вы, козаки, дѣти, друзья, молодцы! прошу васъ, берите за чубъ этихъ дукъ-богачей и выводите, какъ воловъ, изъ-за стола, кладите вы ихъ передъ окнами и валяйте въ три березовыя палки! пусть они меня помнятъ и до смерти не забываютъ!«

Только Гаврила Довгополенка Переяславскаго за то полюбилъ и возлѣ себя посадилъ, что онъ купилъ ему пива за свою денежку.

Тогда козаки, дѣти, друзья, молодцы, дукъ-богачей за чубъ брали, изъ-за стола, какъ воловъ, выводили, передъ окнами клали и въ три березовыя палки валяли, да еще приговарили: »Эхъ дуки, вы, дуки! захватили вы всѣ луга и лу́ки, — негдѣ нашему брату, козаку-нетягѣ, остановиться и коня выпасти!«

2.

ДУМА О МАРУСѢ БОГУСЛАВКѢ. (*)

Що на Чо́рному мо̀рі,
На ка̀мені біле́нькому,
Тамъ стоя́ла темни́ця камяна́я.
Що у тій-то темни́ці пробува́ло сімъ-сотъ козаківъ.
Біднихъ нево́льниківъ.
То вони́ три́дцять літъ у нево́лі пробува́ють,
Бо́жого світу, со̀нця пра́ведного у вічи собі не вида́ють.

То до іхъ дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Прихождàе,
Словàми промовля́е:
»Гей козаки́,
Ви, бідниі нево̀льники!
Угада́йте, що̀ въ на́шій землі Христия́нській за дѐнь тепе́ра?«

Що тоді бідні нево́льники зачувàли,
Дівку бра́нку,
Мару́сю, попівну Богусла́вку,
По річàхъ познавàли,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-*бранка* (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской?«

Слышатъ это бѣдные невольники, узнаютъ дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Словàми промовляли:
»Гей дівко бра́нко,
Мару́сю, попівно Богусла́вко!
Почімъ ми мо́жемъ знàти,
Щò въ на́шій землі Христия́нській за дèнь тепе́ра?
Що тридцять літъ у нево́лі пробува́емъ,
Бо́жого світу, сòнця пра́ведного у вічи собі не вида́емъ.
То ми не мòжемо зна́ти,
Щò въ на́шій землі Христия́нській за дèнь тепе́ра.«

Тоді дівка бра́нка,
Мару́ся, попівна Богусла́вка,
Те́е зачувàе,
До козаківъ словàми промовля́е:
»Ой коза́ки,
Ви, бідниі невòльники!
Що сего́дня у на́шій землі Христия́нській Велико́дная субòта,
А за́втра святи́й пра́зникъ, роковий день Ве́ликъ-день.«

То тоді ті козаки́ те́е зачувàли,
Білимъ лице́мъ до сиро́і землі припадали.
Дівку бра́нку,
Мару́сю, попівну Богусла́вку,
Клялѝ-проклина́ли:

руся, поповна Богуславка! почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской? мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ Христіянской.«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ козакамъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! сегодня въ нашей землѣ Христіянской страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день ***Великъ-день***.«

Услыхавъ это, козаки пали бѣлымъ лицомъ на землю и прокляли дѣвушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку: »О, чтобъ ты, дѣвушка-

»Та бодай ти, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Якъ ти намъ святий празникъ, роковий день Великъ-день сказала!«

То тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Тее зачувала,
Словами промовляла:
»Ой козаки,
Ви, бідиі невольники!
Та не лайте мене, не проклинайте;
Бо якъ буде нашъ панъ Турецький до мечети виїжджати,
То буде мині, дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключі віддавати;
То буду я до темниці приходжати,
Темницю відмикати,
Весь всіхъ, біднихъ невольниківъ, на волю випускати.«

То на святий празникъ, роковий день Великъ-день,
Ставъ панъ Турецький до мечети відъїжджати,
Ставъ дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключі віддавати.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли! зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день Великъ-день!«

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ: »Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте! Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу и выпущу всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.«

И вотъ въ святой праздникъ, въ годовой день Великъ-день, выѣзжаетъ Турокъ-господинъ въ мечеть и отдаетъ ключи на руки дѣвушкѣ-бранкѣ,

Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Добре дбає —
До темниці прихождає,
Темницю відмикає,
Всіхъ козаківъ,
Біднихъ невольниківъ,
На волю випускає,
И словами промовляє:
»Ой козакп,
Ви, бідниі невольники!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городи Християнські утікайте.
Тільки прошу я васъ, одного города Богуслава не минайте,
Моєму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбає,
Грунтівъ, великихъ маєтківъ нехай не збуває,
Великихъ скарбівъ не збірає,
Та нехай мене, дівки бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
Зъ неволі не викупає;
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши Турецькоі,
Для лакомства нещасного!«

Марусѣ, поповнѣ Богуславкѣ. Тогда она приходитъ къ темницѣ, отпираетъ темницу, выпускаетъ всѣхъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю и говоритъ: »Козаки, бѣдные невольники! уходите вы въ Христіянскіе города: но прошу васъ, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отецъ не продаетъ земель и имущества, пускай не собираетъ великихъ сокровищъ и не выкупаетъ изъ неволи меня, дѣвушки-бранки, Маруси, поповны Богуславки. Я ужъ отуречилась, обсурманилась, ради роскоши Турецкой, ради несчастнаго лакомства!«

О Боже! освободи насъ, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой

Ой визволи, Боже, насъ всіхъ, біднихъ невòльниківъ,
Зъ тяжкòі невòлі,
Зъ вірп бусурмéнськоі,
На ясні зòрі,
На тихі вòди,
У край весéлий,
У міръ хрещéний!
Вислухай, Бòже, у прòзьбахъ щирихъ,
У нещáснихъ молитвàхъ
Насъ, біднихъ невòльниківъ!

Молитва, заканчивающая эту думу, представляетъ для изучающаго исторію Южно-Русской народной словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: »Визволи, Бòже, *нáсъ*, — вислухай, Бòже, *нáсъ*, біднихъ невòльниківъ.« Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены »ясыромъ« Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то надобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольницкую исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣютъ своею сценою Украйну, и на *невольницкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольницкихъ пѣсень должнó было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о »ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мірѣ«, и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марусѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зóрямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межь народъ крещеный! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!

Богуславкѣ. Вникнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жiнóцкими, козáцкими* и *невóльницкими*. Жинóцкихъ не поютъ козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поютъ женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранýхи (см. выше, стр. 137): »Гаiдамáка iиде (булó) тѝхо. А се вже вонѝ тогдi спiвáли, якъ у невòлi сидiли.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣсняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословiя*, къ которымъ относится дума о Кiшкѣ Самiйлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакожъ людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя ввертываются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ сéрдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣняясь ролями, мѣнялись и своими пѣснями о неволѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЙ ЖИЗНИ. (*)

Не одѝнъ козáкъ самъ собi шкóду шкóдивъ,
Що вiдъ молодói жiнки у вiйсько хóдивъ.
Ёгó жiнка клялà - проклинáла:
»Бодáй тебé, козáче сiромáхо, побѝло въ чѝстому пòлi
Три недòлi:

(*) *Переводъ*. — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Пѐрша недо́ля — щобъ підъ тобо̀ю до́брий кінь приставъ;
Дру̀га недо́ля — щобъ ти козаківъ не догна́въ;
Трѐтя недо́ля — щобъ тебе́ козакѝ не злюби́ли
И въ курінь не пустѝли!«

А коза́къ до̀бре дба́е,
На жінку не потура̀е,
Жінці віри не діймàе;
Конѐві частѐнько зелѐного сіна підклада́е,
Жо́втого вівса̀ підсипа́е,
Холо́дною кренѝшною водо́ю коня́ напува̀е;
У похо̀дъ выступа́е.

Госпо́дь ёму́ давъ,
Що підъ нимъ до́брий кінь не приста̀въ;
Вінъ козаківъ догања̀въ;
Що ёго́ козакѝ злюби́ли,
До себе́ въ курінь пустѝли,
Ще й ота̀маномъ настанови́ли.

козакъ-сѣрома́ха (¹), постигли въ полѣ три недоли: первая недоля — чтобъ подъ тобой добрый конь присталъ: другая недоля — чтобъ ты козаковъ не догналъ; третья недоля — чтобъ тебя козаки не полюбили и въ курень не пустили.«

А козакъ на то не смотритъ, женѣ не вѣритъ, коню частёхонько зеленаго сѣна подкладываетъ, желтаго овса подсыпаетъ, холодною, ключевою водой наповаетъ и въ походъ выступаетъ.

Господь ему помогъ: подъ нимъ добрый конь не присталъ; онъ козаковъ догналъ: козаки его полюбили, къ себѣ въ курень пустили, еще и отаманомъ сдѣлали. Тогда козакъ разсказываетъ товарищамъ свою

(¹) Когда *сірома́ха*, или *сірома́нець* говорится о волкѣ, то разумѣется сѣрый цвѣтъ его шерсти; но когда о человѣкѣ, то выражается косвеннымъ образомъ понятіе о его убожествѣ, непозволяющемъ носить цвѣтной одежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное, бродячее, бездомное. *Сірома́*, въ собирательномъ смыслѣ, значитъ — голь, или — чернь.

Тоді коза́къ у війську пробуваѐ,
Свою́ новину́ козака́мъ оповіда́е:
»Слу́хайте, пано́ве моло́дці,
Якъ-то жіно́цька клятьба́ ду́рно йдѐ:
Такъ, якъ ми́мо сухе́ де́рево вітеръ гуде́;
Жіно́цькі сльози дурні — якъ вода̀ тіче́.«

Жінка въ корчмі пила̀ та гуля́ла,
Та домівки не зна́ла,
Мовъ її ха́та къ нечистій ма́тері пу́сткою завоня́ла.
Ско́ро ста́ла козака́ съ похо́ду сподіва̀тись,
Ста̀ла до домівки прихожда́ти,
Ста́ла въ печі ростопля̀ти,
Ста́ла той бо̀рщъ кислий,
Оско́мистий чортъ-зна-колишній;
Изъ-підъ ла̀ви виставля́ти,
Ста́ла до пѐчи приставля́ти,
Отти́мъ борще́мъ хотіла козака̀ привіта́ти.

Ско́ро ста́въ коза́къ съ похо̀ду пробува́ти,
Ставъ до нови́хъ ворітъ до ла̀манихъ доїжджа́ти;
Вінъ съ коня́ — не вставаѐ,
Кѐлепомъ нові ла́мані воро́та відчиняѐ,
Коза́цькимъ го́лосомъ гукаѐ:

исторію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіе въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глупыя слезы — какъ вода текутъ.«

Межъ тѣмъ жена въ корчмѣ пьетъ-гуляетъ, не сидитъ дома, и хата у неї воняетъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-подъ лавки кислый, оскомистый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчивать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъѣзжаетъ къ новымъ разломаннымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяетъ чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацкимъ голосомъ покрикиваетъ.

Скóро стáла козáчка козáцький гóлосъ зачувáти,
То вонá не стáла противъ нéго дверми́ виходжáти,
Стáла, мовъ си́вою голýбкою, въ вікнò вилітáти.
Тогді козáкъ лóбре дбàе,
Хорошéнько іі кèлепомъ по плéчахъ привітáе,
Карбачèмъ по спи́ні затинáе.

Тогді козáчка у хáту вбігàла,
Бýцімъ нéхотя той борщъ поліномъ штиркнýла,
Нý єгó къ нечи́стій мáтері! у пічъ обертáла,
Нови́й борщъ унòвъ вари́ти зачинáла;
До скри́ні тяглá,
Не прóстого, ляно̀го полотнá три́дцять лòктівъ узялá;
До шинкáрки тяглà,
Триквáрти не прóстоі горілки, окови́ти узялá,
Зъ мéдомъ та съ пéрцемъ розогрівàла,
Отти́мъ козакá частувàла та витáла.

Оттó ви́йшла козáчка на дрýгий дéнь за ворóта,
Ажъ сиди́ть жінóкъ превели́кая рóта.
А скáзано: жінки́ — якъ сорòки:
Однá на однý зглядàли

Лишь только козачка услышала козацкій голосъ, то не вышла къ козаку навстрѣчу въ дверь, а вылетѣла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спинѣ привѣтствовалъ, а въ добавокъ еще и нагайкою.

Вбѣжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, полѣномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не простого, льняного полотна; побѣжала къ шинкáркѣ и купила три кварты не простой, доброй водки; разогрѣла ее съ медомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотритъ — сидитъ цѣлая толпа женщинъ. А извѣстно, женщины — что сороки: одна на

Та й козáчку осуждàли,
Та й козáчці не казàли.
Однá такú старýшка не втèрпіла
И козáчці сказàла:
»Гей козáчко, козáчко!
Десь твій козáкъ нерáно съ похòду прибувáвъ,
Що по-підъ очúма дòбрі гостúнці подавáвъ.«

То козáчка дòбре дòала,
По своéму козакá покривàла:
»Чи ви жъ то, жіночкú-голýбочки, не знàете,
Що мій козáкъ нерáно съ похòду прибувáвъ,
Застáвивъ мене́ въ печі потопúти,
Вечèряти варúти.
А я пішлá по дрòва,
Та не втрàпила по дрòва,
А втрáпила по лучúну,
Попідбивáла собі òчи на ключúну.
Роблю жъ я такú те ремéство синúло,
Такъ вонó мині дòбре въ знáки вдалóся:
Якъ я ёгó мішáла, такъ вонó міні за òчи взялóся.«

А козáкъ седúть у корчмі та медъ-винó кружáе,
Корчмỳ сохваляе:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утерпѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздо съ походу воротился, что привезъ тебѣ подъ глаза такихъ гостинцевъ!«

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-соcѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздо съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи топить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрафила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно мнѣ порядкомъ надоѣло: какъ я помѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подъ глазами.«.

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медъ, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

»Гей ко̀рчмо, ко̀рчмо-княгѝне!
Чо̀мъ-то въ тобі коза̀цького добра̀ бага́то гѝне?
И сама̀ есѝ неоша́тно ходишъ,
И на́съ, козаківъ-нетя̀гъ, підъ-случа̀й безъ свитокъ водишъ.
Зна̀ти, зна̀ти коза̀цьку ха̀ту
Скрізь деся̀ту:
Вона́ соло́мою не покрѝта.
Прѝспою не осѝпана,
Коло двора́ нечѝста-ма и кола̀,
На дрівітні дровъ ні поліна.
Седѝть въ ній коза̀цька жінка, околіла.
Зна̀ти, зна́ти коза́цьку жінку,
Що всю зіму бо̀са хо́дить,
Горшко́мъ во̀ду но́сить,
Поло́никомъ діти напува́е!«

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ послѣднее время, такъ разширили кругъ нашихъ понятій о Малороссійской народной поэзіи. Честь и хвала г. Нѣговскому за его подвигъ! Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не щеголяешь, и насъ, козаковъ-нетягъ, иной разъ безъ *свитокъ* (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межь десятью хатами: она соломой не покрыта, завалиной не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, на дровосѣчнѣ нѣту дровъ ни полѣна. Сидитъ въ той хатѣ козцкая жена, околѣвши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкомъ, она поитъ дѣтей изъ ложки!«

рателя произведенііі народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашеіі заботливости изчезла бы съ лица земли? Разширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригоренку Запорожцемъ. Что̀ же это такое? сочиненіе Гетма́нскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетма́нца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждый ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая окружала »братчиковъ«? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не одѝнъ коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,
Що відъ молодо́і жінки у військо хо́дивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого »сѣромахи«, очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякого имущества (кромѣ развѣ бандуры подорожней да люльки-буру́ньки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими óбразами горькую правду. Это — исторія юноши, который со всѣмъ пыломъ первой любви предался молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулась страсть къ молодечеству, къ козакова́нью, къ *лыца́рству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣскольку дней не топится, и борщъ плѣснѣвѣетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадой видитъ вездѣ запустѣніе, колотитъ молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную безпорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей ко̀рчмо, ко́рчмо-княгѝне!
Чомъ-то въ тобі коза́цького добра̀ бага́то гѝне?
И сама̀ есѝ неоша́тно хо́дишъ,
И на̀съ, козаківъ-нетягъ, підъ-случа́й безъ свито̀къ во́дишъ!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропьетъ все, что̀ только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакова́нья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Ду́рно хлі́бъ ісѝ*! и куда прійдя, воткни *ра́тище* въ землю, повѣсь *янча́рку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украйнѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызетъ его сердце, и онъ, подъ видомъ похвальбы своимъ молодечествомъ, разсказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхожденіе и таковъ смыслъ этой драгоцѣнной думы.

1.

ДУМА О ПОБѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

. . . . (1)

Ой обозвѐтця панъ Хмельнѝцькпй,
Отàманъ-бàтько Чигирѝнській:
»Гей дрỳзі молòдці,
Брàття козакѝ Запорòзці!
Дòбре дбàйте, бàрзо гадàйте,
Изъ Ляхàми пиво варѝти зачинàйте.
Лядський сòлодъ, козàцька водà;
Лядські дрòва, козàцькі трудà.«

Ой съ тогò пѝва
Зробѝли козакѝ зъ Ляхàми превелѝкее дѝво.
Підъ гòродомъ Кòрсунемъ вонѝ стàномъ стàли,

(*) *Переводъ.* — Отозвался панъ Хмѣльницкій, отаманъ-отецъ Чигиринскій: »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодъ, козацкая вода; Ляшскія дрова, козацкіе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

(1) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригорѐнкомъ, взято мною изъ варіанта г. Копытько, напечатаннаго въ »Сборникѣ Украинскихъ Пѣсень« М. Максимовича (стр. 67).

Підъ Стеблévомъ вонй cóлодъ замочйли;
Ще й пйва не зварйли,
А вже козакй Хмельнйцького зъ Ляхáми бáрзо посварйли.
За ту брáжку
Счинйли козакй зъ Ляхáми велйку дрáчку;
За той *мóлотъ*
Зробйли Ляхй съ козакáми превелйкий кóлотъ;
А за той незнáть-якйй квáсъ
Не одногó Ляхá козáкъ, якъ-óй скýрвого сйна, за чýба стрясъ.
Ляхй чогóсь догадáлись,
Відъ козакíвъ чогóсь утікáли,
А козакй на Ляхівъ нарікáли:
Ой вы, Ляхóве,
Пéські синóве!
Чомъ ви не дожидáете,
Нáшого пйва не допивáете?«

Тогді козакй Ляхівъ доганяли,
Пáна Потóцького піймáли,
Якъ баранá звязáли,
Та передъ Хмельнйцького гетьмáна примчáли:
»Гей пáне Потóцький!
Чомъ у тéбе й дóсі рóзумъ жінóцький?

родомъ Корсунемъ они станомъ стали, подъ Стеблевымъ они солодъ замочили, и не успѣли еще сварить пива, а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили. За ту бражку сильно подрались козаки съ Ляхами; за тотъ *мóлотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная схватка; а за тотъ негодный квасъ не одного Ляха козакъ за чубъ, какъ негодяя, встряхнулъ. Ляхи что-то смекнули и отъ козаковъ чего-то уходили; а козаки Ляховъ попрекали: »Ой вы, Ляхи, собачьи дѣти! чтò вы не ожидаете и нашего пива не допиваете!«

Догнали козаки Ляховъ, поймали пана Потоцкаго, связали, какъ барана, и привезли къ гетману Хмѣльницкому: »Эй ты, панъ Потоцкій! чтò у тебя до сихъ поръ умъ женскій? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не вмівъ ти есй въ Ка́мяньскімъ Подільці пробува́ти,
Печéного поросяти, кýриці съ пéрцемъ та зъ шапра́номъ ужива́ти,
А тепéръ не зумíешъ ти зъ нáми, козакáми, воювáти
И житнéі соломáхи зъ тузлукóмъ ([1]) (уплітáти).
Хиба́ велю́ тебé до рукъ Кри́мському хáну дáти,
Щобъ навчи́ли тебé Кри́мські нагаі сирóі кобйлини жовáти!«

Тогді Ляхи́ чогóсь догадáлись,
На Жидівъ нарікáли:
»Гей ви, Жидòве,
Погàнські синóве!
Нà що-то ви вели́кий бунтъ, тревòги зривáли,
На ми́лю по три корчми́ становйли,
Вели́киі мѐта брáли:
Відъ возовóго —
По півъ-золотòго,
Відъ пішого — по два грòши,
А ще не минáли й сердéшного стàрця —
Відбірáли пшонò та я́йця!
А тепéръ ви тйі скáрби збірàйте
Та Хмельни́цького іднáйте;

скомъ Подольцѣ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ да съ шафраномъ: куда же тебѣ съ нами, козаками, воевать и питаться ржаною саламатой съ разсоломъ! Ужъ не велѣть ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану? пусть научатъ тебя Крымскія нагайки жевать сухую конину!«

Тогда Ляхи что-то смекнули и Жидовъ попрекали: »Эй вы, Жиды, языческіе дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунтъ, эту тревогу! зачѣмъ вы на одной милѣ становили по три корчмы! зачѣмъ брали большой мытъ: отъ воза по полу-злоту, отъ пѣшаго по два гроша, не пропускали и бѣднаго нищаго, отбирали отъ него пшено и яйца! Соби-

---

([1]) Сирівцèмъ, розсòломъ на рйбу. *Прим. и.*

Ато, якъ не бу́дете Хмельни́цького ідна́ти,
То не зарікайтесь за річку Ви́слу до Поло̀нного пру́дко тіка́ти.«

Жидо́ве чого́сь догада́лись,
На річку Слу́чу тіка́ли.
Кото́рі тіка́ли до річки Слу́чи,
То погуби́ли чо̀боти й ону́чи;
А кото́рі до Пру́та,
То була́ відъ козаківъ Хмельни́цького доріженька ба̀рзо кру́та.
На річці Слу́чі
Обломи́ли містъ иду́чи,
Затопи́ли усі клейно̀ди
И всі Ля́дські бу́бни.
Кото́рі бігли до річки Ро̀сі,
То зоста́лися го̀лі й бо́сі.

Обізве́тця пѐрвий Жидъ, Ги́чикъ,
Та й хапа̀етця за би́чикъ.
Обізветця дру́гий Жидъ, Шлёма:
»Ой я жъ пакъ не бу́ду на са̀басъ до́ма!
Трѐтій Жидъ озове́тця, Овра́мъ:
»У ме́не невели̇кий крамъ:
Шпильки́, голки́,

райте же теперь свои сокровища да смягчите Хмѣльницкаго, ато придется вамъ уходить опрометью за Вислу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козаковъ Хмѣльницкаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломался мостъ, и потонули всѣ драгоцѣнности и всѣ Ляшскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Ги́чикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлёма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій *крамъ* (товаръ): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Кремiння, люлькй.
Такъ я свiй крамъ
У коробочку склàвъ,
Та козакáмъ пятамп накивáвъ.« ([1])
Обiзвéтця четвèртий Жидъ, Давйдко:
»Ой брáте Лéйбо! ужè жъ пакъ изъ-за горй козáцькi корогвй вйдко!«
Обiзвецця пятий Жидъ, 'Юдко:
»Нýмо до Полóнного утiкáти прýдко!«

Тогдi Жидъ Лéйба бiжйть,
Ажъ живiтъ дрiжйть;
Якъ на шкóлу поглянe,
Ёгó сèрце Жидiвське зiвянe:
»Эй шкóло жъ моя, шкóло мурòвана!
Тепéръ тебé нi въ пàзуху взяти,
Нi въ кишèню сховáти,
Алé жъ доведéтця Хмельнйцького козакáмъ на срàчъ, на балàки покидáти!«

Отсé, панóве-молóдцi, надъ Полóннимъ не чòрна хмàра вставáла;
Не однà пáнi-Ляшка удовóю зостàлась.
Озовéтця однà пáнi-Ляшка:

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидъ, Давидко: »Ой, братъ Лейба! уже видать изъ-за горы козацкiя хоругви!« Вскрикнулъ пятый Жидъ, Юдко: » Ой уйдемъ поскорѣе въ Полонное!«

Жидъ Лейба бѣжитъ, и животъ у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце и заноетъ: »Эй ты, школа моя, школа каменная! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ карманъ тебя не спрятать! придется тебя подарить козакамъ Хмѣльницкаго на самую поносную потребу!«

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ; не одна пани-Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна пани-Полька: »Нѣту

([1]) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытько. Тамъ сказано:

Съ козакáми пятами накивàвъ.

»Немà могó пáна 'Яна!
Десь ёгó звязáли козакú, якъ-бú барàна,
Та повелú до своró гетьмàна.«
Озовéтця дрýга пáні-Ляшка:
»Немà могó пáна Кардашá!
Десь ёгó Хмельнúцького козакú повелú до своró кошà.«
Озовéтця трèтя пáні-Ляшка:
»Немà могó пáна Якýба!
Десь (узялú) Хмельнúцького козакú та либóнь повісили ёгó десь на дýбі.«

Возращаюсь къ моимъ записнымъ книжкамъ.

Малороссіянинъ-старикъ большею частью угрюмъ и важенъ, особенно съ человѣкомъ не своего званія, и отъ котораго, притомъ, онъ ни сколько не зависитъ. Но, переправляясь, въ десяти верстахъ ниже Канева, черезъ Днѣпръ на лодкѣ, я нашелъ въ своемъ сѣдоусомъ Харонѣ веселаго балагура, и въ моей записной книжкѣ осталось два изъ его разсказовъ.

I.

МАЛОРОССІЙСКОЕ НЕ ЛЮБЬ — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якъ бувъ я ще пàрубкомъ, а дідъ тоді ще невелúчкимъ бувъ, а бáтька ще на світі не булó, то дідýсь покійникъ, булó, питáетця: »А щò бýдемъ, сúну, робúти? зімà холóдна.«

моего пана Яна! видно, связали его козаки, какъ барана, и повели къ своему гетману«. Вскрикнула другая пани-Полька: »Нѣтъ моего пана Кардашá! видно, козаки Хмѣльницкаго увели его въ свой станъ«. Вскрикнула третья пáни-Полька: »Нѣтъ моего пана Якýба! видно, взяли его козаки Хмѣльницкаго и повѣсили на дубѣ.«

(*) Оставляю эту статью безъ перевода, потому что всѣ ея достоинства заключаются въ комическихъ, неудобныхъ для передачи на другомъ языкѣ выраженіяхъ и въ непереводимой игрѣ словъ.

То я, було́, діда ра̀жу: »Поідьмо«, кажу́, »діду́сю, въ лісъ да нарубае́мъ дро̀въ.«

»Поідьмо, такъ и поідьмо.«

А въ насъ бичечки невелічкі собі булй, такъ — мо́жна на прігорщъ було́ взять. Поіхали въ лісъ. Дивлюсь, ажъ лома́ччя така̀ велйка ку́па! Я сту̀къ сокйрою въ те лома́чче! а ведьмідь звідтиля́, съ того́ лома̀ччя! Колй я въ те лома̀чче, ажъ ше́стеро я̀єць. Якъ узялѝ ми зъ дідомъ, то дру́ччемъ на візъ не скотйли, да вже я ле́дьві не ле́дьві въ ша̀пку забра́въ; такі велйкі.

Отто́ принісъ додо̀му. А въ насъ, якъ на те, пра́вда, свиня̀ квокта́ла. Отъ я підсйпавъ підъ ту свиню, а вона́ й вйлупила мині шість волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тоді вже якъ узялй ми зъ дідомъ тимй вола́ми по̀ле орать да хлібъ сіять... да и вродѝло жъ до́бре! Вййдемъ, було́, зъ дідомъ на́ поле, то то чужѐ, а то не на̀ше; то чужѐ, а то не на̀ше.

Якъ узялй жъ ми женцівъ збіра́ть, такъ, Бо̀же мій милостй-вий! що-то ми того женця̀ зобра́ли! ажъ одну́ ба́бу. Якъ понажина́ла вона́ намъ кіпъ... Бо̀же милостйвий, скілько кіпъ!

А дідъ покійникъ и питаєтця въ мене́: »Де жъ ми«, ка́же, »сйну, бу́демъ скиртѝ склада́ти?«

А я кажу́: »Аже́ жъ у насъ ко̀менъ велйкий, то на ко́мені скиртѝ складемо́, а на печі молотйтимемъ.«

Якъ же вклю̀нулася та прокля́та ку́зька, мйши, да та̀къ же вклюнулася! А въ насъ, призна́тьця, кітъ до́брий бувъ. Якъ махну̀въ вінъ по ко́мену, якъ уда̀рить хвосто́мъ, а на̀ши скиртй да въ помййницю!...

А тутъ уже́ й ба̀тько підрісъ. Дакъ ма́ти, було́, все лю́бить молоко́ па̀рене, а ми все кйсле. То ма́ти, було́, по селу́ па̀рить-па̀рить, а ми въ за́пічку кйснемъ-кйснемъ!

А ба́тько, пра́вда, риба̀лка до́брий бувъ: кйне у́дочку въ чужу́ бу́дочку, то й тя́гне не кожу̀хъ, такъ свиточку.

Отъ ми й розжилй́сь. Такъ ба́тько й ка̀же: »У тебе́ ма̀ти вмер-ла, а въ ме́не жінка, то поста́вимо обідъ.«

Якъ узялѝ жъ ми збіра́ть людей на обідъ, да съ такймъ дого-

во́ромъ, щобъ була́ своя́ ло́жка, и хлі́бъ, и сіль. Ото́ якъ найшло́ наро̀ду, такъ, Бо́же милостйвий! ажъ два чоловіка. Дакъ ба́тько ѝ ка̀же: »Засо̀лимъ же оце́ озерце́, то вй̀іжте щербйчку, а наспо̀ді бу́де рйбка.«

Дакъ ті лю́де не здя̀ковались.

2.

СѢРЫЕ ГУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ. (*)

Ото́ о́ре чоловікъ у по̀лі, ажъ іде Царь. Чоловікъ дохо́дить до шля́ху, а Царь зовѐ ёго́: »Ді́ду«, ка́же, чи я̀къ тамъ.

»Чого́, па́не?« [бо тоді ще не було̀ сіхъ благоро́дий, а за̀просто *па́не* да ѝ тілько.] »Чого́«, ка́же, »па́не?«

»Чи давно̀, діду, на горі лягли́ снігѝ?«

»Давно̀, па́не: го́дівъ пятна̀дцять, або́ ѝ два̀дцять.«

[А се бъ то, бачъ: чи давно́ голова̀ посйвіла?]

»Э!« ду́мае собі Царь. »А чи давно̀«, ка́же, »пішла́ вода̀ зъ-підъ гіръ?« [Зъ вйшчого, бачъ, ро̀зуму закида́е кручка́. Зна́ешъ, у старйхъ людѐй, такъ слёзи зъ очѐй иду́ть.]

»Давно́«, ка́же, »го́дівъ деся́токъ бу́де.«

(*) *Переводъ.* — Пашетъ въ полѣ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходитъ (за плугомъ) къ дорогѣ, а Царь зоветъ его: »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь иначе его назвалъ. — »Чего, панъ?« [Въ то время еще не было *благородій*, а просто *панъ*, да и все тутъ]. »Чего, панъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга?« — »Давно, панъ: лѣтъ будетъ пятнадцать, или двадцать.« [А оно, видишь, значитъ: давно ли голова посѣдѣла?] »Э!« думаетъ про себя Царь. »А давно ли«, говоритъ, »пошла изъ-подъ горъ вода?« [Закидываетъ, видишь, крючекъ съ высшаго ума-разума. У старыхъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.] »Давно«, говоритъ мужикъ: »лѣтъ десять ужъ будетъ.« — »О, да это не простакъ стари-

»Э, да се жъ и дідъ собі вдався!»... Питáетця ще: »Чи багáто на нéбі звіздъ?«

Кáже: »Пасъ волí да все лічíвъ, а перéдъ світомъ заснýвъ, то її не долічíвъ.«

»Оцè знайшóвъ дідa!« дýмае собі. »Глядú жъ«, кáже, »чоловіче, залетять сірі гýси зъ Білоі Русі, то піддерú хорошéнько!«

»Дóбре«, кáже, »якъ жúвъ бýду, то піддерý.«

И поіхавъ собі....

Отó прийшóвъ у сенáтъ. А тамъ старикú такíі сидять... звісно сенатóри. Отъ вінъ зáразъ: »А чи давнò ляглú снігú на гóрахъ?«

Тúі тамъ дýмали-дýмали. А вже бáчить, що вже старі, да нічóго не втнýть... Вонú тамъ до книгъ, вонú до Богословиі; перекидáють, книжкú ламàють: Оттáкъ Богъ создáвѣ нèбо, оттакі річкù... Ні, не втнýть!

»Эгé!« кáже, »пошліть до такóго й такóго старичкá—вінъ скáже.«

Ну, а грóшей до смýтку въ тихъ члéнівъ. Отъ вонú вúбрали поштаря́, далú ёмý кілько тамъ тúсячъ: »Дуй!«

чокъ!« думаетъ Царь и спрашиваетъ еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?« — »Пасъ«, говоритъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаетъ Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снѣга на горахъ?« Тѣ долго думали. А Царь видитъ: и старики, да ничего не могутъ сказать ему... ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословію заглядывали: перелистываютъ, ломаютъ книги: »Вотъ какъ Богъ міръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки«... Нѣтъ, ничего не сдѣлаютъ да и только. »То-то!« говоритъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣется, денегъ

Убігъ той у сельце́, спита́всь: »Чи живъ такій и такій старикъ?«

»Живъ«, ка́жуть.

До его̀ за́разъ: »Здоро̀въ, діду!«

»Здоро̀въ, па́не!«

»Пусти̇̀ на кватеру.«

»Ідьте, па́не.«

»Сіно, ове́съ е̇сть?«

»Есть, па́не.«

»Ну, такъ пусти̇ на кватѐру.«

»Ідьте«, ка́же, »па́не.«

Ото́ заіхавъ. За́разъ посла́въ за горілкою [ще тре́ба якось-не́будь кручка̀ заки́нуть. А якъ якого̀, то й горілкою не обма́нишъ]. Пита́етця ото́: »Чи зна́ешъ, діду, давно̀ на горі ляглѝ снігѝ?«

»А якъ же не знать?«

»А чи зна́ешъ«, ка́же, »давно̀ пішла́ вода́ съ-підъ гіръ?«

»Да зна̀ю«, ка́же, »колѝ ії вода̀, колѝ ії що̀.«

А тутъ того́ й приіхавъ.

Кинулось діду въ голову: »Оце́, мо́же, той па̀нъ присла́въ!«

»Що̀«, ка́же, »тобі дать, щобъ сказа́въ?«

бездна у этихъ *членовъ*. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валяй!«

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?« — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!« — »Здорово, панъ!« — »Позволь взъѣхать на дворъ.« — »Взъѣзжайте, панъ.« — »Сѣно, овесъ есть?« — »Есть, панъ.« — »Ну, такъ позволь взъѣхать на дворъ.« — »Взъѣзжайте, панъ.« Взъѣхалъ почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣпиться. А иного и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли снѣга на горѣ?« — »Какъ не знать?« — »А знаешь, какъ давно пошла вода изъ-подъ горъ?« — »Знаю«, говоритъ, »и это, и все.« [А онъ затѣмъ и пріѣхалъ.] Старикъ и смекнулъ: »Видно, это тотъ панъ прислалъ!« — »Что

»Ти́сячу рублі́въ« , ка́же, »то скажу́.«

Тя́гне тої ти́сячу съ карма́на: »Кажи́, стари́къ!«

А дідъ: »Пості́й« , ка́же, »захова́ю гро́ши въ комо́ру.«

Захова́въ.

»Ну« , ка́же, »стари́къ!«

»Ото́ та́къ, па́не: Оце́, що сніги́ впа́ли, то то на́ша голова́ поси́віла...«

Той ди́витця: »Оце́« , ка́же, »та́къ!«

»А то« , ка́же, »що вода́ пішла́ съ-підъ гіръ, то то въ старо́го чоловіка — такъ хочъ-би и въ ме́не — слёзи почали́ ійти зъ оче́й...«

Той тоді: »Го́споди! оце́ та́къ!« ка́же.

»Відкиля́« , ка́же, »ви, па́не?«

Ка́же: »Зъ Петинбу́рха.«

»Ге!... Якъ« , ка́же, »іхавъ коли́сь якийся па́нъ; я« , ка́же, дохо́жу до шля́ху, а вінъ піча́въ мене́ пита́ть, а я ёму́ одвіча́въ. Пита́въ: »»Чи давно́ наго́рахъ сніги́ ляглі́!«« А я ёму́ одвіча́въ: »»Го́дівъ съ пятна́дцять, або й зъ два́дцять.«« Пита́въ: »»Чи давно́ »пішла́ вода́ съ-підъ гіръ?«« А я ёму́ отта́къ, отта́къ одвіча́въ. То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь мнѣ?« — »Тысячу рублей дашь, такъ скажу.« Вытаскиваетъ почтарь тысячу рублей: »Говори, старикъ!« А старикъ: »Погоди« , говоритъ, »спрячу сперва деньги въ *комóру* (чуланъ).« Спряталъ деньги. »Ну, старикъ!« — »Вóтъ въ чемъ дѣло, панъ. Выпали снѣга, — это значитъ — наша голова посѣдѣла.« Тотъ смотритъ на него: »Вотъ те на!« говоритъ. »А вода пошла изъ-подъ горъ, — это значитъ — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ« ... А почтарь: »Господи! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, панъ?« спрашиваетъ мужикъ. »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ. »Проѣзжалъ здѣсь какой-то панъ; я« , говоритъ, »подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: »»Давно ли на горахъ снѣга легли?«« а я отвѣчалъ: »»Лѣтъ пятнад- »цать, или двадцать.«« Спросилъ: »»Давно ли пошла вода изъ-подъ горъ?«« а я ему такъ-то отвѣчалъ. Такъ онъ и говоритъ мнѣ: »»Смотри же, ста-

и сказа́въ: »»Гляді́ жъ, діду, залетя́ть гу́си зъ бі́лоі Ру́сі, то пiдде-»рі́ хороше́нько!«« А я ёму́ й кажу́: »»Якъ бу́ду жи́въ, то піддеру́.««

Тоді тоі̂ поштáрь назáдъ: »Оттáкъ и такъ, панóве!«

Тиі ажъ за гóлову вхопи́лись: »Щò бъ намъ булó такъ ка-зáть! Мужи́къ, да давъ Царю́ одвітъ!«

Эге́, и зъ нáшимъ брáтомъ чáсомъ не жарту́й!

Надобно сознаться откровенно, что, странствуя изъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы; и то, что̀ внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетятъ къ тебѣ гуси изъ Бѣлой Руси, то подери ихъ хоро-»шенько!«« А я сказалъ ему: »»Коли буду живъ, то подеру.««

Тогда почтарь назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за голову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Кумѣйкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я въѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ *Черкасами*. Съ какого времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени *Черкасъ*, точно такъ же, какъ и имени *Русскихъ*. Малороссійскіе простолюдины, на вопросъ: »Откуда вы?« будутъ отвѣчать: Изъ такой-то губерніи; но на вопросъ: »Кто вы? какой народъ?« не найдутъ другого отвѣта, какъ только: *»Люде та̀къ собі наро́дъ та й го́ді.«* — »Вы Русскіе?« — *»Ні.«* — »Хохлы?« — *Які́й жъ ми Хохли́?«* (Хохолъ — слово бранное, и они его отвергаютъ). — Малороссіяне? » — « *Щò то за Маросиѧ́не? намъ ёго́ й вѝмовить тру́дно«* (Малороссіянинъ—слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только *людьми* и не присвоиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это такой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же усилія человѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ; та же дисгармонія въ быту высшаго сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлью изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, повѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жида, или Великороссіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Сами они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстныя лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — сѣдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на міранъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ расспрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе неожидавшіе отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря: »*О, да се дóбра казючка*!« и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изо всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій; и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями высшаго и низшаго сословій, уѣзжаетъ съ немногими нотабенками въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что̀ составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются*, въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ пра̀солами усвоивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, ухватокъ и языка. Только этихъ людей надобно поискать прилежнѣе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народоизслѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаньемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что̀ я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что̀ было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожъ, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней разскащиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или оканчиваются какой-нибудь пустынной рощею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящій къ нему народъ. Для полупраздпаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда ростутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагалъ и не прилагаетъ попеченія. Усѣвшись въ тѣни этихъ деревъ, вы ужъ получаете въ глазахъ приходящихъ за водой значеніе человѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не празднаго вывѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго человѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запорожцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водой сѣдоусый человѣкъ, въ суконномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвушки, ни одной молодицы изъ стоявшихъ у колодца (а поселянки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчъ и пересказыванья новостей) и приправлялъ свои вопросы и отвѣты такими пословицами и поговорками, отъ которыхъ всѣ единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такого человѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходятъ къ колодязю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбрелись въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я человѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ за́мокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и намекнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно разсказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не спѣшилъ его распрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жинка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатой улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жинка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Судде́нко (имя старика) гордился не мало женидьбой на такой, знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ моя́ ха́та!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плетень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у мене́ всѐ коло́ ха́ти, чого́ душа̀ бажа́е. Отъ и ку́ри хо́дятъ, отъ и теля́, — а коро́ву ви́гнали въ чѐреду — отъ у мене́ й жи́то росте́ передъ ха̀тою... ви́йди съ ха́ти та й жни... уся́ благода̀ть Бо́жа!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ зазвать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *поки́дька*; но всѐ же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панами; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жінка моя́ (продолжалъ онъ) ва́рить борщъ такий, що

хочъ би и городнíчому. Вонá у панівъ дóвго жилá и понаўчувалась усякихъ пáнськихъ роскóшівъ.«

Дѣйствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но апетитъ мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ разсказы Василя Суддéнка о его отцѣ, служившемъ въ городовыхъ козакахъ во время Колiивщины. Эти разсказы были исполнены для меня неописаннаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Суддéнко пересказывалъ рѣчи отца, принятыя имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы перезабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Суддéнко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю разсказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харкá Цехмíстера, который самъ видѣлъ Зализнякá и зазнаетъ Богъ знаетъ какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харкó Цехмíстеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобенякомъ, съ бѣлою, длинною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофикомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Суддéнко вступилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него прояснилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не нужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харко Цехмíстеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записалъ всего, что̀ хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Судде́нка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ всѣ неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидитъ, стоило ли поить запеканкою Черкаскихъ разскащиковъ. Что̀ касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались передо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. (1)

(*) ....Почу̀вши губерна́торъ (2) Роско́вськпй, що гайдама́ки деру̀ть одно́го чоловіка, Шра́ма... а той Шрамъ держа́въ у ёго на оре́нді корчму̀ въ Ру̀ській Поля́ні... то вінъ, почу̀вши, що Шра́ма деру̀ть, поіхавъ ёго́ обороня́ти. А оди́нъ гайдама́ка изъ вікна́, не допусти́вши ёго́ до оре́нди, и вбйвъ зъ рушни́ці. То вони́ самі сколо́ли того́ гайдама́ку. »О, вра́жий синъ!« ка́жуть, »до́брого па́на стра́тивъ!« та взялѝ та ѝ сколо́ли (3). Идо́сі хрестъ стоіть надъ тимъ губерна́торомъ у Ру̀ській Поля́ні.

(*) *Переводъ.* — ....Какъ услышалъ *губернаторъ* (2) Роско́вскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одинъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его. Такъ они сами закололи того гайдамаку. »Ахъ, вражій сынъ!« говорятъ, »добраго пана сгубилъ!« и закололи гайдамаку (3). До сихъ поръ стоитъ крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

(1) Разсказъ Василя Судде́нка.
(2) Т. е. управитель.
(3) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А потімъ бувъ губернáторомъ панъ Сéльский. То за сёгó вже губернáтора иріхавъ отáманъ Шйло, зъ ватáгою — душъ, мóже, зъ сóтню. Менé ще тогді на світі не булó, а роскáзувавъ те все покійникъ бáтько. Иріхали — кáже — воий підъ (замковý) брáму та й кричять, щобъ одчинйли. А губернáторъ злякáвсь та й звелівъ одчинйти, хочъ у зáмку булó не безъ нарóду А я — кáже — бувъ на той часъ дóма. Прибігáю до зáмку, ажъ ужé менé не пускáють. Я до частокóлу. Дивлюсь скрізь щілину, ажъ губернáторъ стоіть на колінахъ передъ Максймомъ Шйломъ; а той сидйть на коні, якъ разъ прóти мéне, и читáе ёмý укáзъ ніби-то одъ Царйці, щобъ різать усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на світі іхъ не булó. А я собі дýмаю: »Ось постóй лишъ, я тобі дамъ не такóго укáзу!« та, просýнувши въ щілину рушнйцю, тілько що хóчу стрéлить прямо ёмý въ грýди, а кінь махнè головóю, то й нельзя влýчить. Я знóвъ переждý, пóки кінь понýритця, та що хóчу стрéлить, то вінъ знóву й махнè головóю. А літне, знáете, врéмя, сáме передъ Трóіцею, то мýхи конá кусáють.

Колй жъ прибігáе то-жъ изъ міста повкóвникъ замковий, Па-

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторѣ пріѣхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шило съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подъѣхали — говоритъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ замкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ замку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частоколу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было. А я думаю: »Постой-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потупитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

ци́на Франци́шекъ: »Бо̀га бі́йся, Оме́льку, не стреля́й! Ходімо пе́рше роспита̀ємось.«

Пішли́, ста́ли стуча̀ть. Вну̀щено насъ у ба́шту.

Отъ ба́тько (¹) підня̀въ підъ ру̀ки губерна́тора и ка̀же: »Уста̀нь, па́не! що̀ ти передъ леда́щомъ оце́ ро̀бишъ? Да ви іхъ не слу̀хайте: се гайдама̀ки! Ви̇стреляймо іхъ, вра̀жихъ синівъ!«

Губерна́торъ и вставъ.

А Макси́мъ и ка̀же ба́тькові: »Хто̀ ти за чоловікъ?«

А ба́тько ка̀же: »А тобі кого̀ тре́ба?«

»Ти, ви́дно, Оме́лько Суддѐнко?«

»Такъ, Оме́лько Суддѐнко.«

А ба́тько та бувъ пе́рвий на всю губе́рнию стрілѐць. То вже Макси́му ска́зано: »Стережи́сь, Макси́ме, Оме́лька Судде́нка, бо той чоловікъ тебе́ зъ світу зжене́.«

То Макси́мъ и ка̀же ба́тькові: »Не стреля́й же, бра̀те, сёго̀ хло́пця свинцёвою ку̀лею, а стреля́й срі́бною.«

мя, видите ли, лѣтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ мухи кусаютъ коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Франци́шекъ Пацы́на: »Ради Бога, Омелько, не стрѣляй! пойдемъ сперва разузнаемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (¹) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, панъ! что̀ это ты дѣлаешь передъ негодяемъ? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражьихъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максимъ говоритъ отцу: »Что̀ ты за человѣкъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Судде́нко?« — »Такъ, Омелько Судде́нко.« А отецъ, видите ли, былъ первый стрѣлокъ во всей *губерніи*; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максимъ, Омелька Судде́нка: этотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣта.« Вотъ Максимъ

(¹) Здѣсь разскащикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А бáтько кáже: »Молí Бóга за пáна повкóвника, ató дóсі и одъ свинцёвоі ти на коні не сидівъ би; та ще — що кінь головóю махáвъ... Вйколімъ«, кáже, »іхъ, панóве!«

Отъ нáші ій заходйлись колó гайдамáкъ. А Максймъ и кáже: »Щó жъ, панóве? щó съ тогó, що ви насъ вйколете? Насъ є багáцько, то вйколють и вáсъ. Я не по своій вóлі приíхавъ: менé пóслано.«

Нáші пораховáли-пораховáли та ій вйпустили іхъ.

Гайдамáки стáли на кватйрі у Андрійця, колó Трóйці. А опісля присилáє Максймъ козакá зъ запйскою до зáмку: прóсить губернáтора вййти за хвіртку на тáйну розмóву. Губернáторъ вййшовъ безъ орýжжя, а бáтько зъ нимъ при пистолётахъ. И Максймъ вййшовъ самъ безъ орýжжя, а козáкъ зъ нимъ при пистолётахъ. »Не знáю«, кáже, »щó мині й говорйть своймý старшóму. Зъідь«, кáже, »зъ Черкáсъ, а я скажý, що дóма не застáвъ.«

Губернáторъ послýхавъ та и зъіхавъ. А гайдамáки порозби-

и говоритъ отцу: »Не стрѣляй же, братъ, этого парня свинцовой пулей, а стрѣляй серебряною.« А отецъ говоритъ: »Молись Богу о панѣ полковникѣ, ато не сидѣть бы тебѣ на конѣ и отъ свинцовой пули: да еще благодари Бога за то, что конь головой махалъ. Переколемъ«, говоритъ, »ихъ, господа!« Вотъ наши и приступили къ гайдамакамъ. Тогда Максимъ говоритъ: »Чтò же, господа? чтò въ этомъ проку, что вы насъ переколете? Насъ много — переколютъ и васъ. Я не по своей волѣ пріѣхалъ: меня прислали.« Наши подумали, подумали и выпустили ихъ.

Гайдамаки заняли себѣ квартиру у Андрійца, около Троицы. Потомъ присылаетъ Максимъ къ зàмку козака съ запиской: проситъ губернатора выйти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружія, а отецъ при немъ съ пистолетами. И Максимъ вышелъ самъ безъ оружія, а при немъ козакъ съ пистолетами. »Не знаю«, говоритъ, »чтò и сказать мнѣ своему старшему. Уѣзжай изъ Черкасъ, а я скажу, что дома не засталъ.« Губернаторъ послушался его и уѣхалъ. А гайдамаки переколотили бочки съ водкой, ограбили зажиточныхъ людей и убрались изъ Черкасъ.

вáли зъ горíлкою бочкú, пограбили багáтихъ людéй та й потягнýли съ Черкáсъ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являются не защитниками единовѣрцевъ и мстителями за претерпѣнныя ими притѣсненія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбѣжное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожскихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами »наймыты«, а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зажиточныхъ мѣщанъ и поселянъ, мстили имъ потомъ за какія-нибудь дѣйствительныя, или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу голышей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди »значные«, то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терпѣли »великую тугу и наруганія« отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (¹) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже »усе, що живо, поднялося въ козацтво«, такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не снарядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ-силахъ, то посылалъ слугу-парубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. »А то усе дѣялось (говорить Самовидецъ) за-для того, же прошлого року збогатилися

(¹) »Лѣтопись Самовидца«, стр 11, ст. 1.

шарпаниною добръ шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бываючихъ на прехоженствѣ.*« ([1])

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бесознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгоистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАѢЗДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдама́ки прихо́дили въ Черка́си разівъ, мо́же, пять, — и́ноді въ-дѐнь, а и́ноді въ-ночі, и́ноді въ вели́кій, а ча́сомъ въ невѐли́кій ку́пі. Разъ іхавъ Тишко́ Гараси́менко съ хло́пцемъ изъ я̀рмарку; колѝ жъ глядь, ажъ по Медве́довському шля́ху ідуть на ко́няхъ. Ажъ ось прибіга̀ до во́за коза́къ: »Що̀ за лю́де« ?

»Изъ Черка́съ. Були́ на я̀рмарку.«

Коза́къ верну́всь до ота́мана и одвістѝвъ. Тогді ота́манъ присла́въ двохъ уже́ гайдама́къ.

Отъ — ка́же (Гараси́менко) — мене́ взялѝ та й звяза̀ли поясомъ, а хло́пцеві звеліли поганя́ть ко́ней. Ідемъ за ни́ми ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ ѣхалъ съ ярмарки Грицко́ Гараси́менко съ мальчикомъ; смо̀тритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ѣдутъ верховые. Только прибѣгаетъ къ возу козакъ. »Что̀ за люди?« — »Изъ Черкасъ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гараси́менко) — и связали поясомъ, а

([1]) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до го̀рода. Приїхавши близѐнько, ста́ли. Ота́манъ за́разъ: «Съ ко̀ней!«

Усі й позла̀зили съ ко́ней.

»Припада́йте до землі!«

Поприпада̀ли усі ниць. И хло́пець излізъ зъ во́за та й собі припа́въ ниць. А я лежу́ звя́заний на во̀зі та й дивлю́сь. А вінъ щось тамъ собі мѝмрить-ми́мрить [се вже, бачъ, вінъ ворожи́въ, чи бу́де вда̀ча], а далі: »Встава́йте!«

Уста́ли, посіда́ли на ко̀ней та й поїхали по-за го́родомъ. Ко́ней зоста́вили за ца̀риною, а самі пішли́ въ го̀родъ. И менѐ везу́ть, у во́зі. А хло́пець, ще за го́родомъ, уста̀въ зъ во́за, ніби про се́бе, та й пішо̀въ собі. А вони́ й байдужѐ за хло́пцемъ.

Їдемъ — ка́же — пря́мо до Дри́ґи. [А Дри́ґа живъ напро́тивъ того́ двора́, де тепе́ръ городнѝчий.] Візъ оста́вили за ворітьмі, а самі до бра̀ми. Оди́нъ за́разъ переско̀чивъ черезъ частоко́лъ та й одчини́въ бра̀му. А я — ка́же — лежу̀ у во̀зі, та все мині й вѝдно. Отъ — ка́же — гайдама́ки вѝкресали багаття. А оди́нъ злізъ на причілокъ, та перелізъ черезъ ха́ту та й одчинѝвъ две́ри. А я — ка́же — дава̀й зсо́вувать зъ себе́ по́ясъ, та й розвяза́всь;

мальчику велѣли погонять лошадей. Ѣдемъ за ними къ самому городу. Подъѣхавъ близко, остановились. Отаманъ тотъ-часъ: »Съ лошадей!« Всѣ слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!« Всѣ пали ничкомъ. А я лежу на возу, связанный, и смотрю. Онъ что-то долго бормоталъ про себя [это онъ, видите ли, гадалъ, будетъ ли удача], а потомъ: »Вставайте!« Всѣ встали, сѣли на лошадей и поѣхали вокругъ города. Лошадей оставили за *ца́риною* (за полевыми воротами), а сами пошли въ городъ. И меня везутъ на возу. А мальчикъ, еще за городомъ всталъ съ воза и побрелъ себѣ. А имъ и нужды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Ѣдемъ — говоритъ — прямо къ Дри́гѣ. [А Дри́га жилъ противъ того двора, гдѣ теперь городничій живетъ]. Возъ оставили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Одинъ тотъ-часъ перескочилъ черезъ частоколъ и отворилъ ворота. А я — говоритъ лежу на возу, и все мнѣ видать, что̀ они дѣлаютъ. Вотъ — говоритъ — гайдамаки высѣкли огня. Одинъ взлѣзъ на

та вже покинувши її коней зъ возомъ, добігъ до дзвиниці, та вдаривши разівъ зо три въ дзвона, та зъ дзвиниці.

Біжу по-узъ дядьківъ двіръ. А дядько на тоій часъ згодився на дворі: »Хто то такиі? Чи се ти, Тишко?«

»Я«, кажу.

»Чого се ти біжишъ?«

»Ховайтесь«, кажу: »гайдамаки Дригу деруть!«

Отъ дядько порозбужувавъ своіхъ та, заперши ворота, и ходять по двору на варті. А до Дриги боятця йти: такиі бувъ страхъ!

А гайдамаки положили Дригу долі та, насипавши ему на голу спину пороху, запалили и драли гребломъ, щобъ признавсь, де тиі червінці, що колись ганявъ у Шлёнське волй та заробивъ. А міжъ ними та бувъ наймитъ Дриги; такъ тоій усе ій виказавъ. И поти драли, поки стара не внесла въ хату горшка зъ червінцями.

причілокъ ([1]), перелѣзъ по чердаку въ сѣни и отворилъ наружную дверь. А я — говоритъ — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей съ возомъ и пустился бѣжать къ колокольнѣ; а ударивши раза три въ колоколъ, побѣжалъ далѣе. Пробѣгаю мимо дядина двора. А дядя на то время случился на дворѣ: »Кто это?« спрашиваетъ. »Это ты, Тишко?« — »Я«, говорю. »Чего это ты бѣжишь?« — »Спрячьтесь«, говорю: »гайдамаки Дригу грабятъ!« Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворѣ. А къ Дригѣ боялись идти: такой былъ страхъ!

Межъ тѣмъ гайдамаки положили Дригу на полу и, насыпавши ему на голую спину пороху, зажгли и царапали скребницею, чтобъ сказалъ, гдѣ червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлёнскѣ за воловъ. Съ ними былъ Дригинъ наемникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тѣхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

([1]) *Причілкомъ* называется узкая сторона параллелограма, составляющаго хату. Балки, поддерживающія крышу, на причилкѣ выдвигаются далеко впередъ.

Гайдамáки не займáли замкóвихъ козаківъ, и козакú іхъ не займáли. Тілько отó Роскóвськиіі угнáвся бувъ за нúми въ Рýську Полянý, то ёгó и вбúли. Се булó óсь якъ. Гайдамáки напáли на двіръ Олексіііця у Біляверьі, а самóго ёгó не заскóчили. А вінъ, притаівшись підъ повіткою, и чýе, що ще хóчуть итú въ Рýську Полянý до Шрáма. То вінъ звідти та до пáна, та й роскавáвъ, що отакá й такà річъ. Оттогді-то Роскóвськиіі и вгнàвся за нúми въ Рýську Полянý.

Случалось, что въ гайдамаки шелъ такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозяиномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищей для бывшаго хозяина, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Судденко; а именно:

НАЙМИТЪ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почýвши, що гайдамáки ободрáли Дрúгу, та ще й на другихъ людéй похваляютця, утікáвъ черезъ Днінръ у дýбі Сутýла Гарáсько, зъ жінкою и зъ дитúною [бувъ у ёгó синóкъ Андріііко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковыхъ козаковъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Роскóвскаго убили, чтò погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексійца, въ Билаверьи, да самого Олексійца не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что собираются еще идти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пану и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда-то Роскóвскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ.* — Когда ограбили гайдамаки Дригу и начали хвалиться сдѣлать то же съ другими, Гарáсько Сутýла, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Днѣпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

---

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлана, то и можно съ причилка взлѣзть на чердакъ.

тоїі Андріїі Сутуленко роскáзувавъ, що — кáже — трéба було́ намъ переіздúть черезъ Днiпръ у чóвні; а бáтько й коня́ на пóводі за чóвномъ вівъ. То я боя́всь, щобъ кінь не переверну́въ чóвна, та ii ставъ плáкать. То бáтько ii покúнувъ менé на бéрезі. »Пропадáii же«, кáже, »врáжа дитúно!« [А знáе, що дитя́ не де дінетця, бо гайдáмаки дітéй не займáли.] Отъ я — кáже — переночовáвъ у садку́, а пóтімъ пішóвъ до бáби. Бáба менé нагодовáла; я й гуля́ю собі. Колú жъ дивлю́сь — идé нáймитъ нашъ, що пристáвъ у гайдамáки. Ужé собі й жупáнъ, добу́въ.

»Здорóвъ«, кáже, »Андрію!«

»Здорóвъ.«

»А бáтько дè?«

»Отáмъ и тáмъ«, кажу́; »а я въ бáби.«

[А бáба вбóга булá, то ii не ховáлась одъ гайдамáкъ.]

»На жъ«, кáже, »тобі грóшей, та не давáii нікóму, а несú до бáби.«

Та ii почáвъ мині кúдать у пáзуху пятакú зъ обóхъ кишéнь. Пóвну пáзуху — кáже — мині насúпавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онъ-то, этотъ Андрій Сутуленко, и разсказывалъ мнѣ объ этомъ. Надобно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пропадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говоритъ — переночевалъ въ садикѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что присталъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупанъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говоритъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась отъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а снеси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазаху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазаху — говоритъ — мнѣ насыпалъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко́ Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализнякъ приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила всѣ обстоятельства, сопровождавшія наѣздъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденій мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украйнѣ.

ПРЕБЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

....Са́ме въ Петрівку, у пе́рвиі день, у понеділокъ, приіхали двана́дцять затязцівъ на розвідини. Пострічáли Андріі́ця та іі роспи́тують:

»Дѐ тутъ оттаки́й-то війтъ?«

»Я«, ка́же Андріець.

»Веди́ жъ насъ до себе́ на кватиру.«

Зазвавъ іхъ до себе́ на кватиру. Посла́ли до па́на Се́льського въ за̀мокъ, щобъ давъ напи́тківъ. Тоі імъ за́разъ и присла̀въ, бо всі боя́лись гаідама́ківъ. Отъ воні́ пъють да іі кажуть: »Нехаі вра́жиі Ляхъ дае́, а по́слі звяже́мъ ёго́ та іі повезѐмъ до коша́.«

А Андріець, почу́вши се́е, та въ за̀мокъ: »Бережи́сь«, ка́же, »па́не: отака́ й така̀ річъ.«

(*) *Переводъ*.... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, пріѣхало человѣкъ двѣнадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андріі́ца и спрашиваютъ: »Гдѣ живетъ такой-то войтъ?« — »Я«, говоритъ Андріецъ. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ за̀мокъ, за напитками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что всѣ боялись гайдамакъ. Пьютъ они и говорятъ: »Пускай вражій Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой станъ.« Услышавъ это, Андріецъ побѣжалъ въ за̀мокъ: »Берегись, панъ«, говоритъ онъ: »вотъ что́

То панъ Сéльськиј и запéрсь у зáмку. А гайдамáки повертілись по-підъ частокóломъ та й вернýлись до кошá. А кóшемъ воний стоялн тоді цілий сýтки у Велйкихъ Кýрганівъ.

А такий бувъ нарóдъ шалéнний, тиі затязці, що оцé іде по ýлиці та вбáчить у дворі чоловіка, то вйме пистолéтъ та й кричйть: »У хáту, мурéю! атó запалю!« То чоловікъ схйлитця та підъ повітку.

....На другий день у Петрівку рознеслáсь по Черкáсамъ чýтка, що йде якéсь військо. А ми тогді булй ще хлóпцями. То люде боятця, а намъ байдýже: скáзано — діти.

»Побіжймъ, побіжймъ, щò тамъ за військо!«

Побігли за Білáзерську цàрину, ажъ спрàвді йде військо, такий настоящє. Попéреду іде отáманъ на булáнімъ коні, у кармáзині. Шáпка на ёмý сйва, чóботи сапъянці, пóясъ шалèвий; за пóясомъ пистолèтъ; при бокý шáбля. Отó жъ бувъ самъ Максймъ Залізнякъ. Не старий ищé чоловікъ, літъ, мóже, сорокá, а мóже, й більшъ; на видý пóвний, кругловйдий, урóдою хорòший.

я слышалъ!« Тогда панъ Сельскій и заперся въ замкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частоколомъ и воротились въ свой станъ. А станомъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Кургановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидитъ на дворѣ мужика, то, вынувши пистолетъ, и кричитъ: »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю!« Наклонится человѣкъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

.....На другой день Петрова поста разнеся по Черкасамъ слухъ, что идетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятся, а намъ и нужды мало: извѣстно — дѣти. »Побѣгимъ, побѣгимъ, что тамъ за войско!« Побѣжали мы за Бѣлазерскую *цàрину* — въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, настоящее войско. Впереди ѣдетъ отаманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шапка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, поясъ шалевой; за поясомъ пистолетъ; сбоку сабля. То и былъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый еще человѣкъ былъ, лѣтъ, можетъ быть, сорока, а, можетъ, и больше, полный, круглолицый, собой

на взростъ невеликий, та плечистий; уси русяві невелички; за ухомъ оселёдець. А за нимъ усе по два, усе по два, зъ ратищами, и у переднiхъ паръ, може, у трёхъ, ратища зъ корогòвками двойчатими, такъ що оцé половина буде біла, а половина красна, а знову половина жòвта, а половина чòрна, абò червòна, абò синя. А по самому заду iйде чоловікъ зъ десятокъ пішо безъ ратищъ и безъ усёго, а тiлько колки позасмалювали та й идуть. То вже винники, тò-що, що поприставали въ гайдамаки.

Отъ ми й стали коло шляху, по праву руку, и шапки позніма-ли. А вінъ, порівнявшись изъ нами, та й каже: »Здорòві, сучаки!«

А ми кажемо: »Здорòві, пане!«

»А щò ви? не орете?«

»Ні, пане.«

»А ми жъ оцé почали орати!«

Та й поiхавъ у городъ черезъ ту улицю, де теперъ старий базаръ, та по-за Пациною, де теперъ живе Ищенко, що служить у суді; и приiхали вони прямо до замку, черезъ мiстъ. Башта була одчинена. Я вже не бачивъ, хтò й одчинявъ. Уiхали въ замокъ,

---

пригожiй, росту небольшого, но широкоплечій: усы у него русые, небольшіе, за ухомъ *оселéдецъ* (длинный чубъ). А за нимъ ѣдутъ всё по два въ рядъ съ копьями, и у переднихъ паръ, можетъ, у трехъ копья съ двойчатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, а тамъ опять половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А въ самомъ хвостѣ идетъ человѣкъ десять пѣшихъ безъ копей и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ кольями. То ужъ были винокуры и тому подобные, что пристали къ гайдамакамъ.

Мы остановились подлѣ дороги, направо, и шапки сняли. А онъ, поравнявшись съ нами, говоритъ: »Здорово, *сучаки!*« А мы говоримъ: »Здравствуй, панъ!« — »А что вы? не пашете?« — »Нѣтъ, панъ.« — »А мы ужъ начали пахать!« И поѣхалъ въ городъ по той улицѣ, на которой теперь старый базаръ, а потомъ позади Пацыны, гдѣ теперь живетъ Ищенко, что служитъ въ судѣ; и пріѣхали они прямо въ зàмокъ, черезъ мостъ. Башня была отворена. Я ужъ не видѣлъ, кто ее отворилъ.

сами́ ста́ли въ ряди́, а ратища́ въ ко̀зла поста́вили. А Залізня́къ кри́кне: »Съ ко̀неіі!«

Отъ вони́ позлізáли и поприв'язували ко̀неіі коло́ коню́шні у коновя́зеіі. А ота́манъ, зъ десятьма́, мо́же, чоловіками, пішо́въ пря́мо до поко̀івъ. А назу́стрічъ ёму́ ві́йшло съ поко́івъ чоловіка тѐ-жъ изъ де́сять, зъ ота́маномъ Бу́зькомъ, изъ Цеса́рськоі Слободи́. Позніма́ли передъ нимъ шапки́. И вінъ, прийшо́вши до нихъ бли́жче, знявъ ша́пку та за́разъ и надівъ; а вони́ усі передъ нимъ безъ шапо̀къ.

»А здоро̀ві«, ка́же, »коза́цтво!«

»Здоро̀въ, ота́мане ба́тьку!«

»А де вашъ ота̀манъ?

Отъ ота́манъ до ёго́ й ви́скочивъ съ ку́пи, безъ ша́пки. А вінъ и собі ша́пку знявъ. Обняли́сь, поціловáлись.

»Ну, просіть же на кваті́ру.«

Пішли́ въ поко̀і.

А пані́ вже давно̀ убра́лись на тоіі бікъ Дніпра́, — ще́ якъ почу́ли одъ Андріийця, що гайдама́ки похваля́ютця іхъ перевяза́ть.

Одбі́ли шпи́клiржъ сокі́рою. Шука́ють, чого́ імъ тре́ба.

Въѣхали въ за́мокъ, сами стали въ ряды, а копья поставили въ ко́злы. Зализнякъ крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слѣзли съ лошадей и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятью, что ли, человѣками, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже человѣкъ десять, съ отаманомъ Бу́зькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя ближе, снялъ шапку и тотъ-часъ опять надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, козаки!« сказалъ онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочилъ къ нему изъ купы, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поцѣловались. »Ну, просите же на постой,« сказалъ онъ, и пошли всѣ въ покои. А паны давно ужъ убрались на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ услышали отъ Андрiйца, что гайдамаки собираются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбили въ подвалѣ дверь топоромъ и ищутъ, чего имъ надо.

А чоловікъ изъ сімъ затязцівъ пішли́ до орѐнди.

А ми, хлопята: »Ході́мъ, ході́мъ за ни́ми!«

Отъ оди́нъ попа̀въ десь соки́ру та по замку́ торо̀хъ! Замо̀къ такъ и роспа̀вся. Тоді давай руба́ть у бочка́хъ обручі. Горілка такъ и потекла̀ съ коміръ по косого́ру.

А жінки́ згріба́ють пісокъ, та спиняють ту горілку, та беру́ть при́горщами та въ го́рщики її збіра́ють скрізь намітку.

А гайдама́ки жіно̀къ не займа́ють; и вбо́гихъ людѐй не займа́ють; тілько бага̀тихъ гра̀били, а Ляхівъ и Жидову́ різали. То всі Жидѝ повтіка́ли зъ го̀рода и панѝ. А панівъ тоді у насъ було́ трѝ: панъ Се́льськиї, губерна̀торъ; — Паци́на, полко̀вникъ, и Жуко́вськиї, лісни̇чий.

Отъ я, подиви́вшись на се чу́до, прийшо̀въ додо̀му, ажъ панотѐць поіхавъ у лісъ изъ двома̀ наймита̀ми, а до̀ма зоста̀лась паніматка та па̀рубокъ Сідоголо́вка. Прихо́жу въ ха̀ту, ажъ ма̀ти пла̀че.

»А дѐ ба̀тько?«

»И вжѐ, си́нку, поіхали!«

Колі́ жъ ба̀тько — не зна́ю вже, чого̀: чи розду́мавсь, чи що̀ —

А человѣкъ семь отправились въ *аренду* (питейный домъ). »Пойдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлаютъ изъ песку запруду, останавливаютъ водку, черпаютъ горстями и цѣдятъ сквозь серпянку. Гайдамаки не трогали женщинъ; и убогихъ людей не трогали; только богатыхъ людей грабили, а Ляховъ и Жидовъ рѣзали. Потому-то всѣ Жиды и паны ушли изъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельскій, губернаторъ, — Пацына, полковникъ, и Жуковскій, лѣсничій.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сѣдоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сынокъ! ужъ поѣхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что ли — воротился, доѣхавъ до самой горы,

вернувся ажъ изъ-підъ горѝ, одъ цѐркви. Тілько що випрягають коней, ажъ ось идѐ лейстрòвий городськiй козáкъ Головкó: ведé у двіръ двохъ гайдамàкъ та й кàже: »Кàжуть, цехмúстре, що въ васъ є чòботи-сапъя́нці, що ви робúли панáмъ!«

»Ні«, кáже, »немá: я робúвъ та давнò.«

Отъ ёгó й повелѝ у зáмокъ до самóго Залізнякá.

Панотéць опіслѝ вже росказувавъ, що — кàже — скòро ввійшлѝ въ будúнокъ, то я — кàже — и вбàчивъ, що Бýзько отáманъ заховáвсь у кімнáту. А Залізнякъ и кàже: »Тѝ цехмúстеръ шéвськиі?«

А я кажý: »Я, пáне.«

»У тебé єсть чòботи-сапъянці, що ти робúвъ панáмъ.«

»Робúвъ, отáмане, та давнò, а тепéръ немà.«

А Бýзько крізь щілину зъ кімнáти й шèпче щось.

А Залізнякъ и ýхо приложúвъ та й кàже: Не знàю, хто брèше, чи той, чи той. Ну, ступáй собі!«

Бáтько додòму, та за кòней, та скорійшъ зъ дворà! Поіхали зъ двомá парубкáми въ лісъ и тамъ дрáли лýбъе, ажъ пòки гайдамáки повіялись изъ Черкàсъ.

что у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головкó; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говоритъ: »Цехмúстеръ, у васъ, говорятъ, есть сапоги-сафьянцы, что вы шили для пановъ.« —»Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ зáмокъ къ самому Зализняку. Отецъ послѣ ужъ разсказывалъ, что — говоритъ — какъ только взошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бýзько отаманъ спрятался за перегородку. А Зализнякъ говоритъ: »Ты сапожницкой цехмистеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя есть сапоги-сафьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бýзько и шепчетъ что-то сквозь щель изъ *комнаты*. Зализнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто лжетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себѣ!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поіхавъ напотéць, то я хожу по хáті, а пáрубокъ, Сідоголóвка 'Яковъ, шпвъ чóботи прóтивъ окнá, а пані-мáтка тèжъ пóралась у хáті. Колй жъ гайдамáки, идучй мимо окнá: »*Пýгу!*«

А пáрубокъ бувъ колйсь на Запорóжжі, то й одвітивъ ёму: »*Козáкъ зъ Лýгу!*«

Ажъ ось и йдуть у хáту два затязці изъ Головкóмъ Ивáномъ, та одйнъ на порóзі у хáту зъ пистолéта — бехъ!

Панімáтка такъ и затрусйлась.

А другпй гайдамáка й кáже: О, врàжпй сйну! злякáвъ молодйцю!«

»А ну«, кáжуть, »одчиняй, нéне, комóру, бо Бýзько казáвъ, що йменно е сапъянці.«

Одчинйли.

»Одмикáй скрйню!«

Одимкнýли.

Копàлись-копàлись, — нічòго не взялй; не знайшлй чобітъ та й пішлй собі.

Якъ пішлй, то пáрубокъ Сідоголóвка зновъ сівъ та й стáвъ кончáть чòботи. Колй жъ прихóдить щè одйнъ, у Жидівському кап-

---

дей и скорѣй со двора! Поѣхалъ онъ съ двумя парнями въ лѣсъ и драли тамъ лубья, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Какъ уѣхалъ отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Сѣдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожьи, такъ и отвѣтилъ: »*Козакъ съ Лугу!*« Вотъ и идутъ въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкóмъ, и одинъ изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогѣ! Мать такъ и затрепетала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вражій сынъ, испугалъ молодицу!« — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, *комóру*: Бýзько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сафьянцы.« Отворили. »Отпирай сундукъ!« Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ и ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Сѣдоголовка опять усѣлся и принялся доканчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одинъ гайдамака, въ Жидов-

танку́ — на гру́дяхъ и не схо́дитця — и въ посто́ликахъ саморібкахъ.

»Кому́ се ти чо́боти ши́ешъ?«

»Собі.«

»Ну лишъ«, ка́же, »дошивай.«

Да й сівъ на ла́ві и ждавъ, ажъ по́ки Сідоголо́вка дошивъ.

»А що́, доши́въ?«

«Доши́въ.«

»Ну, на́ жъ тобі оці посто́лики, а я наді́ну твоі чо́боти. А ти собі поши́ешъ.«

Надівъ и пішо́въ собі.

Въ описанномъ здѣсь походѣ Зализняка есть черта, переносящая насъ въ тотъ моментъ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, когда у него было больше войска, нежели оружія. Я говорю о гайдамакахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѣ о Хмѣльницкомъ и Василіи Молдавскомъ ([1]) изображена та же самая картина, что̀ и въ разсказѣ Харка Цехмистера, а именно:

За імъ козаки́ і́дуть,
'Яко я́рая пчола̀ гуду́ть.
Кото́рий коза́къ не міе въ себе́ ша́блі була́тноі,

скомъ кафтанѣ — на груди и не сходится — и въ самодѣльныхъ *постолахъ* ([2]). »Для кого это ты сапоги шьешь?« — »Для себя.« — »Нутка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ, пока Сѣдоголовка кончилъ. »А что̀, кончилъ?« —»Кончилъ.« — »Ну, возьми же себѣ эти *посто́лики*, а я надѣну твои сапоги. Ты сошьешь себѣ другіе.« Надѣлъ и ушелъ изъ хаты.

([1]) »Народныя Южнорусскія Пѣсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

([2]) Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѣланные изъ одного куска кожи. Эпитетъ *самодѣльныхъ* показываетъ, что дѣло идетъ не о лаптяхъ, которые каждый самъ для себя дѣлаетъ.

Пищалі семипядноі,
Той козакъ кий на плечи забірае,
За гетьманомъ Хмельницькимъ увъ охотне військo поспішае.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Коліивщины не достигъ своего полнаго развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмѣльницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонта.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украйны.

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки наробили багато шкоди въ 'Умані. А вже якъ ставъ писать король до Матушки: »Великъ світъ Матушко! що оце робитця въ Польщі, що якиісь бурлаки розбивають народъ?« то вона якъ послала повкъ легкоконний, а другий Донцівъ; то гайдамаки й порізнилися.

Стояли вони въ Розсошинцяхъ, а Дони туди прийшли та й кажуть: »Приміте й насъ; ми до васъ пристанемо.« Тиі й при-

---

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умани. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ«; такъ она и послала одинъ полкъ легкоконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсошинцахъ, какъ пришли туда Донцы и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

нялѝ. А Дóни іхъ половѝли та ѝ повязàли. То Донськùй повкóвникъ пѝше до Мàтушки: »Щò зъ нимѝ робѝть?« А вонá ёмý одписáла: »Комý шкóду зробѝли, томý ѝ у рýки оддáйте.«

То вже якъ вонѝ утікàли на Низъ, то чоловікъ дéсять іхъ плылó по Дніпрý, та ѝ пристàли дýбомъ колó Черкàсъ, и пришлѝ на базàръ, та, взя̀вши перéхриста пѝсаря, що бувъ при панáхъ, повелѝ черезъ річку Солóницю до Дніпра, та рýки ёмý пóясомъ звязàли, óчи завязàли білою хýсткою и сказàли ёмý: »Стàнь навкóлішки.« Вінъ ставъ, а одѝнъ зайшòвъ ззàду та бéхъ ёгó зъ рушнѝці въ спѝну! вінъ такъ и впàвъ нáвзнакъ. А самі сіли въ дýба та ѝ поплилѝ. А люде зійшлѝся, заховàли тогó перéхриста и хрèстъ постáвили. И дòвго той хрестъ стоя́въ, та вже водòю вѝмило, бо Дніпръ розливáетця ажъ підъ самùй гòродъ.

Есть историки, приписывающіе кровопролитія 1768 года какой-то необъяснимой кровожадности Украинской черни, — какъ-будто человѣкъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ внѣшнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погибнуть. Украинскій простолюдинъ доказываетъ статистически, что въ его натурѣ всего менѣе наклонности къ человѣкоубійству,

---

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донской полковникъ пишетъ къ Матушкѣ: »Что̀ съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала: »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ въ руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низъ, то человѣкъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базаръ, а тамъ взяли перекрещенца, что̀ при панахъ былъ, повели черезъ рѣчку Солóницу къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали: »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а одинъ зашелъ сзади и выстрѣлилъ ему въ спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничь. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крестъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ въ разливѣ подходитъ подъ самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подъ вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ характерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человѣкъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Запорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Коліивщинѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ пружины, которыми приведены были въ движеніе страсти толпы народной въ Украйнѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоразумныя мѣры мѣстныхъ властей къ утвержденію въ Украйнѣ уніи, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмистера о преслѣдованіи ревнителей *благочестія*, при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Коліивщиною, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГІОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАЙНѢ. (*)

У Миколáі бувъ священникъ, Остáпъ Карáка. Полякѝ давáй ёго́ підбивáть, щобъ поіхавъ у По́льщу да вѝсвятився на Унію: »Поідь, Остáпе, *тóбѣ лѣпѣй бéндзѣ*.« Вінъ и поіхавъ, вѝсвя-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Никольской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобъ поѣхалъ въ Польшу и *высвятился на унію*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился уніатомъ. Вотъ въ Троицко

тивсь и вернувся вже уніятомъ. Отъ у Тройці благочѐстие, а въ насъ Унія, — роківъ, мо́же, й скількі. То якъ пійдемъ було́ у якій манастирь говіть, то ченці насъ и научують: »Избунтуйтесь«, кажуть, »та до преосвящѐнного добийтеся, то бу́де и въ вàсъ благочѐстие.«

А ся епархія тягнула тогді до Переяслава. А въ Переяславі преосвящѐнний бувъ Гервàсій. Отъ бàтько мій и поіхавъ туди изъ пàрубкомъ Шпакòмъ: »Вàше преосвящѐнство! ми приіхали просити, нехай и въ нàсъ бу́де благочѐстие, якъ и въ людѐй; ато́ у насъ Унія, що ми ії й терпіти не мо́жемо.«

А преосвящѐнний и кàже: »Дітки! просіте Карякy, нехай до мене́ приде, то я ёго́ поблагословлю́ на благочѐстие.«

А панотѐць кàже: »Святий владико! ми всіѐю громàдою просили, а вінъ не йме віри. »»Тогді««, кàже, »»у васъ бу́де благо-«чѐстие, якъ у мене́ поросте́ на доло́ні воло̀сся!««

То преосвящѐнний и кàже: »Лю́де до́брі! обождіть же; вінъ схаменѐтця, та не въ по̀ру. Ідьте«, кàже, »дітки додо̀му, а священникъ вамъ бу́де.«

церкви *благочестіе*, а у насъ унія, и такъ прошло лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ, какъ пойдемъ бывало въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учатъ: »Взбунтуйтесь«, говорятъ, »да къ преосвященному добейтесь, такъ и у васъ будетъ *благочестіе*.«

А эта епархія принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасій. Вотъ отецъ мой поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакòмъ: »Ваше преосвященство! мы пріѣхали просить, чтобъ и у насъ было *благочестіе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.« Преосвященный и говоритъ: »Дѣтки! просите Каряку, пускай ко мнѣ пріѣдетъ; я благословлю его на *благочестіе*.« А отецъ говоритъ: »Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣритъ. Онъ говоритъ: »»Тогда у васъ »будетъ *благочестіе*, какъ у меня на ладони выростутъ волосы!«« Вотъ преосвященный и говоритъ: »Люди добрые! обождите же; онъ опом-

А въ Ре́вовці та бувъ тогді молоди́й піпъ, Макси́мъ Леви́цькии. То Ляхи́ его́ мордова́ли, щобъ приста́въ на Унію: жа́ръ за халя́ви си́пали и на ко́лесо тяглй; а вінъ утікъ та въ Переяславъ до преосвяще́нного. Тамъ его́ паноте́ць и ба́чивъ.

Да тамъ же у Переяславі бувъ тогді у преосвяще́нного и ти́таръ изъ Мліева. Узя́въ Ля́дськиӣ антими́нсъ изъ це́ркви та й привізъ до преосвяще́нного. То пано́те́ць и того́ тамъ ба́чивъ.

Отъ, якъ сказа́въ преосвяще́нний, що »ідьте«, ка́же, »додо́му, а піпъ вамъ бу́де«, то пано́те́ць и поіхавъ наза́дъ изъ Шпако́мъ. А тогді перево́зъ бувъ тілько въ Соки́рнії та въ До́мінтахъ, ато́ скрізь по сей бікъ стоя́ла на беке́тахъ стра́жъ По́льска, а по той — Гетьма́нці на раду́тахъ. То оце́, було́, въ ночі й кричя́ть — намъ у Черка́сахъ и чутно́ — оце́ оди́нъ: »Сла́венъ го́родъ Петинбу́рхъ!« а дру́гий: »Сла́венъ го́родъ Переяславъ!« Усе́ города́ велича́ли: таке́-то, бачъ, було́ га́сло.

Такъ було́ тогді тілько два перево́зи. Запла́тишъ було́ *инду́ту*, то й пропу́стять. Ото́ мій пано́те́ць у До́мінтовъ, ажъ тутъ

нится, да не въ пору. Поѣзжайте«, говоритъ, »дѣтки, домой; священникъ вамъ будетъ.«

А въ то время былъ въ Ревовкѣ молодой попъ, Максимъ Лѣвицкій. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался униятомъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславѣ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктиторъ изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященный: »Поѣзжайте домой, а попъ вамъ будетъ«, то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпако́мъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Соки́рной да въ До́монтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетма́нцы на редутахъ. Ночью бывало и кричатъ — намъ въ Черкасахъ и слышно — одинъ: »Славенъ городъ Петербургъ!« а другой: »Славенъ городъ Переяславъ!« Всё города славили: такой, видишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь бывало *индукту*

одъ бра́та посланѐць. Братъ заплати́въ чоловіку тому́ та й перека́зуе: »Нехáй«, ка́же, »не іде въ Черка́си, бо вже Ляхи́ провідали, то стережу́ть на доро́зі, щобъ пійма́ть.«

То ба́тько съ Шпако́мъ у Богу́шкову слобідку, та наня́въ риба́лку, щобъ ёго́ перевізъ по́тайно на сей бікъ, а ко́ней изъ Шпако́мъ поки́нувъ.

Прийшо̀въ додо́му, ажъ тутъ ли̇хо: шука̀ють ёго́ Ляхи́, щобъ стра́тити. То вінъ до зя̀тя, та й живъ тамъ зъ місяць у за̀городі, по́ки все втихоми́рилось.

Якъ утихоми́рилось, то й ставъ панотéць жить до̀ма вже; тілько всѐ ще опа́сувавсь. Колй жъ присила́е разъ за нимъ панъ швагрони́стий. А тоді у насъ у Черка́сахъ кома̀нда стоя́ла, то панотéць лядунки̇ обшива̀въ. Отъ вінъ и пішо̀въ до того́ швагрони́стого, са́ме туди́, де тепе́ръ суда̀ стоя́ть.

Прихо́жу — ка́же — я туди̇, ажъ дивлю́сь — привезли́ Мліевського ти̇тара, що у преосвяще́нного я ба̀чивъ. Ру́ки наза̀дъ звя́зані, и самъ привя́заний до полу̀драбка. Я — ка́же — якъ по-

---

такъ и пропустять. Пріѣзжаетъ отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай«, говоритъ, »не ѣдетъ на Черкасы: уже Ляхи провѣдали и караулятъ на дорогѣ, чтобъ поймать.« Тогда отецъ со Шпако́мъ въ Богу́шкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпака́ оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: ищутъ его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяцъ въ загородѣ, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаетъ за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь присутсвенныя мѣста стоятъ. Прихожу — говоритъ — туда, смотрю — привезли Мліевскаго ктитора, что̀ видѣлъ я у преосвященнаго. Руки у него связаны назади, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говоритъ — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затѣмъ

бачивъ, то и вмéръ: думавъ, що й менè оцé за тимъ призвáли. Колú жъ выхóдить швагронúстий: »Ну, цехмúстеръ, глядú, щобъ у середу булú лядункú!«

»Бýдуть,« кажý, »вельмóжний пáне!«

А вінъ: »Идú жъ«, кáже, »та щобъ булú!«

Отъ у менé й на душі — кáже — трóхи одлягло. Скорійшъ звідти: нехáй вамъ бісъ!

А тúтара тогó повезлú въ Мліевъ, да отó, що èсть тамъ коло Мліева гребéлька и вéрби, то тамъ ёгó на верби повісили за рýки и усякъ мордовáли. Оцé конóплями обмотáють, та смолóю обмáжуть, та й запáлять. А пóтімъ, замордовáвши, гóлову ёмý одрубáли та й вúставили на вúгоні, на висóкій пáлі. А въ ночі щось укрáло тýю гóлову та й одвезлò ажъ у Переяславъ до преосвящéнного. То преосвящéнний ще лýчче почáвъ старáтьця, щобъ бýло благочèстие.

Ажъ ось разъ прихóдить чоловікъ до панотця: »Идіть«, кáже, »пáне цехмúстре, якийся піпъ приіхавъ та зовé вáсъ.«

Пішòвъ панотéць, ажъ то той самúй Максúмъ Левúцький, що бувъ у преосвящéнного!

призвали. Какъ тутъ выходитъ эскадронный: »Ну, цехмистеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѣ ладунки готовы!« — »Будутъ«, говорю, »вельможный панъ!« А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!« У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣе оттуда: ну васъ къ чорту!

А того ктитора повезли въ Мліевъ, и есть тамъ возлѣ Мліева плотинка и вербы; то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотаютъ пенькою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отсѣкли ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ. Но кто-то ночью укралъ ту голову и свезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестіе.

Какъ вотъ однажды приходитъ къ отцу одинъ человѣкъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмистеръ: пріѣхалъ какой-то попъ и зоветъ

»Люде до́брі«, ка́же, »оце́ присла́въ мене́ преосвяще́нний, щобъ я бувъ у васъ попо̀мъ.«

А на̀ші ка̀жуть: »До́бре, ба́тюшко! ми того́ бажа̀емъ.«

»Ходімъ же«, ка́же, »въ цѐркву.«

Пішли́ въ цѐркву. Вінъ одпра́вивъ ака̀фистъ; посвяти́въ цѐркву; обійшли́ круго́мъ цѐркви; а по́тімъ и ка́же: »Люде до́брі, да́йте жъ мині кватиру. Въ мене́ и жінка е, и діточо̀къ дво́е.«

Отъ на́ші дали́ ёму́ обществомъ хату. А по́тімъ уже́ вінъ посила́въ у Ре́вівку підво̀ду; то привезли́ ёму́ й попадю̀, и дітѐй дво́е. Дочка́ була́ Явдо̀ха, да сино̀къ Лесько́.

То якъ пожѝвъ той піпъ у насъ ро́ківъ зо́ два, то ёго́ зроби́ли протопо̀пою, а після́ та̀къ розжи́вся, що було́ берлѝномъ іздить. Бу̀дка зъ вікнами, и ко̀ні въ-про́стяжъ. То оце́ оди́нъ на коні сиди́ть, а дру̀гий коло́ бу̀дки, а самъ у бу̀дці, та ще й за бу̀дкою оди́нъ.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлилъ времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Лѣвицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: »Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говоритъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафистъ; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рѣвовку подводу; привезли ему попадью и двое дѣтей. Дочка была у него Евдокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлали его протопопомъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало ѣздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Одинъ человѣкъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а одинъ человѣкъ еще и сзади будки.

поспѣть въ другія мѣста и воображая встрѣтить еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакожъ, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ разскащиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — навернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Коліївщини пішла́ разъ по Черка́самъ чу̀тка, що Орда̀ йде, и вже недалѐко. А се було́ зімо̀ю. То наро́дъ такъ и хрясну̀въ на той бікъ. А тамъ збіглось деся́тківъ пять Гетьма́нськихъ козаківъ на Кру̀чину реду̀ту [выще села́ Па́ньского]: »Стійте! нема́ ука̀зу!« Не пуска̀ють черезъ границю. А наро́дъ спѐрся на лёду, то лідъ ажъ ревѐ. Крикъ, гвалтъ, діти пла̀чуть. Біда така̀я скоїлась на лёду̀, що, Бо̀же, твоя̀ во̀ля! Те саночка̀ми самоту̀жки, а въ кого́ воли́, то на вола̀хъ; а хто ко̀ні ма́е, то кіньми. Тутъ и коро̀ви, тутъ и ове́чки, тутъ и збіжже всяке.

(*) *Переводъ.* — Еще до Коліивщины разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Орда, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ такъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ сбѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кручинъ редутъ [выше села Панскаго]: »Стойте! нѣтъ указа!« и не пускаютъ черезъ границу. Народъ стѣснился на льду до-того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачутъ. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волы, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Ото́ жъ, зупини́вши наро́дъ на лёду́, оди́нъ коза́къ побі́гъ до суда́ въ Золотоно́шу, чи мо́жна пусти́ть; а на́ші люде сі́ли на ко́ней та побі́гли ажъ до Смілянського мо́сту, чи і́де орда́. То прибіга́е Геть-ма́нець: »Мо̀жна!« Ажъ тутъ и на́ші верну́лись: »Нема̀ Орди́!«

А вона́ таки́ бу́ла̀, да тілько розгра́била Жу́равку да Бо́втишку — тамъ десь коло́ Ка́мянки — та ї́ верну́лась.

Изъ Черкасъ я отправился въ Чигиринъ, ни сколько не сомнѣваясь, что по дорогѣ туда и въ самомъ городѣ соберу много преданій о козацкой старинѣ. Но поиски мои, уже по своему свойству, были подвержены случайностямъ охоты. Иногда въ теченіе многихъ дней и при всевозможныхъ съ моей стороны стараніяхъ, я не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы могъ, или захотѣлъ, разсказать мнѣ что-нибудь достойное стенографіи. Въ Чигиринѣ я не записалъ ни одного преданія, ни одной пѣсни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: городъ въ Малороссіи не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ селомъ относительно разсказовъ о старинѣ, и громкое имя Чигирина не связано въ умѣ его жителей (разумѣется, простолюдиновъ: до прочихъ мнѣ не было дѣла) ни съ какими историческими воспоминаніями.

Тѣмъ не менѣе мѣстность его заняла меня живѣйшимъ образомъ. Я обошелъ его разрушенныя земляныя укрѣпленія, его окрестности, гдѣ много разъ воздвигались шанцы и батареи, направленные противъ Чигиринской горы, на которой теперь едва замѣтны

И вотъ, остановивъ народъ на льду, одинъ козакъ поскакалъ въ Золотоношу узнать, можно ли пропустить черезъ границу; а наши люди сѣли на лошадей и поскакали къ Смилянсокму мосту — идетъ ли Орда. Возвращается Гетма́нецъ: »Можно!« А тутъ и наши воротились: »Нѣтъ Орды!«

А Орда точно приходила; но только разграбила Журавку да Бо́втышку — тамъ гдѣ-то около Камянки — и воротилась.

слѣды за́мка; наконецъ отправился пѣшкомъ къ Суботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шелъ вдоль камышчатой рѣчки Тя́смина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Суботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьи бѣлыя хаты хуторянъ и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, поразсказалъ мнѣ о томъ, что̀ было интересно въ его молодыя лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козачества.

Въ Суботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Суботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тя́смина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька*! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Суботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тя́смина съ его камышами, съ другой — на горѣ виднѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая нѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скирдами, »экономическаго« хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и вспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Субо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами человѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что̀ дѣлалось въ отдаленную старину; если же и разсказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что̀ ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Су́ботовскій мой знакомецъ весь оживлялся, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Само́ себе́ на сміхъ на дава̀ла,
Неприя́теля підъ но̀ги топта́ла,

и до-того увлекся разговоромъ съ человѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что̀ у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Стуломъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумѣется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазницѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и начались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполнѣ, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Су́ботовѣ.

ПѢСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Ой почувáйте и повидáйте,
Щò на Вкраïнi постáло:
Що за Дáшевимъ, пiдъ Сорóкою
Мнóжество Ляхiвъ пропáло!

Перебúйнiсъ прóсить немнóго —
Трохъ козàченькiвъ зъ собóю;
Рубáе мечéмъ гòлови съ плечéй,
А рéшту тóпить водòю:

»Ой пúйте, Ляхú, водú калюжи
Болотянúi,
А що пивàли по тiй Вкраïнi
Медú та вùна ситнúi!«

Та по чiмъ козáкъ слáвенъ?
Наiвся рѝби и соломàхи зъ водóю;
Зъ мушкéтомъ стàне — а сéрце вѝне,
А Ляхъ одъ дỳху вмирáе.

Ой чи бàчъ, Ляше, що панъ Хмельнúцькии
На Жóвтiмъ Пiскý пiдбúвся?
Семú козакiвъ, дóбрихъ юнáкiвъ,
Ти й за Вѝслою не скрúвся.

Ой чи бàчъ, Ляше, що козáкъ пляше
На воронiмъ кóню передъ тобóю?
Ти, Ляше, злякнешъ и съ конѝ спàднешъ,
Самъ присúплесся землёю.

Ой чи бàчъ, Ляше, що по Случъ нáше,
По Костянýю Могúлу?

Якъ не схотіли, забунтовáли
Та й утеряли Вкраіну.

Ой нависли Ляхи, нависли,
А якъ ворòни на вишні....
Не попустімо Ляхові Польщи
Пòки нáшоі жизнòсти!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Субботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ея ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пийте, Ляхи, води калюжи
Болотяниі,
А що пивáли по тій Вкраіні
Меди та вѝна ситниі!

выражаетъ, что̀ была для пановъ Украина: мѣсто попоекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поставлять для нихъ *меди та вѝна ситниі*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чімъ козáкъ слáвенъ?
Наівся рыби и соломàхи зъ водóю;
Зъ мушкéтомъ стàне — а сéрце вя̀не,
А Ляхъ одъ ду̀ху вмирáе...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и неприхотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломахою. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *вянуло сердце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для изнѣженнаго пана. Въ стихѣ:

Семи кòзаківъ, дòбрихъ юнáківъ,

заключается намекъ, что у Хмѣльницкаго было семь сподручниковъ, пріобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебійносъ, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (1)

Далѣе стихи:

Якъ не схотіли, забунтовáли —
Та й утерялн Вкраіну...

указываютъ на сопротивленіе пановъ политикѣ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустімо Ляхові Пóльщи,
Пóки нáшоі жизнóсти!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмѣльницкаго на Малороссію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только усиліемъ *не попустить Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верховóдить* въ Рѣчи Посполитоіі.

---

(1) Ой якъ оглянетця *козáкъ* Перебийнісъ на лівее плéче —
Ажъ изъ-підъ Дáшева та до Волóхова крівáвая річка тéче.

—

Чи не той то хміль, хміль, що вѝсоко въѐтця?
Чи не той то *козáкъ* Нечàй, що зъ Ляшкàми бъéтця?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ пѝві грáе?
Чи не той то *козáкъ* Нечàй, що Ляшківъ рубáе?
Чи не той то хміль, хміль, що у пѝві кѝсне?
Чи не той то *козáкъ* Нечàй, що Лàшеньківъ тѝсне?

—

Морозéнко *козáченько* якъ мàкъ роспукáвся,
Морозѐнко *козáченько* въ невòлю попáвся.

—

Прощáй, прощáй, Морозéнку, ти, найслàвний *козáче!*
За тобóю, Морозéнку, вся Вкраіна плáче.

Что̀ касается до преданій о старинѣ, что Су́ботовскіе собесѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что̀ помнитъ, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Оме́лькѣ Каплау́хомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Су́ботовѣ. Отъ него пошли у нихъ всѣ старосвѣтскія пѣсни и всѣ воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотнѣе внялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофикъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались через-чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы всѣ шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моемъ уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась *пля́шка горі́лки*, и отправился безъ помѣхи къ патріарху Су́ботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его пріятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, онѣмѣніе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Суботовскіе мои пріятели такъ усердно домогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашида; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всѣхъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолюдинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что̀ передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаетъ великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени. предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемѣна. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мной языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія выпить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братіи и бесѣдовали мирно вдвоемъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тишинѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнію, Омелько Каплаухій не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческія его воспоминанія, а именно:

I.

Хмѣльницкій въ Запорожской Сѣчи. (*)

....Та й поіхавъ у Січъ тимъ бо́комъ Дніпра́. Приіхавъ до Січи, ажъ тамъ стоіть жовнірство и бере́ одъ козаківъ деся́ту ри́бу. Отъ Хмельни́цький, показа́вши та́йно Запоро́зцямъ короле́вський листъ, усовітовавъ імъ, якъ збу́ти жовні́рівъ: »Я«, ка́же, »вийду на майда́нъ та й зачну́ крича́ти: *У ра́ду! въ ра́ду! въ*

(*) *Переводъ.* — ....И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Пріѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жолнѣры* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмѣльницкій показалъ тайно Запорожцамъ королевскій листъ и присовѣтовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жолнѣръ*. »Я«, говоритъ, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ ра́ду! въ ра́ду! въ ра-*

ра́ду! а ви візьміте підъ по́лу по дрючку́, и якъ жовніри прийдуть безъ шабе́ль у ра́ду, то ви на іхъ зъ дрючка́ми да всіхъ и перебийте.«

Такъ и ста́лось. Да по́тімъ якъ пішо̀въ воёва́ти Хмельни́цькій, то розбивъ Ляхівъ и на Жо́втій Воді, и коло Ко̀рсуня, та загна́въ ажъ за Слу́чъ, та й сказа́въ: »*Зна́й, Ля́ше, по Слу́чъ на́ше!*«

Извѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи, находится въ одной только »Лѣтописи Самовидца« (стр. 7, ст. 1): »Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую отбѣрали.«

2.

ПЛАТА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воёва́въ Хмельни́цькій зъ Ляха́ми, то вся́кому, хто пійма́е Ляха̀, обіща́въ дава́ть за ко́жного по рублю̀, а за ксёнза по три ко̀пи. То, якъ пійма̀е було́ коза́къ Ляха́, то вы̀голить ёму́ на голові лысину та й ска́же: Глядѝ жъ ти мині, вра́жий Ля́ше! тілько ска́жешъ, що ти не ксёнзъ, то за̀разъ ду́хъ съ тебе́ вонъ!«

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьмите подъ полу по дубинкѣ и какъ придутъ *жолнѣры* въ раду безъ сабель, вы бросьтесь на нихъ съ дубинками и перебейте всѣхъ.« Такъ и сдѣлали. А потомъ, какъ пошелъ воевать Хмѣльницкій, то разбилъ Ляховъ и на Желтыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогналъ ихъ за самую Случь и сказалъ: »*Зна́й, Ля́ше, по Слу́чъ на́ше!*«

(*) *Переводъ.* — Какъ воевалъ Хмѣльницкій съ Ляхами, то всякому, кто поймаетъ Ляха, обѣщалъ давать по рублю за каждаго, а за ксенза по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробрѣетъ ему на головѣ лысину и скажетъ: »Смотри же, вражій Ляхъ! только ска-

Отъ и приведè до Хмельни́цького.
»Хтò ти таки́й?«
»Ксёнзъ.«
То Хмельни́цькиі вийме съ кишéні три кóпи та ѝ дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМѢЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельничéнко побусурмáнившись збивъ пу́шкою зъ гори́ Валкá ([1]) вèрхъ зъ бáтьківськоі цéркви, хотячи́ довідатись бáтьківськихъ грóшей, що, кáжуть, були́ замурóвані на гори́щі, на цèркві. Вінъ би то прийшóвъ за ними́ й до Су́ботова, та боявся, бо тутъ стояло військо; то вже зъ злóсті хотівъ розби́ть цèркву.

Хмельничéнко живè ще ѝ дóсі. Наші стари́і чумаки́ розскáзували, що бáчили ёгó въ гóрахъ на своі óчи, и сáмъ вінъ казáвъ, що: »Я си́нъ Хмельни́цького.« Ёгó ссе гáдина, и вінъ бу́де му-

жешь, что ты не ксензъ, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмѣльницкому. »Кто ты таковъ?« — »Ксензъ.« Хмѣльницкій вынетъ бывало три полтины и дастъ козаку.

(*) *Переводъ.* — Сынъ Хмѣльницкаго, какъ обусурманился, то сшибъ куполъ съ отцовской церкви, выстрѣливъ изъ пушки, съ горы Валка ([1]). Онъ хотѣлъ добраться до отцовскихъ денегъ, чтò были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Суботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живъ. Наши старые чумаки разсказывали, что видѣли его въ горахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я сынъ Хмѣльницкаго.« Его сердце сосетъ змія, и будетъ онъ мучиться и бро-

([1]) Въ двухъ верстахъ отъ Су́ботова.

читись и блукати поміжъ горами ажъ до Страшного Суду; а тогді вже Господь його простить, що побусурманивсь и хотівъ розбить батьківську церкву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЪ ГАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживий робивъ колись горшки у Артема ганчара, и все було каже: »Я хочъ на одінъ день, а буду паномъ.« Потимъ вінъ бувъ у Мотренинському лісу, а звідти пішовъ на Каневъ, и вирізавши тамъ Ляхівъ и Жидівъ, повернувъ на квартири до Чигрина. А въ Galagанівці да живъ панъ Щерба. Оттой-то й запросивъ його до себе въ гості. Неживий зъ усіми козаками своіми пішовъ до Galagанівки; козаківъ же зоставивъ по сей бікъ греблі, а самъ зъ дванадцятьма отаманами пішовъ пішо до Щерби. Отъ Щерба, побачивши, що вінъ у дворі безъ війська, заразъ якъ крикне своимъ: »Беріть його!« Тутъ його и злапали. А військо, почувши, що отаманівъ позабірано, заразъ усе порозбігалось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь проститъ, что онъ обусурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.* — Неживый работалъ когда-то горшки у Артемія горшечника, и всё бывало твердитъ: »Я хоть на одинъ день, а буду паномъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотренинскомъ лѣсу, а оттуда пошелъ въ Каневъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квартиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галагановкѣ жилъ панъ Щерба, и зазвалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со всѣми своими козаками; козаковъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ съ двѣнадцатью отаманами пошелъ пѣшкомъ къ Щербѣ. Щерба видитъ, что онъ на дворѣ безъ войска, тотъ-часъ и крикнулъ своимъ: »Схватить его!« Тутъ его и схватили. А войско, узнавъ, что отамановъ перехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухій заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Коліивщины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею нѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря пѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепріимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какого мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Онъ понялъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Коліивщины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самаго внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по разсказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во всѣ его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ пріятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібра́лись гайдама́ки у Мотре́нинському лі́су́, то зробили собі Січъ. Вибрали таке́ місто, що зъ трёхъ бо́ківъ байра́ки, а съ четве́ртого поста́вили ба́шту. Круго́мъ обру́ба́лись лісомъ. По

(*) *Переводъ.* — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ Сѣчь. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ сдѣ-

середині насипали грошей и ниткою перехрестили, да й прибили ії колочками у чотирёхъ містахъ. И козакъ кругомъ ходить. Оце жъ у одному байраці *Січъ*, а въ другому, на Бойковій Луці, *Скликъ*. А Скликомъ звався казакъ, що висівъ на дубі, и коло его довбня. А то для того, що, скоро яка тревога, або-що, заразъ прибіжить козакъ та довбнею й почавъ валять; а казанъ на ввесь лісъ реве. То вже де бъ которий козакъ не бувъ, скорійшъ збігаютця до-купи. Да тутъ же заразъ коло Склика бувъ у диброві *Значокъ*, — таке-то, бачъ, обзначене кругомъ місце, де іхъ коні паслись. А одъ Значка, верстовъ три икъ Жаботину, було *Гульбище*, на високій могилі, такъ що якъ зійдешъ туди, то ввесь Жаботинъ якъ на долоні. Посходять було на ту могилу, балакають, у карти грають, співають пісень усякихъ. Рідко було якій день виберетця, щобъ тамъ нікого не було.

Ото Ляхи якъ почули, що въ лісу зібрались гайдамаки, то й прийшли, душъ іхъ сотня, на коняхъ и зъ оружжемъ, підъ браму въ манастирь. Ченчики вийшли до іхъ съ хлібомъ и зъ сіллю.

лали засѣку. Посреди Сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили нитку въ четырехъ мѣстахъ колышками. И часовой кругомъ ходитъ. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сѣчь*, а въ другомъ, на Бойковой Лукѣ, *Скликъ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котелъ, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибѣжитъ козакъ и давай валять въ котелъ долбешкой. Тогда ужъ, гдѣ бы кто ни былъ, всѣ сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Значокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслись лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Значка, къ Жаботину, было *Гульбище*, на высокомъ курганѣ. Какъ взойдешь на могилу, то весь Жаботинъ — какъ на ладони. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поютъ разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ который бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гайдамаки, то и пришли — человѣкъ сто, на коняхъ и съ оружіемъ — къ монастыр-

»А дѐ гайдамáки, *сизматʼки ви пшеклѣнти?*«

Ченчики бідниі трýсятця: »Не знàсмо, вельмóжниі паниі.«

»Не знàете, *дáлдани!* охъ, ви, *дáлдани,* не знàете! *пшеклѣнти хлóпи*!«

И давàй шукáть по манастирéві. Шукáли всюди, заглядували и за иконостàсъ — немà! Такùі-то навиженниі Ляхѝ! Отó бъ дурниі булѝ Запорòзці, щобъ ховáлись за иконостàсъ! Імъ у лісỳ найлỳчча схóванка.

Шукàють Ляхѝ гайдамàкъ, а отáманъ, скóро почỳвъ про се, зáразъ и послàвъ двохъ козаківъ у Замятницю. Тùі, прибігли тудѝ, давàй колóть орандаря́ и всіхъ Жидівъ.

А мужикѝ прийшлѝ до корчмѝ, да й питàютця: »А щò, панóве? чи нàша віра?«

»Ажежъ бáчъ, що вáша: не колòли бъ Ляхівъ да Жидівъ.«

То мужикѝ іхъ и не займàють, а ще до іхъ пристаю́ть.

А Ляхѝ тимъ чáсомъ пóраютця все ще въ манастирі. Якъ ось прибігъ и зъ Замя̀тниці вістовùй: »Панóве! гайдамáки Замя̀тницю вѝрізали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?« Бѣдняжки чернецы трепещутъ: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, канальи? охъ, вы, канальи, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искать въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостасъ — нѣту! Такіе глупые Ляхи! Чтò за дураки были бы Запорожцы, чтобы имъ прятаться за иконостасъ! Имъ въ лѣсу самое лучшее убѣжище.

Ищутъ Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ объ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козаковъ въ Замятницу. Тѣ прискакали туда, давай колоть арендатора и всѣхъ Жидовъ. А мужики пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А чтò, господа? наша вѣра?« — »Сами видите, что ваша: иначе не кололи бъ мы Ляховъ да Жидовъ.« Мужики ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристаютъ.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницы вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницу вырѣзали!« Ля-

Ляхи́ дра̀ла! да до Жа̀ботина. А ота̀манъ пішо̀въ за ни́ми да ії порозставля̀въ круго́мъ Жа̀ботина козаківъ. То оце́ ви́скочить изъ лісу коза́къ, повертитця-повретитця на коні передъ Жаботиномъ, да зновъ и поіде въ лісъ. То Ляхи́ ду̀мають: »Оце́ жъ круго́мъ Жа́ботина вже стоя́ть по́ лісу гайдама̀ки!«

Да покинувши Жа̀ботинъ, да въ Смілу. Кома̀нда жъ ру̀шила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопа́тою, що бувъ опісля́ чу̀рою у Залізняка́, такъ намісникъ изъ сімъ-то сами́мъ Лопа́тою — у Ка́мянку; бо тамъ вінъ живъ, и була́ тамъ у ёго́ со́тня лейстро́вихъ козаківъ.

Отъ и пита̀етця намісникъ у ота́мана тихъ козаківъ: »А що̀, ота́мане? чи мо̀жна стать про́тивъ гайдама́къ?«

»Мо́жна, ба́тьку, тілько що іхъ ку̀ля не бере́.«

То намісникъ, якъ почу̀въ сée, то побілівъ якъ ху̀стка, да й ка̀же: »Ку̀ля не бере́? ку̀ля не бере́?... Такъ іхъ — ти ка́жешъ — ку̀ля не бере́?«

Да вже боітця и ота̀мана, и одъ ёго́ одхо̀дить, да все тілько:

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ вслѣдъ за ними и разставилъ вокругъ Жаботина козаковъ. Вотъ козакъ выскочитъ изъ лѣсу, проѣдемъ взадъ и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опять и скроется въ лѣсу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лѣсу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смилу.

Команда выступила въ Смилу, а намѣстникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугой у Зализняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козаковъ. Пріѣхалъ и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козаковъ: »А что̀, отаманъ? можно ли намъ стать противъ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намѣстникъ, такъ и побѣлѣлъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, пятится отъ него и все̑ только твердитъ: »Пуля не беретъ!

»Ку̀ля не бере́! ку̀ля не бере́!... Гмъ! ку̀ля не бере́!... Такъ ти ка́жешъ, ота́мане, що іхъ ку̀ля не бере́?«

»А не берѐ, ба́тьку.«

»Эге́! ку̀ля не бере́!... эге́! эге́!«

Да, сівши на ко́ней зъ Лопа́тою, да въ Смілу.

Лопа́та жъ попѐреду біжить изъ спи́сомъ, а намі́сникъ за ни̂мъ.

Колѝ жъ, не доіжджа́ючи корчмѝ Сумськôі, наганяе іхъ гоне́ць: »Па́не намі́снику! гайдама́ки Ка̀мянку ріжуть!«

Намі́сникъ ки̂нувсь, якъ опа́рений, въ Смілу; а Лопа́та зъ тимъ гонце́мъ и зоста̀всь.

А гайдама́ки, сто́ячи коло Ка́мянки, посла́ли до лейстрòвихъ, визива́ючи ота́мана до пора́ди. Ота́манъ лейстро́вий ви̂йшовъ до гайдама́цького ота́мана; то сей и ка̀же: »Щò? ви бу́дете зъ на́ми би̂тьця, чи ні? Ми не по своі̂й во̀лі прийшли̂. Глядіть, щобъ не було́ й ва̀мъ тако́го ли́ха, якъ Ляха́мъ.«

И показа́въ лейстро́вому ота́ману бума́гу. Якъ показа́въ, то й Каменська́я со́тня приста́ла до гайдама́къ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отаманъ, что ихъ пуля не беретъ?« — »Не беретъ, батько.« — »Да, да! пуля не беретъ!... да! да!« И сѣвши на коней съ Лопатою, пустился въ Смилу.

Лопата скачетъ впереди съ копьемъ, а намѣстникъ за нимъ. Какъ догоняетъ ихъ, не доѣзжая до Смилянской корчмы, гонецъ: »Панъ намѣстникъ! гайдамаки Камянку рѣжутъ!« Намѣстникъ бросился, какъ будто его обварили кипяткомъ, въ Смилу, а Лопата съ гонцомъ и остались.

Гайдамаки же, стоя въ Камянкѣ, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себѣ ихъ отамана на совѣтъ. Реестровой отаманъ вышелъ къ гайдамацкому отаману. Тогда этотъ говоритъ: »Что? будете вы съ нами драться, или нѣтъ? Мы не по своей волѣ пришли. Смотрите, чтобъ и вамъ не было такой бѣды, какъ Ляхамъ.« И показалъ реестровому отаману бумагу. Какъ показалъ, то и Камянская сотня пристала къ гайдамакамъ.

2.

ЧЕСТЬ ЗА ИМ'Я ЖИДА. (*)

Якъ стоя́ли гайдама́ки у Мотре́нинському лі́сі, то один́ ота́манъ назва́въ за щось козака́ Жи́домъ. »Эхъ ти«, ка́же, »Жи́дъ!«

А той коза́къ: »Такъ я Жи́дъ? такъ я Жи́дъ?« да зъ пистоле́томъ до ёго̀.

А отама́нъ бувъ характѐрникъ. »А що?« ка́же, »ти мене́ бу́дешъ стреля́ти?« да ії гру́ди розхрістав. »Стреляй«, ка́же, коли́ хо́чешъ!«

»А то́ жъ не встрѐлю? Мо́же, ду́маешъ — не візьме?« Да — бехъ! Той и ви̇вернувсь.

Отъ козаки́ до ёго́ зъ дуби́нами, за те, що застре́ливъ ота̀мана. А вінъ: »Постривайте«, ка́же, »пано́ве; слу́хайте лишъ, що̀ тутъ міжъ на́ми було́ за діло. Дѐ жъ ви́дано, щобъ козака́ зъ Жи́домъ рівня́ти? То и всі ви Жиди́, коли́ я Жидъ!«

То козаки́, роспита́вши и ви́слухавши всю причи́ну, сказа́ли: »Правда. Ледачому леда́ча й смѐрть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты«, говоритъ, »Жидъ!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидъ? такъ я Жидъ?« Но отаманъ былъ *характе́рникъ* (чародѣй). »Что̀?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣляй«, говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можетъ быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничь. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте«, говоритъ, »господа; выслушайте прежде, что̀ между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и всѣ вы Жиды, коли я Жидъ!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. По дѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНѢ. (*)

Въ Жа́ботині Жидъ поналічувавъ на людей стілько до́вгу, що ста́ло вже не въ моготу́ й виплатитьця: мо́же, въ де́сятеро більшъ ніжъ воні́ булі́ винова́ті. То козакі́ Жаботи́нські не хотіли платіть; ка́жуть: »Присягні́!« А вінъ, невіра, взявъ да й присягнувъ. Отоді вже платі́ якъ хо̀чъ! Отъ пять козаківъ поробі́ли собі мале́нькі спис́і, щобъ підъ по́лу мо́жна взять, да й пришлі́ до ёго́ вве́чері, якъ вінъ са́ме сівъ вечѐряти. А Жидівка наділа дорогі́й очіпокъ, що воні́ прокля́тиі но́сять. Отъ оди́нъ коза́къ узя́въ да списомъ підъ той очіпокъ и су́не. А Жидъ: »Сцо̀ ти, сцо̀ ти, се́льма ти? Якъ ти сміесъ!« А вінъ ёго́ якъ порнѐ списомъ! Тогді й Жидівку й Жиденя́тъ переколо́ли.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНѢ. (**)

Якъ узялі́ гайдама́ки 'Умань, то сіли на стольця́хъ середъ го́рода да й звеліли позва́ть панотцівъ. Отъ и привелі́ до іхъ Ба-

---

(*) *Переводъ.* — Въ Жаботинѣ Жидъ столько присчиталъ людямъ долгу, что не подъ силу ужъ было и выплатить: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскіе козаки не хотѣли платить, и говорятъ: »Присягни!« А онъ, невѣрный, взялъ да и присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешъ! Вотъ пять козаковъ сдѣлали себѣ небольшія копійца, чтобъ можно было взять подъ полу и пришли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надѣла дорогой чепецъ, что онѣ, проклятыя, носятъ. Вотъ одинъ козакъ взялъ да копьемъ подъ тотъ чепецъ и подсовываетъ. А Жидъ: »Сто ты, сто ты, сельма? Какъ ты смѣесъ?« Онъ его какъ пырнетъ копьемъ! Тогда и Жидовку, и Жидинять перекололи.

(**) *Переводъ,* — Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Привели къ

зиля̀нъ. То ота́манъ и ка̀же: »А що̀, панотці? ми васъ завсегда̀ слу̀хаемъ? послу̀хайте жъ ви насъ хочъ ра̀зъ, а ми васъ нагрпдимо̀.«

Тиі бідниі тру̀сятця; ка́жуть: »Що̀ звелите́, вельмо́жниі пани́?«

»Отъ що: візьмі́ть ви́ хрестѝ да пройдіть по у̀лицямъ и одпра́вте по̀хоронъ.«

Базиля̀не побра̀ли хрести́, хо́дять по у̀лицямъ, пра̀влять по́хорони. А наро́дъ пла́че по всёму̀ го̀роду. И самі Базиля̀не пра́влять да й пла́чуть.

Якъ ко́нчили, ота́манъ награди́въ іхъ червінцями да й ка́же своімъ: »А що̀, хло́пці? ба̀чте, пани́ у яки́хъ хоро́шихъ жупа̀нахъ хо́дять? А ви, біда́хи, ча́сомъ и соро̀чки не ма́ете. А ну́те лише́нь, берітесь за діло!«

Отъ тутъ уже́ й пішла̀ різня́.

5.

ИСКУСЪ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запоро́зці, якъ підмо̀влять, було́ до себе́ на Січъ яко́го хло́пця зъ Гетьма́нщини, то пе́рше про̀бують, чи годѝтця буть Запо-

---

нимъ Базиліянъ. Отаманъ и говоритъ: »Ну, что̀, *панъ-отцы*? мы васъ слушаемся; послушайтесь же вы насъ хоть одинъ разъ, а мы васъ наградимъ.« Тѣ, бѣдные, дрожатъ и говорятъ: »Что̀ прикажете, вельможные паны?« — »Вотъ что̀: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправьте похороны.« Базиліяне взяли кресты, ходятъ по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И сами Базиліяне, отправляя похороны, плачутъ. Когда кончили, отаманъ наградилъ ихъ червонцами и говоритъ своимъ: »Ну, что̀, молодцы? видите, какіе хорошіе жупаны на панахъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтесь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла рѣзня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманятъ бывало Запорожцы къ себѣ въ Сѣчь

рòзцемъ. Оттó звелять ёмý варúти кàшу: »Глядú жъ, варú такъ, щобъ и не сирà булá, щобъ и не перекипіла. А ми пійдемъ косúть. То ти, якъ ужé бýде готóва, вийди на такий-то курганъ, да й зовú насъ; а ми почуємо, да й прийдемъ «

Отъ поберýть кóси да й пійдуть нíби-то косúть. А дè въ чòрта імъ хóчетця косúть! Заберýтця въ комúшъ да й лежять. То оцé хлóпець, зварúвши кàшу, вийде на могúлу и зàчне гукàти. А вонú й чують, да не озиваютця. То винъ гукàе-гукàе, да давай плàкать: »Отъ занеслá мене нечúста сúла міжъ сíі Запорóзці! Лучче бъ булó дóма сидіти при бàтькові да при мàтері. Атó ще перекипить кàша, то прийдуть да бúтимуть врàжі синú! Ой бідна жъ моя голóвонько! чогò менé понеслó міжъ сíі Запорóзці!«

То вонú, лѐжачи въ траві, вúслухають усé да й кàжуть: »Ні, се не нàшъ«! А дàлі вѐрнутця до куреня, да дадýть тому хлóпцеві коня и грóшей на дорóгу, да й скàжуть: »Ідь собі къ нечúстому! намъ такúхъ не трѐба.«

А якъ-жé котóрий удàстця росторóпний и догàдливий, то вий-

какого-нибудь парня изъ Гетмáнщины, то сперва пробуютъ, годится ли онъ въ Запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу: »Смотри же ты: вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипѣла. А мы пойдемъ косить. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будтобы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежатъ. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ въ слезы: »Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ Запорожцамъ! Лучше было бы сидѣть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипитъ каша; придутъ и поколотятъ вражьи дѣти! О, бѣдная моя головушка! кой чортъ занесъ меня къ этимъ Запорожцамъ!« А они лежа въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: »Ступай себѣ къ нечистому! намъ такихъ ненадо!«

Но который молодецъ удастся расторопный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могилу, кликне разівъ зо два: »Гей, панове молодці! идіте кашп їсти!« да якъ не озиваютця, то вінъ: »Чортъ же васъ бери, коли мовчите! буду я й самъ їсти.« Да ще передъ одходомъ ударить на могилі гопака: »Ой тутъ мині погуляти на просторі!« Да, затягнувши на ввесь степъ козацьку пісню, и піиде собі до куреня, и давай уплітати кашу.

То Запорозці, лежачи въ траві, ій кажуть: »Оце нашъ!« Да, побравши коси, и йдуть до куреня. А вінъ: »Де васъ у біса носило, панове? Гукавъ-гукавъ, ажъ охрипъ; да щобъ каша не перекипіла, то я почавъ самъ їсти.«

То Запорозці спогляну ть одинъ на одного да й скажуть ему: »Ну, чуро, вставай! годі тобі буть хлопцемъ: теперъ ти рівний намъ козакъ.«

И приймають у товариство.

Старинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небылицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глупцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ разсказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій разсказъ мо-

---

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите каши ѣсть!« и какъ не откликнутся, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одинъ ѣсть кашу.« Да еще передъ отходомъ пріударитъ на курганѣ *гопака* (танецъ): »Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!« И, затянувши на всю степь козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: Это нашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ ѣсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чура (слуга), вставай! полно тебѣ быть *хлопцемъ* (мальчикомъ, парнемъ): теперь ты равный намъ козакъ.« И принимаютъ его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотренинскомъ монастырѣ характеризуетъ бесѣды нашихъ старосвѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА. (1)

Бува́въ тутъ коли́сь ча́сто у насъ у манастирі полко̀вникъ коза́цький съ того́ бо́ку Дніпра́; звався Перепели́ця. То було́ якъ за̀чне роска́зувати про да́вніи во́йни, такъ умо̀ра да й тілько. Що̀ — ка́же — тепе́ръ за во́йни? То якъ коли́сь на́ши Задніпря́нські козакѝ воёва̀ли, такъ та̀къ! То — ка́же — наро́дъ хра̀брий и до войни́ тя̀жко спосо̀бний. Якъ згада̀ю — ка́же — собі, що якъ бу̀въ я со́тникомъ, то ходи́ли ми съ світлі́йшимъ княя̀земъ Потёмкинимъ ажъ на край світа, підъ Оча̀ківъ, де, каза́ли намъ, що жінки́ якъ перу̀ть, то праникѝ на не́бо кладу̀ть: та̀къ не́бо тамъ низе́нько. То на̀шому коза́цтву и хотілось поба̀чити тако́го ди́ва, и стра̀шно було́ такъ дале́ко одъ до̀му одбива́тись. Да що̀ жъ ма́ешъ роби́ти, коли́ прика́зъ!

Отто́, ще, мо́же, ти́жнівъ за два̀ до похо́ду, жінки́ дава́й уся́чину гото̀вить у доро̀гу: грінки́ сушѝть, са́ло въ вози́ укла̀дувати. Нариштова̀ли по́вниі ма̀жи. Посхо́дились усі ро̀дичи. Пла̀чъ, жа̀ль таки́й по всёму̀ селу̀, що Го́споди! Дѐ жъ бакъ! не близькѝй світъ до Оча́кова, де не́бо вже такъ низѐнько, що баби́ праникѝ кладу̀ть, перучи́ на ри́чці. Проща́лись зъ на́ми більшъ якъ тѝждень; провожа́ли за ца̀рину гурбо̀ю, съ чарка́ми, съ пляшка́ми. Пла́кали, якъ по мѐртвихъ, що й са̀мъ я тро́хи сплакну̀въ, а съ козаківъ де́-які й гѐть-то зарюмали.

Отъ же іі пішли́ ми до того́ Оча̀кова̀, на край світа. Пришли́, ажъ ні: не́бо ще не ду̀же ни́зько, а хиба́ тро̀хи ни́жче, якъ у насъ. »Ну«, ка́жемо, »сла̀ва жъ тобі, Го́споди! ще, ви́дно, не ту̀тъ край світу.«

---

(1) Я не рѣшился передать по-Великорусски этотъ юмористическій разсказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваньемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Стáли ми стояти підъ тимъ Очàковомъ, да ажъ обрйдло — тàкъ дóвго. Котóрому козакóві пóвні саквй жінка тютюнý напхáла, абó рігъ тобáки набйла, то все те повикýрували й повинюхували. Дýже дóвго щось стояли. Приняли й хòлоду й гòлоду, бо стóяли въ шатрáхъ, якъ Цигàне, и не булó тамъ ні борщý, ні варèниківъ, а все тільки грінкй зъ сáломъ іли. Отакè-то лйхо! Ажъ ось не стáло вже ставáть и сàла, а тільки самі грінкй позоставáлись. Щò тутъ чинйти? Колйбъ ще козакй зъ гòлоду не попропадáли, то якъ тогді й додòму вертáтись? Бідá!... Повісили нáші носй, зовсімъ змарніли; тільќо що дихáние въ тілі, бо скàзано — щò зъ самйхъ грінóкъ за смакъ?

Отъ я, взявши зъ собóю пйсаря сóтенного да осаýла, да й пішлй до світлійшого прохáти, щобъ позвóливъ послáти підвòди додóму за сáломъ. Прихóдимъ, ажъ світлійший стоіть на рундукý и люльку кýрить. Поклонйлись ёмý. А вінъ: »Штò ви, хахлй?....« да такъ и ляпнувъ по-Москóвськи.

Оввà, якъ же погáно злàявъ! О, цýръ же ёмý, якъ негàрно!

»Вàша світлость! бідà прийшлá козакáмъ!«

»Какàя бідá?....« изнóвъ такъ и загнýвъ намъ по-Москóвськи на всю гýбу.

А, якъ же паскýдно лàетця! Да нічого робйти.

»Бідà«, кажý, »ваша світлость: козакй зъ гóлоду мруть!«

»Кàкъ зъ гóлоду, праклятиі хахлй?«

»Мрýть, вáша світлость: самі грінкй зостáлись увъ обóзі, а сáла вже забýли, й якè вонó.«

Ще я й не доказàвъ, а вінъ: »Вòнъ, хахлй!.... Ребята! вазьміте іхъ!«

Тутъ Москвá якъ вйскочить да за нàсъ, а ми, підобрáвши пòли, навтікачà! А врáжий Москáль, такъ якъ репъяхъ, и вчèпитця, що гèть ёгó проволочéшъ, мóже, гóней зò двое. Утеклй насйлу.

»Эгè, панóве!« кажý опісля своімъ, »оцé вамъ наýка, щобъ брáли сáла ще більшъ, ніжъ хліба, атó бàчъ, якé лйхо!«

Отó вже стоімò ми собі хйрні, імò тйі грінкй. Якъ ось

ста́ла чу́тка, що Ту́рки ійдуть підъ Оча́ківъ. Посила́е мене́ світлі́йший зъ со́тнею попѐреду, а самъ му́сить би то іти за на̀ми. Поіхали ми да й ду́маемъ собі: »Отепѐръ же, ма́буть, прийшла́ на насъ оста́тня годи́на!«

'Ідемъ, блука̀емъ по́ полю, якъ неприка́яниі. Колі́ жъ де ні візьми́сь у степу́ ку́рява така̀, на́че чия́ вели́ка панщина́ почала́ віяти жи́то на току́ въ сто лопа́тъ. Оце́ жъ Ту́рки йдуть! Що̀ тутъ у Го́спода чини́ти? Стреля́ть би то до нихъ, хочъ и дале́ко, щобъ почу́въ світлі́йший да ішовъ скорі́йшъ на підмо̀гу. Такъ що̀ жъ? по́ки ще прийде, то Ту́рки насъ пошаткують на капу́сту. А хочъ и ні, то, якъ підоспіють на́ші, то всѐ таки намъ ли́ха коне́мъ не объіхати: тре́ба бу́де стояти спѐреду, то всі й пропадемо̀ ні за соба́ку. Що̀ тутъ у Бо́га діяти? Дивлю́сь, ажъ місто̀къ надъ ярко́мъ... »Бра́тця!« кажу́, »схова̀ймось підъ сей містокъ! Нехай чѐрті бъютця, а ми пересидимъ тутъ лиху́ годи́ну да й жи́ві додо́му вѐрнемось.«

Козаки́ за́разъ мене́ й послу́хали. Збились у-ку́пку коло ме́не, такъ якъ бжо̀ли коло ма́тки. Сидимо̀; колі́ жъ земля́ и звідси и звідти гуде́, такъ ніби дві хма̀рі наступа́ють — одна́ зъ за̀паду, а дру́га одъ схо̀ду со́нця. Якъ зійшо̀вся жъ Моска́ль изъ Ту̀рками, якъ ста́ли би̇тись, то — Го̀сподп, твоя́ во̀ля! и роди́лись, и христи́лись, тако́го стра́ху не ба́чили. А да́лі чу́емо, що Моска́ль перейшо̀въ черезъ місто́къ да й погна̀въ Ту́рка.

Отъ ми тогді съ-підъ мостка́. Ди́вимся, ажъ ко́ні такъ и гра̀ють круго́мъ насъ по́ полю, а Ту́рки, що тріски́ на дрівітні, валяютця ку́пами, а де́-які пора́нені хо̀дять поміжъ ни́ми и самі не знають, куди́ йти, бо й си́ли, й сміло̀сті вже чортъ-ма́е, а напу́жані такъ, якъ овѐчки одъ во̀вка: що якъ розженѐ ста́до, то ще до̀вго дурнйі стоять, ви̇лупивши о́чи, по го́рахъ, а насту́хъ хочъ гука́й, хочъ не гука́й.

»Беріте іхъ!« крикнувъ я на своіхъ, »вяжіть вра́жихъ Ту́рківъ, по́ки імъ ду́хъ не одихне́! ловіть ко́ней!«

Отъ мої козаки́ дава̀й іхъ батова́ти! и набатова́ли со́тень зо̀ дві, и гро̀шей по́вні кише́ні понабіра́ли.

»Тепе́ръ же«, кажу́, »хло́пці, звѐрнемъ у бікъ зъ доро́ги да одпочи́немъ тро́хи де-не́будь у байра́ці, бо, мо́же, втоми́лись, ганяючись за кіньми; а на́дъ-вечіръ вѐрнемось до світлі́йшого.«

Такъ и зроби́ли. А якъ усе́ вгамова́лось и самъ світлі́йшiй верну́всь до ла́геря, то й ми́ на́дъ–вечіръ причвала́ли. Прихо́димо до ґа́нку, ажъ вінъ стоіть, зъ люлькою такі́ въ зуба́хъ. За́разъ, якъ поба́чивъ насъ, такъ и загну́въ намъ по-Моско́вськи: А што вы, хахли́?......«

О, цу̀ръ же ёму́, якъ негарно ла́етця! Овва́!

»Да ми оце́ прийшли́ спита́тись, ва́ша світлость, кому́ одда́ть на ру́ки плінныхъ?«

»Каки́хъ плінныхъ, праклятиі чуби?«

»Да отъ же, ба́чите, що ми ходи́ли увъ объіздъ изъ своеѐю со́тнею, то якъ напа́ли на насъ Ту́рки, а ми якъ почали́ іхъ стреляти та руба́ти, то й самі́хъ розігна́ли, и двісті плінныхъ узяли́, тілько шко́да, що всі пора̀нені.«

»А людей ско̀лька патеряна?«

»Ні одного̀, ва́ша світлость! уся́ со́тня, сла̀ва Бо́гу, жи̇ва й ціла.«

»Тьфу̀, праклятиі хахли́! двѐсті плѣнныхъ и са̀ми цѣли! Забра̀ть у нихъ плѣнныхъ! Пашли́ . . . . глу́пиі чуби́!«

Такъ намъ загну̀въ на проща́нне да й одпусти̇въ, спаси́бі ёму́.

То вже тоді моі козаки́ й ка̀жуть: »Яки́й-то тобі, па́не со́тнику, Бігъ ро̀зумъ давъ! Якъ-би́ тебе́ не послу̀хали, то всі бъ, мо́же, ма́рне пропа́ли; а тепе́ръ, сла́ва Бо́гу, и до̀бичи по́вні ру̀ки, и самі зоста́лись жи́ві й здоро̀ві!«

Послѣ пріятнаго пребыванія въ Мотренинскомъ монастырѣ, наступили для меня опять безплодныя странствованія между Украинскими поселянами, чему впрочемъ были виною обстоятельства, не позволявшія мнѣ проживать долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться съ народомъ. Одинъ только разсказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря въ мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградилъ меня за долгіе мои переѣзды по Чигиринщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРБОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 ГОДА. (*)

Роскáзуе бyлó покійний нашъ Глáдкий, що гайдамáкъ зъ сáмого почáтку прийшлó зъ Січи въ Мотрéнинъ манастúръ тілько трй, — ніби-то на поклонéние. И такъ собі ніби нікчѐмний нарóдъ, вахлаі такі... хòдять бyлó схилúвшись. Одúнъ же пішóвъ у Лебедúнськiй манастúръ, — звáвся Демя́нъ Гнúда; а дрýгий, на прізвище Лусконігъ, пішóвъ у Мошѐнський манастúръ; а трéтій, Шéлестъ, зостáвся тутъ, у Мотрѐнином у. Живé — кáже — гóдівъ зò два и всé рóбить ратищà, скупóвуе жупàни, шаровàри, шапкú, чòботи. То, якъ хто спитàе: »Нá що се, брáте?« — »Се«, кáже, »подáмъ у Січъ гостúнця, бо тамъ усé тée дорогè, а нарóдъ знай прибувàе, то трýдно на одѐжу.«

Ми жъ томý й віримъ: дýмаемъ, що спрàвді то вінъ хóче подáти у Січъ гостúнця. Колú жъ иду — кáже — я разъ до цéркви у Мотрѐнинъ манастúръ, ажъ вінъ, той Шéлестъ, стоіть на стéзці, сáме на Спáсовімъ Ярý, и вже въ жупàні. Бо пéрше, бу-

---

(*) *Переводъ.* — Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамакъ съ самаго начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскій монастырь только трое — какъ-бы на поклоненіе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такіе вахлаи ... ходятъ бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, — звался онъ Демянъ Гнúда; другой, по прозванію Лусконігъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь; а третій, Шéлестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всё дѣлаетъ копья, скупаетъ жупаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На что̀ это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинецъ; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы тому и вѣримъ: думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хочетъ послать въ Сѣчь гостинецъ. Какъ иду — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотренинъ монастырь, смотрю — онъ, этотъ Шéлестъ, стоитъ на тропинкѣ, какъ разъ на Спасовомъ Яру, и ужъ въ жупанѣ. Преж-

ло́, хо́дить у невірне́нькій сві́точці, а тепе́ръ вже — ка́же — на ёму́ жупа́нъ, си́ні штани́, ша́пка до́бра, ша́бля припа́сана, за по́ясомъ пистоле́ти, — геть все чи́сто.

»Здоро́въ«, ка́же, »бра́те Анто́не!«

»Здоро́въ!«

»Пристава́й«, ка́же, »въ козаки́!«

А я ка́жу: »Що́ жъ? у мене́ й ба́тько, й ма́ти, и брати́ есть, то бу́дуть мене́ ла́ять.«

»Да пристава́й«, ка́же: »у насъ бу́де до́бре, въ насъ та́къ бу́де, въ насъ та́къ бу́де. Ми, по́ки віку, козаки́ козака́ми бу́демо.«

А мині стра́шно; я й кажу́: »Намъ и та́къ до́бре.«

»Да пристава́й!«

Я ще́ таки́ бою́сь.

А вінъ: »Иди́ лише́нь до во́за.«

Иду́, ажъ и візо́къ за де́ревомъ стоі́ть. А коло возка́ Жидъ и Ляхъ лежя́ть повя́зані. Я якъ подиви́вся на нихъ: »Э, се жъ уже́ щось не до́бре, колі́ вя́жуть!« да й страхъ мене́ ще бі́льший узя́въ.

А вінъ тя́гне зъ возка́ бокла́гу. »Пий«, ка́же, »горілку!«

де бывало ходитъ въ дрянной свиточкѣ, а теперь ужъ — говоритъ — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая шапка, сабля припоясана, за поясомъ пистолеты — все, какъ слѣдуетъ. »Здорово«, говоритъ, »братъ Антонъ!« — »Здорово!« — »Приставай«, говоритъ, »въ козаки!« А я говорю: »Что же? у меня и отецъ, и мать, и братья есть; будутъ меня бранить.« — »Приставай«, говоритъ: у насъ хорошо тебѣ будетъ, у насъ будетъ такъ-то и такъ-то. Мы, пока живы, будемъ козаками.« А мнѣ страшно, я и говорю: »Намъ и такъ хорошо.« — »Да приставай!« Я все боюсь. А онъ: »Поди-ка сюда къ возу.« Иду, глядь — и тележка стоитъ за деревомъ. А подлѣ тележки лежатъ связанный Жидъ и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣлъ на нихъ: »Э, плохо дѣло, когда ужъ вяжутъ!« и еще большій страхъ на меня нашелъ. А онъ тащитъ изъ тележки *боклáгу* (плоскій бочонокъ). »Пей«, говоритъ, »водку!« А я го-

А я кажу́: »Щò жъ, бра́те? ще ра́но, ще тілько до церкóвъ задзвони́ли.«

»Да пий«, ка́же, »бра́те! *Оди́нъ тому́ часъ, що ба́тько въ пла́хті.«* (¹)

Якъ узя́въ, якъ узя́въ коло ме́не впада́ть, — я, нічого роби́ть, напи́всь тро́хи.

»Пи́й ище́!«

Я щè напи́вся.

»Приства́й«, ка́же, »бра́те!«

А я всè таки́ бою́сь.

Тогді вінъ наси́павъ на доло́ню по́роху, да ростѐръ-ростéръ зъ горілкою, да пома̀завъ мене́ по виду́, то така̀ за́разъ охо́та взяла́, що тілько дай спи́съ у ру́ки, здае́тця бъ, пішо́въ да й ду-ши́въ би вся́кого.

Вінъ за́разъ мині жупа̀нъ, ша́блю, пистолѐти припаса̀въ, убра́въ мене́ зовсімъ по-коза̀цьки, и ра̀тище давъ.

»Ходімо жъ«, ка́же, »за кле́на, да тамъ и стій, да хтò бъ ні йшовъ, хтò бъ ні іхавъ — берѝ й вяжи́.

ворю: »Чтò же, братъ? еще рано, еще только что поблаговѣстили въ церквахъ.« — »Да пей, братъ!« говоритъ: »*оди́нъ тому́ часъ, що ба́тько въ пла́хті.*« (¹) Какъ началъ онъ этакъ меня ублажать, я — нечего дѣлать — выпилъ немного. »Пей еще!« Я еще выпилъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я всё таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, растеръ его съ водкой и какъ намазалъ мнѣ лицо, такъ мнѣ тотъ-часъ такая пришла охота, что только дай въ руки копье, — кажется, пошелъ бы и душилъ всякаго. Онъ далъ мнѣ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѣсилъ пистолеты, нарядилъ меня совсѣмъ по-козацки и копье далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ кленъ, тамъ стань и, кто бы ни шелъ, кто бы ни ѣхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

---

(¹) Пословица, относящаяся къ обычаю переодѣваться въ разныя платья на другой день свадьбы. Отецъ новобрачной переодѣвается женщиною и надѣваетъ *пла́хту* (тканую юбку).

Пішо̀въ — ка́же — я за кле́на; колѝ жъ дивлю́сь, ажъ усю́ди вже козакѝ й стоя́ть по-за дерева̀ми. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхто́ не давъ звістки у Жа́ботинъ кома̀нді.]

Поста̀вивъ мене́: »Глядѝ жъ, до́бре пильну́й, щобъ ніхто́ не пройшо̀въ, ні проіхавъ.«

Отъ я посто̀явъ тамъ тро́хи, по́ки той ча̀дъ пройшо́въ, да по́тімъ якъ оду̀маюсь, якъ схоплю́сь на ра́тище, да якъ пущу̀сь додо́му!

Прибігъ, а ба̀тько: »Дѐ се ти бувъ?«

»Біда̀«, кажу̀, »та́ту! Ше́лестъ козаківъ уже́ збіра́е!«

Отъ ба́тько пола̀явъ мене́ тро́хи да й ка́же: »Хова̀йся жъ, вра́жий си́ну! ато́ бу́де тобі одъ ёго́ ли̇̀хо!«

То я якъ пішо̀въ хова́тьця, то хова́всь ажъ три го̀ди.

А Ше́лестъ якъ почу̀въ, що вже кома́нда про ёго́ зна̀е и пішла́ на Ведмѐдівку, на Писа́рську Га̀ть, то зобра̀въ, са́ме на Свя́ту̀ Неділю, двісті козаківъ, да пря́мо у манасти̇̀ръ. Да чу̀дно, що дѐ ти́і козакѝ удру̀гъ узялѝсь, дѐ вонѝ й ко̀ней набра́ли, и усёго̀! А наро́дъ тілько що зъ це́ркви поча́въ вихо́дить, ажъ сіі назу̀-

---

ворить (Гладкій) — за кленъ; смотрю — уже вездѣ козаки стоятъ за деревьями. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жа́ботинъ.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на копье, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, *»та́то!* Ше́лестъ козаковъ ужъ собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражій сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрываться, то цѣлыхъ три года прятался.

А Ше́лестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведме́довку, на Писа́рскую Гать, то собралъ, въ самую Святую Недѣлю, двѣстѣ козаковъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козаки тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічъ. То нарóдъ такъ и шарахнувъ зъ манастиря: »Э, се жъ Гайдамáки!« А Шéлестъ и почáвъ гуля́ть съ козакáми. Музи́ки, пісні, тáнці!

А ченці нічóго імъ; сидя́ть собі по кéлияхъ, бо давнó ще про тée знáли. Ще, скóро Шéлестъ прийшóвъ у Мотрéнинській лісъ... а тамъ тогді булі́ вели́киі трущóби, гущинá непроходи́ма, и живъ тамъ у лісу́ оди́нъ чернéць — ще й дóсі кéлийка стоіть — то вінъ и сказáвъ тому́ ченцéві: »Иди́«, кáже, »звíдсі, óтче; тутъ тобі не жи́ть, бо тутъ козаки́ бу́дуть; тутъ бу́де такé, тутъ бу́де такé.« То чернéць и зійшóвъ съ тогó міста и вкопавъ собі у дру́гімъ місті печéру, — такъ, мóже, якъ до тогó плетня́ по-підъ землéю муръ стоіть.

Отъ же, погуля́вши-то тамъ Шéлестъ съ козакáми, и повівъ іхъ у лісъ на Січъ. А тамъ есть такé місто у Мотрéнинському лісу́, що и звідсі байрáкъ, и звідти байрáкъ, а по серéдині такъ якъ шпиль стоіть. То вони́ на тімъ шпи́лику обрубáлись и жили́ гóдівъ зó три. Оцé, булó поіде іхъ чоловікъ дéсять, пятнáдцять, да

бросился уходить изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Шéлестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пѣсни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Шéлестъ въ Мотренинскій лѣсъ.... а тамъ были тогда большія трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ чернецъ — и до сихъ поръ еще стоитъ келійка — такъ онъ и сказалъ тому чернецу: »Поди«, говоритъ, »отсюда, отче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернецъ и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещеру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоятъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Шéлестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сѣчь. А тамъ есть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны буеракъ, а посрединѣ — точно шпиль стоитъ. На томъ шпилѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поѣдетъ человѣкъ десять, пятнадцать ихъ, схватятъ какого-нибудь человѣка

попадуть якóго чоловіка, и давáй мýчить, щобъ казáвъ, у когó е грóши, абó хорóша одѐжа; да прийдуть у ночі да й дерýть; такъ що всякý нічъ булó люде вибірáютця спать у буръя́нъ. Тілько чáсомъ и въ буръяні знахóдили. А комáнда до іхъ не прихòдила, бо й самà боялась. Да щò тамъ тиі й комáнди булó!

Оттó якъ зібрàлось іхъ у кóжному манастирі по трúста чоловікъ, то й Залізня́къ зъ Запорóжжя приіхавъ, да зобрáвшись до-кýпи, усіхъ девять-сóтъ чоловікъ, и рýшили въ Пóльщу. Прийшлú въ Тальнѐ, а тамъ я́рмарокъ: то я́рмарокъ такъ и сунýвъ! А Залізня́къ послáвъ завертàть: »Не біўтесь, люде дóбрі, не бійтесь: ми васъ не зачѐпимъ; гуляйте собі й базарýйте!«

А зъ Тальнóго пішлú до 'Уманя. И тàмъ тѐжъ я́рмарокъ. Да якъ побàчили, що йде Залізня́къ, то я́рмарокъ у зáмокъ и запѐрсь. А вонú зáмокъ узялú да й вúрізали усіхъ Ляхівъ и Жидівъ. То казáвъ мині Лопáта [а той Лопáта да бувъ три гóди чýрою при Залізнякý], то казáвъ, що оттàкъ изъ зáмку кровъ бігла. [1]

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежа: а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало люди уходятъ спать въ бурьянъ. Но иногда и въ бурьянѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣмъ что и сама боялась. Да сколько было всего той команды!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монастырѣ по триста человѣкъ козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запорожья пріѣхалъ; собрались они всѣ, девять-сотъ человѣкъ, и двинулись въ Польшу. Пришли въ Тальнé, а тамъ ярмарка; ярмарка такъ и рынулась прочь! Зализнякъ послалъ козаковъ воротить ее назадъ: »Не бойтесь, люди добрые, не бойтесь: мы васъ не тронемъ; гуляйте себѣ и торгуйте!«

А изъ Тального пошли къ Уманю. И тамъ тоже ярмарка. Какъ увидѣли, что идетъ Зализнякъ, то ярмарка заперлась въ зáмкѣ. А гайдамаки взяли зáмокъ и вырѣзали всѣхъ Ляховъ и Жидовъ. Разсказывалъ мнѣ Лопата, [а тотъ Лопата былъ три года *чурой* (слугой) при Зализнякѣ], что вотъ какъ изъ зáмка кровь бѣжала. [1] Завладѣвъ Уманемъ,

---

[1] Разскащикъ показалъ на косточку ноги.

Отъ, якъ опановали 'Умань, то й поставили усюди свій караулъ. Колй жъ и ідуть два Дони: одйнъ ніби-то старшйй, а другий простий. Залізнякъ принявъ іхъ за гостей; угощае такъ, що кудй! Ажъ ось, трохи згодомъ, іде зновъ три Дони. Вінъ и тйхъ принявъ. Колй жъ іде чоловіка вже пять гусаръ. Тогді вінъ и постерігъ уже, що біда буде, да й зове Лопату, свого чуру. А се самъ Лопата й росказувавъ мині.

»Иване!« каже.

А я — каже — кажу: »Чого батьку?«

»Иди лишъ«, каже, »сюдй!«

Я — каже — й пішовъ, такъ изъ-за груби въ грапськихъ домахъ.

Вінъ узявъ, розщепнувъ каптанокъ, розщепнувъ чересъ коло себе, такъ якъ кйчка набйтий червінцями. »На«, каже, »тобі сей чересъ; якъ вйвезешъ, то будешъ мене згадувать.«

»А вй жъ, батьку?«

»Э, ми«, каже, »тутъ пропадемо!«

Уже постерігъ сердешний.

Кажу: »Якъ же я звідсі вийду?«

поставили вездѣ свой караулъ. Какъ вотъ — и ѣдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Зализнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, ѣдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ человѣкъ уже пять гусаръ. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ. »Иванъ!« говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что, батько?« — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!« Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромахъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ *чéресъ* (кожанный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кичка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ этотъ чересъ; коли вывезешь, то будешь вспоминать меня.« — »А вы, батько?« — »Э что! намъ«, говоритъ, »тутъ погибать!« Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда выдти?« — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Ка́же: »Візьми́ мого́ коня́ да веди́ до води́. Якъ ста́нуть тебе́ пита́ть: Куди́ йде́шъ? то ти скажи́, що поведу́ ба́тькового коня́ напова́ти, то вони́ й пу́стять.«

Коли́ жъ я ви́гляну съ ха́ти, ажъ уже́ вя́жуть гайдама́къ. И оце́ звя́жуть двохъ за ру́ки, спи́нами оди́нъ до одного́, да ії мі́шокъ землі на рука́хъ поло́жять; то вони́ бідниі й стоя́ть такъ по двое вку́пі. А я взя́въ коня́ да й веду́. А вже всюди Моско́вська сторо́жа стоіть; и пита́ють мене́: »Куди́ йдешъ?«

»Поведу́«, кажу́, »ба́тькового коня́ напова́ть.«

То вони́ й пусти́ли.

Отъ я напоівъ коня́, и вже бъ то тре́ба мині втіка́ти; да та́къ мині ста́ло його́ жаль! Ду́маю собі: »Верну́сь!«

Тілько що ви́брівъ зъ води́, ажъ біжи́ть зъ міста коза́къ, уже́ на Жидівскому коні: »Куди́?«

»Поведу́ ба́тькові коня́.«

»Уже́«, ка́же, »ба́тька чортъ узя́въ, и тебе́ візьме.«

Да рвоне́ въ мене́ зъ рукъ того́ коня́, а мині кінувъ Жидівського. »Ну́мъ«, ка́же, »втіка́ти!«

Ки́нулись ми втіка́ть, а за на́ми два До́ни. То гна́лись за на́-

---

водья. Когда спросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водопою; такъ они тебя и пропустятъ.«

Посмотрѣлъ я изъ хаты — уже вяжутъ гайдамакъ. Свяжутъ двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и земли мѣшокъ положатъ; такъ они бѣдные и стоятъ вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоитъ; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу«, говорю, »батькина коня къ водопою.« Они меня и пропустили.

Вотъ я напоилъ коня, и ужъ нужно бы мнѣ уходить, но такъ стало мнѣ жаль *его?* и думаю себѣ: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конѣ: »Куды?« — »Поведу батьку коня.« — »Уже«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнѣ бросилъ Жидовскаго. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опрометью,

ми одъ півдня́ до самóі нóчи, да вже ажъ коло Тальнóго згуби́ли насъ у лісу́. А ми іхали додóму двóе су́токъ, блука́ли все по за̀куткахъ и нічогісінько не іли. А всю́ди вже стоіть сторóжа: лóвлять гайдама̀къ. Приіхали ніччу до Кальни́хъ Болóтъ, а коза́къ ка̀же: »Ось потрива́й лишъ, я тутъ брóдъ зна́ю.« (1)

Ста́ли брісти́, а кóні въ воді якъ захлюпоста̀ли, то тутъ за на́ми: »Лови́! лови́!«

Ми по кòняхъ! А коза́къ хотівъ ра́тище попра́вить, да якъ підпѐръ мене́ підъ че́ресъ, — такъ и перерізавъ. Че́ресъ у вóду тілько бря̀зь!... пропа̀ли грóши!

А ми, якъ ускòчили въ лісъ, то полягàли на кóней да тілько ногàми поганя́емъ, —неси́ куди́ хочъ! Да якъ приіхали додóму, то ще дòвго я ховàвсь, пóки усовітовали ба́тьку люде піти́ до губерна́тора да сказа́ть, що я на тімъ бóці жито перевівàвъ. То ще му́сивъ ба́тько іздити на той бікъ за свидітельствомъ одъ грома́ди, да, напоівши грома́ду, й привізъ мині тее свидітельство. То вже тогді я міжъ люде показа́вся.

а за нами вслѣдъ два Донца. И гнались они за нами до самой ночи, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы ѣхали домой двое сутокъ, бродили всё по скрытнымъ мѣстамъ и ничего, ничего не ѣли. А вездѣ ужъ стоитъ сторожа: ловятъ гайдамакъ. Пріѣхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козакъ и говоритъ: »Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.« (1) Начали мы бресть, а лошади въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: »Лови! лови!« Мы по лошадямъ! А козакъ хотѣлъ копье поправить, да какъ подсунулъ мнѣ подъ чéресъ — такъ и перерѣзалъ. Чересъ въ воґу — только брякъ!... пропали деньги! А мы, какъ вбѣжали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только ногами погоняемъ — неси, куда хочешь! И какъ пріѣхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Днѣпра) жито вѣялъ. Такъ отецъ принужденъ былъ ѣздить на ту сторону за свидѣтельствомъ отъ *громады* (общества) и, напоивши громаду, привезъ мнѣ свидѣтельство. Тогда только я появился между людьми.

---

(1) Черезъ рѣчку Гнилый Ти́кичъ.

Оттакѐ-то коли́сь діялось! Лопа́та вже той давно́ вмеръ, и слу̀хъ зати́хъ объ гайдкма́кахъ. Да бувъ я разъ у Манастири́щі; а за Манастири́щемъ есть я̀ми глибо́киі; то я ставъ да й дивлюсь: що бъ се за я̀ми були́? Коли́ жъ идѐ старий чоловікъ. »Діду̀сю!« кажу́, »що оце́ за я̀ми такі?«

»А ти«, ка́же, »хиба́ не тутѐшній?«

»Ні«, кажу̀, »я здалѐка, ажъ изъ Чигири́нського повіту.«

»Оце́ жъ«, ка́же, »ва́ші Чигири́нські гайдама̀ки лежя́ть. Тутъ іхъ пору̀бано ажъ де́вять-со̀тъ; и якъ навалѝли землѐю, то кровъ изъ ямъ свистáла вгóру завви́шки́ съ чоловіка. А чи ба̀чишъ три хрести́ гень-гѐнь стоя́ть? Ото́ лежять іхъ ватажки́. Тамъ порозстре́лювали Ше́леста, Лусконо́га и Гни́ду.

Тотъ же старикъ сообщилъ мнѣ воспоминаніе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запоро́зці, ско́ро було́ заспо́рять, зя́разъ на поеди́нокъ на пистолѐти. Розстѐлють бу́рку; оди́нъ на одному̀ ріжку̀ ста́не,

---

Такія-то дѣла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умеръ, и слухъ замолкъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастырищѣ; а за Монастырищемъ есть глубокія ямы. Я сталъ и смотрю: что́ бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дѣдушка«, говорю, »что́ это за ямы такія?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ не здѣшній?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскіе гайдамаки лежатъ. Тутъ девятистамъ имъ отсѣкли головы, и какъ навалили землею, то кровь изъ ямы свистѣла къ-верху вышиной въ человѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоятъ? То лежатъ ихъ отаманы. Тамъ разстрѣляли Шелеста, Лусконога и Гниду.«

(*) *Переводъ*. — Запорожцы лишь только бывало повздорятъ, тотъ-часъ и выходятъ на поединокъ на пистолетахъ. Раскинутъ бурку; одинъ

а дру́гий на дру́гому, да й стреляють. Ото́ въ іхъ тілько й суда̀.

Помѣщенныя въ этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, въ какомъ свѣтѣ представляется Малороссійскому простолюдину историческая старина его и въ какихъ формахъ онъ передаетъ ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малороссіянина-поселянина гораздо шире и роскошнѣе міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, въ заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ разсказовъ, не рѣшаясь однакожъ переводить его, изъ опасенія впасть въ несоотвѣтственный подлиннику тонъ рѣчи, что̀ было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (1)

Мо́же, не було́ ії на всёму́ світі кра́щихъ-діто́къ, якъ у на́шоі па́нії. Було́ въ ії дві до́чечки. Ста́ршеньку зва́ли Ганну́ся, а ме́ншеньку Катру́ся. И що́ жъ то булй за дітки, колй бъ ви іхъ

станетъ на одномъ углу, а другой на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

---

(1) Желаніе народа проникнуть въ тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ въ Малороссіи разсказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что̀ съ ними было во время ихъ обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и разсказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти разскащики и разскащицы не совсѣмъ ясно сознаютъ свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются въ возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ въ вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, въ своей поэмѣ, сажалъ въ адъ и въ рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героевъ. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

ба́чили! Якъ дві зи́рочкі Бо́жі на не́бі. Отъ же не до́вго її потішàлась ними́ бідна нàша пáні: забрáвъ іхъ обòхъ Госпóдь милосéрдний; бо се вже звісна річъ, що Госпóдь крáще собі берé, а плóхше лю́дямъ оставля́е. И щò жъ то попоплàкалась и по вбивàлась за ними́ нáша пáні! Правди́во скáзано, що якъ мáти плàче, то мовъ річка ллєтця.

Отó жъ разъ привели́ до нéі одну́ нàшу таки́ бáбу, стару́ престарèнезну, що недáвно обмирàла и на тімъ світі булá, и всè бáчила, щò тамъ діетця съ помéршими ду́шами, — чи не потішить вонá її якóю звісткою. Привели́, то Явдóха нáша приступи́ла таки́ до пáнії та її кáже: »Добрóдійко! ось прийшлá старá Дуби́ниха, що обмирáла й на тімъ світі булá, и все бàчила, що тамъ рóбитця съ помéршими ду́шами. Спитàли бъ ви її, чи не потішить вонá васъ якóю звісткою.«

То пáні підвелà трóхи гóлову та й дивитця на ту Дуби́ниху... А Дуби́ниха стоіть передъ нéю старà, престарéнезна, ажъ страшнà: скáзано — съ тóго світу повéрнена.

»Такъ ти на тімъ світі булá?«

»Булà, моя́ добрóдійко.«

»Щò жъ ти тамъ бáчила?«

»Усè бáчила, добрóдійко, що діетця съ помéршими ду́шами.«

»А бàчила жъ ти тамъ мою Ганну́сю й Катру́сю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости; слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ, въ болѣзненномъ состояніи мозга, легко можетъ выдавать то, чтò рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрья о *померших душах* слышалъ я въ разныя времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варируются только въ частностяхъ. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разсказовъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно нѣтъ въ нерифмованныхъ созданіяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакожъ, что моя компиляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игрѣ необразованнаго воображенія.

»Бачила,« каже, »й Ганнусю, бачила й Катрусю«....

Пані ажъ зъ ліжка скочила: »Щò жъ вони тамъ роблять?«

»Мати Божа панчішку плете, а вони передъ нею золоті клубочки держять.«

Такъ такі ії каже: »Мати«, каже, »Божа панчішку плете, а вонії передъ нею золоті клубочки держять.

Пані моя якъ почула се, то зъ радості ії слова не вимовить; а далі якъ кинетця навкòлішки передъ образомъ... А въ неі въ опочивальні òбразъ стоявъ, великий да гарний: намалёвана Пречиста зъ дитиною: мовъ жива дивитця зъ малёвання. Якъ кинетця вона передъ тоіі òбразъ, якъ зціпить руки, якъ заплаче! А ми всі стоячи й собі заплакали.

»Мати«, каже, »Божа, Царице небесна! ой якъ же ти моé серце втішила, що ти моіхъ дітокъ, якъ сиріткъ, приголубила!

Та плаче жъ то гірко, та все дякуе! А ми й собі стоя плачемо.

Далі отò вже вгамовалась, переплакала та ії веселійша трохи стала. Роспитуе въ тиеі Дубинихи: »Бабусю«, каже, »голубонько! скажи жъ мині, щò тамъ иие діетця съ померщими душами?«

»Ой пані«, каже, »зозуле моя! чи можна жъ те язикòмъ зговорити, щò тамъ на тімъ світі діетця? Хоча-бъ, здаетця, не пивъ и не івъ, а все росказувавъ, то ії тоді бъ не переговоривъ усёго...

»Отò«, каже«, якъ прийшла вже мині година вмирати, то смерть и стала съ косòю въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похолòли.«

А ми стоімо, та слухаючи морòзъ такъ и пішòвъ у насъ поза спиною.

»Далі«, каже, »и живітъ, и руки, и все такъ и похолòло... Дивлюсь, ажъ вона вже въ мене въ головахъ. Якъ замахне косòю, то душа тілько пурхъ! такъ якъ пташка вилетіла та й полетіла, полетіла по хаті, и сіла въ кутку на òбразі, підъ самою стелею. А гріхи стали на порòзі та й не пускають душі съ

хати. Отъ, я«, каже, »бачу, що нікуди вийти; дивлюсь, ажъ вікно очинене. Я — пурхъ у вікно! и пішла, пішла полемъ. Легко та любо мині такъ, мовъ заразъ на світъ народилась. Дивлюсь, ажъ не сама я йду, а веде мене якийся дідъ, а куди вінъ мене веде, боюсь спитатись.

»Идемо, коли жъ гризутця два собаки надъ шляхомъ, такъ гризутця, такъ гризутця! А дідъ и каже: »»Се не собаки, се два »брати, що погризлись та ій побились, идучи степомъ. То Богъ и »сказавъ: Коли вже й рідні брати бъютця, то де жъ буде те »добро міжъ людьми? Нехай же««, каже, »»стануть вони собаками и »гризутся, поки не буде іхати Мартиримянъ.«« Такъ и сталось по Божому. Ми вже й минули іхъ, а вони все вищять та гризутця.

»Идемо«, каже, »степомъ; коли жъ яма така глибоченна, що ій дна невидно. Дідъ каже: »»Лізь!«« А я боюсь. »»Лизь!«« каже. Мусила я полізти. Гляну, ажъ се вже другий світъ. Скрізь сидять померші души, усе по статтямъ: молодиі въ молодиій статті, є стариі въ старій, и хто якъ на сімъ світі заслуживъ, те й на тімъ світі приймае. Хто старцямъ милостиню подававъ, то все те передъ імъ и лежить: чи шматокъ хліба, чи кільце ковбаски, чи эала кришенвикъ, то все такъ на столахъ передъ ними й лежить; а хто не дававъ, то такъ сидять.

»Идемо«, каже, »ажъ ходять воли въ такому спашу, що й рігъ невидно съ трави, а самі худі, худі, якъ дошка. А біля іхъ ходять воли по самій землі — ні травинки підъ ногами нема, да жиръ ажъ по землі тилипаетця. Отъ дідъ и каже: »»Оце««, каже, »»що худиі воли, то то багаті люде, що жили самі въ роскоші, а »біднимъ не помагали; а ситиі воли, то то бідні люде, що одъ »свого рота одиймали та старцямъ изъ посліднего давали. Отъ »же вони теперъ и ситі й напоені, а тиі по роги въ спашу, та худі, »якъ дошка.«« Такъ-то на сімъ світі и багатиі, й хороші, й ща-

сли́вні — усі помру́ть, усе́ мине́тця. Ска́зано: *Сей світъ — якъ ма́ківъ цвітъ, день цвітѐ, а въ-ночі опадѐ!*

»Идемо́«, ка́же, »ажъ між двома́ дуба́ми горить у по̀ломъі чоловікъ и кричи́ть: »»Ой, про́бі! укри́йте мене́, бо заме́рзну! ой »укри́йте мене́, бо заме́рзну!«« Дідъ и ка́же: »»Оце́««, ка́же, »»той »чоловікъ, що проси́вся до его́ зімою въ ха́ту подоро̀жній, а на »дворі була́ метѐлиця та хуртови́на, а вінъ не пусти́въ, дакъ той »и змѐрзъ підъ ти́номъ. Оце́ жъ тепѐръ вінъ гори́ть у по̀ломъі, »а ёму́ щѐ здаетця, що хо́лодно, и терпи́ть вінъ таку́ му́ку, якъ »той подоро̀жній терпівъ одъ моро́зу.««

»Идемо́«, каже, »дальшъ, колú жъ лежи́ть чоловікъ коло криниці; тече́ ёму́ рівча̀къ черезъ ротъ, а вінъ кричи́ть: »»Про́бі! дайте »напи́тьця! про́бі! да́йте напи́тьця!«« Дідъ и ка̀же: »»Сей««, ка́же, »»не давъ чолові́кові въ жнива́ воді́ напи́тьця. Жавъ вінъ на ни́ві, »ажъ иде́ ста̀рчикъ доро́гою, а жара́ вели́ка, Спа̀сівська. »»Ой««, »ка́же, »»чолові́че до́брий! дай, ра́ди Христа́, воді́ напи́тьця!«« А »вінъ ёму́: »» Оце́ жъ для те́бе вивізъ! Ви́ллю на ни́ву, а не дамъ »»тако́му дармоі́ду, якъ ти!«« То отъ, теперъ ёму́ рівча̀къ черезъ »го́рло біжи́ть, а вінъ щѐ пить про́сить, и до віку вічного бу́де »ёму́ такъ жа́рко да тя́жко, якъ тому́ ста̀рцеві, що йшовъ до»ро́гою.««

»Идемо́«, каже, »ажъ кипи́ть у смолі жінка, а передъ не́ю цибу́лька лежи́ть. Дідъ и ка́же: »»Се««, ка́же, »»му́чится такъ ма́ти »ва́шого старо́го ти́таря Они́сима, що було́ все старцівъ году́е »та біднимъ помага́е, а ніко́ли жо́дноі душі не обі́дивъ и ні въ »одному́ сло̀ві не збрехавъ. Була́ вона́ бага́та, та скна́ра, що одъ »неі ніхто́ й хліба куска́ не ба́чивъ. Ото́ разъ поло́ла вона́ цибу́лю, »ажъ иде́ поузъ ворье́ ді́дъ–ста́рець. »»Подарі́««, ка́же, »»пані»ма́тко, ра́ди Христа́!«« Вона́ ви́рвала стрілку: »»Прийми́««, ка́же »ста́рче Бо́жий.«« Тілько жъ одъ неі й ба́чили. Отъ, якъ уме́рла, »то вже звісно — ту́тъ своя́ доро́га, а тамъ тобе́ поведу́ть. Взяли

»ії небогу та її потяглй въ пекло. А Онисимъ и побачивъ зъ неба, »що вона велику муку приймае, та ій каже: »»Боже мій милий, »»Спасе мій Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, »»зробй мині таку ласку: нехай и моя мати буде въ раю зо мною.«« »А Христосъ и рече ёму: »»Ні««, каже, »»Онисиме! вельми »»грішна твоя мати. Візьмй хиба оту цибульку, що лежить передъ »»нею, та колй витягнешъ ії съ тиі бездни, то нехай и вона буде »»въ раю съ тобою.«« Узявъ вінъ тую стрілочку та ій подавъ ма»тері. Схопилась вона за неі... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне »съ пекла! бо що-то Божому святому? Ажъ ні: якъ поначіплюва»лись ій и въ плахту, и въ намітку грішниі души, щобъ и собі съ »того пекла вибратьця, то ій не здержала тая цибулька: перерва»лась, а вона такъ и бовтнула въ гарячу смолу!««

»Идемо«, каже, »ще дальшъ, ажъ стоіть по поясъ у жару, такъ якъ горщокъ на припічку, нашъ покійний Бабинець, що ще якъ парубкомъ бувъ, то обмиравъ. Я ій пізнала ёго. »»За що се ти««, кажу, »»Семене, таку муку приймаешъ?«« — »»Що жъ««, каже, »»бабусю? якъ обмиравъ я парубкомъ, то ходивъ усюди по дру»гому світу, усякі муки бачивъ, а далі зайшовъ до якогось діда. »Сидить и все до купи лика звязуе. Оце одріже одъ жмутка два »шматочки, та звяже до-купи та ій повісить на кілочку, одріже, »»звяже та ій повісить на кілочку. »»Дидусю!«« кажу, »»що оце »»ви робите?«« — »»Се««, каже, »»я пари парую.«« — »»А »»моя жъ пара тутъ есть?«« — »»Есть««, каже: »»ось де«« та й, »звязавъ и повісивъ на кілочку. »»Якъ же мині пізнати свою »»пару?«« — »»А ось якъ: Якъ пійдешъ ти на святкахъ у корчму »»та заграють музики, то вона перша пійде въ танецъ, бо вона »»охоча до музикъ: ото жъ твоя ії пара.«« А я, грішний, и по»думавъ: »»Колй жъ буде хороша, то буду сватать, а якъ-же по»»гана, то візьму каменя зъ собою та и вбъю.«« Узявъ каме»ня и пішовъ до корчмй. Колй жъ, скоро заграли музики, ажъ и »вийшла, та така жъ нечумазна! Я якъ хряпну ії каменемъ по го»віло, а самъ навтікача! Та якъ пішовъ, то волочивсь рокивъ,

»може зо два, и вже де не сватавсь? ніхто не йде та й не йде за »мене. То я собі й думаю: »»Піду ще въ инше село, та зачну »»свататься съ крайнёі хати, не минаючи жодноі; може, чи не »»оддасть хто.«« Иду, ажъ стоіть сельце. Отъ я въ крайню ха»ту. Дивлюсь — дівчина гарна, чи вже, може, такъ мині тогді »здалось. Ставъ сватать — оддали. Ото жъ и ставъ я жить изъ »нею. Та разъ у свято зібрались жінки до-купи пообідавши, та »й съкаютця собі підъ хатою у холодку, А одна съкае моій жін»ці въ голові та й питае, а я й чую: »»Чого се««, каже, въ тебе »»шрамъ у голові?«« — »»Се я««, каже, »»ще дівкою гуляла »»разъ на святкахъ у корчмі; а одинъ вражий синъ здурівъ, чи »»випився, — ухопивъ каменюку та мене по голові; то трохи не вмер»»ла; та вже якось одхаяли.«« А я слухаю та й догадавсь, що се »та сама, що звязавъ мині Богъ у пару!... Отъ за те-то я теперъ »у жару по поясъ стою, що пишовъ противъ Божоі волі.««

»Идемо«, каже, »ще дальшъ, ажъ гайдамака, такий старий та здоровенний, гадъ руками зъ ями до ями носить, а черті остями ёго поганяють. Дідъ и каже: »»Сей««, каже, »»багацько натворивъ »гріхівъ на тімъ світі, и покуту велику видержавъ, — и поку»та ёго не слобонила. Тяжко великі гріхи ёго! за те вінъ и му»читця гиршъ надъ усі грішниі души. Довго розбивавъ вінъ на»родъ, різавъ старого й малого, далі одумавсь та й пішовъ спо»відатьця. Прийшовъ до одного попа: »»Висповідай мене, па»»ноче, та накинь яку покуту«« — »»Які жъ твоі гріхи?«« — »»Оттакі й такі: багацько я душъ изъ світа зогнавъ, и отця й ма»»тіръ убивъ.«« — »»Э, на такі гріхи нема въ мене покути!«« »Вінъ узявъ та и вбивъ того попа. Иде до другого: »»Висповi»»дай мене, паноче, та накинь покуту.«« — »»Які жъ твоі грі»»хи?«« — »»Оттакі й такі.«« И той каже: »»Нема на іх »»покути.«« Вінъ и того вбивъ. Дали бачить, що ніхто ёго не »висповідае, почувъ, що есть десь такий піпъ, що ще малень»кимъ батько продавъ ёго нечистому, за те, що помігъ у дорозі »вирятовати воза съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ, та

»якось викрутивсь звидти и зробивсь попомъ. »»Пійду жъ««, каже, »»я шукать сего попа: сей уже певне накине на мене покуту.«« »Иде, ажъ той піпъ и іде ёму назустрічъ. Питаетця: »»Чи ти бувъ »»у пеклі?«« — »»Бувъ.«« — »»А чи бачивъ же ти тамъ мій па»»третъ, мою душу?«« — »»Бачивъ.«« — »»Щожъ вона тамъ »»робить?«« — »»Гадъ««, каже, »»руками зъ ями до ями но»»сить, а чорти остями іі поганяють.«« (1)— »»Ну««, каже, »»ко»»лі ти вже и съ того світу вернувсь, то ти на мене накинешъ »»покуту.«« — »»Які жъ твоі гріхи?«« — »»Оттакі й такі: ба»»гацько я душъ изъ світа зогнавъ и отця й матіръ убивъ.«« — »»Э, тяжкій««, каже, »»твоі гріхи!«« Та повівъ ёго на го»ру, на могилки, та й каже: »»Візьми жъ««, каже, »»ти оцю яблу»»неву палку; вона мині ще одъ мого діда досталась; та по сади »»й оттутъ на могилкахъ, та чи бачишъ гень-гень у полі крини»»ця? Ходи ти рано й вечіръ до тиі криниці, носи воду ротомъ »»и поливай сю палку. Коли вона прийметця и виросте зъ неі »»яблуня, и поспіють яблука, и ти іхъ усі струсишъ, тогді спа»»дуть съ тебе и всі гріхи твоі.«« Сказавъ та й поіхавъ собі. »Отожъ, роківъ, може, черезъ тридцять, іде знову той піпъ черезъ »той лісъ, мимо тихъ могилокъ, іде, та такъ ёму звідкись запахли »яблука! Гляне, ажъ на могилкахъ така хороша та рясна яблуня »стоіть! а на яблуні яблучка все срібні, тілько двое золотихъ; а »підъ яблунею сидить дідъ, сивий, сивий, якъ молоко. Побачивъ »попа, пізнавъ, да тілько рукою на яблуню скинувъ: вже й слова не »промовить. Тогді піпъ: »»Эге! та се жъ««, каже, »»той гай»»дамака, що я покуту накинувъ?... »»Ну««, каже, »»труси.««

---

(1) См. Дантовъ »Адъ«, пѣснь XXXIII: »Какъ! сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвѣтъ: Я не знаю, какимъ образомъ тѣло мое еще живетъ на землѣ. Эта Птолемея отличается тѣмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнѣе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согрѣшитъ предательствомъ, въ чемъ виновенъ и я, тѣло ея дѣлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послѣдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ на верху еще кажется въ живыхъ тѣло души, которая дрожитъ позади меня.«

»Струснўвъ дідъ я́блупю, — усі серíбні я́блука обси́пались, а »двóе золоти́хъ виси́ть. Чогò вже не роби́въ вінъ? я̀къ не збивáвъ? »вися́ть та й вися́ть!... »»Оцé жъ««, кáже, »»твої два гріхѝ ви»»си́ть, що ти отця́ й мàтіръ убивъ.«« Та, набрáвши въ хýсточку »я́блукъ, и поіхавъ собі. А гаiдамáка тамъ и сконàвъ. И мý»читця оттýтъ вінъ гірше надъ усіхъ грішниківъ, и ніко̀ли не »бýде ёмý пільги. Усімъ бýде коли́сь пільга, а ёмý не бýде.««

»Идемó«, кáже, »дальшъ, ажъ лежи́ть черезъ провáлле клáдочка такà хисткá, що вся такъ и коли́шетця. А прóвалле такѐ глибочéнне, що іі днà не ви́дно, — тілько щось гудѐ, такъ якъ у котлі кипи́ть. Якъ ступи́ла я на ту клáдочку, якъ хитнýсь, то трóхи, трòхи не впáла. И впàла бъ таки́, коли́бъ дідъ не вхопи́въ за рукáвъ. »»Э, ні!«« кáже, »»ще тобі не порà туди́: ще ти вéр»неся на тòй світъ. Багáто тамъ людéй погубля́ свої дýши то »лáйкою, то бíйкою, то скнáростю, то крáжею, то душогýб»ствомъ безбóжнимъ. Отъ же, якъ вéрнесся,«« кáже, »»то гледи́ »мині, роскажи́ людямъ про всѐ, щò тутъ бáчила; нехáй вони́ знà»ють, щò то за мýки пекéльниі, нехáй пам'ятàють на прáведний »судъ Бóжий; бо вже««, кáже, »»мýченикъ Ивàнъ у Кúеві, въ пе»чéрахъ, по шúю въ землі стоіть; а якъ увíйде зовсімъ у зéмлю, »тогді ніколи бýде кáятьця.««

И багáто, багáто роскáзувала про тоі світъ старà Дуби́ниха. Не мóжна всёгó тогó жáднимъ рòзумомъ збагнýти. А пані слýхаеслýхае, да зновъ: »Бабýсю-голýбонько! а дітóкъ же моіхъ я̀къ ти бáчила?« А вонá: »Да я жъ кажý тобі, моя́ добрòдійко, що бáчила я іхъ ви́соко, ви́соко въ раю Бóжому. Мáти Бóжа панчішку плетé, а вони́ передъ нею золоти́і клубòчки держя́ть.«

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ О РАЗОРЕНІИ КІЕВА БАТЫЕМЪ.

Да не славнійшій го́родъ Медвѐдівка изъ своіми города́ми,
Якъ славнійшій Пилѝпъ Орлѝвъ зъ двома́ козака́ми:
Оди́нъ Грицько́, дру́гий Андрій, на віру гонѝтель,
Всімъ города́мъ Украінськимъ вінъ бувъ розори́тель.

. . . .

Въ неділю ра́но-поране́ньку у всі дзво̀ни дзво́нять,
И стари́і, и мали́і въ весь го̀лосъ голо́сять,
На коліна упада̀ють и Бо̀га про́сять:
»Поможи́ намъ, Бо́же, Ки́евъ го́родъ боронѝти,
Дождемо́ Пе́ршоі Пречи́стоі, бу́демъ обідъ становѝти.«

. . . .

Въ неділю ра́но-поране́ньку го́рода доста̀ли,
Всімъ церква́мъ Украінськимъ верхѝ позбива̀ли,
Полотня́ні образи́ підъ кульба̀ки кла́ли,
Дзво́нами спижо́вими ко̀ні напова̀ли,
Въ святи́хъ церква́хъ ко̀ні станови́ли.

. . . .

Примѣчаніе. Пѣсня эта записана Э. О. Руликовскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевскоіі губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ:

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествія хана Батыя на Русь и Кіевъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе ([1]), однакожъ она выразительно проникнута этимъ воспоминаніемъ. — — О разореніи Кіева, и именно церквей его, Синопсисъ говоритъ такъ: »Крестъ съ главы церковныя золото»кованный сняша, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ »проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря ве»ликого по перси иконы Пресвятои Богородицы избиша«. Изъ этого ясно, что нынѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ преданіемъ, ибо упоминаніе о Пилипѣ Орливѣ и его двоихъ товарищахъ ни сколько тому не противорѣчитъ, такъ какъ извѣстно, что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, назывался богатырь пѣсни: для него важенъ характеръ, выражаемый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми запечатлѣна эта личность. Поэтому Пилипомъ Орливомъ (Филиппъ Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища суть Манку и Пета.«

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАПОРОЖЦА-КОБЗАРЯ

Надъ бандурою:

Стру́ни мої, стру́ни золоті́ї! заграйте мні стиха,
Ачѐй ([2]) коза́къ нетя́жище позабу́де лиха!

Надъ ковшемъ:

Въ насъ у Січі то и но́ровъ, хто *Отче на́шъ* знае.
Якъ уми́вся, вста́вши вра́нці, то ча̀рки шука́е.

([1]) Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Медведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Пилипъ Орливъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, проходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкій. — ([2]) *Ачѐй* — авось-либо.

Чи ча̀рка то, чи ківшъ бу́де, не глядить переміни;
Гла̀дко пъють, якъ зъ лу̀ка бъють до ночно́і тіні.

Внизу картины:

Диви́ся та гада́й, та ба, не вгада̀ешъ,
Відкіль рòдомъ и якъ зову̀ть, ні чичѝркъ не взна́ешъ.
Кому́ тра̀пилось хоть разъ у степу́ гуля́ти,
То мо́же тоі̆ и прізвище мое́ угада́ти.
Въ мене́ имя́ не однò, а есть іхъ до кàта:
Такъ зову́ть, якъ набіжйшъ на яко́го сва́та.
Жидъ зъ біди́ за рідного бàтька почита́е,
Милости́вимъ добро́діемъ Ляхъ назива́е;
А ти якъ хòчъ назови́, на всѐ позволя́ю,
Аби́ тілько не кра̀маремъ, бо за те й пола̀ю.
Відкіль я ро́домъ взя́вся на світі,
Вся̀кий зъ васъ хо́че зна́ти приміти.
Жіно́къ въ Січі нема̀е,
Всякъ те дòбре зна́е.
Хиба́ ска́жешъ — изъ ри̇би ро́домъ,
Або́ съ пу̀гача дідъ мій плодомъ.
Но въ томъ себе́ ми̇лишъ
И на-кри̇во цілишъ.
У насъ сугако́ві тілько сліди,
А ди́киі кòні намъ сусіди;
А Дніпро́ве стрѐмя —
Тò на́ше пле́мя.
Тро́хи Ляхва́ угада̀ла,
Що лошакà дарова́ла.
Гля̀нь на гербъ сей знаменитый, —
Вінъ виси́ть на дубу̀ обви́тий.
Пра́вда, якъ кінь въ степовій во́лі,
То такъ козàкъ на безъ до́лі:
Куди́ схòче, туди́ ска́че,
За козако́мъ ніхтò не запла́че.

Гай-гай! якъ я бувъ мòлодъ, щò въ мині була́ за си̇ла!

Ляхівъ нещадно бъючи, рука й ра̀зъ не зомліла.
А тепе́ръ и во̀шъ ду́жча відъ Ляха́ здае́тця:
Пле́чи и нігти болять, якъ день попобъе́сся.
Така̀-то, бачу, недо́вга літъ на́шихъ годи́на:
Ско́ро цвіте́, ско́ро и вя́не, якъ у по́лі билѝна,
Хоча́ мині й не стра̀шно на степу́ вмира́ти,
Тілько жа́лко, що нікому бу́де похова̀ти:
Тата́ринъ цура̀етця, а Ляхъ не присту̀пить,
Хиба́ яка́ звіръ̀ка за но́гу у байра̀къ поцу́пить.
Та вже жъ приста́рівшись на Ру̀сь піити́ мушу́,
Ачѐй таки́ одпоминаю́ть попи́ мою́ ду́шу.
Тілько жъ мині него̀же на ла́ві вмира́ти,
Бо щѐ мене́ бере́ охо́та зъ Ляха́ми гуля́ти.
Хоча́ вже тро́хи й зледащівъ, да щѐ чу̀ють пле́чи —
Ка́жетця, поборо́вся бъ щѐ зъ Ляха́ми ʒъ ре́чи,
Ачѐй би що-не́будь перекѝнули для сме́рті...
Або Жи́ду, або Ляху́ му̀шу но́са вте́рти.
Ище́ бъ прогна́въ Ляхви́ хору́говъ за Ви́слу не тро̀хи,
Розлетілись би вони́ всі, якъ одъ пожа́ру бло̀хи.
Луча̀лось мині на степу́ вари́ти пи́во:
Пивъ Ту̀рчинъ, пивъ Тата̀ринъ, пивъ и Ля̀хъ на-ди́во.
Бага́то й тепѐръ лежи́ть на степу́ съ похмілля
Ме́ртвихъ голівъ и кісто́къ одъ того́ весілля.
Надія въ мене́ пе́вна — мушкѐтъ-сірома́ха,
Ище́ не заржа́віла и ша̀бля, моя́ сва́ха.
Хоть уже́ не ра̀зъ па́сокою вми́лась,
Таки́ вона́ й тепе́ръ якъ-би́ розозли́лась,
То не одѝнъ катели́къ ло́бомъ догори́ ста́не,
Коли́ жъ покваппитця́ втіка̀ти, на спису̀ застря́не.
Та якъ и лу̀къ натягну́, бря́зну тятиво̀ю,
То му̀сить утика́ти ха̀нъ Кри́мськиий зъ ордо́ю.

Эй ну́те лишъ, степи́, горіть пожара́ми,
Бо вже ча̀съ кожу̀хъ міня́ти на жупа́нъ зъ Ляха́ми.
Та якъ я́рмарокъ до́брий уда́ча пока̀же,
То въ бариші Жидъ зъ Ляхо́мъ не одѝнъ поля́же.

Нѐкъ імъ! якъ намо́жутця, то му̀сишъ уступи́ти:
За шкату́лу червѐнихъ и за рѐндикъ (¹), зо̀лотомъ шитий,
Кожу̀хъ скрупілий ски́нешъ імъ до ка́та,
Абй якъ сцура́тися упря́мого сва́та.
Да вже біжи́ чимъ дужъ до Січи могорічу̀ пити...
Цу̀ръ імъ бода́й! якъ звикли насъ Ляхи́ дури́ти!

III.

МѢСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРЕ́НКА О ФЕСЬКѢ́ ДЕНДЕБЕ́РѢ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ ДУМЫ АНДРЕЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОѢ.

»Гей На́сте Горова́я,
Шинка́рко молода́я,
Каба́шнице степо́вая!
Не велю я тобі его́ козака́ съ ха́ти виганя́ти,
Хочъ я свій осьма̀къ на пи́во викѝдаю,
А ти его́ съ ха́ти не випѝва́й.«

. . . .

Исъ-підъ полй позлоти́стий недоли́мокъ (²) виньма̀е,
По столу̀ три ра́зи затина̀е,
Коза́цьку пісню співа́е:
»Ой ріко коза́цькая!
Тепе́ръ ме́не або́ зодяга́й,
Або́ до себѐ приньма́й.«

Тоді де взяли́ся три джу́ри мали́хъ-невели́кихъ:
Що пе́рвий джу́ра идѐ,
Па́ру жупа̀нівъ ему̀ не́се;
Дру́гий джу́ра идѐ,
Жо́вті сапъя̀нці ему̀ несе́,
А тре́тій джу́ра идѐ,
Широ́киі, що й слідъ замітають черво́ні шарова̀ри несе́,

(¹) Конскій уборъ.
(²) Келепе́ць. *Пр. п.*

И оксамитну шапку на голову ёму несе.
Вони ёму приношали
И до ёго промовляли:
»Гей Феськò Дендебере,
Батьку козацький, славний лицаре!
Доки тобі тута пустовати?
Часъ-пора йти на Вкраіну батькувати.«
Тоді Фесько Дендеберя полатану, подрату, узловату одежу скидае,
Пару жупанівъ надівае;
Постоли боброві,
Личані, вязові,
Знімае,
Жовті сапъянці обувае,
И на своіхъ джуръ покликае:
»Гей, джури ви мoі малі-невеликі!
Добре ви дбайте,
Сихъ Ляхівъ,
Дуківъ-срібляниківъ,
По одинцю съ хати вивождайте,
Та середъ оболоння іхъ покладайте,
Хорошенько въ три березы по дупахъ затинайте.«

. . . .

Тоді ті Ляхи,
Дуки-срібляники,
Тее зачували,
Добре дбали,
Зъ шинку утікали;
А опісля до ёго прихождали,
Соболёвими шубами ёго дарували,
Словами до ёго промовляли:
»Гей Фесько Дендеберя!
Колибъ ми тебе були знали,
Садили бъ були тебе, не займали.«
Тоді Фесько Дендеберя на шинкарку покликае:
»Гей, шинкарко Горовая,
Насте молодая,

Кабáшнице степовáя!
Гей, кадукú бъ тобі въ м.....!
Тепéръ мені цéберъ мѐду, а дрýгий горілки насипáй,
Велю́ тобі іхъ на скамъі становѝти;
А я, якъ не могу̀ тобі заплатúти,
То стáну до тебé на три гóди грýби топúти.«
Шинкáрка Горовáя,
Нáстя молодáя,
Кабáшниця степовáя,
Тéе зачувáе,
Цéберъ мѐду, дрýгий горілки насипáе,
На скамъі постановля̀е,
До ёгó словàми промовля́е:
»Гей, Феськó Дендебéря,
Гетьмáнъ Запорòзький, Черкáський,
Товàришу нáський,
Якъ-бú я тебé булá знàла,
То я бъ тебé съ хáти въ потúлицю не вибивàла
А тепéръ, коли хòчъ щé въ менé дóвше погуля́ти,
Я тобі могý щé въ мáслі каплунівъ зготувàти.«

Якъ погуля́въ Феськó Дендебéря тамъ ще чотúри недѝлі,
То оттáмъ усі ёгó бúті талярѝ засіли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКѢ ВАСЮРИНСКОМЪ.

Да встàнь, бáтьку съ того світу, велúкий гетьмáне! (¹)
Якъ поідемъ до Царѝці — по прѐжнёму стáне.
»Ой Царѝце, нáша мáти! змѝлуйся надъ нáми,
Оддáй же намъ нáші зéмлі съ тéмними лугáми.«
»Не на тѐе, мúле брáтте, я Січъ руйновáла,

(¹) Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по свойству народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздо. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмѣльницкій.

Ой щобъ я вамъ ва́ші зе́млі, клейно̀ди верта́ла.«
Тече́ річка невели́чка, підмива́е кру̀чи:
Запла̀кали Запоро́зці, одъ Цари́ці йду̀чи.
Васюри́нський козарлюга все пъе та гуля́е,
Ота́мана кошово́го ба̀тькомъ назива́е:
»Позво́ль, ба̀тьку ота́мане, намъ на ба̀шті ста́ти:
Якъ не сти́дно а Цари́ці та Січъ руйнова́ти!
Не позво́лишъ съ шабелька̀ми, позво́ль съ кулака̀ми:
Неха̀й на́ша слава́ не ги́не поміжъ козака́ми!«

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ, ПРОКЛИНАЮЩЕЙ БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАТАРАМЪ УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ НЕВОЛЮ.

Кондратъ Тарануха, разсказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясыръ*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ забытой имъ пѣсни:

Ой бода́й Хме́ля Хмельни́цького
Пе́рва ку̀ля не мину́ла,
Що велівъ бра́ти парубкѝ й дівкѝ
И молоди́і молодѝці.
Парубкѝ йдуть співа̀ючи,
А дівча́та рида́ючи,
А молоди́і молоди́ці
Старо́го Хмѐля проклина́ючи:
»Ой бода́й Хмѐля Хмельни́цького
Пе́рва ку̀ля не мину́ла. . . .

. . . .

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
XII	9	*съ войнати*	*съ войнами*
XIII	27	*пѣсень.*	*пѣсень.*
XVII	8	Вовчка́.	Вовчка́,
XVIII	5	Шérба.	Щérба.
—	23	*Каліивщины.*	*Коліивщины.*
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не *съ* зозаками,	не *съ* козаками,
—	19	Запрожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ спокойному	къ покойному
65	22	не я втéрплю	я не втéрплю
68	2	еказа̀въ	сказа̀въ
75	5	тóлпятця	тóплятця
88	4	Александръ и Казимiръ Ягеллонъ	Казимиръ Ягеллонъ и Александръ.
95	7	напи́вшлись	напи́вшись
116	9	іхаті	іхати
117	19	не давя́ть	не давать
147	1	сéме ро	сéмеро
156	7	сказа̀ въ, той	сказа̀въ, то й
162	18	А вон якъи́	А вони́, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожецъ.
164	30—31	продолжніжее	продолженіе.
244	32—33	людйи убра лись	людей и убрались
246	4	бесознательно	безсознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	й жупа̀нъ, добу́въ.	й жупа̀нъ добу́въ.
252	11	побижи́мъ,	побіжи́мъ,
253	10	ка́же:	ка́же:
258	21—22	*постолахъ* ([1]).	*постолахъ* ([2]).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	ду́мавъ.
—	25—26	плотника	плотника
268	26	Смилянсокму	Смилянскому
272	17	постáвлять	поставлять
—	29	кóзаківъ	козаківъ
278	6	ганчара́	гончара́
280	4	каза̀къ,	каза̀нъ,
—	8	зáразь	зáразъ
281	17	и зъ	изъ
285	28	Жидинять	Жиденятъ
289	7	дáвніі	дáвніі
296	31	оттуда	откуда

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
300	32	бросиъ	бросилъ
303	15	кра́щихъ-діто́къ.	кра́щихъ діто́къ,
306	14	Лизь!	Лізь!
307	17	вивізъ!	ви́візъ!
—	28—29	папіма́тко,	паніма́тко,
308	32—33	по́ говіло, а самъ навті-кача!	по́ голові, а самъ нав-тікача́!
309	8	у холодку́,	у холодку́.
—	29	на іх	на іхъ
—	33	йв« рятовати	»ви́рятовати
310	2	паки́не	паки́не
—	13	по садѝ	посадѝ
316	28	просходящую	происходящую
317	31	на безъ долі:	не безъ до́лі:
318	29	покв́апитця́	поква́питця

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

II.

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25 февраля 1857 года.

Цензоръ *Н. фонъ-Крузе.*

Въ типографіи Александра Якобсона.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

При записываньи произведеній народной словестности, необходимо принимать въ соображеніе обстоятельства самого разсказщика, или пѣвца, и всю его обстановку. Стр. 4 — 5.

Какъ сильно дѣйствуетъ на простолюдина родная пѣсня. Стр. 8—9.

Различіе между Сѣверно- и Южно-Русскими сказками. Стр 12—13.

Сказка и пѣсня служатъ для народа истолкованіемъ его настоящаго положенія. Онъ разсказываетъ, въ своемъ кругу, тѣ сказки и поетъ тѣ пѣсни, которыя выражаютъ современный его взглядъ на вещи. Стр. 82 — 103.

Гайдамачество явилось, какъ противодѣйствіе нестерпимому злу въ Польскомъ гражданскомъ обществѣ. Стр. 107 — 108, 139 — 141.

Любовь къ родинѣ есть лучшее основаніе любви къ отечеству. Любовь къ родной словесности утверждаетъ въ обществѣ нравственныя понятія и вводитъ ихъ въ дѣло жизни. Стр. 145 — 146.

Гетманщина не стремилась къ общему благу Малороссійскаго народа, и по тому самому не могла быть долговѣчна. Стр. 171 — 174.

При отсутсвіи правильнаго судопроизводства въ старинной Малороссіи, старшины козацкіе захватывали во владѣніе земли, безъ всякаго права, подъ видомъ *стараго займа*. Стр. 176.

Множество козаковъ обращено въ *подданныхъ* (крестьянъ) козацкими старшинами и другими чиновными и денежными людьми. Стр. 178.

Выборъ всѣми голосами полковниковъ и сотниковъ существовалъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ чиновная партія въ Малороссіи опредѣляла во всѣ должности — кто ей былъ нуженъ. Стр. 187.

Судопроизводство по Литовскому, Магдебургскому и Саксонскому праву давало просторъ произволу и изворотливости судей, во вредъ несвѣдущаго въ законахъ населенія Малороссіи. Стр. 188.

Члены богатыхъ фамилій, получивъ званіе бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ, дѣлались подсудимыми только генеральной

канцеляріи и гетману, а это давало имъ возможность безнаказанно угнетать мелкопомѣстную свою братію и простолюдиновъ. Стр. 191.

Названіе *Русскій* принадлежитъ Южно-Русскому, или Малороссійскому народу и языку искони. Малороссійскій народъ и Малороссійскій языкъ суть Русскій народъ и Русскій языкъ по-преимуществу. Стр. 263.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ. Этимъ языкомъ говорили при дворѣ великихъ князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Южно-Русскихъ домахъ. Стр. 264.

Южно-Русскій языкъ всегда отличался отъ Церковно-Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Стр. 267.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Малой и Червонной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи. Стр. 269.

Южно-Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго. Стр. 273.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою, богатствомъ и самимъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частью, Южно-Русскому языку. Стр. 274.

Поводомъ къ войнѣ козаковъ съ Поляками подъ предводительствомъ Остряницы, какъ и въ другихъ козацкихъ войнахъ, были злодѣйства со стороны частныхъ лицъ. Стр. 309.

Озлобленіе Украинскаго народа противъ Поляковъ не вытекало изъ владѣльческаго права. Стр. 311.

Систематическаго угнетенія страны со стороны Польскаго правительства не было. Стр. 311.

Польскому правительству и Польскимъ дворянамъ Малороссія обязана была своимъ вещественнымъ благосостояніемъ. Стр. 132.

Самымъ тяжкимъ бременемъ для Малороссіи были постои Польскихъ войскъ. Стр. 313.

Городовые козаки до временъ Хмѣльницкаго противодѣйствовали Запорожскимъ. Стр. 314.

Запорожцы озлоблялись на Поляковъ за запрещеніе дѣлать морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, что̀ было со стороны Поляковъ политическою необходимостью. Стр. 315.

Вмѣшательство Поляковъ во внутреннее управленіе козачества было вынуждаемо козацкими возстаніями. Стр. 315.

Изгнаніе Поляковъ изъ Украйны было вмѣстѣ и изгнаніемъ коренныхъ Южно-Русскихъ дворянъ, которые имѣли неопровержимое право на владѣніе землею. Стр. 317.

У Поляковъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ ихъ политическихъ представителей, не было посягательства на Малороссійскую національность. Стр. 318.

Высшее развитіе Украинской народной словесности совершилось во времена Польскаго владычества. Стр. 319.

Унія, въ своей идеѣ, была устройствомъ іерархіи, а не перемѣною вѣры. Стр. 319.

Всѣ эти, по видимому, счастливыя условія для обоихъ народовъ привели Рѣчь Посполитую къ несчастному концу потому, что въ ней господствовало право сильнаго, что собственно націю Польскую, по мнѣнію правительства, составляло дворянство, что это дворянство проникнуто было духомъ касты и не обращало вниманія на положеніе чернорабочаго класса въ государствѣ. Стр. 321.

Малороссіяне, по своей природѣ и по мѣстнымъ условіямъ, не могли иначе себя сознавать, какъ людьми, безъ всякихъ гражданскихъ пред-

разсудковъ. Пренебреженіе со стороны Поляковъ, аристократовъ по племенному началу, чувствовали они слишкомъ глубоко. Стр. 324.

Война между ними была, въ корнѣ своемъ, изъ-за оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства. Другія оскорбленія со стороны Поляковъ только раздули готовое пламя. Стр. 325.

До какой степени Южно-Русскій народъ созрѣлъ уже и тогда для высшей формы гражданской жизни, видно изъ того внутренняго устройства Малороссіи, въ какомъ она явилась при Хмѣльницкомъ. Стр. 326.

Неумышленныя и несознаваемыя Польскимъ дворянствомъ угнетенія народа Малороссійскаго со стороны его человѣческаго достоинства принесли ту пользу, что Русскій человѣкъ, въ освобожденіи отъ нихъ Малороссіи, сдѣлалъ первый шагъ къ истинному самосознанію и самодѣятельности. Стр. 328.

2.

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ. (Царевичъ плѣняется красавицей. Царь не соглашается на женитьбу сына, но, увидѣвъ рушникъ, вышитый ею, согласился. Провожавшая молодыхъ баба подмѣнила красавицу своею дочкой. Дидъ принялъ къ себѣ покинутую красавицу, съ выколотыми глазами. Она научила его, какъ добыть у злой бабы глаза и вышила рушникъ. Увидѣвъ этотъ рушникъ, царевичъ отыскалъ по немъ свою красавицу жену.) Стр. 10.

Сказка объ ужѣ и царевичѣ. (Царевна соглашается быть женою ужа за то, что онъ позволилъ ей почерпнуть воды для отца. Кума свела ее со свѣта и обрѣзала у ней руки, съ золотыми кольцами. Но кольца не снимались. Кума ночью парила руки въ кипяткѣ, чтобы снять кольца, а царевна пришла къ ней за своими руками.) Стр. 14.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. (Ивась ѣздилъ на рыбную ловлю. Вѣдьма приманила его къ себѣ и унесла въ свою хату. Тамъ она велѣла своей дочкѣ зажарить его, а сама отправилась звать гостей на пиръ. Ивась умудрился зажарить дочку вѣдьмы, а самъ взлѣзъ на высокій яворъ. Вѣдьмы начали грызть яворъ; но перелетныя гуси взяли на крылья Ивася и принесли къ родителямъ.) Стр. 17.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ. (Одна сестра изъ зависти убила другую. На могилѣ выросла калина. Чумаки сдѣлали изъ калины дудку. Заѣхавши случайно къ отцу убитой, начали играть. Дудка обличила убійцу.) Стр. 20.

Сказка о гоненьяхъ мачихи. (Мачиха обременяетъ неродную дочку пряжею. Корова помогаетъ гонимой. Корову за это велѣла мачиха зарѣзать. Въ ея внутренностяхъ нашли два яблока. Отъ тѣхъ яблоковъ выросла яблонь, съ золотыми и серебряными яблоками, а подъ нею открылась криница. Гонимая дочь подала изъ этой криницы пану воды и нарвала для него яблоковъ. Панъ за это на ней женился. У нихъ родился сынъ. Но мачиха подмѣнила пани своею дочкою, а пани превратила въ дикую козу. Коза приходила кормить сына и въ это время обращалась въ женщину. Панъ узналъ тайну отъ слуги, сжегъ ея козью шкуру, и она навсегда осталась женщиною.) Стр. 23.

Кирило Кожемяка, легенда. (Змѣй бралъ съ Кіева дань людьми. Дочка князя, очутясь у змѣя, вывѣдала отъ него, что въ Кіевѣ есть силачъ Кирило Кожемяка, который побѣдитъ змѣя. Князь трижды посылаетъ пословъ къ Кирилу съ просьбою сразиться съ змѣемъ. Кирило наконецъ соглашается, выходитъ на бой и убиваетъ змѣя.) Стр. 27.

Свиридова могила, легенда. (Пахарь Свиридъ въ день Христова Воскресенія провалился сквозь землю. На томъ мѣстѣ выросла *могила* (т. е. курганъ), которую и прозвали Свиридовою.) Стр. 30.

Миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія. (Мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ, но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это получилъ яйцо, въ которомъ

заключалось цѣлое царство. Послѣ этого наступилъ другой вѣкъ творенія — человѣческій.) Стр. 31.

Соколъ и пчела, повѣрье. (Соколъ и пчела мѣрялись зрѣніемъ и чуткостью и потомъ подѣлились землею, кому гдѣ жить.) Стр. 32.

Разсказы о превращеніяхъ. (А. Близнецы превращаются въ кукушку. — Б. Переселеніе души въ разныхъ тварей. — В. Превращеніе въ вовкулаку. — Г. Превращеніе въ »приги́жковатого« волка. — Д. Превращеніе въ кукушку и дятла. — Е. Превращеніе въ сиренъ. — Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.) Стр. 33.

Разсказы о вѣдьмахъ. (А. Вѣдьма помогаетъ синовьямъ-охотникамъ. — Б. Способы узнавать вѣдьмъ. — В. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы »заправляютъ« своихъ дѣтей. — Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. — Д. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурею. — Е. О томъ, какъ »видьма́чъ« управляетъ пчелами.) Стр. 36.

Разсказы о мертвецахъ. (А. О томъ, какъ мертвецъ приносилъ ужинать ткачихѣ. — Б. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца-сына. — В. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать. — Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.) Стр. 42.

Разсказы о чертяхъ. (А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало. — Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ. — В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ чорта.) Стр. 44.

Сказка о Соловьѣ-разбойникѣ и о слѣпомъ царевичѣ. (Царь посадилъ сына, за буйство, въ темницу. Царица бѣжитъ съ сыномъ. Царевичъ убиваетъ Соловья-разбойника. Царица оживляетъ его. Въ одномъ царствѣ, на мѣсто умершаго царя, избираютъ странствующаго съ матерью царевича. Соловей-разбойникъ летаетъ къ царицѣ и вооружаетъ ее противъ сына. Сынъ исполняетъ разныя опасныя порученія; между прочимъ освобождаетъ отъ змѣевъ царевну и женится на ней. Когда возвратился онъ къ матери, она предала его Соловью-разбойнику; тотъ из-

рубилъ его въ куски, сложилъ тѣло въ мѣшокъ и привязалъ коню къ сѣдлу. Баба-Яга оживляетъ царевича; но онъ остался слѣпъ. Купцы, за пѣсни, взяли его съ собою и привезли въ городъ, въ которомъ жила его жена. Она узнала своего слѣпого мужа, и начали они жить вмѣстѣ счастливо.) Стр. 48.

Сказка объ Иванѣ Голикѣ и его братѣ. (Иванъ Голикъ, за буйный нравъ, брошенъ былъ княземъ, своимъ отцомъ, въ море. Китъ-рыба проглотила его, но онъ нашелъ средство выдти изъ великанской рыбы. Братъ его, сдѣлавшись послѣ смерти отца княземъ, ѣдетъ жениться; онъ дѣлается его слугою. Встрѣча съ войсками мышей, потомъ комаровъ; Иванъ Голикъ оказываетъ имъ услуги; потомъ выкупаютъ у рыбака двѣ щуки и пускаютъ въ море. Пріѣзжаютъ къ змѣю, у котораго двѣнадцать дочерей-красавицъ. Змѣй заказываетъ молодому князю разныя трудныя работы; но Голикъ, при помощи одолженныхъ имъ мышей, комаровъ и рыбъ, выручаетъ его изъ бѣды. Змѣй отдаетъ дочку за князя. Молодые ѣдутъ домой. Княгиня озлилась на Голика и отрубила ему ноги чародѣйскимъ рушникомъ. Голикъ, безъ ногъ, очутился въ лѣсу. Тамъ встрѣчаетъ его безрукій человѣкъ. Они вступаютъ въ дружбу и находятъ средство возстановить себя въ прежній видъ. Тогда Голикъ возвращается къ своему брату и находитъ его въ крайнемъ униженіи: онъ пасетъ свиней. Голикъ усмиряетъ его жену, и они живутъ счастливо). Стр. 59.

3.

ПѢСНИ.

I.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ.

Уже нѣсколько лѣтъ знакомъ я въ Малороссіи съ молодымъ Русскимъ художникомъ Л. М. Жемчужниковымъ. Онъ проводитъ у насъ на югѣ сплошь лѣто и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не довольствуясь тѣмъ, что̀ видитъ глазъ, онъ изучаетъ нравственный образъ Малороссійскаго народа въ произведеніяхъ его духа. Онъ убѣжденъ, что Малороссіянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомясь на мѣстѣ съ его настоящимъ и прошедшимъ. Это убѣжденіе, покамѣсть мало примѣняемое къ дѣлу и между нами, людьми пишущими, тѣмъ замѣчательнѣе въ г. Жемчужниковѣ, что онъ родился въ глубинѣ Сѣверной Россіи, воспитывался въ С. Петербургѣ (въ пажескомъ корпусѣ) и до пріѣзда въ Малороссію не слыхалъ Малороссійской рѣчи. Не знаю, въ какой мѣрѣ будутъ полезны для его искусства пріобрѣтенныя имъ между нами свѣдѣнія; но этнографія Южно-Русская имѣетъ въ немъ несравненнаго дѣятеля. Не говоря уже о множествѣ этюдовъ съ натуры, выражающихъ бытъ народа со всѣми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятисотъ напѣвовъ пѣсень, положенныхъ на ноты имъ самимъ, или, по его просьбѣ, другими, съ голоса Малороссійскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ; а недавно онъ привезъ мнѣ изъ Пырятинскаго уѣзда большой свертокъ сказокъ, записанныхъ имъ слово въ слово изъ устъ народа: подвигъ, истинно трудный, особенно для г. Жемчужникова, иноземца въ Малороссіи, который притомъ занятъ

постоянно техникою живописи и набираніемъ въ свои альбомы живописныхъ впечатлѣній для будущихъ своихъ работъ. Но онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и составляетъ свои нотные и рукописные сборники заурядъ съ коллекціями эскизовъ съ натуры, во время своихъ странствованій по обширнымъ равнинамъ Южной Руси и пребыванія въ мѣстахъ, гдѣ его знаютъ и любятъ... Какая противоположность съ большинствомъ нашихъ пановъ, которые живутъ посреди народа, пренебрегая его словесностью и не придавая никакой важности тому, что̀ составляетъ цвѣтъ его жизни!

Прочитывая мнѣ свою толстую тетрадь, онъ дополнялъ ее изустными разсказами о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ непривычную для художника работу перомъ, и эти разсказы много придавали жизни самимъ сказкамъ. Они показывали мнѣ, какъ сказки живутъ вмѣстѣ съ народомъ, падаютъ съ нимъ, или цвѣтутъ вѣчною прелестью съ несокрушимыми ничѣмъ нравственными его качествами. Тутъ же виденъ былъ и самъ собиратель: какъ онъ смотрѣлъ на личности, посредствомъ которыхъ передъ нимъ открывалась сокровищница духовной жизни народа; какъ его простая, чисто художническая любовь къ человѣку была угадываема тонкимъ чутьемъ сельскихъ *дівча́тъ*, парубковъ, стариковъ и старухъ, которые, при всей своей одичалости, скоро становились съ нимъ въ пріятельскія, свободныя отношенія и забывали различіе кастъ, которое всего больше препятствуетъ въ Малороссіи путешественнику видѣть народъ въ его искренней развязности. Разсказы г. Жемчужникова интересовали меня не меньше, какъ и записанныя имъ для меня сказки. Я думаю, что и въ глазахъ моихъ читателей они будутъ имѣть свое значеніе, и потому стану повторять слова его, сколько позволитъ мнѣ моя память, — точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ и имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ разсказѣ моемъ могутъ быть пропуски, или неточности въ послѣдовательности фактовъ, но не будетъ ошибокъ противъ натуры, потому что она была у меня передъ глазами въ то самое время, что̀ и у моего художника-этнографа.

Я думаю (говорилъ г. Жемчужниковъ), что сказки, которыя я записалъ, могутъ быть вполнѣ для васъ понятны только въ связи съ моими тогдашними впечатлѣніями. Какъ это выразить яснѣе? Еслибы напримѣръ я нашелъ на дорогѣ рукопись, которую вамъ передаю, я бы и въ половину не видѣлъ въ ней того интереса, какой она имѣетъ въ моихъ глазахъ теперь, когда въ моемъ воображеніи рисуется вся обстановка записанныхъ мною разсказовъ. Мало того: вы должны знать кое-что и изъ того, что̀ предшествовало моему труду, и въ какомъ я былъ настроеніи духа, бесѣдуя съ сказочниками и сказочницами.

Я провелъ за своей обычной работой нѣсколько прекрасныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ вь селѣ Л**** Пырятинскаго уѣзда. Я полюбилъ свою мастерскую во флигелѣ полуобитаемаго господскаго дома, полюбилъ людей, которые меня окружали, и все, что̀ представлялось глазамъ моимъ, до послѣдняго куста на дворѣ, передъ моими окнами. Каждая личность, каждый предметъ въ этомъ уединеніи сдѣлались мнѣ такъ извѣстны, какъ будто я здѣсь и родился. Я сжился съ селомъ Л**** въ теченіе лѣта, и врдугъ принужденъ былъ оставить его осенью, въ самое то время, когда особенно пріятно оставаться въ обогрѣтомъ уголкѣ, посреди привычныхъ занятій и, размышляя, какъ скучно тащиться въ слякоть отъ станціи до станціи, — работать подъ завыванье осенняго вѣтра, или читать что-нибудь хорошее съ добрыми пріятелями. Всѣ эти удовольствія скромной художнической жизни въ глубинѣ провинціи я долженъ былъ промѣнять на утомительную ѣзду по столбовой дорогѣ и скакать на перекладной въ Харьковскую губернію, для хлопотъ, вовсе не-артистическихъ.

Пробылъ я въ отсутствіи мѣсяца два и воротился въ Л**** уже зимою. Взъѣхалъ я на дворъ господскаго дома въ морозное утро 18-го ноября. *Дівча́та* выбѣжали ко мнѣ навстрѣчу, кто въ чемъ былъ, съ радостными криками. Весь домъ какъ-бы проснулся отъ своего сна. Собаки, завидѣвъ меня, подняли веселый лай и едва отъ радости не откусили мнѣ носа. Вотъ я опять подъ мирнымъ кровомъ гордо глядящихъ палатъ въ селѣ Л****.

Наши отцы и дѣды были очень вѣтренны. Мнѣ часто случалось бывать въ большихъ домахъ по деревнямъ, и всегда я говорилъ самъ себѣ: »Стоило ль столько кидать денегъ и тратить столько труда на выкладку этихъ страшныхъ хоромъ?« Такъ и въ селѣ Л****. Строитель дома былъ человѣкъ богатый; но дѣтямъ его досталось состояніе раздробленное, и нынѣшнему хозяину Л**** едва достаетъ средствъ на поддержаніе отцовскаго дворца въ приличномъ видѣ. Большая часть комнатъ не отапливается; снаружи карнизы опадаютъ; крыша гніетъ; штукатурка осыпается; дождевыхъ трубъ давно ужъ нѣтъ; въ домѣ сыро; вездѣ пропасть мышей; а въ подвалахъ живутъ побродяги–собаки и выводятъ щенковъ. Что̀ будутъ дѣлать съ нимъ наслѣдники, когда и нынѣшній достатокъ помѣщика уменьшится? Вся усадьба обнесена каменной оградой съ деревянной решеткой. Решетки уже нѣтъ: ее разрушило время и разнесли добрые люди. Ограда осыпалась и покрылась мхомъ. Все на дворѣ пришло въ ветхость и заросло желтой и бѣлой акаціей.

Возвратясь сюда изъ своей поѣздки, я не засталъ хозяевъ: они уѣхали въ Кіевъ на зиму. Въ домѣ оставались только двѣ близкія родственницы, которыя живутъ здѣсь безвыѣздно. Всѣ мои художническіе снаряды увезли такъ-же въ Кіевъ, и потому я не имѣлъ теперь съ собой ни красокъ, ни кистей, ни карандашей, а между тѣмъ долженъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожить съ недѣлю, или болѣе въ селѣ Л****. Что̀ мнѣ было дѣлать? Отказавшись отъ живописи, я началъ жить праздною жизнью, какою живутъ, съ немногими исключеніями, всѣ помѣщичьи семейства въ Малороссіи. Утромъ мы пили чай, или кофе. Собаки и кошка дрались, или играли вокругъ насъ, а иногда, сытыя и мирныя между собой, располагались грѣться у огня. Одна только ручная курица вѣчно надоѣдала намъ, вскакивая на столъ, таская у насъ хлѣбъ и проливая чай. А послѣ завтрака я уходилъ въ дѣвичью, наполненную швеями по канвѣ, по кисеѣ, по бархату и по чему угодно, швеями всѣхъ возрастовъ, отъ десяти до двадцати-пяти лѣтъ, — и мнѣ пѣли пѣсню за пѣснею.

Я страстно люблю пѣсни, особенно Малороссійскія. Для меня что-нибудь одно слушать — или самыя высокія музыкальныя произведенія, или просто народную пѣсню. Народная пѣсня въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и притомъ необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слова, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать, въ музыкальныхъ композиціяхъ людей съ именемъ, какой-нибудь одинъ легкій и недурной мотивъ и въ-слѣдъ за нимъ ровно ничего новаго. Этотъ мотивъ вертятъ во всѣ стороны; то освѣтятъ его такъ, то такъ, займутъ всѣхъ слушателей, а въ-сущности это бездѣлица и только повтореніе и размазыванье того же впечатлѣнія. Народная поэтическая рѣчь всегда скупа, сжата, всегда выскажетъ только необходимое, и ни слова болѣе. Здѣсь нѣтъ поддѣлки, нѣтъ обмана для вашихъ чувствъ. Умѣйте только наслаждаться какъ природою.

Пѣнье народное бываетъ двухъ родовъ: иногда пѣсня *напѣвается,* иногда она *поется.* Пѣвецъ сидитъ за работой; онъ задумался; мысли его Богъ вѣсть гдѣ, и онъ едва внятно напѣваетъ легкую для голоса пѣсню. Отъ одной онъ переходитъ къ другой незамѣтно. Онъ напѣваетъ часъ, два, три и не устаетъ, какъ мы не устаемъ мыслить; но прервите его, и онъ потомъ не скажетъ вамъ, о чемъ онъ пѣлъ. Тотъ же самый пѣвецъ, возбужденный извнѣ какими-нибудь обстоятельствами жизни, дружескою бесѣдою, или вліяніемъ оживляющей личности, споетъ вамъ ту же самую пѣсню такъ, что вы ея не узнáете. Его умъ, чувства, все тутъ запоетъ до послѣдней жилки, и часто случается, что онъ прерываетъ свою пѣсню плачемъ.

Я разскажу по этому предмету о весьма замѣчательномъ явленіи въ селѣ Л****. Дивчáта помѣщичьяго дома, въ которомъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ-ряду, любятъ меня; я съ ними въ дружбѣ и пріучилъ ихъ къ себѣ до того, что уже пѣсня поется у нихъ при мнѣ непринужденно, уже при мнѣ говорятъ онѣ между собой деревенскія остроты и шутятъ со мной почти какъ

съ *па́рубкомъ*. Я уѣхалъ; хозяева дома себѣ уѣхали; остались только старушка лѣтъ восьмидесяти да сестра хозяйки, которыя смотрѣли за работой дивча́тъ, именно за шитьемъ въ пяльцахъ. Вотъ жизнь въ швейной сдѣлалась скучною. Сидятъ надъ узорами по большей части молча; шутки прекратились; каждая задумывается о себѣ. Сперва сдѣлается грустно одной, потомъ другой; а какъ душа душу чуетъ, то скоро грусть обнимаетъ все общество. И вотъ которая-нибудь одна запоетъ:

Моя́ ма́тінко, моя́ голу́бонько!
Якъ мині жи́ти, якъ дожива́ти?...

Къ ней присоединится другая, третья, и пѣсня мало-помалу превращается въ настоящій плачъ. Всякая припоминаетъ въ душѣ свою потерю, свое горе, и всѣ поютъ и плачутъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ общее рыданіе не прерываетъ пѣсни. Ихъ унылые голоса несутся безъ словъ по опустѣлому дому и наводятъ на двухъ его жилицъ такую тоску, что бѣдныя не знаютъ куда дѣваться. Когда я пріѣхалъ, дивча́та развеселились; пѣсни приняли другой характеръ; пошли жа́рты и хохотъ, и уже *Моя́ ма́тінко* напѣвалась мнѣ со смѣхомъ, и ничего изъ нея не выходило: импровизація была потеряна. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ, я старался навести на нихъ грусть, въ чемъ и успѣлъ отъ-части, потому что мнѣ самому было грустно покидать этотъ милый и поэтическій уголокъ. Сначала дѣвушки смѣялись; потомъ пѣло только двое, другія слушали въ задумчивости и начали одна за другой плакать. Но вдругъ пѣвицы прервали свою пѣсню и расхохотались: имъ не хотѣлось еще поддаться грусти. Когда я вздумалъ было записать пѣсню, никто не могъ ее продиктовать мнѣ: слова раждались и складывались у пѣвицъ въ порывѣ грусти!

Приведу другой примѣръ сочувствія слушателей къ пѣснѣ. У меня былъ на натурѣ *хло́пчикъ* (мальчишка), а кобзарь по обыкновенію сидѣлъ въ моей рабочей комнатѣ и напѣвалъ всякую всячину подъ свою ко́бзу. Пришли ко мнѣ двое изъ хозяйскихъ гостей (это было не въ Л****, а въ другомъ селѣ), именно Н. А.

Ригельманъ и И. С. Аксаковъ, и заставили кобзаря спѣть какую-то думу. Мальчикъ слушалъ его внимательно; потомъ лицо его начало дергать, и онъ при всѣхъ заплакалъ. А вѣдь извѣстно, что Малороссіяне очень неподатливы на слезы, особенно въ присутствіи пановъ, да еще чужихъ.

Кстати вспомню еще, какъ я былъ на ярмаркѣ въ селѣ Срибномъ, Прилуцкаго уѣзда. Я рисовалъ толпу, собравшуюся около лирника. Народу было множество, а въ томъ числѣ семейство Г. П. Г**** и другіе паны слушали думу. Лирникъ пѣлъ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, и всѣ мы видѣли, какъ одинъ парубокъ заплакалъ и утиралъ рукавомъ слезы.

Но возвратимся въ Л****. Итакъ я проводилъ свое время въ швейной. Мнѣ поютъ; я записываю; я распрашиваю о томъ, о семъ, что̀ относится къ пѣснямъ, или лучше сказать къ выражаемой пѣснями жизни народа; отвѣчаю на шутки и въ то же время обдумываю то, что̀ вижу и слышу. Такъ проходитъ время до второго часу. Въ этотъ часъ приходитъ изъ деревни прислуга (въ господскомъ домѣ лакеи не живутъ) и подаетъ намъ обѣдать. Тутъ начинается кормленіе звѣрей: надобно накормить большую лягавую собаку, маленькую левретку, собаченку со щенятами, двухъ кошекъ и курицу. Курица взъерошивается, кричитъ, загоняетъ лягавую собаку подъ диванъ. Та грызетъ подъ диваномъ кость и рычитъ на всю комнату. Кошка подкрадывается къ тарелкѣ, курица хватаетъ съ вилки кортофель, который только что хочешь положить себѣ въ ротъ. Визготня, лай, прыганье, ворчанье, мяуканье, все это для непривычнаго человѣка показалось бы Богъ знаетъ чѣмъ. Но намъ нравится такая суматоха; мы спокойно ведемъ свою простую бесѣду, смѣемся и миримъ животныхъ. Кончился обѣдъ. Дивча́та оставляютъ въ сумерки господскую работу; жартуютъ до свѣчей между собой; иногда поднимутъ пляску, отъ которой идетъ гулъ по всему дому; потомъ играютъ въ карты и бьютъ проигравшую жгутомъ по ладони. Наконецъ утихаютъ, шьютъ *на себя* разныя разности и поютъ пѣсню за пѣснею.

Я провелъ, слушая ихъ и записывая пѣсни, нѣсколько вече-

ровъ. Наконецъ запасъ пѣсень въ швейной истощился, и мнѣ пришло на мысль приняться тѣмъ же порядкомъ за сказки. Любопытство мое на этотъ разъ смутило дивча́тъ: онѣ считали свои сказки недостойными моего вниманія. Я долго убѣждалъ ихъ въ противномъ. Наконецъ, послѣ разныхъ отговорокъ, смѣху и жеманства, Химка, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, начала такъ:

СКАЗКА О КРАСАВИЦѢ И О ЗЛОЙ БАБѢ.

У гая́хъ стоя́ла ха̀тка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ іхъ не було́ дітѐй. Отъ вони́ іі пішли̇̀ на богомілля проси́ть Бо́га, щобъ давъ імъ Богъ дитя́. Такъ Богъ и да̀въ імъ дочку́. Ото́ вона́ й ростѐ. А царе́вичъ у той часъ приіхавъ на охо̀ту, да й посила̀е своѓо па̀рубка: »Пійди́, будь ла́скавъ, у ту ха́ту попроси́ води̇̀.«

Прийшо̀въ той па̀рубокъ води̇̀ проси́ть, ажъ та дити́на пла̀че, а же́мчугъ такъ и си̇̀плетця зъ очѐй. Ма́ти заба̀вила; засміѐтця — такъ уся́кі квітки̇̀ цвіту́ть. Той па́рубокъ ви̇̀йшовъ да й ка̀же: »Отта́мъ, царе́вичу, я ба́чивъ дити́ну! якъ пла́че — жѐмчугъ си̇̀плетця, а якъ сміѐтця — такъ уся́кі квітки̇̀ цвіту́ть.«

Той царе́вичъ пішо̀въ у ха́ту, да знаро́шне й дра̀жнить ту́ю дити́ну, щобъ пла́кала. Пла́че, а же́мчугъ такъ и си̇̀плетця. Вінъ и про̀сить ма́тери, щобъ заба́вила. Якъ же засміѐтця, такъ и ба̀чить царе́вичъ, що всякі квітки́ цвіту́ть.

Ото́ та дівчина росте́, а царе́вичъ усе́ заіжджа̀е, якъ на охо́ту приіде. Отъ вона́ й ви̇̀росла. Царе́вичъ и ка́же, що »оддай за мене́, діду, дочку́.« А вона́ вже вишива̀е рушники̇̀ орла́ми.

А царь ка̀же: »Дѐ жъ таки́ тобі, си̇̀ну, да мужи̇̀чку брать!«

Тоді царе̇̀вичъ якъ узя̀въ той рушни́къ, що вона́ ви̇̀шила, да повізъ до ба̀тька, такъ царь ажъ рука̀ми сплеснувъ. Чи нічого жъ? »Жени̇̀сь«, ка̀же, »си́нку, жени̇̀сь!«

Отъ вінъ и ожени̇̀всь. Да везѐ додо́му, а зъ нимъ була́ ба́ба, а въ ба́би дочка́. Отъ, ідучи царе́вичъ уста̀въ щось-то тамъ устрѐлить, а ба́ба познима́ла зъ еі все да й повико̀лювала іій о́чи, да й

упхнýла еі въ яму, а дочкý въ еі одéжу ії прибрáла; такъ царéвичъ и повізъ замісь еі, не пізнáвъ.

А коло тиі ямки да нéхворощі багáто росло́; такъ якиїісь дідъ прийшо́въ пéхворощі рвать. Ди́витця — дівка сиди́ть у я́мці, и передъ нéю оттакà кýпа жéмчугу, що вонá си́дячи наплàкала; а очéй немà.

»Візьми́«, кáже, »менé, дідýсю, и оцé нами́стечко забери́.«

Отъ дідъ еі взявъ и нами́стечко забрáвъ да ії привівъ додо́му. У діда дітéй не було́, а бáба ѐ. Вонá, та дівчина, кáже: »Забери́, дідýсю, оцé нами́стечко въ торби́нку да понеси́ у го́родъ продáй; да якъ зостріне тебé бáба якáсь, то ти ії не продавáй, а скажи́: »Оддàй те, що въ тебé е.«

Отъ вінъ понісъ и стрівъ ту бáбу.

Бáба кáже: »Продáй нами́сто!«

»Купи́.«

»А щò за ёго́?«

»Дàй те, що въ тебé е.«

Вонá ёмý ії далà одно́ о́ко.

Тоді та дівка й почалà вишивáть, изъ одни́мъ о́комъ, рушни́къ.

Изно̀въ дідъ понісъ нами́сто.

Бáба зно̀въ: »Продàй нами́сто, діду!«

»Купи́.«

»Щò за ёго́?«

»Дàй те, що въ тебé е.«

Вонá й дрýге о́ко оддалá.

Дівка тоді ще й крàще почалá вишивáть.

Дідъ и кáже: »Отъ у царя́ обідъ.«

А дівка ёмý: »Иди́, дідýсю, на обідъ, да візьми́ глéчичокъ да ії мині попро́сишъ юшки.«

Да ії почепи́ла свого́ шиття́ діду рушни́къ на ши́ю.

Якъ побàчивъ царéвичъ у діда на ши́і рушни́къ: »Відки ти, діду?«

»Я тамъ, царéвичу, зъ хýтора; да въ менé тамъ и дівчина прожива́е, такъ дàй, будь лáскавъ, и ій чого́-нéбудь у сей глéчичокъ.«

»А рушни́къ, ді́ду, де̂ ти взявъ?«

»Да се я въ я́мці ді́вку найшо́въ, такъ оце́ вона́ й вишива́е.«

А царе́вичъ уже́ пізна̂въ по вишива́нню. Тоді сказа́въ за́разъ візъ запрягти́; поіхавъ да й пізна̂въ іі: »Се жъ вона́, се жъ вона́!« А ту́ю ба́бину дочку́ ви́проводивъ свинéй напова́ть.

Оце́ жъ и вся̂. Живу́ть и хлібъ жую́ть, и постоло́мъ добро̂ во́зять.

Между Сѣверно-Русскими и Южно-Русскими сказками, въ которыя вводятся цари и царевичи, достойно замѣчанія то различіе, что первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ внѣ мужицкаго быта и избѣгаютъ сходства между сказочнымъ богатыремъ и тѣми людьми, которыхъ разскащикъ видитъ вокругъ себя; напротивъ Южно-Русскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточнымъ поселяниномъ, а царевича молодцоватымъ козакомъ. Иногда онѣ придаютъ царскому дворцу принадлежности помѣщичьей усадьбы; но такія сказки разсказываются только дворовыми людьми, которые не живутъ собственнымъ хозяйствомъ. Въ сказкѣ четырнадцатилѣтней Химки, которая провела дѣтство на селѣ, въ батьковской хатѣ, царь плѣняется рушникомъ, который вышила живущая въ лѣсу дѣвушка, и изъ-за рушника позволяетъ сыну на ней жениться. У царевича въ услуженіи парубокъ, и царевичъ проситъ его сходить въ хату за водой тѣмъ тономъ, которымъ обращается хорошій поселянинъ къ своему наймыту: между ними небольшое разстояніе, и наймытъ, обзаведясь женой и хатою, можетъ самъ сдѣлаться что̂ называется хозяиномъ. Обѣдъ у царя — совершенно въ простонародномъ вкусѣ. Такіе обѣды по праздникамъ очень часто давали зажиточные поселяне, и это велось издревле. Въ пѣснѣ о разореніи Кіева Батыемъ говорится:

Поможи́ намъ, Бо́же, го́родъ Ки́евъ борони́ти;
Дождемо́ Пе́ршоі Пречи́стоі, бу́демъ обідъ станови́ти.

Это не »почестный пиръ« Сѣверно-Русскихъ сказокъ, на которомъ разыгриваетъ свою роль предъ князьями и боярами какой-

нибудь богатырь: это — угощеніе нищихъ, которые обыкновенно приходятъ съ кувшинами и запасаются пищею для другого дня. Дидъ съ разшитымъ узорами рушникомъ — самое видное лицо на этомъ обѣдѣ, и царевичъ естественно обращаетъ на него вниманіе.

Кстати замѣтить еще одну особенность Южно-Русской сказки. Если въ нее вводится чудесное, то оно происходитъ скорѣе отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ колдовства, нежели отъ свойственнаго героямъ Сѣверно-Русской сказки богатырства. Богатырство имѣетъ здѣсь свой отличительный характеръ: часто оно является не въ героѣ сказки, а въ его слугѣ, который довольствуется своимъ смиреннымъ положеніемъ и дѣлаетъ дивныя дѣла изподтишка; и настоящій героизмъ Малороссійской сказки заключается не въ торжествѣ физической силы, или удальства — непремѣнномъ условіи сказки Великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и въ выжиданіи счастливыхъ обстоятельствъ. Иногда сказка даже оканчивается горестнымъ положеніемъ главнаго дѣйствующаго лица, и мѣсто торжества заступаетъ тогда въ ней великодушное участіе къ судьбѣ несчастнаго со стороны другихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой сказки, претерпѣвъ разныя несчастія и лишась напримѣръ такой драгоцѣнности, какъ зрѣніе, или самой жизни, покоряетъ себѣ не государство, какъ въ сказкѣ Великорусской, а сердца людей, и слушатель успокоивается на его счетъ совершенно. Ясно, что сказочная фантазія основывается здѣсь на высшихъ понятіяхъ народа о человѣкѣ, какъ о существѣ по преимуществу моральномъ, и что отъ этихъ сказокъ одинъ только шагъ до художественнаго изображенія дѣйствительности.

На мой взглядъ, особенно замѣчательны сказки съ стихотворными вставками, которыя напѣваются во время разсказа и повторяются нѣсколько разъ. Эти напѣвы, и по содержанію, и по голосу, отзываются глубокою древностью, и нѣкоторыя слова въ нихъ утратили уже для народа свой смыслъ; но, по пословицѣ: *Изъ пісні сло́ва не викида́ть,* народъ продолжаетъ повторять ихъ въ своихъ сказкахъ безъ перемѣны, если только не забываетъ вовсе.

Такихъ сказокъ разсказали г. Жемчужникову въ селѣ Л**** три, или четыре. Изъ нихъ слѣдующая представляетъ загадочный обломокъ народнаго воспоминанія о какомъ-то трагическомъ событіи отдаленной языческой старины.

СКАЗКА ОБЪ УЖѢ И ЦАРЕВНѢ.

Бувъ собі царь да цари́ця, и було́ въ іхъ три дочкѝ. Ось царь занеду́жавъ да й посла́въ свою́ ста́ршу дочку́ по во̀ду. Вона́ й пішла̀ набра́ть, ажъ ужъ: »А куку́?« гово́рить, »Чи підешъ за мене́ за́міжъ?«

А царівна: »Ні, не пійду́.«

»Ну, не дамъ же«, гово́рить, »и водѝ.«

Ось дру́га гово́рить: »Пійду́ я! вінъ мині дасть.« И пішла́.

Ужъ ій: »А куку́! Чи підешъ за мене́ за́міжъ?«

»Ні«, гово́рить, »не пійду́.«

»Не дамъ же й води́.«

Вона́ верну́лась и гово́рить: »Не давъ води́.« Ка́же: »Якъ підешъ за мене́ за́міжъ, то дамъ.«

А ме́нша гово́рить: »Я пійду́, вінъ мині дасть.«

Пішла́, — ужъ и до сіеі ка́же: »А куку́! Чи підешъ за мене́ за́міжъ?«

»Пійду́«, гово́рить.

Отъ вінъ и набра̀въ ій води́ изъ са́мого дна, холо́дноі, свіжоі. Вона́ принесла́ додо́му, напоіла ба́тька, — ба́тько й оду̀жавъ.

Коли́ въ неділю по̀іздъ іде и гово́рить:

»Ой одчиняй ворітечка,
Кацарівно!
На̀ що люба любова̀ла,
Зъ бро́ду во̀ду вибира́ла,
Кацарівно!«

Вона̀ злякàлась, пла́че да йде, одчиня̀е воро́та.

Ось воні́ знòвъ:

»Ой одчиняй сінечки,
Кацарівно!
Нà що люба любовáла,
Зъ брóду вóду вибирáла,
Кацарівно!«

Отъ ввішли́ у хату, а у́жа на столі на тарільці й поставили. А вінъ лежи́ть — таки́й, ажъ золоти́й! Вихóдять съ хàти й говóрять:

»Ой сідáй же у ридвàнець,
Кацарівно!
Нà що люба любовáла,
Зъ брóду вóду вибирáла,
Кацарівно!«

И поіхали зъ нéю ажъ у въ у́жівъ буди́нокъ. Тамъ ось живу́ть воні́ и дити́ну нажили́. И взяли́ собі куму́, тілько недóбра вонá булà. Дити́на та скóро вмèрла, и мàти скóро вмéрла за нéю. А кумá пішлà въ-ночі, де еі сховàли, да ру́ки ій и пообрізовала. А прийшóвши додóму, окрóпу нагріла; пàрить ти́і ру́ки и золоті пèрсні здиймáе.

Ажъ тáя царівна — такъ Бóгъ давъ — и прийшлà до еі за рукáми, и говóрить:

»И кýри сплять, и гýси сплять,
Тілько моя́ кумà не спить:
Білиі рỳки въ окрóпі пàрить,
Золоти́і пèрсні здиймáе.«

А кумá й сховàлась підъ пічъ.
А вонá знòвъ говóрить:

»И кýри сплять, и гýси сплять,
Тілько моя́ кумà не спить:

Білні рӳки въ окрóпі пáрить,
Золотúі пѐрсні здиймáе.«

На дрӳгий день прийшлú, ажъ кумá підъ піччу и вмѐрла. Такъ еі не запечатавши, такъ и вкúнули въ я́му.

Послѣ этой, была разсказана г. Жемчужникову извѣстная во всемъ Славянскомъ мірѣ сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ. Въ ней нѣтъ никакихъ особенностей, характеризующихъ собственно Южно-Русскую композицію, или обработку. Одно только слово остановило на себѣ мое вниманіе. Царица, обращаясь къ зеркалу, говоритъ: *Свічáдо, свічáдо*! Въ Великорусскомъ языкѣ нѣтъ этого слова; въ нашемъ оно то-же не употребляется; я не встрѣчалъ его и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, точно такъ же, какъ и словъ *дáха, чáйма*, занесенныхъ къ намъ въ стихахъ народной думы изъ временъ Владиміра Святославича; но оно — въ духѣ Южно-Русской рѣчи; оно понятно не только мнѣ, да и самой разскащицѣ, которая употребляла его, какъ синонимъ слова *зеркало*. Чтò же это? неужели еще наши полудикіе аргонавты, старые Русичи, воюя съ образованною Греціею, назвали такъ вещь, которая поразила ихъ своимъ отсвѣтомъ?....

Сказочный міръ нашъ былъ для г. Жемчужникова совершенно новъ. До сихъ поръ онъ гонялся въ Малороссіи всего больше за пѣснями. Его интересовала живѣйшимъ образомъ болтовня сельскихъ дивчатъ въ Л****, которыя не всегда однакожъ попадали на хорошо сохранившуюся сказку, не всегда помнили то, чтò въ ней есть лучшаго, и къ поэтическимъ фактамъ сказочной исторіи примѣшивали иногда множество безцвѣтныхъ и утомительныхъ небылицъ. Эти мѣста я выбрасываю, какъ мусоръ, засыпающій обломки нѣкогда полныхъ и гармоническихъ произведеній народной фантазіи. Но онъ записывалъ все въ-рядъ съ любовью антикварія, который не пренебрегаетъ ничѣмъ,, и въ самомъ прахѣ, накопленномъ на развалинѣ временемъ, ищетъ слѣдовъ прошедшаго. Онъ былъ правъ; ибо, дѣлая выборку на самомъ ходу сказки, легко въ отброшенномъ сору потерять такое драгоцѣнное слово,

какъ *свічадо*, или какую-нибудь характеристическую мелочь. Изъ цѣлой тетради сказокъ, записанныхъ г. Жемчужниковымъ въ швейной, я помѣщу здѣсь еще только двѣ. Прочія могутъ быть напечатаны въ-послѣдствіи, по болѣе совершеннымъ варіантамъ.

СКАЗКА ОБЪ ИВАСѢ И ВѢДЬМѢ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ іхъ сйнъ Ивась. Отъ Ивась той: »Тáту, тáту, зробй мині чóвникъ; поіду я рйби ловйть да бýду годувáти васъ.«

Вінъ и зробйвъ ёмý. Отъ Ивáсь поіде, рйбки налóвить да й годýе бáтька зъ мáтіръю. А якъ прийде обідня годйна, такъ мáти донесè ёмý обідать да прийде до бéрега да й клйче ёгó:

»Ивáсь синóкъ,
Золотйй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,
Пливи́ до менé,
Моé сéрдечко!«

Ивáсь почýе: »Блйжче, блйжче, чóвнику, до бережкá! се моя мáтінка!«

Отъ припливé да й оддáсть рйбку, а самъ попоість да й поп‍ливé знов‍ъ.

А відьма й позавйдувала, що въ тогó чоловіка да жінки такá дитйна, да й давáй імъ усяке лйхо кóіть. То оцé булó зáкрутки порóблятця въ іхъ на нйві, то двіръ переснуé щось нйтками, то кінську гóлову, костякъ, на порóзі полóжить, то мукóю обсйпле, абó крóвъю ріжóкъ хáти помáже. А вонй мóлятця Бóгу да поминáють мѐртвихъ, такъ імъ усé такъ и минáетця. Дáлі: »Постóйте жъ!« кáже, да прийшлá до бéрега да й клйче Ивáся: (¹)

»Ивáсь синóкъ,
Золотйй човнóкъ,
А срібнее весéлечко,

(¹) Тутъ разсказщица перемѣнила голосъ и запѣла басомъ.

Пливи́ до мене́,
Мое́ се́рдечко!«

Чу́е Ива́сь, що такий товсти́й го́лосъ: »Да́льше, чо́внику, да́льше одъ бережка́! се не моя́ ма́тінка!«

Отъ відьма й пішла̀ до коваля́: »Кова́лю, кова́лю! иску́й мині такий тоне́нький голосо́къ, якъ у Ива́севоі ма́тері.«

Вінъ и скова̀въ. Вона́ тоді прийшла́ до бе́рега: (¹)

»Ива́сь сино́къ,
Золотий човно́къ,
А срібнее весе́лечко,
Пливи́ до мене́,
Мое́ се́рдечко!«

Вінъ и припли́въ; а вона́ его́ вхопи́ла да въ залізний мішо́къ да й понесла́ ажъ до себе́. Прийшла̀ підъ двери: »Су́чко-Оле́нко, одчини́!«

Су́чка-Оле́нка одчини́ла. Вона́ взяла́, соро́чечку біле́ньку, штанці на Ива́ся наділа, товка̀чечку дала́ й орішківъ. Вінъ бъѐ товка́чечкою й ість. Да й гово̀рить змія́ поти́ху Су́чці-Оле́нці: »Нажа́ръ«, ка́же, »пічъ, да въ пічъ его́ всади́, да й зама̀жъ, да поприбира̀й тутъ усе́ чисте́нько, а я піи̇ду по гостѐй.«

И пішла́. Су́чка-Оле́нка нажа́рила пічъ и лопа̀ту нагото́вила. »Сіда̀й«, ка́же, »Ива́сику, на лопа́ту.«

Вінъ и положи̇въ ніжку.

Вона́ гово́рить: »Не такъ.«

Вінъ положи́въ ру̀чку.

»Не такъ!« ка́же.

»А сядь же«, ка́же, »сама́ да навчи́ й мене́, якъ сіда́ть.«

Тілько що вона́ сіла, а Ива́сь за лопа́ту да въ пічъ; такъ вона́ тамъ и засквар́ча̀ла. Вінъ узя́въ, заслони́въ за̀слонкою да й

(¹) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

замáзавъ еі въ печі. Поприбирàвъ у хáті, самъ вийшовъ, хáту запèръ да й злізъ на превисочѐнного я́вора.

Колú відьма и йдè зъ гостьмú: »Сýчко-Олéнко, одчинú!«

Тúхо.

»Сýчко-Олéнко, одчинú! Оцѐ, немáе Сýчки-Олéнки! пішлá, мáбуть, на пòбридки.«

Взялá, самá и одчинúла. Гóсті посідáли за стілъ. Вонá вú-няла зъ пéчи да й ідя̀ть. Попоіли дóбре, повихóдили на двіръ да й качáютця: »Покочýся, повалю́ся, Ивáсевого мясця́ наівшись!«

А Ївась изъ я́вора: »Покотітця, повалітця, Олéнчиного мясця́ наівшися!«

А вонú: »Дѐ се?« Дивúлись, дивúлись да й углéділи: Кúну-лись до я́вора да й почалú грúзти тогó я́вора. Такъ ні, — и зỳ-би поламáли. Отъ вонú до ковалѝ: »Ковàлю, ковáлю! покýй намъ такі зýби, щобъ тогó я̀вора підгрúзти!«

Вінъ імъ и поковàвъ. Отъ вонú пішлú и давàй грúзти. Колú летя́ть гýси. Ивáсь іхъ и прóсить:

»Гýси, гýси, лебедя́та!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
Бýде тамъ вамъ істи й пúти,
Всëгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси й говòрять: »Нехáй тебé серѐдні візьмуть.«

Ось летя̀ть серѐдні. Вінъ прóсить серѐдніхъ:

»Гýси, гýси, лебедя́та!
Візьміть менé на крилята,
Понесіть менé до бáтенька;
А въ бáтенька істи й пúти,
Всëгó дóброго да й не трóхи.«

А гýси говòрять: »Нехáй тебé самé поганíйше зàдне візьме.«

Отъ воно́ й летить: зосталося серде́шне ззаду. А відьми́ усе́ гризу́ть да гризу́ть. Отъ, отъ упаде́ зато́го! Ива́сь и про́сить ёго́:

»Гуся́, гуся́, лебедя́тко!
Візьми́ мене́ на крилятко,
Понеси́ мене́ до ба́тенька;
Бу́де намъ тамъ істи й пити,
Всёго́ до́брого да й не тро́хи.«

Отъ воно́ й ухопи́ло ёго́ на кри́ла. Да втоми́лось серде́шне, то такъ ни́зько несе́! А відьми́ за нимъ, чи не схо́плять ёго́. Жену́тця, женутця, да таки́ не наздогна́ли. Отъ воно́ принесло́ да й посади́ло Ива́ся на ко́мені, а само́ хо́дить по двору́, пасе́тця. А ма́ти повийма́ла са́ме пирожки́ съ пе́чи да й говори́ть: »Се тобі, чоловіче, пирожо́къ, а се мині.«

А Йвась изъ ко́мена: »А мині?«

Ма́ти ка́же: »Хто́ се тамъ?« Да зновъ: »Се тобі, діду, а се мині.«

А вінъ зновъ: »А мині, ма́мо?«

Чоловікъ изъ жінкою повибіга́ли, ди́влятця и вглѐділи Ива́ся на ко́мені. Зняли́ ёго́ зъ ко́мена да въ ха́ту и внесли́. Гуся́тко хо́дить по двору́, а ма́ти й поба̀чила: »Онъ гуся̀тко хо́дить! Піиду́ я ёго́ візьму́ да заріжу.«

А Йвась ка́же: »Ні, ма́мо, не ріжте, а нагоду́йте ёго́. Коли́бъ не воно̀, то я бъ у васъ и не бувъ.«

Отъ вона́ нагодува́ла ёго́ й напоіла и підъ кри́льця наси́пала пшона́. Такъ воно́ й полетіло.

Отъ вамъ ка̀зочка и бу́бликівъ вя́зочка!

СКАЗКА ОБЪ УБИТОЙ СЕСТРѢ И О КАЛИНОВОЙ ДУДКѢ.

Бувъ собі дідъ да ба́ба. У діда дочка́ и въ ба́би дочка́. Отъ и пішли́ вони́ въ гай по я́годи. Такъ дідова збира́ да й збира́, да й назбира́ла по́вну ми́ску; а ба́бина, що візьме я́годку, то и ззість. Отъ и ка́же дідова: »Ходімъ, се́стро, додо́му, поділимось.«

Отъ идуть да йдуть шляхомъ; а бабина говорить: »Ляжмо, сестро, одпочиньмо.«

Полягали; дідова, втомившись, заснула, а бабина взяла ніжъ да й устромила ій у серце, да викопала ямку да й поховала еі. А сама пішла додому да й каже: »Дивітця, скілько я ягідъ назбирала.«

А дідъ и пита: »Де жъ ти мою дочку діла?«

»Иде ззаду.«

Коли жъ идуть чумаки да й кажуть: »Станьмо, братця, оттутъ одпочінемъ.«

Да й стали. Глянуть — надъ шляхомъ могила, а на могилі така гарна калина виросла! Вони вирізали зъ тиі калини сопілку, да й ставъ одинъ чумакъ играть; а сопілка говорить:

»Ой помалу–малу, чумаченьку, грай,
Да не врази мого серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила.«

А другі кажуть: »Щось воно, братця, значить, що калинова сопілка такъ промовляе!«

Отъ прийшли вони въ село да й натрапили якъ разъ на того діда: »Пусти насъ, діду, переночувать; ми тобі скажемо пригоду.«

Вінъ іхъ и пустивъ. Тілько вони увійшли у хату, заразъ одинъ сівъ на лаві, а другий ставъ біля его да й каже: »А ну, брате, вийми сопілку да заиграй!«

Той винявъ. Сопілка й говорить:

»Ой помалу-малу, чумаченьку, грай,
Да не врази мого ти серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да й устромила.«

Тоді дідъ каже: »Що вона за сопілка, що вона такъ гарно грае, що ажъ мині плакать хочетця! А ке, я заиграю.

Вінъ ему й давъ. А та сопілка говорить:

»Ой помáлу-мáлу, мій тáточку, грай,
Да не врази́ могó ти сéрденька въ край.
Менé сестри́ця зъ світу згуби́ла —
Ніжъ у сéрденько да й устроми́ла.«

А бáба, си́дя на печі: »А ке лишъ сюди́, стари́й, и я зайгрáю.«

Вінъ ій подáвъ; вонá стáла грать, — сопілка й говòрить:

»Ой помáлу-мáлу , матýсенько, грай,
Да не врази́ могó ти сéрденька въ край.
Менé сестри́ця зъ світу згуби́ла —
Ніжъ у сéрденько да й устроми́ла.«

А бáбина дочкá сиділа на печі у самòму кутóчку. Излякáлась, що дознáютця. А дідъ и кáже: »А подáй ій, щобъ зайгрáла.«

Отъ вонá взялá, ажъ сопілка й ій одкáзуе:

»Ой помáлу-мáлу, душогýбко, грай,
Да не врази́ могó ти сéрденька въ край.
Ти жъ менé, сéстро, зъ світу згуби́ла —
Ніжъ у сéрденько да й устроми́ла!«

Тоді-то вже всі дознáлись, щò вонó е. По дідовій же дочці обідъ постàвили, а бáбину привязàли до кінського хвостá да й рознесли́ пó полю.

Я провелъ нѣсколько дней и вечеровъ, записывая сказки (говорилъ г. Жемчужниковъ). Когда же наконецъ все было исчерпано, мнѣ указали на мою куму Кули́ну и на ея мужа, какъ на отличныхъ сказочниковъ. Они жили на селѣ. Иду къ нимъ въ хату. Нахожу въ хатѣ корову съ теленкомъ. Въ ночь отелилась корова; теленокъ едва не замерзъ, и потому его взяли въ хату отогрѣвать. Грицькó, мой кумъ, качаетъ въ люлькѣ моего крестника; а сама Кули́на, красивая и живая молодица, возится съ топливомъ

въ *грýбѣ*. Я тотъ-часъ за дѣло: »Ну, кумá, кажи́ мині кàзку. Ти, — кáжуть дівчáта — знáешъ іхъ багàто.«

»Якỳ жъ мині сказáть вамъ кáзку?« говоритъ, безъ всякаго ломанья, Кули́на и, оставивъ грубу, занялась люлькою, а мужъ тогда озаботился отопленіемъ хаты. »Иноді на дýмці бувáе й багàто, а тепéръ и не згадàю. Хибá вамъ сю сказáть?«

Сказка о гоненьяхъ мачихи.

Якъ бувъ собі дідъ да бáба, и булó въ іхъ по дочці. У діда й корòва есть. Отъ мáчуха й говóрить на дідову дочкý: »Жени́ корòву пáсти.«

И далá ій кỳжелю прясти. Вонá й погнáла да й плàче дорóгою. А корівка питáе: »Чогò ти, дівонько, плáчешъ?«

»Якъ же мині не плàкать? дали́ кỳжелю прясти.«

»Не жури́сь«, кáже: »сажàй мині кýжель у прáве ýхо.«

Вонá всàдить, а зъ лівого ýха й виймàе, ужé попряде́ний. Да оцé, якъ стàне смеркáтьця, и поженé еі додóму.

Отъ мáчуха бàчить, що вонá такý гáрну пряжу нóсить, да й кáже на свою дочкý: »Гони́, дóню, тѝ пáсти корівку, и кỳжелю бери́.«

Та й поженé да нá полі й кáже: »Сорòки, ворóни! летіть до менé кỳжелю прясти!«

То сорóки й ворóни поназлітуютця и поросхáпують кýжель, да й порознóсять на гнізда. Увéчері вонá й поженè тýю корівку додóму. Додóму приженè, то мáти й питàе еі: »А щò, дóню? попрàла кýжель?«

»Ні, мáмо, не попряла: сорóки да ворóни поросхàпували.«

То мáчуха на діда: »Заріжъ да й заріжъ, діду, корóву: вонá зъ еі багатіе.«

Отъ дідова дочкá погнàла корівку пáсти. Женé да й плáче. Такъ корівка й питàе: »Чогò се ти плàчешъ, дівонько?«

»Якъ же мині не плàкать, що тебé хóчуть зарізать?«

Отъ и говòрить тáя корівка: »Слýхай же, дівочко: якъ бýдуть

мене́ різать, такъ ти просися хляки мить, да якъ бу́дешъ мить, то тамъ знайдешъ двое яблучокъ. Ти іхъ посади, такъ повпростають яблуньки.«

Отъ ту корівку й зарізали. Дідова дочка́ й просится хляківъ мить. Отъ пішла на річку да й мие,* ажъ тамъ двое яблучокъ: одно золотеньке, а друге срібненьке. А ба́бина дочка́ вглѐділа да й женѐтця за не́ю, — хо́че однять. Такъ та въ крапи́ву іхъ и кинула. Коли́ жъ и вѝросла яблунька: срібненьке яблучко, золотеньке яблучко; а підъ не́ю кринѝчка.

Ажъ іде панъ да й говорить: »Хто мині тее яблучко вѝрве, тому́ я половину панства оддамъ.«

Отъ ба́бина прискочила—хотіла вѝрвать яблучко, такъ яблунька вгору; хотіла водѝчки зъ кринѝчки набра́ть, а кринѝчка внизъ. Дідова жъ прийшла, водѝці набрала, яблучко вѝрвала да й дала панові. Отъ вінъ ій и говорить: »Я тебе́ візьму за себе́ заміжъ.« И взявъ еі зъ собо́ю.

Отъ вони́ собі й дитѝну нажили́. Посла́ли до ба́тька узваръ и про́сять того́ ба́тька у гості до дітей. А ма́чухи й не просять. Такъ вона́ й гово́рить: »Якъ таки́ можна, щобъ я не поіхала до своіхъ дітей?« И поіхала зъ дідомъ, и взяла́ свою́ дочку́ на візъ, и вкрила шку́рою да й приіхала туди́. А вона́ була́ відьма. Отъ и зробила дідовій доцці такъ, щобъ вона́ козо̀ю побігла, а свою́ дочку́ й положила на місто ти́і. Отъ тая дитѝна все плаче. А въ того́ па́на бувъ па̀рубокъ, да й говорить: »Пане мій милий, па́не мій любий! дайте мині дитѝну, понесу я еі гулять.«

А панъ ка́же: »Неси.«

Вінъ и понісъ дитѝну до боло́та да й кли́че:

»Ой рись-коза́! твій синъ пла́че,
Твій синъ плаче, істи хо́че.«

А вона й одказуе:

»Біжу́, лечу́, мій сѝночку!
Пісо́къ о́чи забива́е,

Очерéтъ ніжки підкóшуе,
Бистрá водá не пускáе.«

Отъ прибігла да зъ себé кóжу скйнула, а самá за дитйну; сіла, годýе, да гірко, гірко плáче! Погодувàла, оддалá пàрубкові дитйнку да зновъ и побігла.

На дрýгий день изнòвъ дитйна плáче. Вінъ изнòвъ прóситця: »Пáне мій мйлий, пáне мій любий! дáйте мині дитйну, понесý я еі гулять.«

Понісъ да й клйче:

»Ой рись-козá! твій синъ плáче,
Твій синъ плáче, істи хóче.«

То вонá й біжйть:

»Біжý, лечý, мій сйночку!
Пісóкъ óчи забиваé,
Очерéтъ ніжки підкóшуе,
Бистрá водá не пускáе.«

Отъ прибігла да зъ себé шýбу скйнула и нагодувàла дитйнку.

Пáрубокъ однісъ дитйнку; вонá до сýтокъ изнóвъ и спйть. Тоді панъ ёгó й питáе: »Що се знàчить«, кáже, »що ти оцé понесéшъ дитйну гулять да й не плáче?«

Такъ вінъ давàй ёмý признавáтьця: »Щò жъ?« говóрить, »твоя́, пáне, жонá побігла козòю.«

Отъ воні й пішлй у-двòхъ. Пáрубокъ и клйче еі:

»Ой рись-козá! твій синъ плáче,
Твій синъ плáче, істи хóче.«

Вонá й біжйть:

»Біжý, лечý, мій сйночку!
Пісóкъ óчи забиваé,

Очере́тъ но́ги підко́люе,
Бистра́ вода́ не пуска́е.«

Прибігла, ски́нула зъ себе́ шу́бу, взяла́ дити́нку да та̀къ пла́че! »Тепе́ръ«, ка́же, »моя́ дити́нонько, у оста́нній ра̀зъ поба́чимось; ато́ далѐко вже пожену́ть мене́; не почу́ю, якъ бу́дуть звать.«

А панъ узя̀въ да й уки́нувъ еі шу́бу въ ого́нь. Якъ затрещи́ть шерсть! а вона́ й почу́ла да въ кущъ: нема̀е шу́би! Тоді панъ плаще́мъ еі накри́въ, и пішли́ додо́му, да й живу́ть изъ не́ю. А тихъ рознесли́ кіньми.

Лишь только кончила Кули́на сказку, какъ пришла зна́харка осмотрѣть едва неоколѣвшаго на морозѣ теленка. Тутъ они принялись за него гуртомъ и составили вокругъ коровы интересную для художника сцену. Одна держала ее за морду, другая гладила приговаривая: »Телу́шечка, телу́шечка!« самъ хозяинъ поднялъ лежавшаго неподвижно теленка и подносилъ его нѣжную мордочку къ соскамъ; и всѣ обращались такъ дружелюбно съ матерью и ея дѣтищемъ, какъ-будто это были ихъ семьяне. Я видѣлъ, что имъ теперь не до сказокъ, да къ тому еще я почувствовалъ, что въ хатѣ угарно, — по крайней мѣрѣ для меня, и ушелъ съ головною болью, которая потомъ усилилась и мучила меня долго. Не смотря однакожъ на то, я получилъ такую жажду къ сказкамъ, что къ вечеру напыталъ себѣ новаго сказочника, человѣка пожилыхъ лѣтъ, и призвалъ его изъ села къ себѣ въ комнату. Сказать правду, я гонялся не за поэтическими достоинствами этого рода произведеній фантазіи народной. Въ разсказанныхъ мнѣ сказкахъ поэтическихъ красотъ было мало, сравнительно съ массою утомительной болтовни. Но въ соединеніи разныхъ понятій и представленій; составляющихъ Малороссійскую сказку, я вижу, чѣмъ бываетъ занятъ въ праздное время умъ Малороссіянина, вижу, чему онъ сочувствуетъ, чего желаетъ, чему дивится, надъ чѣмъ смѣется; а это сто́итъ того, чтобъ записывать все, что̀ мнѣ баяли.

Когда пришелъ ко мнѣ изъ села старикъ сказочникъ, я усадилъ его въ Вольтеровскія кресла противъ камина, попотчивалъ

сорокалѣтней водкой изъ старинной серебряной чарки, и онъ, помѣшивая въ каминѣ своей палкой огонь, началъ мнѣ баять всякую всячину. Вмѣсто пролога къ своимъ разсказамъ, онъ проговорилъ нѣчто въ родѣ параболы изъ земледѣльческаго быта.

Ой купти́тця, купти́тця,
Ажъ ко̀ржикъ ко́титця.
Куди̂ ти, бра́тіку ко́ржику, ко́тисся?
А до млинця́ на весілля.
Що̀ жъ тамъ за весілля?
Млине́ць да ла̀дку посва́тавъ.
Що жъ тамъ за сва̀шка?
Пу́тря да ква̀шка.
Що́ жъ тамъ за бояре?
А кулики̂ въ маку́.
Що жъ тамъ за дружки̂?
Въ олії пампушки́.

И послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько легендъ и повѣрій, принадлежащихъ къ тѣмъ созданіямъ народной фантазіи, посредствомъ которыхъ народъ распространяетъ между собой нравственныя убѣжденія. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ преданія о змѣяхъ, занесены изъ глубокой древности, другія напоминаютъ Греческіе миѳы; всѣ же они — или почти всѣ — исполнены необыкновенной граціи вымысла и живописности выраженія, какъ въ этомъ убѣдится каждый знатокъ Южно-Русской рѣчи.

1.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Коли́сь бувъ у Ки́еві яки̂йся кня̀зь, ли́царъ, и бувъ коло́ Ки́ева змі́й, и ко́жного го́ду посила́ли ёму́ дань: дава́ли або́ моло́до́го па̀рубка, або́ дівчину. Ото́ пришла́ че́рга вже и до дочки́

самого князя. Нічого робить, коли давали горожане, треба й ёму давать. Пославъ князь свою дочку въ дань зміёві. А дочка була така хороша, що й сказати не можна. То змій ії й полюбивъ. Отъ вона до ёго прилестилась та ії питаетця разъ у ёго: »Чи есть«, каже, »на світі такий чоловікъ, щобъ тебе подужавъ?«

»Есть«, каже, »такий у Киеві надъ Дніпромъ. Якъ затопить хату, то димъ ажъ підъ небесами стелецця; а якъ вийде на Дніпръ мочить кожи (бо вінъ кожемяка), то не одну несе, а дванадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Дніпрі, то я візьму да й учеплюсь за іхъ, чи витягне-то вінъ іхъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то й мене зъ ними трохи на берегъ не витягне. Оттого чоловіка тілько мині й страшно.«

Княжна и взяла собі тее на думку, и думае: якъ би ій вісточку додому подати и на волю до отця достатись? А при ій не було ні души, — тілько одинъ голубокъ. Вона згодавала ёго за щасливоі годиии, ще якъ у Киеві була. Думала-думала, а далі храпъ, и написала до панотця: »Оттакъ и такъ«, каже: »у васъ«, каже, »паноче, есть у Киеві чоловікъ, на ймення Кирило, на прізвище Кожемяка. Благайте ви ёго черезъ старихъ людей, чи не захоче вінъ изъ зміемъ побиться, чи не визволить мене бідну зъ неволі! Благайте ёго, панотченьку, й словами, й подарунками, щобъ не обідивсь вінъ за яке незвичайне слово. Я за ёго и за васъ буду до віку Богу молиться.«

Написала такъ, привязала підъ крилцемъ голубові та й випустила въ вікно. Голубокъ звився підъ небо да й прилетівъ додому, на подвіръе до князя. А діти саме бігали по надвіръю да й побачили голубка. »Татусю, татусю!« кажуть, »чи бачишъ — голубокъ одъ сестриці прилетівъ«?

Князь перше зрадівъ, а далі подумавъ-подумавъ да й засумовавъ: »Се жъ уже проклятий Иродъ згубивъ, видно, мою дитину!«

А далі приманивъ до себе голубка: глядь, ажъ підъ крильцемъ карточка. Вінъ за карточку. Читае, ажъ дочка пише: такъ

и такъ. Отó зáразъ призвáвъ до себé всю старшúну: »Чи е такúй чоловікъ, що прозиваетця Кирúломъ Кожемякою?«

»Есть, князю. Живé надъ Дніпрóмъ.«

»Якъ же бъ до ёгó приступитись, щобъ не обідився та послухавъ?«

Отó сякъ-такъ порáдились да й послáли до ёгó самúхъ старúхъ людéй. Прихóдять вонú до ёгó хáти, одчинúли по мáлу двéри, зо стрáхомъ, да й злякáлись. Дúвлятця, ажъ сидúть самъ кожемяка дòлі, до іхъ спúною, и мне рукáми дванáдцять кожъ; тілько вúдно, якъ коливáе оттакòю білою бородóю! Отъ одúнъ зъ тихъ послáнцівъ — »кахú« !

Кожемяка жáхнувся, а дванáдцять кожъ тілько трісь, трісь! Обернýвсь до іхъ, а вонú ёмý въ пóясъ: »Оттáкъ и такъ: приславъ до тебé князь изъ прòзьбою...«

А вінъ и не дúвитця, и не слýхае: розсèрдився, що черезъ іхъ та дванáдцять кожъ порвáвъ.

Вонú зновъ давáй ёгó просúть, давáй ёгó благáть. Стáли на колíна... Шкодá! Просúли-просúли да й пішлú, понýривши гóлову.

Щò тутъ робúтимешъ? Сумýе князь, сумýе и вся старшúна.

»Чи не послáть намъ іщé молòдшихъ?«

Послáли молóдшихъ — нічóго не вдіють и тúі. Мовчúть та сопé, нáче не ёмý й кáжуть. Такъ розобрáло ёгó за тúі кóжи.

Дáлі схаменýвся князь и послáвъ до ёгó малúхъ дітéй. Тúі якъ пришлú, якъ почалú просúть, якъ стáли навкòлішки та якъ заплàкали, то й самъ Кожемяка не вúтерпівъ, заплáкавъ да й кáже: »Ну, се жъ ужé для вáсъ я роблю.«

Пішóвъ до князя. »Давáйте жъ«, кáже, »мині дванáдцять бóчокъ смолù и дванáдцять візъ конопèль.«

Обмотáвсь конóплями, обсмолúвся смолóю дóбре, взявъ булавý такý, що, мóже, въ іи пудóвъ дèсять, да й пішóвъ до змія.

А змій ёмý й кáже: А що, Кирúло? пришóвъ бúтьця, чи мирúтьця?«

»Дè вже мирúтьця? бúтьця зъ тобóю, зъ úродомъ проклятимъ!«

Отъ и почалú вонú бúтьця — ажъ земля гудé. Що розбіжúтця

змій да вхо̀пить зуба́ми Кири́ла, то такъ кусо́къ смоли́ й ви́рве; що розбіжи́тця да вхо̀пить, то такъ жму́токъ конопѐль и ви́рве. А вінъ ёго́ здорове́нною булаво́ю якъ улу́пить, то такъ и вжене́ въ зе́млю. А змій якъ ого̀нь гори́ть, — та̀къ ёму́ жа́рко; и по́ки збігае до Дніпра́, щобъ напи́тьця, да вско́чить у во́ду, щобъ прохолоди́тьця тро́хи, то Кожемя́ка вже й обмота́всь коно̀плями и смоло̀ю обсмоли́всь. Отто́ виска́кує зъ води́ проклятий и́родъ, и що рожженѐтця противъ Кожемя́ки, то вінъ ёго́ булаво́ю тілько лупъ! що рожженѐтця, то вінъ знай ёго́ булаво́ю тілько лупъ та лупъ! ажъ луна̀ йде. Би́лись-би́лись,—ажъ кури́ть, ажъ йскри ска́чуть. Розогрівъ Кири́ло змія ще лу́чче, якъ кова́ль лемішъ у го́рні: ажъ пи́рхае, ажъ захлипа́етця проклятий, а підъ нимъ земля́ тілько сто́гне.

А тутъ у дзво̀ни дзво̀нять, молѐбні пра́влять, а по го́рахъ наро́дъ, стоіть якъ неживи́й, зціпи́вши ру́ки; жде, що̀ то бу́де! Коли́ жъ змію́ка бубу́хъ! ажъ земля̀ затрясла́сь. Наро́дъ, сто́ячи на го́рахъ, такъ и сплеснувъ рука́ми: »Сла̀ва тобі, Го́споди!«

Отъ Кири́ло, вби́вши змія, ви́зволивъ князівну и отда́въ князю. Князь уже́ не знавъ, якъ ёму́ й дя́ковать, чимъ ёго́ й награжда́ть. Та вже зъ того́-то ча́су и почало́ зва́тьця те уро́чице, де вінъ живъ, Кожемя̀ками.

Отъ же Кири́ло зроби́въ тро́хи й нерозу́мно: взявъ ёго́, спали́въ да й пусти́въ по вітру по̀пелъ; то зъ того́ по́пелу завела́сь вся та́я по̀гань — мо́шки, комарі, му́хи. А якъ-би вінъ узя̀въ да закопа́въ той по́пелъ у зѐмлю, то нічо́го бъ сёго́ не було́ на світі.

2.

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ, ка́жуть, коли́сь, чоловікъ Свири́дъ. То якъ дожда̀вся Вели́кодня, то и ду́мае собі: »Ка́жуть лю́де *Вели́къ-день*; а побачу я, чи спра̀вді вели́кий день? чи бага̀то я ви́ору? И отъ на са̀мий пѐрвий день Світлого Пра́зника запрігъ до плу́га волівъ да

зъ наймитомъ и пішо́въ ора̀ть. Люде жъ у це́ркві Бо́гу мо́лятця, а вінъ орѐ. Тілько, що почали́, мо́же, скибу деся́ту одкида̀ть, ажъ підъ земле́ю щось загуло́ стра́шно, стра́шно, такъ якъ ча́сомъ дале́ко грімъ загуркоти́ть, и Свири́дъ ра́зомъ такъ и провали́вся скрізь зе́млю. А на тімъ місті ста́ла моги́ла. Вона́ й до̀сі зове́тця Свири́дова Моги́ла. То, ка́жуть, якъ и́нколи прийдешъ на ту моги́лу да прило̀жишъ у́хо до землі, то все нена́че хто волівъ поганя́е; такъ и чу́тно: »Гей! гей!«

3.

МИѲЪ О ПЕРВОМЪ ВѢКѢ »ТВОРЕНІЯ«.

Коли́сь-то ще за пе́рвого віка, за стари́хъ людѐй, ми́ша да горобе́ць да засіяли про̀со. Якъ пожа́ли вони́ про́со, то почали́ ділитьця да й не помири́лись. Ось ста́ли би́тьця, и ста́ла збиратьця уся́ка пти́ця и вся́кі звірі. Якъ ста̀ли би́тьця, якъ ста̀ли би́тьця, то пти́ця и поду́жала звірівъ. Да хочъ и поду́жала, а таки́ й сама̀ поби́лася. Тілько одна́ пти́ця ви́нялась, що доби́ла усіхъ звірівъ. Уже́ й та пти́ця вмори́лась да й сіла на тако́му висо́кому де́реві! (1) Коли́ жъ іде чоловікъ бовкуно́мъ. Такъ вона́ того́ чоловіка й про́сить: »Дай мині бика́«, ка́же, »я его́ ззімъ. Я въ тебе́ ду́рно не схо́чу, я заплачу́.«

Отъ вінъ и одда́въ. Вона́ того́ бика́ и ззіла, да тепе́ръ про́сить того́ чоловіка: »Донеси́ мене́, будь-ла́ско', до мого́ до́му!«

Отъ вінъ якъ узя́въ нести́, якъ узя́въ нести́ да й донісъ у такі пу́щи страшнії! А вона́ й гово̀рить: »Погуля́й же ту́течка, а я тобі пла̀ту ви́несу.« И ви́несла́ ёму́ ца̀рствечко въ золото́му яе́чку: »Ти жъ якъ увійдешъ у село́, то не розчиня̀й его́, а хиба́ на яко́му по́лі розчи́нишъ, або́-що.«

А вінъ и розчинивъ посередъ шляху: ажъ тутъ відтиль я́рмарокъ такий, що Бо́же храни́! А вінъ уже́ хо́дить поміжъ людь-

(1) Далѣе начинается, очевидно, вставка изъ сказки.

ми́ да пла́че. Излякався, що не збере́ не якъ. Ажъ на его́ щасте які́йсь чоловікъ пагоди́вся, дакъ вінъ и про́сить его́: »Зділай ми́лость, чи не мо́жешъ ти зобра́ть да зачини́ть!« Такъ у-дво́хъ зачини́ли. Отъ вінъ и пішо́въ зъ тимъ ца́рствечкомъ додо́му: пока́явсь уже́.

»Де жъ изно́въ сі звірі́ понабира́лись, колі́ птіця усіхъ стребила?« (¹)

Се жъ уже на дру́гий вікъ поверну́ло; то Богъ тогді и людей и всячину намно́живъ.

4.

СОКОЛЪ И ПЧЕЛА (²).

Сокілъ побрата́всь изъ бжоло́ю; гово́рить: »Ходімъ угору. Ты дале́ко чу́ешъ, а я дале́ко ба́чу: я за сімъ миль ба́чу, а ти за сімъ миль чу́ешъ.«

Узялі́, пзнялі́ чоловічу волоси́нку и понеслі́ вго́ру. И сказа́въ со́кілъ: »Леті́ за мно́ю, бжо́ло!«

Иде́ со́кілъ уго́ру, и бжола́ йде. »Ну«, гово́рить, »диви́сь, бжо́ло, уни́зъ, чи вели́ка земля́?«

Ка́же: »Вже такъ якъ діжа́, що бабі́ хлібъ місять.«

Пото́му изно́въ иду́ть, идуть. Изно́ву ка́же: »А гнянь«, ка́же, »бжо́ло, чи вели́ка земля́?«

»Уже́«, ка́же, »такъ якъ жінка ви́бере изъ діжі тісто та ма́ленький заса́дчичокъ поса́дить.«

»Ну, пуска́йся жъ уни́зъ, бжо́ло, и пуска́й ту волоси́ну упере́дъ..... А чу́ешъ?« ка́же.

(¹) Вопросъ слушателя.

(²) Это — безобразный обломокъ какого-то сказанія, замѣняющаго для народа естественную исторію животныхъ. Подобныя нескладицы надобно записывать со всею точностью, не обращая вниманія на ихъ искаженный видъ: въ-послѣдствіи изъ множества подобныхъ обломковъ можно возсоздать полную систему народныхъ знаній и вѣрованій по изустнымъ преданіямъ, перешедшимъ черезъ длинный рядъ столѣтій.

»Чу̀ю, ажъ ревѐ.«

»Ну, я«, ка̀же, »не чу̀ю. Ну, летѝ жъ«, каже, »да до землі припадѝ, якъ та волосѝна уда̀риться..... А що, бжо̀ло, чи чу̀ла?«

»Чу̀ю: ажъ гу̀пнула, а вгору піднялась на двана̀дцять са̀жнівъ.«

»Зоставайся жъ ти, бжо̀ло, у сімъ краі, доставай за сімъ миль собі пропита̀ние: а я піду у такі краі, де тебе не буде. То я за сімъ миль буду птѝцю вибива̀ть и діти годова̀ть,...«

Бжола̀ просѝла у Бо̀га, щобъ брать изъ цвіту пропита̀ние. Такъ Богъ давъ іи усі цвітѝ до мо̀ря, до воста̀ка: »Ходѝ по світу, изъ усіхъ рікъ, изъ усіхъ берегівъ избира̀й Бо̀гу хвіру; и людямъ дбай, и собі дбай.«

5.

РАЗСКАЗЫ О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ

А. Близнецы превращаются въ соловья и кукушку

Одна̀ дівка полюбѝлась у̀жеві и сама̀ злюбѝла ёго̀. Вінъ и повізъ іи въ госпо̀ду. А въ ёго̀ бу̀дѝнокъ бувъ са̀мий чѝстий скляний, увесь изъ кришта̀лю. Либо̀нь будѝнокъ той стоявъ підъ землёю, въ якійсь могѝлі, чи-що̀. Ну, звісно, стара̀ ма̀ти зпѐршу убива̀лась за нѐю. Якъ-то вже не вбива̀тьця? А та чи злягла̀сь, чи не злягла̀сь зъ ужа̀кою, вже іи заваго̀ніла, а якъ пришло̀ врѐмъя, то розсѝпалась близня̀тками: хло̀пець и дівчинка; обо̀йко — якъ зъ во̀ску вѝлились у ма̀тіръ. А вона̀ собі була̀ така̀ хоро̀ша, якъ квітка. Отъ, якъ да̀въ Богъ діто̀къ, то іи ка̀же вона̀: »Отъ же, ужѐ колѝ вони въ людей породѝлись, хай іхъ у людей и перехрѝстимо.« Сіла въ золоту̀ карѐту, поклала діто̀къ на колінки да іи поіхала въ село̀ до попа̀. Не докотѝлась карѐта до ца̀рини, а вже ма̀тері іи ска̀зано. Стара̀ за-

репетова́ла на все село̀, ухопи́ла ко̀су да до ца̀рини. Ба̀чить дочка́ видющу смерть, якъ заголо̀сить до діто́къ, а да́ли: »Полина̀йте жъ, дітки, пташка̀ми по світу: ти, си́нку, соловѐйкомъ, а ти, до́ню, зозу̀лею.« Ви́пурхнувъ соловѐйко въ пра̀ве, а зозу̀ля въ ліве віко́нце зъ каре́ти. А каре́та, й ко́ні, и все незна̀ть де ділось. Не ста́ло її па̀нії; тілько надъ шля̀хомъ уроди́лась глуха̀ кропи́ва.

[illegible]

Зъ одноє́ю жінкою було́ оть яке́ приведе́нне. Що піде въ по́ле жать, або́ брать коно́плі, да поста̀вить у печі стра̀ву, дакъ хтось повиймає зъ пе́чи горшки́ да й повида́е все чи́сто. Ду̀мала-ду́мала, що̀ бъ воно́ таке́ зна̀чило? ні якъ не збагну́ла. При́йде — две́ри позами́кани, а вха́ті тілько її зостава́лась що мала́ дити́нка, мо́же въ півъ-го́да, у коли́сці. Отъ вона́ уда́рилась до зна́хорки; сякъ такъ упроси́ла її, ублага́ла; та її прихо́дить. Подиви́лась, почми́хала... сказа́но — зна̀хорка: за̀разъ почу̀ла щось непѐвне. »Иди́ жъ«, ка́же, »ти въ по̀ле, а я ту̀тъ захова̀юсь да її поба́чимо, що̀ воно́ таке́ е?«

Пішла́ жінка въ по̀ле, а зна́хорка притаілась у куто̀чку да й ди́вится. Коли́ жъ дити́на скікъ изъ коли́ски! Гля́не, ажъ то вже не дити́на, а дідъ. Самъ низе́нький, а борода́ оттакѐлезна! За́разъ за ви́ли, цу́пить изъ пе́чи горшки́, ажъ крѐкче, и поча́въ уплітáть стра́ву. Якъ усе́ впо̀равъ, тоді знову ставъ дити́ною; да вже не влізе въ коли́ску, а тілько лежи́ть до́лі да репету́е на всю ха́ту. Тоді зна́хорка за его́; поста̀вила на деркачъ и почала̀ обру́бувать деркачъ підъ нога́ми. Воно́ кричи́ть, а вона̀ руба́е: воно́ кричи́ть, а вона̀ руба́е. Да́лі ба́чить, що попа́всь у до́брі ру́ки, зроби́вся изно́въ ді́домъ да її ка́же: »Вже я, бабу́сю, перекида́вся не ра́зъ да й не два̀: бувъ я спе́ршу ри́бою, по́тімъ изроби́вся пта̀хомъ, мура́шкою, звіру́кою, а се ще не спро́бувавъ бу́ть чоло-

вікомъ. Такъ нема̀ лу̀чче, якъ жити міжъ мура̀шками; а міжъ лю̀дьми — нема̀ гірше!«

В. Превращеніе въ вовкулаку.

Одӣнъ наймитъ підглє́дівъ разъ, що хазя́інъ перекӣнувсь через пенёкъ, за гумно̀мъ, изробӣвсь вовкула̀кою и побігъ у лісъ. »Постої же!« ду́мае, »перекӣнусь и я̀; що̀ зъ того̀ бу́де?« Взявъ да й перекӣнувся. Ставъ и вінъ вовкула̀кою, и побігъ у лісъ. До̀вго блука́въ вінъ по лісу зъ вовка̀ми и івъ усяку па́даль; да́лі ста́ло ёму̀ ску̀чно безъ людей; да вже не зна́е, я̀къ перекӣнутьця въ чоловіка. Отъ вінъ прӣде до гумна̀, поба́чить хазя̀іна и хо́че сказа́ть ёму̀ по-людські, да ій завӣе по-во̀вчи. А соба̀ки такъ и обсту̀плять его̀. Вінъ бідола́ха и бежӣть у лісъ. Да вже насӣлу хазя́інъ догада̀всь, що се не вовкъ, да взявъ и перекӣнувъ его̀ навпакӣ черезъ пенёкъ. Наймитъ ёму̀ въ но̀ги. А хазя́інъ подивӣвсь, да ажъ жа̀ль ёму̀ ста́ло: худӣй, якъ скіпка, а видъ уве́сь подря́паний: то такъ соба̀ки его̀ погрӣзли. »Ото̀ жъ, небо́же«, ка́же, »не робӣ, чого̀ не зна́ешъ.«

Г. Превращеніе въ »пригижковатаго« волка

Іхали два чоловіки да й заночова́ли на́ полі, у чагарняка̀хъ. Лягли̇ спать, ажъ чу̀ють — за во́зомъ на́че що̀ здихае. Спѐршу імъ було̀ стра̀шно, а по́тімъ байду́же да й засну́ли. Проснулись на дру́гий день: колӣ жъ то во̀вкъ, худӣй якъ до́шка; тілько ко́жа да ко́сті. Сіли й поіхали. И вовкъ за іми иде; да́лі положӣвъ и го̀лову на візъ, да такъ жа̀лібно дӣвитця, що й ру̀ки не піднялӣсь уда̀рить его̀. Кӣнули ёму̀ шмато́къ мя̀са — не ість; кӣнули хліба — ухопӣвъ и помча́въ у чагарнякӣ. Отъ приіхали въ село̀ да й ста́ли роска́зувать про се чу̀до. Такъ одӣнъ дідъ и ка́же: »То ви не во̀вка ба́чили; а то колӣсь у насъ незна́ть кудӣ діва́вся па̀рубокъ да й хо́дить тепе́ръ пригӣжкуватимъ во̀в-

комъ. Не займае нічого и живе тілько хлібомъ, що хто-небудь дасть.

Д. Превращеніе въ кукушку и дятла.

Зозуля й дятелъ булй перше людьмѝ, а пôслі Богъ такъ давъ, що поробйлись птйцями. Прислу́хайсь йнколи до дя́тлового гнізда̀ — на́че чоловікъ. То сто́гне дя́телъ: у его́ голова̀ болить, що знай сту́кае въ де́рево.

Е. Превращеніе въ сиренъ.

Пісні не пародъ скла́дуе, а морській люде. Въ субо́ту гра́е мо́ре; на мо́ре виплива́ють морській люде, що половйна чоловіка, а половйна рйби, виплива́ють и співа́ють уся́кихъ пісе́нь: а чума́ки́ стоя́ть на бе́резі да й у́чатця.

Ж. Человѣческій языкъ у птицъ.

Колйсь було́ таке́ вре́мъя, що усі звіри й птйці говорйли чоловічимъ язико́мъ. Ключі одъ вйрея булй тогді у воро́ни: да вона̀ прогнівйла я́кось Бо́га, дакъ тепе́ръ ключі одъ вйрея вже въ со̀і. Со́я летить тудй напере́дъ усіхъ птиць, одчйнить вйрей и верта́етця наза́дъ.

6.

РАЗСКАЗЫ О ВѢДЬМАХЪ.

А. Вѣдьма помогаетъ сыновьямъ-охотникамъ.

Було́ собі три бра́ти и жилй полёва̀ннемъ да риболо̀вствомъ, и такъ же то імъ щастйло, що тілько націлитця — за́ець и ѐ; закйне не́водъ — рйба такъ и лізе. Спѐршу булй й ра́ді, а по̀-

тімъ узялú іхъ дýмки да гáдки. А про іхъ мáтюръ говóрено, що вонá відьма. Отъ вонú и кáжуть: »Попрóбуемъ же, чи прáвда сёмý.« Збирáютця разъ на охóту, а вонá ii питáе: »Кудú ви, синкú, йдете?«

»Пійдемъ, мáмо, рúби ловúть.«

Да забрáвши крадькомá рушнúці, тенéта, собáкъ, и пішлú за заіцями. Роскúнули тенéта, загáвкали собáки, колú жъ и летять у тенéта карасі, окуні, щýки, — такъ изъ дубнякá ii сиплють. Вонú тоді, покúдавши все, додóму: »Мáмо голýбко, не помагáй намъ! нехáй тобі все дóбре.«

Такъ мáти вже ii перестáла імъ наворòжувать.

Б. Способы узнавать вѣдьмъ.

Якъ дóіть відьма корòву, то ii побáчишъ тілько скрізь такý бòрону, щобъ почáвъ урáнці робúть да до заходъ сòнця и зробúвъ. (¹)

Ще мóжна пізнáть відьму потомý, що якъ топúть ii, то не тòне. Разъ у якімсь-то селі, за Дніпромъ, неділь зо три не булó дощý. Отъ и почалú топúть бабъ, про которихъ говóрено, що відьми. Такъ трóе не потонýло, хочъ и рýки ii нóги булú позвязувани. Стáли іхъ допрóшувать, такъ однá ii призналáсь: »Що жъ«, кáже, »понóве громáдо! лáзила я догорú ногáми на фигýру да на скілько забáчила світу, стілько и вкúнула гóлоду.« А дрýга тожъ признáлась, що лáзила такъ якъ и ся, да скілько забáчила світу, стілько одібрáла молокá. А трéйтя признáлась, що сиділа въ болóті на ча плінихъ яйцяхъ, да вже щò вонá черезъ те заподіяла миру, того не впáло мині въ пáмятку.

Відьма не хóдить тудú, де есть домовнúкъ; вінъ ii заразъ

(¹) Для Малороссійскаго *тéсли* это — дѣло невозможное, и потому напрасно кто-нибудь сталъ бы искать такой бороны въ Малороссіи. А Русская, разумѣется, не годится.

укладè. Ще вонá боïтця собáкъ-ярчуківъ; тимъ-то якъ нарóдятця ярчукú цуценя́та, такъ вонá іхъ знáйде да ïï позадáвлюе вòлосомъ. Хиба́ накрúешъ осúковою боронòю, абó осúковими тріскáми; то бýдуть жúві, бо вонá тогó дéрева боïтця.

Ще колú хóчешъ познáть відьму, то стережú купáльного пóпелу. Вонú купáльний пóпелъ вáрять у воді, якъ трéба імъ летіть на Лúсу Гòру, да якъ побрúзькае себé тéю водóю, то ïï полетúть у кòменъ.

Одúнъ чоловікъ побáчивъ скрізь бòрону, що відьма дòїть корòву да до ïï зъ дубúною. А вонá: »Сядь, Гордію!«

Вінъ и сівъ.

»Сидúшъ, Гордію?«

»Сижý.«

»Ну, и сидú жъ.«

Сидúть той Гóрдій до північи; сидúть и за північъ. Ужé и світъ, а вінъ сидúть; ужé ïï опівдні, а вінъ сидúть. Пóти сидівъ на одномý мíсті пóки не пришлá відьма да не звеліла ёмý встать.

3. О томъ, какъ »прирожденныя« вѣдьмы заправляютъ своихъ дѣтей.

Одúнъ чоловікъ женúвсь и взявъ собі жінку изъ дрýгого селá. А въ ёгó въ хáті живъ щé бáтько, мáти и мéнші братú. Отъ якъ ёгó жінка заваговіла, такъ тéща ïï кáже ёмý: »Привезú жъ ïï до менé рожàть, бо я самá собі живý въ хáті.« Вінъ и зробúвъ такъ. Отъ якъ настáло вже жінóче діло, вінъ вúшовъ изъ хáти да тілько дúвитця въ вікнó. Що жъ би ви дýмали? Тéща взялá да ïï переснoвáла мотýзочкою нáвхрестъ хáту, изъ куткá въ кутóкъ. А дитúна вже лежúть у зáпечку да кувáкае. Вонá якъ свúсне, дитúна якъ вúскочить изъ зáпечка! да по тій мотýзоцці побігло сюдú-тудú да зновъ у зáпечокъ. Чоловікъ бáчить, що тутъ чортячі якісь химорòди, увійшòвъ у хáту розсéрдившись: »А ну, жінко, одягáйсь да поідемъ додóму!«

Тéща вже тутъ и те, й се. Нi, поiдемъ да й поiдемъ. Поiхали.

А на дорóзi iмъ рiчка. Вiнъ зупинúвсь: »Уставáй, жiнко зъ вóза!«

Жiнка встáла.

»Росповúй да положú дитúну!«

Воná не слýхае. Вiнъ ii нагáйкою. Мýсила воná положúть на зéмлю росповúту дитúну.

Вiнъ тодi переiхавъ вóзомъ изъ жiнкою черезъ рiчку.

»Тепéръ свищù!«

Воná якъ свúсне! дитúна схопúлась да черезъ вóду! такъ и вродúлась колó вóза.

Чоловiкъ тодi и рýки попустúвъ.

»Щò жъ се такè е?« почáвъ роспúтувать у жiнки.

»А що жъ?« кáже; »оцé те, що я зъ мáтiръю *прирождéнни* вiдьмú; такъ у насъ усé такъ заправляють дiтéй. Тiлько не бiйся: прирождéнна вiдьма не такá злюща, якъ *учéна*. Воná тiлько одборонятця одъ нечúстоi сúли, а самá нiкому зла не дiе.«

Г. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка.

Якъ захóче вiдьма когó приклùкать до сéбе, то вáрить кóрень изъ зiлля *тúрличъ* (¹). Отъ якъ почнé кипiть тоii кóрень, то все нáче булькотúть: »Грúцю« ! Грúцю!« чи якъ тамъ зовýть тогó чоловiка. А тоii знúметця да й полетúть якъ птахъ, и все тiлько: »Пить! пить!« Якъ трáпитця дóбрий чоловiкъ, то розстéле на землi хýстку. Вiнъ спýститця, напъётця да й знов летúть. Що дýжче кипúть, зiлля, то швúдче вiнъ летúть. Дóбре жъ якъ нi за що не зачéпитця; а йнколи вдáритця объ дéрево, абó-що да й капýтъ.

(¹) Volantia minor.

Д. О томъ, какъ знахорь управляетъ бурею.

Бувъ тутъ колись у нашому селі одинъ Австриятъ, и такий бувъ знахоръ, що було направить, або одведе дощъ або градъ, якъ хоче. Було оце жнемъ у полі хлібъ; отъ и находить хмара. Ми давай скорій зносить снопи,а ёму й байдуже, жне да жне собі, потягуе люльку да й каже: »Не бийтесь, дощу не буде! То гляди — и нема дощу. Разъ — се вже я своими очима бачивъ — жнемо ми жито; якъ ось небо почорніло; піднявся вітеръ; загуло спершу одалекі, а потімъ надъ самою у насъ головою. Грімъ, блискавиця, вихоръ... така піднялась хуртовина, що Боже твоя воля! Ми за снопи, а вінъ: »Не бийтесь, не буде дощу!« Де вже тобі не буде? Не слухаемъ ёго. А вінъ закуривъ люльку да й жне собі помалу.

Ажъ ось, де взявся чоловікъ на чорному коні и самъ увесь чорний; летить и прямо до Австриятa: »Эй, пусти!« каже.

А Австриятъ: »Ні, не пущу.«

»Пусти, сділай милость!«

»Не пущу: було такъ багато не набирать.«

Чорний іздець припавъ до гриви и помчавсь, помчався по полю.

Тимъ часомъ чорна хмара посизіла и побіліла. Старий наши полякались, що буде градъ. А Австриятъ байдуже. Жне собі да курить люльку.

Ажъ ось изновъ де ні візмись іздець; мчитця по полю ще швидшъ одъ першого. Тілько сей уже ввесь у білому и на білому коні.

»Пусти!« кричить до Австрията.

»Не пущу!«

»Пусти, Бога ради!«

»Не пущу: було не набирать такъ багато.«

»Эй, пусти, не видержу!«

Тоді тілько Австриятъ розогнувсь да й каже: »Ну, вже ступай, да тілько отъ у той байракъ, що за нивою.«

Тілько що вимовивъ, уже іздця нема, а градъ такъ и сипнувъ якъ изъ кошика. Черезъ малу годинку, баіракъ увесь засипало, якъ есть тобі, рівно зъ краями.

Е. О томъ, какъ видмачъ управляетъ пчелами.

Бувъ собі пасічникъ, и була въ ёго пасіка пополамъ изъ небожемъ. Тілько небожъ дивитця, що на дядьковій половині ульні завсегда понабивани медомъ, а въ ёго такъ собі. Отъ дядько, помирковавши, що небожъ заздритця на ёго пчоли, да й каже: »Слухай, небоже: може ти думаешъ, що я одобравъ собі луччі ульні; то коли хочъ, бери на ту весну мою половину, а я візьму твою.«

»Добре!« каже небожъ.

Отъ и поміняились. »Ну«, думае собі, »теперъ же й я наберу меду!« Тілько якъ Спасу тамъ, чи що довідуетця до меду, ажъ ёму пчоли наносили ще менше, ніжъ у тому годі. Що за біда такая? Якъ ось разъ вінъ проходить увечері поузъ дядькову пасіку; слухае, ажъ у одному ульні щось наче розмовляе. Вінъ приложивъ ухо, ажъ то матка говорить изъ пчолами.

»Де ви«, каже, »попали сю кобилу?«

»Да тамъ«, кажуть, »лежала за баіракомъ, да вже собаки половину ззіли, а намъ зоставили тілько задъ.«

»Що жъ, ви увесь уже сюди втягли?«

»Ні, хвістъ не помістивсь, такъ висить изъ-надвору.«

Небожа наче хто снігомъ по спині потеръ. Гляне, ажъ изъ очка такъ и тече густа патока, такъ наче кінський хвістъ. Вінъ тоді й догадавсь, що ёго дядько відьмачъ да й годі вже ёму завидувать.

7.

[illegible]

[illegible]

Разъ отó ми дóвго [illegible] на [illegible]бувъ, чогó: чи гарбузà дожидáлись, пóкуль испечéтця, чи, мóже, лишень, чи не капу̀сту шаткувáли на сёмімъ дні. У насъ, бáчите, тáкая заведѐнція, що колѝ хто хóче, щобъ удалáсь капу̀ста, то трéба зачинáть шатковáть на-сёмімъ дні, якъ молодікъ настáне. Седимó ми да й седимó, що ажъ спàть ужé захотілось, а дáлі и стáли балáкать то про се, то про те. Толковáли тутъ и про капу̀сту, и про бурякѝ, и хто якъ прядé, и щò на тімъ світі бу̀де, хто празниківъ не глядѝть, и які приведéння комў булѝ. Да якъ стáли про се вже роскáзувать, такъ хто попéреду вже спàть хотівъ лягáть, то вже боя́вся изъ місця зійти, щобъ перейтѝ тудѝ, де хто послáвся. А нікòму, здаéтця, не булó страшнійшъ, якъ мині, бо я такѝ и зъ-рóду бою́сь сіхъ відёмъ да маня́къ… Ду̀хъ Святійі при насъ и при дỳшахъ нáшихъ! Мáрта нáша, поглядівши у вікнó, да й кáже: »Чи не принесé й намъ вечéряти мертвéць, такъ якъ Одáрчиній мáтері?

А ми й стáли питáть, колѝ и якъ? Мáрта ажъ розсéрдилась, що ми не знàемъ, да й кáже:« Чи вамъ по три годкѝ, чи щò, що ви и сёгó не чу̀ли?…. Седѝть, кáже, вонá покійна да й тче плàхту. А вонá, бáчте, на всій околóтиці пéрва булá ткáля: ужé чи спня́тку, чи семирóгу, чи колéщату, або й закладáну шовкòву, такъ тàкъ, якъ на бомáзі вѝпише. Отъ, якъ булá вонá такáя ткáля, дакъ одусю́ди несу́ть ій тиі плахтѝ, що й робѝть не вертáлась. День и нічъ, булó, сидѝть да все тче, да все тче.

Оттáкъ вонá разъ седѝть дóвго, що вже всі лю́де давнó й спать полягáли. Колѝ жъ хтось у двéри сту́къ-сту́къ да, питáе: »Чи ти, кумá, щé не вечéряла?«

А вонá кáже: »Ні«, да чогóсь и стáло ій такъ стрáшно! и ду́мае собі: »Хто жъ би се такій?«

»А да́лі, уста́вши зъ-за верста́ті, и дава́й христи́ть вікна її две́ри. Ажъ тутъ якъ загуде́ щось на дво́рі, ні́би ві́хоръ! а да́лі и хо́дить коло́ ха́ти да її ро́хае якъ свиня́; а да́лі вже одчиня́е її две́ри. Две́ри булі́ за́мкнути, а воно́ такъ и очини́ло. Увійшло́ въ сіни да, причини́вши ха́тні две́ри, якъ пирхне́! а да́лі погляді́ло по ха́ті да її ка́же: »Ну, щасли́ва жъ ти! А я тобі́ принесла́ вече́рять.« Да якъ пока́же, дакъ зовсі́мъ її покі́йний чоловікъ. А Ода́рчина ма́ти якъ гля́нула, дакъ изъ ра́зу такъ и бу́хнула на зе́млю, да на тре́тій, чи на четве́ртий день и Бо́гу ду́хъ оддала́.«

3. О томъ, какъ мать видѣла мертвеца сына.

Одна́ жінка до́вго пла́кала по своїму́ си́ну. »Колибъ мині́ его́ поба́чить хочъ ме́ртвимъ!« Отъ лю́де й пора́яли її пійти́ въ ночі у це́рку, якъ пзійдутця усі мерці, да взять, про слу́чай, и півня. Пішла́ вона́ и ста́ла коло́ це́ркви. Якъ опівночи ди́витця — иде́ зъ кладови́ща гурба́ мерцівъ; а міжъ ними́ и її синъ. Иде́ и несе́ відро́ слізъ: ото́, що ма́ти напла́кала. Якъ поба́чила его́ міжъ мерця́ми, да зъ ля́ку якъ ки́нетця втіка́ть до до́му. А вінъ почу́въ ма́теринъ духъ да за не́ю! Отъ вона́ дава́й скида́ть зъ себе́ оде́жу. Що ски́не, то вінъ ухо́пить и розі́рве; що ски́не, то вінъ ухо́пить и розі́рве. Да вже якъ добігла до поро́га, тоді́ півень какаріку! Мертве́ць упа́въ, а вона́ черезъ день и вме́рла. Си́нові тя́жко, якъ ма́ти по ему́ ту́жить; а ма́тері ве́село лежа́ть, якъ діти пла́чуть по її.

8. О томъ, какъ дочь видѣла мертвую мать.

Одна́ дівка пришла́ до у́трені; тільо ди́витця — усе́ незнако́миі її лю́де. Колі́ жъ підошла́ до не́і її хрище́на ма́ти покі́йниця, взяла́ за ру́ку да її ка́же: »Утіка́й, якъ мо́га утіка́й звідсі! ато́ якъ поба́чить тебе́ рі́дна ма́ти, то розі́рве на шмато́чки.« Дівка чимъ-дужъ додо́му. Прибіга́е вже до ха́ти, ажъ щось гуде́

и вие ззаду. Оглянетця—ажъ за нею женетця рідна мати. Дівка скинула зъ себе свитку — мати вхопила її розорвала; скинула зъ голови хустку — мати розорвала й хустку. Убігла дівка въ хату да й упала безъ памяти. А мати зупинилась на порозі, завила страшно, повела по всій хаті очима та й зникла.

Г. О томъ, какъ снаряжаютъ умершихъ на тотъ свѣтъ.

Якъ умре, то вже звісно, завяжуть ёму у сорочку шагъ, щобъ купивъ собі місто на тімъ світі. А бабі сповитусі кладуть у домовину палицю, а до пояса привяжуть хусточку зъ макомъ. Палицею вона буде одбиватьця одъ своіхъ внучківъ, бо тиі нападуть на ії, на що вона іхъ на світъ випустила! Якъ же вже придетця ій круто, тоді кине імъ жменю маку; поки позбирають, а вона и втече.

8.

РАЗСКАЗЫ О ЧЕРТЯХЪ.

А. О томъ, какъ черти выманили у одного человѣка сало.

У одного чоловіка висіло у сіняхъ на колесі сало. Отъ чортяка її провідавъ, — а ії чорти, мабуть, знають у ёму смакъ. Провідавъ да до чоловіка: »Спусти да й спусти мині колесо: я тобі насиплю повну пашенну яму грошей.«

»Ну, коли насиплешъ«, каже чоловікъ, »то спущу«.

Отъ и спустивъ. Тоді чорти якъ почали возить ёму гроши, то підвода за підводою такъ и іде, да все сиплють у яму. Насипали повну яму да ії питають: »Куди ще сипать?«

»Да сипте«, каже, »хоть у засіки, вибравши муку.«

Чорти вибрали муку и насипали ёму грошей повні засіки. »Теперъ прощай!« и поіхали собі.

Якъ поіхали чорти, то чоловікъ уже й не спить да все радуетця, що разомъ забагатівъ. Коли жъ оглядитця на другий день уран-

ці, ажъ и сала нема, и въ ямі, и въ засікахъ повно уголля, тощо пополамъ изъ мукою.

Б. О томъ, какъ черти съиграли роль мельниковъ.

Одинъ чоловікъ повізъ у млинъ молоть жито. Іде полемъ, коли жъ стоять млини. То, було, й води тутъ невидно ні якоі, а то млини стоять. »Що за чортъ?« думае собі. Ажъ ось вискакують изъ усіхъ млинівъ мірошники... а то не мірошники, а куцаки. Тоіі до себе тягне. »Ідь до мене! ідь до мене!»

»Чортъ изъ вами!« каже чоловікъ, да скорішъ и привернувъ до которого було ближче.

»Ну, чоловіче«, кажуть ёму, » ми зъ тебе розміру не візьмемъ, тілько возьми за поясъ оціі саковки да одвези оце письмо у Красиловку до М****.«

»Добре«, каже чоловікъ, и радъ; бо до Красиловки було не далеко. Дали ёму й коня. Не вспівъ сісти, гляне — уже и въ Красиловці. Подавъ письмо М****. А М**** якъ прочитавъ, то такъ ёму й насипавъ повні саковки червінцівъ. »Вези жъ«, каже, »сі гроши туди, звідкі привізъ письмо.«

Изновъ, тілько що сівъ на коня, уже й коло млинівъ: »Э, да тутъ же, мабуть, не своя сила замішалась!«

Привозить гроши и оддае мірошникамъ.

»Візьми іхъ собі, добрий чоловіче«, кажуть куцаки.

»Не хочу«, каже той чоловікъ.

»Возьми, дурню; будешъ насъ споминать.«

»Не хочу« да й тілько.

Забравъ свою муку да й поіхавъ. Ажъ ось на дорозі наганяють ёго зновъ тиі мірошники: »Да возьми, землякъ, ато будешъ послі жалковать.«

»Не треба мині вашихъ грошей, люде добри!«

И не взявъ. Отъ якъ приіхавъ додому, то й росказуе жінці. Жінка такъ и напустилась; трохи не била.

»Да якъ же було́ мині бра̀ть, колі́ я боявсь, щобъ по́слі нагна́вши и само́го не задуші́ли?«

»Ду́рню ти хо̀дишъ!« ка́же ёму́ жінка: »хто жъ би ставъ тебе́ души́ть, да́вши тобі гро̀шей?«

Поду̀мавъ-поду̀мавъ той чоловікъ. Разъ же, що жінка ла́е, а дру́ге — и гро̀шей жаль. »Поіду!« ка́же: »що бу́де, то бу́де!« И поіхавъ.

Приіхавъ на те са́ме місто — хочъ би тобі слідъ який, що були́ млини́!

В. О томъ, какъ одинъ панъ неосторожно вспомянулъ черта.

Оди́нъ такі́ нашъ чоловікъ поіхавъ до млина̀. А млинъ бувъ недале́ко. Приізди́ть, гля́не, ажъ седи́ть чоловікъ на по́лі.

»Чо́го ти седишъ на по́лі?«

»Такъ мині Богъ давъ.«

»А де міро̀шникъ?«

»Я са́мий старші́й надъ мірошника́ми. Я змелю́ тобі жи́то ду̀рно, тілько возьмі́ оцей камень, що лежи́ть передъ тобо́ю, да однеси́ до па́на Янко̀вського. По́ки донесе́шъ до па́на Янковського мука́ твоя́ бу́де й гото́ва.«

»Да я ёго́ изъ міста не зворухну́!« ка́же той чоловікъ.

А въ ка́мені, здава́лось, такъ, бу́де пудо̀въ деся̀токъ.

»А ну жъ, попро̀буй.«

Попро́бовавъ — не бу́де й пу̀да.

»До́бре«, ка́же, »понесу̀.«

И понісъ. Подае́ па́ну. Панъ хри́ститця и не бере́. А то не ка́мень, а то́рба гро̀шей.

»Одъ кого́ се?«

»Одъ того́, що седи́ть на по́лі«.

»Неси́ жъ ти ёму́ наза̀дъ да скажи́, що мині не трѐба.«

Прихо́дить чоловікъ икъ тому́, що сиди́ть на по́лі, да й пере-ка̀зуе па́нови слова́.

А той ёму́: »Иди́ жъ ти до Янко́вського ще разъ, да спитай ёго́: коли́ вінъ мене́ зга́дувавъ?«

Чоловікъ пішо́въ да й питáе: »А коли́ ви, пáне, згáдували того́, що на по́лі седи́ть?«

А се було́ ско́ро після велико́днихъ святъ.

»Що жъ?« кáже, »згадáвъ я ёго́, грішний, на тре́йтій день прáзника. Сівши зъ семье́ю істи пáски, я за щось розсе́рдивсь да й не вде́ржавсь, щобъ не назвáть лукáвого.«

Верну́всь чоловікъ: »Оттáкъ и такъ исказáвъ панъ.«

»Отто́-то!« кáже тоді куцáкъ. »Сімъ людямъ ні який гáспедъ не вго́дить! Згáдуе мене́ за пáскою: вже жъ, ви́дно, ёму́ мене́ тре́ба; а пославъ гро́ши, такъ и назáдъ!.... Бери́ жъ, чоловіче, свою́ муку́ да ідь собі додо́му.«

Чоловікъ забрáвъ и поіхавъ. Ажъ ось наганя́е ёго́, ве́рхи на коні, панъ такий у́бранний, що ажъ ся́е; а ззáду кишки вися́ть: »Ти въ насъ щось укрáвъ!

»Бо́же мене́ сохрани́!« кáже чоловікъ: »я зъ ро́ду ні въ ко́го не вкравъ и тютюну́ на люльку,«

»Ні, вкравъ, да й го́ді. А ну, хло́пці, пошукáйте!«

Тутъ де взяли́сь и хло́пці, да якъ приняли́сь шукáть у мішкáхъ, то всю муку́ перемішáли зъ піско́мъ такъ, що чоловікъ поки́нувъ на доро́зі; а сами́ на ко́ней да й поіхали.

Долго разсказывалъ мнѣ старикъ, сидя въ Вольтеровскихъ креслахъ и помѣшивая уголья въ каминѣ; наконецъ его умственный запасъ истощился, и мы разстались, довольные другъ другомъ. Между тѣмъ у меня былъ на примѣтѣ другой старикъ, который считался первымъ сказочникомъ во всемъ околоткѣ. Утромъ на другой день я посылаю звать его къ себѣ; но мнѣ объявляютъ, что этотъ *дідъ* ужъ очень дряхлъ и только лѣтомъ выходитъ изъ своей хаты, а всю зиму проводитъ на печи. По-этому я отправился къ нему самъ.

Меня повелъ хлопецъ. Шли мы глубокой тропинкой, точно оврагомъ. Съ обѣихъ сторонъ его края заросли ящіей, которая

висѣла, въ инеѣ и снѣгу, какъ бѣлые волосы. Крыши сосѣднихъ хатъ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго чернѣли только низенькія, лѣтомъ вовсе не черныя стѣны съ маленькими оконцами. Пушистая, вся побѣлѣвшая земля рѣзко отдѣлялась отъ неба, особенно при горизонтѣ, гдѣ на небѣ темнѣли опустившіеся внизъ пары.

Хата *діда*, не слѣзающаго съ печи, стояла поотдаль отъ другихъ хатъ, какъ-будто въ полѣ. Кругомъ ни кола, ни двора. Я насилу добрался за снѣжными сугробами ко входу и не безъ усилій отворилъ низенькую, обросшую мохнатымъ инеемъ дверь. Въ хатѣ не было никого, кромѣ сѣдого *діда* на печи, въ сорочкѣ и полотняныхъ, дыравыхъ шароварахъ, да его внучка въ грязной и оборванной кругомъ люлькѣ. Отъ люльки протянута была къ старику веревка, посредствомъ которой онъ колыхалъ своего внучка. На *припечкѣ*, у самаго жару, покрытаго пепломъ, сидитъ худой, пѣгій котенокъ. На лавкахъ мѣстами разсыпана крупа и разный съѣстной соръ, мѣстами валяется никуда негодное тряпье. Бѣдность безъ малѣйшаго покрова бросилась мнѣ въ глаза.

Я поздоровался съ дидомъ, перекинулся съ нимъ двумя, тремя словами и за дѣло. Онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ.

»Де вамъ хто ні казávъ, да такúхъ не казáвъ, якъ я знáю (такъ началъ онъ). Постóйте, надýмаюсь, котóрую бъ сказáти вамъ. Ну, вже жъ слóва изъ пісéнь да зъ казóкъ не викидáють. Я бýду вамъ казáть, да й не мішáть мині, не перебивáть.

СКАЗКА О СОЛОВЬѢ РАЗБОЙНИКѢ И О СЛѢПОМЪ ЦАРЕВИЧѢ.

Десь-недéсь, у якійсь-то землі, бувъ собі цáрь, и мавъ вінъ собі жінку царúцю, и прижилú вонú собі сúна, якъ сóкола. И не такъ-то хýтко діетця, якъ швúдко въ кáзці кáжетця, дойшóвъ вінъ собі рóзуму совершéнного. И бувъ у царя́ пéрвиій совітникъ, и вінъ съ царéмъ покумáвсь. И въ пéрвого совітника то-

жъ спнъ совершéнного умà. И вйіхали вонй въ чѝсте пóле вдвохъ на погулянне, и въ іхъ увéсь припàсъ: шàбля при іхъ, и рушнйця при іхъ. Почалй вонй собі пустовàть, и трéба імъ посèрдитьця міжъ сéбе, и тоіі царéнко тому пéрвого совітника сйнові изъ пустóти одтявъ рýку по плечé.

И прихóдить пéрвиіі совітникъ до царя: »Вàше царськé велйчество, мині шкòда зрóблена.«

»Якà тобі шкóда?

»Такъ и такъ«, кàже: »вашъ спнъ моéму сйнові рýку одрубáвъ.«

Царь же бо на своѓо сйна велйко сèрдився и велівъ ёго въ тéмну темнйцю засадйть, и не велівъ ёмý істи й пйти дать. И сидйть вінъ мóже якйхъ днівъ пять, шість, не пйвши, не івши. И мàти ёгó почýла сéе да, щобъ ніхтó не знавъ, послáла ёмý істи зъ служèбкою. И самá зъ своéі тýги пішлá пó саду прохòжуватьця. Ну, идýть вонй поузъ темнйцю и гомонять удвóхъ изъ служéбкою. Почýвъ вінъ еі гласъ да й кàже: »Ой моя мàтінко! бýдте милосéрдна, укрáдьте въ бàтька ключі да й вйпустіть менé зъ тéмноі темнйці.«

Отъ мàти вкрàла въ-ночі ключі да й пішлà випускàти. »Ну, щò жъ ти, міі сйну любиі, що я тебé вйпустила? и мині на світі не буть.«

»Не біiсь, моя мàти рідна, сідáй на коня зо мнóю; де я бýду, тамъ и ти.« [Вінъ такиіі лйцарь вчинйвся, що наслáвъ на конюхівъ сóнъ, и вонй поснýли смертéльно.]

Якъ поіхали вонй на йншую зèмлю, на тридесяте цàрство, въ йнше госудàрство. Доіжджàють вонй до зелéного здоровéнного гáю верстóвъ за пять. И въ тому гáю живъ Соловéй, велйкиі розбóйникъ, сйльниі, могýчиі багатйрь. И убивáе вінъ своімъ свйстомъ за пять верстòвъ. Якъ свйснувъ, то кінь и впàвъ на перéдні нóги. Отъ сей царéвичъ схопйвсь. »Що ти«, кàже, »кóню міі, спотикàесся?«

»Пàне міі мйлиі, пàне мій любиі! якъ мині не спотикàть-

ця, що я несу́ двохъ васъ си́льнихъ, могу́чихъ багатирівъ, ще й третій свиснувъ?«

Уіжджа́е вінъ у ту дубро́ву да й шука́е собі міста тако́го, щобъ спочи́ть. Отъ и ба́чить, що три дуби́ у-ку́пі стоіть. Ма́ти ка́же: Одпочи́ньмо у тихъ дубівъ.«

И пріжджа́ють вони́ до тихъ трохъ дубівъ, ажъ посере́дині коло̀дязь, а тамъ вода́ ажъ ворона̀. Срібне да золоте́ ця́мриннє. На ве́рсі дубівъ Соловъіне гніздо́.

Царе́вичъ и ка́же? »Такъ се ти, Солове́й, вели́кий розбо́йникъ, зача́въ зо мно́ю гра́тьця?« да якъ уда̀рить ёго́ зъ оружжи́ни, такъ вінъ такъ и впа̀въ на ця́мрину. Тоді за лучо́къ. »Чи не вбъю я«, ка́же, »птици якоі?« и пішо́въ по пу́щі.

Лежи́ть на ця́мрині той Солове́й розбо́йникъ, а ма́ти пожалкува̀ла ёго́ да й зачала́ во̀ду брать, зачала́ полива̀ть ёго́, по́ки вінъ и ожи́въ.

И рече́ ій Солове́й: »Ой, душа̀ ти моя́ любая! я̀къ ти мене́ пожалкува́ла да й одъ смѐрті оборони́ла! Я тебѐ не забу́ду, а ти менѐ не забу́дь. Дасть Богъ, ми зійдемось до-ку́пи.«

Верну́всь царе́вичъ, ди́виться: »Де жъ«, ка́же, »ма́ти моя́, Солове́й розбо́йникъ?«

»Що̀ жъ«, ка́же, »си́ну любий? полива́ла я ёго́ водо́ю, а вінъ знявсь да й полетівъ.«

Спочи́ли вони́ зъ ма̀тіръю, осідла́ли коня́-винохо́да и поіхали собі. И зновъ поіхали на и́ншую зе́млю, на тридеся́те ца̀рство, въ и́нше госуда̀рство. И тамъ у тому́ ца̀рстві ца̀рь уме́ръ. Уіздя́ть вони́ въ го̀родъ, уіздя́ть у су́дъ, ажъ у су́ді суму́ють, що »въ насъ царя̀ нема́, нікому охраняти на́шого ца̀рства.«

Вінъ и підлиця̀етця. »Я«, ка́же, »бу́ду въ васъ царе́мъ и охрани́телемъ ва́шого ца̀рства.«

Отъ вони́ дали́ ёму́ буди̇нокъ, — вінъ собі й живе́ — не такъ-то ху́тко діетця, якъ у ка́зці ка́жетця — годъ, або́ два. И сідла́е вінъ собі коня́-винохо́да да й іде по всёму́ ца̀рству; іде, зъ яко́го кра́ю, яка́я земля́ на ёго́ ца̀рство встае́. Мо́же, вінъ тамъ

якѝй день, або̀ дру̀гий іздить да вже зъ такѝми кралямѝ да царя̀ми зазнає̀тця.

Отъ Соловѐй, велѝкий розбо̀їникъ, навідавсь до ёго̀ ма̀тери и ра̀дятця вдвохъ, що якъ би ёго̀ зъ світа згубѝть. И ма̀ти речѐ: »Соло̀въю! вінъ такѝй въ менѐ сѝльний и могу̀чий багатѝрь, що намъ ёго̀ ні якъ не мо̀жна зъ світу згубѝть.«

А Соловѐй, велѝкий розбо̀їникъ, ка̀же: »Мо̀жна! Якъ пріиде вінъ додо̀му, такъ ти занеду̀жай. Ста̀не вінъ тебѐ пита̀ть: »»Чо-»го̀ ви, ма̀мо, занеду̀жали!«« — »»Що̀ жъ, сѝнку? десь-нѐдесь, »въ ѝншому ца̀рстві е Ба̀ба-Яга̀, що держѝть вѝшні-черѐшні, и ко-»лѝбъ ти мині тихъ вѝшень доста̀въ, такъ я бъ попоіла да й »здоро̀ва була̀.««

И пріиздѝть еі синъ додо̀му, и вона̀ у неду̀жихъ зробѝлась. »Що̀ ви, ма̀мо? чѝмъ занепа̀ли?«

»Оттѝмъ и тѝмъ, сѝну. Десь-нѐдесь, въ ѝншому ца̀рстві е Ба̀ба-Яга̀, що держѝть вѝшні-черѐшні, и колѝбъ ти мині тихъ вѝшень доста̀въ, такъ я бъ попоіла да й оду̀жала.« [А то, ба̀чте, така̀ Ба̀ба-Яга̀, костяна̀я нога̀, що на мідному току̀ моло̀тить, москалівъ ро̀бить.]

Вінъ сівъ на коня̀-винохо̀да и поіхавъ. Якъ поіхавъ вінъ на ѝншую зѐмлю, на тридеся̀те ца̀рство, у ѝнше госуда̀рство, ажъ стоіть го̀родъ, такъ обнесѐнний, якъ жа̀ромъ. Уіжджа̀е вінъ у тоіі го̀родъ, а тамъ будѝнки стоя̀ть такі, що й сказа̀ти не мо̀жна. И въіжджа̀е вінъ до тиі ба̀би въ двіръ, колѝ стовбъ, а до стовба̀ кінь привя̀заний и жа̀ръ ість. Вінъ уста̀въ зъ свого̀ коня̀, дѝвитця, ажъ три кільця̀: одно̀ мідне, дру̀ге срібне, трѐте золотѐ. Вінъ стоіть да й ду̀мае: »Привяжу̀ я за мідне, ска̀жуть, що якѝй-нѐбудь пустя̀къ; привяжу̀ до срібного — ска̀жуть: »Да се що-нѐбудь тутѐшне.« Ні, лу̀чче привяжу̀ до золото̀го; неха̀й зна̀ють, що пріихавъ не свій братъ, Ру̀ський царѐвичъ!«

Прихо̀дить вінъ до будѝнокъ, ажъ вѝйде три дочкѝ тиеі ба̀би на рунду̀къ: »А, здоро̀въ, здоро̀въ, Ру̀ський царѐвичъ, сѝльний, могу̀чий багатѝрь! Що̀ тебѐ сюдѝ занесло̀? чи чо̀вникъ, чи весло̀?«

»Ні«, каже, »мене́ ні що̀ не занесло́; я са̀мъ, до́брий молоде́ць, заіхавъ.«

»Які́й ти«, ка́жуть, »дру́жбо, хоро̀ший, да убъе́ тебе́ на́ша ма́ти!«

Вінъ и питае іхъ: »Дѐ жъ ва́ша ма́ти?«

»У саду́, на мідному току́ москалі ро́бить.«

И беру́ть ёго́ за білі ру́ки, веду́ть ёго́ у буди́нокъ и цілу́ють въ уста́. За́разъ посади́ли ёго́ за стілъ, дали́ ёму́ попоісти, до́бре нагодува́ли ёго́ й напоіли да й ка́жуть! »Ну, иди́ жъ тепе́ръ, нашъ лю́бий го́стю, у садъ до ма́тери.«

Провели́ ёго́ до ма̀тери, а самі́ поверта́лись, не далѝсь у вічи ма́тері. Отъ вінъ и прихо́дить: »Здоро̀ва, Ба́бо-Яга́, костяна́я нога́! Що̀ ти ро́бишъ?«

»Здоро́въ«, ка́же, »Ру́ський царе́вичу,, си́льний, могу́чий багати́рю! Що̀ тебе́ сюди́ занесло́, чи чо̀венъ, чи весло̀?«

»Ні«, ка́же, »мене́ ні що̀ не занесло́; я са̀мъ, до́брий молоде́ць, заіхавъ.«

»Що̀ жъ?« ка́же, »чи бу́демъ би́тьця́, чи бу́демъ мири́тьця?«

»Ні«, ка́же, »бабу́сю, не того́ я заіхавъ, щобъ мири́тьця!«

Вона́ за́разъ кри́кнула на своіхъ служѐбокъ: »Піднесі́те залізного бо̀бу ре́шето!«

Піднесли́ ій, вона́ й ви́іла те́е ре́шето.

»Тепе́рь же, Ру́ський царе́вичу, си́льний, могу́чий багати́рю, коли́ та̀къ, такъ дава́й би́тьця!«

Отъ, якъ ухо́пить Ба́ба-Яга́ Ру́ського царе́вича да въ мідний тікъ, та̀къ по коліна и вти́сла. Вінъ ба́бу якъ згрі́бъ, якъ уда̀рить, такъ вона́ такъ підъ ру́ки и вбігла въ тікъ. Ну, вона́ тоді дава́й проси́ть Ру́ського царе́вича: »Си́не мій любе́зний, Ру́ський царе́вичу! положи́ зми́лованне таке́, не дай мині пропа̀сти!«

Отъ вінъ узя́въ еі, ви́тягъ. »Ну«, ка́же, »вра́жа ба́бо, я ду́мавъ тебе́ тутъ и вби́ть, да живи́ щѐ на світі.«

Отъ ба́ба бере́ ёго́ за білі ру́ки, цілу́е ёго́ въ уста̀ и приво́дить

до дочокъ: »Дочки мої любиі! якиїсь-то приятель до насъ наіхавъ.«

И гуляли вони собі день якъ золото, другиії якъ сріблò, третіиі якъ мідь, хочъ и додому ідь. И нарвала ёму вишень-черешень ягодъ хустку цілу, — оттó матері на гостинець. Вінъ подякувавъ бабі и дочкамъ да ії іде собі зъ Богомъ.

А Соловеії, великиі розбоійникъ живе зъ матіръю. Вінъ, може, неділь зо дві проіздивъ, а Соловеії прилітає да ії живе зъ матіръю. И думавъ вінъ ёго тамъ баба вбъе. Подивитця въ прозорную трубу, ажъ вінъ іде відтиля. »Оії, душа моя люба!« каже, »и ягодъ везе. Теперъ мині не жить съ тобою!«

И не такъ-то хутко діетця, якъ швидко въ казці кажетця. Приіжджає вінъ до матери да ії кланяетця вінъ матері гостинцемъ. Отъ вона якъ наілась тихъ ягодъ, такъ то була хороша, а то ще краща стала.

Одпочивъ вінъ тамъ день, або другиі, велівъ сідлать коня и поіхавъ знову по границі. Прилітає Соловеії, великиі розбоійникъ, до ёго матери знову да ії радятця: якъ би то ёго зъ світу згубить, щобъ на ёго місті здіятьця царемъ? Отъ и каже Соловеії, великиі розбоійникъ: »Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі криниця води, а коло тиі криниці лежить дванадцять зміівъ, и тілько одинъ однимъ колодязь во всімъ царстві. Такъ забажаи тиі води, щобъ доставъ. Якъ не вбъють ёго тиі дванадцять, такъ нігде въ світі вже не вбъють.«

Отъ вінъ вернувсь додому, а вона ії кволитця вже, — нездужае, знаешъ.

»Що ви, мамо? чимъ занедужали?«

»Оттимъ и тимъ, сину. Десь-недесь е на чистому полі, на роздоллі колодязь води, и тілько одинъ колодязь у всімъ царстві. Колибъ ти мині привізъ тиі води, такъ я напилась би да ії здорова була.«

»Добре«, каже, мамо.«

Осідлали ёму коня, вінъ и поіхавъ. И якъ поіхавъ вінъ на иншую землю, на тридесяте царство, у инше государство; коли жъ

іде навпро́ти ёго́ грома́да така̀ вели́ка людéй до тиі криниці. Отто́ зо всёго́ обществá збира́ютця лю́де да й везу́ть тимъ змія́мъ двана́дцять чоловікъ иззісти. И попéреду іде карѐта: царь свою́ дочку̀ везé. Одина́дцять душъ такѝхъ, мужѝцького по́лу, а двана́дцяту царівну везу́ть. Отъ вінъ порівня̀вся зъ ними́. Гра́ють музѝки; дé-яке пла̀че, дé-яке ска̀че. Тиі, зна́ешъ пла̀чуть, которі везу́ть істи — якъ у насъ у нѐкрути — а дру́гі ска̀чуть. Отъ той царь да цари́ця ёго́ поба̀чили; за́разъ оболо́ну одчинѝли и зачали́ здра̀ствуватьця: »Здра́стуй, здра́стуй, Ру́ський царéвичу! куди́ Богъ несѐ? куди́ путь-доріженьку держи́шъ?«

»А, любéзниі! а ва̀съ куди́ Богъ несé?«

»А ми веземо́ двана́дцать душъ на зъіден, щобъ водѝ набра́ть.«

Отъ царéвичъ: »Посто̀йте жъ«, ка́же, »я поіду до змііvъ, а ви підождіть.«

Царь и звелівъ зупини́тьця всёму́ обществу́—грома́ді середъ шля́ху.

Приізди́ть той царéвичъ, ажъ такѝй ди́кий степъ, роздо́лъ! и стоіть тамъ криниця, и іхъ двана́дцять лежи́ть. Вінъ якъ узя̀въ зъ ни́ми би́тьця, якъ узя̀въ би́тьця, — поби́въ усіхъ. Отъ оддѝхавъ тамъ тро́хи, набра̀въ води́ да й поіхавъ собі. Приіжджáе до тиі грома̀ди: »Идіть«, ка́же, »до води́, набира̀йте: тепéръ нема́ нічо́го; поби́въ усіхъ.«

Грома́да подя̀кувала ёму́; а царівна берѐ ёго́ за біліі ру̀ки, цілу́е ёго́ въ уста̀, сажа́е въ карѐту. Отъ приіжджа́ють вони́ додо́му и гуля́ють вони́ неділю, чи дру́гу. И вони́ ёго́ совіща̀ють: »Не ідь вже ти, Ру́ський царéвичу, до ма́тери.« А царівна ка́же: »Не ідь, бу́ду тобі жінкою, а ти мині чоловікомъ. А якъ ба́тько помре́, такъ бу́демъ ми усімъ ца̀рствомъ голдува́ть.«

А вінъ таки́ не соглаша̀етця, и хо́че таки́ до своеі ма́тери доіхати и водѝ повезти́. И попроща́лись вони́, и на проща́нне дала́ ёму́ царівна срібний пѐрстень.

Отъ Соловéй, вели́кий розбо́йникъ, ди́витця въ прозо́рну трубу́ да й гово̀рить: »Іде!... Ну, тепéръ ти не моя́, а я не твій!«

И не такъ-то хýтко дiло рóбитця, якъ швидко въ казцi скáжетця. Приïздить вiнъ, водù привóзить: »Нáте, мáтiнко!«

Такъ вонá тò хорóша булá, атó щè крáща стáла.

Отъ вiнъ зновъ поживъ недiль зó двi, чи зó три, да знòву поïхавъ по границi. А Соловéй, великий розбóйникъ прилiтáе: »Терéръ не бỳдемо вже ми жить у-кýпi, бо ёгó нiхтò не подýжае. Колú хòчешъ«, кáже, »такъ отъ ще спрóбуемъ ёгó конàтами вмотáть.«

Отъ вертáетця царéвичъ додòму, а вонá знòвъ занедýжала.

»Щò оцé ви, мáтiнко, такъ чáсто болiете?«

»Я ще, сúну мiй любúй, такъ чáсто болiю одъ тогó, що боюсь, якъ ти поïдешъ по чужúхъ зèмляхъ. Колúбъ мини узнáть, щò ти за сúльний, могýчий багатúрь.«

»Якъ же ти менé, мáтiнко, взнáешъ?«

»Дай, мiй сúну любúй, я тебé обматáю тимú конàтами.«

И вiнъ ïй удовóльствие даè. Звелiла вонá слýгамъ принестú конàти да й обматàть ёгó. И вматáли ёгó одъ шиï до самúхъ нiгъ конàтомъ. А вiнъ здвигнỳвсь, такъ на малéсенькi шматóчки конáтъ и попàдавсь.

Ну, дòбре, сúну мiй любúй! Дай же ще дрòтомъ уматáю.«

И вiнъ положúвсь на Бóга одногó, пiддáвсь: »Що хòчешъ, мáтiнко, те й робú.«

Отъ вонá зáразъ обматàла. Здвигнýвсь, да ïï шкýру опустúвъ коло себé до самúхъ нiгъ.

»Отепéръ«, кáже, »мáмо, я знàю вáше вбрáнне!«

Виходить Соловéй, великий розбóйникъ, до ёгó зъ мечèмъ, и вiнъ речè: »Солóвъю, великий розбóйнику! сiчú менé да рубáй на дрiбнiï шматкú, да вложú менé въ торбúнку, да навяжú еï конéвi да ïï вúжени въ гай.«

Вiнъ ёгó зсiкъ, изрубàвъ на шматкú, посклаàвъ у торокú да ïï вúгнавъ. Тоïï кiнь пiшóвъ собi въ гай да й хòдить на вòлi. Колú де нi взялáсь Бáба-Ягá, костянáя ногá; зáразъ пригнàла коня до криницъ [у гаю двi криницi въ еï на прикмéтi буль: у однiй сцiлющца, а въ другiй живýща водá]; узялà торбúнку, вúсипала кость

ту́ю, набра́ла воді́ сцілю́щоі, попо̀рськала, —такъ лежи́ть зовсімъ такъ, якъ чоловікъ, тілько неживи́й. Набра́ла вона́ живу́щоі воді́, дала́ ёму́ въ ротъ — вінъ и ожи́въ. И ка́же: »Оце́, бабу́сю, я̀къ-то я до́вго спавъ!«

Такъ о̀тъ же превра́жий синъ Солове́й! усѐ ки́давъ, усѐ ки́давъ у тороки́, да тілько очѐй не вки́нувъ, очѐй нема́, сліпи́й.

Отъ и привела́ ёго́ Ба́ба-Яга́ до вели́коі річки, якъ отъ у Кременчуці, або́ тамъ дѐ, де судѝ прохо́дять, да й посади́ла ёго́ на бѐрезі. А тутъ очерѐтъ стоі́ть. Отъ вінъ зломѝвъ собі очере́тинку да й зроби́въ ду́дочку, и якъ заи́граe у ту ду́дочку, такъ луна́ такъ и ѝдѐ по всій рі́чці.

Коли́ жъ идѐ купѐць изъ дороги́мъ това́ромъ судно̀мъ, и почу́е, що вінъ такъ га́рно виграва́е и велівъ робо́тнику сісти на ду́ба да подиви́тьця, що̀ воно́ е. Приі́зди́ть робо́тникъ до ёго́: »Здра́стуй!«

»Здра́стуй!«

Хто̀ ти таки́й е?«

»Я«, ка́же, »таки́й и таки́й каліка.«

»Про́сить«, гово́рить, »нашъ хазя́інъ-купе́ць, щобъ ти до насъ на суди́ну йшовъ.«

»До̀бре, возьмі́ть.«

Отъ вони́ ёго́ взяли́; а вінъ — сказано си́льний, могу́чий багати́рь — якъ устаѐ, такъ така́ хвиля и встаѐ. Отъ вони́ й ра̀ди ёму́. А вінъ и пита̀: »А кудѝ ви, господа́ купе́ць, приставля́тимете това́ръ?«

»До царя́ Дзензѐя приставля̀тимемъ това̀ръ.«

И того́ са́мого царя́ Дзензе́я дочка̀ за ёго́ зару́чена, якъ по во̀ду іздивъ. Тепе́ръ, мо́же, го̀дъ уже́ чи й більшъ, якъ вінъ блука́е; такъ вона́ на ёго́ надію не кладѐ: ду́ма, що ёго́ на світі нема́е. И зроби́ла обідъ хоро̀ший — понахѝди звести́ по ёму́. Отъ и приі̀джа́е купе́ць икъ тому́ го̀роду. Прѝстань собі взяли́. А вінъ и сиди́ть на у́лиці. Иду́ть Христия́не на обідъ до царівни да й гомоня́ть мі̀жъ со́бою. Отъ вони́ собі й байду́же, бо вінъ у погане́нькій одѐжі; вони́ й не зна̀ють, що вінъ таки́й си́льний, могу́чий ба-

гатѝръ. Отъ вінъ и прòсить тихъ людéй: »Возьміть и менè зъ собóю; я хочъ лóжку стрàви візьмý на обіді.«

Такъ воні́ ёгó взялі́, привелі́ и посадѝли поміжъ людьмі́. Хліба довòлі, стрáви довòлі, горілки тò жъ. Отъ після тóго посилáе, знáешъ, царівна однý служéбку зъ горілкою, а дрýга по грі́вні грòшей дае́. Отъ дойшлі́ до ёгó, даю́ть емý чàрку горілки. Вінъ вѝпивъ да й узя́въ пéрстень зарýчений да въ чàрку, да й питáе: »Чи ти служèбка?«

»Служéбка.«

»На жъ оцю́ чàрку да несѝ до царівни, да не дивѝсь. Бáчъ, якъ у менè óчи повилáзили? такъ и въ тебè повилáзять, тілько подѝвисся.«

Отъ принеслá вона царівні чàрку; та зирнýла да такъ объ пóли и вдàрилась. Зáразъ веліла ёгó служéбкамъ узя́ть и вестѝ у будѝнокъ. Увелі́ ёгó въ будѝнокъ, а царівна Дружнівна брáла ёгó за білиі рýки, сажáла и цілувáла въ устà. Бáтько ій мáти возрѣ̀довались, що вінъ прийшòвъ, хоть каліка; бо вінъ сѝльний, могýчий багатѝрь, охранѝтель. Ну, тепéръ ужé зробѝли собі зарýчини и весілля одгуля́ли, дáрмо що вінъ каліка. Живýть и хлібъ жую́ть, постолóмъ добрò вóзять и діти мішкóмъ нóсять. Поіхали въ лісъ, вѝрубали на ківшъ и одтялі́ на корéць, отъ и кàзці конéць. А якъ-бѝ воні́ зробѝли ківшъ, то щè бъ кáзки булó більшъ.

Записавъ сказку (продолжалъ г. Жемчужниковъ), я спросилъ у *діда*: гдѣ же мать этого ребенка, котораго онъ качаетъ:

»Атъ, хóдить по селý. Дóма сидіть не любить. Якъ застáвила стрáву въ пічъ, то хиба́ въ обідню годѝну вéрнетця.

»Се твоя́ дочкà?«

»Да дочкá жъ.«

»А чоловікъ еі дè?«

»Атъ!... чортъ знáе де!«

Дідъ съ неудовольствіемъ кивнулъ головою. Я перемѣнилъ разговоръ.

»Якъ тебе́, діду, зову́ть?«

»По оте́честву я прозива́юсь Левчѐнко, а на имя́ Оноприй.«

»Ну, спаси́бі жъ тобі за ка̀зку; пійду́ тепе́ръ я обідать.«

»А хиба́ й ви ще не обідали?«

»Ні.«

»Отъ ба̀чъ! такъ якъ и я̀. 'Инколи передъ вѐчоромъ попоісй, ждучи́ тиі ґульвіси.«

»А пообідавши я зно̀въ до тебе́ прийду́.«

»Да й прихо̀дьте жъ. Ми до́брого чоловіка не цура̀емось.«

Когда я послѣ обѣда шелъ опять къ діду, уже вечерѣло. Небо было свѣтло и окрасилось желтовато-краснымъ цвѣтомъ. Картина была вполнѣ зимняя и великолѣпная. Прихожу и въ сѣняхъ еще слышу оханье и тяжелые вздохи. Дідъ по-прежнему сидѣлъ на печи, по-прежнему колыхалъ внучка, который какъ-будто на то и существовалъ, чтобы спать въ своей оборванной люлькѣ. Посмотрѣлъ я на діда: глаза у него выпучились; онъ тяжело дышалъ и на мое привѣтствіе кивнулъ мнѣ только головою. Однакожъ замѣтилъ, что мой тулупъ былъ весь въ снѣгу и спросилъ прерывистымъ голосомъ: Хиба́ жъ на дво́рі хуртовина?«

»Ні, діду«, отвѣчалъ я; »се, якъ я одчинявъ двѐри, такъ зама́завъ собі плѐчи въ снігъ. А що̀ се ти, діду, такъ ва́жко ди́шешъ? нездужаешъ, чи що̀?«

»Я, добро́дію, бу̀въ коли́сь крѐмень, а тепе́ръ и ґу̀бки не сто́ю... Сла́ва Бо́гу, добродію... о̀тъ проклятий ка́шель!... доживаю трѐте поколіние... (и закашлялся). Я й ба̀бці служи́въ, и ма̀тері па̀новій служи́въ... кахи́! кахи́?... а тепе́ръ и імъ довело́сь... бгу! бгу!... служи́ти. Я усюди бува̀въ, усюди мене́ посилано. Я и у Ніженці [1] бу̀въ, и у По̀льщі бу̀въ, и у Кременчуці бу̀въ...«

Я зналъ, что онъ исправлялъ прежде должность прикащика и — надо прибавить — пользовался господскою довѣренностью

(¹) Въ Нѣжинѣ.

не совсѣмъ честно: но объ этомъ онъ умалчивалъ и, къ чести его сказать, не обвинялъ господъ ни въ чемъ, какъ обыкновенно водится у сверженныхъ за злоупотребленія прикащиковъ. Жаль мнѣ однакожъ было смотрѣть на его безпомощную старость, на которую онъ вовсе не разсчитывалъ, округляя свои доходы. Но это дѣло постороннее моему разсказу.

Дідъ снова началъ охать и тяжело стонать. Глаза его налились кровью. У него было удушье.

Внучекъ впервые при мнѣ повернулся въ люлькѣ и пробормоталъ сквозь зубы: »Чи ма́ти прийшла́?... діду́сь... діду́сь!«

Дідъ началъ колыхать его усерднѣе прежняго и сказалъ только: »Спи жъ, спи!«

Ребенокъ снова заснулъ, а дідъ кряхтѣлъ потихоньку на печи. Я ожидалъ минутъ пять, пока онъ заговоритъ со мной. Но онъ молчалъ.

»Діду!« сказалъ я наконецъ, »чи не прийти́ мині дру́гимъ ра́зомъ, лу́ччимъ ча́сомъ? Тобі тепе́ръ не въ моготу́ роска́зувать.«

»То́-то и ѐ, добро́дію. А тутъ за́разъ и тѐмно бу́де.«

Да по тому́ ще не біда́.«

»Хиба́ въ васъ світло е?«

»Е.«

Дідъ молчалъ.

»Такъ ти діду нездужаешъ тепе́ръ роска́зувать?

»Чому̀?« отвѣчалъ дідъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. »Чому̀ не роска́зувать? аби́ слу́хали.«

Видно, ему сдѣлалось легче, и онъ позабылъ о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ, назадъ минуту. Я зажегъ принесенную съ собой свѣчку, и онъ началъ новую сказку, возвысивши голосъ, такъ какъ-будто я былъ глухъ, или какъ-будто онъ обращался къ многолюдному собранію.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ ГОЛИКѢ И ЕГО БРАТѢ.

Десь-недесь въ тридеся́тому ца́рстві, въ и́ншому госуда́рстві живъ царь зъ цари́цею, чи князь изъ княги́нею и було́ въ іхъ два

синй. Отъ князь и каже своімъ синамъ; що »ходімо зо мною до моря, послухаемъ, якъ морські люде пісні співатимуть.« Отъ вони и пішли. Идуть гаемъ. Князь и захотівъ вивідать у своіхъ синівъ правди: которий зъ нихъ на одшибі буде, а которий на єго царстві хозяйствуватиме. Идуть гаемъ, коли жъ стоіть три дубй у-купі. Князь глянувъ да й питае свого старшого сина: Сину мій любий, що бъ изъ сіхъ трохъ дубівъ було?«

»А що жъ«, каже, »батюшко? була бъ изъ іхъ добра комора; а якъ-би попилять, то гарні дошки були бъ.«

»Ну«, каже, »синку, ти будешъ хорошій хазяінъ.«

Тоді питае й меншого: »Ну, а ти, синку, що бъ изъ сіхъ дубівъ зробивъ?«

Вінъ и каже: »Батько мій любий! коли бъ мині була воля да сила, я бъ третёго дуба зрубавъ да переложивъ на тиі два, да скілько є князівъ и панівъ, я бъ іхъ усіхъ вивішавъ.«

Князь почухавъ голову и замовкъ.

Отъ прийшли до моря, стали усі глядіть, якъ риба грае; а князь узявъ да меншого сина й пхнувъ у море: »Пропадай же«, каже, »лучче самъ, ледащо!«

Тілько що батько сина у море пхнувъ, єго кить-риба заразъ и вхопила. Вінъ у ій и ходить. Давай та риба хватать возй зъ волами и кіньми. Ходить вінъ у рибі, перешукуе, що есть у возахъ, тимъ и харчуетця; да якось и знайшовъ у одному возі люльку, тютюнъ и кресало. Узявъ, у люльку тютюну наклавъ, викресавъ огню и давай курить. Одну люльку викуривъ; наклавъ другу, викуривъ; наклавъ и третю, викуривъ. Отъ та риба одъ диму и впилась, приплила до берега и заснула. А по березі ходили охотники. Ходили охотники, а одинъ побачивъ да й каже. »Отъ же, братця, по гаяхъ скілько ходили, да нічого не знайшли. Чи ви бачите, онъ, яка риба коло берега лежить? Давайте еі стрелять!«

Отъ стреляли еі, стреляли; потімъ познаходили тупорі и давай еі рубать. Рубали, рубали, коли жъ чують — кричить у ій у середині: »Эй, братця! рубайте рибу, да не зарубайте Християнськоі крові.«

Вони́ зъ ля́ку якъ ки́нутця! и повтіка́ли. Отъ вінъ у ді́рку ви́лизъ, що охо́тники прорубали, ви́йшовъ на бе́регъ да й сиди́ть. Сиди́ть собі го́лий — бо на ёму́ що було́ убра́ння, погнило́ уже́: мо́же, вінъ ці́лий го́дъ бувъ у ри́бі — и ду́мае собі: »Якъ мині тепе́ръ у світі жить?«

А той ста́рший братъ зроби́всь уже́ самъ вели́кимъ па̀номъ. Ба́тько вмѐръ, такъ вінъ и зоста̀вся хазяі́номъ на всій де́ржаві. Не каза́въ би то и помі́жъ на̀шимъ бра́томъ, якъ умрѐ хто, збира́ютця лю́де да й су́дятця: такъ и помі́жъ князя́ми. Позбира́лись су́дді, сенато́рі, присуди́ли ёму́ жени́тьця, тому́ молодо́му князеві, и іде вінъ шука́ть собі дру́жби, а за імъ вели́кий по̀іздъ. Іде, коли́ жъ сиди́ть го́лий чоловікъ. Отъ и посила́е вінъ слугу́: »Піди́ спита́й, що̀ то за чоловікъ?«

Той прихо́дить: »Здоро̀въ!«

»Здра́стуй!«

»Що̀«, ка́же, »ти таке́?«

»Я«, ка́же, »Іва́нъ Го́ликъ. А ви хто̀ таки́?«

»Ми зъ тако́і й тако́і землі, ідемо шука́ти своє́му князеві дру́жби.«

»Піди́ жъ ти своє́му князеві скажи́, що іде вінъ сва̀татьця, да безъ мене́ не посва̀таетця.«

Той верну́вся до князя — такъ и та̀къ. Князь приказа́въ за́разъ слу́гамъ одімкну́ть чимайда́нъ, ви́йнять ёму́ соро́чку, понтоло́ни, уве́сь струме́нтъ. Той у во́ду вско́чивъ, обполоска́вся, убра́вся. Привели́ его́ до князя; вінъ и речѐ князеві: »Уже́ жъ коли́ мене́ взялѝ зъ собо́ю, такъ усі мене́ й слу́хайте. Бу́дете слу́хать, то бу́демъ на Русі, а не бу́дете — пропадемо́ всі.«

Князь сказа́въ, що »до́бре«, и звелівъ усімъ его́ слу́хать.

Ідуть собі, коли́ сѐ — ми́шаче військо. Князь хотівъ такъ по ми́шамъ и іти; а Іванъ Го́ликъ: »Ні«, ка́же, »підождіть, да́йте ми́шамъ доро̀гу, щобъ не заняли́ ні одниі ми́ши й шерсти́ною.«

Тутъ усі на̀ бікъ извернули. За́дня ми́ша оберну́лась да й ка́же: »Ну, спаси́бі тобі, Іва́не Го́лику, не да̀въ ти моє́му війську пропа́сти, не дамъ я й твоє́му.«

Ідуть дальше, колй сѐ — идѐ комàръ изъ своімъ військомъ, що не мóжна її очйма глянуть. Налітáе комáрськпй девизённий генерáлъ: »Эй Иване Гóлику, дай моéму війську, крові напйтьця! Якъ дасй, то ми тобі у великій пригóді стáнемо; а не дасй, такъ не бýдешъ на Русі.«

Він зàразъ сорóчку зъ себé спустѝвъ и велівъ себé звязáть, щобъ не вбить ні одногó комарà. Комарі нассáлись и полетіли.

Ідуть по-надъ бѐрегомъ, колй чоловікъ піймáвъ дві щýки въ мóрі. Ивáнъ Гóликъ и кàже князеві: »Купімъ оті дві щýки въ чоловіка да пýстимъ у мóре назáдъ.«

»На що?«

»Не питáй, нá що, а купімъ.«

Купйли тії щýки и назáдъ у мóре пустѝли. Вонй обернýлись и кàжуть: »Спасйбі тобі, Ивáне Гóлику, що не давъ намъ пропàсти. Ми тобі у великій пригóді стáнемо.«

И не такъ-то хýтко діетця, якъ швйдко въ кàзці кáжетця. Ідуть вонй тамъ, мóже, тѝждень, чи щò; приїжджáють на йншу зéмлю, на тридесяте цáрство, въ йнше государство. А въ томý цáрстві царювáвъ змій. Будйнки вйдно велѝкі, а двіръ кругóмъ обстáвлений залізними пàлями, и на кóжній пàлі усé понастрóмлювані рáзного війська гòлови, а коло самйхъ воріть на дванáдцяти пàляхъ немá голівъ. Стáли вонй дохòдить, стáла князеві тýга до сéрця приступáть, и речѐ князь: »А на сіхъ пáляхъ, Ивáне Гóлику, чи не доведéтця нàші гóлови настрóмлювать!« . . .

Дідъ началъ вечернюю свою сказку очень храбро, вскрикивая съ какимъ-то свирѣпымъ выраженіемъ на такихъ мѣстахъ, какъ »налітáе комáрський девизённий генерáлъ«; но удушье часто заставляло его прерывать свой разсказъ, и наконецъ онъ выбился изъ силъ. »Ні, вже сёгóдні не докажý!« сказалъ онъ наконецъ. »Нехáй зáвтра.«

Я собрался идти домой и только теперь разсмотрѣлъ дідову дочь, которая вошла потихоньку въ хату въ то время, когда дідъ былъ въ полномъ разгарѣ своего сказочнаго жару и, бросая во

всѣ стороны страшные взгляды, какъ-будто говорилъ, чтобъ ему не мѣшали. Это была молодая, очень красивая, но весьма убого одѣтая женщина, съ быстрыми черными глазами, которые не смущались, встрѣчаясь съ моими, какъ у другихъ Малороссійскихъ поселянокъ. Она молча грѣлась около печи и теперь заговорила со мною.

»Хиба́ жъ ви не боі́тѐсь самы́ йти у-ночі?«

»Ні, не бою́сь.«

»Те́мно; соба́ки.«

»Байдужѐ мині!«

И я вышелъ. А на дворѣ была уже ночь. На западѣ едва замѣтенъ былъ вечерній отсвѣтъ солнца. Молодой мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ. Небо было чисто; но землю покрывалъ густой мракъ. Только въ хатахъ сіяли огоньки. Кой-гдѣ уже собрались на вечерницы. Слышны были вдали пѣсни и говоръ, особенно, когда кто отворялъ дверь въ хату.

Утромъ 2-го декабря я опять отправился къ діду. Онъ уже не былъ такъ страшенъ, какъ наканунѣ вечеромъ.

»Щò, діду, дòбре спавъ?«

»Якы́й мій сонъ! Ба́чте, якъ ѐ — на колінахъ; дакъ колы́ тро́хи задрімàю отта́къ, то й дòбре.«

Дідъ почти не слѣзаетъ съ печи и все его развлеченіе состоитъ въ томъ, что онъ укачиваетъ своего внучка и ухаживаетъ за нимъ, какъ нянька. Такъ проходитъ у него вся зима. Лѣтомъ его всякой разъ зовутъ въ ту хату, въ которой случится покойникъ. Надъ покойникомъ обыкновенно сидятъ всю ночь и стараются всѣми мѣрами не у́снуть. Для этого сходятся въ хату сосѣди, и дідъ нашъ всю ночь баетъ имъ сказки. Я распрашивалъ у него объ этихъ ночныхъ бдѣніяхъ. Они не имѣютъ въ себѣ ничего мрачнаго и унылаго. Покойникъ лежитъ на столѣ, а народъ, набившись въ хату, попиваетъ водочку, закусываетъ и болтаетъ всякую всячину. Когда истощатся толки о повседневныхъ случаяхъ сельской жизни, о смѣшныхъ, ужасныхъ, или соблазнительныхъ приключеніяхъ, о панахъ, о вѣдьмахъ, о становомъ,

о чортѣ, о Жидахъ и Цыганахъ, — бодрствующее надъ покойникомъ общество обращается къ діду; дідъ грозно требуетъ, чтобъ ему никто не перебивалъ, и уноситъ воображеніе слушателей въ сказочный міръ, захватывая туда и ихъ обычаи, ихъ хаты и хозяйство, ихъ чумацкій и земледѣльческій бытъ. Иногда дідъ заѣдетъ съ своими слушателями и въ Великорусскую сказку, къ Бовѣ Королевичу, но, благодаря родной обстановкѣ, они и тамъ чувствуютъ себя какъ дома; таютъ Московскіе снѣга отъ ихъ переселенія, и Южно-Русская рѣчь звучитъ во дворцѣ королевны Дружневны, какъ будто посреди чумацкаго табора... Дідъ съ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о посидѣлкахъ надъ покойникомъ; но потомъ призадумался и сказалъ:

»Иноді я лежу́ самъ собі въ ха́ті да й гада́ю: що чи нема́ у тому́ гріха, що я оце́ казки́ роска́зую? Усячину прихо́дится перебира́ть у ка́зці, — на те вже вона́ ка̀зка. Такъ мині отъ и тепѐръ прийшло́ на ду́мку, що, мо́же, я грішу́ передъ Бо́гомъ милосе́рднимъ, що такі рѐчи кажу́. Мині тре́ба бъ уже́ тілько Бо́гу моли́тьця, а не таке́ роска́зувать.«

Я началъ убѣждать его, что въ этомъ ничего дурного нѣтъ, а въ самомъ дѣлѣ я чувствовалъ, что дідъ былъ правъ!

Онъ однакожъ успокоился моими увѣреніями и заговорилъ веселѣе:

»Разъ я хожу́ коло́ хліба сто́рожемъ у-ночі, ажъ иду́ть згонщики, табу́нщики. Ого̀нь на́ полі запали́ли: сидя́ть: и я̀ до іхъ прийшо́въ да й бала́каемъ. Поси́дівъ да й иду́ до хліба, а вони́ ка́жуть: »»Повечѐрай, діду, зъ на́ми.«« — »»Добре.«« Гріемось собі коло́ огню. А вони́: »»Ти, мо́же, казо̀къ зна́ешъ? а ми любимъ ду̀же казки́. Коли́ бъ ти діду сказа̀въ намъ ка́зку, ми бъ залюбкѝ послу́хали.«« — »»Зна̀ю««, кажу́, »»тро́хи««, да й поча̀въ імъ каза́ть, и каза̀въ усю нічъ — ніхто́ и не спа̀въ. Такъ вони́ мині й гро̀шей дали́...«

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ намекъ и напомнилъ діду, что пора продолжать вчерашнюю сказку. Дідъ возвысилъ голосъ и началъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

... »А на сіхъ па́ляхъ, Іва́не Го́лику, чи не стриміть«, ка́же, »на́шимъ голова́мъ!«

»Поба́чимо!« ка́же.

Пріхали туди́, коли́ жъ змій зустрівъ іхъ, на́че й до́брий; принявъ за гостей; звелівъ уве́сь поіздъ нагодува́ть, а князя узя́въ изъ собо́ю и повівъ у буди́нокъ. Ну, тамъ собі пьють-гуля́ють, хоро́ші ми́слі ма́ють. И въ того́ змія двана́дцять до̀чокъ, якъ одна́. И ви́вівъ іхъ змій до князя и росказа́въ, кото́ра ста́рша, а кото́ра підста̀рша, и до послі́днеі. Такъ сама́ ме́нша більше всіхъ князеві підъ нарову пішла́. Гуляли вони́ до вѐчора. У-ве́чері дава́й проща̀тьця, йти спа̀ть. Отъ змій князеві й ка̀же: »Ну, кото̀ра дочка́ кра́ща?«

Князь и ка̀же: »Ме́нша мині найкра̀ща; мѐншу бу́ду сва̀тать.«

Змій ка́же: »До́бре, тілько я дочки́ не одда́мъ, по́ки не зро́бишъ усёго́ того̀, що́ я тобі бу́ду прика̀зувать. Поро̀бишъ усе́, такъ одда̀мъ за тебе́ дочку́; а не поро̀бишъ, такъ загу́бишъ свою́ го̀лову, и поіздъ твій тутъ уве́сь поля́же.«

И прика̀зуе ёму́: »У мене́ есть на гумні триста скирдъ усяко-го хліба. Щобъ вінъ до світа бувъ уве́сь перемоло̀чений и щобъ було́ та̀къ: соло́ма къ соло̀мі, поло́ва къ поло̀ві, зерно́ къ зерну̀.«

Отъ князь идѐ до свого́ поізду ночува́ть да й пла̀че. А Іванъ Го́ликъ поба̀чивъ, що вінъ пла́че, да и пита́: »Чого̀ ти, князю, пла́чешъ!«

»Якъ же мині не пла̀кать? отте́ и тѐ загада́въ мині змій.«

»Не пла̀чъ«, ка̀же, »князю, ляга́й спа̀ть; до світу всѐ бу́де зро́блене.«

Якъ ви́йде Иванъ Го́ликъ на двіръ, якъ свисне на мишѐй! де ті ми́ши понабира́лись и ка́жуть: »На́ що ти насъ, Іва́не Го́лику, кли́чешъ?«

»Якъ мині не кли́кать васъ? Загада́въ змій, щобъ усі скирти, що въ ёго́ на гумні, до світу перемолоти́ть и щобъ соло́ма къ со-ло̀мі, поло́ва къ поло̀ві, зерно́ къ зерну̀ було́.«

Якъ запищять тиі миши, якъ шатнулись на гумнò! зобрáлось іхъ стілько, що й ступить нігде. Якъ узялú робить — ище й на світъ не поблагословилось, а вонú вже й кòнчили. Пішлú, Ивáна Гóлика збудили. Той прийшòвъ — скúрти якъ стоялú, такъ и стоять; полóва осóбо лежить, а зернó тò-жъ осóбо. Ивáнъ Гóликъ и прòсить іхъ, щобъ подивились, чи немá ищè въ якóму колоскý зернá. Вонú якъ шатнулись, такъ ні одніеі мúши и не побàчишъ у солóмі. Повилáзили й кáжуть: »Ні, немá нігдé; не бійсь, ніхтó не знáйде ні зернúни. Ну, тепéръ же ми тобі, Ивáне Гóлику, одслужили. Прощáй!«

Вінъ ставъ и стережé, щобъ ищé хто й кабіжý не наробивъ. Коли сè — князь идé шукáть ёгó. Найшóвъ; дивуетця, що такъ изрòблено усé, якъ змій казáвъ; дякуе Ивáну Гóлику и пішóвъ до змія. И приходять у-двохъ изъ змiемъ. И дивуетця самъ змій. И поклúкавъ дóчокъ, щобъ пошукáли у солóмі зернá и чи не одúрваний де колосóкъ. Отъ дóчки шукàли-шукáли — немà. И речé змій: »Ну дóбре, ходімъ; до вéчора бýдемъ пить и гулять, а въ-вéчері упять робóту загадáю на зáвтра.«

Отъ догуляли до вèчора; вінъ и загàдуе: »Сёгóдні въ-ранці мéнша дочкá моя у мóрі купàласъ...«..

Но тутъ ребенокъ проснулся и началъ плакать. Видно, ему было холодно. Дідъ приказалъ дочери, которая всё только грѣлась у печи, укрыть его потеплѣе и опять принялся колыхать люльку. Ребенокъ успокоился и уснулъ. Онъ чувствовалъ, что сонъ — лучшее благо въ его пасмурно начинающейся жизни.

»Да, у васъ сёгодні холодно!« сказалъ я, ходя по хатѣ.

»А нà що жъ ви скúнули кожýхъ?« отвѣчала дідова дочь.

Котенокъ жался очень печально около теплой золы на прúпечкѣ.

»Якé въ васъ кошенѝ худé!« сказалъ я.

»А чогó ёмý буть гладкóку, колú у насъ у самúхъ нічого ісги?« сказала молодица.

Дідъ молча ворочался на печи и потомъ обратился ко мнѣ: »Ну, яке́ ви мині дасте́ награждѐнне, добро́дію?«

»А яке́ жъ! гро̀шей дамъ.«

»Отъ за те скажу́ спасибі!... гро́шей... я бу́ду дя̀кувать за се... Мині о̀тъ що тре́ба: колі́ бъ ви далі́ мині гро́шей на ха́ту, я бъ вамъ дя̀кувавъ да и на тімъ би сві́ті моли́вся Бо́гу, щобъ не оста́вивъ васъ.«

»А бага̀то тре́ба на ха́ту?« спросилъ я.

»Чоти́ри до̀шки!« отвѣчалъ дідъ, а его дочь прибавила: »Се вони́ гово́рять на труну́, зна́чить.«

»Хиба́ жъ у васъ нема́е гро́шей и на труну́?«

»Нема̀е, па́не!«

Я молчалъ. Дідъ то-же молчалъ.

»Ми сёго́дні ви́топили для васъ до̀бре«, начала опять молодица; »ато́, ба́чте, ажъ черезъ два дні вари́ли. Імо́ сами́й хлібъ; нема́е й со́ли; нічого її варйть; а купи́ть ні за що.«

Я всё молчу. Дідъ потихоньку вздыхаетъ на печи.

»Нічъ не спишъ«, продолжала молодица, »а тутъ ище́ її воно̀ мале́ нездужае, да такъ, що не дасть и одпочи́ть. Коли́бъ хоть ба̀тько...«

»А ба́тько жъ дѐ?«

»У москалі оддали́.«

»Якъ зароби́въ, такъ неха́й и одвіча̀«, сказалъ вздохнувши дідъ. »Я ёму́ говори́въ: *Не ру́шъ чужо́го!*... Отъ тепе́ръ черезъ ёго́ да й ми опобиваѐмось.«

И опять замолчалъ вздохнувши. Теперь я понялъ всю исторію семейства, въ которомъ отъ бѣдности рождалось безпутство, а отъ безпутства бѣдность. И надобно сказать, что такихъ семействъ слишкомъ, слишкомъ много встрѣчалъ я въ такъ называемой *блаженной* Малороссіи!

Дідъ, какъ видно, въ старости покаялся и старался быть нравственнымъ, ка̀къ только его научили въ молодости.

»Сёго́дні свята́ пятниця«, сказалъ онъ, »а я вірую въ Бо́га милосе́рдного (тутъ онъ началъ смотрѣть на образа и креститься-

ся), пістъ держу́, по̀стую. Сёго́дні до само́сінького вѐчора нічо́го не імъ.«

»Діду!« сказалъ я, »ско́ро пора́ мині ити́ обідать; такъ колибъ ти вже кончàвъ ка́зку!«

»Эгѐ, добро́дію! не ско́нчимо до обідъ!«

»А ти жъ учо́ра ду́мавъ за вѐчіръ ско́нчить!«

»Ду́мавъ, а мо́же й ні. У мене́ такі казки́ е, що однаі за́ нічъ не переслу́хаешъ.«

»А все таки́ кажи́; я бу́ду писàть.«

»Да й пишіть же... Щò бакъ ми тамъ каза́ли?... Эге́, эге? знàю.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Сёго́дні въ-ра́нці ме́нша дочка́ моя́ у мо́рі купàлась и впустѝла пѐрстень у во́ду; шукàла-шука́ла — не знайшла́. Якъ знайдешъ за́втра да принесѐшъ, по́ки сіда́ть обідать, такъ бу̀дешъ живъ, а не знàйдешъ, такъ тутъ вамъ и капу̀тъ.«

Князь иде́ до своіхъ да й плàче. Ива́нъ Го́ликъ побàчивъ ёго́ да й питàе: »А чого́, кня́зю, плàчешъ?«

»Оттака́ й такà«, кàже, »напа́сть.«

Ива́нъ Го́ликъ и говорить: »Брѐше змій: вінъ сàмъ у дочки́ пе́рстень узя́въ и сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літа́въ и пѐрстень уки́нувъ. Ляга́й спàть. Я за́втра підý до мо́ря, чи не доста́ну.«

Наза́втра въ-ра́нці прихо́дить Ива́нъ Го́ликъ до мо́ря, якъ крѝкне багатирськимъ го́лосомъ, молоде́цькимъ пòсвистомъ, дакъ такъ усе́ мо́ре й забушовàло. Тиі дві щу́ки приплилѝ до бе́рега, що вінъ укѝнувъ, и кàжуть: »На́ що ти насъ, Ива́не Го́лику, клѝчешъ?«

»Якъ мині васъ не клѝкать? Змій сёго́дні ра́но по-надъ мо́ремъ літàвъ и вкѝнувъ пѐрстень. Шукàйте всюди. Якъ знàйдете, такъ бу́ду я живъ: а не знàйдете, такъ змій изгу́бить мене́ зъ світу.«

Вони́ й поплилѝ и дѐ вже не вѝплавали по́ морю, дѐ вже не шукàли? нема́! Поплилѝ до своеі мàтері и ка́жуть, що оттаке́ и

такѐ го́ре. Ма́ти й ка́же імъ: »Пе́рстень той у менѐ. Жаль мині ёго́, а васъ ищѐ жальні́йше.« Да й ви́кинула зъ се́бе пе́рстень. Воні́ припли́ли́ до Іва́на Го́лика и ка́жуть: »Отъ же тобі й на̀ша одслу́га. Наси́лу знайшли́.«

Іва́нъ Го́ликъ тимъ двомъ щу́камъ подя̀кувавъ и пішо́въ. При-хо́дить, ажъ князь изно̀въ пла́че, бо змій ажъ двіічи присила́въ за нимъ, а пе́рсня нема̀. Якъ поба́чивъ Іва́на Го́лика, дакъ такъ и підско̀чивъ: »Ащо̀, пе́рстень ѐ?«

»Есть«, ка́же. »Отъ же змій и са́мъ иде́.«

»Неха̀й тепе́ръ иде́!«

Змій на порігъ, а князь и собі, и вда́рились лоба̀ми. Змій сер-ди́тий. »А що̀, пе́рстень е?«

»Отъ вінъ! тілько не одда́мъ тобі, а одда́мъ тому́, у кого́ ти взя́въ.«

Змій осміхну́вся и ка́же: »До́бре! ходімъ же обідать, бо въ менѐ есть го̀сті и давно̀ тебе́ дожида́емось.«

Пішли́. Князь ухо́дить у будѝнокъ, коли́ зміівъ сиди́ть оди-на́дцать. Вінъ дава́й изъ нимі́ здоро̀вкатьця. Тоді підійшо́въ до до̀чокъ, ви́нявъ пѐрстень и ка́же: »Которо̀і пе́рстень?«

Ме́нша покрасніла й ка́же: »Мій.«

»Коли́ твій, такъ возьмѝ, бо я все мо̀ре ви́бродивъ, ёго́ шу-ка́ючи.«

Всі засмія́лись, а ме́нша подя̀кувала.

И пішли́ усі обідать. За обідомъ, при гостя́хъ, змій и ка́же: »Ну, князь, пообідавши спочи́немъ, а тоді прихо̀дь. У менѐ есть лукъ у сто пудъ. Якъ вѝстрелишъ при всіхъ оціхъ гостя́хъ, такъ одда̀мъ дочку́.«

Пообідавши пішли́ усі оддиха́ть; а князь скорій до Іва́на Го́лика и гово́рить ёму́: »Оттепѐръ пропа́ли: така́ й така̀ річъ!«

»Дурни́ця!« ка́же Ива́нъ Го́ликъ. »Якъ принесу́ть той лукъ, такъ ти подиви́сь на ёго́ и скажи́ змію, що »я сімъ лу́комъ не хо̀чу срами́тьця и що въ менѐ вся̀кий слуга̀ изъ ёго́ ви̇̀стрелить«;

да звелú мене́ поклúкать. Я вúстрелю такъ, що вже більшъ нікó-му не загадáють стрелять.«

Князь, поговорúвши зъ нимъ, пішóвъ до змія. У будúнкахъ изъ дóчками ӥ гуляе. Колú се — нескóро змӥ виходить изъ гостьмú, и за нимъ несýть лукъ и стрілý у пятьдесятъ пудъ. Князь, якъ глянувъ, изъ рáзу злякався. Вúнесли той лукъ на двіръ, и всі повиходили. Князь кругóмъ лýка обійшóвъ да й ка-же: »Я сімъ лýкомъ не хóчу ӥ срамúтьця, а позовý кого-нéбудь изъ своіхъ слугъ, то кóжний зъ ёгó вúстрелить.«

Тутъ змӥ одúнъ на одногó зглянулись и кáжуть: »А ну, ну, нехáй попрóбуе.«

Князь и закричáвъ: »Пошліть мині Ивáна Гóлика!«

Той приходить. Князь и кáже: »Візьмú оцéй лукъ да вú-стрели.«

Ивáнъ Гóликъ лукъ піднявъ, стрілý заложúвъ; якъ вúстре-ливъ, такъ шматóкъ у двáдцять пудъ и одломúвсь одъ лýка. Князь тоді стóя ӥ кáже: »Отъ бáчите? якъ-бú оцé я вúстреливъ, такъ ви бъ мене́ й острамúли.«

Ивáнъ Гóликъ тоді пішóвъ до своіхъ, застромúвши шматóкъ лýка за голяницу; а князь изъ змівнами у будúнокъ. Змӥ жъ зо-стáлись на дворі и все рáдились, щò бъ ёмý щè загадáть зробúть. Порáдившись и пішлú у будúнокъ. Змӥ увійшóвши щось шепнувъ мéншій дочці на ýхо. Вонá пішлá, а вінъ за нéю. Тамъ дóвго го-ворúли; пóтімъ виходять; змӥ и кáже: »Сёгóдні вже нерáно; не-хáй зáвтра въ-рáнці. У мене́ есть кінь за дванадцятьмá дверúма; то якъ поіздишъ на ёмý, такъ оддáмъ дочкý.«

Отъ погуляли до вéчора, поросхóдились спáть; князь прихó-дить и росказуе Гóлику. Той вúслухавши ӥ кáже князеві: »А ти дýмаешъ, нà що я взявъ той шматóкъ лýка? я вже знавъ, що се бýде. Якъ же підведýть тобі коня, то ти подивись на ёгó да й скажú: »»Не хóчу я на сёмý конюю іздить, щобъ не острамúтьця »такъ якъ лýкомъ, а нехáй поіде мій слугá.«« А то не кінь бýде, а ёгó мéнша дочкà. Ти на еі ӥ не сядешъ, а я еі дóбре провчý.«

Отъ устáли въ-рáнці. Приходить князь у будúнокъ, поздо-

ро́вкався зо всіми, ди́витця — одина́дцятеро до́чокъ, а двана́дцятоі нема́. Змiй уста́въ и гово́рить: »Ну, князю, ходімо на двiръ, бо ско́ро ви́ведуть коня́; бу́демъ диви́тьця, якъ вести́муть.«

Повихо́дили усі, ди́влятця, ажъ веду́ть коня́ двоє змiївъ, и то зъ вели́кою си́лою де́ржать, — такъ іхъ обо́хъ на голові й но́сить. Привели́ передъ рунду́къ; князь обiйшо̀въ круго́мъ, подиви́всь да ii ка́же: »Що̀ жъ ви говори́ли, що коня̀ приведете́? а тепе́ръ привели́ кобили́цю. На сiй кобили́ці я іздить не хо́чу, щобъ не острамі́тьця, такъ якъ учо́ра лу́комъ; а позву́ свого́ слугу́, неха́й вінъ поіде.«

Змiй ка́же: »До́бре! неха́й поіде.«

Князь позва́въ Ива́на Го́лика и прика́зуе ёму́: »Сiда́й на сю кобили́цю да прогуля́йся.«

Ива́нъ Го́ликъ якъ сівъ; змiі кобили́цю й пусти́ли. Якъ понесла́ жъ вона́ ёго́, то ажъ підъ хма̀ру; а відти спусти́лась и вда́рилась объ зе́млю, такъ що ажъ земля̀ застогна́ла. А Йванъ Го́ликъ тоді якъ вѝньме зъ-за халя́ви двадцятипудо́вий кусо́къ лу́ка и дава́й еі чи́стить. Вона схопи́лась и понесла́ ёго́ всю́ди, а вінъ еі все бъе промiжъ у̀ши. Отъ носи́ла ёго́, носи́ла, да̀лі ба̀чить, що нічо́го не зро́бить, дава́й проси́тьця: »Ива́не Го́лику, не бий мене́; зага́дуй мині, що хо̀чешъ; усе́ для тебе́ зроблю́.«

»Мині«, ка́же, »нічо́го роби́ть не тре́ба, а тілько якъ прийду я до князя, то щобъ ти коло́ ёго́ впа́ла и но̀ги простягла́.«

Вона́ ду́мала-ду́мала. »Ну, нічого«, ка́же, »съ тобо́ю роби́ть.«

И понесла́ ёго́ по-надъ де́ревомъ, коло́ князя спусти́лась, на зе́млю впа́ла и но̀ги одки́дала.

Князь и гово́рить: »Ба́чте, яки́й со́ромъ! А ви хотіли, щобъ я на сiй кобили́ці іхавъ.«

Змiю сти́дно ста́ло передъ імъ, да роби́ть було́ нічого. Походи́ли по́ саду и пішли́ обідать. Коли́ й ме́нша дочка́ іхъ зострiла, дава́й здоро̀вкатьця. Князь дѝвитця на еі, такъ то̀ хоро́ша була́, а тепе́ръ ище́ лу́чча ста́ла. Посiдали обідать, змiй и ка́же: »Ну, князю, уже́ жъ після обідъ ви́веду я своіхъ до-

чокъ на двiръ. Якъ пiзнаешъ, де менша, такъ тодi и весiлля будемъ гулять.«

Пiсля обiдъ змiй повiвъ своiхъ дочокъ одягать, а князь пiшовъ до Ивана Голика на пораду, що ёму робить.

»А отъ що«, каже. Заразъ засвиставъ — комаръ и прилетiвъ. Вiнъ ёму росказавъ усю пригоду. Комаръ и каже: »Ти намъ ставъ у пригодi, и я тобi стану. Якъ виведе змiй iхъ на двiръ, то нехай князь дивитця — я буду лiтать надъ еi головою. Нехай обiйде iхъ кругомъ одинъ разъ — я буду лiтать, и другий разъ обiйде — я лiтатиму, а третiй разъ якъ буде обiходить, то я сяду у еi на носi и вона не втерпить мого кусання, махне правою рукою.«

Се сказавши, комаръ полетiвъ у будинокъ. Коли присилае змiй за княземъ. Князь приходить, коли тамъ стоять усi дванадцять дочокъ, и на iхъ усе однакове, якъ лице, якъ коси, якъ плаття. Вiнъ на iхъ дививсь-дививсь — нiякъ не пiзнае: зовсiмъ не тi панночки стали, що були. Отъ вiнъ у первий разъ обiйшовъ — не побачивъ комара; другий разъ почавъ обходить, коли се — лiта надъ головою. Вiнъ уже й очей не спуска зъ того комара. Якъ почавъ третiй разъ обходить, той комаръ на носi у еi сiвъ и давай кусать. Вона рукою махъ! а князь за еi: »Оце моя!« и привiвъ еi до змiя.

Змiй — нiкуди дiтьця: »Коли пiзнавъ«, каже, »свою молоду, такъ сёгоднi зачнемо й весiлля гулять.«

Почалось весiлля. Повiнчали iхъ у-вечерi. Тутъ гуляли, изъ пушокъ стреляли и чого не робили? Уже отъ скоро спать вести. Тодi Иванъ Голикъ одозвавъ князя да й каже: »Ну, князю, гляди жъ, щобъ завтра намъ и додому iхать, бо тутъ намъ добра не мислять. Да ще слухай: прошу я тебе, не доймай жiнцi вiри до семи годъ; хоть якъ вона буде до тебе леститьця, а ти iй усii правди не кажи; а то якъ роскажешъ, то й ти, и я пропадемо.« ....

Дiдъ говорилъ въ этотъ разъ слишкомъ долго и съ большимъ увлеченiемъ. Я то-же усталъ писать, да ужъ пора была и обѣ-

дать. Мы разстались до слѣдующаго утра, потому что вечеръ былъ опредѣленъ у меня для другого дѣла.

Идучи къ діду утромъ по узкоій тропинкѣ, между пушистыхъ рядовъ лиціи, я встрѣтился съ человѣкомъ, который несъ деревянный крестъ, завернутыі въ черную ризу. Я вообразилъ себѣ сцену убогихъ похоронъ на холодѣ. Грустно! зимою какъ-то особенно грустны похороны... Прихожу къ своему пріятелю, неслѣзающему съ печи: »Ну, щò, діду? якъ тобі? лéгше?«

»Ужé мині, добрóдію, не полéгшае, ні погіршае. А ви, спасúбі Бóгу, якъ спочивáли?«

Во время нашего размѣна учтивостями, маленькой внучекъ, лежа подлѣ діда на печи, шалилъ и кликалъ безпрестанно: »Діду! дідý!«

»Чогó?.. Мовчú!« говорилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ дідъ. »Да сёгóдні, здаéтця, и на двóрі теплíйше, благодарúть лáски небéсноі. Я, добрóдію, казáвъ дочці, щобъ дòбре вúтопила, щобъ, якъ панъ прúде, то щобъ тéпло булó писáть. И хліба напеклú сёгóдні.«

»Діду!« лепеталъ внучекъ, »о діду! дідý! щò дя́дя?«

»Дя́дя?. . да цить!«

Угомонить однакожъ ребенка было мудрено. Онъ чувствовалъ себя сегодня, какъ видно, лучше, или радовался, что дідъ взялъ его къ себѣ на печь, и потому безпрестанно проказничалъ и надоѣдалъ старику. Не обращая на него вниманія, мы снова принялись за сказку объ Иванѣ Гóликѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

...»Не доймáй«, кáже, »жінці віри до семú гòдъ; хоть я̀къ вонá бýде до тебé лéститьця, а ти іі̂ усіі̂ прáвди не кажù; а якъ роскáжешъ, то й сàмъ пропадéшъ и я̀ пропадý съ тобóю.«

Той кáже: »Дóбре, не бýду доймáть жінці віри.«

Отъ на дрýгий день поодігáлись молоді и повихóдили до змі-

íвъ. Тутъ князь давáй просúть бáтька, щобъ іхать додóму. Змíй и кáже: »Якъ мóжна такъ скóро іхать!«

»Ужé жъ якъ собі хóчете, а я поіду сёгóдні додóму.«

Отъ пообідавши узялú молодý, сіли й поіхали. Ну, приіхали у своé цàрство. Тоді вже князь дякувавъ Ивáну Гóлику за все рáзомъ и настановúвъ ёгó пéршимъ своімъ совітникомъ. Якъ Ивáнъ Гóликъ скáже, такъ по всёму цàрству й діетця. А царь сидúть собі да й гàдки не мáе ні про щó.

Отъ живé молодúй князь изъ своéю жінкою годъ и другий. На трéтій годъ прижилú вонú собі сúна. Молодúй князь утішáетця. Отъ одúнъ разъ узявъ сúна на рýки да й кáже. »Щò есть лýчче на світі, якъ мині оцé дитя?«

А княгúня, бáчивши, що князь такъ розніживсь, давáй ёгó цілувáть, да роспúтувать; згадáвши, якъ вінъ свáтався, що якъ вінъ усі еі бáтька прикàзи исполнявъ.

Князь и кáже: »Исполнявъ би я й дóсі твогó бáтька прикàзи на залізній пáлі, якъ-би не Ивáнъ Гóликъ. Се вінъ усé робúвъ, а не я.«

Тутъ вонá не показáла вúду, що розсéрдилась и зáразъ кудúсь вúйшла.

А Іванъ Гóликъ сидúть собі дòма да ні про що й не дбáе; колú й летúть до ёгó княгúня. Зáразъ вúняла зъ-підъ полú рушнúкъ зъ золотúми кінцями да якъ махнè тимъ змíівськимъ рушникóмъ, такъ ёгó нá-двое й розрубáла: нóги остáлись тутъ, а тýловище зъ головóю изнеслó крúшу въ будúнку и впáло за сімъ вèрстъ одъ будúнка. Тоді упáвши и кáже: »Ахъ, ти проклятий сину! не надіявсь я на тебé, щобъ ти признáвся! А щé просúвъ, щобъ не доймáвъ жінці віри до семú годъ! Ну, тепéръ пропáвъ я, пропáвъ и ти!«

Піднявъ гòлову и сидúть у лісу. Колú сè — дúвитця: женé безрýкий чоловікъ зáйця...

»А щò, добрóдію?« вдругъ прервалъ свою сказку дідъ, »мóже бъ погрітьця трóхи!«

»Якъ погрітьця?«

»Бáчте, сёгóдні святá субòта...«

»Дóбре, нехàй збігае за горілкою.«

Дідова дочка не заставила просить себя объ этой услугѣ и въ одну минуту изчезла съ бутылкой подъ мышкой.

»Охъ, колù-бъ то я бувъ письмéнний!« говорилъ дідъ вздыхая. »А щò, пáне? отъ ви письмéнні: чи ви мòжете такъ роскаáзать на пáмять?«

»Ні, не росказáвъ би.«

»Эге!... Я, добрóдію, двáдцять-пять літъ прожùвъ на худóбі. Тілько гледівъ да прикáзувавъ, тó-що. Такъ я булó щò ні почýю, щò ні побáчу, усè на пáмять роблю. Э, тутъ булá колùсь *голóвушка!*« прибавилъ онъ, хлопнувъ себя ладонью по лбу.

»А щò, діду? мóже, знòвъ казáвъ би кáзку?«

»Да й казáвъ би, колù-бъ не оцé писклỳ! Бáчъ, якъ за мáтіръю росплáкалось! нáче пáнська дитùна. Хтò съ тобóю бýде тутъ нянчитьця?«

И дідъ уложилъ внучка въ колыску и началъ его укачивать. Но ребенокъ продолжалъ свою докучливую пѣсню.

»Цить же! цить! кажý«, говорилъ сердито дідъ. »Онъ вòвкъ идè! Вòвче, вóвче, идù ззіжъ хлóпця!«

Ребенокъ вдругъ замолчалъ, и въ хатѣ раздавался только скрипъ колыски да моего пера по бумагѣ.

»Ну, діду!«

»Да й ну жъ! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

.... Женé безрýкий чоловікъ зáйця. Отъ, отъ, тілько що не наженé! и женé якъ разъ на Ївáна Гóлика. Той зáець добігàе — Ивáнъ Гóликъ и вхопùвъ. Отъ и завелùсь бùтьця. Той кáже: »Мій заець!« а той кáже: »Мій!« Бùлись-бùлись, такъ ні той тому, ні той томỳ нічóго не зрòбить. Безрýкий и кáже: Гóді намъ бùтьця, а вùвернімъ дýба, и хто дальшъ кùне, тогó бýде зáець.«

Безнóгий кáже: »Дóбре!«

Отъ безрýкий підкотѝвъ безнóгого до дýба; той вѝвернувъ и дàвъ безрýкому. Безрýкий лігъ да якъ кѝнувъ ногáми, такъ за три версті дубъ упáвъ. А безнóгий якъ кѝнувъ, такъ за сімъ вѐрстъ упавъ. Тоді безрýкий и кáже: »Берѝ зáйця и будь мині стáршимъ брàтомъ.«

Отъ побратáлись, изробѝли возòкъ, причепѝли вірóвку и, якъ кудѝ трѐба, то безрýкий запряжѐтця да безнóгого й вóзить. Отъ разъ и поіхали у якийсь гóродъ, де царь живé, до цѐркви, и постáвивъ безрýкий колó старцівъ безнóгого на возкý. Стоять и дожидáють. Колѝ сѐ — кáжуть, що царівна іде. Доіждж̀ае до іхъ и кàже своій хрéлівні: »Подáй оцімъ калікамъ оці грóши.«

Вонá хотіла вихóдить подàть, а безнóгий и кáже: Якъ би то, вáше добродійство, ви намъ своіми рукàми мѝлостиню подалѝ.«

Отъ вонá узялà у хрéлівни грóши и даé безнóгому. А вінъ еі й питáе: »Скажіть мині«, кáже, »чогó ви, не во гнівъ вамъ, на видỳ такі жóвті?«

Вонá кáже: »Такъ мині Бòгъ давъ!« да и здихнýла.

»Ні«, кáже, »я знàю, чогó ви такі жóвті. Я«, кáже, »мòгъ би зробѝть, щобъ ви булѝ такі, якъ вамъ Богъ давъ.«

Колѝ на сю розмóву надъіждж̀ае царь. Зáразъ и вхопѝвсь за те слóво. Отъ тогó безнóгого да безрýкого изъ возкóмъ у будѝнокъ: »Робѝ, що знáешъ!«

А вінъ кáже: »Щò жъ, цáрю! нехáй царівна признáетця по прàвді, чогó вонá такá погàна стáла.«

Тоді бáтько до дочкѝ. Вонá й признàлась. »Такъ и тàкъ«, кáже: »до менé літáе змій и зъ менé кр̀овъ тягне изъ грудéй.«

Братѝ й питáють: »А колѝ вінъ літáе?«

»Сáме перéдъ свитомъ, якъ усі сторожі поснýть, такъ вінъ до менé черезъ кóмінъ и влетѝть. А якъ хто ввійде да не вспіе вѝлетіть, то підъ подушкáми й лежѝть.«

»Постóй же«, кáже безнóгий, »ми въ сінечкахъ притаімóсь, а ти, царівно, кахѝкни, якъ вінъ прилетѝть.«

Отъ притаілись вонѝ въ сінечкахъ. Колѝ жъ, тілько, що стóрожъ перестáвъ стýкать у стукàчку, щось нáче ѝскрами підъ стрі-

хою засвітило. Царівна тоді *кахи!* Вони до еі; а зміяка й заховавсь підъ подушки. Отъ царівна схопилась изъ постелі, а безрукий лігъ на землі да безногого й кинувъ ногами на подушки. Безногий якъ пiймавъ у руки того змія, давай у-двохъ душить. Той змій и проситця: »Пустіть мене! не буду ніколи літать и десятому закажу.«

Безногий и каже: »Ні, сёго мало, а понеси насъ туди, де есть цілюща вода, щобъ у мене булй ноги, а у брата руки.«

Змій и каже: »Берітця за мене, понесу, тілько не мучте мене.«

Отъ и вхопились за ёго безрукий ногами, а безногий руками. Той змій якъ полетівъ изъ ними; прилітае до криниці и каже: »Оце цілюща вода!«

Безрукий такъ и хотівъ туди вскочить; а безногий кричить на ёго: »Постой, брате. Ось подержъ ногами змія, а я встромлю въ криницю суху паличку; тоді побачимо, чи цілюща вода.«

Устромивъ, такъ поки було въ воді, поти й одгоріло. Якъ узялись же тоді за того змія! давай ёго душить. Били ёго, били! Вінъ и давай проситьця, що »не бийте: тутъ е недалеко и цілюща вода.« Повівъ до другоі криниці. Вони тамъ устромили суху паличку, такъ заразъ и роспукуватьця стала. Тоді безрукий ускочивъ, и вискочивъ відти зъ руками. И безногий ускочивъ, и вискочивъ зъ ногами. Тоді змія пустили и звеліли, щобъ більшъ не літавъ до царівни; а сами подякували одинъ одному за те, що дружно жили, и роспрощались.

Иванъ Голикъ пішовъ изновъ до свого брата, до князя: що зъ нимъ зробила княгиня? Приходить підъ те царство, коли бачить — недалеко одъ дороги пасе свинаръ свині; свині пасе, а самъ сидить на могилі. Вінъ и подумавъ: »А пiйду оттого свинаря роспитаю, якъ тутъ у іхъ діетця?«

Приходить до свинаря, дивитця ёму въ вічи и пізнае свого брата. А той дивитця, и пізнавъ Ивана Голика. Довго дивились одинъ одному въ вічи; ні той, ні другий нічого не кажуть. Иванъ Голикъ опамятовався да й каже: »Се ти, князю, свині пасешъ!... И стоішъ того!... А я жъ тобі казавъ, що не доймай жінці віри до семи годъ!«

Князь упáвъ ёмý въ нóги да й кáже: »Иване Гóлику! прости мене́ и помилуй!«

Отъ Ивáнъ Гóликъ піднявъ ёгó підъ рýки да й кáже: »Дóбре, що ти ще живий на світі остáвся. Тепе́ръ щè поцáрствуешъ трóхи.«

Князь ставъ питáть ві Ївáна Гóлика, якъ вінъ добýвъ собі нóги, бо жінка ёмý покàзувала, якъ пере́рубáла.

Отъ Ивáнъ Гóликъ тоді вже й признàвсь ёмý, що вінъ ёгó ме́нший братъ и росказáвъ ёмý усю свою жизнь. Ну, обнялись, поцілувàлись. Князь тоді й кáже: »Порá жъ, брáте, свині гнать додóму, бо княгиня скóро чай питиме.«

Ивáнъ Гóликъ и кáже: »Такъ поженімъ же въ-двòхъ.«

А князь кáже: »Да тутъ, брáте, бідà! Оттá прокля́та свиня́, що пе́редъ веде́, якъ тілько дийде до ворітъ,—на ворóтяхъ стàне, якъ укóпана, и пóки трічи.... не поцілуешъ, то не пійде зъ місця.«...

Трогательное повѣствованіе діда прервано было возвращеніемъ его дочери съ горілкою.

»Отъ мині у шинкý щàстя случилось!« сказала она намъ.

»Яке́?« спросилъ равнодушно дідъ.

»Якийсь кýчеръ чорнявий дае́ мині бумáжку....«

»Нá що? якý?«

»Хто ёгó знáе, пá що! Да въ шинку булó людèй багáто, такъ я не схотіла.«

Дідъ налилъ чарку: »Вамъ на здорòвъя! Спасибі вамъ и Бòгу милосе́рдному! Хай вамъ Богъ помагá! хай васъ Богъ не остáвить и пресвятá Богорóдиця на тому світі!«

Тутъ ударили въ колоколъ, и отъ церкви понесся глухой звонъ.

»Оттàкъ-то Маринчина сестрá!« сказала молодица.

»А щò?« спросилъ дідъ.

»Умéрла!«

»Гóсподи спаси еі!« сказалъ дідъ и перекрестился, глядя на образа.

»Такъ принóсили до Домáхи дитúну; казáли, щобъ годувáла.«

»До якóі се Домáхи?«

»А до Сидорéнковоі. Трóе дітóкъ у мáтери на рукáхъ зостáлось; мéншенькому вісімъ неділь. Не знáють, кудú ёгó й дівáть. А въ ту зіму, ось якъ разъ рікъ, умéрла еі сестрá Марúнка.«

Дідъ посмотрѣлъ на дочь и припоминалъ, какая это Маринка. Колокола печально гудѣли.

»Да та, що жилá недалéко одъ попá, що булá у дворі... Ну, що у цéркві нечúста сúла ззіла!«

»Э, э, э!... знáю!«

»Ну, тò-то жъ.«

»Якъ же се еі нечúста сúла ззіла?« вмѣшался я въ разговоръ.

»Да отъ бáчте, добрóдію«, отвѣчалъ дідъ: »якъ положúли іі въ домовúну, да такъ гарнéнько и одяглù; а управляющий, Німець, прийшóвъ... бáчте, вінъ изъ нéю живъ... да й кáже: »Нá що еі одяглú у мужúцьке плáтте?« да й звелівъ еі знóву роздягтú; и почалú еі знову одягáть ужé въ тèе... у пàнське; да ніякъ не мóжна: рýки якъ дéрево; вже захолóли, якъ поліно. Такъ вонú одéжу пороспóрували да сякъ-такъ и одяглú. Однеслú въ цéркву и постáвили. У-рáнці прихóдять у цéркву люде, а въ еі немá ні нóса, ні губъ, и нòги поіли мúши. Отъ люде и загомоніли на попá. А піпъ и кáже: »»Я сёмý не причúна, бо се іи́ такъ »Богъ давъ за тè, що вонá да изъ недовіркомъ знàлась.«« Такъ оттáкъ-то!.... На чомý жъ ми тамъ застряли?.... Эгé! пишіть.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

....»Тутъ«, кáже, »брáте, бідá! Оттá проклята свиня, що пéредъ ведé, якъ тілько дійде до ворітъ, — на ворóтяхъ стàла якъ укóпана, и пóки трічи ..... не поцілýешъ, то не пійде зъ місця. А княгúня изъ зміями чàіі на рундуці пье, на се дúвитця и сміéтця.«

Ивáнъ Гóликъ и кáже: »Такъ тобі й трèба! Ну, вже жъ сёгóдні цілýй, а зáвтра не бýдешъ.«

Пригнали свині до ворітъ. Иванъ Голикъ дивитця, ажъ такъ: пье княгиня чай на рундуці и зъ нею сидить шість зміївъ. Та проклята свиня на ворóтяхъ стала, ноги розставила и не іде въ двіръ. А княгиня дивитця да ії каже: »Онъ, уже мій дурень свині пригнавъ и буде свиню..... цілувать.«

Той бідний нахилився, тричи поцілувавъ ....., тоді свиня и пішла въ двіръ рохкаючи. А княгиня каже: »Ось подивітця, ище десь и підпасича собі взявъ.«

Отъ князь зъ Иваномъ Голикомъ свині у хлівъ загнали. Тоді Йванъ Голикъ и каже: »Візьми жъ, брате, у клюшинка конопель двадцять пудъ и смоли двадцять пудъ да й принесешъ до мене въ садъ.«

А князь каже: »Такъ не донесу.«

А Йванъ Голикъ: »Да йди проси; може, ще й не дасть.«

Отъ князь пішовъ до клюшника, ставъ просить. Той довго на ёго дививсь, а далі й каже: »Да робить нічого зъ вами, треба дать.«

Одимкнувъ вінбаръ. Иванъ Голикъ одваживъ двадцять пудовъ конопель и двадцять пудовъ смоли, въ одну руку взявъ коноплі, а въ другу смолу и пішли. А клюшнику сказали, щобъ нікому не казавъ.

Якъ узявъ Иванъ Голикъ плести пугу: одинъ пудъ виплете конопель, а пудомъ смоли усмолить, и виплівъ до півъ-ночи у сорокъ пудъ пугу. Тоді й лігъ спать. А князь давно вже спить на соломі, коло хліва.

У-ранці рано повставали и давай ёму Иванъ Голикъ казать: »Ну, до сёгодняшнёго дня бувъ ти свинарёмъ, а сёгодні ти будешъ изновъ княземъ. А ходімъ поженемо свині въ поле.«

Князь: »Ні, ще, мабуть, княгиня не вийшла на рундукъ чаю пить; а мині треба гнать тоді, якъ вийде на рундукъ да сяде изъ зміями чай пить, щобъ вона бачила, якъ я буду свиню ...... цілувать.« ......

Тутъ дідъ началъ ёрзаться и кряхтѣть на печи. Я испугался: не подѣйствовала ли на него вредно водка. Мнѣ очень хотѣлось

дописать сказку, которая видимо склонялась къ концу. Но кряхтѣнье діда выражало только его нежеланіе слѣзать съ печи. Это былъ для него подвигъ слишкомъ трудный. Скоро однакожъ онъ собрался съ силами, спустился съ печи, какъ-будто съ какого ужаснаго утеса, надѣлъ черевыки и вышелъ изъ хаты.

Дочь его укачивала ребенка, который стоналъ въ колыскѣ всё тише и тише, наконецъ смолкнулъ.

»Чи въ дворі нема́ въ васъ ніко̀го зъ госте́й?« спросила меня она.

»Ні, нема́.«

»Мині якийсь ку̀черъ, чи Богъ ёго́ зна, ка́же: »»Що̀ ти за молоди́ця? де твій чоловікъ?«« Хи, хи, хи! А я кажу́: »»Нема̀ въ мене́ чоловіка: я моско̀вка.««

Прошло съ минуту молчанія.

»Дідъ пішо́въ лю̀льку тягну̀ть«, продолжала она.

Я всё молчу.

Черезъ нѣсколько минутъ дідъ воротился: »Отъ не бага́то ій доказа̀ть, да не доказа́въ. Ну, пишіть же; за́разъ ско̀нчу.«

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

»....щобъ вона̀«, ка̀же, »ба́чила, якъ я бу́ду свиню́...... цілува̀ть.«

Ива̀нъ Го́ликъ и ка̀же ёму́: »Уже́ жъ, якъ бу́демъ гнать, то ти не цілу́й, а поцілу́ю я.«

А князь ка́же: »До́бре!«

Отъ прийшла́ пора́ гнать. Княги́ня вийшла, ча̀й пье. Вони́ повиганя́ли изъ хліва̀ свине́й и женýть у-дво́хъ. Тілько що догна́ли до ворітъ, — свиня́ на воро́тяхъ ста̀ла и стоіть. Княги́ня изъ змія́ми ди́вится, а Иванъ Го́ликъ якъ роспу̀стить пу́гу, якъ уда̀рить ту̀ю свиню́, такъ и кістки́ розсипались. Тиі змиі тоді куди́ хто втра̀пивъ. А вона́, кля́та, и не зляка̀лась, да ёго́ за чу̀ба. Такъ вінъ тоді ей за ко̀си, да якъ узя̀въ стіба́ть, да по̀ти, по́ки вона́ не здужала ій по́ світу ходи́ть. Оттоді вже вона́ поки́нула свої змі-

говища. Это скопище состояло изъ однихъ отъявленныхъ негодяевъ. Оно пополнялось разными бѣглецами изъ сосѣднихъ земель, но всего больше Украинскими мужиками, между которыми гайдамаки имѣли много доброжелателей и которые указывали имъ, куда безопаснѣе и вѣрнѣе пройти за добычею. Украинныя воеводства Кіевское и Брацлавское всего больше терпѣли отъ этихъ хищниковъ; но иногда они проникали на Подолье, на Волынь и даже къ Мозырю, потому что пограничнаго войска было очень мало, магнаты держали надворныя хоругви при себѣ, а городовые козаки были въ-тайнѣ расположены къ гайдамакамъ. Гайдамаки эти совершали свои походы иногда пѣшіе, но большею частью верхомъ, и увозили добычу на вьючныхъ лошадяхъ, что̀ у нихъ называлось *батовнéю*. Каждая шайка имѣла своего предводителя, котораго они называли *ватажкóмъ*. Ватажка́ выбирали обыкновенно изъ самыхъ опытныхъ, которые сдѣлали уже нѣсколько разбойничьихъ походовъ и знали всѣ переходы и дорожки. Чтобы внушить своимъ къ нему увѣренность, а суевѣрному народу страхъ, разсказывали о немъ, что онъ *характéрникъ*, то есть чародѣй, что онъ умѣетъ заговаривать пули, такъ что его можно убить только серебрянною пулею ([1]), а въ случаѣ надобности — можетъ сдѣлаться и невидимымъ. Сколько они увозили изъ края богатой добычи! и сколько проливали невинной крови, когда ими управляло мщеніе! Ужасъ, овладѣвавшій жителями при извѣстіи, что идутъ гайдамаки, превосходитъ всякое описаніе: каждый прятался съ чѣмъ только могъ куда ни попало. Но очень часто вѣсть объ ихъ вторженіи приходила слишкомъ поздо, потому что они пробирались какъ волки и дѣлали свои отдыхи по уединеннымъ хуторамъ и пасикамъ.

Однажды гостили мы съ княземъ въ Полонномъ у его дяди, князя Антонія Любомирскаго, старосты Казимірскаго. Сидимъ мы за столомъ, какъ прискакалъ гонецъ отъ генеральнаго регимента-

---

([1]) Смотр. т. I, стр. 284, »Месть за имя Жида«.

ря *Украинской и Подольской партіи*, Яна Тарлы, воеводы Любельскаго, съ приказомъ, чтобы гетманскій регименть *иноземнаго автораментa*, въ которомъ начальствовалъ князь Антоній, поспѣшилъ къ Ялтушкову на Подолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тарло просилъ его въ особомъ письмѣ выслать часть собственнаго гарнизона изъ Полонской крѣпости съ десятью пушками, — и все это для того, чтобы переловить нѣсколько десятковъ гайдамакъ, которые скрылись съ своей добычей въ Ялтушовскихъ лѣсахъ, когда имъ преградили путь къ границѣ, и обрубились тамъ засѣками.

Князь отвѣчалъ, что завтра же выступитъ съ войскомъ лично. Я попросилъ у него позволенія идти съ нимъ въ качествѣ волонтера, на что̀ онъ съ удовольствіемъ согласился. И вотъ на третьи сутки около полудня подошли мы на четверть мили къ лѣсу, въ которомъ укрѣпились гайдамаки; ибо для большей поспѣшности, пѣхоту и пушкарей привезли на подводахъ. Войско наше построилось въ боевомъ порядкѣ, поставивъ пушки по крыльямъ. Региментарь сдѣлалъ намъ смотры; потомъ сломали шеренги, и отданъ былъ приказъ, чтобы *жолнѣры* (воины) подкрѣпились и выспались, потому что всю ночь будутъ бодрствовать.

Отдохнувъ немного, просилъ я у князя Антонія Любомирскаго позволенія объѣхать и осмотрѣть позиціи. Онъ далъ мнѣ для безопасности одного офицера и нѣсколько человѣкъ собственныхъ рейтаръ, и я пустился съ ними вокругъ лѣса. Мы ѣхали доброю рысью, а иногда и въ-скачь, однакожъ проѣздили нѣсколько часовъ. Лѣсъ былъ огромный. Кругомъ него, подъ самой опушкой, разставили въ разныхъ мѣстахъ мужиковъ, которыхъ согнали сюда тысячи три. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями, но большая часть копьями, косами, или просто цѣпами. Имъ было приказано крѣпко стеречь, а ночью жечь огни и часто кричать: Wer da? Позади мужиковъ, шагахъ во стѣ-пятидесяти, стояло войско, какъ то, которое прибыло изъ Полоннаго, такъ и то, которое региментарь привелъ еще прежде съ собою.

всего тысячи двѣ человѣкъ, между которыми были компутовые гусары и *панцырные* въ полномъ вооруженіи, въ леопардовыхъ и волчьихъ шкурахъ, а такъ-же и пѣхота. Сверхъ того собрано было здѣсь безъ числа городовыхъ козаковъ. Все это разставлено было какимъ-то Нѣмцемъ-полковникомъ, который служилъ у региментаря адъютантомъ.

Увидѣвъ почтенные панцырные знаки, я присоединился къ нимъ, во-первыхъ, какъ старый товарищъ, а во-вторыхъ потому, что мнѣ эта Нѣмецкая команда въ Польскомъ войскѣ иностраннаго авторамента терзала нестерпимо уши. Какъ-будто у насъ нѣтъ своего языка. Къ чему намъ кричать: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы такъ же хорошо могли бы говорить по своему: ***Стой! Выходи! Кто идетъ? Пали?***.... Ужъ истинно справедлива пословица: Чтò Нѣмецъ выдумаетъ, то Полякъ купитъ. Какъ бы то ни было, но я на эту ночь примкнулъ къ панцырнымъ. Начальствовалъ ими намѣстникъ князя подстолія Литовскаго, титуловавшійся чéсникомъ Нурскимъ. Мы тотъ-часъ съ нимъ познакомились, потому что оба принадлежали къ партіи Любомирскихъ, и какъ онъ былъ человѣкъ откровенный и общительный, то я легко къ нему привязался. Приказано было наблюдать осторожность и тишину, и потому мы, усѣвшись съ нимъ въ-сторонѣ на разостланной буркѣ, прошептали цѣлую ночь, изрѣдка только, въ противодѣйствіе ночной росѣ, подкрѣпляясь умѣренно напиткомъ изъ дорожной фляжки. Недостатка въ предметахъ для бесѣды у насъ не было. Когда я выразилъ ему удивленіе, что столько войска соединилось противъ какихъ-нибудь полторы сотни бродягъ, онъ отвѣчалъ, что для поимки гайдамакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть слишкомъ много рукъ, потому что эти злодѣи защищаются отчаянно и гибнутъ до послѣдняго. зная, что имъ пощады не будетъ. »Ихъ ожидаетъ (прододжалъ онъ) собачья смерть на вѣтви дерева, или страшное сидѣнье на колу, и потому они брасаются какъ бѣшенные одинъ на десятерыхъ, и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и съ добычею. Вотъ увидите завтра, въ какихъ они богатыхъ нарядахъ. Это они у насъ такъ пріодѣлись,

потому что изъ Сѣчи выходятъ только въ напоенныхъ саломъ рубашкахъ и *кажанкахъ* изъ телячьей кожи« (¹).

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что ватажко, котораго мы теперь окружили, былъ знаменитый между гайдамаками Запорожецъ Иванъ Чуприна, который уже пятнадцать разъ вторгался въ Польшу и возвращался съ богатою добычею безнаказанно, потому что всегда удачно раздѣлывался съ высыланными противъ него отрядами войска. Три года тому назадъ, онъ напалъ съ шестьюдесятью »молодцами« на Шаргородъ, замучилъ отца чесника Нурскаго, ограбилъ домъ и захватилъ въ немъ 40,000 злотыхъ наличныхъ денегъ. Когда же проникнулъ въ самую Волынь и его съ навьюченною *батовнѣю* окружило въ этомъ самомъ мѣстѣ триста драгунъ изъ регимента королевы, Чуприна ударилъ на нихъ ночью, убилъ полковника, увелъ нѣсколько драгунскихъ лошадей и ушелъ безъ всякой потери. И потому панъ чесникъ Нурскій жаждалъ отмстить ему теперь за пролитую имъ кровь отца.

»Грѣшно [говорилъ онъ] роптать на опредѣленія Всевышняго: да будетъ Его святая воля! но человѣческія погрѣшности осуждать надобно. До чего дошелъ теперь прекрасный край нашъ, имѣя столько источниковъ могущества! Нѣтъ намъ ни уваженія у сосѣдей, ни безопасности внутри государства. И всему этому причиною гордость нашихъ магнатовъ. Они не хотѣли повиноваться королямъ своимъ и всячески старались ослабить въ народѣ уваженіе къ престолу. Отравили жизнь Вѣнскаго героя; Августу Второму поднесли горькую чашу, хотя, можетъ быть, и по заслугамъ; а что̀ всего хуже — на сеймѣ, который прозванъ нѣмымъ, отняли у отечества послѣднія силы, распустивъ народное войско и уменьшивъ его до нѣсколькихъ тысячъ. Самъ нынѣшній король нашъ не былъ бы такъ намъ постылъ, еслибъ они не связали ему рукъ. Пожалуй у нихъ довольно на жалованьи надворнаго войска, но они его держатъ только для собственныхъ надобно-

---

(¹) См. т. I, стр. 132 — 133, »Похожденія Гайдамакъ въ Смилой«.

стей. Жалкую жизнь ведутъ наши пограничные обыватели, находясь въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ. Года три назадъ гайдамаки замучили моего отца, въ прошломъ году ограбили мой домъ и едва не захватили жены и дѣтей. Я владѣю за долгъ селомъ Забоклицкихъ, Сельни́цею, но по службѣ долженъ находиться при хоругви, потому что безъ меня некому ею командовать. Мой ротмистръ, князь подстолій Литовскій, живетъ въ своихъ имѣніяхъ, или въ столицѣ; мой поручикъ, Вороничъ, хозяйничаетъ въ своихъ селахъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ; мой хорунжій, Бѣлинскій, уже старикъ преклонныхъ лѣтъ, живетъ, ради спасенія души, во Львовѣ въ Бернардинскомъ монастырѣ. Вотъ почему все и обрушилось на голову бѣднаго намѣстника. Такъ вотъ бродяги напали, какъ я сказалъ, на мой домъ въ Сельни́цѣ и забрали все, что̀ могли. Къ счастью, жена моя предчувствовала ихъ посѣщеніе, а предчувствовала потому, что одинъ изъ нашихъ парубковъ, негодяй и пьяница, ушелъ было къ гайдамакамъ. Она нѣсколько недѣль не ночевала съ дѣтьми подъ собственнымъ кровомъ, а ночевала въ оврагахъ, въ коноплѣ и въ лозѣ, перемѣняя мѣсто ночлега каждую ночь, и только на день возвращаясь домой. Эта осторожность спасла ее. Разбойники, вломясь въ мой домъ, застали только при мамкѣ самую меньшую дочь мою и хотѣли разбить ее о стѣну; но мамка пала имъ къ ногамъ и слезами своими и просьбами обезоружила злодѣевъ. Вскорѣ потомъ шайка разбойниковъ напала на мѣстечко Красное, гдѣ мой семилѣтній сынокъ воспитывался въ парафіяльной школѣ у *директора*. Школьники спрятались въ небольшомъ острожкѣ, но наставникъ ихъ попалъ въ руки гайдамакъ. Разграбивъ мѣстечко, они приступили къ острожку и требовали сдачи. Но управляющій имѣніемъ (gubernator kluczowy) не отворилъ имъ воротъ своего Гибралтара. Тогда они рѣшились поджечь дубовый частоколъ, который составлялъ главную защиту этого жалкаго укрѣпленія, и начали подкладывать подъ него солому; а чтобы не изнурять перевозкой лошадей своихъ, запрягали въ возъ школьнаго директора вмѣстѣ съ Жидомъ. Этимъ

способомъ подвезено было уже нѣсколько возовъ соломы, за что̀ досталось обоимъ не мало жестокихъ ударовъ. Но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета за мѣстечкомъ, гдѣ разбойники поставили свою сторожу. Узнавъ по этому сигналу, что приближаются драгуны, они собрали торопливо свой багажъ и поскакали во весь духъ къ Кичманю [такъ называется большой лѣсъ въ окрестностяхъ Краснаго]. Драгуны правда перерѣзали имъ дорогу, но разбойники ударили на-проломъ, застрѣлили изъ ружей двухъ драгунъ и одного коня и ушли съ добычею. Этотъ наѣздъ доставилъ большое удовольствіе моему маленькому Марцисю, тѣмъ, что гайдамаки возвратили сторицею бѣдному Шишкѣ (такъ назывался директоръ) удары, которые онъ имѣлъ обычай разсыпать своимъ школьникамъ.«

Въ такихъ и тому подобныхъ бесѣдахъ провели мы цѣлую ночь. Начинало ужъ свѣтать. Вдругъ по ту сторону лѣса, гдѣ стояла наша пѣхота, раздались выстрѣлы изъ ружей, сперва рѣдкіе, потомъ чаще, чаще, наконецъ загремѣли и пушки. Гулъ, крикъ, громъ стрѣльбы и трескъ валящихся деревьевъ широко разлегались по лѣсу въ утреннемъ росистомъ воздухѣ. Мы ужъ были на лошадяхъ. Испуганные мужики начали бѣжать; панцырные бросились ихъ останавливать. Въ это время сорокъ человѣкъ гайдамакъ, съ двумя десятками вьючныхъ лошадей, выскочили неожиданно изъ лѣсу и дружно ударили на три Волошскія хоругви, стоявшія напереди. Волохи не устояли противъ удара и, не сдѣлавъ даже выстрѣла, опрокинулись въ безпорядкѣ на *компутовыхъ* и, вмѣстѣ съ бѣгущею чернью, произвели такое замѣшательство въ нашихъ рядахъ, что мы не могли придти въ себя и построиться. Пользуясь этимъ, разбойники выстрѣлили изъ ружей и, убивши нѣсколько рядовыхъ, повернули въскачь къ селу. Намѣстникъ и я настигали ихъ близко; онъ положилъ даже одного негодяя изъ пистолета; но оглянувшись и видя, что мы гонимся за ними только вдвоемъ, мы остановились. Гайдамаки между тѣмъ, пройдя черезъ село и зажегши его за собой, достигли сосѣдняго лѣса. Правда, за ними послана была по-

гоня, которую региментарь, занятый въ другомъ пунктѣ, едва черезъ часъ могъ нарядить, но безъ всякаго успѣха; ибо эти бродяги, сидя на быстрыхъ лошадяхъ, не дали себя настигнуть и ушли въ Сѣчь, оставляя вездѣ за собой пожары.

Не такъ удачно подвизались тѣ гайдамаки, на которыхъ наступила въ лѣсу наша пѣхота. Защищались правда отчаянно эти разбойники, убили нашего подполковника, двухъ, или трехъ офицеровъ и около пятидесяти рядовыхъ; нѣсколькихъ такъ-же ранили, и въ томъ числѣ маіора; но трудно было имъ стоять противъ нашихъ ружей и пушекъ, которыя ломали деревья и пришибали ихъ стволами и сучьями; къ тому жъ они лишились своего ватажка и, смущенные этимъ событіемъ, почти всѣ были перебиты; остальные недобитки и раненые захвачены въ плѣнъ. Погибло ихъ около весьмидесяти, а изувѣченныхъ и здоровыхъ схвачено около сорока. Ватажко ихъ, Иванъ Чуприна, палъ отъ руки молодого князя Мартина Любомирскаго, который при самомъ вступленіи въ лѣсъ, на челѣ своихъ гренадеровъ, замѣтилъ его и убилъ его изъ ружья въ ту самую минуту, когда онъ, стоя на колѣняхъ подъ дубомъ, прицѣливался въ него. Найдено было при Чупринѣ богатое Турецкое вооруженіе въ серебрѣ, нѣсколько брильянтовыхъ перстней на пальцахъ, пять золотыхъ часовъ и полторы тысячи червонцевъ въ поясѣ. У другихъ гайдамакъ такъ-же нашли множество денегъ въ поясахъ и сѣдельныхъ подушкахъ, часовъ и дорогого оружія, а въ батовнѣ ихъ — безчисленное количество серебра, дорогихъ матерій, золотыхъ поясовъ, женскихъ нарядовъ и мѣховъ, церковныхъ *орнатъ, капъ*, рясъ, чашъ и другихъ принадлежностей богослуженія (католическаго), а такъ-же и Жидовскихъ одеждъ, жемчугу, серегъ и тому подобныхъ вещей. Все это было награблено ими въ этомъ несчастномъ пограничномъ краю. Взято такъ-же нѣсколько десятковъ лошадей, между которыми много было отличной породы. Прочія валялись въ лѣсу убитыя, или тяжело раненныя.

Послѣ этого мы расположились обозомъ на возвышеніи и отдыхали трое сутокъ. Въ теченіе этого времени составлена опись

добычѣ и сдѣланъ дѣлежъ между офицерами и рядовыми. Не забыли и вдовъ, оставшихся послѣ павшихъ въ бою. Каждому капитану досталось, кажется, по 50, поручику по 30, унтеръ-офицеру по 10, а рядовому по 4 дуката. Церковныя же вещи и украшенія потомъ разослано по костеламъ и церквамъ (уніятскимъ).

Въ это время прибылъ такъ-же изъ Каменца-Подольскаго войсковой судья съ инстигаторомъ и палачъ съ своими прислужниками. Начался допросъ поймaнныхъ гайдамакъ; ихъ пытали, и изъ ихъ показаній оказалось, что ихъ было 160 »молодцовъ« и что ватажко ихъ Иванъ Чуприна остановился и обрубился въ этомъ лѣсу, поджидая своего отряда изъ пятнадцати »молодцовъ«, который онъ выслалъ на грабежъ въ другую сторону, съ своимъ братомъ; что при батовнѣ ихъ находилось двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которыхъ они поименовали, но объявили, что они невинны, ибо служили у нихъ по принужденію; и что въ эту ночь ватажко ихъ, который былъ большой характéрникъ, усомнился въ своемъ счастьи, замѣтивши зловѣщій признакъ, а именно: когда онъ грѣлся у огня, вся *нýжа* сползлась у него къ воротнику. Тогда онъ и сказалъ: *Оттепéръ намъ бýде лúхо зъ врáжими Ляхáми!* Раздѣлившись на четыре отряда, гайдамаки намѣрены были ударить на разсвѣтѣ всѣ вдругъ, по данному знаку, на проломъ въ разныя стороны. Знакомъ этимъ долженъ былъ служить выстрѣлъ ватажка изъ пистолета, на который каждый отрядъ отвѣтилъ бы двумя ружейными выстрѣлами. Но этотъ планъ былъ разстроенъ непредвидѣннымъ случаемъ. Когда начало разсвѣтать, ватажко поползъ на четвереалькахъ къ опушкѣ лѣса, чтобъ высмотрѣть, что̀ дѣлаютъ Ляхи. За нимъ поползло нѣсколько »молодцовъ«, и вдругъ у одного изъ нихъ ружье, зацѣпясь за вѣтку, выстрѣлило. На этотъ фальшивый сигналъ отвѣтили другіе выстрѣлы, и прежде нежели гайдамаки сѣли на коней и построились въ боевой порядокъ, Польская пѣхота двинулась въ лѣсъ и произвела между ними замѣшательство, тѣмъ болѣе что ватажко ихъ палъ отъ первой пули. Судья записалъ всѣ эти показанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ длинный списокъ убитыхъ и живыхъ

гайдамакъ и произнесъ послѣднимъ приговоръ. Однихъ осудилъ онъ на висѣлицу, другихъ на колъ, третьихъ на четвертованье. Живыхъ отослали подъ сильной стражей въ Каменецъ-Подольскую крѣпость для исполненія этого приговора; а мертвыхъ четвертовали на мѣстѣ и разослали головы, руки и ноги по городамъ и мѣстечкамъ для всенародной выставки на кольяхъ. Остальныхъ зарыли въ Ялтушовскомъ лѣсу надъ большой дорогой и насыпали надъ ними, для вѣчной памяти, курганъ.

Что̀ касается до пятнадцати разбойниковъ, которыхъ поджидала здѣсь главная шайка, то они то же не ушли отъ бѣды. Двое изъ нихъ, высланные *на ча̀ты* (на развѣдыванье), были схвачены. Старый гайдамака не высказалъ ничего и вытерпѣлъ до конца всѣ муки, которыми пытали; но молодой, вовсе не разбойничьей наружности парень, допрошенный особо, объявилъ, что товарищи его засѣли уже нѣсколько дней тому назадъ въ оврагѣ посреди степей между скирдъ, миляхъ въ десяти отъ того мѣста по направленію къ Константинову. Его поколебали увѣренія, что ему не только будетъ дарована жизнь, но что будетъ онъ даже принятъ въ особенную панскую милость и поступитъ въ число надворныхъ козаковъ, потому что онъ понравился молодому князю Любомирскому. Онъ объявилъ такъ-же, что число хищниковъ увеличилось до тридцати новобранцами изъ поселянъ; что они высылаютъ на *Черный шляхъ* сторожу для поимки прохожихъ, которыхъ она уводитъ въ свой притонъ, и что у нихъ ужъ множество лошадей, добычи и плѣнныхъ. Въ заключеніе, онъ обѣщалъ проводить къ тому мѣсту Поляковъ.

Рейментарь тотъ-часъ выслалъ противъ нихъ триста человѣкъ пѣхоты, посадивъ ихъ на коней, взятыхъ въ Волошскихъ хоругвяхъ, и столько же городовыхъ козаковъ, съ двумя пушками, подъ начальствомъ молодого князя Мартина Любомирскаго, который за успѣшное дѣло въ лѣсу произведенъ былъ въ полковники. При немъ находился еще гувернеръ Французъ, какой-то баронъ, старый, какъ видно, служака, который потихоньку давалъ ему со-

вѣты. Старый маіоръ такъ-же отправился въ этомъ отрядѣ. Они двинулись быстрымъ маршемъ, а предводители съ остальнымъ войскомъ выступили въ-слѣдъ за ними. Молодой Любомирскій и здѣсь извернулся молодцомъ. Онъ такъ искусно подступилъ къ гайдамакамъ, и такъ хорошо воспользовался указаніями помилованнаго разбойника, что окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а высланныхъ на Черный шляхъ козаки нашли спящими за курганомъ. Но тѣ, что сидѣли въ оврагѣ, не хотѣли сдаться, хотя, для устрашенія, по нимъ выстрѣлили изъ пушекъ; напротивъ, принялись рѣзать своихъ плѣнниковъ, запертыхъ въ одной хаткѣ [потому что потомъ нашли тамъ зарѣзанныхъ восемнадцать Жидовъ, нѣсколькихъ Жидовокъ, одного уніята и одного ксенза; остальные были спасены приспѣвшею пѣхотою]. Гренадеры приняли гайдамакъ въ штыки и кололи, какъ дикихъ кабановъ. Трое были убиты, остальные перевязаны; но всѣ были такъ изранены, что большая часть ихъ перемерла до трехъ дней. Съ нашей стороны убитъ былъ только одинъ барабанщикъ и ранено ножами нѣсколько рядовыхъ. Выручено было изъ плѣна шестеро уніятовъ съ женами, пятеро ксензовъ, два Іезуита, болѣе двадцати женщинъ и дѣвицъ шляхтянокъ и болѣе дюжины шляхтичей. Всѣ они были набиты какъ сельди въ этой лачужкѣ и раздѣты почти до-нага. Но потомъ было открыто еще въ сосѣднихъ оврагахъ человѣкъ пятнадцать замученныхъ шляхтичей. Найдено около полутораста лошадей, какъ въ батовнѣ, такъ подъ сѣдлами и безъ сѣделъ. Между скирдъ нагромождено было великое множество колясокъ, брикъ, повозокъ, дорожнихъ возковъ, разнаго рода сундуковъ, чемодановъ, шкатулокъ и погребцовъ, награбленныхъ на большой дорогѣ. Региментарь и князь Антоній Любомирскій только на третій день прибыли съ войскомъ на то мѣсто. Освобожденные изъ разбойничьихъ рукъ плѣнники вышли имъ навстрѣчу съ непритворною радостью и благодарностью. Добыча, найденная при самихъ гайдамакахъ и въ повозкахъ, была очень значительна. Всему сдѣлана обстоятельная опись, и оставшіеся въ живыхъ владѣльцы показывали, что̀ у нихъ заграблено, обозначая разныя вещи, платья и мѣшки; потомъ ихъ отвели подъ особен-

ный навѣсъ, гдѣ разложено было все это имущество, и каждый получилъ то, что̀ было признано ему принадлежащимъ.

И здѣсь войско отдыхало трое сутокъ. По распоряженію начальствующихъ, отслужена была печальная панихида въ долинѣ смерти, и тѣла замученныхъ Христіянъ погребены были приличнымъ образомъ на кладбищѣ сосѣдняго села, а Жидамъ позволено было забрать трупы своихъ единовѣрцевъ для погребенія ихъ по своимъ обрядамъ. Остальная добыча опять была раздѣлена между войскомъ, а молодой князь Мартинъ Любомирскій наименованъ генераломъ, и тотъ-часъ отправленъ былъ гонецъ къ королю съ просьбою объ утвержденіи его въ этомъ чинѣ. Для войсковаго судьи и палача открылось новое поприще допросовъ и пытокъ. Нѣсколькихъ оставшихся въ живыхъ гайдамакъ четвертовали они на мѣстѣ, или посадили на колъ, а одному переломали руки и голени и потомъ повѣсили, зацѣпивъ желѣзнымъ крюкомъ за ребро, такъ какъ онъ признался въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. То былъ какой-то плутъ поповичъ изъ Волыни; приглянулся онъ какой-то уже немолодой госпожѣ, отравилъ ея мужа и на ней женился. Она записала ему свое имѣніе, и онъ началъ было уже называться дворяниномъ и даже паномъ мѐчникомъ. Потомъ, когда баба ему надоѣла, онъ такъ-же отравилъ и ее, а имущество ея присвоилъ себѣ. Наконецъ началъ дѣлать сосѣдямъ насилія, наѣзжая на ихъ дома. Его судили и приговорили къ смерти; но онъ ушелъ изъ Волыни и присталъ къ гайдамакамъ, которыхъ изумилъ изысканною жестокостью, съ какою онъ забавлялся муками несчастныхъ жертвъ, допрашивая ихъ, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, и заслужилъ отъ разбойниковъ имя *Исповѣдника*. Трупы падшихъ злодѣевъ погребены тѣмъ же самымъ порядкомъ, что̀ и первыхъ; руки и ноги казненныхъ развезены по городамъ и большимъ дорогамъ. Войско разошлось по старымъ становищамъ, а рейментарь и воевода Тарло отправился съ княземъ Антоніемъ Любомирскимъ въ Полонное. Въѣздъ нашъ въ этотъ городъ былъ тріумфальный. Насъ встрѣтили пушечною и ружейною пальбою съ крѣпостныхъ валовъ; а у самаго въѣзда въ Полонное комендантъ крѣ-

пости, старый Французъ Шамбонъ, поднесъ князю на бархатной подушкѣ ключи отъ воротъ, а тотъ передалъ ихъ генеральному региментарю. Мѣщанскіе цѣхи и Жидовскіе кагалы ожидали насъ у Кривыхъ воротъ, а у замковыхъ ректоръ Іезуитовъ на челѣ своего духовенства встрѣтилъ вождей и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой сравнивалъ ихъ съ какимъ-то Римскимъ великимъ Помпеемъ, который такъ-же нѣкогда воевалъ съ разбойниками, а молодого князя Мартина Любомирскаго, за его смѣлое вступленіе въ лѣсъ, уподобилъ какому-то рыцарю Курцію, который бросился въ открытую бездну. Во дворцѣ княгиня Любомирская, окруженная многочисленными гостьми, привѣтствовала на крыльцѣ побѣдителей. Между пріѣзжими находилась супруга короннаго подстолія, княгиня Гонората, и семейство князя Яблоновскаго, воеводы Познанскаго. Великолѣпный обѣдъ, частые бокалы, пальба съ валовъ, а вечеромъ фейерверкъ и танцы завершили этотъ веселый день. И надобно сказать, что никто не былъ лѣнивъ въ этой работѣ и не заставлялъ себя упрашивать къ очереднымъ бокаламъ, или тянуть за ухо къ танцамъ. Молодой князь Любомирскій и его дядя, князь Францискъ Любомирскій, только что прибывшій изъ-за границы, и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ въ короткіе Французскіе кафтаны, танцовали менуэтъ, экоссесъ, страсбургскій и штрайеръ; мы, въ кунтушахъ, отплясывали съ почетными паннами княгини (1) мазурку, краковякъ и польскій; а всѣ вмѣстѣ окончили балъ быстрымъ драбантомъ.

Но этимъ днемъ не кончились пиршества и танцы въ Полонскомъ за́мкѣ; ибо въ-старину съѣзжались рѣдко, но за-то надолго. На третьи сутки устроенъ былъ для дамъ спектакль, представляющій пораженіе гайдамакъ въ долинѣ скирдъ. Не вдалекѣ отъ одного изъ предмѣстій пріискана была мѣстность, напоминающая отъ-части тотъ оврагъ. Были тамъ и скирды, сложили и хатку въ

---

(1) Respectowe panny — родъ горничныхъ изъ шляхетскихъ фамилій. *Прим. издат.*

оврагѣ. Нѣсколько рядовыхъ было одѣто въ гайдамацкіе костюмы; другіе переодѣлись схваченными на дорогѣ проѣзжими; не было недостатка и въ переодѣтыхъ женщинахъ. Навели туда множество лошадей, навезли повозокъ, сундуковъ, словомъ — всего, что̀ было нужно для подражанія дѣйствительному происшествію. Все общество двинулось изъ за̀мка къ этому мѣсту — дамы и пожилые мужчины въ многочисленныхъ и блестящихъ экипажахъ, а молодежь вся верхами. Когда зрители усѣлись на приготовленныхъ для того лавкахъ, расположенныхъ уступами и покрытыхъ коврами, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, и спектакль начался тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ происходилъ онъ на самомъ дѣлѣ. Пѣхота и городовые козаки, разставленные въ отдаленіи, начали приближаться и окружать разбойничій притонъ. Молодой Любомирскій взобрался на стогъ сѣна и наблюдалъ все въ зрительную трубу, а Французъ-гувернеръ, какъ свидѣтель происшествія, объяснялъ княгинѣ и другимъ дамамъ разныя обстоятельства этой стычки съ гайдамаками. Молодой Любомирскій выслалъ одного изъ пойманныхъ шпіоновъ къ разбойникамъ, требуя сдачи, потому что они уже окружены со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто отвѣта, двѣнадцать разбойниковъ выѣхали верхомъ на возвышенность и принялись ругать и раззадоривать Ляховъ. Выстрѣлили по нимъ изъ двухъ пушекъ; двое повалилось съ лошадей; остальные поскакали къ хаткѣ и бросились терзать плѣнниковъ. Тутъ гренадеры прибѣжали и выломали дверь, съ крикомъ: »Бей ихъ! руби ихъ! въ штыки!« Началась схватка на штыкахъ и ножахъ; начали таскать раненныхъ и убитыхъ гайдамакъ и плѣнныхъ. Искусственная кровь лилась потоками, обагряя побѣдителей и побѣжденныхъ. Княгиня мать и присутствовавшія дамы осыпали ласками молодого Любомирскаго, который былъ героемъ дня. Жаль только, что полдень и закатъ его жизни не оправдали надеждъ, которыя подавало утро....

На другой день играли на театрѣ, недавно устроенномъ въ за̀мкѣ, французскую комедію. Мнѣ кой-какъ объясняли ее; но я всего только и помню, что въ ней много шуму дѣлала какая-то

Турчанка, любовница султана, очень похожая названіемъ на нашу попадью изъ Рогатина, на эту Роксолану, которая, говорятъ, то же была женой какого-то Турецкаго султана ([1]). Я сидѣлъ, какъ на Нѣмецкой проповѣди. Роли мужчинъ играли молодой Любомирскій, его гувернеръ и полковой лѣкарь, такъ-же Французъ; а женскія — сестра княгини Любомирской, Француженка, гувернантка маленькой княжны, и дочь старика коменданта, Шамбона; и такъ какъ между паннами-прислужницами не было ни одной, которая бы умѣла parler français [въ тѣ времена не всѣ, такъ какъ теперь, говорили на этомъ *бонжурномъ* языкѣ], то танцору Итальянцу дана была четвертая женская роль, и молодой, тщедушный Итальянчикъ довольно искусно представлялъ бусурманку. Должно было быть въ той комедіи что-то очень трогательное, потому что супруга пана старосты и другія дамы часто отирали глаза платками и кричали: Bravo! charmant! sublime! А меня, такъ больше всего забавляло то, что Турки говорили по-Французски и что актеры въ чалмахъ подъѣзжали къ женщинамъ съ такими ужимками, какъ наши пряничные франты, воротившіеся изъ Парижа.

За два часа скуки, которые провелъ я, глазѣя на сцену и ничего не понимая, я вознаградилъ себя на другой день на большой охотѣ, которою угостилъ насъ князь: убилъ я двухъ козловъ и одного вепря. Но какимъ образомъ воротился я съ охоты — не помню, потому что за охотничьимъ обѣдомъ, который данъ былъ подъ навѣсомъ въ лѣсу, князь всѣхъ насъ такъ употчивалъ, а особливо, когда къ концу обѣда начали пить, вмѣсто кубковъ, изъ охотничьихъ роговъ, что всѣ мы повалились тамъ же безъ памяти, и ужъ потомъ гайдуки уложили насъ въ экипажи и перевезли въ зáмокъ.

Такъ проводили мы въ Полонномъ нѣсколько дней въ пирахъ и танцахъ, а потомъ князь Яблоновскій пригласилъ все общество къ себѣ въ Лабунъ. Остался въ Полонномъ только молодой

([1]) Это, какъ видно, была трагедія Расина «Bajazet». *Пр. Изд.*

Любомирскій, которому отецъ поручилъ охраненіе крѣпости въ его отсутствіе......

Разскажу теперь о другомъ походѣ противъ гайдамакъ, въ которомъ я то-же участвовалъ. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ Ялтушовскаго дѣла, какъ начали ходить по нашей сторонѣ слухи, что сильная гайдамацкая шайка вышла изъ-за рѣки Синюхи, ограбила разныя помѣстья панскія въ Кіевскомъ воеводствѣ, углубилась далеко въ Полѣсье и будетъ возвращаться черезъ Волынь; но гдѣ она появится изъ лѣсовъ и зарослей на поляхъ и какимъ именно путемъ будетъ идти, никто не зналъ. Всеобщій ужасъ распространился между жителями отъ этихъ слуховъ; съ каждой милей они становились страшнѣе и страшнѣе. Только и рѣчей было всюду, что о гайдамакахъ. Тамъ видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей, то нищихъ, то бродягъ, вѣроятно, шпіоновъ гайдамацкихъ; въ другомъ мѣстѣ разсказывали, какъ разбойники сожгли домъ съ хозяиномъ и всѣмъ его семействомъ. Въ Овручскомъ повѣтѣ они, по словамъ разсказщиковъ, обратили въ пепелъ цѣлое мѣстечко, а Жидовъ вырѣзали до одного; въ Мозырскомъ якобы ограбили костёлъ и нѣсколько (уніятскихъ) церквей; а еще гдѣ-нибудь вторгнулись въ монастырь, жгли монаховъ на огнѣ и пороли имъ жилы; и съ каждымъ днемъ силы гайдамакъ, въ этихъ разсказахъ, увеличивались, такъ что ужъ ихъ насчитали, можетъ быть, въ десять разъ больше, нежели сколько ихъ было въ самомъ дѣлѣ. На дорогахъ безпрестанно встрѣчались шляхта и Жиды, перевозившіе женъ, дѣтей и лучшее изъ движимости въ города и небольшія укрѣпленія въ магнатскихъ имѣніяхъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь защиту.

Княгиня Любомирская въ то время была беременна. Въ Ровномъ довольно было надворнаго войска; но какъ этотъ городъ не былъ укрѣпленъ, то мужъ, для большей безопасности и спокойствія, рѣшился перевезть ее въ Полонскій замокъ, гдѣ бы она разрѣшилась отъ бремени. Антоній Любомирскій находился въ то время съ женой въ своихъ Сандомирскихъ имѣніяхъ, откуда намѣренъ былъ переѣхать, по судебнымъ дѣламъ, въ Люблинъ, и

сынъ ихъ, молодой князь Мартинъ, остававшійся для охраненія крѣпости, предложилъ къ услугамъ своего дяди весь свой дворецъ. Итакъ мы двинулись изъ Ровнаго, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя рейтаръ и козаковъ, а пѣхота послана была впередъ. Въ Славутскихъ лѣсахъ встрѣтилъ князя и княгиню молодой Любомирскій, съ сильнымъ отрядомъ войска и четырьмя пушками, изъ которыхъ, во время отдыха въ лѣсу, приказалъ, для забавы княгини, раздробить нѣсколько сосенъ. Достигши благополучно Полоннаго, застали мы всѣ постоялые и мѣщанскіе дома наполненными шляхтою, которая собралась сюда изъ близкихъ и далекихъ окрестностей, ища убѣжища подъ защитой крѣпости. До сихъ поръ не было навѣрное извѣстно, куда повернули гайдамаки. Посылали развѣдывать Жидовъ, но они возвращались ни съ чѣмъ, потому что, хоть ихъ и соблазняла богатая награда, которую имъ обѣщали, но опасеніе попасться въ руки гайдамакъ подавляло въ нихъ и самую жадность къ деньгамъ.

Наконецъ князь Мартинъ Любомирскій выслалъ восемь вѣрныхъ и расторопныхъ козаковъ, давши каждому по десяти червонцевъ на дорогу и обѣщавъ дать въ десять разъ больше тому изъ нихъ, кто привезетъ вѣрныя вѣсти о направленіи пути и силѣ гайдамакъ. Козаки отправились каждый въ свою сторону, и долго не было о нихъ никакого слуху; наконецъ четверо воротились ни съ чѣмъ. Собравшаяся въ Полонномъ шляхта, будучи принуждена дорогою цѣною платить за неудобное помѣщеніе и негодные съѣстные припасы, начала ужъ роптать, что ихъ обманываютъ баснями, что, если гайдамаки и были гдѣ-нибудь, то ужъ должны воротиться въ свои притоны, и стала разъѣзжаться по домамъ. Въ это время двое изъ высланныхъ козаковъ, Гла́дкій и Лобода́ [я помню очень хорошо имена каждаго изъ нихъ] воротились изъ соглядатайства. Тотъ-часъ представили ихъ князю Мартину. Оба они пришли пѣшкомъ, въ мужичьей одеждѣ, и принесли такое донесеніе:

»Милостивый князь и батько! долго мы съ трудомъ пробирались въ-одиночку по лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ; нако-

нецъ случайно встрѣтились у одного хутора въ глухомъ бору надъ ручьемъ и только тамъ получили вѣрныя извѣстія о гайдамацкомъ становищѣ, отъ стараго пасичника. Бородачъ этотъ знается съ ними, а мы прикинулись, что тоже хотимъ пристать къ »молодцамъ«. Онъ и наставилъ насъ, какъ къ нимъ пробраться; и какъ онъ намъ сказалъ, что они покупаютъ лошадей, то мы воротились въ мѣстечко Звяхло и, промѣнявъ тамъ свою козацкую одежу на мужичью, купили за деньги, пожалованныя намъ отъ васъ, милостивый князь, по другой еще лошади и уже знакомыми *мановца́ми* (дорогами напрямикъ) пустились къ гайдамацкому притону, подъ видомъ парубковъ, которые привели лошадей на продажу. Они стоятъ, отсюда въ добрыхъ десяти миляхъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, въ урочищѣ *Обозови́ще*. Мы ужъ застали тамъ двоихъ нашихъ товарищей-козаковъ, Кирила Ласуна и Ивана Ворону. Тѣ прикинулись, какъ-будто пристали къ гайдамакамъ и показываютъ видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Особенно Ласунъ имъ полюбился и живетъ съ старшиною за панибрата. Теперь онъ ходитъ въ золотѣ и серебрѣ, точно какой вельможа. Да и всѣ они носятъ золотые пояса, красные суконные ку́нтуши, шелковые жупа́ны и собольи шапки, а оружіе у нихъ такое дорогое, что и Турецкій паша не постыдился бы носить при боку. Продали мы имъ своихъ купленныхъ лошадей съ сѣдлами; заплатили они намъ щедро, и вотъ мы принесли вамъ, милостивый князь, въ калиткахъ червонцы. Ворона старался держаться отъ насъ подальше, чтобъ не дать подозрѣнія, посматривалъ только сбоку, поглаживая усъ, и изрѣдка подмигивалъ намъ, нахмуривши брови. Но Ласунъ былъ при продажѣ лошадей, помогалъ торговаться, *могори́чъ* пилъ и просилъ насъ привести еще лошадей съ сѣдлами, а между тѣмъ украдкою шепнулъ намъ, что ватажко, Семенъ Чортоусъ, до сихъ поръ не собралъ еще всѣхъ молодцовъ, разосланныхъ за добычею, которыхъ всего у него человѣкъ триста слишкомъ; что до сихъ поръ соединилось только два отряда, а другихъ двухъ поджидаютъ; что они послѣ завтра выступятъ оттуда, двѣ мили далѣе, въ урочище ***Мазе́пина Моги́ла***, гдѣ на-

значенъ сборъ всѣмъ шайкамъ: а оттуда пустятся дальше искать счастья. Онъ велѣлъ намъ летѣть птицею и увѣдомить васъ, милостивый князь, по секрету, чтобы вы были готовы и держали ногу въ стремени, а съ другими не пускаться въ раздобары, потому что у гайдамакъ вездѣ есть свои шпіоны. Когда же перейдутъ къ Мазепиной Могилѣ, то онъ останется, чтобъ ихъ морочить, а Ворона дастъ драла и приведетъ васъ, милостивый князь, прямехонько къ гайдамакамъ.«

Князь далъ этимъ козакамъ по пятидесяти рублей, обѣщавъ выдать остальные, когда донесеніе ихъ оправдается, и велѣлъ имъ до времени гдѣ-нибудь скрыться. Начали готовиться къ походу, никому не объявляя цѣли своихъ приготовленій и дожидаясь прибытія Вороны. Какъ вотъ на третьи сутки въ полночь явился у воротъ, называвшихся Кіевскими, гонецъ на усталомъ и задыхающемся конѣ и требовалъ, чтобъ его тотъ-часъ впустили въ за́мокъ. То былъ Ворона. Но его никто бы не узналъ: онъ былъ въ богатомъ кунтушѣ съ рубиновыми пуговицами и въ гайдамацкомъ вооруженіи. Сторожевой офицеръ, по сдѣланному напередъ распоряженію, тотъ-часъ отвелъ его въ караульню, куда вскорѣ пришелъ и князь Мартинъ Любомирскій. Поклонившись князю въ колѣни, Ворона началъ разсказывать, что, когда, на другой день по прибытіи къ Мазепиной Могилѣ, пришла въ таборъ другая шайка, онъ, воспользовавшись общимъ говоромъ и суматохою, ушелъ отъ гайдамакъ, не будучи никѣмъ замѣченъ и преслѣдуемъ. »Надобно намъ спѣшить, милостивый князь«, продолжалъ онъ, »потому что завтра и остальные гайдамаки соединятся съ ватажкою, а черезъ нѣсколько дней они выступятъ въ степи, къ Константинову, на который намѣрены напасть среди бѣла дня, разграбить и зажечь, потому что чувствуютъ себя довольно для того сильными. Теперешнее ихъ становище заросло молодымъ боромъ и довольно просторное; но окружить ихъ можно, потому что оно расположено на острову, окруженномъ рѣкою и топкимъ болотомъ, черезъ которое не пройдетъ ни человѣкъ, ни конь, ни собака. Только три плотины ведутъ на островъ. Надобно намъ взять

съ собой хлѣба и кушаньевъ дня на четыре, потому что я васъ, милостивый князь, буду вести лѣсами и зарослями, и только одно село будемъ переходить, чтобъ переправиться тамъ черезъ Случъ; а пѣхоту и пушкарей надобно бы везти на подводахъ. Гайдамаки ободрились своею удачею и не очень устороживы, потому что до сихъ поръ никто и въ глаза имъ не заглянулъ; а шпіоны ихъ, которые были здѣсь въ Полонномъ, донесли имъ, что укрѣпляютъ за́мокъ, что ихъ боятся, и потому имъ не приходитъ и въ голову, чтобы кто вздумалъ искать ихъ. Безпечныхъ легко можно застать въ-расплохъ, лишь бы не терять времени.«

Встрепенулся молодой полководецъ. Уже пришли къ нему, два дня тому назадъ, изъ Бара одинъ козацкій и одинъ пѣшій полкъ, которые вмѣстѣ заключали въ себѣ до шести-сотъ человѣкъ. Прибавивъ сюда первый регименть старосты Казимірскаго, Антонія Любомирскаго, отрядъ пѣхоты изъ Ровнаго, часть гарнизона, надворныхъ рейтаръ, да козаковъ Полонскихъ и Ровенскихъ, насчитали 600 человѣкъ конницы, 750 пѣхоты и 18 пушекъ. Надобно замѣтить, что въ Полонномъ уменьшилось войска по случаю отъѣзда въ Польшу князя Антонія, котораго сопровождали 24 рейтара и 50 козаковъ; да сверхъ того 50 человѣкъ пѣхоты съ тремя офицерами отправлено въ Варшаву при обозѣ съ поташемъ, саломъ и масломъ для продажи.

Я просилъ позволенія участвовать и въ этомъ походѣ, потому что княгиня Гонората и князь подстолій коронный поручили мнѣ ѣхать и беречь жизнь князя Мартина. Въ полъ-день мы выступили изъ Кіевскихъ воротъ. За городомъ, около Дертки, стояло на-готовѣ нѣсколько сотъ подводъ. На каждой изъ нихъ помѣстилось по три пѣхотинца, и войско двинулось въ путь; а впереди козакъ Ворона указывалъ дорогу. Это была охота на крупнаго звѣря, у котораго и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе очень остры, а когти еще острѣе, и потому, подъ строжайшею карою, запрещено было не только разговаривать, кашлять, но даже высѣкать огонь и курить табакъ. Ворона повернулъ съ большой дороги на тропинку вправо. Мы ѣхали лѣсомъ молча, тихо, такъ что только

развѣ изрѣдка пушечное колесо стучало, наскочивъ на древесный корень, или трещали сухіе сучья на дорогѣ. Останавливались на самое короткое время для отдыха, а потомъ опять шли день и ночь. До Случи переправы были еще сносны, но потомъ забрались мы въ такія трущобы, заросли, вертепы и выбои, что съ трудомъ вытаскивали возы и пушки изъ этого истинно Полѣсскаго колтуна. Къ счастью нашему, эту часть пути случилось намъ проходить при дневномъ свѣтѣ. Когда мы выбрались изъ этой пущи и достигли болѣе жидкаго бора, Ворона соскочилъ съ коня и отъ радости поцѣловалъ землю, благодаря Бога, что помогъ намъ выдти безъ всякаго несчастья изъ этой трущобы: ночью намъ удалось бы это развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Рѣдкіе люди эти козаки Русины! что̀ за проворство, что̀ за смѣтливость! а проводниковъ не найдете вы нигдѣ подобныхъ; въ бѣдѣ всегда придумаютъ, какъ извернуться, и если который изъ нихъ привяжется душою къ пану, то и Швейцарца не нужно.

Невдалекѣ отъ этихъ зарослей находился хуторъ того пасичника, о которомъ говорили первые вѣстники. Мы тотъ-часъ его окружили и схватили стараго негодяя. Нѣсколько рядовыхъ было оставлено въ его хатѣ для стражи, чтобы кто-нибудь изъ его семьи не увѣдомилъ о насъ гайдамакъ, а самого его взяли мы съ собой и велѣли ему вести себя къ притону разбойниковъ. Ворона предупредилъ насъ, что версты черезъ двѣ по нашей дорогѣ стоитъ небольшая лѣсная деревушка, состоящая изъ нѣсколькихъ хижинъ, и совѣтовалъ такъ-же окружить ее неожиданно, чтобы и оттуда гайдамакамъ не передалъ никто вѣсти, а между тѣмъ, можетъ быть, удастся — говорилъ онъ — схватить кого-нибудь изъ ихъ шайки. Для этого отправленъ впередъ полковникъ Мурзенко съ его козаками и Вороною, а мы слѣдовали за ними поодаль, по указаніямъ пасичника и Лободы. Мурзенку посчастливилось не только окружить деревушку, но поймать и двоихъ гайдамакъ, которые пріѣхали туда покупать сала и хлѣба. И здѣсь красивый и ловкій молодецъ оказался менѣе закоренѣлымъ злодѣемъ, нежели его пожилой товарищъ. На особомъ допросѣ, онъ признался кня-

зю Мартину со слезами, что его гайдамаки похитили еще ребенкомъ на Подольи изъ шляхетскаго дома, что онъ взросъ на Сѣчи, какъ воспитанникъ и слуга реестрового козака, что теперь вышелъ впервые въ походъ подъ надзоромъ этого старшаго гайдамаки, котораго приказано ему называть *дядькомъ*, и что на него еще не полагаются и ни на шагъ отъ себя не отпускаютъ. Когда же князь обѣщалъ не только простить его, но еще принять въ число надворныхъ козаковъ, если искренно во всемъ сознается и проводитъ къ табору ватажка, тогда онъ обѣщалъ и поклялся не только провести, но указать мѣста, по которымъ всего удобнѣе обложить находящійся среди болотъ островъ, и заградить на трехъ плотинахъ изъ него выходъ. Онъ сообщилъ, что уже всѣ шайки соединились вчера у Мазепиной Могилы, а послѣ завтра намѣрены двинуться въ степи, къ Константинову. Что касается до описанья мѣстности гайдамацкаго притона, то показанья его согласовались съ разсказомъ Вороны. Но старый разбойникъ не сознался ни въ чемъ. Ни обѣщанія и увѣщанія войскового судьи, ни пытка, въ которой палачъ работалъ отъ всего сердца, не въ силахъ были прервать упорнаго молчанія закаленнаго въ терпѣливости разбойника. Мы провели ночь въ этой деревушкѣ, а между тѣмъ пришли толпы мужиковъ, согнанныхъ изъ ближайшихъ селъ, съ заступами и топорами, — всего человѣкъ тысяча. Рано утромъ пустились мы въ дальнѣйшій путь. Мурзенко съ козаками служилъ намъ авангардомъ. Послѣ дневного похода, достигли мы одного урочища, гдѣ въ-старину должно было существовать какое-то поселеніе; потому что въ лѣсу замѣтны были на большомъ пространствѣ слѣды садовъ и загоновъ; остатки хатъ и колодези такъ же указывали на пребываніе жителей въ этомъ мѣстѣ. Здѣсь новообращенный гайдамака сказалъ намъ, что до Мазепиной Могилы остается только полъ-мили, и совѣтовалъ, чтобы обождать здѣсь до двухъ часовъ по полуночи, или, какъ выразился онъ, указавъ на искрящееся звѣздами небо, *поки не зайдуть Козаре*. А когда молодой князь Любомирскій высказалъ опасеніе, чтобы гайдамаки не замѣтили насъ въ этихъ

мѣстахъ, онъ отвѣчалъ: »Не бойтесь, ни одинъ изъ нихъ ночью не осмѣлится заглянуть сюда, потому что урочище считается заклятымъ, то есть такимъ, на которомъ упыри и вѣдьмы дѣлаютъ разныя па́кости и пугаютъ прохожихъ: поэтому-то и называютъ его *Ку́цого Чо́рта Слобода́*. Но, видно, та ночь была не по вкусу чертямъ, потому что ни одно страшилище не пришло пригласить на танецъ вѣдьму, которую мы привезли съ собой въ особѣ обозной маркитантки, жены одного капрала, очень способной летать на кочергѣ.

По мѣрѣ того, какъ потухали звѣзды, на небѣ становилось замѣтнѣе зарево отъ разбойничьихъ огней. Основываясь на показаніяхъ Вороны и молодого гайдамаки, составленъ былъ планъ обложенья разбойниковъ. При началѣ каждой изъ трехъ плотинъ рѣшено было поставить по шести пушекъ, обезопасивъ ихъ отрядами пѣхоты и рвомъ; мужиковъ же разставить вокругъ острова, въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другого, съ тѣмъ чтобы они, лишь только начнется пушечная пальба, рубили деревья и кустарники для устройства засѣки; Мурзенко и Бериславскій съ козаками и рейтарами должны были присматривать за древосѣками и понуждать ихъ къ работѣ; остальную пѣхоту предположено было разставить, въ качествѣ стрѣльцовъ, надъ болотомъ вокругъ острова.

Послѣ этого, въ порядкѣ и молчаніи, двинулись мы изъ Куцаго Чорта Слободы, въ два часа по полуночи, оставивъ тамъ брики, подводы и мужичьихъ лошадей. Все пошло у насъ какъ по маслу. Слабый свѣтъ только что начинающагося утра позволялъ намъ расположить какъ слѣдовало пушки, войско, мужиковъ надъ болотомъ, и спящимъ послѣ попойки гайдамакамъ даже и не грезилось, что ужъ попали въ западню, тѣмъ болѣе, что они полагались на недоступность зарослей и топей и не считали даже нужнымъ поставить на плотинахъ сторожу.

Князь Мартинъ, объѣхавши всѣ пункты и удостовѣрившись, что уже всѣ на своихъ мѣстахъ, подалъ условный знакъ. Первыя шесть пушекъ, поставленныхъ противъ самой большей плотины, грянули, раздробляя въ щепья деревья. Имъ отвѣчали другія двѣ

батарей, и тысяча сѣкиръ вдругъ застучали объ сосны. Не весело было проснуться разбойникамъ среди подобнаго гула и треска. Сдѣлавъ по два выстрѣла, пушки умолкнули, остановились и топоры; Ворона закричалъ разбойникамъ въ жестяную корабельную трубу, чтобы сдались, потому что окружены со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько минутъ не было слышно никакого отвѣта. Вдругъ на главной плотинѣ раздался топотъ десяти или пятнадцати лошадей и крики: ***Гони! лови! Постой, Кирило!*** и прежде нежели пѣхота выстрѣлила изъ ружей, прискакалъ, на распущенномъ, какъ вихорь, конѣ, ѣздокъ и бросился между пушекъ. Тогда только узнали въ немъ Кирила Ласуна. Преслѣдовавшіе его гайдамаки отбиты были густой пальбой изъ карабиновъ, и нѣсколько человѣкъ повалилось съ лошадей. Между тѣмъ развѣло. На троекратно, повторенное воззваніе сдаться, гайдамаки наконецъ отвѣчали грубіянскимъ и оскорбительнымъ крикомъ, въ которомъ они не щадили ни насъ, ни нашихъ матерей; и потому опять загремѣли пушки и застучали по лѣсу топоры. Въ нѣсколько часовъ крѣпкая засѣка окружила притонъ разбойниковъ, а пушечные ядра наваляли на острову множество сосенъ, которыя давили людей и лошадей. Гайдамаки пробовали отстрѣливаться изъ ружей, взобравшись на деревья, и наша пѣхота по нимъ стрѣляла; но болото было слишкомъ широко для ручной перестрѣлки. Съ нашей стороны было убито только нѣсколько человѣкъ, да человѣкъ пятнадцать ранено.

Такъ прошелъ цѣлый день. Кирило Ласунъ присовѣтовалъ подѣлать на плотинахъ высокіе завалы изъ сучьевъ, пней, стволовъ древесныхъ и хворосту, на которыхъ бы лошади спотыкались и падали, ибо ватажко непремѣнно рѣшится идти на проломъ. Хорошо мы сдѣлали, что его послушались, потому что, какъ потомъ оказалось, Чортоусъ, раздѣливъ своихъ молодцовъ на три отряда, предпринялъ въ эту ночь ударить разомъ въ три стороны на пушки и проложить себѣ дорогу. Мы сторожили его въ полномъ вооруженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. На плотины наведены были пушки, заряженныя картечью. И вотъ, въ глу-

бокую ночь, вдругъ послышался тихій лошадиный топотъ, который, по мѣрѣ приближенія къ плотинамъ, становился яснѣе; наконецъ загудѣли плотины отъ стуку копытъ: гайдамаки громко закричали: *Нýте, брáття, абó добýти, абó дóма не бýти!* и поскакали во весь духъ. Мы дали имъ приблизиться, чтобъ они всѣ взъѣхали на плотину, такъ какъ мы разчитывали, что они увязнутъ на переднихъ завалахъ. Наконецъ грянули пушки. Наступилъ Страшный Судъ! Черезъ каждыя двѣ-три минуты баттареи отвѣчали одна другой, стоны умирающихъ и раненныхъ, топотъ лошадей, трескъ раздробленныхъ картечью деревъ раздавались по лѣсу, и все это происходило въ ночной темнотѣ, которая только отъ времени до времени озарялась пушечными выстрѣлами и увеличивала еще болѣе ужасъ этой сцены. До самого разсвѣта продолжался громъ пушекъ. Это былъ новый родъ игры въ кровавыя жмýрки, въ которой пушкари, съ завязанными чернымъ платкомъ ночи глазами, поражали всякаго, кто подвернется подъ выстрѣлъ. Только при утреннемъ свѣтѣ увидѣли мы, какое бѣдствіе постигло гайдамакъ. На каждой изъ трехъ плотинъ лежало по нѣскольку десятковъ убитыхъ людей и лошадей, а въ болотѣ видно было нѣсколько утопшихъ. На большой плотинѣ, посреди вѣтвей и кольевъ, которыми она была загромождена, лежалъ завязнувшій и уже мертвыйватáжко Семенъ Чортоусъ; подлѣ него издыхалъ конь чудной красоты. Узнали ватажка Ворона и Ласунъ. Богатая сбруя и рѣдкаго достоинства сабля, которую нашли при немъ, сдѣлались добычею князя Мартина Любомирскаго. Должно быть, опасно носить оружіе, добытое отъ чародѣя! [а Чортоуса называли *характéрникомъ.*] Можетъ быть, въ этой саблѣ заключена была тайная сила, тянувшая владѣтеля къ насиліямъ и грабежу, которыми, къ несчастью, запятналъ себя въ-послѣдствіи побѣдитель гайдамакъ у Мазепиной Могилы!

По приказанію князя, Ласунъ закричалъ въ жестяную трубу, чтобы оставшіеся въ живыхъ сдались, если не хотятъ погибнуть. Черезъ нѣсколько времени показалось на плотинѣ 36 разбойниковъ здоровыхъ и 8 раненныхъ; только всего и уцѣлѣло ихъ изъ

трехъ-сотъ отборныхъ »молодцовъ«, да еще вытащено нѣсколько человѣкъ изъ болотныхъ зарослей. Къ нимъ приставили караулъ и велѣли ихъ переодѣть въ мужичье платье, а изъ каждаго ихъ жупана выпороли по нѣскольку сотъ червонцевъ. Потомъ приступлено къ вытаскиванью изъ болота труповъ и перебитыхъ лошадей; съ однихъ снимали одежду и вооруженіе, а съ другихъ сѣдла и чепраки; потому что у гайдамакъ вездѣ были зашиты золото, серебро и драгоцѣнности, награбленныя въ нѣсколькихъ десяткахъ домовъ, (католическихъ и уніятскихъ) церквей и мѣстечекъ. Наконецъ гренадеры вступили въ гайдамацкій станъ, чтобъ разорить его. Тамъ нашли въ батовнѣ 80 лошадей живыхъ и около 15 убитыхъ; вытащили изъ лѣсу трупы; оружіе и сбрую снесли къ мѣсту дѣлежа, и тотъ-часъ приступлено къ описи добычи. Между тѣмъ прибылъ войсковой судья съ слѣдователями и палачъ съ своими прислужниками, — одни для изреченія приговора трупамъ, другіе для глумленія надъ ними; ибо живыхъ плѣнниковъ, для подробнѣйшаго допроса, тотъ-часъ отправлено, въ оковахъ и подъ сильною стражею, въ подземелья Полонскаго за́мка, которыя назывались *Индіею*. Войско оставалось здѣсь до слѣдующаго дня, и въ это время раздѣлена добыча между офицерами и рядовыми; даже и мужикамъ дали по нѣскольку мѣдныхъ монетъ. Не забыли такъ-же ни блюстителя правосудія, ни исполнителей его приговора. Послѣдніе увеличили свою награду, найдя въ желудкѣ одного четвертованнаго гайдамаки сто червонцевъ, которые онъ проглотилъ, свернувши въ трубочки. Наконецъ наступила обычная въ такихъ случаяхъ разсылка по мѣстечкамъ и большимъ дорогамъ головъ, рукъ и ногъ разбойничьихъ, что̀, правду сказать, производило больше отвращенія въ прохожихъ, нежели спасительнаго страха въ продавшихъ себя чорту злодѣяхъ.

Войско выступило въ обратный путь, пробираясь мѣстами, ближайшими къ большой дорогѣ. Жолнѣры шли весело, бесѣдуя о недавнихъ приключеніяхъ и радуясь добычѣ, которую получили, неокровавивъ рукъ, ибо все сдѣлали однѣ пушки. Проѣзжая

мимо пѣхоты, я услышалъ пѣсню, которой одинъ куплетъ до сихъ поръ помню:

Cóż będziemy robili,
Gdyśmy wartę odbyli?
Weźmiem flinte, patrontas,
Pójdziem na wieś kury kraść. (1)

»О-го!« подумалъ я, »не даромъ зовутъ васъ курохватами! А отъ лычка и до ремешка. При удобномъ для грабежа случаѣ, вы бывали не лучше этихъ гайдамакъ.« (2)

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Послѣднія слова престарѣлаго Польскаго пана приводятъ насъ къ причинѣ происхожденія и развитія гайдамачества въ Польскомъ королевствѣ. Первоначальными гайдамаками были въ немъ его собственные *жолнѣры* (военные люди), отъ которыхъ страдали всѣ провинціи и которые, состоя почти изъ одной шляхты, вкоренили въ ея духѣ всеподавляющій деспотизмъ личнаго произвола. Общественный порядокъ въ этомъ несчастномъ государствѣ основанъ былъ на правѣ сильнаго, которое отъ Рад-

(1) Что же намъ дѣлать, отбывъ свою службу? Возьмемъ ружье и патронташъ и пойдемъ на деревню красть куръ.

(2) Слѣдуетъ замѣтить, что оба похода на гайдамакъ, описанные паномъ Закревскимъ, происходили за нѣсколько лѣтъ до 1768 года, то есть до Колiивщины. Онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, или лучше — воспоминаніяхъ, что, еще до этихъ походовъ, онъ видѣлъ однажды Гонту, »который натворилъ столько бѣдъ въ-послѣдствіи«. Далѣе, онъ разсказываетъ, въ числѣ воспоминаній о позднѣйшемъ періодѣ своей жизни, интересныя подробности о казни Гонты, которыя будутъ приведены мною въ другомъ мѣстѣ. *Издат.*

зивилловъ, Потоцкихъ и имъ подобныхъ магнатовъ нисходило до послѣдняго человѣка въ королевствѣ, носившаго оружіе, и чѣмъ ниже спускалось, тѣмъ было нестерпимѣе для народа, который рѣзко былъ отличенъ въ »правахъ и вольностяхъ« отъ шляхетства. Поляки не шутя вѣрили, что мужики произошли отъ Хама и созданы именно для того, чтобы работать на пановъ (¹), и ни одному государственному человѣку не приходило у нихъ въ голову позаботиться объ улучшеніи участи этой отверженной касты, которая составляетъ плодотворную почву каждаго государства. Во внутреннихъ областяхъ все молчало и творило панскую волю отъ поколѣнія къ поколѣнію; но на пограничьи духъ личной независимости былъ развитъ въ высшей степени, и неистовства шляхетныхъ деспотовъ не могли быть долго терпимы Украинскимъ простонародьемъ. Сосѣдство съ хищными Татарами создало здѣсь въ народѣ потребность противодѣйствія ихъ набѣгамъ. Человѣкъ на Украйнѣ зависѣлъ отъ личной храбрости болѣе, нежели гдѣ-либо, и только смѣлый, только рѣшившійся на все могъ пользоваться правомъ займа пастьбищъ и рыбныхъ ловель въ виду степей, по которымъ рыскали, какъ голодные волки, Татары. Не земляной валъ, которымъ окружала себя въ тѣ времена самая ничтожная усадьба въ Украйнѣ, защищалъ здѣсь человѣка, а такой же лукъ, такое же ружье и сабля, какими вооружены были хищники; и если Украинцы умѣли отсиживаться отъ Орды въ своихъ редутахъ, то мало-помалу должны были научиться и нападать на нее. Можетъ быть, они начали учиться этому искусству съ такихъ естественныхъ попытокъ, какую, послѣ *руины* и *сгóну*, сдѣлалъ одинъ изъ ея поселянъ, Кýзубъ съ товарищами (²), но мало-помалу выдвинулись въ степи смѣлѣе и начали мѣряться съ Татарами наѣздничествомъ не на шутку; наконецъ составили изъ своихъ смѣльчаковъ безженное общество среди недоступныхъ камышей въ низовьяхъ Днѣпра и въ свою очередь сдѣла-

---

(¹) См. т. I, стр. 101, »Базиліяне«.

(²) Тамъ-же, стр. 102 — 103, »Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга«.

лись ужасомъ Крыма и Турціи. Сами Поляки способствовали устройству этого полурыцарскаго, полу-разбойничьяго братства; но какъ оно составлялось большею частію изъ Украинцевъ, недовольныхъ притѣсненіями жолнѣровъ, пановъ и Жидовъ–арендаторей, то, постепенно развивая въ себѣ къ нимъ ненависть, проникнулось наконецъ такою же враждою ко всему католическому и жидовскому, какъ и ко всему мусульманскому. Отсюда–то пошли войны Косинскаго, Наливайка и т. д. до Чортоуса и Зализняка. Запорожцы выступали изъ Сѣчи на Украйну, дѣлали воззванія къ народу, собирали въ большемъ, или меньшемъ объемѣ ватаги, подобныя ватагамъ Чуприны, Чортоуса и Зализняка, и истребляли все не-Русское и не–»благочестивое«, сопровождая, разумѣется, свою рѣзню грабежемъ и пожарами.

III.

НАЙМИЧКА,

поэма.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, въ числѣ бумагъ, доставшихся ему отъ кого-то по наслѣдству, передалъ мнѣ тетрадь разныхъ пѣсень и стиховъ, писанную женскимъ почеркомъ, и всё на Малороссійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ альбомовъ, которыхъ множество ходитъ по рукамъ между нашими Малороссійскими барышнями, и въ особенности между тѣми изъ нихъ, которыя не были въ пансіонахъ и не учились по-Французски. Я люблю эти альбомы и не пропускаю ни одного изъ нихъ не перелиставши. Въ нихъ обыкновенно бываютъ набраны стихи безъ особенной разборчивости, но всегда по внушенію сильнаго чувства. Прочитывая пѣсню за пѣснею, стихи за стихами, въ нихъ читаешь тайную исторію свѣжей души, любящей, или готовой любить съ самоотверженіемъ. Какъ бы эти альбомы, или тетради ни были плохо написаны, затасканы и иногда исчерчены дѣтскими перьями и карандашами, — они всегда для меня интересны; и особенно пріятно мнѣ встрѣчать въ нихъ проявленіе вкуса къ мѣстнымъ красотамъ природы и человѣка. Здѣсь самопознаніе важно въ томъ смыслѣ, что оно примиряетъ молодыя души съ окружающими ихъ предметами, заставляетъ ихъ цѣнить и любить то, что̀ представляется глазамъ ежедневно, и удерживаетъ отъ безплоднаго стремленія къ какимъ-то лучшимъ странамъ и лучшимъ людямъ, — тогда какъ для души, согрѣтой истинной поэзіей, нѣтъ страны лучше той, въ которой мы почувствовали впервые наслаж-

деніе смотрѣть на лица человѣческія. Любовь къ роднѣ и ея поэзіи ведетъ человѣка къ тому высокому разуму сердца, который дѣлаетъ всѣ племена земныя намъ родственными, но обращаетъ наши силы на пользу тѣхъ, кто по-преимуществу называется нашими ближними. Не полюбивъ матери, отца, или по крайнеі мѣрѣ кормилицы, няньки и товарищей дѣтства, мы не полюбимъ, въ позднѣйшемъ возрастѣ, людей, намъ постороннихъ: и если наше сердце не будетъ трепетать отъ звуковъ той поэзіи, которая создала наши колыбельныя пѣсни, — нѣмы будутъ для него всѣ высокіе звуки, устремляющіе насъ къ благому и великому. Поэтому я всего больше радуюсь пробудившейся въ нашихъ грамотныхъ Малороссіянкахъ любви къ роднымъ пѣснямъ и родноі словесности. Это вѣрный залогъ распространенія нравственныхъ понятій въ нашемъ обществѣ и примѣненія ихъ къ жизни; ибо, какъ я сказалъ, нельзя любить и чужого, не любя своего; а безъ любви ничто живое, плодотворное не можетъ быть привито человѣку; и дѣти, воспитывающіяся безъ высокихъ нравственныхъ вліяній, не принесутъ истинной пользы ни своему родному, ни другому племени. Національная поэзія, поднимая въ молодой душѣ будущей матери все чисто человѣческое надъ матеріальнымъ, готовитъ въ ней апостола добродѣтели не на одно, а на нѣсколько грядущихъ поколѣній. Женщина, проникнутая поэзіею своего народа, проникается его нравственными убѣжденіями, выраженными въ гармоническихъ формахъ; а народъ, въ своей совокупности, есть самое нравственное существо, у котораго лучше всего учиться дѣятельному благочестію. И за добро, принятое отъ него въ душу, каждый возвратитъ ему добромъ, внушаемымъ благодарною любовію: въ чемъ собственно и состоитъ цѣль воспитанія.

Итакъ альбомы нашихъ уѣздныхъ и хуторскихъ барышень, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, получили опредѣленный характеръ — начали наполняться, если не сплошь, то большею частью, произведеніями Малороссійской простонародной и образованной музы. Высказанныя выше причины, а не насмѣшливое любопытство

человѣка, знакомаго съ литературами иноплеменными — какъ водилось во времена Пушкина (1) — заставляетъ меня прочитывать ихъ, и часто я бывалъ награжденъ за свой трудъ находками красоты поразительной. Не говоря уже о томъ, что ихъ владѣтельницы, слушая ежедневно народныя пѣсни, имѣютъ больше нашего случаевъ записать особенно счастливыя пьесы, къ нимъ — Богъ знаетъ, какими путями — заходятъ произведенія литературныя на Малороссійскомъ языкѣ, о которыхъ иной любитель только слышалъ и изъ которыхъ едва нѣсколько стиховъ содержитъ въ памяти. Но никогда мои поиски не были такъ удачны, какъ на этотъ разъ. Въ затасканномъ и весьма неправильно исписанномъ альбомѣ какой-то уединенной мечтательницы, а можетъ быть и веселой подруги цѣлаго общества сельскихъ красавицъ, я нашелъ поэму, о которой до сихъ поръ не слышалъ ни отъ кого ни слова. Имя автора на ней не означено, и я даже не знаю, кто бы могъ быть ея авторомъ. Содержаніе ея очень просто и не похоже на вымыселъ; но изящество формы обнаруживаетъ въ ней творчество высшаго разряда. Живопись природы и нравовъ Малороссійскихъ возведена здѣсь до изумительной точности и вмѣстѣ съ тѣмъ свободы, въ которой искусство замѣтно только для опытнаго

---

(1) »Евгеній Онѣгнинъ«, гл. IV:

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи, безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣчной, внесены,
Уменьшены, продолжены.
. . . .
Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки,
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски.
Какой нибудь піитъ армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской, и проч.

глаза. Наивное и трогательное положено авторомъ въ основу поэмы, и въ этомъ отношеніи я не знаю ничего совершеннѣе ни въ одной Европейской литературѣ. Что̀ касается до языка, то призываю въ свидѣтели людей, изучавшихъ народныя Украинскія пѣсни: здѣсь онъ блещетъ всею свѣжестію и горитъ всѣми красками, какія только мы встрѣчаемъ въ нашихъ лучшихъ пѣсняхъ, изображающихъ семейный бытъ, материнскія чувства и умилительное благочестіе народа. И такое произведеніе скрывается, можетъ быть, въ единственномъ спискѣ, въ тетради какой-то хуторской барышни! и самъ его авторъ, можетъ быть, уже не существуетъ; можетъ быть, мы уже не услышимъ другихъ его звуковъ, другихъ его задушевныхъ мотивовъ! Помѣщая въ своемъ сборникѣ его поэму, я далекъ отъ посягательства на чужую собственность; напротивъ, думаю, что оказываю услугу, какъ ему самому, такъ и его землякамъ, для которыхъ писалъ онъ и которыхъ сердца, созвукнувшіяся между собой, волшебной силою его стиха, будутъ для него лучшей наградою.

НАЙМИЧКА.

ПРОЛОГЪ.

У неділю въ-ра́нці ра̀но
По́ле кри́лося тума̀номъ;
У тума́ні, на моги́лі,
Якъ топо̀ля, похили́лась
Молоди̇̀ця молода́я.
Щось до ло́ня пригорта̀е
Та съ тума́номъ розмовля̀е:

»Ой тума́не, тума̀не —
Мій ла́таний тала̀не!
Чому̀ мене́ не схова̀ешъ
Отту́тъ середъ ла́ну?
Чому́ мене́ не зада̀вишъ,
У зѐмлю не вда́вишъ?
Чому̇ мині зло́і до̀лі,
Чомъ віку не зба́вишъ?

Ні, не дави́, тума́ночку!
Схова́й тілько въ по́лі,
Щобъ ніхто́ не зна̀въ, не ба̀чивъ
Мое́і недо́лі!...
Я не одна̀, — есть у ме́не
И ба̀тько, и ма̀ти...
Есть у ме́не... тума́ночку,
Тума̀ночку, бра́те!...
Дитя́ мое́, мій си́ночку,
Нехри̂щений си́ну!
Не я̀ тебе́ христи́тиму
На лиху́ годи́ну;
Чужі лю̀де христи́тимуть,
Я не бу́ду зна́ти,
Якъ и зову̀ть.....Дитя̀ мое́!
Я була̀ бага́та....
Не ла̀ії мене́; моли́тимусь,
Изъ са́мого нѐба
До́лю ви́плачу слёза́ми
И пішлю̀ до те́бе.«

Пішла́ по̀лемъ рида́ючи,
Въ тума́ні хова́лась
Та крізь слёзи тихе́сенько
Про вдову̀ співа́ла,
Якъ удова́ въ Дуна́еві
Синівъ похова́ла:

»Ой у по́лі моги́ла;
Тамъ удова̀ ходи́ла,
Тамъ ходи́ла-гуля́ла,
Тру́ти-зілля шука́ла.
Тру́ти-зілля не найшла̀,
Та синівъ двохъ привела́,

Въ китáечку повилá
И на Дунáй однеслá:
»Тúхий, тúхий Дунáй!
»Моiхъ дiтòкъ забавляй.
»Ти, жовтéнький пiсóкъ!
»Нагодуй моiхъ дiтóкъ.
»Искупáй, исповúй,
»И собòю укрúй!«

I.

Бувъ собі дідъ та ба̀ба.
Зъ да́внёго да́вна у га́і надъ ста́вомъ
У-дво́хъ собі на ху́торі жили́,
Якъ діточо̀къ дво́е, —
Усю̀ди обо́е.
Ще зъ-мале́чку у-дво́хъ ягня̀та пасли́,
А по́тімъ побра̀лися,
Худо̀би діжда́лися, —
Придба́ли ху̀тіръ, ста̀въ и млѝнъ,
Садо̀къ у га́і розвели́
И па̀сіку чима́лу, —
Всёго̀ надба́ли.
Та діточо̀къ у іхъ Бігъ-ма,
А смерть съ косо́ю за плечѝма.

Хто жъ іхъ ста̀рість привіта́е,
За дитѝну ста́не?
Хто запла̀че, похова̀е?
Хто ду̀шу спомя́не?
Хто поживе́ добро̀ че́стно,

Въ дóбрую годи́ну,
И згадáе дя́куючи,
Якъ своя̀ дити́на?....
Тя̀жко дітéй годувáти
У безвéрхій хáті,
А щѐ гірше стáрітися
У білихъ палàтахъ, —
Стáрітися, умирáти,
Добрó покидáти
Чужи́мъ лю́дямъ, чужи́мъ дітямъ
,На сміхъ, на рострàту!

II.

И дідъ, и бáба у неділю
На при́спі въ-двохъ собі сиділи
Гарнéнько, въ білихъ сорочкáхъ.
Сия́ло сòнце въ небесáхъ;
А ні хмари́ночки, та ти́хо,
Та лю́бо якъ у рàі.
Сховáлося у сéрці лѝхо,
Якъ звіръ у тéмнімъ гáі.

Въ такімъ рáі чогò бъ, бáчця,
Стари́мъ сумовáти?
Чи то дàвне якé ли́хо
Прокинулось въ хáті?
Чи вчорáшне, задáвлене
Знòвъ заворуши́лось,
Чи ще тільно заклю̀нулось —
И рàй запали́ло?

Не знáю, щò и після чóго
Старі сумýють. Мóже, вже

Отсé збірáютця до Бòга,
Та хто въ далéкую дорóгу
Імъ дóбре кòней запряжé?

»А хто насъ, Нáсте, поховàе,
Якъ помремó?«
— »Бòгъ знáе!
Я все отсé міркувáла,
Та ажъ сỳмно стáло:
Одинòкі зостáрілись....
Комỳ понадбáли
Добрà сёгó?....«
— »Стривàй лишéнь!
Чи чỳешъ? щось плàче
За ворітьмú... мовъ дитѝна!
Побіжѝмъ лишъ!... Бáчишъ?
Я вгàдувавъ, що щось бýде!«

И рáзомъ схопѝлись
Та до ворітъ... Прибігáють —
Мòвчки зупинѝлись.
Передъ сáмимъ перелáзомъ
Дитѝна сповѝта —
Та й не тýго, й новéнькою
Свитѝною вкрѝта;
Бо то мàти сповивáла
И літомъ укрѝла
Остáннёю свитѝною!....
Дивѝлись, молѝлись
Старі мої. А сердéшне
Ненáче благáе:
Вѝпручало рученятà
Й до іхъ простягáе
Манюсінькі... и замóвкло.

Непа̀че не пла̀че,
Тілько пхи̇̀ка.
»А що̀, На́сте?
Я й каза̀въ! Отъ, ба̀чишъ?
Отъ и тала̀нъ, отъ и до̀ля,
И не одино̀кі!
Беpѝ жъ лише́нь та сповива̀й...
'Ачъ яке́, не вро́ку!
Несѝ жъ въ ха̀ту, а я ве́рхи
Кѝнусь за кума̀ми
Въ Городѝще.«

Чу̀дно я́кось
Діетця міжъ на́ми!
Одѝнъ сѝна проклина́е,
Съ ха̀ти виганя́е,
Дру́гий свічечку серде́шний
По̀томъ заробля́е
Та рида́ючи стано́вить
Передъ образа́ми —
Нема̀ діте́й!... Чу̀дно я́кось
Діетця міжъ на́ми!

III.

Ажъ три па̀ри на ра́дощахъ
Кумівъ назбіра́ли,
Та въ-ве́чері й охристѝли
И Ма̀ркомъ назва̀ли.
Ростѐ Ма́рко. Старі мої
Не зна́ють, де діти,
Де посадѝть, де положѝть
И що̀ зъ нимъ робѝти.
Мина́е рікъ. Ростѐ Ма́рко —

И дійна коро́ва
У ро́скоші купа́етця.
Ажъ ось чорнобро́ва
Та молода́, білоли́ця
Прийшла́ молодѝця
На той ху́тіръ благода́тний
У на̀йми проси́тьця.

»А щò жъ?« ка́же, »візьмимъ, На́сте.«
— »Візьмімо, Трохи́ме,
Бо ми старі, нездýжаемъ,
Та таки́ й дити́на,
Хоча́ воно́ вже й підросло̀,
Та всѐ жъ таки́ тре́ба
Коло ёго піклува́тись.«
— »Та воно́-то трѐба,
Бо й я свою́ вже ча́сточку
Прожи́въ, сла́ва Бо́гу, —
Підтопта́вся. Такъ щò жъ, тепе́ръ,
Щò візьмешъ, небо́го?
За рікъ, чи якъ?«
— »А що дасте.«
— »Э, ні! тре́ба зна̀ти,
Тре́ба, до́чко, лічѝть пла́ту,
Заро́блену пла́ту;
Бо ска́зано: хто не лічить,
То той и не ма̀е.
Такъ отта̀къ хиба́, небо́го?
Ні ти на̀съ не зна́ешъ,
Ні ми тебѐ. А поживе́шъ,
Розди́виссся въ ха̀ті,
Та й ми тебѐ поба́чимо, —
Оттоді й за пла̀ту.
Чи та̀къ, до́чко?«

— »Дòбре, дя̀дьку.«
— »Прóсимо жъ у хàту.«

Поеднáлись. Молодúця
Рáда та весéла,
Ніби съ пàномъ повінчáлась,
Закупúла сèла.
И у хáті, и на двóрі,
И коло скотúни,
У-вéчері и въ-дóсвіта;
А коло дитúни
Такъ и пáда, ніби мàти;
Въ бýдень и въ неділю
Головоньку ёмý змúе,
Ӥ сорóчечку білу
Що дèнь Бóжій надівáе,
Грáетця, співáе,
Рóбить вòзики, а въ свя̀то,
То й зъ рýкъ не спускáе.
Дивýютця старі моі
Та мóлятця Бòгу.
А нáймичка невсипýща
Що вéчіръ, небóга,
Свою̀ дòлю проклинáе,
Тя̀жко-вáжко плáче;
И ніхтó тогó не чýе,
Не знáе й не бáчить,
Опрічъ Мàрка малéнького.
Такъ вонó не знàе,
Чогò нáймичка слёзáми
Ёгó умивáе.
Не знà Мáрко, чогó вонá
Такъ ёгò цілýе, —
Самá не ззість и не допъè,

Его̀ нагодўе.
Не зна̀ Ма́рко, якъ въ колы́сці
Ча́сомъ середъ но̀чи
Проки̂нетця, ворухнѐтця, —
То вона́ вже ско̀чить
И укри̂е, й перехри̂стить,
Ти́хо заколи̂ше:
Вона́ чу́е зъ тиі ха̀ти,
Якъ дити́на ди̂ше.
Въ-ра́нці Ма́рко до на̀ймычки
Ру̂чки простяга́е
И ма̀мою невсипу́щу
Га́нну велича́е....
Не зна̀ Ма́рко, ростѐ собі,
Росте́, вироста́е.

IV.

Чима̀ло літъ переверну́лось,
Води́ чима̀ло утекло́;
И въ ху̂тіръ ли́хо заверну́ло,
И слізъ чима̀ло принесло́.
Бабу́сю На́стю похова́ли
И ле́две, ле́две одвола́ли
Трохи̂ма діда. Прогуло̀
Прокля́те ли́хо та й засну̀ло.
На ху́тіръ зно́ву благода̀ть
Зъ-за га́ю те́много верну́лась
До діда въ ха̀ту спочива̀ть.

Уже́ Ма́рко чумаку́е
И въ-осени́ не ночу́е
Ні підъ ха́тою, ні въ ха́ті....
Кого́-не́будь тре́ба сва̀тать.

»Когò жъ би тутъ?« старúй дýма
И прóсить порáди
У наймички. А наймичка
До царівни бъ рáда
Слать старостú: »Трéба Мáрка
Самòго спитáти«.
— »Дóбре, дóчко, спитáемо,
Та й бýдемо свáтать.«

Роспитáли, порáдились,
Та й за старостàми
Пішóвъ Мáрко. Вернýлися
Люде зъ рушникàми,
Зъ святúмъ хлібомъ обміненимъ.
Пàнну у жупáні,
Такý крáлю вùсватали,
Що хоть за гетьмàна,
То не сóромъ. Оттакè-то
Дùво запопáли!

»Спасúбі вамъ!« старúй кáже.
»Тепéръ, щобъ ви знáли,
Трéба крàю довóдити,
Колú й де вінчàти,
Та й весілля. Та ще òсь що:
Хто въ насъ бýде мàти?
Не дожилà моя Нáстя!...«
Та й залúвсь слёзáми.
А нáймичка, у порóгу,
Вхопúлась рукáми
За одвірокъ та й зомліла.
Тùхо стáло въ хáті;
Тільќо нáймичка шептáла:
»Мáти .. мáти... мáти!«

V.

Черезъ ти́ждень молоди́ці
Коровай місили
На ху́торі. Стари́й ба́тько
За усіеі си́ли
Зъ молоди́цями танцюе
Та двіръ вимітáе,
Та прохожихъ, проїжжачихъ
У двіръ закликáе,
Та вареною частýе,
На весілля прóсить;
Знай бігае, а самóго
Ле́дві ноги нóсять.
Скрізь гармидеръ та реготня
Въ хаті и на двóрі.
И жолоби ви́котили
Зъ нóвоі комóри.
Скрізь поранняи: печýть, вáрять,
Вимітáють, ми́ють....
Та все чужі. Де жъ наймичка?
На прощу у Ки́ївъ
Пішлá Гáнна. Благáвъ стари́й,
А Марко ажъ плакавъ,
Щобъ булá вонá за матіръ.
»Ні, Мáрку, ні яко
Мині мáтірью сидіти:
То багáті люде,
А я наймичка.... ще іі съ тебе
Сміятися бýдуть.
Нехáй Богъ вамъ помагáе!
Пийдý помолюся
Усімъ святимъ у Киёві
Та іі знову вернýся

Въ ва́шу ха́ту, якъ при́йме́те.
Поки ма̀ю си́ли,
Труди́тимусь....«
Чи́стимъ сѐрцемъ
Поблагослови́ла
Свого́ Ма́рка... запла́кала
Ѝ пішла̀ за воро́та.

Розверну̀лося весілля.
Музи́камъ робо́та
И підко̀вамъ. Варе́ною
Столи̇̀ й ла̀вки ми́ють.
А на̀ймичка шкандиба́е,
Поспіша́е въ Ки́ївъ.
Прийшла́ въ Ки́ївъ — не спочи́ла,
У міща́нки ста́ла,
Наняла́ся носи́ть во̀ду,
Бо гро́шеї не ста́ло
На ака̀фистъ у Варва́ри.
Носи́ла-носи́ла,
Кіпъ изъ вісімъ зароби́ла
Ѝ Ма́ркові купи́ла
Святу̀ ша̀почку въ пеще́рахъ
У Ѝва́на свято́го,
Щобъ голова̀ не боліла
Въ Ма́рка молодо́го;
И пѐрстеникъ у Варва́ри
Невістці доста́ла,
И всімъ святи́мъ поклони́вшись,
Додо̀му верта́лась.

Верну̀лася. Катери́на
И Ма́рко зостріли
За воріть́ми, ввели́ въ ха̀ту

Й за стілъ посади́ли;
Напова́ли й годува́ли,
Про Кйівъ пита́ли,
И въ кімна́ті Катери́на
Одпочйть посла́ла.

»За́ що вони́ мене́ лю̀бять?
За́ що поважа̀ють?
О Бо́же мій милосе́рдний!
Мо́же, вони́ зна̀ють...
Мо́же, вони́ догада̀лись...
Ні, не догада́лись;
Вони́ до̀брі....«
И на̀ймичка
Тя̀жко зарида́ла.

VI.

Тричи кри́га замерза̀ла,
Тричи розтава̀ла,
Тричи на́ймичку у Кйівъ
Ка̀тря провожа́ла,
Такъ якъ ма̀тіръ; и въ четвѐртий
Провела́ небо́гу
Ажъ у по̀ле, до могйли,
И моли́ла Бо̀га,
Щобъ швиде́нько верта̀лася,
Бо безъ не́і въ ха́ті
'Якось су̀мно, ніби ма̀ти
Поки́нула ха́ту.

Після́ Пречи́стоі въ неділю,
Та після́ Пѐршоі, Трохи́мъ
Стари́й сидівъ въ соро́чці білій,

Въ брилі на прйспі. Передъ імъ
Зъ собакою унучокъ грався,
А внучка въ юпку одяглась
У Катрину и ніби йшла
До діда въ гості. Засміявсь
Старйй и внучку привітавъ,
Неначе справді молодйцю.
»А де жъ ти діла палянйцю?
Чи, може, въ лісі хто однявъ?
Чи по-просту — забула взяти?...
Чи, може, ще й не напекла?
Э, соромъ, соромъ, лепська мати!«
Ажъ зиркъ, — и наймичка ввійшла
На двіръ. Побігъ старйй стрічати
Зъ онуками свою Ганну.
»А Марко въ дорозі?«
Ганна діда питалася.
— »Въ дорозі ще й досі.«
— »А я ледве доплелася
До вашоі хати.
Не хотілось на чужйні
Одній умирати!
Колйбъ Марка діждатися...
Такъ щось тяжко стало!«
И унучатамъ изъ клунка
Гостйнці виймала:
И хрестики, й дукачики,
Й намиста разочокъ
Орйночці, и червоний
Зъ фольги образочокъ,
А Карпові соловейка
Та коникивъ пару,
И четвертий уже перстень
Святоі Варвари

Катери́ні, а ді́дові
Изъ во́ску свято́го
Три сві́чечки; а Ма́ркові
И собі нічо̀го
Не принесла́. Не купи́ла,
Бо гро̀шей не ста́ло,
А зароби́ть нездŷжала.
»А ось ще оста́лось
Півъ-бŷбличка!«
Й по шмато́чку
Дітямъ розділи́ла.

VII.

Ввійшла́ въ ха́ту. Катери́на
Ії но́ги умі́ла
Й полŷдновать посади́ла.
Не пила́ й не іла
Моя́ Га́нна.
»Катери́но!
Колѝ въ насъ неділя?«
— »Пісдя́ за́втра.«
— »Тре́ба бŷде
Ака̀фистъ наня́ти
Микола́еві свято́му
Й на ча̀сточку да́ти;
Бо щось Ма́рко забари́вся....
Мо́же, де въ доро́зі
Занедŷжавъ, сохра́нь Бо́же!«
Й пока̀пали слёзи
Зъ стари́хъ оче́й замŷченихъ.
Ле́две, лѐдве вста́ла
Изъ-за стола́.

»Катери́но!
Не та вже я ста́ла:
Зледащіла, незду́жаю
И на но̀ги вста́ти.
Тя̀жко, Ка́тре, умира́ти
Въ чужій те́плій ха́ті!«

Занеду́жала небо́га.
Уже́ іі причащали,
Й маслосвя̀тие служи́ли, —
Ні, не помага̀ло.
Стари́й Трохи́мъ по надвіръю
Мовъ убѝтий хо́дить.
Катери̇на зъ боля́щоі
И очѐй не зво́дить;
Катери́на коло́ не́і
И днюе, й ночу́е.
А тимъ ча́сомъ сичі въ-ночі
Не до̀бре віщу́ють
На комо́рі. Боля́щая
Що день, що годи́на,
Ле́дві чу́ти, пита́етця:
»До̀ню Катери́но!
Чи́ ще Ма́рко не приіхавъ?
Охъ, якъ-би́ я зна̀ла,
Що діжду́ся, що поба́чу,
То щѐ бъ підожда́ла!«

VIII.

Иде́ Ма́рко съ чумака̀ми,
Идучи́ співа̀е,
Не поспіша̀ до господи —

Волй попасае.
Везé Мáрко Катерúні
Суккà дорогóго,
А бáтькові шúтий пòясъ
Шóвку червонóго,
А нáймичці на очіпокъ
Парчі золотóі
И червóну дóбру хўстку
Зъ білою габóю,
А діточкáмъ черевйчки,
Фйгъ та виноградду,
А всімъ въ-купі червóного
Винà зъ Царігрáду
Відеръ съ трóе у барúлі
И кавяру зъ Дóну, —
Всёгò везé, та не знáе,
Щò діетця дóма!

Идé Мáрко, не жўритця.
Прийшóвъ — слàва Бóгу!
И ворòта одчиняе,
И мóлитця Бòгу.
»Чи чўешъ ти, Катерúно?
Біжú зустрічáти!
Ужé прийшòвъ! біжú швйдче!
Швйдче ведú въ хáту!...
Слàва тобі, Спасúтелю!
Насúлу діждáла!«
И *Отче нашъ* тúхо, тúхо
Мовъ крізь сòнъ читáла.

Старúй волú випрягáе,
Занòзи ховáе
Мерéжані, а Катрўся

Ма̀рка огляда́е.
»А де жъ Га̀нна, Катери̇но?
Я пакъ и баїду̇же!
Чи не вмѐрла?«
— »Ні, не вме́рла,
А ду̇же нездӳжа.
Ходімъ лише́нь въ малу́ ха̀ту,
По́ки випряга́е
Ба́тько волѝ: вона́ тебе́,
Ма́рку, дожида́е.«

Ввійшо́въ Ма́рко въ малу́ ха́ту
И ставъ у поро́гу...
Ажъ злякáвся. Гáнна ше́пче:
»Сла́ва... сла̀ва Бо́гу!
Ходѝ сюди́, не лякáйся....
Ви̇йди, Ка́тре, съ ха̀ти:
Я щось ма́ю роспита̀ти,
Де́-що росказа̀ти.«

Ви̇йшла съ ха́ти Катери̇на,
А Ма́рко схили́вся
До на́ймички у го̀лови.
»Ма́рку! подиви́ся,
Подиви́ся ти на ме́не:
Ба̀чъ, якъ я змарніла?
Я не Га́нна, не на́ймичка,
Я...«
Та й заніміла.
Ма́рко пла̀кавъ, дивува̀вся.
Зновъ о́чи одкри̇ла,
Пи̇лно, пи̇лно подиви́лась —
Слёзи покоти́лись.
»Простѝ мене́! Я кара́лась

Весь вікъ въ чужій ха́ті....
Прості̀ мене́, мій си́ночку!
Я... я твоя́ ма́ти.«
Та й замо́вкла...
Зомлівъ Ма́рко,
Й земля̀ задрижа́ла.
Прокинувся... до мàтери —
А ма́ти вже спàла!

IV.

ЗАПИСКА

члена Малороссійской Коллегіи, Григорія Николаевича Теплова,

составленная въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны:

»О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.«

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Знаменитый Георгій Кониській, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе писатели Малороссійскіе обвинили Теплова въ злобномъ расположеніи къ Малороссіи. Но въ предлагаемой запискѣ его не видно никакой злобы. Тепловъ, напротивъ, любилъ Малороссію: иначе — онъ не старался бы выставить передъ Государыней Елисаветой Петровной злоупотребленіі Малороссійскихъ старшинъ и вообще пановъ, отъ которыхъ страдало большинство населенія края. Записка его дышетъ желаніемъ общей пользы, въ томъ смыслѣ, какъ онъ, по своему времени, понималъ общую пользу. Но для насъ она гораздо интереснѣе въ другомъ отношеніи. Намъ дороги замѣчанія современника объ общественномъ устройствѣ Малороссіи въ гетманство Разумовскаго, о взаимныхъ отношеніяхъ ея сословій, о неограниченномъ господствѣ права сильнаго между ея жителями, о хищности старшинъ и пановъ и о причинахъ матеріальнаго упадка низшихъ сословій.

Записка Теплова обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю испорченность административныхъ формъ, извѣстныхъ намъ подъ именемъ *Гетма́нщины*, и естественную необходимость ихъ измѣненія. Еслибъ Гетманщина держалась на общемъ благѣ Малороссійскаго населенія, она была бы гораздо долговѣчнѣе; ибо

крѣпко стоитъ гражданское общество, котораго всѣ представители живутъ равно сознанными, равно дорогими для каждаго интересами. Тутъ, напротивъ, стремленія старшинъ совершенно расходились съ пользами народа, и какъ каждый изъ высшихъ дѣйствовалъ для себя и никто для общества, то Малороссіяне естественно угнетали другъ друга, угнетали кто кого могъ, и довели наконецъ край до совершенной безурядицы. Блюстители старыхъ формъ гражданственности сами на каждомъ шагу разрушали ихъ своими неправдами и потеряли наконецъ самую идею общихъ интересовъ. Всѣ интересы ихъ ограничивались личными выгодами и преимуществами; идея націи изчезла; образовались только дома и связи. Пользуясь знатнымъ родствомъ и опираясь на богатство, паны Малороссійскіе сдѣлались, въ отношеніи къ мелкимъ владѣльцамъ и простолюдинамъ, чѣмъ-то въ родѣ феодальныхъ бароновъ; и не только знатный человѣкъ съ простымъ поселяниномъ, но даже панъ съ паномъ позволялъ себѣ и имѣлъ возможность сдѣлать самое вопіющее насиліе.

Эти слова могутъ показаться преувеличенными, но Малороссійскіе архивы XVIII вѣка подтверждаютъ ихъ самыми грустными примѣрами. Напримѣръ, сохранилась *ревокація* пана Коржевскаго, въ которой онъ смиренно разсказываетъ, что онъ, бывши на пиру въ *поважномъ домѣ* Андрея Горленка, осмѣлился напомнить хозяйкѣ о старомъ долгѣ, что панъ Горленко подалъ на него въ полковой судъ жалобу и что судъ заставилъ его отречься отъ своего требованія и сознаться, что онъ въ домѣ Горленка *якъ песъ своéю губóю брехáвъ*. Этого мало: изъ дѣла видно, какъ эта ревокація вынуждена была у подсудимаго: ибо панъ Коржевскій »за опороченіе чести такъ поважной персоны, былъ наказанъ публично на рынку.«

Такихъ случаевъ было множество, и приведенный мною представляетъ явленіе, въ тотъ вѣкъ весьма обыкновенное. Что касается до злоупотребленій старшинъ въ отношеніи къ козакамъ, мѣщанамъ и поселянамъ, то вотъ одно изъ множества архивныхъ свидѣтельствъ. Новгородъ-Сѣверскій сотникъ Лисовскій до та-

кой степени всѣхъ ихъ угнеталъ, что гетманъ Скоропадскій призвалъ его къ себѣ и взялъ съ него письменную *ассекурацію* прекратить угнетенія. Но едва сотникъ вступилъ снова въ должность, какъ началъ опять »людей своей сотни гáнити (позорить), озлоблятп и утѣснятп, грунтá (земли) ихъ власные (собственныя) отнимати, боемъ грозити, а и́ншихъ и окрывати (колотить), урядниковъ городовыхъ, цеховыхъ и сельскихъ по своей хо́ти перемѣняти, ми́ськими (городскими) людьми и подводами отбувати въ себе роботизну« и пр.

Разсказъ Теплова о томъ, какъ Малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ Гетма́нщинѣ, присвоивали себѣ обманомъ и насиліемъ козачьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ, гетманы наши, пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ-старшинъ, набрали себѣ »на булаву« земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой-то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ-то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, »верхолазныя бортни«, лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины Малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ. Этотъ мелкій наборъ по всей Гетма́нщинѣ самъ за себя говоритъ, изъ какихъ рукъ и какими путями перешла недвижимая собственность во владѣніе всемогущихъ пановъ XVIII вѣка ([1]). Въ тѣ времена понятіе о честности въ пріобрѣтеніяхъ до такой степени утратилось, что

([1]) Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали »неспокойными и ненавидящими добра людьми«. (»Матеріалы для От. Ист.«, т. I, стр. 24.)

гетманша Скоропадская, по смерти своего мужа, присвоила себѣ даже войсковую казну и тѣ пожитки, которыми гетманы пользовались другъ послѣ друга преемственно ([1]). Гетма́нщина съ одной стороны представляла безпрепятственное поприще для всякаго рода злоупотребленій власти и силы, съ другой — была школою ябедниковъ и сутягъ, которыхъ расплодилось въ ней множество. Записка Теплова доказываетъ это фактами, которымъ нельзя не вѣрить, потому что они не разногласятъ ни съ документальными преданіями, ни съ воспоминаніями Малороссійскихъ старожиловъ. О народѣ, о его благосостояніи и о его человѣческихъ правахъ не было никакого помышленія у самыхъ образованныхъ людей того вѣка. Все, что̀ стояло выше простолюдиновъ, смотрѣло на нихъ, какъ на источникъ своего обогащенія, и что̀ только допускалось хитроизвитыми юридическими формами, или могло пройти безнаказанно, все считалось законнымъ во мнѣніи тогдашняго общества. Въ нашъ вѣкъ, когда понятія о честности поступковъ прояснились и когда каждый членъ гражданскаго общества получилъ равное право на вниманіе и участіе къ судьбѣ своей, взглядъ на тогдашнее состояніе Малороссіи приводитъ наблюдателя въ горестное изумленіе. Видишь повсемѣстное отсутствіе идеи добра и справедливости въ высшемъ классѣ ея населенія; видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и какъ бы узаконенное обычаемъ грабительство надъ беззащитною массою простолюдиновъ; народъ бѣднѣетъ, подпадаетъ матеріальной зависимости отъ пройдохъ и богачей, падаетъ въ своемъ безнадежномъ положеніи, и никто о немъ не жалѣетъ. Только одинъ человѣкъ возвысилъ свой голосъ въ пользу большинства Малороссійскаго населенія и старался, по мѣрѣ своего разумѣнія, раскрыть причины его матеріальнаго упадка, но и того слѣпая исторія нашего края записала въ число враговъ его.

---

(1) »Матеріалы для Отечественной Исторіи«, т. I, стр. 23.

О НЕПОРЯДКАХЪ,

которые происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи.

1.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе къ Польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ для лучшаго приведенія въ единство своей области въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей Малороссійскій народъ и особливыя вольности и обыкновенія. А притомъ заключеніе статей, Богдану Хмѣльницкому въ 1654 году, по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнихъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ, послѣдовало въ подтвержденіе тѣхъ Польскихъ, т. е. Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большой части безграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьяго судили. То справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталось у нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никакого тогда попеченія, ниже свѣдѣнія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малороссіи никакихъ канцелярій не было: ибо и самую Гетманскую канцелярію, слу-

чайнымъ образомъ гетману Скоропадскому, въ 1720 году, ноября 19 дня [по причинѣ нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую, а именно: Григорія Михайлова и Василія Дорошенка] особливою грамотою велено учредить; въ протчихъ же мѣстахъ, яко то: въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцеляріи и суда генеральнаго [хотя судьи и были] съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперь изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя при томъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися; а все тогда въ самоволіе превращенное, не правомъ и законами управлялось, но силою и кредитомъ старшинъ, въ простомъ народѣ дѣйствущихъ, или лучше сказать — обманомъ грамотныхъ людей. Почему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленныя свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати, или сорока лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ, ежели кто безъ крѣпости владѣетъ, то они *старымъ займомъ* то называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, и почему онъ помѣщикъ, нѣтъ; а которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго приказа грамоты: ибо съ 1656 года уже все по статьямъ Хмѣльницкаго и Государя было, и *старые займы* тѣ только называлися дикихъ полей, которыми кто завладѣлъ до поступленія подъ державу Россійскую, но и то во время продолжающейся войны съ Поляками, то есть: чрезъ 1653, 1654, 1655 и 1656 годы, а не тѣ, кто отъ времени Хмѣльницкаго безъ грамоты чѣмъ владѣетъ. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, собственно принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными, а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720 годомъ, яко никакихъ урядовъ неимѣющее, служитъ имъ въ очистку, изъ чего же поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе *старинныпмъ займомъ*. Но все сіе есть противно статьямъ

Хмѣльницкаго и указамъ Государевымъ, въ тѣхъ же статьяхъ изображеннымъ.

2.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малороссія во время приступленія ея подъ державу Всероссійскую ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно по статьямъ, Богдану Хмѣльницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малороссіи называются посполитыми, то есть Государевыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится на лицо. Что народа въ Малороссіи было тогда гораздо меньше, а земли больше, то доказывается, кромѣ подлинныхъ справокъ, которыми легко дойти до познанія можно, — и тѣмъ, что прежде поля тамъ, на десять работныхъ дней, можно было купить за десять копъ, или за пять полтинъ на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавняго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцевъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля, яко излишняя, впустѣ лежала; нынѣ же того и за двѣстѣ рублей купить не можно, а въ Стародубскомъ, Черниговскомъ и большей части Нѣженскаго полку и Гадячскаго и того дороже; понеже жителямъ довольно уже земли къ поселенію недостаетъ. Однакожъ, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ свободныхъ посполитыхъ, то есть крестьянскихъ, надлежащихъ въ казну Вашего Императорскаго Величества, и сколько козаковъ списковыхъ, то есть служащихъ и вооруженныхъ; то не уповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, да и козаковъ великаго числа недостаетъ, а людей нынѣ гораздо больше; слѣдовательно, какъ козаковъ въ службу Вашего Императорскаго Величества, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалилося.

3.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными, такожде и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другою свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему интересу непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного построже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ; итакъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрашіи дѣло производилось.

4.

Сіе примѣчается только къ тому, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно; ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать; а какъ утаить, на то способы весьма наглые и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они не много пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ явственно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ; не мало же и взаимная другъ ко другу

помощь чрезъ то между ими наблюдается. При блаженныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Коллегія Малороссійская учреждалася, и при гетманѣ Апостолѣ, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены, для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакоже число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малороссіи оказалося. Сію ревизію они и понынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда де въ Малороссіи числа двороваго столько не бывало, какъ тогда; но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во всѣ другіе годы.

5.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ такъ называемыми войсковыми маетностями, которыя принадлежатъ въ казну Государеву по силѣ 13 статьи, данной гетману Богдану Хмѣльницкому, то коликое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться; но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерской, на лицо состояло 44,961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750 годъ роздано не больше трехъ тысячь дворовъ, что, уповательно, малую самую разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ, графъ Разумовскій, и четырехъ тысячь дворовъ Государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, яко бы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами, гдѣ однакоже по достовѣрнымъ извѣстіямъ мужикамъ весьма труднѣе Малороссійскаго жить въ подданствѣ у господъ Польскихъ, потому что помѣщики все имѣніе крестьянъ своихъ собственнымъ своимъ почитаютъ и берутъ подати не окладомъ съ нихъ годовымъ, но кому когда и сколько вздумается. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что всѣ Государевы дворы и съ землями раскупила старшина и другіе достаточные

промышленники у самихъ мужиковъ, называя ихъ собственными войсковыми, которые будтобы по сему имени свободные и могутъ сами себя и съ землями продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымышлено, однакожъ они по сему вымыслу не меньше, какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспящалъ до 1739 года, доколѣ указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ — того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупили войсковыя Государевы деревни, даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малороссію, и писали купчія иногда задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая стверждена была на урядѣ, и сотникъ, по силѣ права, тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣетъ, долженъ подписать: то многія фальшивыя купчія и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ, напримѣръ, въ 1745 году, а купчая его сотничею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737 году. Сіе всегда старшины видѣли, но потому что стараются всѣми образами, дабы всѣ Государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику за службу не отданы, а состоятъ Государевыми, такъ какъ въ 13 статьѣ именно Богдану Хмѣльницкому изображено: »И кто будетъ крестьяниномъ, тотъ будетъ обыклую крестьян»скую повинность тебѣ, Государю, отдавать«. Таковымъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилося; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малороссія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли пятнадцать, а по крайней мѣрѣ двадцать тысячь выставить можетъ, а выборныхъ и николи толикаго числа не выставитъ; по статьямъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60,000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ въ Заднѣпровскую сторону, а всѣхъ козаковъ около 150,000 имѣть бы должно. Всѣ Малороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное,

что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба Государева не умалялася; а когда и продать нужду имѣетъ, то не инако, какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому, о чемъ и указъ есть. Но они истолковали козакамъ право: *якобы козакъ*, по силѣ Статута, разд. 3, арт. 47, *все продать можетъ, кому хочетъ;* то потому и всѣ почти грунты козацкіе скупили. Къ сему способствовалъ имянной указъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны на докладъ, въ которомъ въ 10 пунктѣ изображено: »Въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ маєтностяхъ, ежели козакъ »грунтъ свой кому продастъ и самъ паки на немъ будетъ жить, тотъ »всякія, по пропорціи имѣній своихъ, посполитыя [т. е. крестьянскія] повинности отдавать и чинить долженъ; а которые под»данные [т. е. крестьяне], продавъ свои грунта, съ нихъ сойдутъ, »а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть, »тѣ такожде отдаютъ, по пропорціи своихъ имѣній, повинности, »какъ и другіе владѣльческіе подданные.«

Сей имянной безъ выправки изданный указъ есть наилучшая привиллегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне; ибо достаточный козакъ всегда отъ службы откупался, а недостаточный, бѣгая отъ оной, лучше желаетъ подъ имянемъ крестьянина жить, нежели выдти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ по имѣнію своему, долженъ, яко грунтовый, платить иногда на консистентовъ цѣлую рацію и порцію, что̀ ему учинитъ рубль, или и больше; а взявши на себя имя мужика безгрунтоваго, службы не дѣлаетъ и, вмѣсто платы на Государя рублевой, плотитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ, или иногда двѣ копейки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими подсусѣдками или нищетными. Но о сихъ сборахъ, разорительныхъ народу, а казнѣ третьей доли неприносящихъ, особливое примѣчаніе сдѣлать надлежитъ, по которому окажется великое воровство народныхъ сборовъ, чрезъ многія лѣта уже продолжающееся. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело ихъ старшинамъ, яко по-

мѣщикамъ, въ крестьяне; а въ военное время, или во время какой-либо службы, сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли приняли, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже, по тому же Статуту, разд. 9-го, арт. 27, опредѣлено точно: у чужого человѣка никто земли закупить безъ воли господина его не имѣетъ, ниже нанимать на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посѣялъ; тоже опредѣлено и о самихъ людяхъ владѣльческихъ, дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ соизволенія помѣщика, или его управителя: то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины Государевы, которыхъ около пятидесяти тысячь дворовъ, по худой ревизіи, быть должно на лицо, старшинами и чиновниками, не въ силу ихъ же правъ скупленныхъ [о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ], и большая часть почти службы козацкой, которая бы по умноженію нышѣшнему народа должна умножиться, изчезла.

7.

Хотя же были о семъ отъ многихъ временъ козачьи на чиновниковъ доносы, при блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, и строгія слѣдствія; но то всегда было долговременными многими ябедами заплетено и никогда добраго конца не воспринимало; почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшіе старшины въ 1724 году въ С. Петербургскую крѣпость были забраты, но милостивымъ указомъ, послѣ кончины сего Государя, Императрицею Екатериною Алексѣевною Первою, въ 1725 году, были отпущены, въ ожиданіи отъ нихъ исправленія. Были также и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи козаковъ, свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами, но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ

людей, которые бы то изъ усердія къ сохраненію интереса Государева доносили; а доносили по злобѣ, въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ, и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ, а соперники чрезъ то сыскивали способы ябедническихъ доносителей опровергать долголѣтнею волокитою и напослѣдокъ всеконечнымъ разореніемъ жизни ихъ.

8.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ, яко главный непорядокъ въ нынѣшнихъ временахъ, право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно въ томъ же правѣ изъ разд. 4, арт. 1, пунк. 1, и Сигизмундомъ Третьимъ, въ 1588 году, подтвержденный. Оное состоитъ въ 14 раздѣлахъ. Права и законы въ народахъ учреждаются на двоійственномъ основаніи: первое состоитъ на натурѣ, врожденной роду человѣческому вообще и всякому безъ изъятія, которое называется *право натуральное;* другое на свойствѣ всякаго народа, особенно его правленія, и оное есть *право гражданское*. Что касается до права натуральнаго, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійскій народъ, суть тѣ же самые, что̀ и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и иными словами изображенные, и потому отмѣны и исправленія никакого почти не требуютъ. Но права гражданскія, касающіяся до свойства народа, управляемаго самодержавнымъ Государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ республиканскаго Государя и того же Самодержца происходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы

съ Литовскимъ Закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ Государскихъ, и особливо въ Высочайшей 1750 года, на урядъ нынѣшнему гетману, и изображено, чтобъ гетману поступать *по правамъ Малороссійскимъ и по указамъ Государевымъ, присланнымъ и впредь присылаемымъ;* но тутъ же приполнено, чтобъ чинено сіе было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темности, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ правительству Малороссійскому согласить не возможно, взявъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Вашего Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ имянныхъ указовъ къ смерти, а право Малороссійское, разд. 1, арт. 11, опредѣляетъ ему только сидѣніе въ тюрмѣ на шесть недѣль. Первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Вашего Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отдавать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу Государю; а право Малороссійское, разд. 9, арт. 30, пунк. 3, опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей земли орющейся руду золотую найдетъ, или какое-либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ одному ему и пользоваться, а Государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, то же право Малороссійское, въ разд. 1, арт. 1, пунк. 2, опредѣляетъ всѣмъ иноземцамъ [изъ которыхъ числа Малороссійцевъ и Великороссійскихъ не исключаетъ] судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступитъ; почему, ежелибы случилось Великороссійскому, знатному и по имени и по чину, человѣку быть обижену въ Лубенскомъ, или какомъ-либо полку, въ сотнѣ Пырятинской, отъ какого-либо козака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго грамотами, надлежитъ по порядку у сотника Пырятинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута, разд. 3, арт. 27, имѣетъ за того

безчестіе, какого знатнаго бы чина и достоинства ни былъ козакъ — шесть недѣль въ тюрмѣ высидѣть и 25 рублей, а не больше заплатить; и сіе уровненіе Рѣчи Посполитой только прилично. А того же разд., арт. 27, пукт. 4, заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволятся, и просить о томъ суду не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство. Въ разд. 3-мъ, арт. 12-мъ, Государь себя обязываетъ присягою, что въ великомъ княженіи Литовскомъ и во всѣхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, староствъ, владѣній чиновъ земскихъ и придворныхъ владѣній въ употребленіе, содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдямъ сего государства давать не будетъ, а давать самъ и наслѣдники обѣщаетъ тутечнимъ уроженцамъ. Сіе право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случаіі есть, оное навести въ свою пользу противо Великороссійскихъ тамо владѣльцевъ, яко, по ихъ мнѣнію, иноземцевъ и граничныхъ Малороссіи, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать, а у безсильныхъ, по силѣ сего права, и отнимаютъ. Такъ равномѣрно правы Россійскимъ несогласныя и многія находятся, а именно: разд. 1, арт. 33, пунк. 1: Ежели кому какую маетность Государь пожаловалъ, а онъ за какою-либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ; то хотябы и грамоту Государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамота силы ни какой не имѣетъ; или, когда сильный у безсильнаго деревни отнялъ и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію, или другимъ какимъ, хотя и законнымъ, препятствіемъ, на судѣ того искать не могъ, чрезъ десять лѣтъ; тогда молчать вѣчно имѣетъ, по разд. 4, арт. 91, пунк. 1, и сіе право въ Малороссіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ нападеніями грабятъ и обижаютъ, а обиженные десятилѣтнему промолчанію подвержены бываютъ и тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаютея. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ Малороссійскихъ судахъ находится; но изъ права выступить невозможно. Разд. 1-го

арт. 24-й опредѣляетъ: Ежели кто посланнаго отъ лица Государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнялъ и изодралъ, тому не болѣе штрафа, какъ тюрма на полгода; такожде: ежели шляхтичъ убьетъ въ смерть простолюдина, и указнаго числа, то есть семи человѣкъ шляхтичевъ свидѣтелей истецъ не представитъ, тогда шляхтичъ, хотя и разбойникъ, отприсягнуться можетъ; буде же отъ присяги отказываться будетъ, тогда, по разд. 12, арт. 1, платитъ только малыя деньги за голову. Такожде, по разд. 11, арт. 16, пунк. 1: Ежели шляхтичъ шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ — четвертовать, ежели простой шляхтича — тоже, а ежели шляхтичъ зарѣжетъ по злосердію простаго, или какимъ-либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу только руку отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно бы показать, изъ коихъ одни противны самодержавному государству, другіе, яко по угожденію вольному республиканскому народу постановлены, натуральному праву противны; но для показанія неудобствъ довольно и сего. Въ заключеніе самой только важности сего дѣла, надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пунк. 1, гдѣ опредѣляется и установляется, что естьлибы который изъ чиновниковъ земскихъ, то есть: судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ короля, а въ отсутствіи короля высшему правительству, и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ природныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатьми своими королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіанцы въ обыкновенный ввели законъ, что не токмо гетманъ и старшины генеральные, то есть: обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два асаула, хорунжій и бунчужный, избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ выборомъ поставляются; и таковые избранные не токмо многимъ безпорядкамъ причиною бываютъ, но и приводятъ иногда злыя намѣренія въ единомысліе; ибо стар-

шина генеральная имѣетъ способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ, потому что выборъ въ сотники славятъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны отъ старшинъ. Происходящее по сіе время избраніе въ сотники слѣдующимъ образомъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что сотникъ въ сотнѣ умеръ; то старшины поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано гетманомъ будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную имъ персону на правленіе, до опредѣленія новаго, и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, но именемъ только командующаго въ полку полковника. То извѣстная персона уже не сомнѣвается, что ему сотничество предано, и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько бочекъ вина горячаго безграмоннымъ козакамъ выставитъ, священника и дьячка церковнаго подкупитъ и уговоритъ къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишетъ, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано; а къ тому припишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ не думаютъ. И такимъ образомъ, по полученіи ордера изъ войсковой канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, опредѣливъ на то червонныхъ нѣсколько для подарку; почему въ чинѣ и конфирмуется. Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ, а въ самомъ дѣлѣ старшины опредѣляютъ во всѣ чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малороссіи сотники и старшины полковые опредѣляются одолженные своимъ протекторомъ; и хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на главныя судейскія генеральныя мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ стоятъ своимъ достоинствомъ, на которое дѣлается избраніе новаго чиновника; однакожъ нѣкоторые интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго выборомъ начальства всѣ чины происходили,

вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ; и то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4, арт. 1, пунк. 1-й гласитъ дѣйствительно только о судьи, подсудіи и писарѣ генеральныхъ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравняются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять персонъ въ цѣломъ народѣ Малороссійскомъ, а не о всѣхъ малочиновныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полкахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенные чины.

9.

Права Малороссійскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й: »А будебы »чего въ семъ Статутѣ не доставало, то судъ, склоняяся къ бли»жайшей справедливости по совѣсти своей и по примѣру другихъ »правъ Христіанскихъ, отправлять и судить имѣетъ.« Малороссійскій народъ, по нынѣшнему состоянію, раздѣляется на три классы людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣленіе точно то же, что и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда магистратамъ многихъ городовъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское дано, то, по примѣру тому, и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ тогда подъ владѣніемъ Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія тѣже, Магдебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены; и понеже вышепомянутый Статута Литовскаго разд. 4, арт. 54, пунк. 4-й, въ случаѣ какому-либо дѣлу недостатка въ правѣ Статута, повелѣваетъ примѣняться къ другимъ Христіанскимъ сосѣднимъ правамъ; то Литовцы занимаютъ, въ помочь къ Статуту своему, Саксонское, которое называется ***Порядокъ;*** слѣдовательно Малороссія управляется уже не двумя, но тремя правами, а именно: Литовскимъ, Магдебургскимъ и Саксонскимъ: и

почему Малороссія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣетъ; ибо кто изъ сосѣднихъ Христіанскихъ народовъ имъ ближе [какъ выше сего показано уже] и въ родѣ и въ законѣ Христіанскомъ, какъ не Россія? Но изъ сего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона къ тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится; польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные и намъ мало вѣдомые законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные надъ неграмотными простыми людьми, власть полномочную; ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣетъ; а старшины, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ, яко-бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинами, которые у нихъ называются генеральные, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и нижнихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное. Чрезъ сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судьи иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. Итакъ судіи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствія обременять или уменьшать казни и штрафы многоразличными законами, а именно: когда судья видитъ, что Статутъ истцу, или отвѣтчику строгое рѣшеніе, а не полезное, опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ *Порядкѣ Саксонскомъ*, тогда прибѣгаетъ и къ Магдебургскому праву, ежели мѣщанину съ шляхтичемъ дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщетъ намѣре-

нію своему полезное; а простой, или иначе неграмотной, человѣкъ, будучи въ томъ несвѣдущъ, пріемлетъ все за несумнительный законъ. Временемъ для облегченія пріятелю казни, или для умноженія ненавистному вреда, мечутся и въ законы Великороссійскіе, какъ то по дѣламъ примѣчено; но то случается рѣдко. Сіе есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывутъ въ Малороссіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они *съ оборотомъ*; да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобы право натуральное и гражданское было судіи извѣстно, но чтобы была только память острая, которая, бывъ соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человѣка съ оборотомъ, то есть судію проницательнаго и скоропоспѣшнаго на всѣ ухватки ябедническія. Отъ того у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ, и ни единаго дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ апелляціи прошло: изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральный, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ коллегію, въ правительствующій сенатъ, а напослѣдокъ трудятъ Высочайшую Особу Государеву: почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ какъ козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ; бунчуковой товарищъ одинъ у другого восемь гусей отогналъ, съ шестнадцать лѣтъ процессъ былъ; и много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ такомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи, что по большеей части лучшихъ фамиліи отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ: научивъ его читать и писать по-Русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ, или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, котораго не успѣютъ только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по дол-

говременномъ обращеніи, происходятъ они въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали. Но съ чиномъ канцеляриста есть еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію [преимущество] имѣютъ; они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку не было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ; а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцеляріи и у гетмана. Итакъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ, что̀ при нынѣшнемъ гетманѣ нѣсколько уже и отмѣнено. При гетманѣ Скоропадскомъ, бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человѣкъ не было, и тѣ были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи подъ свой бунчукъ принималъ; но въ междугетманство больше двухъ сотъ ихъ прибыло, и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привиллегія надобна, что они нигдѣ кромѣ гетмана не судимы. Такъ и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока, прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ отдаленныхъ концахъ Малороссіи, о чемъ многія и жалобы были. Итакъ право Малороссійское почитать надлежитъ, яко главный непорядокъ въ Малороссіи; оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличіе отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству; оно судію дѣлаетъ лихоимцемъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными; оно бѣдныхъ простыхъ Малороссіянъ въ утѣсненіе приводитъ; оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

Значительное помѣшательство и непорядокъ въ народѣ и отъ

того происходитъ, что козаки, которые особыя привиллегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливой трудъ несутъ, а именно: отправляютъ Государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ по всей Малороссіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, помѣщикамъ принадлежащихъ. Всѣ Малороссійскіе города, мѣстечка, села, деревни, слободы и хуторы съ пахатными и сѣнокосными землями, какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не имѣютъ никакого обмежеванія; а понеже живутъ старинными будто займами и фальшивыми по большой части крѣпостьми, а иные ни займомъ старинымъ, ни крѣпостью, но грабежомъ и наѣздомъ сильный на безсильнаго; къ тому же козаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того последовалъ различный вредъ, какъ собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Вашего Императорскаго Величества превеликій ущербъ: 1.) Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большой части ни у какихъ дѣлъ, по своимъ хуторамъ, или деревнямъ, праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что, за лѣса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотинъ, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертоубійства. 2.) Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апелляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами, и сіе есть собственное ихъ разореніе. 3.) Ущербъ Вашего Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ воз-

можно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякоій сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ. 4.) Первый промыслъ козачій, которымъ они себѣ малые деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки, по снятіи съ поля хлѣба, перецѣживаютъ его на горячее вино, и то продаютъ у себя по домамъ, чего ради всякоій козачій домъ не что̀ иное, какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ, запившися, не много уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣетъ, и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми; а хотябы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его что̀ излишнее, но онъ, пріобыкши къ плодородію земли, не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ за лѣностію и того не умѣряетъ; и гетманъ временемъ принужденнымъ себя находитъ особливые ордеры о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради иногда малый народъ, или саранча, то есть мужики, остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду, или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, не рѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ; а это наиболыше дѣлаютъ старшины и ихъ свойственники. 5.) Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, изчезаютъ и перерождаются на мужиковъ, слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ столько у себя выцѣживаетъ вина, что всегда вышинковать въ своихъ маетностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку въ своей деревнѣ, а ищетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые бы удобнѣе у него забраться и замотаться могли; напослѣдокъ, когда столько козаку задастъ, что уже козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ, вымучивъ у него обликъ, то есть правнымъ обязатель-

ствомъ удостовѣреніе, бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, арт. 28, пунк. 1, въ которомъ опредѣлено *»награждать имѣніемъ недвижимымъ по оцѣнкѣ«;* а обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ Статутѣ *»волокою осаженою«* названа, предписано отдавать за десять рублей и по пропорціи, ежели меньше, то оную дѣлить, а *моргъ земли,* то есть двадцать саженъ въ ширину и шестьдесятъ саженъ въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ навозу въ пятьдесятъ шаговъ, или грошей (¹) Польской монеты. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣнокоснымъ землямъ, лѣснымъ удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч.; и такимъ образомъ козакъ, грунта́ свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу, по силѣ права. Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьими мужиками въ однихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, и отъ сего-то большая часть козаковъ претворалися уже въ мужики помѣщикамъ, а государственный интересъ чрезъ многіе годы терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и принимаемы были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1723 году, но указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

Къ внутреннему и собственному разоренію, есть вредъ наиближайшій Малороссійскому народу *вольный переходъ* съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаюся пьяницами,

(¹) Т. е. правную копу, что̀ равнялось 1 руб. 20 коп., когда рубль серебра ходилъ въ рубль, а теперь, по указу 1724 года, взыскивается 4 руб. 80 коп. грошей; значитъ, полтина болѣе чѣмъ 50 шаговъ.

лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ странѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздность. Она не только его нищимъ, но и впредъ къ работѣ по отвычкѣ неспособнымъ дѣлаетъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ прежде всего какъ бы ему найти удобности свой хлѣбъ жевать безъ труда; сего ради не допускаетъ обременять себя никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями, или грабленными Государевыми, или за долгъ шинковой себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ: сперва опредѣлитъ слугу, наряженнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что̀ весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный больше заставляетъ мужика своего роботать, нежели богатые, ежели кредита инаго къ тому въ націи не имѣетъ; потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ надпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики праздноделъные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ навѣдываться, гдѣ и сколько временными свободами крестъ выставленъ на поселеніе слободы, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ мужикъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку и новаго креста ищетъ, и симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, перевозя свою семью и перемѣняя свое селеніе. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ; ибо помѣщикъ подъ претекстомъ тѣмъ, яко-бы мужикъ все, что̀ ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе,

на которое онъ, по силѣ Статута, право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики, безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли Малороссійской, земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ; между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежелибы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія Его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то, хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему начатки премудраго Государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

V.

ОРИСЯ,

идиллія.

ОРИСЯ.

I.

Співа́ють у пісні, що нема́ найкра́щого на вро́ду, якъ ясна́я зоря́ въ пого́ду. Отъ же, хто ба́чивъ дочку́ поко́йного со́тника Та́волги, той би сказа́въ, мо́же, що вона́ кра́ща й надъ я́сную зо́рю въ пого́ду, кра́ща й надъ по́вний місяць середъ но́чі, кра́ща й надъ саме́ со́нце, що звеселя́е й ри́бу въ мо́рі, и звіря въ дубро́ві, и ма́къ у горо́ді.

Мо́же й гріхъ таке́ каза́ти: дѐ таки́ ви́дано, щобъ дівча́ було́ кра́ще одъ свято́го со́нця й місяця? Да вже, ма́буть, такъ насъ грішнихъ ма́ти на світъ породи́ла, що якъ спогля́неш на діво́цьку вро́ду, то зда́стця тобі, що вже ні на землі, ні на не́бі нема́ нічо̀го кра́щого.

Га́рна, ду́же була́ га́рна сотниківна! зна́ли її по всій Украі́ні; бо въ насъ на Вкраі́ні, ско́ро було́ въ ко́го ви́росте дочка́ хоро́ша, то вже її зна̀ють усю́ди. Було́ чи трѐба кому́ зъ молодо́го коза́цтва, чи не тре́ба чого́ у Війтовці, іде за сто верстъ, аби́ тілько поба́чить, що тамъ за дочка̀ въ со́тника Та́волги, що тамъ за Орѝся, що всю́ди про не́і мовъ у тру́би тру́блять! Да не бага́то съ то́го вихо́дило кори́сти. 'Якось не було́ коза́цтву при́ступу до не́і зъ залицяннемъ. Чи ба́тько бувъ ду́же горди́й, чи дочка́ ду́же пишна, того не зна̀ю; а зна́ю, що було́ вѐрнетця и́нший кру-

тиусъ изъ Війтовець да й ходить, мовъ неприкаянний. Спитае его про Орисю товаришъ…

»Шкода«, каже, »брате, нашого повабу й залицяння! Не для насъ зацвіла ся квітка! Може, хто ії застромить ії собі за високу шапку, тілько той буде не зъ нашого десятка.«

А товаришъ похитае мовчки головою, да й подумае: »Отъ же занапастила козака!«

II.

А Орися була вже не дитина, вирівнялась и викохалась, якъ біла тополя въ леваді. Подивитця було на ії старий сотникъ, подивитця на ії пишний зростъ и хорошу вроду, порадуетця батьківськимъ серцемъ, що дождавъ на старість собі такоі дочки, а часомъ и посумуе: »Доспіла еси, моя ясочко, якъ повний колосъ на ниві! Да чи знатиме жѣнчикъ, яку благодать бере собі одъ Господа милосердного? Есть багато людей, и статечнихъ, и значнихъ, що залицяютця на тебе, да не хотілось би мині оддавать тебе въ руки сивому дідові: звялить тебе ревнуючи, якъ вітеръ билину въ полі. Ой, не хотілось би оддавать тебе й за молодого шибай-голову, що не поживе довго безъ степу да коня, поляже въ полі буйною головою, а тебе зоставить горювать зъ дітонькамі!«

Такъ собі думаючи да гадаючи, старий Таволга часомъ тяжко, тяжко засумуе, ажъ слёза покотитця ёму зъ ока.

А Орися росла собі якъ та квітка въ городі. Повна да хороша на виду, маяла то сямъ, то тамъ по господі въ старого сотника, похожала якъ по меду бжілка и всю господу звеселяла.

III.

Приснився разъ Орисі предивний сонъ. Здалось, пришла до неі съ того світу покойна паніматка, стала, надъ нею въ голо-

вàхъ, да ї̆ кáже: »Дитúно моя́, Орúсю! не дòвго вже тобі дівувáти: що дèнь благáю Гóспода милосéрдного, щобъ послáвъ тобі вірну дружúну.«

Встáла Орúся ні смутнá, ні весèла, идé до панотця́ въ світлúцю, зачервонілась, якъ та квіточка, да ї̆ кáже: »Панóченьку! позолúли мої дівчáта плáтте. Нехáї̆ запряжýть намъ кòнеї̆; поідемо ми до Трубáї̆ла, підъ Тýрову Крýчу: тамъ водá, чúста, якъ склò, рúне по камінням.«

А панотéць рече́: »Чогò жъ тобі, Орúсю, такъ далéко іздити?«

»Хибá жъ то вже, панóченьку, ї̆ далèко?... на півъ-годúни ходú; да тудú жъ усè іхати лýгомъ да левàдами, що ї̆ не счýєсся, якъ водá заблищúть и зашумúть підъ горóю.

А панотéць: »О, я вже знáю, що абú чогó забажàла, то вмієшъ вúпросить. Поклúчъ же мині старóго Грúву!«

Поскóчила Орúся до дверѐї̆, не дòвго шукáла Грúви, зàразъ привелá ёгó передъ панотця́.

А тої̆ Грúва бувъ старúй, дідúзний чоловікъ. Знавъ вінъ пáна сóтника ще змàлечку; вúпестивъ ёгó на рукàхъ; вúвчивъ и на коні іздить. Пóтімъ вúходивъ зъ сóтникомъ у похóдахъ лéдьви не всю Пòльщу, бувъ зъ нимъ и въ Кримý, бувъ и на Чóрному мòрі; да вже на стáрість не схотівъ би ї̆ пáнства, абú тілько при ёмý дожúти віку. Старúй ужé бувъ дýже дідугáнъ той Грúва; брóви на òчи ёмý понасóвувались, и бородá сúва, до пóяса.

Увії̆шóвъ у світлúцю, вклонúвся пáну сòтнику, да ї̆ кáже: »Добрúдень, добрóдію!«

А сóтникъ ёмý: »Здорòвъ, добрóдію!« Бо вонú одúнъ одногó звúкли добрòдіями величáти.

»Запряжù«, кáже, »добрóдію, пáру кòнеї̆, візьмú хочъ тої̆ візъ, що булó сухарі въ похòді вóзимъ, да повезú нáшихъ прачòкъ до Трубáйла.«

А тої̆ ёмý: »Дóбре, добрóдію, запряжемò. Чомý не запрягтú?«

И отó зáразъ идé, берé двохъ хлòпцівъ, викóчуе зъ-підъ повітки візъ, дóвгиї̆ и ширóкій, дòбре ёму знакóмий, що не рàзъ

у лихій годи́ні, засівши за ёго, одбивáвсь одъ Ляхівъ, або́ одъ Татарви́, не разъ прийнявъ черезъ ёго й нужди не мáло, чáсомъ якъ трáпитця було́ утікáть изъ нимъ по корчàхъ, по болотàхъ, по бáгнахъ, щобъ ви́хопитьця мановцéмъ изъ залóги. Викóчуе стари́й Гри́ва той візъ тепéръ на йншую потрéбу; запрягáе пáру кòней, що вже літá погаси́ли давнò въ нихъ той огóнь, що кипи́ть у сèрці, пáше зъ очéй и зъ ніздеръ, и ки́дае коня́ сюдѝ й тудѝ, на страхъ жінкàмъ и дітямъ, а дóброму козакóві на втіху. Сми́рнні тепéръ тиі два білиі кóники ходи́ли підъ рукóю си́вого Гри́ви, що вже давнò одви́къ одъ козáцького гéрця.

Отъ же дівчáта Ори́сини несýть сорочкѝ, ши́тні рушникѝ, настільники и всяке добрò; наклáли пòвенъ візъ, и самѝ посідáли: усі въ стёнжкáхъ да въ квіткáхъ, — Ори́ся поміжъ ни́ми, — й якъ мàкъ у горóді всі квіткѝ закрашáе, такъ вонà сиділа поміжъ своіми дівчáтами. Си́вий Гри́ва сівъ спèреду; хлопъя́та ки́нулись одчинять ворòта. Ви́глянувъ у віквó панъ сòтникъ:

»Не бари́ся жъ тамъ, Ори́сю!«

А вонá: »Ні, панóченьку!«

Ля́снувъ погóничъ пýгою; кóні заржáли, почýвши лугову́ пáшу; потю́пали и зни́кли зъ очéй и зъ вòзомъ, и зъ погóничемъ, и зъ дівчáтами.

IV.

Отъ ужé й лугъ передъ ни́ми. И сюди́ зèлено, и туди́ зèлено. Було́ бо се сáме на веснí, якъ ще травá, свіжа да молодá, тільки що вкри́е зèмлю. Скільки въ-горі си́нёго нèба, стільки въ-низу́ зелèного лýгу. И такъ якъ яснá зоря́ въ-ночі покòтитця, палáючи по нéбу, такъ тáя Ори́ся проіжжáла широ́кимъ лýгомъ зъ своіми дівчáтами.

Ажъ ось — шуми́ть, ревé Трубáйло за левáдами. Якъ розступитця дéрево, а сóнце якъ заблищи́ть сáме въ тімъ місці, де

вода́ рі́не черезъ камі́ння, то ти бъ сказа́въ, що то не вода́, а саме́ чи́сте скло̀, самі́ї дорогі́ї кришта̀ль рі́не зъ горі́ и бъе́тця на дрі́бні́ї скля́нкі́ объ камі́ння.

Надъ рі́чкою Труба́йломъ стоі́ть висо́ка кру́ча. Вся обросла́ кучеря́вимъ вя́зомъ, а корі́ння пові́сло надъ само́ю рі́чкою. Ді́киї хміль почіпля́вся за те корі́ння и колі́шетця кудла́тими жму́тками. А въ-низу́ вода́ рі́не, да рі́не! Оце́ жъ та́я й Ту́рова Кру́ча.

Ді́влятця на не́і дівча̀та, да й пита́ютця въ старо́го Гри́ви, чого̀ вона́ прозва́лась Ту́ровою?

»На́ що вамъ зна̀ть?« ка́же Гри́ва.

»Аже́жъ ти на́ щось зна̀ешъ? Такъ и на̀мъ скажи́!«

»Ой, моі голубъя̀та! Сказа̀въ би вамъ, да тілько більшъ не поідете сюди́ на річку.«

»Що̀ жъ тамъ таке́? Скажѝ бо таки́ намъ, діду́сю!«

Якъ узялі́ просі́ть, не вѝдержавъ старі́й, сівъ на ка́мені надъ річкою, да й поча̀въ глаго́лати:

»Колі́сь-то давно́, ище́ до Тата́рського лихолі́ття, пра́вивъ Переяславомъ які́йсь князь. Да й бувъ собі тоі́ князь стріле́ць такі́й, що аби́ зу́здрівъ на о̀ко, то вже й его́; и коха́вся вінъ у полёва̀нні. Ото́ жъ разъ поіхавъ тоі́ князь на полёва̀нне, да й одби́вся у пу́щі одъ своеі чѐляді. Іде да іде пу̀щею, колі́ жъ ді̀витця, ажъ на ло́щині пасе́тця ста́до ту̀рівъ.«

»А що̀ жъ то, діду́сю, за ту́ри?« спита́лася Ори́ся.

»То, моя́ кри́шко, булі́ ди́кі бикѝ зъ золоті́ми рога́ми; тепе́ръ уже́ іхъ нігдѐ не зу́здришъ. Ба́чить князь тихъ ту̀рівъ; тілько не дивуетця на іхъ золоті́і ро́ги, а дивуетця, що при нихъ стоіть дівчи́на, така́, що усю́ пу́щу красо́ю освіти́ла. Поско̀чивъ вінъ до не́і; а одъ не́і такъ сяе, що й приступи́ть не мо́жна. Забу́въ князь и про свою̀ чѐлядь, и про те, що заблуди́въ у пу́щі: вхопи́ла его́ за сѐрце та́я чудо́вная краса́.

»Дівчи́но!« рече́, »будь моею жоно̀ю!« А вона́ речѐ: »Тоді я бу́ду тобі жоно̀ю, якъ Труба́йло наза́дъ ве́рнетця.« А князь ій знову: »Якъ не зго́дисся на мое́ проха́нне, то я твоі ту̀ри постреляю.« — »Якъ постреля́ешъ моі ту̀ри, то вже більшъ нічо̀го

не стрелятимешъ.« Розсердився князь, взявъ лукъ съ плеча и почавъ стрілять золоторогиі тури. Сунулись тиі тури въ пущу, такъ и вйваляли дерево; а князь за ними знай пускае стрілку за стрілкою. Прибігли надъ Трубайло... а Трубайло тоді бувъ не такий узенькій якъ теперъ, — прибігли надъ високу кручу и всі шубовсть у воду! да й ні одйнъ не переплйвъ, усі каменемъ ляглй по дну, ажъ річку загатили. Сплеснула тоді дівчина руками: »Потопйвъ есй моіхъ золоторогихъ турівъ, блукай же теперъ по пущі по всі вічниі роки!«... Отъ же й блукае, кажуть, той князь до сёго часу по пущі, и ніякъ не знайде свого Переяслава. А Переяславъ бувъ уже и въ Татарськихъ рукахъ, бувъ и въ Лядськихъ,—чого вже не було зъ тимъ Переяславомъ? а вінъ не знайде ёго, та й не знайде. А дівчинині тури лежать и досі каміннями въ воді, и отъ прислухайсь: то не вода реве, а ревуть тури глухо зъ-підъ води. Отъ же, кажуть, буде таке время, що князь прийде на Турову Кручу, повстають тури и пійдуть шукати собі дикихъ пущъ по Вкраіні.

V.

Слухають дівчата, да ажъ сумно імъ стало; слухае Орися, да вже боітця й глянуть на каміння, що простяглось купою черезъ річку. Вже ій здаетця, що то справді не каміння; и вода шумить якось не такъ, якъ вода...

Засмутйвъ зовсімъ дівчатъ старий Грива. Не знають уже, чи прать би то імъ, чи додому вбиратись; соромъ тілько старого Гриви; поглядае бо на нихъ, да тілько всміхаетця. То було люблять прать на самій бистрині, положйвши кладку съ каміня на камінь; а теперъ одійшлй дальше одъ кручи, де вода ще не дійшла до каміння и пливе тиха да чиста, хочъ вйглянься якъ у зеркало. И, справді мовъ у зеркалі, видно въ воді и небо, и кручу съ тими кудлатими коріннями, що переплутались изъ хмелемъ, и кучеря-

вні вязи, що повибігали на самий край и попростягали зелені лапи надъ річкою.

Дивитця Орися въ воду, ажъ у воді на кручі щось зачервоніло; хтось ніби виіхавъ изъ пущи на сивому коні и стоіть поміжъ вязами. Боітця глянуть у-гору, щобъ справді не було тамъ когось; боітця глянуть и на каміння: вже ій здаєтця, що ось, ось заревуть и сунутця зъ річки зачаровані тури. Смикнула за рукавъ одну дівчину и показала въ воду: дивлятця дівчата, ажъ на Туровій Кручі князь на сивому коні. Такъ и обомліли. Бо хто жъ би сказавъ, що то й не князь? Увесь у кармазині, а зъ пояса золото ажъ капае.

Не мало жъ, видно, здивувавсь и козакъ: стоіть на коні нерухомий. Бо хто жъ би й не здивувавсь, опинившись надъ такою кручею? У-низу рине вода черезъ камінне, а надъ водою сидить нерухомо сивий дідъ на камені, а тамъ стоять нерухомі дівчата, зъ прачами, зъ мокрими полотнищами въ рукахъ. Чи дівчата, чи, може, русалки повиходили прать сорочки підводному цареві, що живе въ кришталевому будинку підъ водою. Оце жъ, мабуть, и самъ вінъ вийшовъ зъ води погріть старий кості на сонці. Ще разъ погляне козакъ на сивого діда, ще разъ погляне на дівчатъ: позасукували по локоть рукава, попідтикали плахти й мережані заполоччу поділи... Золото не сяе такъ на дорогихъ перстняхъ, якъ сяють у воді й надъ водою іхъ білиі ноги. Задививсь козакъ, и собі стоіть нерухомо; коли жъ гукне на его старий Грива: »Гей, гей! козаче! Чого се тебе занесло на кручу? Хиба хочешъ пополоскать свої кармазини въ Трубайлі?«

И скоро промовивъ, — заразъ наче розбивъ які чарі. Засоромились дівчата и давай бовтать полотнищами.

А козакъ одвітуе дідові: »Да й за те слава Богу, що хоть на кручу вибрався. Скажи, будь ласкавъ, дідусю, якъ мині виіхать икъ Війтовцямъ?«

»А чого тобі треба въ Війтовцяхъ?«

»Черезъ Війтовці«, каже, »лежить моя дорога.«

»А куди жъ лежить твоя дорога?«

»Моя́ доро́га — до чиє́гось поро́га, моя́ сте́жечка — до чиє́гось сѐрдечка.«

»Эге«, ка́же старі́й Гри́ва: — »неха́й же тобі Госпо̀дь у до́брому ді́лі помага́є! Отъ же куди́ тобі виі́хать. Бери́сь у-ни́зъ, понадъ бѐрегомъ: то тамъ тро́хи ни́зче бу́де тобі доріжка; тиє́ю доріжкою вийдешъ ти на річку. Есть черезъ річку ії кладочкѝ; во́зомъ не проідешъ, а коне́мъ до́брий коза́къ перехо̀пится.

Подя́кувавъ коза́къ за пора́ду, поверну́въ коня̀ и схова̀вся по-за де́ревомъ.

Якъ схова̀вся, тоді-то вже розгуля́лись на́ші дівча́та: росписа́ли козака́ якъ на папѐрі: які ѝ о́чи, які ії бро́ви, якъ и гово̀рить, якъ и всміха́ється. Та ка́же: »Се твій су́женый!« а та: »Се твій.« А одна́ додала́: »Не змага́йтесь ду́рно, дівча́та: чи рівня жъ такі́й вамъ пи́шний князь! Се на́шій па̀нночці су́женый!

Почервоніла Ори́ся. »Збожево̀ліла«, ка́же, »ти, Пара́ско! Хиба́ не чу́ла, що̀ вінъ сказа́въ ді́дові?«

И жаль ії було́, сама́ не зна́є чо̀мъ, що вінъ іде сва̀таться. Мя́кше одъ во̀ску діво́че се́рце. Та́не воно́ одъ коза́цькихъ оче́й, якъ одъ со̀нця....

»Що жъ«, ка́же Пара́ска, »що іде сва́таться! Су́женоі ії коне́мъ не объі́дешъ!«

VI.

Попра́ли дівча́та сорочкѝ, зложи́ли на візъ, зеле́ною паху́чою траво́ю прикрѝли, посіда́ли ії поіхали додо́му, свіжі да весе́лі; щебе́чуть якъ ла̀стівки. Ще́ далѐко не доіхавъ візъ до со́тницького двора́, а въ дворі вже чутно̀ було́, що верта́ются.

»Ори́сю, на́ша па́нночко!« крі́кнули дівча́та, ско́ро росчини́лись во̀рота. »Чий же то си́вий кінь у дворі стоіть? Се жъ того́ козака̀, що ми ба́чили, се жъ твого́ князя, се жъ твого́ су́женого!«

Гляне Орися, а въ серці наче жаромъ запекло. Чи вона злякалась, чи вона зраділа, сама того не знала.

Виглянувъ у вікно изъ світлиці молодий козакъ: іде въ двіръ візъ старими кіньми, изъ старимъ сивимъ погоничемъ; зелена трава волочетця по бокахъ и бъетця по колесахъ; а изъ-за сивої бороди старого Гриви, изъ-за білої зими, червоніе літо — повенъ візъ дівчатъ у квіткахъ да въ намисті, — Орися якъ сонце поміжъ ними! Виглянувъ, да ажъ руками сплеснувъ: »Се жъ вона, се жъ вона!« И ото вже тоді почавъ на прямоту викладувать свою мову пану сотникові, и хто вінъ такий, и чого приіхавъ. Хто жъ вінъ такий, то се вже панъ сотникъ знавъ давно: Миргородський осавуленко, отаманъ у своїй сотні, хорошого й багатого роду дитина. А чого приіхавъ? приіхавъ подивитьця, що тамъ за Орися така, що тамъ за дочка въ сотника Таволги на всю Гетьманщину; а побачивши та й себе показавши, довідатьця, чи вже надбала шитихъ рушниківъ у скриню... Про що журивсь, чого бажавъ панъ сотникъ, те ёму якъ изъ неба впало. Не довго думавши, позвавъ Орисю. Ввійшла въ світлицю, червона, якъ калина.

»Отъ, Орисю, тобі женихъ! Чи любъ вінъ тобі, чи може підождешъ кращого?«

Хоть-би тобі слово промовила, хоть-би тобі очима зглянула. Стоіть, сердешненька, и головку схилила.

Бачить панотецъ, що не дождетця одъ неі одвіту, — бо де жъ таки, щобъ дівчина сказала, що въ ій на мислі. Очиці хиба скажуть, а сама ні. Пораховавъ се панотецъ, да й каже: »Де вже такий козакъ да любъ не буде! Обнимітця жъ да поцілуйтесь, да й Боже васъ благослови!«

Обнявъ козакъ Орисю, поцілувавъ у тиі губоньки, що наче зъ самого меду зліплені, и вклонились обое низько, до самого долу, панотцеві.

Чи багато жъ наіхало дружини на весілля, чи бучно одбули гостей, чи довго гуляли, се вже не наше діло росказувати.

Бачивъ я Орисю саме передъ весіллемъ; хороша була, якъ квіточка. Бачивъ я знову її черезъ рікъ у Миргороді, — ще ста-

ла кра̀ща за́мужемъ, и дити́на въ не́і. якъ Бо́жа зірочка. Вже я не ра̀зъ ду́мавъ собі, на не́і ди́влячись: »Се Бо́жа сла̀ва, а не молоди́ця! Що̀, якъ-бі́ хто доте́пниі змалёва́въ іі такъ, якъ вона́ есть, изъ мале́нькою дити́нкою на рука́хъ! Щобъ то за карти́на була́!«

П. Кулішъ.

Пи́сано 1844, сентября́ 7,
у Ходорко́ві, въ Свідзінського,
прочита́вши ше́сту пісню Одиссе́і

VI.

МАЛОРОССІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

положенныя на ноты для пѣнія и фортепьяно

Андреемъ Маркевичемъ.
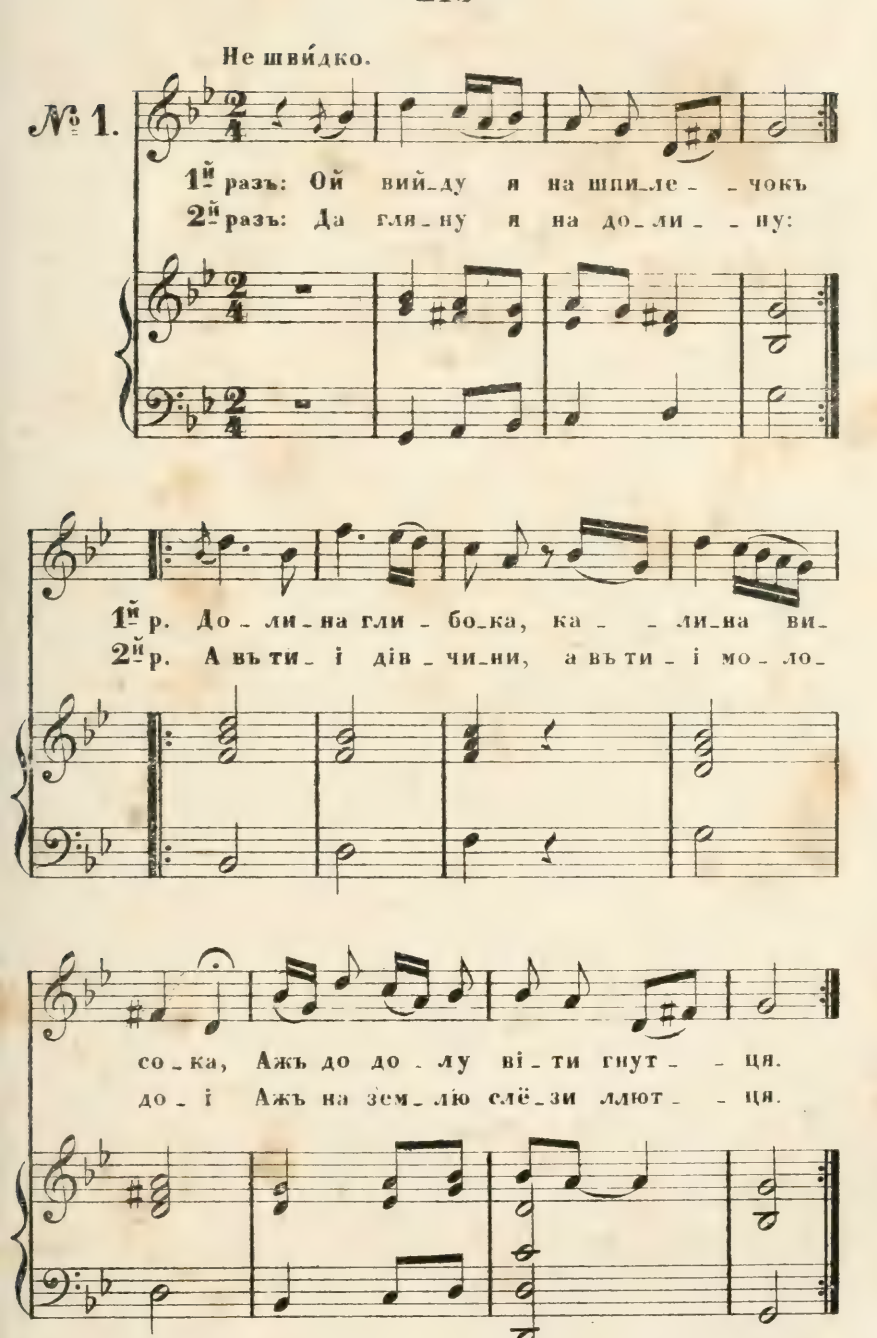
Тетрадь первая.
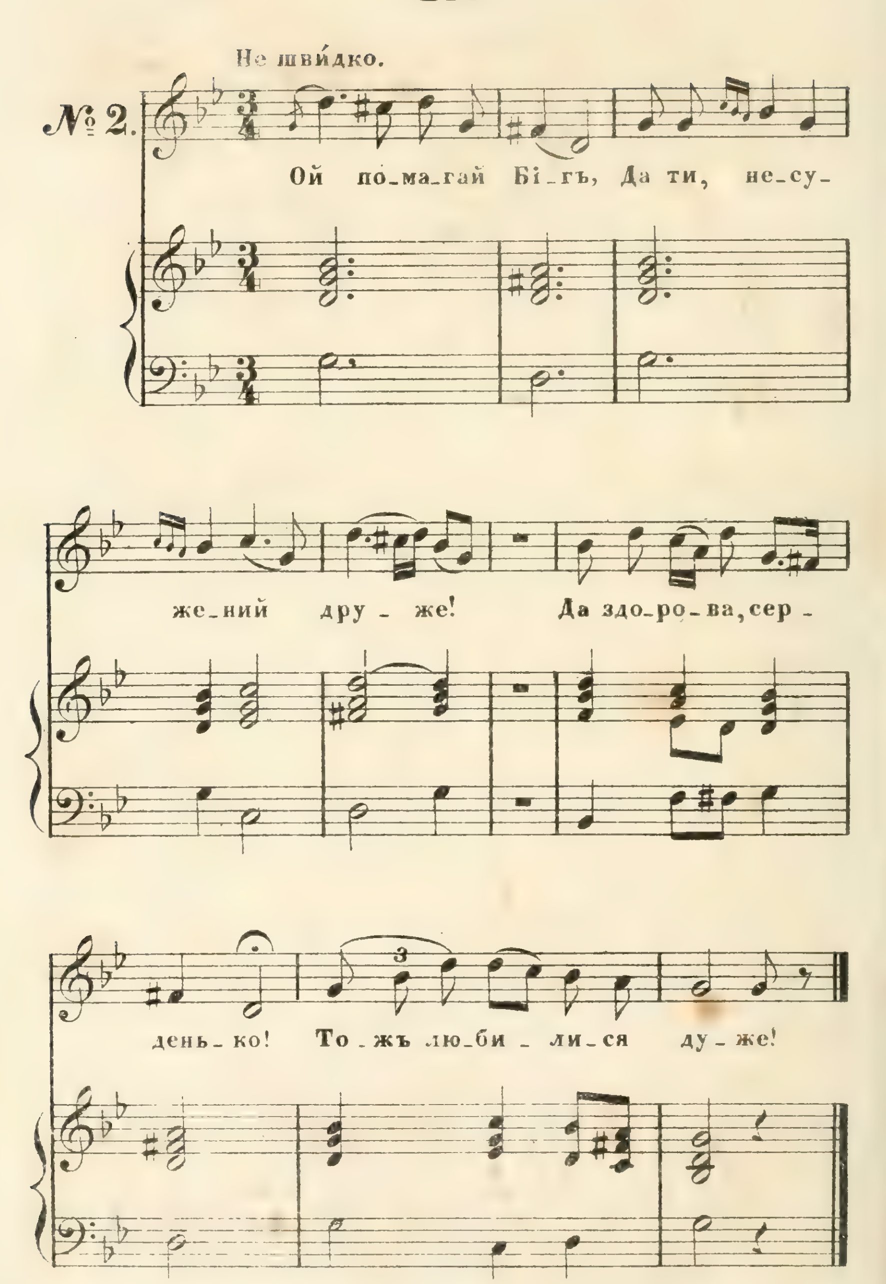
ПРИМѢЧАНІЕ.

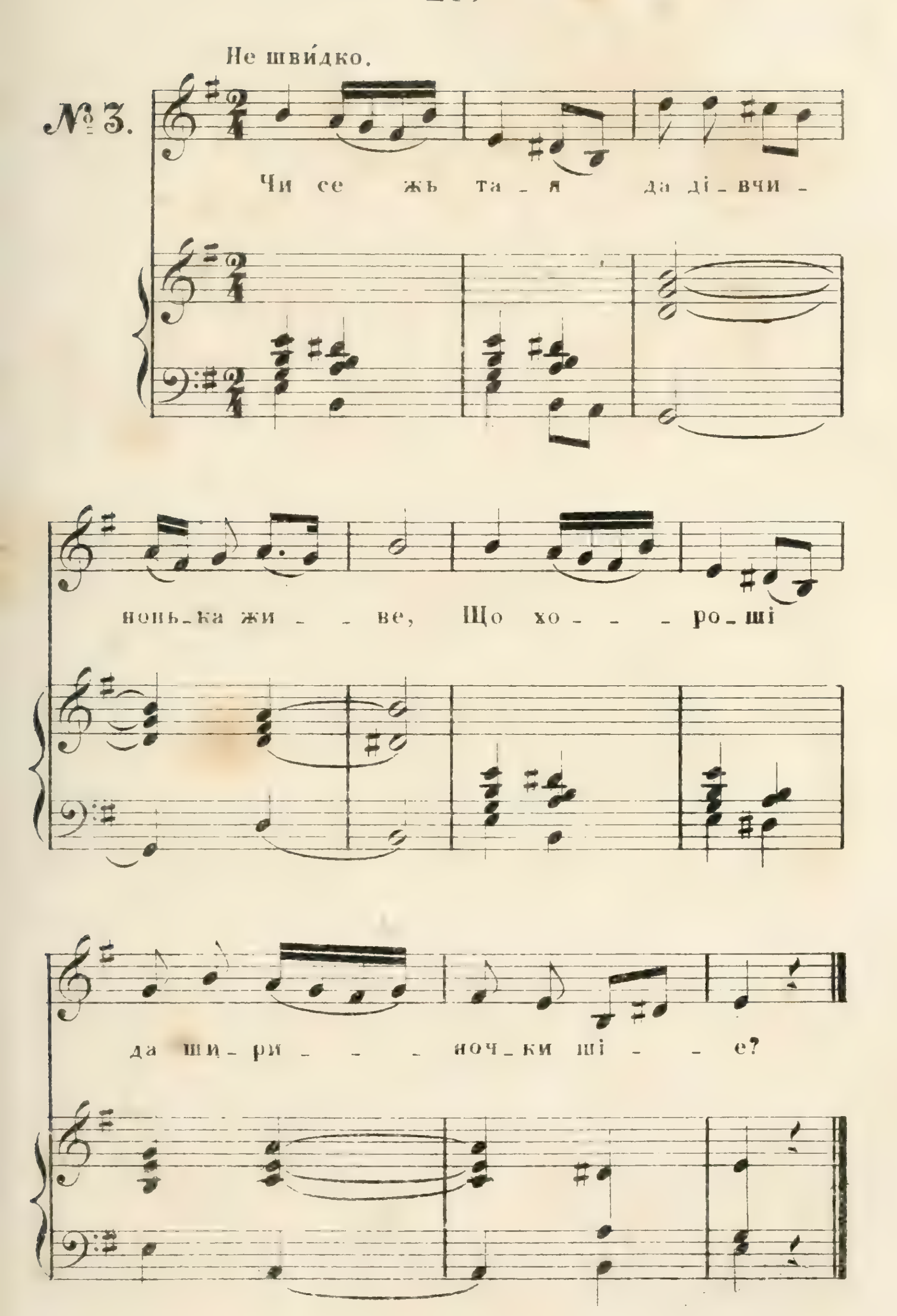
Издавая нѣсколько голосовъ Малороссійскихъ народныхъ пѣсень, я старался выразить ихъ возможно точнѣе, безъ всякихъ прикрасъ и измѣненій. Акомпаниментъ прибранъ мною соотвѣтственно тому, какъ я понималъ своеобразный характеръ Украинской мелодіи, а не на основаніи общихъ правилъ ученой музыки. Изъ этихъ немногихъ голосовъ увидитъ каждый, что Малороссійская пѣсня представляетъ нѣчто самостоятельное въ области музыки, что она часто противорѣчитъ общепринятымъ законамъ гармоніи, но, нарушая ихъ, даетъ намъ какіе-то новые законы, которые будутъ опредѣлены искусствомъ, когда приведется въ извѣстность богатый запасъ народныхъ мотивовъ.
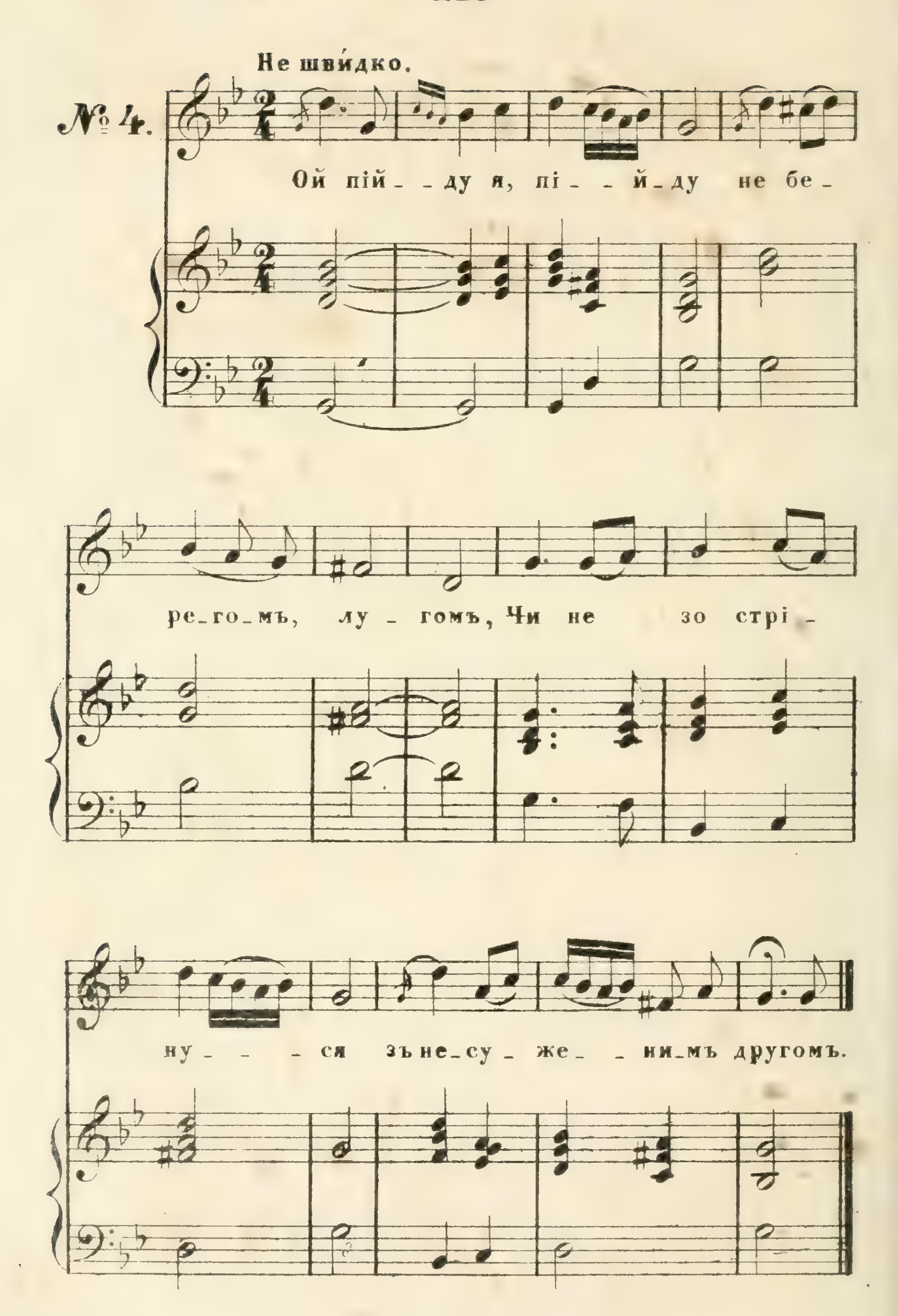
При исполненіи Малороссійскихъ пѣсень, должно помнить, что въ пѣсняхъ, оканчивающихся двумя одинакими нотами (какъ, напримѣръ, въ пѣснѣ: *И се село́, и то село́*), послѣдняя нота выговаривается почти шопотомъ и коротко, а предпослѣдняя тянется долѣе. То же самое встрѣчается иногда и въ срединѣ пѣсни (напримѣръ, въ пѣснѣ: *А въ лѣтині та въ осінині*).
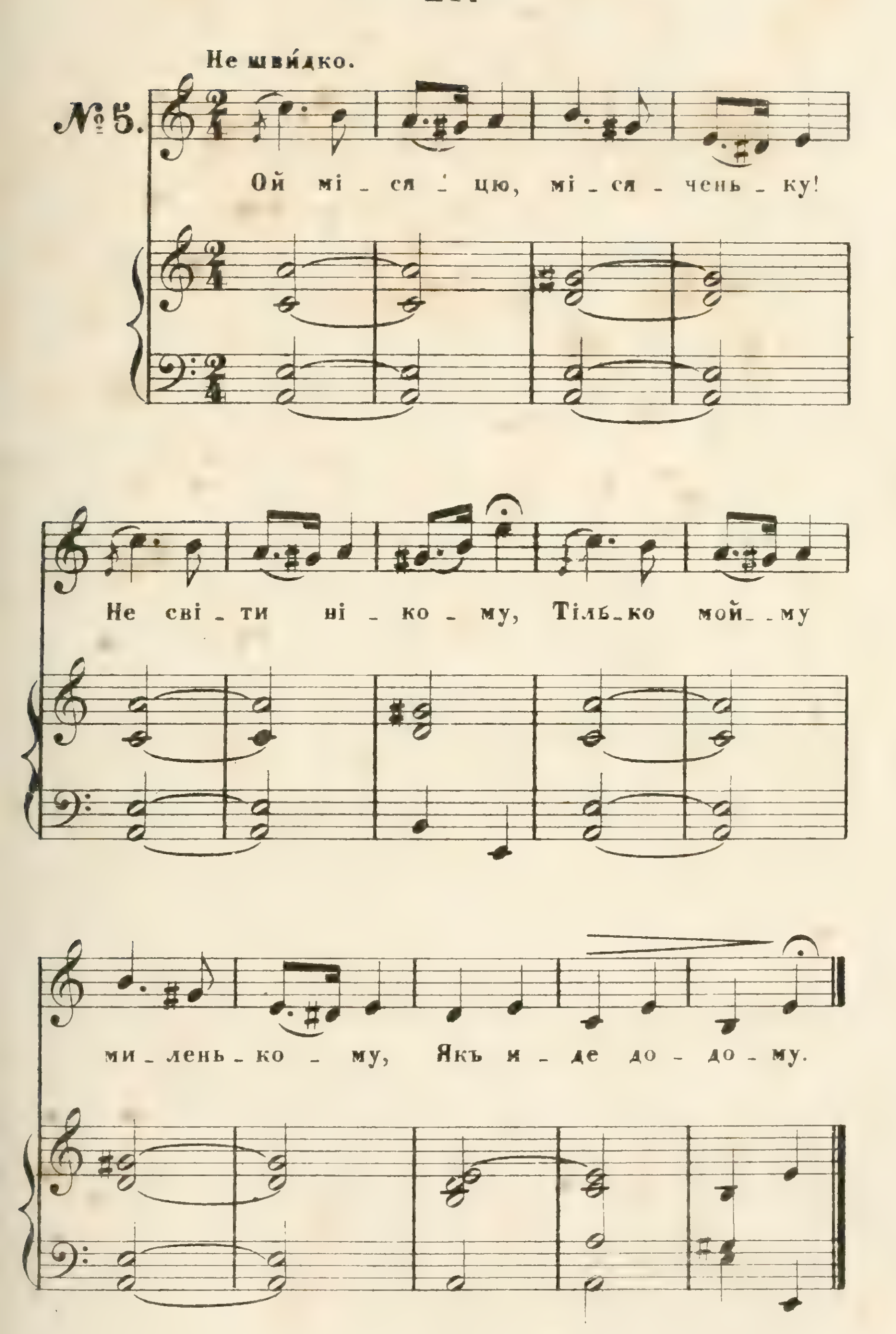
Андрей Маркевичъ.
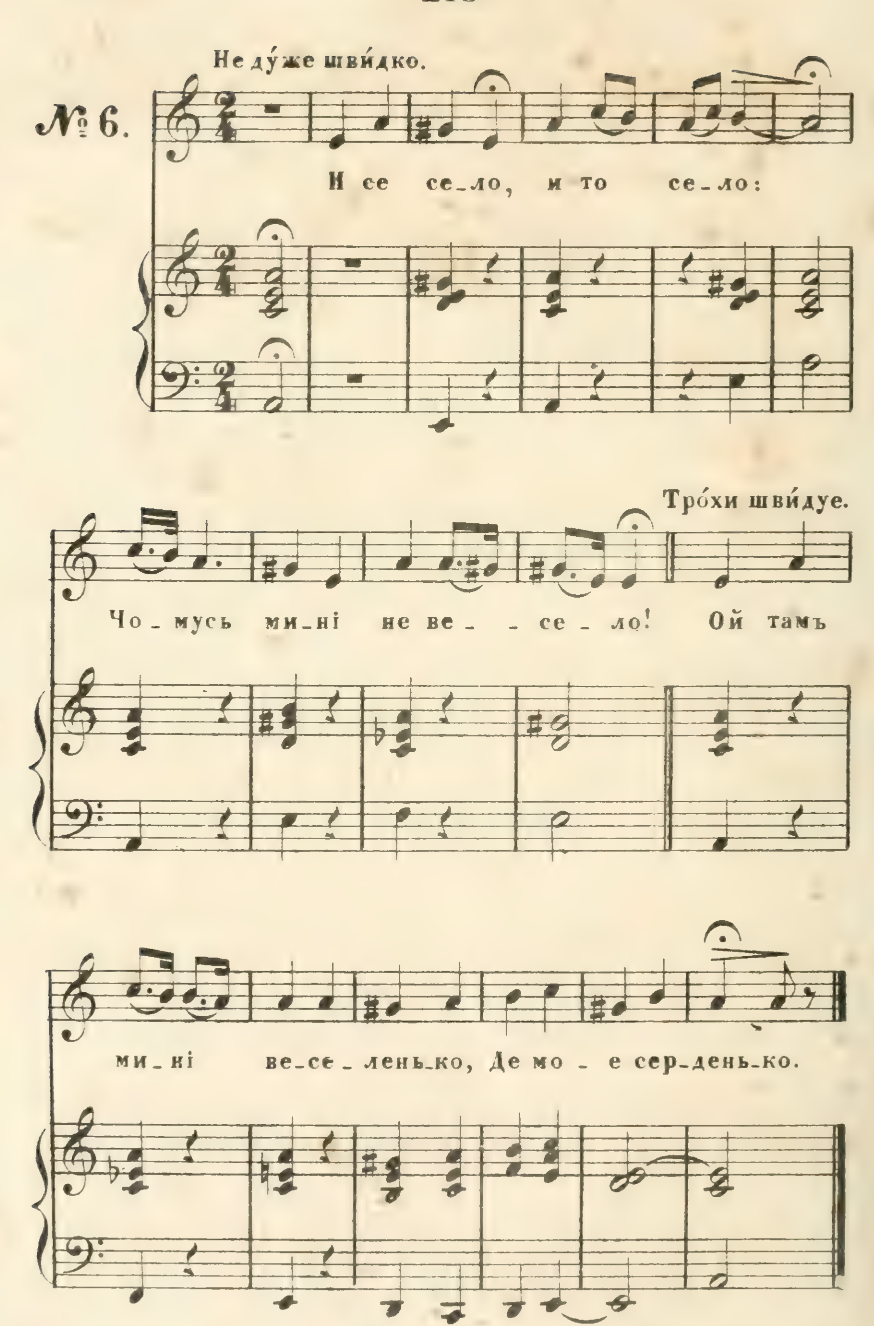

Не швидко.
№ 1.
1й разъ: Ой вий_ду я на шпи_ле_ _чокъ
2й разъ: Да гля_ну я на до_ли_ _ну:
1й р. До_ли_на гли_бо_ка, ка_ _ли_на ви_
2й р. А въ ти_і дів_чи_ни, а въ ти_і мо_ло_
со_ка, Ажъ до до_лу ві_ти гнут_ _ця.
до_і Ажъ на зем_лю слё_зи ллют_ _ця.
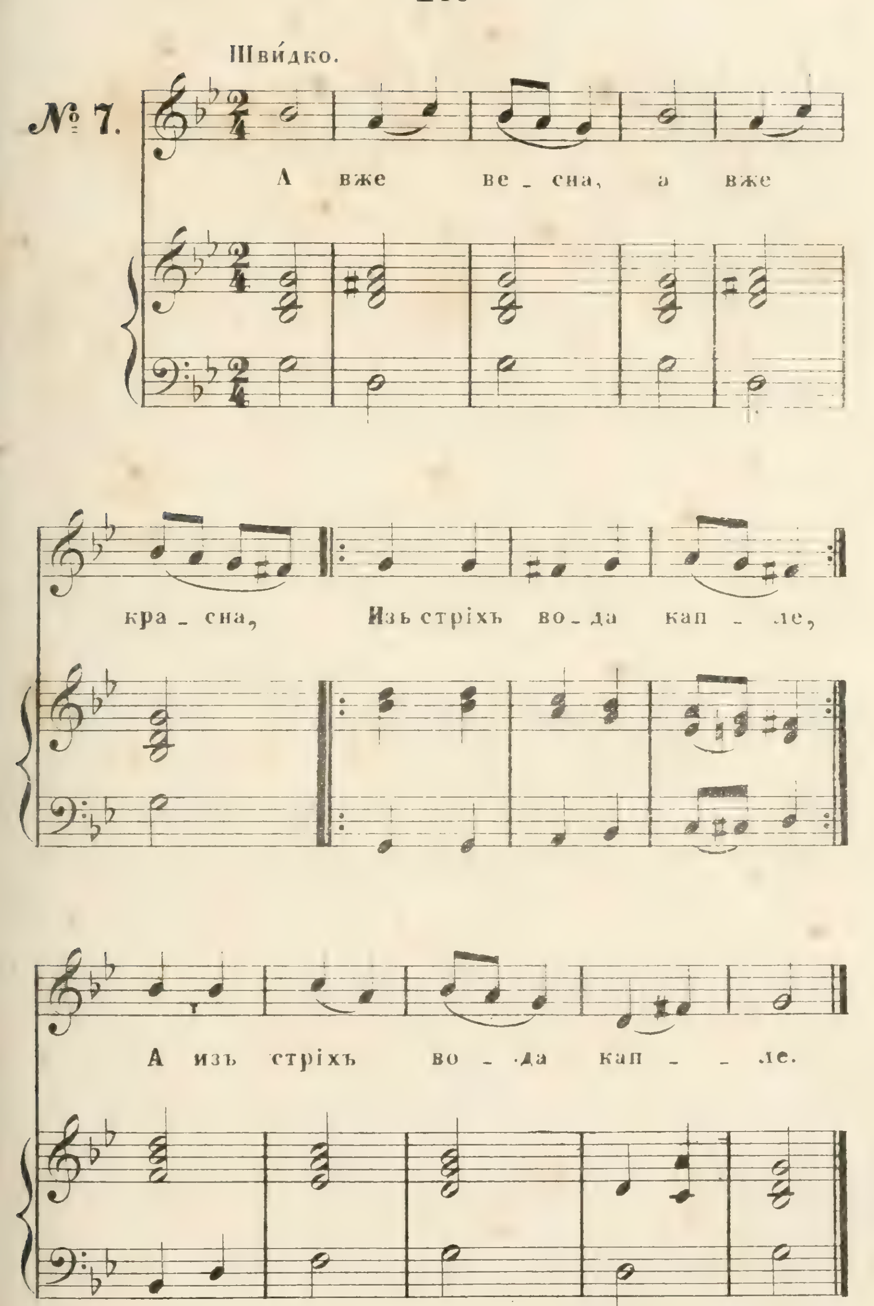

Не швидко.
№ 2.
Ой по_ма_гай Бі_гъ, Да ти, не_су_
же_ний дру_же! Да здо_ро_ва, сер_
день_ко! То_жъ лю_би_ли_ся ду_же!

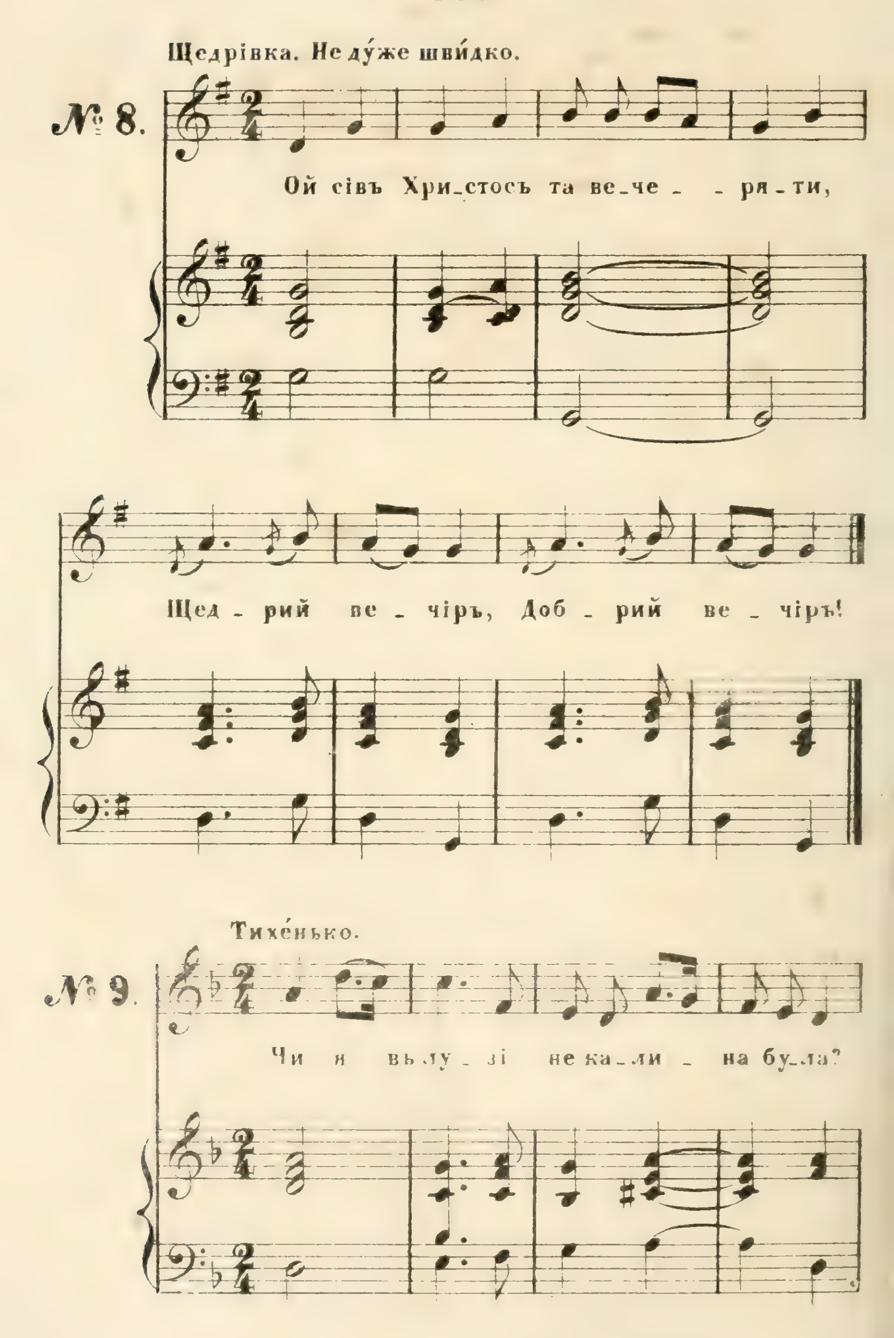

Не швидко.
№ 3.
Чи се жь та_я да ді_вчи_
нонь_ка жи_ _ _ ве, Що хо_ _ _ _ ро_ші
да ши_ри_ _ _ ноч_ки ші_ _ _ е?

Не швидко.
№ 4.
Ой пій _ _ ду я, пі _ _ й _ ду не бе _
ре _ го _ мъ, лу _ гомъ, Чи не зо стрі _
ну _ _ _ ся зъ не _ су _ же _ _ ни _ мъ другомъ.

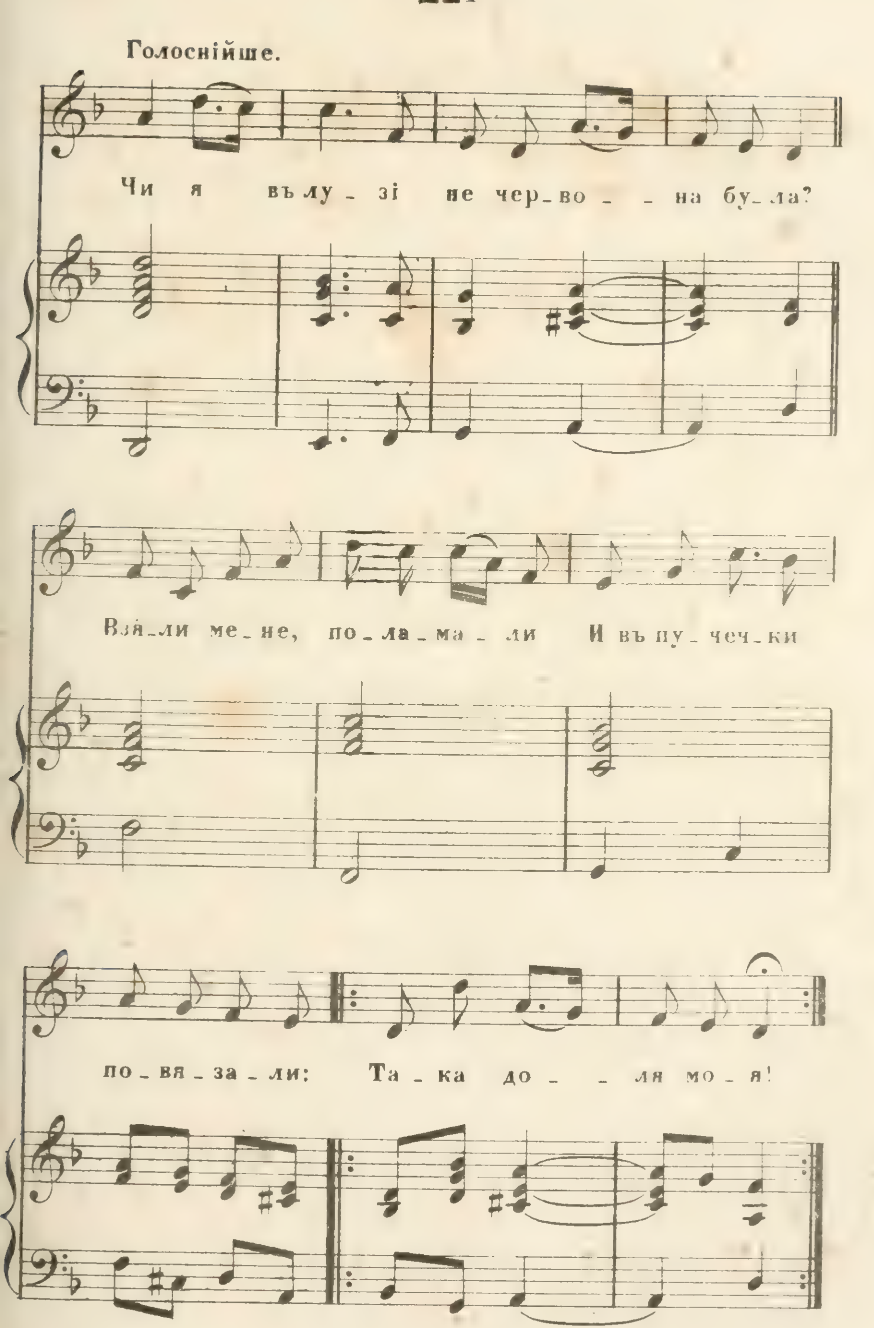

Не швидко.
№ 5.
Ой мі - ся - цю, мі - ся - чень - ку!
Не сві - ти ні - ко - му, Тіль - ко мой - му
ми - лень - ко - му, Якъ и - де до - до - му.

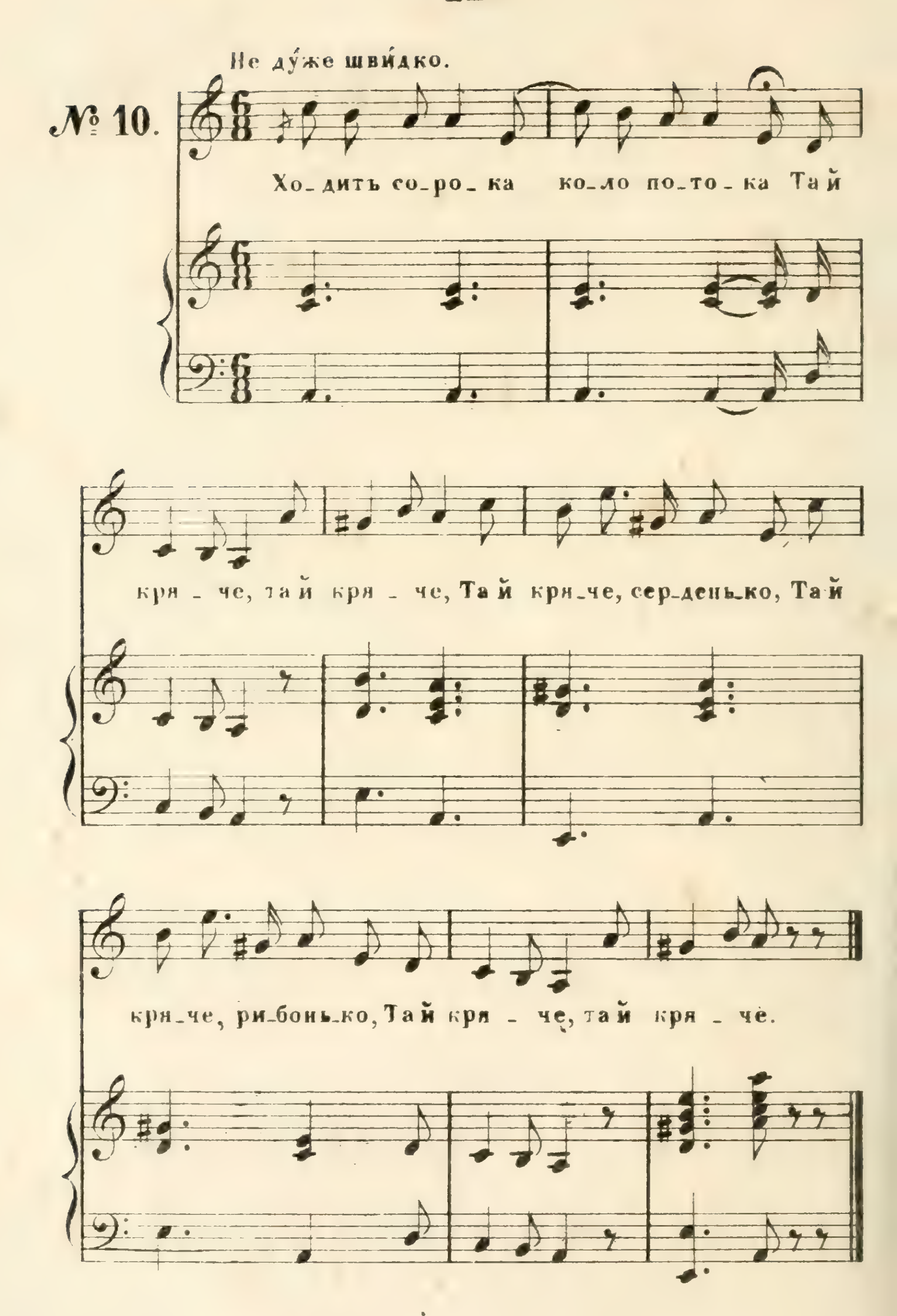

Не ду́же шви́дко.
№ 6.
И се се_ло, и то се_ло:
Тро́хи шви́дуе.
Чо_мусь ми_ні не ве_ _ се_ло! Ой тамъ
ми_ні ве_се_лень_ко, Де мо_е сер_день_ко.

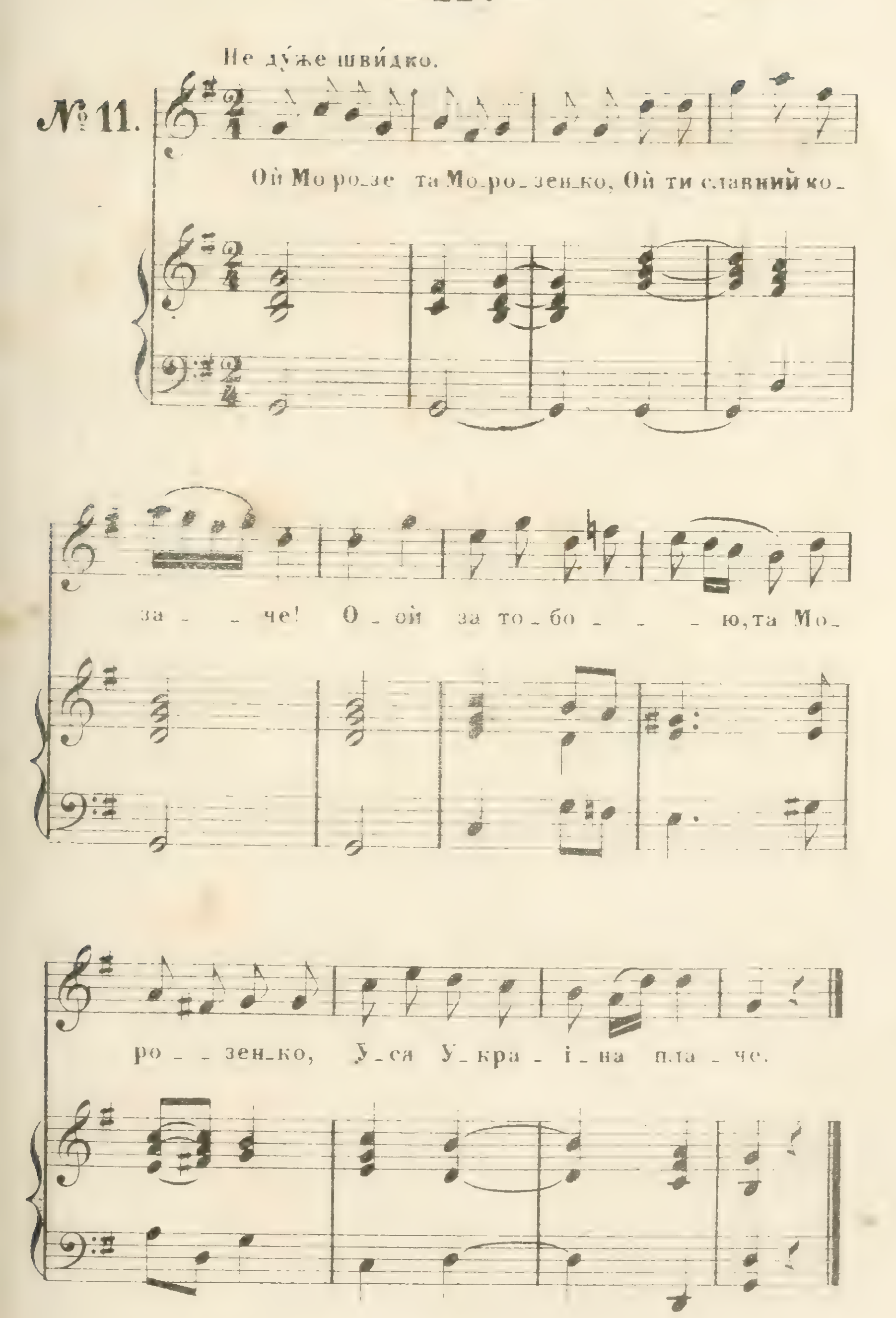

Швидко.
№ 7.
А вже ве - сна, а вже
кра - сна,
Изъ стріхъ во - да кап - ле,
А изъ стріхъ во - да кап - - ле.
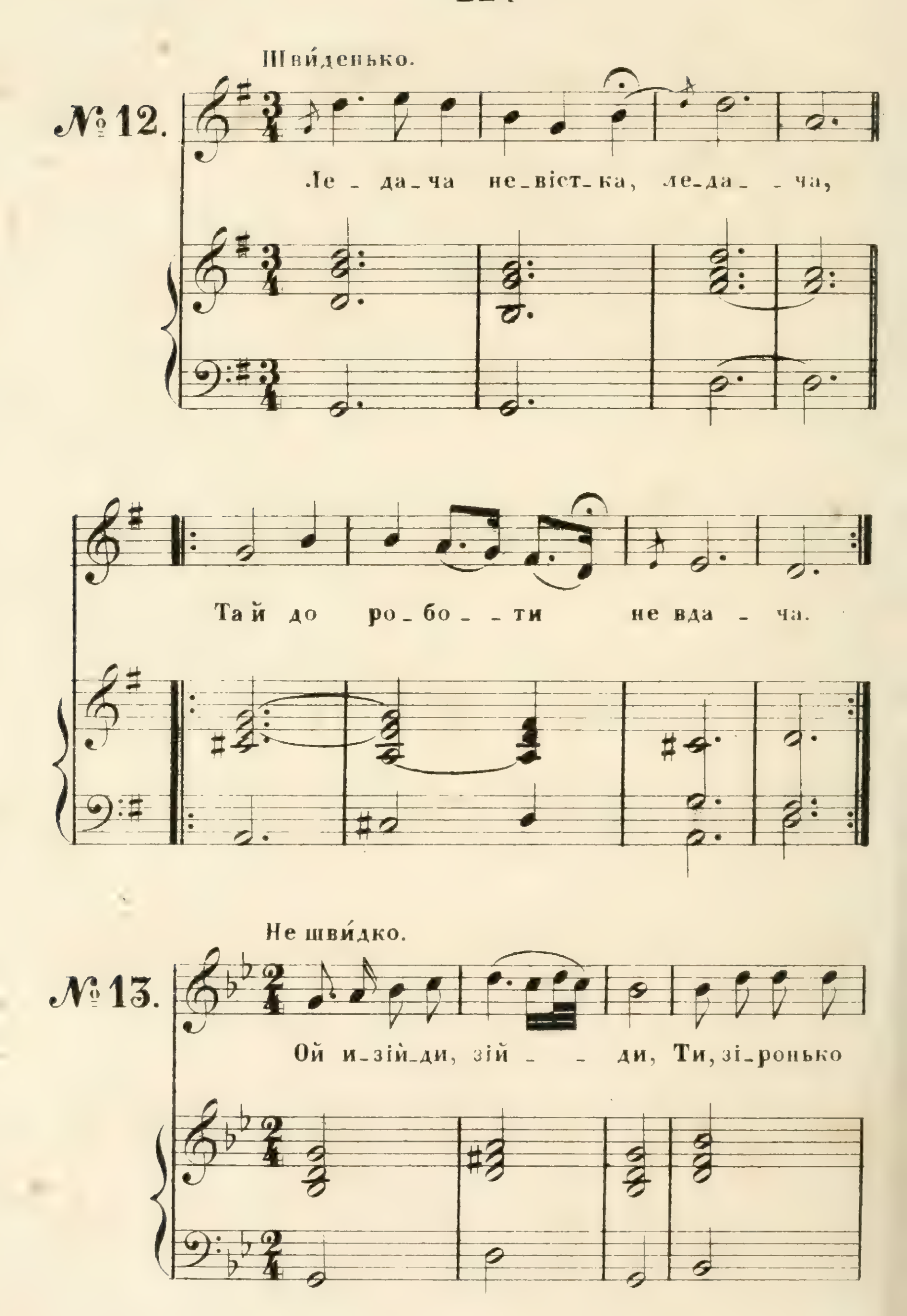

Щедрівка. Не ду́же шви́дко.
№ 8.
Ой сівъ Хри_стосъ та ве_че _ _ ря _ ти,
Щед _ рий ве _ чіръ, Доб _ рий ве _ чіръ!
Тихе́нько.
№ 9.
Чи я вь лу _ зі не ка_ли _ на бу_ла?
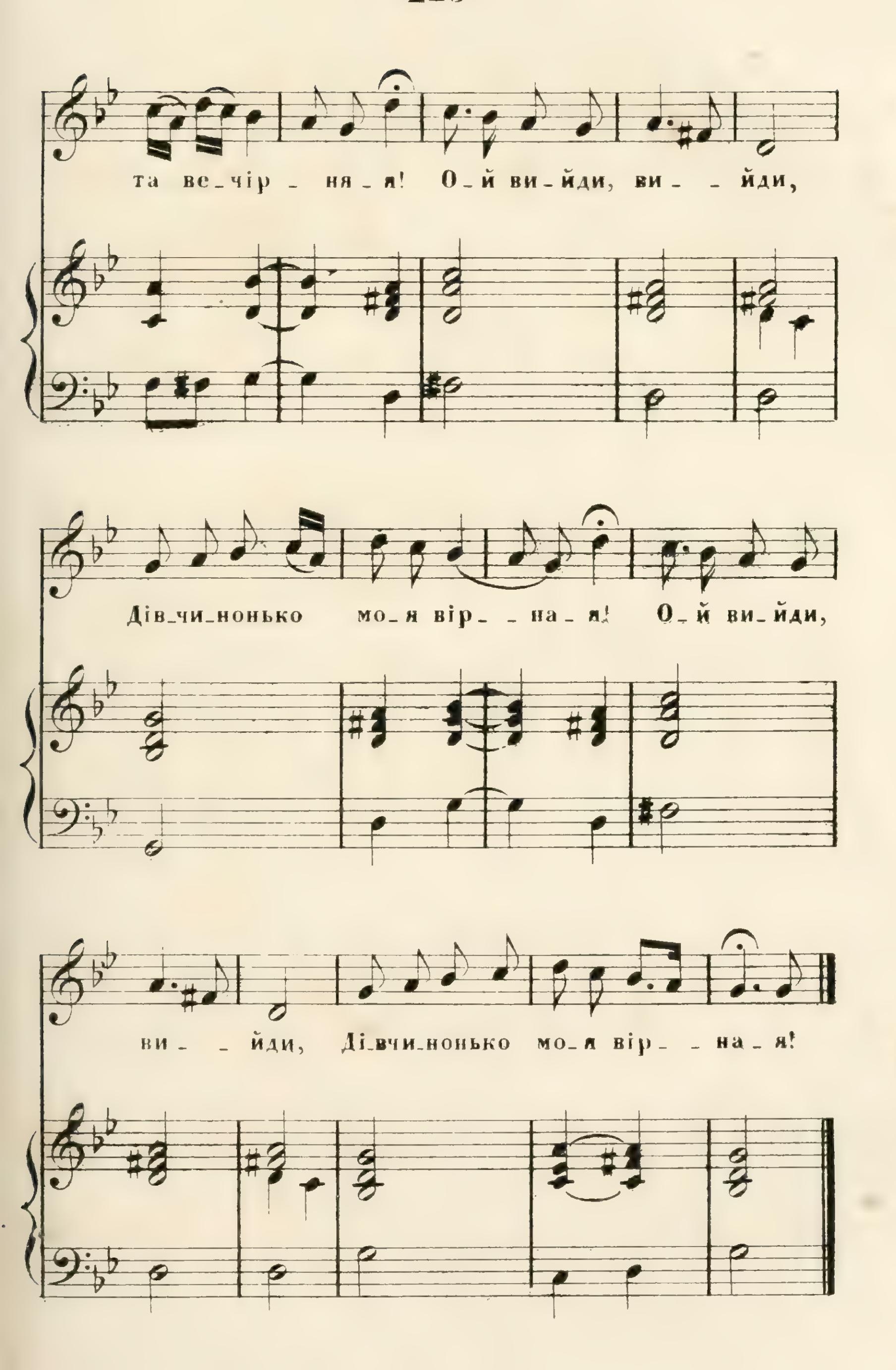
Голоснійше.
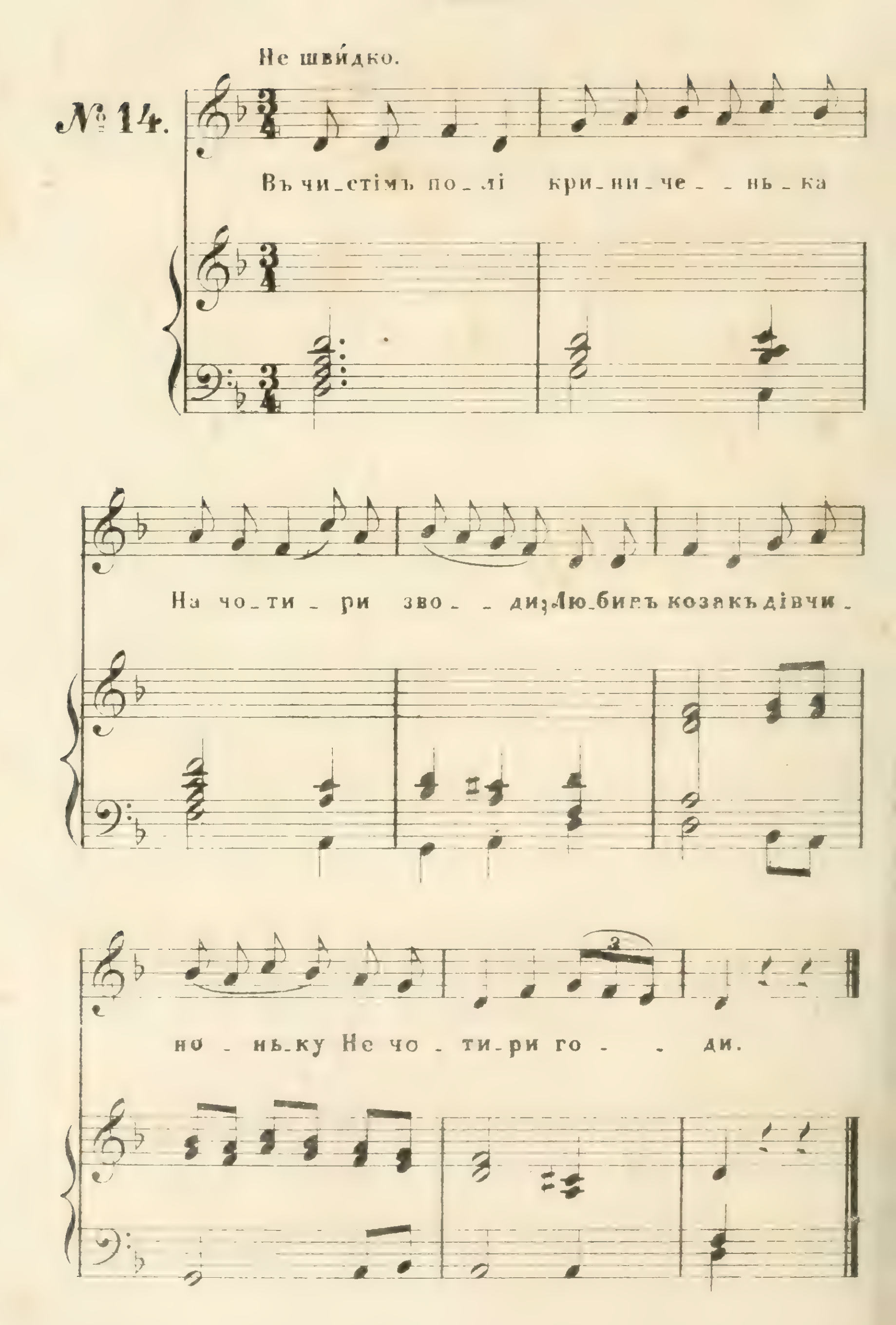

Чи я въ лу - зі не чер - во - - на бу - ла?
Взя - ли ме - не, по - ла - ма - ли И въ пу - чеч - ки
по - вя - за - ли: Та - ка до - - ля мо - я!
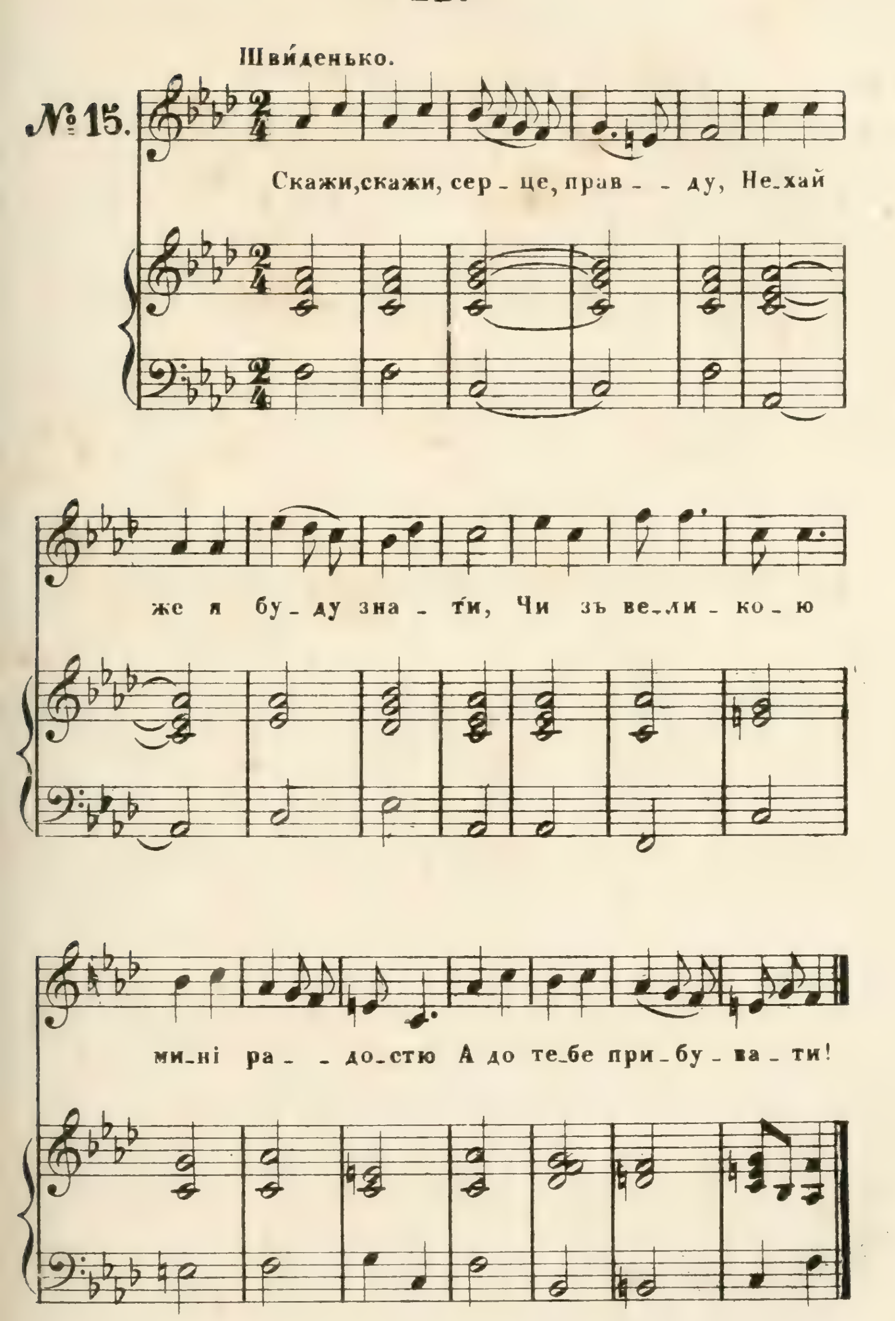

Не дуже швидко.
№ 10.
Хо_дить со_ро_ка ко_ло по_то_ка Тай
кря - че, тай кря - че, Тай кря_че, сер_день_ко, Тай
кря_че, ри_бонь_ко, Тай кря - че, тай кря - че.
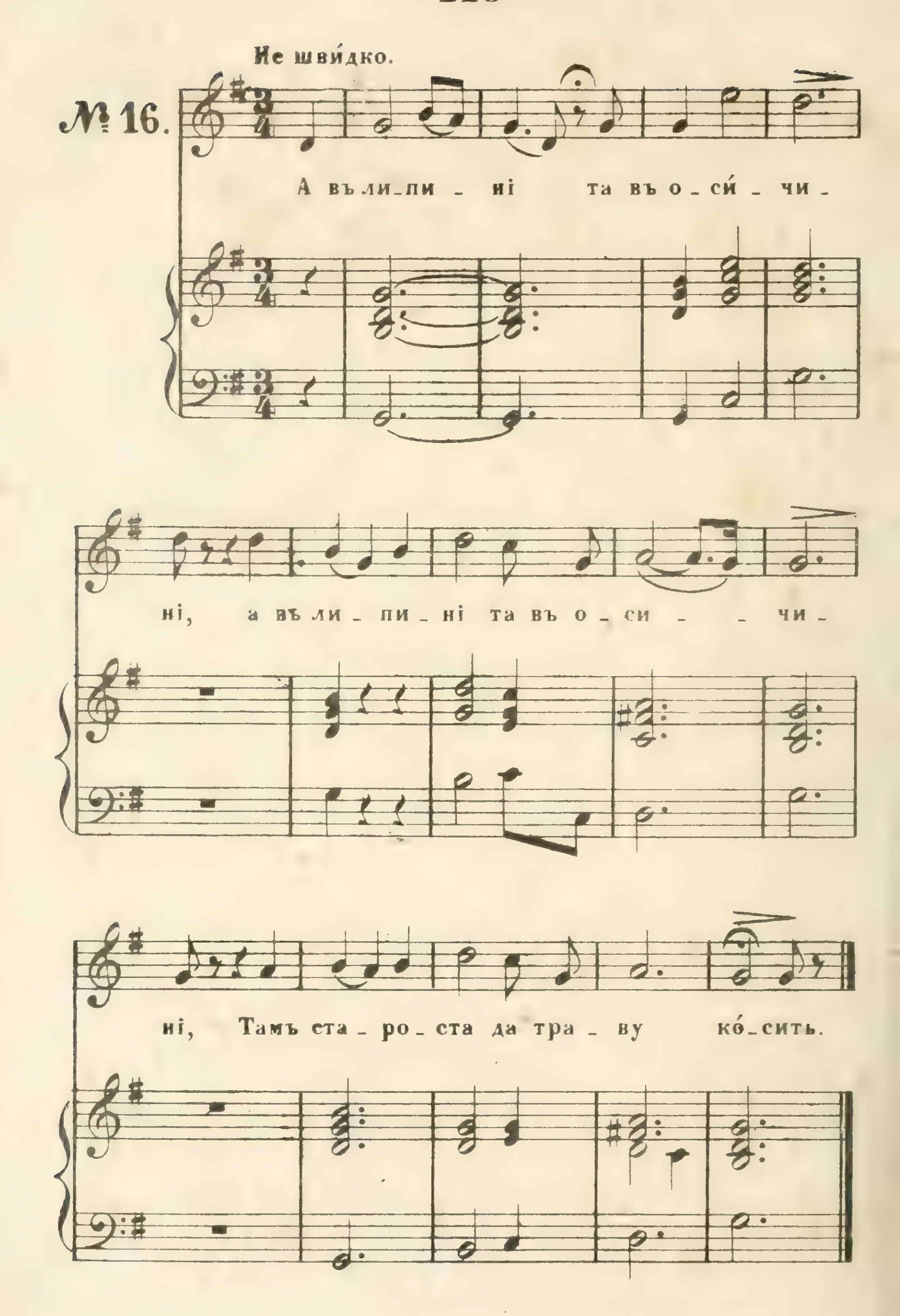

Не ду́же шви́дко.
№ 11.
Ой Морозе та Мо-ро-зен-ко, Ой ти славний ко-
за - - че! О-ой за то-бо - - - ю, та Мо-
ро - - зен-ко, У-ся У-кра-і-на пла-че.
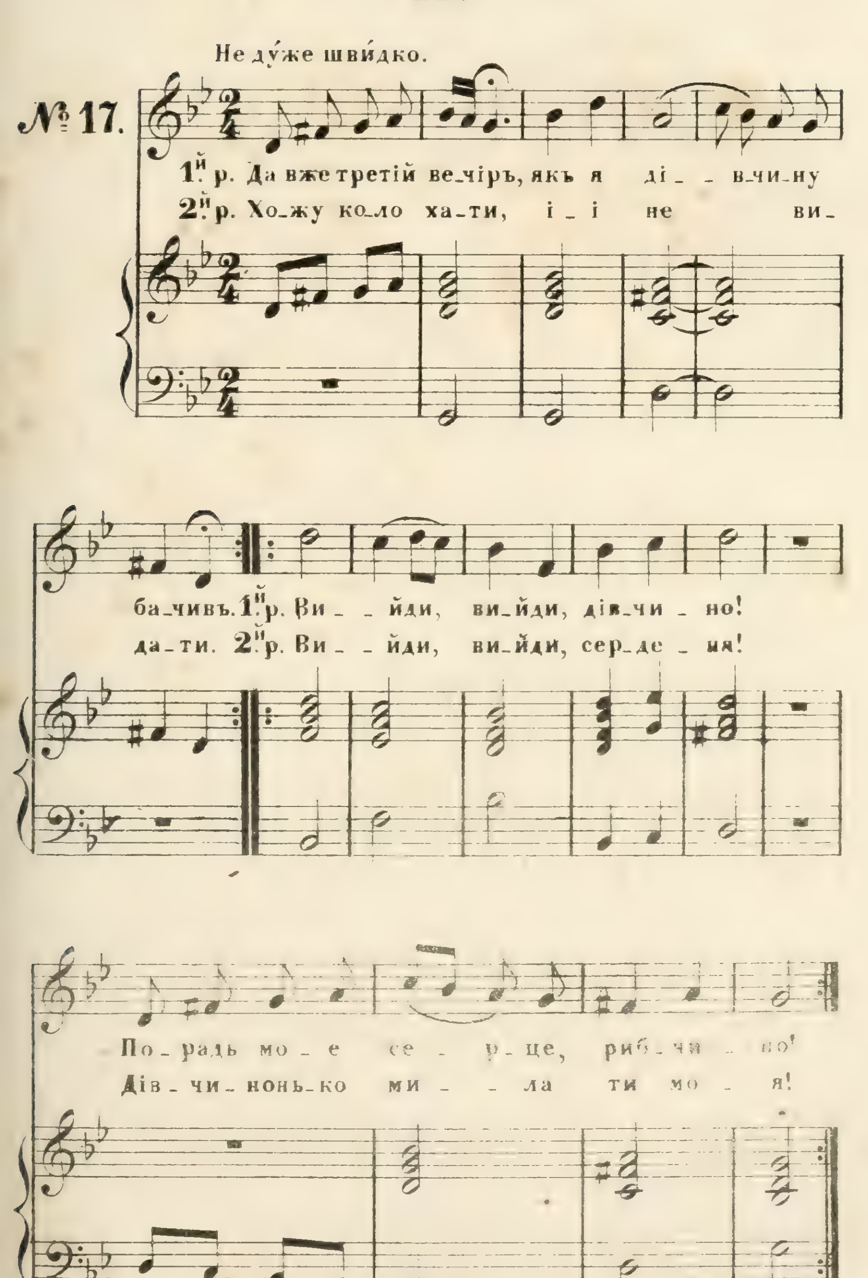

Швиденько.
№ 12.
Ле - да-ча не-віст-ка, ле-да- -ча,
Тай до ро-бо- -ти не вда - ча.
Не швидко.
№ 13.
Ой и-зій-ди, зій - - ди, Ти, зі-ронько
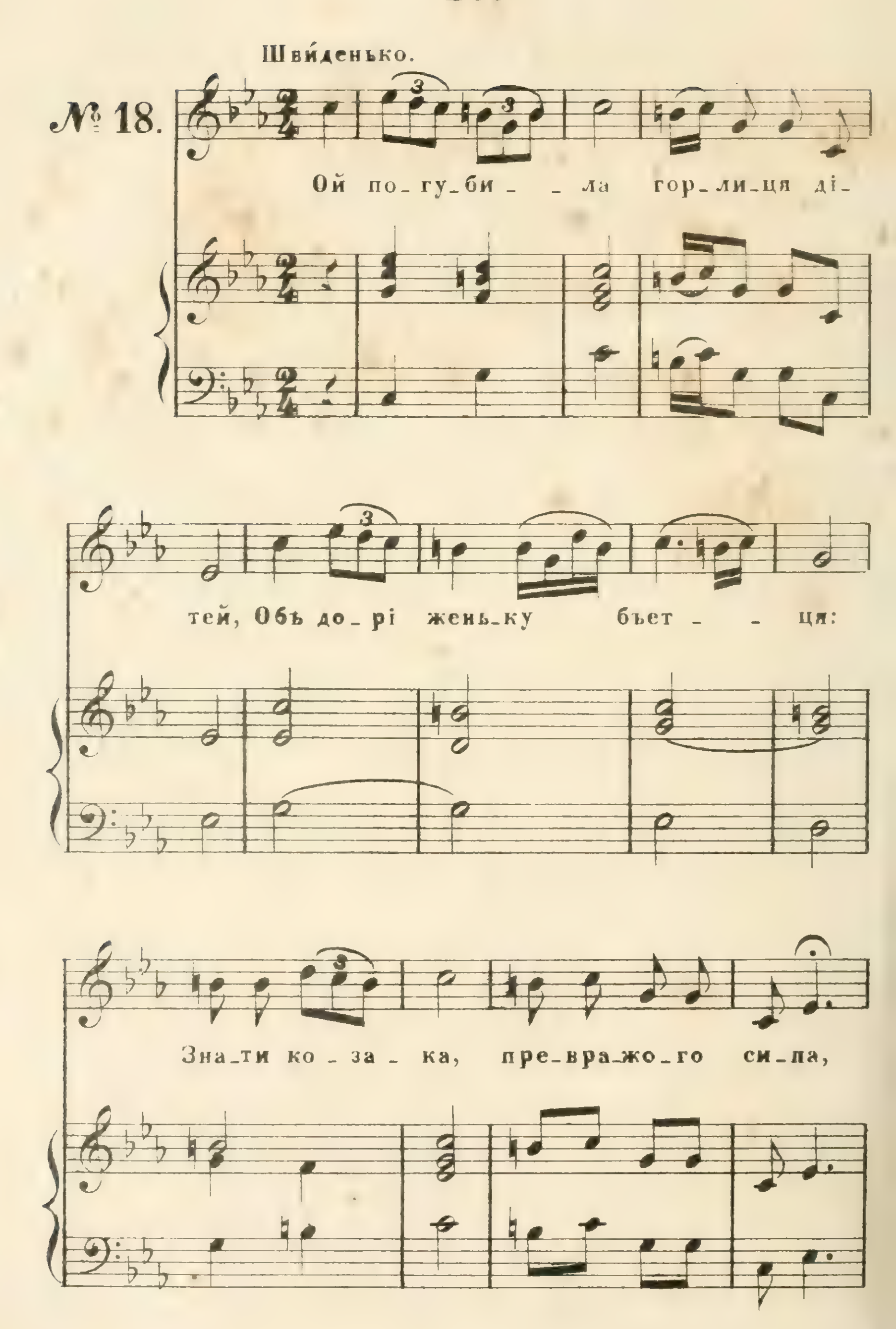

та ве_чір _ ня _ я! О_й ви_йди, ви_ _ йди,
Дів_чи_нонько мо_я вір_ _ на _ я! О_й ви_йди,
ви_ _ йди, Ді_вчи_нонько мо_я вір_ _ на _ я!
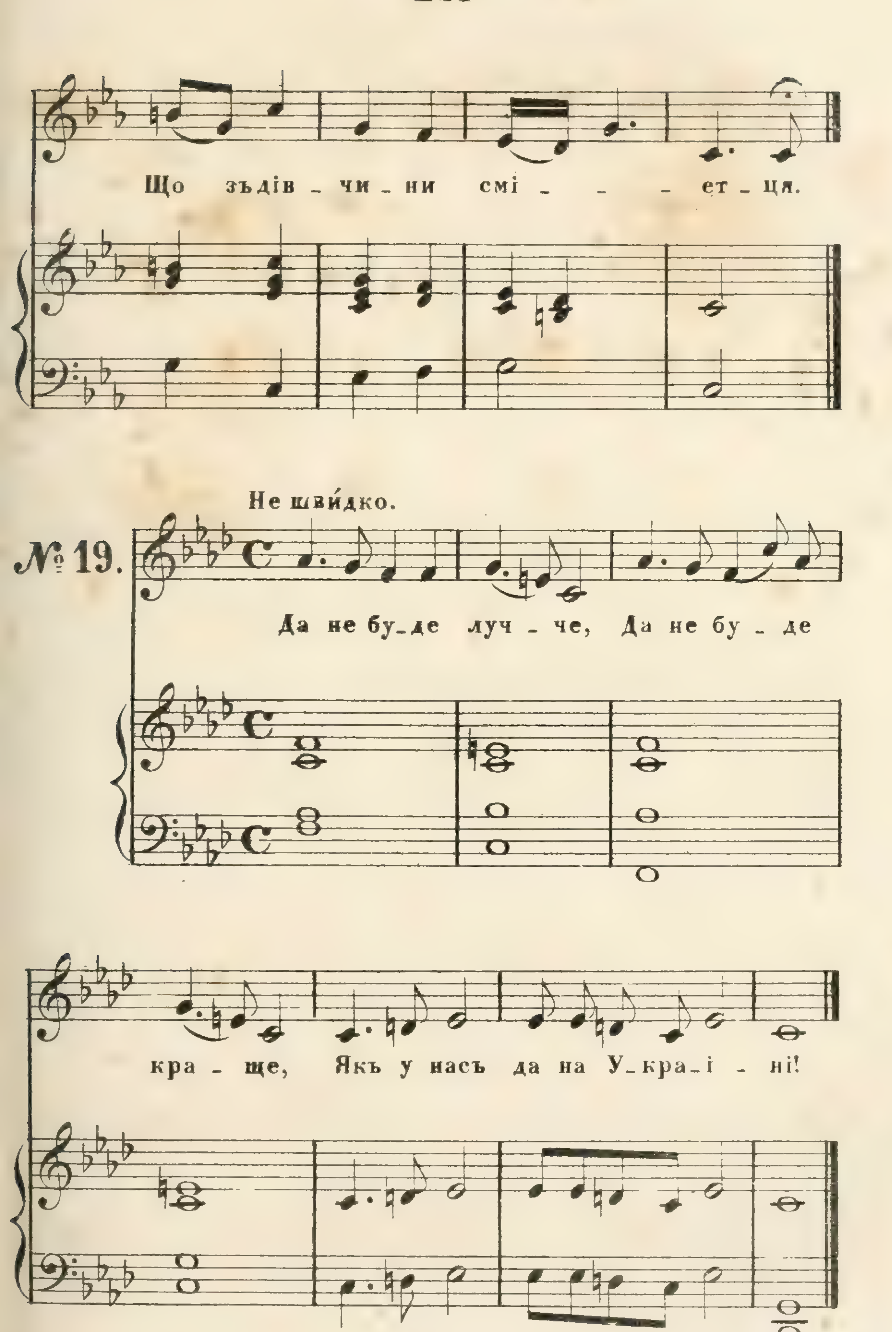

Не швидко.
№ 14.
Въ чи_стімъ по_лі кри_ни_че_ _нь_ка
На чо_ти _ ри зво_ _ ди; Лю_биръ козакъ дівчи _
но _ нь_ку Не чо _ ти_ри го _ _ ди.
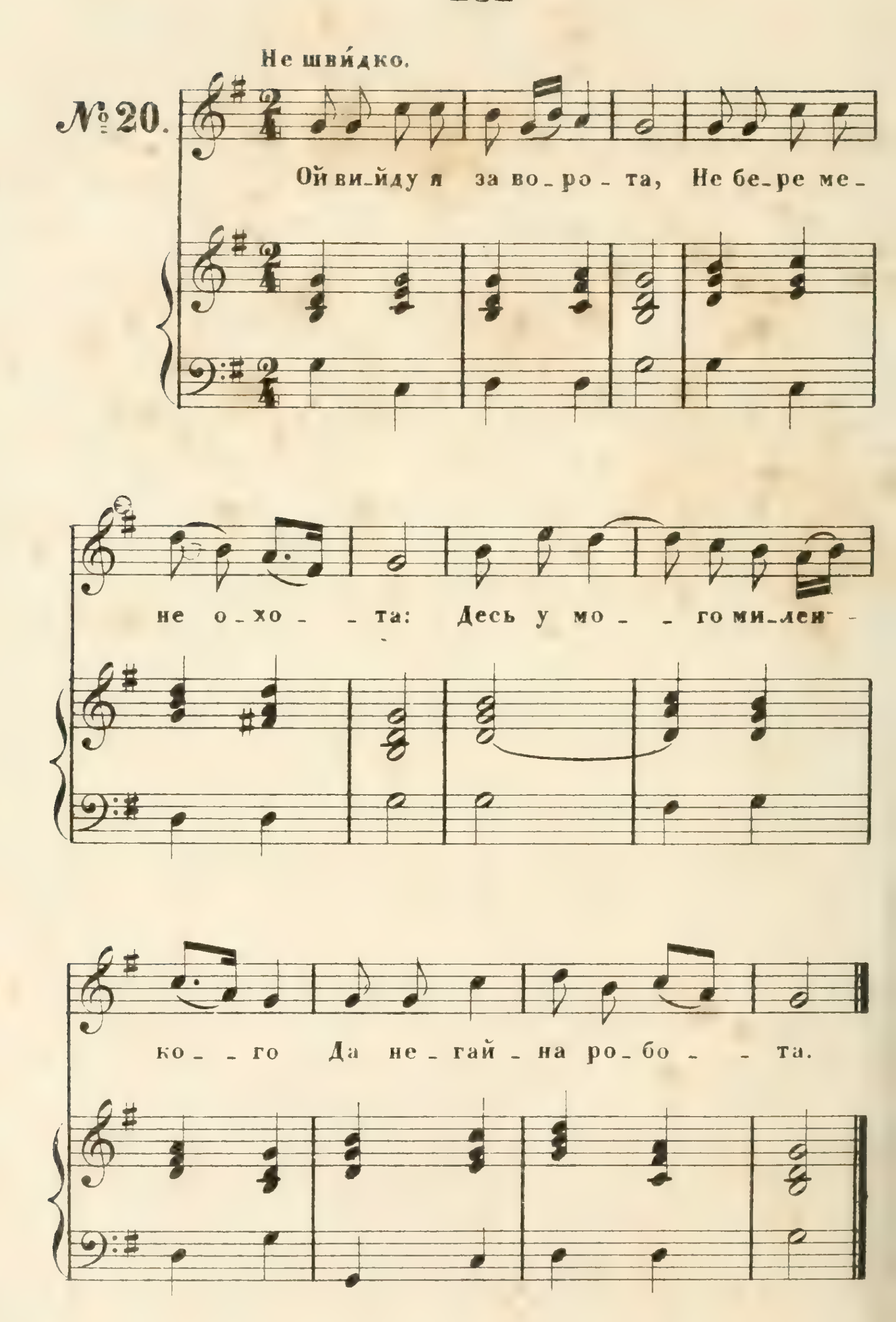

Швиденько.
№ 15.
Скажи, скажи, сер-це, прав--ду, Не-хай
же я бу-ду зна-ти, Чи зъ ве-ли-ко-ю
ми-ні ра--до-стю А до те-бе при-бу-ва-ти!
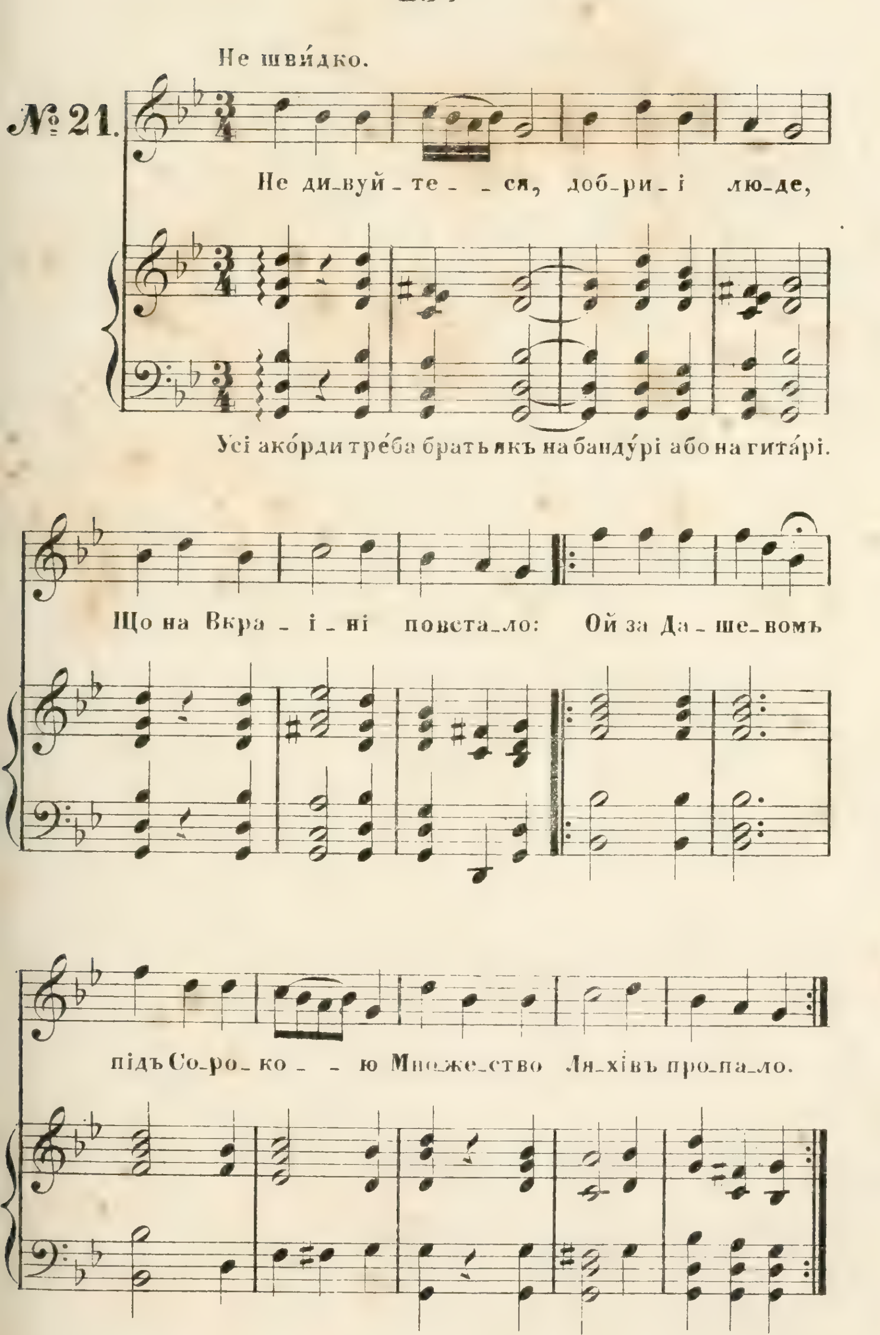

Не швидко.
№ 16.
А въ ли_пи _ ні та въ о _ си́ _ чи _
ні, а въ ли _ пи _ ні та въ о _ си _ _ чи _
ні, Тамъ ста _ ро _ ста да тра _ ву ко́_сить.

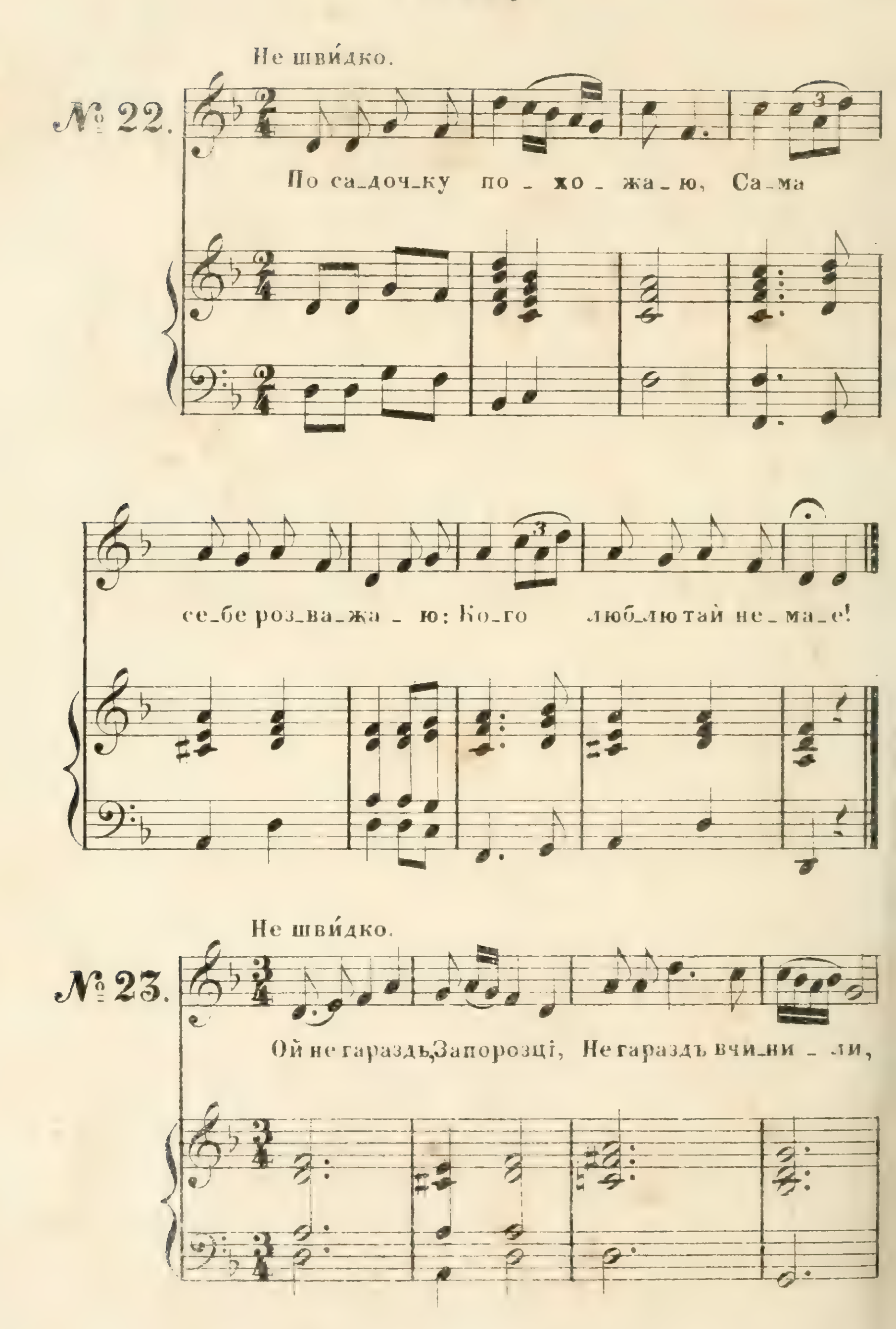

Не ду́же шви́дко.
№ 17.
1.й р. Да вже третій ве-чіръ, якъ я ді - - в-чи-ну
2.й р. Хо-жу ко-ло ха-ти, і - і не ви-
ба-чивъ. 1.й р. Ви - - йди, ви-йди, дів-чи - но!
да-ти. 2.й р. Ви - - йди, ви-йди, сер-де - ня!
По - радь мо - е се - р-це, риб-чи - но!
Дів - чи - нонь-ко ми - - ла ти мо - я!
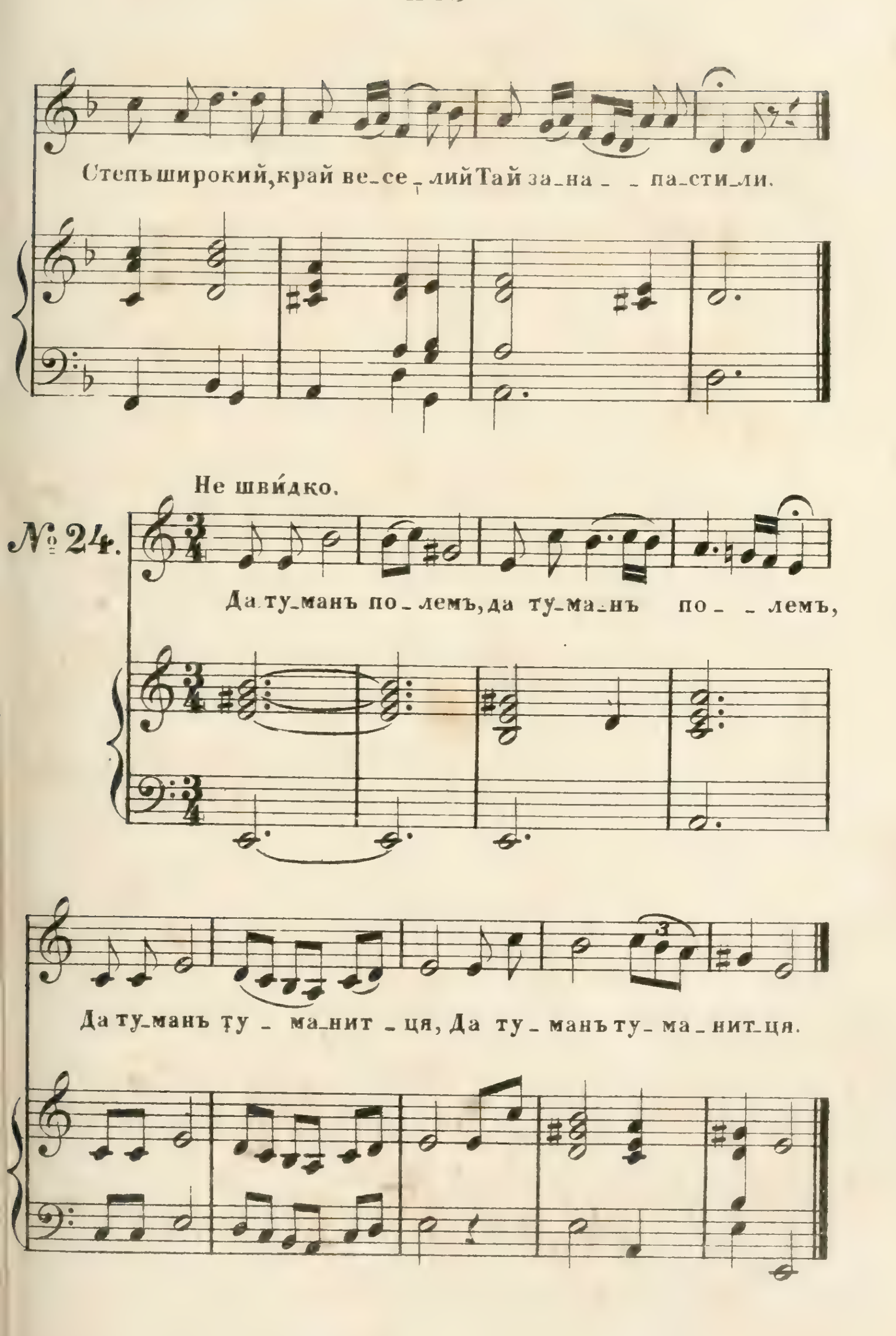

Швиденько.
№ 18.
Ой по-гу-би- - ла гор-ли-ця ді-
тей, Объ до-рі жень-ку бьет - - ця:
Зна-ти ко - за - ка, пре-вра-жо-го си-ла,

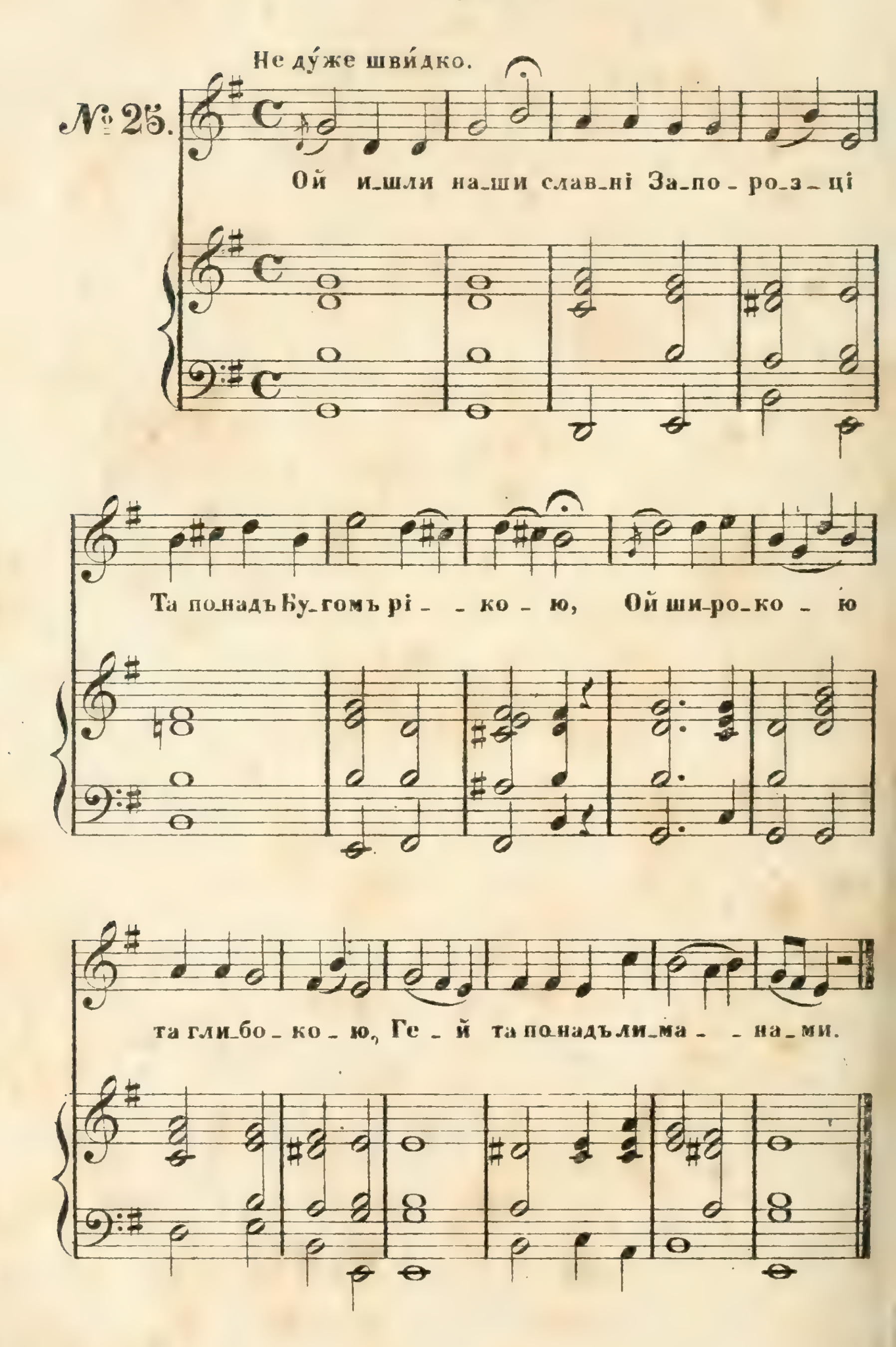

Що зъдів - чи - ни смі - - - ет - ця.
Не швидко.
№ 19.
Да не бу_де луч - че, Да не бу - де
кра - ще, Якъ у насъ да на У_кра_і - ні!

Не швидко.
№ 20.
Ой ви_йду я за во_ро_та, Не бе_ре ме_
не о_хо_ _та: Десь у мо_ _го ми_лен_
ко_ _го Да не_гай_на ро_бо_ _та.

Не швидко.
№ 21.
Не ди_вуй_те_ _ся, доб_ри_і лю_де,
Усі акорди треба брать якъ на бандурі або на гитарі.
Що на Вкра_і_ні повста_ло: Ой за Да_ше_вомъ
підъ Со_ро_ко_ _ю Мно_же_ство Ля_хівъ про_па_ло.

Не швидко.
№ 22.
По са_доч_ку по - хо - жа_ю, Са_ма
се_бе роз_ва_жа - ю: Ко_го люб_лю тай не_ма_е!
Не швидко.
№ 23.
Ой не гараздъ, Запорозці, Не гараздъ вчи_ни - ли,

Степъ широкий, край ве_се_лий Тай за_на_ _ па_сти_ли.
Не швидко.
№ 24.
Да ту_манъ по_лемъ, да ту_ма_нъ по_ _лемъ,
Да ту_манъ ту _ ма_нит _ ця, Да ту _ манъ ту_ ма _ нит_ця.

Не ду́же шви́дко.
№ 25.
Ой и_шли на_ши слав_ні За_по_ро_з_ці
Та по_надъ Бу_гомъ рі_ко_ю, Ой ши_ро_ко_ю
та гли_бо_ко_ю, Ге_й та по_надъ ли_ма_на_ми.

1.

Ой вийду я на шпилѐчокъ,
Да гляну я на долину:
Долина глибока, калина висока,
Ажъ додолу віття гнутця.
А въ тиі дівчини, а въ тиі молодоі
Ажъ на зѐмлю слёзи ллютця.

Підъ тіею калиною
Стоіть козакъ зъ дівчиною;
Дівчинонька плаче, сильненько ридае,
Свою долю проклинае:

»Колибъ же я да все знала
И съ тобою не стояла...
Гуляла бъ у батька, гуляла бъ до віку
Дівчиною молодою!«

Ой зійду я на шпилѐчокъ,
Да гляну я на світочокъ:
Ой світе мій ясний, світе мій прекрасний!
Якій мій таланъ нещасний!

Охъ и жàлю ти мій, жàлю,
Охъ и жáлю не по-мàлу!
Упусти́ла дòлю, упусти́ла щàсте
Да ужé й не пійма̀ю.

2.

Ой помагàй Бігъ,
Да ти, несýжений дрýже! —
»Да здòрова, сéрденько!
То жъ любúлися дуже!«

Люби́лися, кохáлися,
А матýся и не знàла,
А тепéра розійшли́ся,
Якъ чорнéнькая хмàра.

Я жъ тебé любúла,
Въ вишнéвий сàдъ води́ла,
Ягідòньки ирвáла,
Я жъ тебé годувàла.

Я жъ тебé любùла,
Білу постілоньку слáла,
Однý рýчку въ головòньку,
А другóю обіймàла.

Лỳчче було́ коло́дяземъ,
Аніжъ тепéръ кринѝцею:
Лỳчче було́ дівчи́ною,
Аніжъ тепéръ молодѝцею.

Пи́йте, люде, горілочку,
А я бýду пити вòду:

Тя̀жко жи́ти на чужи́ні
А безъ могó рóду!

3.

Чи се тáя да дівчѝнонька живé,
Що хорóші да ширѝночки шúе?

Шúе да шúе, да все шòвкомъ вишивáе,
Для козакà, що вірнéнько кохáе.

Пішлá вонá да до брòду по вóду,
Забáчила да козакà на врóду:

»Бли́жче да бли́жче ти, козáче, до мéне,
Візьми́ мене́ да й у чòвенъ до сéбе.«

Тілько дівчи́на да й у чòвенъ уступи́ла,
Дéся взялáся да изъ мóря чóрна фѝля.

Вéрне да вéрне всяку ри́бу изó дна,
Ви́вернула да дівчѝноньку съ чóвна.

»Рятỳй, рятỳй ти, козáченьку, мéне,
Бýде вели́ка тобі плàта одъ мéне.«—

»Ой не хòчу я одъ тéбе плáти брáти,
Ми́слю я й хòчу за сéбе тебé взя̀ти.«

4.

Ой пійдý я, пійдý не бéрегомъ, лỳгомъ,
Чи не зострінуся зъ несýженимъ дрỳгомъ.

Здорóвъ, здорóвъ, лýже, несýжений дрýже!
»Здорòва, дівчи́но! люби́лися дýже!«

Ой любилися жъ ми чотири годочки,
А не бачилися чотири неділі,

А не бачилися чотири неділі;
Якъ побачилися, разомъ заболіли.

Лежить козаченько въ зеленій диброві.
Молода дівчина въ матусі въ коморі.

Ой по дівчиноньці дзвони задзвонили,
А по козакові вовченьки завили.

Ой по дівчиноньці отець-мати плаче,
А по козакові чорний воронъ кряче

Ой викопай, мати, глибокую яму,
Та поховай, мати, сю славную пару.

Та й положи, мати, поручъ головами,
Щобъ була розмова тихая між нами!

5.

Ой місяцю, місяченьку!
Не світи нікому,
Тілько моиму миленькому,
Якъ иде додому.

Світи ёму въ день и въ ночі
И розганяй мари,
А якъ прийде мій миленький,
То зайди за хмари.

Ой місяцю, місяченьку!
Зайди за комору, —

Нехай же я зъ своімъ милимъ
Трошки поговорю.

Ой місяцю, місяченьку
И ти, зоре ясна!
Ой світіть тамъ по подвіръю,
Де дівчина красна!

Стала слава, стала слава,
Стали й поговори
Да на тую дівчиноньку,
Що чорниі брови.

Ой зацвіла маківочка,
Почала бриніти, —
Иде козакъ одъ дівчини,
Починае дніти.

Два лебеді да на воді
И днюе й ночуе,
Ой будемо, серце, въ парі —
Душа моя чуе.

Співають и такъ:

Вийди, вийди, дівчиноньку,
Підъ вербу густую,
Нехай же я надивлюся,
На плахту дрібную!

Ой плахотка-дрібниченька,
По тросточці червцю, —
Біда жъ мини молодому —
Прийшла туга къ серцю!

Нехай тая туга-печаль
Пливе за водою;
Вийди, вийди, поговоримъ,
У-двохъ изъ тобою!

6.

Веснянка.

И се село, и то село:
Чомусь мині не весело!
Ой тамъ мині веселенько,
Де мое серденько.

Я жъ думала — чужий иде,
Та вже мала заховатьця,

Ажъ то моé серденя̀тко
Идé ціловàтьця.

Я жъ дýмала — чужи̇й идé,
Та вже мáла утікàти,
Ажъ то моé серденя́тко
Менé ціловàти.

7.

А вже веснà, а вже краснà,
Изъ стріхъ водà кáпле, 3

Молодóму козáченьку
Мандрівочка пáхне. 3

Помандровàвъ козáченько
Зъ Лубéнь до Прилýки, 3

Ой плàкала дівчи́нонька,
Здиймáючи рỳки. 3

8.

Щедрівка.

Ой сівъ Христóсъ та вечѐряти,
Щéдрий вéчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

Прийшлá до Ёго та Бóжая Мàти:
Щéдрий вéчіръ!
Дóбрий вéчіръ!

»Оддáй, Сúну, рáйськиі ключú —
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вéчірь!

»Одимкнýти рàй и пèкло,
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вéчірь!

»Вúпустити грíшниі дýши;
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вéчірь!

»Тілько не вúпустить одніеі душú:
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вéчірь!

»Що отцà й мàтірь та налáяла, —
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вечірь!

»Не налáяла, а подỳмала.«
Щéдрий вéчірь!
Дóбрий вéчірь!

9.

Чи я вь лýзі не калùна булá?
Чи я вь лýзі не червòна булá?
Взялú менé, поламàли
И вь пучèчки повязáли:
Такá дòля моя́!

Чи я вь бáтька не дитùна булá?
Чи я вь бáтька не кохàна булá?

Взялй мене́, повінча̀ли
Й світъ мині завяза́ли:
Така́ до̀ля моя́!

Чи не було́ рі̀ченьки утопѝтись мині?
Чи не було́ кра́щого полюбѝтись мині?
Булѝ річкѝ — позсиха̀ли;
Булѝ кра́щі — повмира̀ли:
Така́ до̀ля моя́!

10.

Хо́дить соро́ка коло пото̀ка
Та й кря́че, та й кря́че, —
Та й кря́че, се́рденько,
Та й кря́че, ри́бонько,
Та й кря́че.

Хо́дить Андрійко коло віко̀нця
Та й пла́че, та й пла́че, —
Та й пла́че, се́рденько,
Та й пла́че, ри́бонько,
Та́ й пла́че.

»Ви́йди, Мару́сю, ви́йди, серде́нько,
Та й ви́йди, та й ви́йди, —
Та й ви́йди, се́рденько,
Та й ви́йди, ри́бонько,
Та й ви́йди!« —

»Свічечка гори́ть, ба̀тенько не спить,
Не ви́йду, не ви́йду, —
Не ви́йду, се́рденько,
Не ви́йду, ри́бонько,
Не ви́йду.

»Свічечка згасне, батенько засне,
То й вийду, то й вийду, —
То й вийду, серденько,
То й вийду, рибонько,
То й вийду.«

11.

Ой Морозе да Морозенку,
Ой ти, славний козаче!
Ой за тобою, да Морозенку,
Уся Украіна плаче.

Не такъ тая та й Украіна,
А якъ тее горде військо...
Ой заплакала да Морозиха,
Идучи вранці на місто.

»Не плачъ, не плачъ, да Морозихо,
Объ сиру землю не бийся;
Ой ходімъ зъ нами, зъ нами, козаками,
Да меду-вина напийся!« —

»Чомусь мині, да миле братте,
Да и медъ-вино не пъетця:
Охъ и десь же мій синъ Морозенко
Да изъ Турчиномъ бъетця!«

12.

Ледача невістка, ледача
Та й до роботи не вдача!

Якъ приіхавъ миленький съ поля,
Стоіть миленька въ порога.

»Ой що́ жъ ти, миле́нька, така́я,
Якъ водйченка мутна́я?« —

»Підождй, миле́нький, роскажу̀:
Я твоій мату̀сі не вгожу́:

»Поми́ю ніженьки у лу̀зі —
Вона́ пома́же въ калю̀жі;

»Поми́ю ніженьки у мѝлі —
Вона́ пома́же у глѝні.

»Пома́жу чобіткѝ — не вбу̀е:
Вона́ до ме́не горду̀е.

»Постелю́ постільку — не ляже,
Ще мойму́ сѐрденьку дока́же:

»Ледѝча невістка, ледѝча,
»Та й до робо̀ти не вда́ча,

»Не вміе ділечка роби́ти,
»Мині старе́нькій годѝти!«

13.

Ой изійди́, зійди́,
Ти, зіронько та вечірняя!
Ой вѝйди, вѝйди,
Дівчѝнонько моя́ вірная!

Рѝда бъ зірка зійти́, —
Чо́рна хмѝра та й наступае:
Рѝда бъ дівка вѝйти,
Такъ мату̀ся ой не пускае.

Ой зірочка зійшла̀ —
Усе́ по̀ле та й освіти́ла:
А дівчи́на вѝйшла —
Коза̀ченька та й звесели́ла

»Ой ти, коза́че,
Ти, хрещ́атий та барвіночку!
Хто жъ тобі посте́ле
У доро́зі постілоньку?« —

»Ой сте́летця мині
Широ́кий листъ да бурковѝна,
А підъ го́лови
Голуба́я та жупанѝна.«

Ой що черезъ ме́жу,
Зеле́ний горо̀шокъ сла́вся:
Коза́къ до дівчи́ни
Черезъ люде та й поклоня̀вся:

»Охъ и поклонітця,
Ой ви, до́бриі лю́де,
Неха́й моій ми́лій
Тамъ легѐсенько бу́де!«

14.

Въ чи́стімъ по́лі крини́ченька
На чоти́ри зво̀ди;
Люби́въ коза́къ дівчи́ноньку
Не чотѝри го́ди.

Люби́лися, коха́лися,
Та й не побра̀лися,

Тілько наши вороженьки
Та й навтіпалися.

Руту сію, руту сажу,
Руту поливаю:
Ой я тебе, козаченьку,
Що-дня споминаю.

Будь щасливий изъ тією,
Котору кохаешъ!
А надъ мене вірнійшоі
До віку не знайдешъ.

15.

»Скажи, скажи, серце, правду,
Нехай же я буду знати,
Чи зъ великою мині радостю
А до тебе прибувати?« —

»Прибудь, прибудь, мій миленький,
Ой я тобі рада буду:
Я жъ безъ тебе усю ніченьку
Якъ сива голубка гуду.« —

»Ой десь же ти, моя мила,
Да изъ шовку извита,
Що ти мене да додержала
А до білого світа.« —

»Ой извита, мій миленький, звита
А изъ білого білила;
Тимъ я тебе да додержала,
Що я вірно полюбила.

»Ой десь же ти, мій миле́нький,
У барвінку купа́вся:
Були лу́ччі, булй кра̀щиі,
А ти мині сподоба̀вся.

16.

Весільня.

А въ лішині да въ орічині,
Тамъ ста́роста да траву̀ ко́сить,
А ко́сючи да коню̀ но́сить:
»Ой іжъ, ко́ню, да сю́ю траву̀,
Да поідемъ у доріженьку,
Въ доріженьку да далѐкую
По Ва̀рочку молоде́нькую,
Въ доріженьку да ще й щàсную
По Ва́рочку да й прекра̀сную.«

17.

Да вже тре́тій вѐчіръ, якъ я дівчи́ну ба́чивъ;
Хожу̀ коло ха́ти, — іі не вида̀ти.
»Ви̇̀йди, ви̇̀йди, дівчи́но,
Пора́дь мое́ сѐрце, рибчи́но!
Ви̇̀йди, ви̇̀йди, серденя́,
Дівчи̇̀нонько ми́ла, ти моя́!« —

»Не ви̇̀йду, коза́че, не ви̇̀йду, собо́лю,
Не бу́ду стоя́ти сей вѐчіръ съ тобо́ю.
Ой ра̀да бъ я стоя́ти —
Не пуска́е ма̀ти изъ ха̀ти.

»Коло вікна́ стою, дрі́бні слёзи роню́,
Дрі́бні слёзи роню̀, сло̀ва не промо́влю.
Промо̀въ, серце, слове́чко,
Якъ ми люби̇̀лися двое́чко!

»Якъ ми любѝлися, якъ ми кохàлися,
Слáви-поговòру понабірáлися.
Булà слáва-поговіръ:
Ти жъ не моя̀, сéрце, я не твій!

»Да поможѝ, Бóже, на рушничкỳ стáти.
Тогді не розлýчить ні бàтько, ні мàти,
Ні чужáя чужѝна,
Колѝ судѝлася дружѝна!«

18.

Ой погубѝла гóрлиця дітèй,
Объ доріженьку бъéтця:
Знàти козакá, преврáжого сѝна,
Що зъ дівчѝни сміéтця!

»Чи ти багàтий, чи гордовàтий,
Чи вѝсоко несèсся?
Ой чи ти жъ мене́ та вірнèнько лю́бишъ,
Чи ти зъ мéне смієсся?« —

»Я не багàтий, не гордовàтий,
И вѝсоко не несу́ся;
Я жъ тебé люблю̀ и любѝть бу́ду.
Я съ тéбе не сміюся.«

Ой скрипля́ть-рипля́ть нові ворітечка.
Не можỳ іхъ запéрти:
Когó вірно люблю̀, и любѝть бу́ду,
Не забу́ду й до смèрти.

Ти, васѝлечку, широ́кий лѝсточку,
Чàсъ тебé соривáти:

Ти, козаченьку, мое серденько,
Час тебе забувати!

Ой поплив, поплив серденько Дніпром,
Тихою водою;
Шапочки не знявъ, рученьки не давъ,
Не прощався зо мною.

Ой пливе щука изъ Кременчука,
Да пливе вона стиха:
Ой хто не знае женихяннечка,
Той не знае лиха.

19.

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ да на Украіні:
Що немае Жида,
Що немае Ляха,
Не буде уніі!

. . . .

20.

Ой вийду я за ворота,
Не бере мене охота:
Десь у мого миленького
Да негайна робота.

Ой хоть гайна, негайна,
А таки не гуляе:
Крій тихого Дунаечку
Вінъ коня напоае.

Ой кінь иржè, води́ не пъè,
Вінъ доріженьку чу́е;
Ой Бігъ зна́е, Бігъ відае,
Дѐ мій ми́лий ночу́е.

Ой ночу́е мій миле́нький
Да у степу́ край доро́ги,
Прихили́вши голівоньку
Икъ зеле́ному о́блòзі

21.

Не дивуйтеся, до́брії лю́де,
Що на Вкраіні повста́ло:
Ой за Да́шевомъ підъ Соро́кою
Мно́жество Ляхівъ пропа́ло.

Перебийнісъ про́сить немнòго
Сімъ-сотъ козаківъ зъ собо́ю;
Руба́е мече́мъ гòлови съ плече́й,
А ре́шту то́пить водòю:

»Ой пийте, Ляхи́, водѝ калю́жи,
Води́ калю́жи болотяній:
А що пива́ли по тій Вкраіні
Медѝ да вѝна ситній.«

Зави́сли Ляшки́, зави́сли,
Якъ чо́рна хмàра на Ви́слі…
Ля́дськую сла́ву загна́въ підъ ла̀ву,
Самъ бра́вий коза́къ гуля̀е.

Нуте, козаки, у скòки,
Заберімося въ бòки:

Заженімъ Ляшка́, вра́жого си́на,
Ажъ за тої Дуна̀ї глибо́кий!

Диву́ють Ляхи́, вра́жиі сини́,
Щò ті козакѝ вживàють:
Вживàють вони́ щу́ку-риба́ху,
Ще й соломàху зъ водо́ю.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, ѝкъ коза́къ пля́ше
На си́вімъ ко́ню горо́ю?
Мушке́томъ бере́, ажъ сѐрце вя́не,
А Ляхъ одъ стрàху вмира́е.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, що по Слу́чъ на́ше,
По Костяну́ю моги́лу?
Якъ не схотіли, забунтова́ли
Да й утеря̀ли Вкраіну.

Ой чи бàчъ, Ля́ше, ѝкъ панъ Хмельни́цький
На Жо́втімъ Піску́ підби́вся?
Одъ насъ, козаки́, одъ насъ, юнаки́,
Ні оди́нъ Ляшòкъ не скри́вся!

Ну́те жъ, козаки́, у скòки!
Заберімося въ бòки:
Загна́ли Ляхівъ за річку Вѝслу,
Що не ве́рнутця й въ три рòки! ([1])

22.

По садо́чку похожàю,
Сама́ собе́ розважàю, —
Кого́ люблю̀, та й нема́е!

([1]) Этотъ драгоцѣнный варіантъ извѣстной уже намъ пѣсни о Хмѣльницкомъ (см. т. I, стр. 271) записанъ Аѳ. В. Марковичемъ, въ Немировѣ, Подольской губерніи.

И нема́е, и не бу́де:
Розра́яли лихі люде,

Розра́яли, розсуди́ли,
Щобъ ми въ па́рі не ходи́ли.

Ой зійду́ я на горбо̀чокъ,
Да гляну я на ставо̀чокъ,

Да гляну я на ставо̀чокъ —
Пливе́ утя̀тъ табуно́чокъ.

Одно́ 'дного́ доганя̀е —
Ко́жне собі па̀ру ма́е.

А я живу́ въ Бо́жій во̀лі —
Не да̀въ мині Госпо́дь до́лі!

А я живу́ въ Бо́жій ка̀рі —
Не да̀въ мині Госпо́дь па́ри.

23.

Ой не гара̀здъ Запоро́зці,
Не гара̀здъ вчини́ли:
Степъ широ́кий, край весе́лий
Та й занапастѝли!

Наступа́е чо̀рна хма̀ра
И до̀щикъ изъ не́ба:
Зруйнова̀ли Запоро́жже —
Бу́де коли́сь трѐба!

Ой чи гара́здъ, чи не гара̀здъ,
Ні̀чого роби́ти!
Бу́де до́бре Запоро́зцямъ
И підъ Ту̀ркомъ жи́ти!

24.

Да туманъ полемъ, да туманъ полемъ,
Да туманъ туманитця;

А въ дівчини да чорниі брови,
А любо ї подивитьця.

Ой на тімъ боці да на толоці,
Тамъ Цигане стояли.

Охъ и міжъ тими да Циганами
Да Циганка Волошка.

Ой туди жъ бігла да дівчйнонька
До Циганочки боса.

»Ой Циганочко да воріженько,
Уволи мою волю:

»Ой причаруй да козаченька,
Що стоявъ изо мною!«

Ой Циганочка да воріженька
Іі волю вволила —

Ой одрізала да русоі коси,
Козака підкурила.

Ой біжить, біжить да дівчйнонька,
А якъ рибонька въецтя;

Ой оглянетця да дівка назадъ —
Уся челядь сміетця. . . .

25.

Ой ишлú нáши слáвні Запорòзці
Та по-надъ Бỷтомъ-рікòю
Ой широ́кою та глибóкою.
Гей та по-надъ лиманáми.

Ой ужé жъ нáши слáвні Запорóзці
Та й невѐсели стáли:
Ой обляглѝ іхъ, облягли́ Москàлі
Та всімá сторонáми.

Ой кругóмъ цéркви, цéркви Січовóі
Ой караỷли стáли,
Ой свящéннику, отцю́ Владúмеру
А служùти не дáли.

Ой летúть бóмба зъ Москóвського пòля
Та посерéдъ Січи впáла;
Ой хоть пропàли слáвні Запорóзці,
Такъ не пропáла іхъ слàва!

VII.

О древности и самобытности

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Часто случается, что въ воспитаніи юношей забываютъ приводить на память и связывать въ общую систему познаній то, что было узнано юношами прежде. Мудрое изреченіе старыхъ педагоговъ: Repetitio est mater studiorum не всегда примѣняется къ дѣлу, потому что и учителю и ученику хочется идти впередъ. Между тѣмъ забвеніе доказанныхъ и усвоенныхъ положеній рано или поздо оказываетъ свое дѣйствіе и производитъ замѣшательство и остановку тамъ, гдѣ, повидимому, слѣдовало бы дѣлать только новыя завоеванія. То же самое бываетъ и въ литературѣ, которая служитъ школою для каждаго. Въ наше время не рѣдко случается читать самыя произвольныя толкованія о предметахъ, изслѣдованныхъ со всею основательностію задолго до насъ, — потому что мы не всегда хранимъ преданія нашихъ предшественниковъ и охотнѣе внимаемъ разсужденіямъ свѣжимъ.

Предлагаемая здѣсь статья напечатана, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія«, который издавался тогда какъ-будто для однѣхъ библіотекъ и очень мало имѣлъ ходу въ читающей публикѣ. Да и публика, двадцать лѣтъ назадъ, была не то, что теперь. Наука и жизнь шли въ ней какъ-то порознь, мало принадлежа одна другой. Теперь вопросы науки сдѣлались вопросами жизни; теперь убѣжденія историческія и этнографическія уже замѣтно даютъ направленіе общественной дѣятельности большихъ массъ населенія, ибо оказываютъ вліяніе даже на воспитаніе дѣтей, какъ будущихъ гражданъ разноплеменнаго Русскаго царства. Слѣдовательно истина и заблужденіе въ наукѣ переходятъ непосредственно въ самую жизнь и сѣютъ

сѣмена будущихъ великихъ общественныхъ и гражданскихъ событій. Этимъ-то объясняется успѣхъ учено-литературныхъ сочиненій, которыя рѣшительно перевѣшиваютъ беллетристическую часть Русской словесности. Счастливъ тотъ, кто своими трудами способствуетъ къ распространенію убѣжденій, имѣющихъ оправдаться самою жизнью и силою вещей! Онъ подобенъ садовнику, который улучшаетъ дикую почву и способствуетъ къ плодотворности деревъ и растеній. Природа вещей сдѣлаетъ свое дѣло и безъ предусмотрительныхъ усилій человѣка; но хвала уму, который вступилъ въ дружественное соревнованіе съ природою! Истины останутся истинами, и ни одна іота изъ нихъ не прейдетъ, пока существуетъ человѣчество; но воплощеніе истины въ самую жизнь есть прямое призваніе всякой дѣятельной души человѣческой. Это-то движеніе заставляетъ молодыхъ людей читать старыя книги, отрывать затерянное, повторять забытое, истолковывать невѣрно понятое, или понимаемое. Оно внушаетъ намъ признательность къ дѣятелямъ, сошедшимъ со сцены дѣйствія, и связываетъ все мыслящее общество въ единую семью, работающую для будущихъ поколѣній.

Упомянутое мною сочиненіе было погребено въ складѣ книгъ и какъ-бы предано забвенію. Но умъ, который произвелъ его, одушевленъ былъ горячею любовью къ истинѣ, и не напрасно же онъ сознавалъ то, что̀ проповѣдывалъ! Современники мало обратили вниманія на его доводы, ибо не видно у насъ ни основательныхъ опроверженій, ни ученаго развитія ихъ. Но вопросъ былъ поднятъ; мнѣніе о немъ занесено въ печатную книгу. Повторяя его новою печатью, я повторяю полузабытое преданіе. Пускай же кто-нибудь изъ людей, обнявшихъ науку народоописанія всецѣло, по живымъ источникамъ, скрѣпитъ это мнѣніе своимъ авторитетомъ, или представитъ, на его мѣсто, мнѣніе новое, которое было бы очевидно вѣрнѣе. Дѣло сто̀итъ возобновленія: отъ рѣшенія его зависитъ многое въ будущемъ.

О ДРЕВНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ

ЮЖНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

I.

О значеніи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣляется на разныя вѣтви. Между ними всѣхъ менѣе извѣстно Южно-Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ образомъ весьма трудно дать собственное значеніе словамъ: *народъ* и *языкъ Русскій*. Богумилъ Линде, въ предисловіи къ своему Словарю (1), и Іосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ Языка Славянскаго (2), совершенно позабыли считать отдѣльною его вѣтвію Южный Русскій языкъ. Одни сливаютъ его съ Церковно-Славянскимъ (3), либо съ простонароднымъ Русскимъ языкомъ (4); другіе же считаютъ его смѣсью языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (5) и, какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа образован-

---

(1) »Slownik Języka Polsk.« S. B. Linde. T. I, ч. 1, Предислов., стр. XIV.

(2) »Institutiones Linguae Slavicae«, etc. Jos. Dobrowski. 17 стр. IV.

(3) »O prawach Lit. i Polsk.« T. I, стр. 53. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II, стр. 16.

(4) »Lehrgebäude der bömischen Sprache.« Іос. Добровскій. Предислов., стр. XIII.

(5) »O Statucie Litewskim«, С. Б. Линде, стр. III. »Pamientnik Warszawski«, 1815, № 9, стр. 29. Lehrgebäude etc. »Опытъ Исторіи Литер. Русск.«, Н. Греча·

ныхъ языковъ (1). Многіе писатели утверждаютъ, что нарѣчіе Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, происходятъ отъ одной вѣтви — Русской (2). А есть и такіе, которые признаютъ его просто областнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialismus) (3), или называютъ Малороссійскимъ (4); и рѣдко случается, чтобы этотъ Русскій языкъ назывался Русскимъ, такъ какъ его называли въ-старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки (5).

Нѣкоторые Нѣмецкіе писатели стали было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дотолѣ неизвѣстныя и отнюдь имъ несвойственныя имена, напр. Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache, вмѣсто: Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache и т. п. (6).

Передѣлывать самовольно названія народовъ и ихъ языковъ есть конечно важное заблужденіе и всегда рождаетъ новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копитара, что прямое знаніе языка должно быть слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его исторіи (7), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы то же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская только такое, которое сообразно съ исторіею и на ней основывано. Русь, эта главная отрасль Славянскаго племени, искони составляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можетъ приличествовать другое названіе, кромѣ ***Русскаго***, по-Латыни lingua ruthenica, по-Нѣмецки ruthenische Sprache. Раздѣленіе его на ***Бѣлорусскій*** и ***Малороссійскій*** языкъ ошибочно и не согласно съ существомъ дѣла: что поста-

---

(1) »Исторія Госуд. Россійск.«, Н. Карамзина. Т. IX, прим. 561.

(2) »Prawda Ruska«, Раковецкаго, Т. II.

(3) »Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы«, Н. Греча. Предисловіе Польскаго переводчика Линде.

(4) »Pamiętnik Warsz.«,1815. Кн. 1, стр. 124. »Dzieje Król. Polsk.« Bandtkie.,T. I, стр. 24.

(5) »Опытъ краткой Исторіи Русск. Литер.«, Н. Греча. Стр. XX и 56 — 60 »O Statucie Lit.«, Линде.

(6) Сюда принадлежатъ: Крамеръ, Рореръ, Чапловичъ, Гоппенъ и другіе.

(7) »Grammatik der slavischen Sprache, in Krain.« Пред., стр. XLVI.

раемся ясно доказать. Имя *Россіи* создано только въ XVIII вѣкѣ, названіе же *Россійскаго* языка должно быть, безъ сомнѣнія, еще новѣе, и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово russicus и Нѣмецкое russisch; тѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскій и Россійскій языкъ: la langue russe.

Какъ Русскій языкъ, такъ и Русскій народъ есть главный представитель всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ потерять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достояніемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго (политическаго) могущества Римлянъ и Грековъ, а знаменитые ихъ языки до сихъ поръ существуютъ. Между тѣмъ возникло много новыхъ государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности, по мѣрѣ своего усовершенствованія. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ. Чехи, Кроаты, Венгерцы и т. п., хотя и подлежатъ Австрійской имперіи, но при всемъ томъ не перестаютъ быть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами. Та же судьба и Южной Руси. Протекло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Русское княжество, основанное Владиміромъ Великимъ, пало ([1]). Но Южно-Русскій языкъ отъ того не истребился и не перестанетъ существовать въ устахъ (туземнаго) Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія!

Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго, которое вмѣщало въ себѣ четыре главные народа: Польскій, Литовскій, Русскій и Прусскій. Страна, лежащая по Днѣпру и имѣвшая столицею своею Кіевъ, была древнѣйшею страною *Руси;* она неизмѣримо простиралась къ сѣверу, гдѣ возникла держава, которая получила названіе *Великой Руси,* а потомъ, гораздо позднѣе, *Россіи.* Оставшаяся въ пре-

---

([1]) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, отошедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго королевства, къ Австрійской имперіи, подъ названіемъ Галиціи и Лодомиріи, не считая возвращенныхъ Россіи. *Примѣч. Пер.*

дѣлахъ Польши Русь стала называться *Малою*; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ, именовалась Русью *Червоною* (красною); а та, которая была однажды пріобрѣтена Литовскимъ оружіемъ, названа ***Бѣлою*** и ***Черною*** Русью. Три части Польской Руси отличались особыми именами: ***Подоліи, Волыни*** и ***Украйны***.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ королевствомъ *не силою оружія, но правами равенства*, доказательствомъ тому служитъ грамота короля Сигизмунда Августа, 1569 года. Въ ней сказано: »Русская земля съ давнихъ временъ предками нашими, королями Польскими, присоединена къ коронѣ Польской, въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще и каждаго порознь, *какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ*, какъ собственные и дѣйствительные члены къ собственному тѣлу и главѣ, къ королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществахъ и судьбѣ Польской короны«, и проч.

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, Южно-Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1. Доказательствомъ тому служитъ, во-первыхъ, »Литовскій Статутъ«, первоначально писанный на Южно-Русскомъ языкѣ (¹) и служившій закономъ не только для Литвы, но и для Русскихъ

(¹) Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей, въ 1588 году, и потомъ переложенъ на Польскій языкъ. *Прим. пер.*

земель, какъ-то: для Волынской, Подольской и Украинской. По сему закону, всѣ судебныя дѣла производились и были писаны не иначе, какъ только на Южно-Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статуту, говоритъ: »Если какому народу стыдно не знать своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы, писанные не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Южно-Русскомъ«, и т. д.

То же утверждаетъ и Чацкій, говоря, что, какъ большая часть народа въ Литвѣ (¹) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую литургію, то Южно-Русскій языкъ, по обращеніи Литвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ судебныя мѣста и къ прочимъ властямъ; на немъ же отвѣчали и давали свои рѣшенія король, судьи и другіе чиновники. Въ царствованіе сыновей Казимира Ягайлы, воспитанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при дворѣ и заступилъ мѣсто Южно-Русскаго.

2. Судопроизводство въ Южно-Русскихъ земляхъ всегда происходило на Южно-Русскомъ языкѣ; на немъ излагались позывы, или требованія къ суду, приговоры и всѣ оффиціальныя бумаги въ *гродскихъ* (уголовныхъ), *земскихъ* и *трибунальныхъ* (верховныхъ) судахъ (²).

3. Сигизмундъ III, въ 1589 г., учреждая верховный судъ (трибуналъ) для Русскихъ воеводствъ, обязалъ оный употреблять (Южно-) Русскій языкъ и (Южно-) Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непремѣнно присутствовали и за-

---

(¹) Здѣсь должно разумѣть Кіевскую митрополію, существовавшую нѣкоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранявшую постоянно Грековосточное исповѣданіе, до отпаденія нѣсколькихъ епископовъ къ уніи. См. »Исторію Росс. Іерарх.«, Т. 1. ***Прим. перев.***

(²) Судебные и правительственные акты изъ архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ королевство Галицкое, собранные вмѣстѣ и хранящіеся нынѣ въ Львовскомъ Бернардинскомъ монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

сѣдали Русскіе писаря (секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на (Южно-) Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копіи съ судебныхъ приговоровъ.

4. Привиллегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими королями для Русскихъ земель и для жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Южно-Русскомъ языкѣ (1).

Знатнѣйшія, наконецъ, фамиліи Южно-Русскаго и Литовскаго происхожденія, имѣвшія своими родственниками Южно-Русскихъ и Литовскихъ князей, исповѣдуя вѣру Грековосточную, говорили и писали по-Южно-Русски до тѣхъ поръ, пока Латинскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (2).

---

(1) Таковы: привиллегія Сигизмунда Августа, 1558 г.; пріостановленіе дѣйствій короннаго суда Стефаномъ Баторіемъ, 1585 г.; привиллегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же, 1592 г. и т. д.

(2) Сюда принадлежатъ фамиліи: князей Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Сангушковъ, Острожскихъ, Збаражскихъ, Прунскихъ, Друцкихъ, Соломерецкихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Рожинскихъ, Слуцкихъ, Копыльскихъ, Радзивилловъ, и знатные домы: Огинскихъ, Пузыновъ, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тишкевичей, Хребтовичей, Пацовъ, Балабановъ, Струсей, Киселей, Тризновъ, Музыловъ, Кирдеевъ, Жолкѣвскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шумлянскихъ, Шептицкихъ, Винницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дѣдошицкихъ, Броневскихъ, Дуниковскихъ, Дверницкихъ, Лятынскихъ, Бугацкихъ, и тысяча иныхъ, которыхъ, если строго считать въ одной части Галицкаго королевства, нѣкогда называвшейся Русскимъ и Подольскимъ воеводствомъ, то и въ ней число Русскаго дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число дворянства обряда Римскаго. Сколько же ихъ находится въ Березницѣ, Чайловицахъ, Городищѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Ступницѣ, Сѣльцѣ, Винникахъ, Добрѣ, и т. п.! Когда же исповѣданіе ни мало не измѣняетъ рода и первобытнаго происхожденія, то *всѣ поименованныя фамиліи, хотя и исповѣдуютъ нынѣ Римскую Вѣру, но отнюдь чрезъ то не перестали быть Русскими.* Правда, мы привыкли обыкновенно называть Русскими только тѣхъ, кто принадлежитъ къ Греческому обряду, а тѣхъ, кто исповѣдуетъ Латинскій, именовать Поляками; но этотъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуетъ ученіе Лютера, Кальвина, или другихъ, перестаетъ по этому быть Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далматъ, Кроатъ дѣлается ли Русиномъ отъ того, что славитъ Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойти, чтобы природный Русинъ, перемѣнивъ обрядъ своихъ предковъ на Латинскій (не на Польскій, ибо такого и нѣтъ, и не было), пересталъ быть, относительно проис-

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ князей, кромѣ князей Русскаго исповѣданія, употреблявшихъ Южно-Русскій языкъ; всѣ они происходили изъ владѣтельныхъ домовъ въ Литвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простого народа Южно-Русскаго, мелкопомѣстнаго дворянства и духовенства Греческаго обряда? Почему въ такомъ пренебреженіи у насъ Южно-Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для отечественной исторіи множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можетъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угнетеніе Руси дошло до такой степени, что, дабы избѣгнуть онаго, жители стали отрекаться отъ своего происхожденія и стыдиться языка своихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда различествовалъ отъ прочихъ вѣтвей Славянскаго языка, въ особенности же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) *Русскій* языкъ то же самое значитъ, что̀ языкъ *Малороссійскій*, или *Бѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ королей, ими самими изданныхъ, или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Южно-Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Южно-Русское именуются: idioma ruthenicum, character, etc., lingua ruthenica: что̀ ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Великороссійскаго языковъ. Въ подтвер-

---

хожденія, Русскимъ. Никто не можетъ рода и племяни ни дать, ни отнять, ни измѣнить. Слѣдовательно, хотя исчисленныя фамиліи и перемѣнили свое исповѣданіе, но при всемъ томъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія, и измѣнить его не могли:

»Fortuna non mutat naturam!«

жденіи привиллегіи Сташка (Станислава) изъ Давидова, Старосты Самборскаго, дарованной, въ 1549 году, королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому владыкѣ Антонію Радиловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена съ (Южно-) Русскаго языка на Польскій. Другое, того же короля и въ томъ же году, содержитъ въ себѣ всю грамоту князя Льва, сына короля Даніила, на Южно-Русскомъ языкѣ. Въ третьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота князя Льва. Надобно ли, впрочемъ, приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Но онъ отличался и отъ Великороссійскаго: Екатерина I, какъ пишетъ Шереръ ([1]), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ постановленія переложить на Великороссійскій. Извѣстно же, что всѣ они были писаны по-Русски въ воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того разнится Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго; ибо, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, церковныхъ книгахъ, какъ-то: въ Евхологіяхъ, Требникахъ, Тріодяхъ и т. п., заключающихъ въ себѣ правила совершенія церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе отличалось отъ народнаго Русскаго.

То же самое подтверждаютъ и ученые писатели. Гваньини ([2]) говоритъ: »Москвитяне не многимъ чѣмъ (это было около 1560) отличаются отъ Русиновъ; но Русины отъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. столько различествуютъ, что съ трудомъ могутъ другъ друга понимать.« Копитаръ, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянскаго алюмната (родъ учебнаго заведенія), явственно отдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. Смотрицкій, первый Славянскій грамматикъ, въ написанной имъ для Южно-

---

([1]) »Annales de la Petite Russie«. T. II, стр. 375: »Elle ordonne pour le salut des peuples de la Petite Russie, de traduire ces loix en langue de la Grande Russie.«

([2]) »Moscowitae a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croatae ab invicem differunt, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc. См. »Sarmatiae Europeae Descriptio«. T. I, стр. 24.

Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстилъ предисловіе на Южно-Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Южно-Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги »Sowita Wina«, изданной въ 1621 году, отвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, такъ говоритъ: »Чтό касается до Славянскаго языка, то мы никогда его не презирали; напротивъ того, мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ и тщательно ихъ бережемъ. Южно-Русскій языкъ употребляемъ и въ проповѣдяхъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.« То же самое свидѣтельствуетъ и Скарга, въ книгѣ своей: »O Jedności Koscioza Bożego« (о единствѣ Церкви Божіей) изд. въ Вильнѣ 1577 года. Ст. Клечевскій, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (O Początkach i Dawności Język̨a Polśkięgo. Lwów, 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишне доказывать столь несомнѣнную истину!

IV.

Во всѣхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ нѣкогда подъ именемъ Малой и Червоной Руси, одинъ и тотъ же Южно-Русскій языкъ находился въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же грамматики, то, хотябы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., отнюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка, въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что, чѣмъ болѣе мы станемъ углубляться въ древность, тѣмъ меньшую должны

встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжный*, или, собственнѣе, *церковный* языкъ; ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя творенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ всегда бываетъ иной въ употребленіи у простого сельскаго народа, составляя собственно отечественный языкъ, нежели тотъ, которымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу; ибо сей послѣдній имѣетъ по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червоной Руси, ни сколько, съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признать и Бѣлорусское, и Малороссійское нарѣчіе за одно и то же. Кто только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Перемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, тотъ конечно согласится съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *е* и *ѣ*, нѣкоторыя выраженія, занятыя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Южно-Русскаго и не могутъ родить отдѣльныхъ нарѣчій. Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ słysys (слысысъ), а другой słyszysz (слышишъ); одинъ tsyma (тсыма), а другой trzyma (тршыма); одинъ pon, другой pun, а третій pan, и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлить нарѣчіе Польское на *Мазовское, Краковское* и *Горское?* Въ томъ же убѣждаютъ насъ и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣстахъ печатанныя, какъ-то: въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Заблудовѣ, Стратинѣ, Почаевѣ, Уніовѣ, Супраслѣ, и т. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, который писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Южно-Русскимъ нарѣчіемъ. Если срав-

нить эти книги между собою, то, не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. Итакъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червоной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи; а посему, даже до XVIII столѣтія, называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, lingua ruthena, idioma ruthenum, а о Бѣлорусскомъ, или Малороссійскомъ и не упоминалось ([1]).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчіи книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчія должны означать не что̀ иное, какъ просто Русское.

Я показалъ уже тожество раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени, какъ значительная часть Малой и Бѣлой Руси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе писатели, въ царствованіе Императора Петра Великаго, стали отдѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая нѣкоторую разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или такъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которымъ говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была, повидимому, списана съ Грамматики Смотрицкаго, хотя переписчикъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Смотрицкій упоминаетъ о Южно-Русскомъ нарѣчіи, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*.

([1]) По вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго рода Романовыхъ и по возвращеніи къ Россіи отторгнутыхъ нѣкогда отъ нея областей, въ царскомъ титулѣ начали писать: *всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи;* а въ слѣдъ за тѣмъ измѣнена буква *у* на *о* въ словѣ *Россія*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше государство *Russia*, *Russland*, Russie и т. д., въ древности Норманами называемое *Gardarick* и *Riseland*. *Прим. пер.*

Но Смотрицкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ писателей зналъ Русскій языкъ. Примѣру этому послѣдовали и Польскіе, и иноземные писатели; и нарѣчіе, просто называвшееся *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Южно-Русскій языкъ, которымъ былъ написанъ Литовскій Статутъ, потому только именуетъ *Бѣлорусскимъ,* что такъ называлъ его *Сопиковъ* (въ своемъ »Опытѣ Россійской Библіографіи«). Авторитетъ Сопикова показался г-ну Линде достаточнымъ для наименованія языка, которымъ писанъ Статутъ, языкомъ *Бѣлорусскимъ,* тогда какъ этотъ языкъ былъ просто *Южный Русскій языкъ*.

Языкъ Литовскаго Статута есть тотъ самый, на которомъ Смотрицкій написалъ къ своей грамматикѣ предисловіе. Смотрицкій же называетъ этотъ языкъ не иначе, какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда вовсе не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именую языкъ Литовскаго Статута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Южнымъ Русскимъ*. Г. Гречь называетъ языкъ книги, подъ заглавіемъ »Вѣнецъ Христовъ«, языкомъ собственно Русскимъ; но это тотъ же языкъ, что̀ и въ Литовскомъ Статутѣ: почему же называться ему Бѣлорусскимъ? и почему отличать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не разнятся (1)?

---

(1) Однакожъ старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска и пр., и нынѣ Бѣлорусское нарѣчіе есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣтить всякъ, переѣзжая изъ губерніи Могилевской въ Черниговскую, или изъ Минской въ Волынскую. Ежели авторъ сей статьи не допускаетъ названій *Бѣлорусское, Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ, то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а Великороссійское назвать *Восточнымъ Русскимъ*, или *Сѣверовосточнымъ Русскимъ,* но все же должно какими-нибудь именами означить такія нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыя между тѣмъ всѣ имѣютъ неоспоримое право именоваться *Русскими*.

Прим. перев.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ, какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-то грубымъ нарѣчіемъ, т. е. первобытнымъ Русскимъ. Мнѣніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ отъ безпристрастнаго читателя, какъ только, чтобы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы, или нѣтъ.

Южный-Русскій языкъ подвергался одной участи съ Южнымъ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Южный Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напротивъ того, несравненно ранѣе Польскаго цвѣлъ и развивася, по образцу Славянсаго и Греческаго (¹). Хотя же народъ Южно-Русскій, по стеченію обстоятельствъ, и зависѣлъ отъ короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими королями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Южно-Русскій но и Латинскій языкъ ничего не потерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершеніи отечественнаго языка учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ грамматикъ, не только Славянской, но и Русской. Неотрицаемъ, что Южно-Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться, и совершенствоваться на-подобіе Греческаго, Сла-

---

(¹) Извѣстный ученый Грекъ *Экономосъ* издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 част. для доказательства почти тожества Славянскаго языка съ Греческимъ, и особенно съ однимъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскимъ. См. его «Опытъ о ближайшемъ Сродствѣ Языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ». Ч. I, Предисловіе. *Примѣч. Перев.*

вянскаго, а въ-послѣдствіи и Латинскаго; но никакъ изъ исторіи нельзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образованіе единственно отъ Польскаго. Отдѣльныя слова, хотябы даже и въ большомъ количествѣ, находящіяся въ томъ и другомъ Славянскомъ нарѣчіи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчія происходятъ отъ одного корня, что они соединены между собою родствомъ и долженствовали быть нѣкогда еще ближе одно къ другому.

VII.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою и богатствомъ, и самымъ даже слогомъ своимъ обязанъ, большею частію, Южно-Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго ([1]).

([1]) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева изданія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis vmovi myedzi dvchownymi a swyeczskymy o czlonki w nyem pop'sane. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gneznenskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbstwye na urzandze pogesdzania bandancz wsystkym ad kthorich nynyesze lysti przydą chczem bycz yawno kako gdysz myedzy nayaszneyszym ksandzem panem Kaszymyrem Polskym z bozey myloszczy Krolem etc., patronem naszym s yeney a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszym byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyenye o dzeszanczynach i o gynsych czlonkoch nyszey popyszanych bilo szą sthanth y sowanth porvszylo pothem etc. См. Księgi Ustaw Polskich i Mazowieckich. Wilno, 1824, стр. 10. Staluta Wiślickie.

Переводъ:

»Договорная запись между духовною и свѣтскою властію о нижепоименованныхъ статьяхъ. Мы, Ярославъ, Божіимъ промысломъ архіепископъ святой Гнѣзненской Церкви, имѣя смотрѣніе надъ Краковскимъ епископтствомъ и объѣздомъ, даемъ симъ знать всѣмъ вообще, что между найяснѣйшимъ ксендзомъ паномъ Казиміромъ, Божіею милостію королемъ и пр., покровителемъ нашимъ, съ одной стороны, а съ другой между ксендзомъ Бодзантою, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ, епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ статей, ниже сего прописанныхъ«, и проч.

Замѣтимъ въ этомъ древнемъ Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и самыя слова Русскія: *Swanthey*, а не *Swiętey* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościoła* (церкви), *kako*, а не *jako* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: »Piszałem then list ku W. M., raduiąc szie dobzemu zdorowiu, zem poszłał do Lazarza ku druku Politią Królestwa pol. na trzy *knihi* rozdzieloną. Proszę chcziec ya W. M. widzieć i poprawić, ieśli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiey i wielkiego nieszpania«, и т. д. т. е. »Я писалъ это письмо къ вашей милости, радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (типографщику) для изданія »Политику Королевства Польскаго«, раздѣленную на три книги. Прошу васъ разсмотрѣть и исправить, еслибы нашлись въ ней какія погрѣшности. По истинѣ мнѣ стоила она много труда и безсонныхъ ночей«, и проч.

Мартинъ Бѣльскій, дерзнувъ писать исторію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ свое предпріятіе ([1]).

Еслибы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивъ и эти примѣры, пусть каждый разсудитъ: Южно-Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго, или Польскій по образцу Южно-Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ отнюдь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ »Опыту Краткой Исторіи Русской Литературы«, г. Греча.

Южно-Русскія земли, принадлежащія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областью, или провинціею.

([1]) А за пять вѣковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ, инокъ Кіевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой нынѣшній языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь имѣла уже переложенную на свой языкъ Библію, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе. Французскій авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г., упоминаетъ, что въ спискѣ Библій, хранящихся въ Ватиканѣ, подъ № 300, на стр. 288 находится славное сочиненіе Alf. Halhory, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ книгъ, 1094 года, на *Русскомъ* языкѣ.

Южно-Русскій народъ составлялъ часть королевства Польскаго, точно такъ, какъ и теперь Венгрія, Богемія суть части имперіи Австрійской. Если же и положимъ, что Южно-Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже этотъ долгъ съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что̀ доказываютъ Клечевскій, Копчинскій и другіе, и подтверждаетъ самъ Линде въ твореніи своемъ о Литовскомъ Статутѣ, говоря: »Сей-то чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписать то, что Польскій слогъ Литовскаго Статута почитался образцовымъ.« Почему же послѣ всего этого выпустилъ онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій?

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской грамматики и правописанія, до тѣхъ поръ нельзя будетъ ничего опредѣлить въ нихъ точнаго, постояннаго, пока не вникнемъ въ духъ и построеніе Южно-Русскаго и Славянскаго языка и, въ случаяхъ нужды, не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: »Опытъ Исторіи Русской Литературы«, послѣдуя мнѣнію г. Греча, раздѣляетъ Россійскій языкъ и литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Татарскимъ, третій Польскимъ. Не оспориваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, обенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что̀ касается періода Татарскаго, то я не согласенъ съ г. Линде. Владычество Татаръ въ Россіи не имѣло такого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычаи Рус-

скіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ [1], что владычество Татаръ въ Россіи не оставило важныхъ слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь сорокъ или пятьдесятъ Татарскихъ словъ находится во всемъ Россійскомъ словарѣ; а хотябы даже ихъ находилось и вдвое противъ того: все же это не даетъ еще настоящаго повода допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и литературѣ. Что касается Польскаго періода, т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго; то же самое должно сказать и о языкѣ и литературѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ созидался по образцу Польскаго. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный-Русскій: какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, нѣкоторымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Російскаго языка, чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить существованіе *періода Польскаго*.

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго, или такъ называемаго *гражданскаго* языка, что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговорный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже тотъ самый при Петрѣ Великомъ, какой встрѣчается въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это Каченовскій въ »Картинѣ Россійской Литературы« и Карамзинъ въ »Исторіи Государства Россійскаго«. Когда въ новѣй-

---

(1) »Исторія Госуд. Росс.«, Т. V, стр. 854.

шія времена нѣкоторые Россійскіе писатели, подражая Французскому языку, начали портить свой народный, тогда возсталъ противъ нихъ Шишковъ въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слогѣ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣтовалъ держаться ихъ, какъ въ разговоромъ, такъ и въ письменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Южно-Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русняками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что ни пріобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго государства не могло отнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ иноземцевъ не могло ее измѣнить — на то не требуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой понынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. Посему справедливо Бандтке сказалъ (¹): »Нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и т. д.«

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателтіі стали называть Галицкую Русь *Русняками* (Rusniaken), а языкъ ея *Русняцкимъ* (Rusniakische Sprache). Такого названія, вовсе неизвѣстнаго въ-старину, ни Польскіе, ни Латинскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по-Латыни natio Ruthena, по-Нѣмецки Ruthener, а Русскій языкъ Ruthenische Sprache. Кто зналъ бы этотъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тотъ могъ бы подумать, что

(¹) »Hist. Król. Pols«. T. I, стр. 26.

кромѣ *Руси* есть особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рорера названіе *Мазураковъ,* можно бы заключить, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль тамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслѣ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благоразуміе и достоинство писателя не должно бы дозволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе г. Краттеръ въ своемъ сочиненіи: »Письма о Галиціи« (1); ему послѣдовали Рореръ, Крибель, Чапловичъ и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе писатели, какъ-то: Шлецеръ, Гебгардъ, Гоппе, Энгель и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ея такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ и не искажать собственныхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ точностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣтать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется всѣ сіи писатели могли изъ оффиціальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличествуетъ Южно-Русскому народу.

---

(1) »Briefe über Galizien«, стр. 147.

Примѣчаніе издателя. Статья эта написана была первоначально на Русскомъ языкѣ, потомъ переведена на Польскій и напечатана въ Львовскомъ журналѣ: »Czasopism Naukowy« 1829 года, съ Польскаго же переведена опять на Русскій В. Р. и напечатана въ »Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія« 1837 года.

VIII.

ПОХОРОНЫ,

списанныя со словъ поселянина, въ Харьковской губерніи.

— Роскажіте мині, будьте ласкові, Пріхоровичу, якъ у васъ діетця при похоронахъ старихъ и малихъ, и які у васъ водятця примхи? бо я чувъ, що е, та ні відъ кого правди не добъюсь.

— А що жъ я вамъ скажу? про другихъ, далебі, нічого не знаю, та й діло намъ до того не доходитъ. А у насъ ось якъ було:

Ще годівъ за десять до смерти, покійний панотець [царство іхъ души] зробили собі домовину; горбатоі не схотіли, а таку — зъ дошкою, зъ лісковими колками, та й латку вкинуки на ріжку, [щобъ души полегкість була виходити на страшний судъ], дубову, та просторy, та й ляглй въ ню, та й попробовали, чи не буде коротка, або узька. »Гарна«, кажуть, »намъ хата буде вічня.« Потімъ поставили іі у коморі, та іі насипали повну самоі кращоі пшениці, та ту пшенипю жоденъ годъ старцямъ и роздавали; а новою насипали упять. Такъ те діло велось, ажъ поки живі булй.

Ось коло другоі Причистоі и занедужай; та все не подаютця, та ходять, то до клуні, то до обжілокъ навідоватьця, а далі — »Ні, вже«, кажуть, »хлопці: мабуть, годі рястъ топтати«, та й звалились на пілъ. Оце ми заразъ до отця Ивана [и вонй вже на тімъ світі, царство імъ небесне], пособоровали, посповідали и запричастили; усе стало-буть, якъ довгъ Християнський слідуеть, зробили. А імъ гірша та й гірша. Якъ теперъ знаю, въ пъятницю надъ вечіръ, мати [легенько імъ згадайся] и кликнули насъ, та якъ заплачуть! та сіі речи и промовили: »Идіть, діти, кланяйтесь батькові, бо недалеко ёго кончина! Усе на долівку проситця, відъ себе важко дише, и духъ холодний, ноги якъ лідъ, нігті посиніли, очи мутнйі, усе повертаетця, руками коло

се́бе, на́че чого́ шука̀, все оббіра̀етця; а якъ задріма̀, усе́ ёму̀ ёго́ ба̀тько покі́йний убача́етця, що клйче до сѐбе; та й ба̀тюшка, посповіда́вши, сказа́ли: »»Доглядайте!«« Уже́ жъ вони́ щось помітили. Мо́же, по тій свічці, що не ду́же я́сно горіла. Идіть, діти-голубъя́та, просіте благословѐння.« Ми зібра́лись усі; ма́ти взяла́ іхъ підъ плѐчи и підвела̀, вони́ й сіли, и на дзиглике нѐги поста́вили, а ми імъ у нѐги. Вони́ ста́ли благословля̀ти: насъ, братівъ, образа̀ми, а молоди́ць и уну́ківъ христи́ли, а ми всі іхъ ру́ки цілова́ли; та тілько й вѝмовили: »Бо́же, васъ благослови́ усіхъ, усіхъ! Глядіть же, Бо́га не забува̀йте, до це́ркви ходіть, празники́ почита̀йте, ма́тери доглядайте, пови́нности не тіка̀йте, въ-ку̀пці живіть, оди́нъ дру́гого поража̀йте. Ти, ста́рший, [мині ка́жуть] на мість ба̀тька будь усімъ. Мене́ схова́йте и відпомина́йте, якъ ма̀тері велівъ. А що̀ попѐреду вамъ каза́въ, па̀мятуйте, коли́ кісто̀къ моіхъ не хо́чете воруши́ти.« Та съ тимъ и злягли́.

Жіно́та та дітвора́ кой-куди́ розійшли́сь, а я зъ ма́теръю біля́ іхъ зоста́вся. Про те вже я вамъ и не бала̀каю, що ро́дичи и сусіди всі прихо́дили що-дня̀ проща́тьця на сімъ світі. Отъ ми зъ ма́теръю воскову̀ свічку засвіти́ли, въ черепья́нці ладанцю́ роспусти́ли, води́ці для душі́ поста́вили стакане́ць на вікні, та й доглядаемъ смѐрти. Са́ме такъ, якъ пе́рві півні заспіва́ли, віко́ниця якъ гря̀кне! ми ажъ жахну́лись, та до нихъ, ажъ вони́ вже конча̀ютця. Тутъ, якъ на те, и молоди́ці вбігли. А ма̀ти: »Ци́тьте, мовчіть! не пла́чте! да́йте мерщій свічку ёму̀ въ руки: я̀нгели прилетіли за душе́ю! Молітця Бо́гу!« Ми й ста̀ли покло́ни би́ти. А вони́ разівъ трічи тількі зіхну́ли, легѐнько-легѐнько, та й ду̀шечка ви́йшла. Ма́ти тілько-тілько що вспіла іхъ перехристи́ти та проказа́ти: »Проща̀й, дружи́но, и менѐ дожида́й!«

Я мерщій до цѐркви. Уда́рили трічи въ ста́рший звінъ на східъ душі̀; узя́въ ставни́къ, моли́тву и вінѐць; по́ки верну̀вся, а іхъ зряди́ли: обми́ли, причеса̀ли, соро̀чку білу наділи, но́ги полотно̀мъ нови́мъ обгорну́ли, положи́ли на сви́ті, на ла́ві, підъ образа̀ми, а въ-го́лови сіна га́рного, степово́го підъ рядно́ підмости́ли, обікла́ли васи́льками, дали́ хрѐстъ у ру́ки, ма́ти вінѐць на го́лову

положи́ла, парче́ю накри́ли; а я въ голова́хъ поста́вивъ у гле́чику ставни́къ и засві́ти́въ. Отъ прийшо́въ псалти́рщикъ, уда́ривъ три покло̀ни, нача́въ : »Моли́твами святи́хъ«, и ставъ чита́ти та прика́зувати : »Упоко́й, Го́споди ду́шу раба́ твоего́ Про̀хора«.

У субо́ту, такъ са́ме якъ въ сні́дання, ста́ли по душі дзвони́ти во всі дзво̀ни, та пова́гомъ, та жа́лібно; пе́рше бо́вкне въ склика́нчикъ, а да́лі въ дру́гий, по́тімъ у підста́рший, та въ ста́рший, та й во всі ра̀зомъ. Я дзвонаре́ві півко̀пи давъ, щобъ по́ти дзвони́въ, поки трі́чи *Вѣ̀рую* прока́же, бо на *Поми́луй мя* и бідний дае́. Уся́кий хреще́ний, якъ почу́е таки́й дзві̀нъ, ста́не на схі́дъ со̀нця, перехри́ститця трі́чи и проговоре: »Ца́рство небе́сне, ві́чний покі́ї переста́вшийся душі!«

Отъ почу́ли и въ слободі, и ста́ли збіра́тьця и сваті̀, и свахѝ, всі ро̀дичи, и вся́кі лю́де. Бо, ба́чите, ба́тька всі зна́ли по ті̀мъ: позича́ли лю́дямъ гро̀ши, и ро̀сту не бра́ли, роздава́ли пшени́цю на насі́ння, съ тимъ — відда́сть, спаси́бі, а ні, Богъ зъ нимъ! на Спа́са мѐдомъ годува́ли, волі́въ спосужа́ли перево́зити бі́днимъ пашню̀, та й такъ тихе́нько де́-кому роздава́ли вся̀чину; а ми хоть и ба́чили, то й відверта́лись, нина́че не ба̀чимо. Вдови́цямъ и си́ротамъ на своі́хъ пле́чахъ ночно́і доби́ по мі́шку́ мукѝ носи́ли, кла́ли на при́спі, щобъ вони́ й не чу́ли, хто поло́жѝвъ [ма́ти ті́лькі тимъ підмі́ча́ли, що мі́шкі́въ не става́ло]; ска́зано, вся́кого заря́то́вували, чимъ хто побі́дкаетця. У цѐркву було́ наку́плять ставникі́въ, та ни́шкомъ на Вели́кдень, або́ на Різдво́ у цвинтарі й покладу̀ть біля́ вівтаря, и сторожі̀ не вшоло́пають, дѐ взяло́сь; або́ корогву̀ спра́влять, та й віднесу́ть... такъ роби́ли, щобъ ніхто́ й не підмі́ча̀въ. Тимъ–то ці́лий день у субо́ту ми́ра-ми́ра все до і́хъ прихо́дило проща́тьця та ті̀лові кла́нятьця. А такъ, якъ пі́зній по̀лудень, уда́рили на збі̀ръ въ оди́нъ; ста́ло буть, ті́ло до це́ркви вино́сили. Отту́тъ-то було́ плачу́, якъ о̀христи та ма̀ри принесли́! Паньма́тка хоті́ли самі̀ о́христи рушника́ми перев'я́зувати, та слё̀зи такъ и вда̀рили. Уже́ ті́тка Ода̀рка помогла́. А ма́ти пла́кали, поки ба́тюшка при́іхавъ, а тоді вже го̀ді. Проспіва́ли *со̀ духи;* а на *ві́чную* якъ заголо̀сить уве́сь миръ, такъ ажъ

отéць Ивàнъ [цáрство іхъ душі] не втéрпіли, та мерціѝ за кропѝло, покропѝли святóю водóю грібъ, та й съ хáти. Приятелі тіло въ грібъ положѝли; грібъ же мáти серпàнкомъ вѝслали, и васѝльківъ, и клечáльноі травѝ, и стружечòкъ у гóлови підмостѝли. Та й понеслѝ до хрàму Бóжого. Шість разъ Евàнгелію становѝлись читáти, а въ нáшій и въ Слободській, и въ Украíнській церквáхъ усé дзвòнять. Після́ вечéрні ставнѝкъ у головáхъ засвітѝли на всю ніченьку, а ми поклонѝлись, та й додòму, робòчихъ годувáти. Въ неділю, після́ слýжби, пòхоронъ відпрáвили и понеслѝ на кладовѝще. Хотіли въ садý біля́ дідуся́ поховáти, такъ не мòжна. Мáти [легéнько імъ згадáйся] самóго ляного полотнà два сувіі далѝ, дубовѝну спускáти. И тепèръ отó видніетця хрестъ чóрний та висóкий : тамъ лежя́ть панотéць и бабýся, и дядькѝ— усі вмісті.

Съ кладовѝща панотéць и ввесь миръ прийшлѝ до отцівського куреня́ поминáти. А найбільше нѝщу брáтію покійний панотéць велівъ годувáти. Спасѝбі жіночкàмъ, на горóді розиклáли òгнище, и всякоі стрáви понаготовля́ли. Ми я̀ловицю вбѝли, ягня́тъ съ пя́теро зарізали, а про дрýге — мàти то знáли. Якъ проспівáли *сò духи* и *вѝчню*, стáли за стілъ сідáти : панотéць на пòкуті, старі жінкѝ на лàві, а чоловіки на ослòні. Оцé зáразъ куті зъ мéдомъ за цáрство покуштовáли, та все приговòрюють : »Цáрство небéсне Прóхору Семéновичу! перóмъ земля́ надъ нимъ! нехáй со святѝми почивáе, та й нàсъ дожидáе!« Я ставъ піднóсити, комý по чàрці, комý сити; а тітка Олéна постáвила пампушкѝ, книшѝ, паляни̇ці; а пирогѝ, то зъ сѝромъ, то зъ нàчинкою, передъ жòднимъ на столі расклáдені булѝ; сметàни постáвили въ мисочкáхъ скрізь-скрізь по столòві. Бабýся Мовчáнка стоя́ла на полý, та все съ пéчи подаè, комý чогó трèба; а пічъ, скáзано, вся пирогáми та паляни̇цями булá заклáдена И на дрýгий стілъ, котóрий біля порóга, [посідáли ті люде, що копáли я̀му, и грібъ неслѝ, — імъ и полотнò роздалѝ, на котóрому упускáли дубовѝну]... такъ и на тòй стілъ після сéго пирогѝ и стрáву все такѝ тітка [дай Бóже імъ здорòвъя] почалѝ давáти галушкѝ, пéрцемъ присѝпані,

бо̀рщъ, ку̀рятину, а на пе́рший передъ панотце́мъ—гу̀ску пече́ну, а до поро́га — бара́нину свини́ну усе́ такѝ тітка подають, та кла́няютця, та про́сять: »Году̀йтесь такѝ, корми́тесь такѝ, поминайте бра́тіка« [а ма́ти зъ журбѝ у хи́жці вже звали́лись]. Пісня́ сёго ка̀шу моло́шну съ пе́рцемъ, усімъ одну, така́ вже, що ма́сло зве́рху такъ и пла̀ва, я̀блокъ изъ свого́ садка́ и мѐду сцільниківъ зъ деся́токъ, покійного ба̀тька — трудово́го, білого та хоро́шого, зъ самѝхъ роївъ. При конча̀нні я поста́вивъ на стілъ ко́ливо, поклони́всь низѐнько и мо̀вивъ: »Не погнівайтесь на більше, звиніте ра̀ди Христа́, не посудіть; чимъ бага̀ті, тимъ и ра̀ді.« Отъ щѐ разъ проспіва́ли *со́ духи* и *вічню*, ко́ливомъ помяну̀ли та й ста́ли росхо̀дитися.

На сей случа́й и паніма̀тка, якъ хво́рі ні булѝ, а вийшли и ста́ли обділя́ти ко́жному, кому́ кни̇шъ, кому́ паляни̇цю; а я старця́мъ сімъ кіпъ самѝми копійка̀ми розда́въ [бо й вонѝ, пообідавши на-дво́рі на при̇містках, рахува́лись росхо̀дитьця]; а гро́ши тиі придба́въ покійний панотѐць. Випровадивши, спе́ршу ста́ли ла́годити столѝ и сажа́ти, які не обідали, та до самісінького смерку̀ до́брихъ людей годува́ли; а самѝ почитай о північчи попоіли, та су́мно, су́мно въ ха́ті ста́ло! Усю́ ніченьку ні на во̀лосъ не заснули, — такѝй о́страхъ узя́въ.

На дру̀гий день сорокоу̀стъ наня́лѝ, десятѝни спра́вили. На сороковѝнахъ та̀къ було́, якъ и на по́хоронахъ, тількі панахи̇ду ще й на гробу̀ пра́вили. Псалти̇рщикъ шість неділь псалти̇ръ у ха́ті чита́въ; за те ёму́ покійного ба́тька свиту відміни́ли, и ху̀стку, и малаха̀й, що колѝсь, якъ молоді булѝ ба̀тько, та все его по сіно іхавши накладали. Ма́ти на зорі що-дня̀ ходѝли на кладовѝще навідуватьця та голосѝти, а відтіля́ въ цѐркву; а пісня́ сороковѝнъ го̀ді се робѝти. »Тепе́ръ«, ка́жуть, »не піду́ вже до го̀ду, бо̀ гріхъ«; та такѝ не втѐрпіли: у Дми̇трову субо̀ту ище́ ходѝли.

— Та більше й нічо̀го?

— Тількі жъ. Бачъ, чувъ я ще й сѐ: якъ ді́дуся́ ховали, такъ лю́де не неслѝ домовѝни, а везлѝ вола́ми на са̀няхъ, хоть то и въ літку було́. Волѝ самі добріші запрягали підъ те діло, и віддавали

іхъ ужé на пóминки панотця́мъ: такъ пря́мо съ кладовйща и відганя́ли съ саньмй до іхъ у двіръ. А після обіда [казáвъ такй покіиний бáтько] вонй такй самй достáли капшýкъ карбòванцівъ изъ скрйні дідусéвоі, та й вйсипали на підні́съ, на столі, та скілько хто хотівъ, стілько за пóхоронне й бравъ; бо то грóши булй на те обрѐчені; а всіхъ не булò зáбрано, остáлось довóлі ще й на піднòсі.

— Скажіть же, спасйбі вамъ, Прóхоровичу, на̀ що той стакáнчикъ зъ водóю на вікні́ стоя́въ?

— Тогó вже до-ладý не докажỳ. Кáжуть старі люде, що душá покіиника до шестй неділь на сімъ світі ще побивáетця и прилітá водйці пити до старóго куріня́, бо ій дýже трýдно и тя́жко по митàрствахъ; та Бóгъ ёгó зна, чи тàкъ вонó! Люде, бачъ, ищé й сѐ рóблять: ворòта зачиня́ють, якъ вйнесуть трунỳ зъ дворá, щобъ смѐрть не вертáлась; у хáті и лавкй житомъ посипáють, щобъ ужé всі жйві та здорòві булй; постѐлю съ-підъ покіиника у хлівъ викидáють до трохъ день, щобъ усé лихѐ відстáло. Та се вже, мáбуть, не зовсімъ по-Бóжому, а люде самй вйтіяли. Ще й тѐ гомоня́ть: есть такі временьщикй, котрі піддалйсь лукàвому; післѧ́ смѐрти встають и хóдять на свій двіръ, угáму не дають живймъ; такъ іхъ нáче бъ то осйковою коля̀кою грібъ прибивáють, та мині сёгó не лучàлось бáчити. А оцé й тепѐръ вóдитця: е похóвані надъ дорòгами, то чумакй, то тàкъ дé-які прохожáлі; такъ на іхъ могйли жáденъ, хто йдѐ абó іде, полінце, скіпку, травỳ, абó грýдку землі кйдають; а нà що вонó, Бóгъ ёгó зна, — бýцімъ би то й самй помагáли ховáти.

— Чомъ же ви мині про малйхъ дітòкъ нічòго не росказáли?

— Про іхъ òсь що: не підперѐзаного не трéба ховáти; бо на тімъ світі хтось-то дасть ёмý я́блучко червòне грáтьця, а вонó мáе въ пàзуху сховáти; а я́блучко до-дòлу, а вонó впъя̀ть дастае́, та все въ пàзушку; а вонó впъя̀ть до-дòлу; та такъ біднéньке й бýде мýчитьця зъ я́блучкомъ. А якъ підперéзане поясќомъ, то сховá, а вонó й не вйпаде съ пáзушки. Ще й нòгтівъ не зрізують малóму, атó на якýсь-то гòру не здерéтця, — чи на святý, чи щò:

бáчишъ, нічимъ би то бýде ухопитьця. Мáти за пѐршою дити́ною малóю, котрá умрé, на кладови́ще не хóдить, бо гріхъ відъ Бóга зáразъ за пéрвимъ та й жалкувáти и ёгó провожáти. Оттимъ-то и при́казка е такá:

»Якъ умрé малá дити́на,
То дóбра годи́на;
А якъ умрé дружи́на,
Лихáя годи́на!«

Вонó янгеля́ за бáтька та за мáтіръ відмóлюватиме.

А оцé своіми очи́ма бáчивъ, и сàмъ бувъ при сёму. У Назáрёвича Недогóна, якъ дочкý ёгó ховàли, — молодý та хорóшу, та чепурнý, та звичáйну... тільки шістьнáдцять годівъ ій булó... що то за дівчина булá люба та ми́ла, та до людéй привітнá! та й смерть ій Богъ послáвъ швидéнько. Захворáла, Бó' зна що балáкала и жахáлась. Кáжуть, зъ річки прийшлá, сорочкѝ прáла, та щось ій и подіялось: абó підвіяло, абó на ополòнці стріло, а мóже и зъ очéіі, бо всякі лихі люде есть. Ужé й молѐбінь прáвили, и лàдаомъ херуви́мськимъ підкýрювали, и васи́льки брáли съ-підъ хрестá, вичірнёю водòю умивáли; ти-мовъ и полýчча, та впъять; отъ и до бáби вози́ли, и Солòдкий прихóдивъ, —чогò не роби́ли! та вже коли́ нарѐчено вмирáти, и знахурѝ не відшéпчуть. Та підъ самóі Варвàри, якъ удáрили до вечѐрні, Бóгу й дýшу віддалá. Отъ тàмъ я надиви́вся, що тамъ роби́лось! Мáти та побивàлась, наси́лу підъ плéчі відвели́ геть; а бáтько такъ и вхòпитця за гóлову: »Де жъ моя́ Парáся, де жъ моя́ дити́на? хто жъ менé розувàтиме? хто на вýлиці стрічáтиме? хто менé роздягнѐ? Де бъ я не бувъ, хоть о північі прийдý, а вонá, моя́ голýбка, сіни відсýне, шàпку візьме, пòясъ повісе и ліжко перетрýсе... лýчче бъ я іі на світъ не роди́въ!...« Позбірáлись усі сусіде та розважáють, щобъ взяли́сь за тòвкъ та що слідуе роби́ли. Ось, якъ прибігла Өедоровна-бабýся, та якъ загомони́ть: »Щò ви рóбите, дурні діти? гóді вамъ голоси́ти, Бóга прогнівля́ти!« та й ну порядки давáти; тоді всі

тількі дивлятця. Отъ и стали знаряжати наче заміжъ: сорочку лянну наділи, картату плахту, червоною окравкою підперезали, кипарисовий хрестъ, що дідусь изъ Киева принісъ, на чорній бархатці почепили на шию, коси розпустили, стрічку синю на голову повязали, вінки съ червонихъ скіндячокъ пришпилили, сапъянові черевички на ноги обули, та й на стілъ, — уже на лавку не клали, — серпанкомъ руки прикрили, квітками сухими то съ крокосу, то зъ рожі обквічали; такъ уже зрядили, що хоть неживе, то заплаче. Тутъ и дружки почали збіратьця. А якъ прийшла пора ховати, стали дружокъ стёжками повязувати, усімъ хустки давати, — крий-Боже, якъ-то жалібно! Сами дружки въ домовину клали и до ями несли. А мати побивалась, побивались… потімъ уже тілько стогне; якъ-би не кумъ Панько, десь би такъ и ввірвалась у яму, ато той, спасибі, державъ підъ плечи та все розважавъ. А якъ опустили та стали землею закидати, такъ у-трёхъ насилу вдержали; такъ и лізе сама, не баче куди. Не дай, Господи, таке у-друге бачити!…

Лісовикъ.

IX.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ и МАЛОРОССІЯНЪ

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ДВѢ СТАТЬИ, М. ГРАБОВСКАГО и П. КУЛИША, ПО ПОВОДУ НЕДАВНО ОТКРЫТАГО УНИВЕРСАЛА ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

О ПРИЧИНАХЪ

ВЗАИМНАГО ОЖЕСТОЧЕНІЯ ПОЛЯКОВЪ И МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

УНИВЕРСАЛЪ ГЕТМАНА ОСТРЯНИЦЫ.

Переводъ.

Стефанъ-Христофоръ изъ Острога и Остра Острянинъ, Божіею милостію новоизбранный гетманъ, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ.

Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ всѣмъ вамъ, благородно рожденнымъ козакамъ, нашей братіи, прославившимся съ давнихъ лѣтъ во всей подсолнечной многими рыцарскими дѣлами

Подлинникъ.

Стефанъ Криштофъ зъ Острога и Остра Остранинъ, по ласці Божой новоучинений гетманъ, зо всімъ Войскомъ Запорожскимъ (1).

Ознайму́емъ сімъ універсаломъ нашимъ вамъ, всімъ шляхе́тне урожо́нимъ, братті нашій, отъ многихъ літъ премногими рицарскими дѣлами

---

(1) Открытіемъ этого драгоцѣннаго документа обязаны мы М. О. Судіенку, который помѣстилъ его въ третьемъ томѣ изданной имъ Лѣтописи Величка. Правописаніе универсала Остряницы принадлежитъ началу XVIII столѣтія, ибо онъ открытъ не въ подлинникѣ. Такъ какъ нѣкоторыя гласныя буквы произносились грамотными Малороссіянами того времени иначе, нежели стали бы ихъ

и подвигами, и живущимъ, съ отдаленныхъ временъ предковъ своихъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра въ Малой Россіи, отчизнѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему простому народу Малороссійскому: что, какъ въ прежнія времена, такъ и въ этомъ году, не могли мы, съ сердечною горестью и болью, переслушать и исчислить приносимыхъ вами жалобъ и слезныхъ просьбъ намъ, войску Низовому Запорожскому, касательно чинимыхъ вамъ притѣсненій, разореній и несносныхъ налоговъ отъ Ляховъ, квартирующихъ во всей Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

и отвагами во всей подсолнечной прославившимся, по обоіхъ сторонахъ ріки Дніпра, въ Малой Россіи, отчизні своей, зъ предковъ своихъ, отъ давніхъ временъ мешка́ючимъ, тутъ же и всему посполитому народу Малороссійскому: ижъ яко прошлихъ временъ, такъ и сего літа, зъ великимъ сердечнимъ жалемъ и болізнию не моглисьмо переслу́хати и изреестровати безпрестанно доно́сячихся намъ, войску Низовому Запорожскому, отъ васъ скаргъ и плачливихъ суплікацій о дѣючихся вамъ обидахъ, утискахъ, разореніяхъ и незноснихъ налогахъ отъ Ляховъ, во всей Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Дніпра, консисту́ючихъ. Не спецификуемъ

читать теперь въ Сѣверной и въ Южной Россіи, да притомъ въ спискѣ, напечатанномъ г-мъ Судіенкомъ, не вездѣ соблюдено однообразное употребленіе извѣстныхъ буквъ для выраженія извѣстныхъ звуковъ; то языкъ универсала для самихъ Малороссіянъ нашего времени кажется какъ-бы чужимъ. Чтобы сообщить ему тотъ видъ, въ какомъ онъ представлялся слуху, а не глазамъ, старинныхъ людей, позволяю себѣ приноровить его правописаніе къ произношенію, принявъ для выраженія мягкаго и остраго звука *и* двѣ буквы — *и* и *і* — и отвергнувъ Великорусскій звукъ *ы*, Малороссійскому произношенію несвойственный. Замѣчу впрочемъ, что универсалъ Остраницы писанъ оффиціальнымъ языкомъ своего времени, и потому въ немъ много словъ и оборотовъ Польскихъ. Видно, козацкій гетманъ нашелъ необходимымъ подражать обычному языку судебныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій въ Украйнѣ, чтобы явиться въ глазахъ народа мужемъ государственнымъ. Но рѣчь его не была отъ того темна для слушателей, ибо Польскій языкъ въ то время распространенъ былъ въ Малороссіи, какъ рѣчь людей образованныхъ, какъ рѣчь утонченная и усвоенная высшимъ сословіемъ Южно-Русскимъ, не говоря уже о множествѣ природныхъ Поляковъ, находившихся въ Малороссіи и заставлявшихъ народъ понимать свой языкъ волею и неволею.

Не исчисляемъ подробно здѣсь того, что они, Ляхи, начавъ съ недавняго времени, лѣтъ пять, или шесть назадъ [ибо давнишнія ихъ злодѣйства предали мы забвенію], какъ не-Христіяне, вамъ, православнымъ Христіянамъ, сдѣлали, а именно въ городахъ и повѣтахъ: Козельскомъ, Баришпольскомъ, Басанскомъ, Березанскомъ, Гоголевскомъ, Яготинскомъ, Остерскомъ, въ Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, Прилуцкомъ, Варвинскомъ, Сребрянскомъ, Красноколядинскомъ, Конотопскомъ, Любецкомъ, Березинскомъ, Менскомъ, Сосницкомъ, Коропскомъ и Кролевецкомъ, въ Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Пырятинскомъ, Чигринъ-Дубровскомъ и Роменскомъ, Переяславскомъ, въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и во всѣхъ иныхъ, гдѣ только были и есть ихъ безразсудные и безжалостные къ Христіянскому народу постои.

Вы сами, наша братія, живущіе въ исчисленныхъ городахъ и

ретѐльне тутъ того, что̀ они, Ляхи̂, сіхъ недавніхъ временъ почавши, отъ літъ пяти, или шести [давнійшиі бо іхъ всі збро̀дні и злиі учинки занеха̀вши], аки не-Христіяне вамъ, православнимъ Христіянамъ, вѝброіли и учинили, а именно въ городахъ и повітахъ: Козельскомъ, Барѝшпольскомъ, Баса̀нскомъ, Береза̀нскомъ, Го̀голевскомъ, Яготѝнскомъ, Острѝцкомъ, въ Ніжинскомъ, Борзѐнскомъ, Прилу̀цкомъ, Ва̀рвинскомъ, Сребря̀нскомъ, Красноколя̀динскомъ, Конотопскомъ, Лю̀бецкомъ, Берѐзинскомъ, Менско̀мъ, Со̀сницкомъ, Коропско̀мъ и Кролевѐцкомъ, въ Лубѐнскомъ, Лу̀комскомъ, Ло̀хвицкомъ, Пиря̀тинскомъ, Чигринъ–Дубро̀вскомъ и Ромѐнскомъ, Переясловскомъ, въ Га̀дяцкомъ, Миргоро̀дскомъ и во всіхъ инихъ (1), где тілько іхъ неба̀чная и милости (на) народъ Християнский неимущая зоставала и зостаетъ консистенція.

Самѝ ви, въ преречо̀нихъ городахъ мешка̀ючиі, браття наше, доно̀сили

---

(1) Величко говоритъ, что Остряница разослалъ шесть списковъ своего универсала въ Украйну Малороссійскую, лежащую по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, именно въ повѣты Черкаскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій, а на другую сторону Днѣпра — въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій. Такъ какъ въ этомъ спискѣ не упомянуто ни одного города за-Днѣпровскаго, то надобно думать, что въ спискахъ, назначенныхъ для Заднѣпрія, тамошніе повѣты исчислены такъ точно, какъ здѣсь повѣты Восточной Малороссіи.

повѣтахъ. доносили о томъ, вы сами о томъ знаете, яко самовидцы и жалобливые намъ доносители. Но мы съ своей стороны вамъ это представляемъ и къ вашимъ горестямъ присовокупляемъ нашу горесть, которую причинила намъ вѣсть, дошедшая до насъ изъ Остра, изъ дома отца нашего. А принесъ ее намъ родной братъ нашъ, который прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, съ вышибеннымъ тирански отъ Ляховъ глазомъ. Онъ, съ горячими и неизсякаемыми слезами, объявилъ намъ и всему войску Низовому Запорожскому, на радѣ, о своемъ и всего дома нашего отъ Ляховъ бѣдствіи и разореніи, и именно: что нѣкоторый Геродовскій, квартирующій въ Острѣ, въ настоящую истекающую зиму, передъ радостными святками Рождества Господня, не довольствуясь тѣмъ, что ему и другимъ постояльцамъ козаки и мѣщане Остерскіе [сверхъ правъ и законности] доставляютъ, возымѣлъ какую-то особенную ненависть и злобу къ отцу моему, гордящемуся со временъ предковъ своихъ благороднымъ (шляхетскимъ) козацкимъ правомъ, и грозно приказалъ ему, отцу моему, доставлять еже-

---

о томъ, знаете, яко самовидці и намъ о всемъ томъ жалобливиі доносителі. Виражаемъ еднáкъ и ко болізнямъ вашимъ печаль и болізнь нашу прилагаемъ, которая дойшла намъ [1] на сіхъ часехъ відати зъ Остра, зъ дома отца нашего чрезъ родного брата нашего, зъ вибитимъ тиранско отъ Ляхохъ окомъ тутъ до Січи Запорожской къ намъ прибилого, котории, зъ рéвними и неутолимими слезами, такое намъ и всему войску Низовому Запорожскому, въ раді, учинилъ донесенне о своемъ и всего дому нашего бідствиі отъ Ляховъ и разоренні, сказавши вирáзне тое ижъ ніякийсь Геродовский, консистуючий въ Острі, сеі сходя́чоі зіми, предъ радостними святкáми Рождества Господня, при йншихъ всякихъ довольствахъ ему зъ иншимъ товарúствомъ отъ козаковъ [надъ права и слушность] и отъ міщанъ Острицкихъ вистатчáемихъ, яковуюсь особную къ отцу моему, шляхетскимъ козацкимъ правомъ зъ прóдковъ своихъ

---

[1] Въ изданія г-на Судіенка это слово напечатано : *насъ*. Я поправилъ потому, что это выраженіе часто встрѣчается въ старинныхъ бумагахъ. См. ниже. стр. 341, *универсалъ Мазепы*.

мѣсячно — не для себя, но для собакъ, своихъ братьевъ, по три ведра творогу и по ведру масла. Когда же мой отецъ не исполнилъ этого — и не по чему иному, какъ по домашнимъ недостаткамъ; то Геродовскій, озлясь на это, — въ самый тотъ день радостнаго праздника Рождества Господня, горемъ и плачемъ наполнилъ домъ нашъ; ибо приказалъ палачамъ, своимъ слугамъ и братьямъ, взять отца моего, семидесятилѣтняго, совершенно сѣдого старца, и ущемить его шею въ частоколъ церковной ограды, — а былъ въ то время сильный холодъ съ мятелью, — и не велѣлъ выпустить его изъ этого нестерпимаго и позорнаго заключенія, пока весь народъ не вышелъ изъ Божіей службы (отъ обѣдни) и пока всѣ люди, бывшіе въ церкви, тому [при всемъ ихъ сожалѣніи] не посмѣялись.

Послѣ этого тяжкаго и нестерпимаго безчестія, сдѣланнаго престарѣлому отцу моему, тотъ же Геродовскій, или лучше Христоненавистный Иродъ, спустя дня два, или три, вторгнулся, въ пья-

---

щитящемуся, завзявши ненáвисть и ранкóръ, приказалъ сурово ему, отцу моему, на каждий мiсяцъ, не для себе, но для хортóвъ, своiхъ братовъ, вистачáти по три ведрi сиру, а по четвертому масла; чого гди отецъ мой не исполнилъ, не для чого иного, тiлько для власнихъ недостатковъ домашнiхъ, теди онъ за тое узлившись, жалостiю и плачемъ наполнилъ домъ нашъ, гди отца моего, семдесятное время въ совершеннихъ сiдинахъ жизнь свою провождающого, приказалъ катамъ, слугамъ и братамъ своiмъ, вложити въ тинъ шúею на цвúнтарi церковномъ, въ самую морозную и снiжную тогда заверуху, и потóль зъ того незносного и ругательного вязéння не повелѣлъ отпустити, покóль зъ служби Божой не вийшли и поколь всi люди, въ церквi бившiе, тому [хочай то било зъ iхъ жалемъ] не посмiялися.

Послi того такъ тяжкого и нестерпимого безчестiя, отцý моему престарiлому учиненого, тотъ же Геродовскiй, альбо власнiй Христоненавистний Иродъ ([1]), третого, чили четвертого дня, набiгши пьяний и без-

---

([1]) *Иродъ* по-Польски *Геродъ*; слѣдовательно *Геродовскій* звучало въ слухѣ тогдашняго Малороссіянина такъ, какъ бы сказать *Иродовскій*. *Пр. изд.*

номъ и безумномъ видѣ, въ домъ отца моего и требовалъ, чтобъ его потчевали венгерскимъ виномъ. Когда же отецъ мой не могъ исполнить этого требованія такъ какъ въ Острѣ венгерскаго вина не было, то онъ, на зло, началъ потчевать моего отца оковитою (высшей крѣпости) водкою и, наливъ серебрянную чарку, почти въ кварту мѣрою, велѣлъ выпить ее престарѣлому отцу моему за здоровье короля и Рѣчи Посполитой. Но, какъ отецъ мой не въ силахъ былъ этого сдѣлать, то онъ, будучи пьянъ, озлился и, для окончательнаго поруганія отца моего, отрѣзалъ ему цвѣтущую сѣдинами бороду, захвативъ и тѣла, а потомъ тяжелымъ и смертоноснымъ чеканомъ своимъ, безъ всякаго уваженія и жалости, далъ ему по плечамъ и по груди болѣе десяти ударовъ, отъ которыхъ отецъ мой, проживъ только шесть дней, переселился отъ сей жизни въ жизнь вѣчную, оставивъ насъ, дѣтей своихъ, въ горести и слезахъ, на всегдашнее сиротство.

Но Геродовскій, этотъ проклятый потомокъ Иродова Христо-

розумний зъ подобною собі компаніею въ домъ отца моего, потребовалъ, абй его частóвано виномъ венгерскимъ; а гди того отецъ мой не моглъ исполнити за небитностью въ Острі вина венгерского, тéди онъ на пеню началъ частовати отца моего горілкою своею оковитою (¹) и, наливши оной чарку срібную, мало не въ кварту будучую, велілъ випити всю старушкові отцу моему за здоровье королевское и Річи Посполитой. Того, гди отецъ мой не моглъ учинити, тéди онъ, пьяний, за тое узлившись, не тілько, на всеконечное поруганіе, отцу моему сідинами цвітущую, займаючи и тіла, урізалъ браду, мало къ тому зачепивши и горла, алé и тяжкимъ нáдто и смертоноснимъ своімъ обухомъ, безъ жáдного респекту и лíтости, по плéчахъ и грýдяхъ кількона́десять сотворилъ ударовъ, отъ которихъ отецъ мой большъ надъ шесть дней не поживши, мусилъ преселитися во вічную жизнь отъ жизни сея, насъ, дітей своіхъ, печальнихъ и плачевнихъ, всегдашнему а непрестаемому вручивши сиротству.

Но и тимъ отца нашего убийствомъ онъ, Геродовский, Иродового

(²) Высшей крѣпости водка.

ненавистнаго племени, не удовлетворился такимъ злодѣйствомъ. На четвертый или на пятый день по погребеніи отца нашего, онъ взялъ изъ нашего дому насильно брата нашего на порошу, въ трескучіе и несносные морозы, и, посадивъ его безъ сѣдла на свою водовозную клячу, далъ ему пару собакъ на сворѣ. Когда же выѣхали въ поле и началась охота, и когда поднято было нѣсколько зайцевъ, — подскочилъ къ моему брату одинъ служка и велѣлъ ему спустить со своры собакъ, которыхъ онъ держалъ, что́, очевидно, сдѣлалъ по приказу своего господина. Геродовскій же, этотъ тиранъ и мучитель человѣческій, увидя моего брата безъ собакъ, наскочилъ на него и, спросивъ: гдѣ собаки? ударилъ безъ милосердія арапникомъ брата моего по головѣ, и въ это время арапникъ концомъ своимъ вышибъ ему глазъ.

Отъ этого тиранскаго и безчеловѣчнаго удара братъ мой, полумертвый, упалъ съ клячи Геродовскаго, который приказалъ еще служкамъ своимъ избить его немилосердно арапниками по всему тѣлу. Наконецъ, видя его мертвымъ и бездыханнымъ, взвалили

Христоненавистного племени проклятий потомокъ, не вконтентовавшися, — по погребеніи отца нашего, четвертого, чили пятого дня взялъ гвалтомъ зъ дому брата моего на порошу, въ часъ тріскучихъ и незносныхъ тогда морозовъ, и, всадивши его о́хляпъ на свою водовозную бербігу, далъ ему на смичі хортовъ пару. Виіхавши зась въ поле, гди роспустилъ мисли́вство и гди спу́жено нісколько зайцовъ, въ тотъ часъ еденъ служка его, Геродовского, прибігши велілъ пустити брату моему зъ смича хортовъ, якиі били въ него: знатно, учинилъ тое по приказу пана своего. А Геродовскій, тиранъ и морде́рца людский, не увидівши хортовъ на смичі въ брата моего, наскочилъ на него конемъ и испитавши: где хорти? ударилъ, тиранскимъ замахомъ, канчукомъ по голові того брата моего, въ який часъ канчукъ концемъ своімъ и око вилупилъ оному.

Отъ которого тиранского и безчеловічного удару гди братъ мой полумертвий зъ бербіги Геродовского упалъ на землю, те́ди онъ, Геродовский, еще довольно служкамъ своімъ велілъ его канчуками по всімъ тілі немилостивне зранити, а наконецъ вмісто мертвого и бездушното чело-

его брюхомъ на ту же клячу, какъ-будто мѣшокъ съ какой-нибудь пашнею, и Геродовскій велѣлъ одному изъ своихъ служекъ отвезти его къ нашему дому и бросить у воротъ, какъ негодный мертвый трупъ.

Увидѣла это многопечальная моя мать-старушка и, объятая невыразимою болью сердечною, велѣла другимъ братьямъ и сестрамъ моимъ внести въ хату нашего брата, тирански избитаго, изуродованнаго и почти бездыханнаго, и съ трудомъ могли оттереть и привести въ прежнее состояніе замороженныя руки и лицо его.

Послѣ этой тиранской чаши, изуродованный братъ мой едва черезъ нѣсколько недѣль началъ выздоравливать; но тутъ опять услышалъ отъ того жъ мучителя Геродовскаго разныя на себя похвальбы. Спасаясь отъ новыхъ бѣдствій и унося послѣднія свои силы, онъ прибылъ сюда, въ Запорожскую Сѣчь, еще больной, съ тиранскими знаками на своемъ тѣлѣ [кромѣ вышибеннаго глаза], и обо всемъ, что̀ съ нимъ самимъ и съ покойнымъ отцомъ моимъ произошло и что̀ тутъ описано, принесъ всему войску Запорожскому

віка, яко міхъ съ пашнѐю якою, зри́нувши че́ревомъ на тую жъ бербігу свою, велілъ едному служкі своему отпрова́дити до дому нашого и предъ воро́тами яко непотребного и мертвого изрпнути трупа.

Щѐ многопечальная и неисказанною болізнію объятая старушка матка моя увидівши, другимъ брата́мъ и се́страмъ моімъ веліла внести до хати того тиранско убитого и скаліченого и мало въ собі духа иміючого брата нашего и зале́дво отмороженние руки и тваръ возмогли ему отвілжити и до першой приспособити битности. По якой тиранской честі, зале́дво въ кілько недель тотъ окалічений братъ мой гди почалъ прихо́дити до здоровья, знову почулъ на себе отъ того жъ мордѐрці Геродовского происходячие по́хвалки, которихъ уходячи и остатную частку здоровья своего уносячи, прибилъ тутъ до Січи Запорожской, еще хорий и знаки тиранские [кромі вибитого ока] на тілі своемъ иміющий, и о всемъ томъ, що ся зъ нимъ и небо́жчикомъ отцемъ моімъ діяло и тутъ виражено, словесную, жалости и неутомимихъ слезъ полную, всему Войску Запорож-

словестную, жалости и неутолимыхъ слезъ полную реляцію. Узнавъ обо всемъ этомъ, не только мы, новоизбранный гетманъ, но и все войско Запорожское, подвинулись великою горестью и рѣшили единодушнымъ совѣтомъ выступить изъ коша (стану) Запорожскаго съ войскомъ на Украйну Малороссійскую, для освобожденія, при помощи Божіей, васъ, народа нашего православнаго, отъ ярма, порабощенія и тиранскаго Ляшскаго мучительства и для отмщенія нанесенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ поруганій вамъ, нашей благородно рожденной братіи и всему простому народу Русскаго племени, живущему въ Малой Россіи, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

Поэтому вы, братія наши, прочитавъ этотъ открытый листъ нашъ, взгляните на дѣло глазами вашего разума и разсудите: не законно ли мы съ войскомъ Запорожскимъ затѣваемъ войну противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ нашихъ, и еще ли не вывели васъ изъ терпѣнія ихъ непомѣрныя на постояхъ у васъ выдумки, »окóрмы и напитки«? И неужели вамъ пріятно видѣть, какъ вашихъ отцовъ и матерей постоянно предаютъ поруганію и безче-

---

скому учинилъ реляцію, которую не тілько ми, новообраний гетманъ, лечъ и все Войско Запорожское жалостію великою взрушені будучи, постановилисмо згóдною порадою и совітомъ рýшити зъ коша Запорожского зъ войскомъ на Украіну Малороссійскую для видвигнення, при помощи Божой, васъ, народа нашого православного, отъ ярма, порабощенія и мучительства тиранского Ляховского и для отмщенія починенныхъ обидъ, разореній и мучительскихъ ругательствъ вамъ, братті нашой шляхетне урожоной, и всему посполýству рода Руского, въ Малой Россіи, по обоіхъ сторонахъ Днiпра, мешкáючому.

Ви прéто, браття наше, вичитавши сей отвóристий листъ нашъ, обачте разума своего очима и уважте: если ми зъ войскомъ Запорожскимъ не слýшне затіваемъ діло военное противъ Ляховъ, непріятелей и враговъ вашихъ, и если еще вамъ не допекли іхъ збиточнiи на консістенціяхъ вашихъ вимисли, окóрми и напитки, и если вамъ мило видіти отцовъ и матерей своіхъ, всегда ругаемихъ и безчестимихъ, такъ-же бра-

стію, какъ вашихъ братьевъ, сестеръ и женъ тирански убиваютъ, окровавливаютъ и мучатъ, какъ ихъ на льдяныхъ ломкахъ, въ трескучіе морозы, погоняютъ и обливаютъ водою, какъ ихъ [чего не слыхано подъ солнцемъ] запрягаютъ въ плугъ, будто воловъ, и какъ ихъ Христоненавистные Жиды, по Ляшскому приказанію, бичуютъ и погоняютъ, чтобъ они хорошо тащили плугъ и голый ледъ, безъ всякой пользы, для одного смѣха и ругательства, орали и чертили! Все это и многое другое [что̀ и письмомъ выразить стыдно и неприлично] происходило и нынѣ происходитъ въ городахъ и повѣтахъ вашихъ, кратко исчисленныхъ въ началѣ этого нашего универсала.

А что̀ всего важнѣе, такъ это то, что эти непріятели наши, отступники и еретики Ляхи, стараются перемѣнить, привести къ Римскому заблужденію, обратить и насильно преклонить къ Уніи и самую хвалу Божію, которая совершается отъ начала крещенія Руси и, какъ солнце, сіяетъ въ Европѣ незыблемымъ благочестіемъ; и уже въ нѣкоторыхъ Украинскихъ городахъ есть знаки и свидѣтельства этого ихъ посягательства.

то̀въ, сѐстеръ и женъ, тиранско забиваемихъ, роскрівавляемихъ и мордуемихъ, по ломкахъ ледовихъ въ трескучіи морози понуряемихъ и обливаемихъ, въ плугъ, аки воловъ [чого подъ слонцемъ не слихано] запрягаемихъ, а чрезъ Жидовъ Христоненавистнихъ, по приказу іхъ Ляховскомъ, бичуемихъ и поганяемихъ, аби добре тягли и голий ледъ безпотребне, на едно посмівиско и ругание, орали и рисовали. Що̀ все и множайшое [чого и виразити письмомъ встидно и неприлично] діялося и теперъ діется въ городахъ и повітахъ вашихъ, въ почутку сего листа нашого коротко намененнихъ.

А що̀ найбольша, же и хвала Божия, въ церквахъ православнихъ нашихъ Греко-Рускихъ отъ начала крещенія Руского отправуемая и, аки слонце, непозиблемимъ въ часті світа Европійского благочестиемъ сияющая, отъ тихъ же неприятелей нашихъ, отщепѐнцовъ и геретиковъ Ляховъ, хощетъ и усиловуется преміните и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалто̀вне преклонити; чого уже и пѐвние по нікоторихъ городахъ Украінскихъ суть знаки и документа.

Итакъ вы, братія наши, благородно рожденные козаки, живущіе въ Малороссійской Украйнѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, со всѣмъ мѣщанскимъ и сельскимъ простымъ народомъ, уразумѣвъ и обсудивъ все то, что здѣсь кратко изображено, склонитесь вашими сердцами къ нашимъ сердцамъ и желаніями вашими къ нашимъ желаніямъ и, соединясь съ нами [когда мы прибудемъ въ Украйну съ войскомъ Запорожскимъ], извольте начинать, въ полномъ вооруженіи, при всесильной помощи Божіей, со всѣмъ усердіемъ, военное дѣло противъ Ляховъ, своихъ непріятелей. И для того, покамѣсть мы прибудемъ въ Украйну, извольте готовить и кормить коней своихъ, такъ-же добывать и устроивать доброе, исправное оружіе съ надлежащимъ къ нему запасомъ, то есть порохомъ и пулями, а такъ-же заготовляйте себѣ и съѣстные походные запасы. Ляшскихъ же льстивыхъ и лживыхъ писемъ и универсаловъ никакихъ не слушайте и имъ не вѣрьте, на ложные распускаемые ими въ народѣ слухи не обращайте вниманія, и плутовства ихъ не бойтеся. И пускай васъ не устрашаетъ Кумейская война войска Запорожскаго съ Ляхами въ прошломъ году;

А такъ ви, браття наша, шляхетнѣ урожонні козаки, по обоіхъ сторонахъ ріки Дніпра, на Украіні Малороссійской жиючіи, со всімъ мещанскимъ и сільскимъ посполитимъ народомъ, все тое, що тутъ вкратці написалося, зрозумівши и уваживши, преклоніте серца ваша до сердецъ нашихъ и желанія ваша до желаній нашихъ и, совокупившися зъ нами [гди зъ Войскомъ Запорожскимъ на Украіну прибудемъ], съ полнимъ оружиемъ, при всесильной помощи Божой, извольте усердно противъ Ляховъ, непріятелей своіхъ, военное зачинати діло и промислъ. Для чого, німъ ми зъ войскомъ прибудемъ на Украіну, извольте готовáти и кормити коні своі, такъ-же иміти и приспособляти доброе, исправное оружие зъ належитимъ до него припасомъ, то есть порохомъ и кýлями, и харчъ собі походную потребную приспособляйте жъ. Жадныхъ тежъ Леховскихъ прелестнихъ и омáнчливихъ письмъ и універсаловъ не слухайте и імъ не вірте, и відомостéмъ іхъ лживимъ, въ народъ на устрашеніе его розсіваемимъ, ні мало не вірте, и плутовства іхъ не бойтеся. А ні Кумéйская тогорочная войска Запорожскаго зъ Ляхами война нехай васъ не устра-

ибо они ложно и несправедливо разглашаютъ, что [дѣло невозможное] будто бы они подъ Кумейками поразили на голову войско Запорожское и устлали козацкими тѣлами дорогу на полъ-мили. Еслибы это было такъ въ самомъ дѣлѣ, то съ кѣмъ бы послѣ этого Ляхи дѣлали договоръ и заключали миръ? развѣ съ мертвыми козацкими трупами? Или они то называютъ пораженіемъ войска Запорожскаго, что [да и то произошло отъ неисправности тогдашняго обознаго] отрѣзали часть козацкаго обоза съ тремя пушками? но въ людяхъ, благодаря Бога, мало нанесли вреда войску Запорожскому, ибо, по повѣркѣ того войска, оказалось убитыхъ товарищей семь-сотъ-девяносто-пять, а раненныхъ восемь-сотъ-пятнадцать. А что Ляхи говорятъ о дорогѣ, устланной на полъ-мили козацкими тѣлами, то, видно, они — или хорошо не досмотрѣлись, будучи въ воинскомъ запалѣ, чьими тѣлами покрыта наиболѣе та дорога, или лгутъ умышленно и ту свою ложь повторяютъ и разсѣваютъ въ городахъ и селахъ, для устрашенія всего народа. А мы вамъ истинно объявляемъ, что ихъ,

---

шаетъ; бо они фальшиве и неправедно розголошаютъ тое [щò річъ есть неподобна], що бýдто тамъ, подъ Кумейками, на голову войско Запорожское поразили и на полъ-милі шляхъ трупомъ козацкимъ устлали. Гди жъ еслиби такъ било, то съ кимъ би они, Ляхи, тогді трактъ чинили и покой завирали? разві зъ мертвими козацкими трупами? И хиба они, Ляхи, тое описують за поражку на голову войска Запорожскаго, же [и то сталося за несправностю обозного тогдашного] часть обозу козацкого зъ трома штуками арматъ урвали? а въ людехъ войска Запорожскаго мало зашкодили, благодареніе Богу; бо, по ревизіи того войска Запорожского, явилося забитихъ товариства сімъ-сотъ-девять-десятъ-пять, а раннихъ осмъ-сотъ-пятнацать. Щò тежъ трупомъ козацкимъ Ляхи на полъ-милі ýсланій именують шляхъ, то, подобно, альбо не досмотрѣлися добре, будучи въ военномъ тогда опалі, чимъ найбольшей тотъ шляхъ усланъ билъ трупомъ, альбо нарочно лгуть и тую ложъ свою въ городахъ и селахъ, для всенародного устрашенія, произносятъ и розсіваютъ. А ми вамъ истòтне ознаймýемъ, же іхъ, Ляховъ, въ-десятеро больше отъ

Ляховъ, на томъ Кумейскомъ побоищѣ пало въ десять разъ больше противъ нашего, — какъ знатныхъ родовыхъ товарищей, такъ и ихъ служекъ. Ибо, черезъ пять, или черезъ шесть недѣль послѣ той войны, два знатныхъ товарища, а третій близкій служка гетманскаго писаря, Снѣжинскій, спасаясь отъ должнаго наказанія за нѣкоторое преступленіе, прибыли въ Сѣчь Запорожскую и не только принесли всему войску словесное извѣстіе, но и на бумагѣ подали исчисленіе павшаго Ляшскаго товарищества и служекъ. Тутъ-то и обнаружилось, что съ ихъ стороны было убито двѣнадцать-тысячь-двадцать человѣкъ, кромѣ немалаго числа раненныхъ.

Поэтому, какъ выше сказано, не вѣрьте, ваша милость, братія наши, никакимъ таковымъ Ляшскимъ плевеламъ и стращаньямъ, и безъ всякаго сомнѣнія готовьтесь и снаряжайтесь къ соединенію съ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ нихъ. Однакожъ дѣлайте свои приготовленія тайно и невѣдомо, и читайте эти наши листы между собою подъ присягою, втайнѣ, среди людей добрыхъ, надежныхъ и желающихъ всякаго блага сво-

---

нашихъ на той Кумейской войнi пало трупомъ, зна́чного рядового товари́ства и служокъ iхъ; поне́важъ въ пять, чили въ шесть недiль по войнi оной два товариші зна́чнихъ, а третій близкий служка писара гетманского, Снiжинский, уходячи за свое певное проступство належитого карання, прибили до Сiчи Запорожской и не тiлько словесную всему войску учинили реляцiю, але и на письмi подали изчисленiе побитого Ляховского товариства зъ служками, где показалося число палихъ труповъ дванадцать тисячъ и двадцать человiковъ, кромi раннихъ, тожъ числа немалого.

Пре́то, яко више наменилося, не вiрте ваша милость, браття наша, жаднимъ таковимъ Ляхо́вскимъ плевелемъ и пострахамъ и безъ жадноi вонтпли́вости готуйтеся и прибiрайтеся въ совокупленiе зъ нами, войскомъ Запорожскимъ, на войну противъ iхъ. Однакъ тотъ приборъ свой чинiте скрито и невiдомо, и сii листи нашi между собою вичитуйте подъ присягою, тайно, межъ людьми своiми добрими, поуфа́лими и всего до-

ему упадающему Малороссійскому отечеству. Козаковъ же реестровыхъ, выродковъ и отступниковъ нашихъ, незаботящихся, ради собственной прибыли и частныхъ выгодъ, объ упадкѣ отечества, берегитесь и опасайтесь, какъ ядовитой ехидны; ибо, какъ только они объ этихъ листахъ и о намѣреніи войска Запорожскаго провѣдаютъ и извѣстятъ о томъ Ляховъ, лживыхъ пановъ своихъ, то наши военные интересы тотъ-часъ пострадаютъ въ своихъ успѣхахъ и придутъ [чего не дай Боже] къ вредному концу, а васъ постигнутъ жестокія мученія отъ Ляховъ, на допросахъ объ этихъ листахъ. Ибо и Кумейская война съ Ляхами, не по чему иному, какъ только по простотѣ и неосторожности братьи нашей, живущей въ своихъ домахъ, навлекла, хотя и не великое, безчестіе и безславіе войску Запорожскому; такъ какъ подобные симъ нашимъ листы тогдашняго гетмана Запорожскаго, пущенные въ Малороссійскій народъ, вскорѣ попали, мимо своего назначенія, въ руки реестровымъ козакамъ, а отъ нихъ Ляхамъ, и они, узнавъ ихъ содержаніе, постигли вполнѣ, какъ предупредить угрожаю-

---

бра упадаючой отчизні своей Малороссійской желаючими. А козаковъ реестровихъ, отродковъ и отщепенцовъ нашихъ, для власнихъ іхъ користей и приватъ своіхъ, о упадокъ отчизни недбаючихъ, яко ядовитой ехидни стережітеся и крийтеся; бо, скоро би тілько они о сіхъ листахъ и о наміренні Войска Запорожского провідали и Лехамъ, обманчливимъ панамъ своімъ, о томъ извістили, то заразъ би интереса наши военние мусили въ своіхъ прогресахъ шванковати и до непомисльнихъ [чого не дай Боже] скутковъ приходити; а вамъ би окрутние напеслися мордерства отъ Ляховъ, о сіхъ листахъ нашихъ допитуючихся. Гди жъ и Кумейская война зъ ними, Ляхами, отправленная не для чого иного, только для простоти и неосторожності братті нашой, въ домахъ своіхъ жиючой, наволокла, хочай не великое, войску Запорожскому безчестіе и неславу, же листи тогдашного гетмана Запорожского, въ народъ Малороссійский посланние, сімъ листамъ нашимъ подобние, вскорі неналежне досталися рукамъ козаковъ реестровихъ, а отъ іхъ Ляхамъ, которихъ они силу зрозумівши, научилися совершенно, якъ запобігти наступаючому злу свое-

щую имъ бѣду и какъ сдѣлать отпоръ предпріятію войска Запорожскаго. И потому мы убѣдительно и горячо просимъ и совѣтуемъ вамъ приготовляться къ наступающей войнѣ, а отъ козаковъ реестровыхъ, враговъ своихъ и истинныхъ губителей нашего отечества, все то, что̀ тутъ изложено, какъ отъ злой искры, беречься. Уповайте на милость Божію, покаравшую и помиловать насъ, грѣшныхъ, готовую. Чего всеусердно желая, надѣемся васъ, братіи нашихъ, вскорѣ видѣть и привѣтствовать на Украйнѣ, здоровыхъ и радостныхъ.

Данъ изъ стана войска Низового Запорожскаго отъ Базавлука, отъ Рождества Господня 1638 года, марта 20.

Остря́нинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою.

му и який учинити встрентъ импрезі войска Запорожского. И повто̀ре тѐди пильно и горячо жадаемъ и совітуемъ до войни насту̀паючой прибіратися, а козаковъ реестровихъ, недруговъ своіхъ и згубцовъ отчизни нашой власнихъ, зъ тимъ всімъ, що̀ ся тутъ виразило, яко искри злой, стерегтися И уповайте несумінно на милость Божію, покаравшую и помиловати насъ, грішнихъ, готовую; чого всеусердно жи̇чачи, желаемъ васъ, братью нашу, здоровихъ и радостнихъ, въ совокупленні зъ собою вскорі на Украіні оглядати и вита̀ти.

Данъ зъ табору войска Низового Запорожского, отъ Базувлука, року отъ Рождества Христова 1638, марта 20.

Остра́нинъ, гетманъ войска Запорожскаго, рукою. (M. B. Z.)

ЗАМѢЧАНІЯ М. А. ГРАБОВСКАГО.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя эти замѣчанія на судъ Русской публики, считаю нужнымъ сказать, что они были высказаны мнѣ г-мъ Грабовскимъ сперва изустно, послѣ совмѣстнаго нашего чтенія приложеннаго здѣсь универсала гетмана Остряницы. Взглядъ на него Поляка и католика заинтересовалъ живѣйшимъ образомъ потомка козацкаго. Между понятіями XVII и XIX вѣка большая разница; тѣмъ не менѣе, однакожъ, каждый изъ насъ ведетъ преемство мысли и чувства отъ своихъ предшественниковъ. Вражда между двумя племенами кончилась; самыя причины вражды, въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, давно не существуютъ. Мы бесѣдуемъ теперь мирно о кровавыхъ дѣлахъ нашихъ предковъ, и единственное побужденіе нашихъ споровъ (если они иногда возникаютъ), есть желаніе уразумѣть истину. Чтобъ уразумѣть ее, мы должны терпѣливо и съ глубокимъ вниманіемъ выслушивать чужія мнѣнія, какъ бы они ни были противоположны нашимъ. Съ этой цѣлью помѣщаю, безъ всякихъ исключеній, сужденія Польскаго критика нашей старины, изложенныя имъ, по моей просьбѣ, на бумагѣ и переведенныя мною для Русскихъ читателей. Въ чемъ я съ нимъ не согласенъ, о томъ сказано ниже, въ особой статьѣ; а судить, кто изъ насъ ближе къ истинѣ, предоставляется просвѣщеннымъ людямъ обѣихъ націй.

Документъ этотъ (говоритъ г. Грабовскій объ универсалѣ гетмана Остряницы) до сихъ поръ оставался вовсе неизвѣстнымъ. Онъ написанъ за десятъ лѣтъ до знаменитаго универсала Хмѣльницкаго, которому послужилъ образцомъ, будучи, въ свою очередь, составленъ по образцу прежнихъ прокламацій. Изъ него мы видимъ, что причиною народнаго возстанія въ Украйнѣ, подъ предводительствомъ Остряницы, или лучше сказать — искрою вспышки козацкаго возмущенія, послужила частная обида, такъ точно какъ и въ великомъ возстаніи, которое поднялъ потомъ Хмѣльницкій. Тиранство, претерпѣнное отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, изложено въ этомъ универсалѣ очень подробно и характеризуетъ тогдашнихъ Поляковъ и Малороссіянъ. Дѣйствительно ли было поступлено съ Остряницами такъ безчеловѣчно? въ этомъ удостовѣряютъ насъ языкъ и подробности изложенія: все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры; не возможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки. Но еслибы мы и усомнились въ его подлинности, то самый порядокъ вещей во времена Остряницы, извѣстный намъ изъ разнородныхъ источниковъ, заставилъ бы насъ признать его несомнѣннымъ. Буйство и безурядица военнаго сословія въ старой Польшѣ, къ несчастью, слишкомъ хорошо намъ памятны. Постои Польскихъ *жолнѣровъ* въ городахъ и селахъ сопровождались всегда величайшимъ самоуправствомъ, драками и угнетеніемъ жителей. Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ и въ памятникахъ литературныхъ, а всего болѣе въ постоянныхъ взываніяхъ войсковыхъ и гражданскихъ проповѣдниковъ, которые гремѣли противъ преступленій, увѣщевали жолнѣровъ образумиться, грозили Божескою карою, которая именно за то можетъ поразить все королевство, и изображали ее съ такой опредѣленностью, въ такихъ вѣрныхъ послѣдовавшимъ событіямъ чертахъ, какъбудто исполнены были пророческаго духа. Подобныя обиды и притѣсненія военные люди дѣлали мирнымъ жителямъ по всей Польшѣ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на Украйнѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть, еще и хуже того.

Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной. населенной народомъ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ, Польскій жолнѣръ, безъ сомнѣнія, становился еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ, а его насилія здѣсь тѣмъ сильнѣе ожесточали жителей, что сравнительно богатый, вольный и почетный въ своемъ обществѣ Украинецъ переносилъ ихъ съ меньшимъ терпѣніемъ, нежели совершенно подавленый *пахо́локъ* Польскій. Русинъ, поселившійся на *крулевщинѣ* (землѣ королевской, казенной), или живущій въ собственномъ хуторѣ, имѣвшій сына, или брата въ реестровомъ козацкомъ, или Запорожскомъ войскѣ и потому самому считавшій себя уже не простымъ человѣкомъ, но родовымъ козакомъ, *шляхетно* (благородно) *урожденнымъ*, или *хоро́шого ро́ду*, какъ до сихъ поръ величаютъ себя иные изъ Малороссійскихъ простолюдиновъ, — смотрѣлъ на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ отъ жолнѣра, или даже отъ начальника жолнѣровъ, какъ на оскорбленія отъ равнаго равному, какъ на вопіющую несправедливость, и сопротивлялся всякому насилію до тѣхъ поръ, пока видѣлъ какую-нибудь къ тому возможность. Съ своей стороны Польскій жолнѣръ, не признавая въ самомъ почетномъ и заслуженомъ козакѣ шляхетскаго достоинства, которымъ самъ онъ гордился, упорно стоялъ на томъ, что всякой козакъ есть *хлопъ* (мужикъ), называлъ предъявленіе съ его стороны правъ своихъ наглостью, оскорблялся, сердился и, если былъ въ душѣ негодяй, или, какъ случалось чаще всего, пьяница и буянъ, то позволялъ себѣ съ нимъ самыя низкія жестокости. Такъ именно поступилъ Геродовскій съ семействомъ Остряницы, и я тѣмъ менѣе расположенъ оспаривать возможность подобныхъ насилій и сумасбродствъ жолнѣрскихъ, что они всего болѣе объясняютъ мнѣ роковую вспышку вражды между Украйной и Польшей при Хмѣльницкомъ.

Въ универсалѣ своемъ, Остряница всего больше распространился о тяжести *консистенціи* Ляховъ, то есть постоевъ коронныхъ войскъ въ Украйнѣ. То же самое выражается въ оригинальныхъ современныхъ лѣтописяхъ, въ разныхъ другихъ памятни-

кахъ тогдашняго времени и въ народныхъ преданіяхъ. Но позднѣйшія, такъ называемыя ученыя исторіи Польско-козацкихъ воіінъ, не только Великорусскія и Малороссіііскія, но и Польскія [которыя въ нелѣпостяхъ и поверхностности не уступаютъ никакимъ другимъ], изображаютъ этотъ фактъ въ неясныхъ, сбивчивыхъ чертахъ и, разсказывая даже дѣйствительныя событія, придаютъ имъ иное значеніе. Говоря въ общихъ выраженіяхъ о Польскомъ игѣ, о гнетущемъ господствѣ Поляковъ на Украіінѣ, они наводятъ на мысль, что будто-бы Украйну угнетало Польское правительство, или по крайней мѣрѣ владѣльцы Украинскихъ имѣній. Что̀ касается до правительства, то смѣло можно сказать, что преднамѣренноі идеи угнетенія Украйны оно никогда не имѣло и имѣть не могло. Оставляя въ сторонѣ вопросъ: какъ надобно понимать самыя слова *Польское правительство*, когда говорится о политическомъ тѣлѣ, называвшемся Рѣчью Посполитою Польскою? скажу только, что — чѣмъ бы его ни воображали — оно смотрѣло на Украйну, какъ на другія свои провинціи, и, не дѣлая никакой между ними разницы, поступало, относительно ея, на основаніи общаго всему королевству законоположенія. Что̀ же касается до угнетенія народа отъ владѣльцевъ имѣній, то этого никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ по современнымъ нашимъ понятіямъ объ угнетеніи. Все въ тѣ времена было иначе, нежели теперь въ Малороссіи. Украинскія деревушки находились тогда совершенно въ иныхъ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, нежели нынѣшнія села къ помѣщикамъ. Сельское хозяйство, въ смыслѣ извлеченія разнообразныхъ доходовъ, далеко не достигло еще тогда современнаго намъ развитія; да и не для чего было тогда панамъ принуждать народъ къ тяжкимъ трудамъ, такъ какъ потребности ихъ — говоря вообще — ограничивались домашнимъ избыткомъ, а вкусъ въ одеждѣ и въ устройствѣ домовъ былъ очень постояненъ. Если кому угодно удостовѣриться въ этомъ изъ документовъ, то достаточно указать на инвентари XV и XVI столѣтій. Не утверждаю, чтобы и въ тѣ времена не было поводовъ къ жалобамъ, и къ жалобамъ справедли-

вымъ. Попадался конечно въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ строгій *дѣдичъ*; попадался любитель иноземной роскоши, обременявшій своихъ »подданныхъ« непомѣрными налогами за предоставленную имъ землю (1); попадался управитель, обиравшій и притѣснявшій поселянъ; въ-слѣдъ за шляхтой, вторгались въ Украйну Жиды, обманывавшіе мужика, указывавшіе шляхтичу источникъ доходовъ неправый, или для народа обременительный. Но все это не составляло еще того, что̀ можно было бы назвать систематическимъ повсемѣстнымъ *угнетеніемъ*. Смѣю сказать утвердительно, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, быть не могло. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать добра, которое сдѣлали Украйнѣ Поляки. Литвины прогнали изъ этой страны Татаръ; Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили. Изъ несомнѣнныхъ мѣстныхъ документовъ можно удостовѣриться каждому, до какой степени онѣ были безлюдны въ близкое къ Гедимину время. Король Александръ, король Казимиръ Ягеллонъ жаловали иногда какому-нибудь князю, или рыцарю, здѣшнія земли въ границахъ отъ Синюхи до Ты́кича и отъ Роси до устья Тя́смина, и на нихъ всего только двоихъ, троихъ подданныхъ. Прошло сто, или полтораста лѣтъ, и Украйна дѣлается страною многолюдною. Самыя войны Хмѣльницкаго свидѣтельствуютъ о чрезвычайной ея населенности. Очевидно, что эти войны могли вспыхивать только въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ богатъ, можно даже сказать свободенъ, и раздраженъ только такими единичными, или мѣстными обидами, о какихъ мы только-что говорили.

(1) Къ этому факту относится воспоминаніе козацкаго проповѣдника XVII вѣка, который говоритъ: »... що рокъ, що и́ншиі (подати) змисляли и видирали, не пораховавшися зъ сумнініемъ: если его посадилъ на таковимъ грунті и жеби мілъ чимъ виплачовати таковие пода́тки? А хочай-би грунтъ бувъ и найліпший, хто наспори́тъ на фу́хи его Влоские? которий ба́рзій приправляетъ потра́ви, ніже́ли князь Гданский; которий ліпше хочетъ цорку (дочь) свою упстри́ти (изпестрить) и устроіти (нарядить), ніже́ли видівъ ве Вло́шехъ!« См. ***Южнорусскія Лѣтописи,*** изд. Н. Бѣлозерскимъ, стр. 154.

Обиды эти всего больше происходили отъ жолнѣрскаго сумасбродства и самоуправства. Современные письменные памятники указываютъ на это самымъ выразительнымъ образомъ, и я ужъ сказалъ, что, въ моихъ глазахъ, ничто̀ тому не противорѣчитъ. Необузданность жолнѣровъ, буйство шляхты и всеобщая страсть къ попойкамъ должны были дѣлать постои войскъ на Украйнѣ очень тягостными; но, кромѣ наглости и грабительства, важную роль должно̀ было играть здѣсь еще распутство постояльцевъ. Вспомнимъ думу о Бѣлоцерковскомъ мирѣ [1], въ которой *Ляхъ, мостйвий панъ,* овладѣваетъ козацкою женою. Это вѣрная живопись съ натуры; и такихъ продѣлокъ, такихъ соблазновъ и насилій въ этомъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, слишкомъ много; а что̀ могло больше этого раздражать Украинцевъ? Въ другихъ частяхъ королевства подобныя оскорбленія со стороны военныхъ людей, наносимыя безоружному обывателю, сносились терпѣливо, или по крайней мѣрѣ оставались безъ кровавыхъ послѣдствій. Но Украйна не была страною безоружною, и виновные неизбѣжно подвергались здѣсь скорому и вѣрному мщенію. Украинскій народъ имѣлъ свое родное войско — на Запорожьи. Каждая претерпѣнная имъ обида отзывалась въ сердцахъ Запорожскихъ *бра́тчиковъ;* каждая справедливая, или преувеличенная жалоба, достигнувъ Низовыхъ степей и луговъ, принималась тамъ съ вѣрою и возбуждала негодованіе. Всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю частныхъ обидъ, нанесенныхъ Хмѣльницкому Польскими урядниками. Теперь универсалъ Остряницы представляетъ намъ новый и убѣдительный примѣръ, какъ частное тиранство какого-то буяна Геродовскаго навлекло мщеніе степныхъ рыцарей на всю Рѣчь Посполитую. Умы были раздражены жолнѣрами и другими буйными лицами. Украинцамъ казалось, что и подъ солнцемъ не было другой страны, въ которой бы совершались подобныя жестокости. Не доставало только отважныхъ предводителей для возстанія, и лишь только являлся

---

[1] См. т. I, стр. 51, «Записокъ о Южн. Руси».

между ними человѣкъ надежный и рѣшительный, возстаніе вспыхивало, какъ порохъ отъ искры.

Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ дѣйствительныхъ поводовъ къ разрыву между Южною Русью и Рѣчью Посполитою. Кромѣ Запорожцевъ, въ Украйнѣ существовало другое народное, почти регулярное войско: *козаки реестровые*, или иначе—*городовые козаки*. Вспомнимъ, что Остряница говоритъ о нихъ, какъ объ отступникахъ родины, которые, ради частныхъ корыстныхъ видовъ своихъ, потакаютъ Ляхамъ въ притѣсненіи соотечественниковъ. Возбуждая Украйну къ возстанію, онъ не дѣлаетъ и попытки къ возмущенію реестровыхъ козаковъ. Они стояли еще крѣпко за Поляковъ. Хмѣльницкій съумѣлъ поколебать ихъ убѣжденія, и этимъ объясняется неудача одного и торжество другого; но изъ этого такъ-же видно, что реестровые козаки не могли долго оставаться на сторонѣ Поляковъ: поворотъ ихъ противъ Поляковъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Стефанъ Баторій создалъ, или по крайней мѣрѣ организовалъ козацкое войско. Всѣ его за то хвалили, и справедливо; ибо велика была мысль— защитить боевымъ народомъ восточныя границы государства: но исполненіе этой мысли, вмѣстѣ съ пользою, вело и къ великой опасности. Въ наше время гражданскаго порядка и спокойствія можно устроивать, не опасаясь вредныхъ послѣдствій, военныя поселенія, какъ въ Россіи, и пограничные полки, какъ въ Австріи; но въ тѣ времена порядокъ вещей былъ иной. Всюду, и особливо у козаковъ, духъ былъ еще неукрощенъ и бурливъ. Козаки образовались изъ самовольныхъ наѣздниковъ на бусурманскія земли и, будучи призваны правительствомъ къ отраженію невѣрныхъ отъ Польскихъ границъ, считали себя посвящеными на вѣчную войну съ Татарами и Турками, на войну вездѣ и во всякое время. Поэтому, въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею. А надобно помнить, что тогдашняя Турція была не то, что она теперь, и великимъ было безразсудствомъ задѣвать ее

Польшѣ безъ причины, или въ неблагопріятную пору. Вспомнимъ, что все Христіянство трепетало тогда предъ полумѣсяцемъ и что онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ не только Вѣну, но едва ли и не всю Италію. Польша, передовое укрѣпленіе Христіянства, должна была стоять на своемъ постѣ съ сердцемъ безстрашнымъ, но и съ напряженнымъ вниманіемъ; и потому козацкое *лицáрство* не одинъ разъ приводило Рѣчь Посполитую въ большое затрудненіе. Отважное *отамáнье* и беззаботное *товарúство* помышляло только о томъ, чтобы разгуливать въ степи и разносить по всему свѣту козацкую славу, а весь Польскій народъ долженъ былъ отвѣчать за это. Козацкіе набѣги сухимъ путемъ, или водою доставлявшіе козакамъ добычу и потѣху, а бандуристамъ новые предметы для думъ, вызывали взаимное вторженіе въ Польскія земли Татарскихъ ордъ, или влекли за собой настоящую войну съ Оттоманскою Портою. Правительство принуждено было, поэтому, умѣрять военный жаръ козаковъ и принимать мѣры, чтобы корпорація, созданная Баторіемъ для обороны государства, не обратилась на его пагубу; а эти мѣры казались козакамъ произвольнымъ гоненіемъ. Степные рыцари не вдавались въ политическія разсужденія и не понимали, или не хотѣли понимать, поступковъ Польскаго правительства. Они не обинуясь называли эти поступки нарушеніемъ своихъ правъ, обидами и угнетеніемъ. Весьма естественно, что назначаемые Поляками гетманы и полковники изъ шляхты обращались съ козаками черезъ-чуръ строго, самовластно, надменно [на это есть жалобы въ современныхъ памятникахъ]; но то были уже случайности, отъ правительства независѣвшія. Люди во всякое, самое святое дѣло вносятъ свои страсти и недостатки. Лишь только начались столкновенія между собой противоположныхъ стремленій и намѣреній, лишь только дошло до необходимости обуздывать и ограничивать свободу козаковъ, что̀ они объясняли себѣ только правомъ сильнаго; то и взаимныя между обѣими сторонами отношенія естественно дѣлались всё болѣе и болѣе непріязненными; а дѣйствующія лица съ обѣихъ сторонъ, пустивъ въ ходъ свои личныя по-

бужденія и чувства, довели ту и другую сторону до послѣдняго ожесточенія.

Итакъ, во времена Остряницы, козацкое войско было недовольно правительствомъ, а народъ сносилъ съ величайшимъ негодованіемъ постои Польскихъ хоругвей въ городахъ и селахъ Украинскихъ. Вообразивъ себя въ положеніи тогдашняго козачества и народа, мы вполнѣ поймемъ, что они легко могли возстать противъ Польши; но мы обязаны имѣть такое же сочувствіе и къ другой сторонѣ, мы обязаны уразумѣть побужденія Польскаго правительства и не взводить на него преступленій, которыхъ оно не дѣлало. Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду : почему знаменитые Южно-Русскіе патріоты, какъ Острожскій, Вишневецкій, Кисѣль, и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частью родовое Русское и православное, или »благочестивое«, держали сторону Поляковъ? Что̀ ни говори, а Украинскія смуты были не что̀ иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война. Неужели между Украйной и Польшей не было никакой разумной внутренной связи? Провидѣніе не отдѣлило родовъ другъ отъ друга опредѣленными границами, и гдѣ та земля, на которую кто-нибудь предъявитъ въ наше время *право перваго займа?* Видно, для самого счастья людей, необходимо имъ существовать въ связяхъ политическихъ и въ связяхъ одного рода съ другимъ; и, такъ какъ мы признаемъ за другими политическими системами право держать въ соединеніи разноплеменныя части государства, то надобно признать и право господства Польши надъ Украйной. Это господство не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны Польши не завоеваніемъ, не порабощеніемъ, а, напротивъ, *освобожденіемъ* этой земли. Отнятыя у Азіятскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни Поляки мало-помалу населили, упрочивъ безопасность Русичей, остававшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байра́кахъ, и заохотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину. Да-

же первоначальный раздѣлъ поземельной собственности, сопровождаемый въ другихъ странахъ (напримѣръ въ Англіи) вопіющею несправедливостью, здѣсь не былъ запечатлѣнъ ничьей потерею; ибо кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья **Южно-Русскіе**, дворянство **Южно-Русское**, возвратившіеся изъ скрытныхъ и отдаленныхъ мѣстъ, куда загнали ихъ Татары. Если же владѣли Поляки, то имъ доставались отъ Литовскихъ князей и Польскихъ королей, естественныхъ господъ безлюдныхъ пустынь, земли *незаселенныя*, и доставались не иначе, какъ съ опредѣлительно выраженною [и въ-послѣдствіи выполненною] обязанностію *заселить* ихъ. Противъ этого сказать нечего, ибо доказательства на лицо, хотя Великорусскіе, Малороссійскіе и вѣчно наравнѣ съ ними Польскіе историки, въ своихъ сочиненіяхъ, представляютъ Польскую шляхту какими-то бродягами. Всѣ они описываютъ съ какимъ-то восхищеніемъ изгнаніе Ляховъ изъ Украйны, какъ-будто Украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, чтò еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая козаками къ возстанію чернь, въ-слѣдъ за ненавистными ей жолнѣрами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ, ***Ляхами, Недоляшками*** и ***ополячившимися панами*** были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было чтò заграбить. Естественно послѣ этого, что вся Польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ Южно-Русскихъ провинцій и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмѣльницкаго взбунтовавшимися мужиками. Я не вступаюсь ни сколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія, но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны. При тогдашнемъ порядкѣ вещей, разрывъ между Польшей и Южной Русью былъ неизбѣженъ; понесенныя, или, лучше сказать, почувствованныя козаками обиды, вмѣстѣ съ дру-

гими, возбужденными въ нихъ до энтузіазма, страстями, должны были произвести возстаніе; но какъ козаки не обличили Поляковъ въ посягательствѣ на дѣйствительныя права свои. такъ точно не признавали за ними никакихъ правъ и заслугъ относительно своей родины. Мы должны стоять выше козацкой логики и видѣть въ представителяхъ Польско-Русскаго дворянства людей, по крайней мѣрѣ съ такою же долею врожденной правдивости и здраваго смысла, какую приписывали себѣ козаки.

Къ сожалѣнію, Польско-Украинская исторія до сихъ поръ не отличается ни безпристрастіемъ, ни точнымъ знаніемъ трактуемаго предмета. Я ужъ сказалъ, что господство Польши надъ Украйной было справедливымъ; теперь прибавлю — чего никто до меня не произносилъ — что оно было *благотворнымъ*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украйны до Хмѣльницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ слишкомъ убѣдительно. Политическое господство всегда чѣмъ-нибудь оправдывается, но чего ничтò и никогда не оправдываетъ, такъ это посягательство на какую бы то ни было народность, на какія бы то ни было обычаи, языкъ и внутреннюю жизнь народа. Смѣло можно сказать, что Поляки не дали никакого повода обвинять себя въ такомъ посягательствѣ. Польскіе законы извѣстны и доступны каждому : никто не найдетъ въ нихъ никакого, даже и отдаленнаго намѣренія подавить Южно-Русскую народность. Духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ, единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ духъ терпимости и какой-то великодушной гордости, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь чтò-нибудь, но заставляла еще придавать что-нибудь отъ себя, и это всего яснѣе выражается въ добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею. Вліяніе Поляковъ на первоначальное образованіе Запорожскаго братства [на чтò есть много указаній] и устройство потомъ козацкаго ополченія [фактъ, давно ужъ признанный исторіею] доказываютъ, что Поляки даже слишкомъ неблагоразумно были спокойны на счетъ развитія самостоя-

тельной Украинской народности. А Малороссійскіе этнографы могли бы представить и другія доказательства. Они безпрестанно открываютъ прекраснѣйшія проявленія Южно-Русскаго духа въ народныхъ понятіяхъ, въ пѣсняхъ и обычаяхъ, хотя и смѣшанныя съ *Польщи́зною,* но такъ мирно, такъ гармонически, что эти проявленія почти столь же дороги для Поляка, какъ и для Малороссіянина. Такое развитіе духовной жизни въ Южной Руси не иначе могло совершиться, какъ подъ вліяніемъ любви и свободы.

Итакъ не правительство Польское виновато въ ожесточеніи Украинцевъ противъ Поляковъ и въ разрывѣ между двумя народами. Первымъ поводомъ къ тому было безчинство жолнѣровъ; но уничтожить этого безчинства не было въ то время никакой возможности: оно было такимъ же бѣдствіемъ во внутреннихъ провинціяхъ королевства, какъ и на пограничьяхъ. Вторымъ — были строгія мѣры къ обузданію козаковъ; но правительство было вынуждено къ нимъ политическою необходимостью. Раздраженный тѣмъ и другимъ, Украинскій народъ видѣлъ со стороны правительства притѣненіе и насиліе во всемъ, что̀ отъ него ни исходило. Такое именно значеніе придалъ онъ и его желанію соединить Южно-Русскую Церковь съ Римскою. Эту несчастную *унію* предали проклятію и Малороссіяне, и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго и разсмотрѣнія. Я не могу здѣсь о ней распространиться, ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею уніи было *устройство іерархіи,* а не *перемѣна вѣроисповѣданія*. Но, принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа, и какъ она появилась въ самую пору несогласія убѣжденій и раздраженія страстей, то естественно доставила новое, сильное побужденіе къ разрыву между Поляками и Русинами. Она служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятіяхъ предпринимаемое возстаніе. Самъ Остряница, въ возмутительномъ своемъ универсалѣ, упоминаетъ о ней въ общихъ выраженіяхъ, не приводя никакихъ фактовъ, ко-

торые бы, въ глазахъ народа, были такими вопіющими событіями, какъ тиранство Городовскаго, или ему подобныхъ пьяницъ и негодяевъ надъ козацкимъ семействомъ; а между тѣтъ говоритъ, что это самое нестерпимое притѣсненіе со стороны отступниковъ, еретиковъ и непріятелей народныхъ, Ляховъ. (1)

Вотъ нѣсколько мыслей о Польско-Украинской старинѣ нашей, возникнувшихъ у меня по прочтеніи универсала Остряницы. Онѣ давно уже образовались въ умѣ моемъ изъ другихъ историческихъ источниковъ; открытіе этого новаго для всѣхъ насъ документа только ихъ подтвердило.

---

(1) »А щò *найбольша* (а что всего важнѣе), же и хвала Божія въ церквахъ православнихъ нашихъ.... отъ сіхъ же неприятелей нашихъ, отщепéнцовъ и геретиковъ Ляховъ, хощетъ и усилóвуется премінити и до заблужденія Римского на унію обернути и гвалтовне преклонити; чого уже и певние по нѣкоторихъ городахъ Украінскихъ суть знаки и документа.«

ЗАМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ.

Польскій критикъ нашего прошедшаго имѣетъ, въ моихъ глазахъ, особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ внѣ нашего круга понятій и дошелъ до уразумѣнія исторической истины путемъ, противоположнымъ нашему. Все, что онъ говоритъ о Польско-Украинской старинѣ, освѣщаетъ для насъ — или по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки — давно исчезнувшую жизнь съ новой стороны и чрезъ то даетъ намъ возможность взглянуть на нее съ свѣжимъ, оживленнымъ вниманіемъ. Но, вглядѣвшись въ совокупность явленій Польско-Украинской исторіи, мы увидимъ, что, излагая свои мысли, почтенный авторъ содержалъ въ умѣ своемъ не всѣ условія общественной жизни Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Отъ-того раздраженіе умовъ Украинскаго простонародья противъ всего шляхетскаго, при богатствѣ края, при сравнительной незначительности работъ на помѣщика, не вполнѣ еще для насъ понятно. Отъ-того и самъ г. Грабовскій впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, говоря, что »для Украинцевъ *Ляхами, Недоля́шками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что̀ заграбить.«

Въ концѣ второй статьи этого тома »Записокъ о Южной Руси« (стр. 139—141) я высказалъ мысль о правѣ сильнаго, господствовавшемъ въ Польшѣ повсемѣстно, принятомъ и какъ-бы узаконенномъ повсемѣстно, и о равнодушномъ презрѣніи, съ которымъ смотрѣли Поляки на положеніе чернорабочаго сословія въ государствѣ и на его будущность. Порицая жолнѣрское самоуправ-

ство и безнаказанность шляхетскаго буйства, г. Грабовскій этимъ самымъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ о внутреннемъ порядкѣ дѣлъ въ старой Польшѣ. Онъ можетъ возразить, что шляхта была слишкомъ горда въ своей массѣ и не позволяла проявляться въ отношеніи къ себѣ праву сильнаго. Такъ, оно было сдерживаемо общественнымъ мнѣніемъ и готовностью каждаго обнажить саблю за нарушеніе шляхетскихъ правъ; но сама же шляхта, служа, по заведенному исконп обычаю, при дворахъ богатыхъ и знатныхъ собратій своихъ, помогала имъ приводить въ исполненіе самыя вопіющія посягательства на имущество сосѣдей, на мѣста, заслуженныя другими, и на самыя опредѣленія сеймовъ и сеймиковъ. Гордясь своимъ шляхетскимъ равенствомъ съ могущественнѣйшими магнатами въ государствѣ, она допускала ихъ захватывать въ свои руки обширнѣйшія помѣстья, на правахъ наслѣдственныхъ старо́ствъ и потомственныхъ пожалованій со стороны управляемаго ими короля. Духъ магнатской гордости сообщался тѣмъ, которые, будучи сами важными сановниками, служили у нихъ *при дворахъ* марша́лками, кравчими и т. п. Каждый въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу былъ тотъ же магнатъ въ отношеніи къ своимъ кліентамъ, презрительно-великодушный и повелительно-благосклонный; каждый держалъ открытый столъ для званныхъ и незванныхъ гостей, давалъ средства къ обогащенію болѣе мелкой шляхтѣ и готовъ былъ поднять домашнюю войну съ сосѣдомъ изъ-за малѣйшей неуступчивости въ дѣлѣ, или словѣ. Такая іерархія слугъ, которые преклонялись передъ надменными своими покровителями, льстили имъ и объѣдали ихъ, іерархія враговъ каждаго, кто осмѣлился посмотрѣть косо на *пана*, не имѣя на то іерархическаго права, нисходила до послѣдняго прислужника, носившаго при боку шляхетскую саблю (1), и наконецъ упиралась въ народъ, чуждый шляхетскихъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе

(1) Въ »Pamiętnikach Domowych«, изданныхъ М. Грабовскимъ, старосвѣтскій шляхтичъ Борейко говоритъ: »Надобно отдать справедливость панамъ, что они окружали себя только шляхтою, отъ самой высшей до самой низшей комнатной прислуги.« (Стр. 50.)

Хмѣльницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, отдѣлясь отъ собственнаго дворянства, то есть лишась сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой, въ тотъ же самый моментъ образовалъ у себя своеобразное правительство, съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-Русской, съ почтовымъ сообщеніемъ для разсылки административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ. Какъ бы мы ни объясняли себѣ это необыкновенное перерожденіе бунтливыхъ рабовъ въ единомысленное гражданское общество, но оно показываетъ присутствіе въ Малороссійскомъ народѣ высшихъ гражданскихъ понятій. И такой народъ отдѣленъ былъ въ Рѣчи Посполитой отъ шляхетской касты непреоборимою преградою общественнаго убѣжденія, названъ мужиками, обреченъ на услуги праздному, пьяному и драчливому сословію! Конечно, въ тотъ вѣкъ мудрено было понимать вещи, объяснившіяся для насъ многими событіями вѣковъ послѣдовавшихъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, причина великаго историческаго явленія существовала, и наконецъ обнаруживается для нашего разумѣнія. Итакъ, соглашаясь во многомъ съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на универсалъ Остряницы, прибавляю къ нимъ отъ себя: что въ Украинскомъ простонародьи, откуда бы ни воротилось оно въ опустошенную Татарами Южную Русь, изъ какихъ бы остатковъ стараго населенія и при какихъ бы благопріятныхъ вліяніяхъ оно ни размножилось, — въ необыкновенной степени было развито сознаніе своей человѣчности, — что шляхетное устройство Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію, и что тѣ причины возстанія, которыя такъ осязательно выставлены г. Грабовскимъ въ его статьѣ, были только случайными побужденіями къ проявленію этого сознанія. Двѣ совершенно противоположныя національности столкнулись на почвѣ, занятой Польскою полити-

ческою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали наконецъ другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстность. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у Поляковъ прослыли *Русскими патріотами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣньямъ на Украйнѣ!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи Посполитой Польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ Татарщины и — какъ мы вѣруемъ — не напрасному шагу Русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ статьѣ: »О взаимномъ ожесточеніи поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ«.

Примѣчаніе. За составленіе этихъ оправдательныхъ статей обязанъ я благодарностью извѣстному Польскому археологу Э. О. Руликовскому.

Къ стр. 309. ***Доказательства тому мы находимъ въ исторіи, въ судебныхъ актахъ***, и проч.

Дѣйствительно въ судебныхъ жалобахъ, въ современныхъ литературныхъ памятникахъ и въ рѣчахъ войсковыхъ проповѣдниковъ встрѣчается безконечное множество случаевъ, изъ которыхъ видно, какія притѣсненія, насилія и самоуправства терпѣли Украинцы отъ своихъ военныхъ постояльцевъ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ юридическихъ документовъ. Передъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, послѣ только-что подавленныхъ возмущеній Павлюка, Скидана и Острянпцы, кварцяное войско расположилось квартирами по Украйнѣ, съ цѣлью обуздывать своевольство козаковъ. Въ судебныхъ актахъ сохранились слѣды неоднократныхъ буйствъ и обременительныхъ для народа требованій, которыя позволяли себѣ эти постояльцы въ окрестностяхъ Черкасъ и Звенигородки. Но кромѣ кварцянаго войска, въ Кіевскомъ воеводствѣ квартировали наемныя роты (zaciężne roty) Самуила Лаща, стра́жника короннаго, которыя дѣлали еще несравненно больше самоуправствъ и насилій. Роты эти составлялись изъ разноообразнаго сброду Нѣмцевъ, Волоховъ, Татаръ и даже Волошскихъ Цыганъ и извѣстны были подъ общимъ названіемъ ***Лащовчиковъ***. Они такъ-же производили неслыханныя безчинства и драки по

всему краю. Отряды этого нестройнаго войска безпрестанно разъѣзжали по Украйнѣ, и каждый порознь грабилъ вездѣ, гдѣ могъ. Села, въ которыя являлись эти разбойники, дѣлались жертвою самыхъ возмутительныхъ притѣсненій, и судебные акты того времени наполнены жалобами на ихъ самовластіе. Что касается до самого Самуила Лаща, то онъ не только не обуздывалъ этихъ злодѣевъ, напротивъ, явно потакалъ имъ и подавалъ примѣръ собою. Это былъ извѣстный бандитъ своего времени, который кутилъ и разбойничалъ на-пропалую, пренебрегши всѣ гражданскія права и подавивъ въ себѣ всякій стыдъ передъ людьми. Онъ наѣзжалъ съ своей толпою на помѣщичьи села, прогонялъ владѣльцевъ и присвоивалъ себѣ ихъ имущество. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ большею частью мелкихъ имѣній въ Кіевскомъ повѣтѣ, а съ управителями людей сильныхъ, какъ-то: князей Вишневецкихъ, Корецкаго и Кіевскаго воеводы Тишкевича, велъ постоянную войну, насылая наѣзды на ихъ имѣнія, грабя и разоряя все, что попадало подъ руку его шайкамъ. Мало того: онъ не щадилъ даже личности своихъ жертвъ: кто ему противился, того онъ всячески мучилъ, обрѣзывалъ уши и носы, а женъ и дочерей шляхетскихъ похищалъ насильно и выдавалъ замужъ за своихъ подручниковъ. 236 разъ былъ онъ провозглашенъ бандитомъ и 37 разъ осужденъ на лишеніе правъ состоянія; но, не смотря на то, титуловался стражникомъ коронымъ и удерживалъ за собой болѣе десяти лѣтъ староства Каневское и Звенигородское, единственно потому, что его любилъ и покровительствовалъ гетманъ коронный Конецпольскій. Можно послѣ этого судить, какъ беззащитны были поселяне противъ насилій Лащовчиковъ. Современникъ Ерличъ, въ своей лѣтописи (Latopisiec, albo Kroniczka, str. 50), говоритъ, что народъ пересталъ ѣздить по дорогѣ въ Кіевъ, изъ страха нападеній и грабежа со стороны этихъ злодѣевъ и что она заросла травою и исчезла въ пустыхъ поляхъ. Изъ судебныхъ документовъ того времени мы видимъ такъ-же, что Самуилъ Лащъ въ 1644 году высылалъ наемныя роты изъ своего Звенигородскаго староства въ Бѣлоцерковщину, на грабежъ тамошнихъ мѣщанъ. Въ 1646 году какой-то Шпидеравскій, ротмистръ Самуила Лаща, идучи съ его хоругвью въ Звенигородское староство и остановясь ночевать въ Бѣлоцерковскомъ селѣ Шкаравкѣ, ограбилъ тамошняго попа и велѣлъ обрить ему бороду. Одно это злодѣйство частнаго лица, совершенное, безъ сомнѣнія, въ пьяномъ видѣ, недостойнѣйшимъ представителемъ правительственной власти

въ Украйнѣ, за годъ до возстанія Хмѣльницкаго, способно было возмутить противъ Поляковъ цѣлый околотокъ, который видѣлъ въ немъ посягательство на вѣру благочестивую и непростительное святотатство со стороны католиковъ, тогда какъ обиды, претерпѣнныя католическою шляхтою отъ Лаща, оставались незамѣченными народомъ, да и самими лѣтописцами Малороссійскими. Возьмемъ бумаги нѣсколько старѣе. Въ 1633 году мѣщане Сквирскіе жаловались на хоругвь Лаща, которая выбрала рыбу изъ ихъ прудовъ. Въ 1630 году панъ Немиричъ жаловался на пана Лаща, что его хоругвь брала съ мужиковъ въ Ивницѣ, безъ всякаго права, поборъ хлѣбомъ и фуражемъ. До какой степени раздраженъ былъ народъ Украинскій подобными насиліями, можно видѣть изъ одного того уже, что Хмѣльницкій не могъ забыть Лаща и въ 1649 году, послѣ своихъ блистательныхъ побѣдъ надъ коронными войсками. Онъ выговаривалъ съ запальчивостью Польскимъ посламъ въ Переяславѣ за то, что Конецпольскій отдалъ Украйну во власть Лащовчикамъ, »которые военныхъ людей обращали въ мужиковъ, грабили, вырывали имъ бороды и запрягали въ плуги.«

Но своевольство жолнѣровъ терзало не одну Украйну, а цѣлое королевство Польское. Въ современныхъ брошюрахъ и въ проповѣдяхъ войсковыхъ священниковъ католическихъ выражается такъ же, какъ и въ судебныхъ актахъ, безсиліе правительства надъ необузданностью военнаго сословія Рѣчи Посполитой. Въ старой брошюркѣ подъ заглавіемъ: »Zwrócenie Matyasza z Podola« (передъ 1620 годомъ) живыми красками изображены солдаты того времени, а именно:

Bardziéi my tam patrzyli, gdzie zawarte wrota,
Choćby to w mili było, to my przecież po nie.
Nie masz li w polu co wziąść, to my przecie do chałupy,
Weźmie się mięso, masło, grosz, kapusta, krupy,
Gęsi — to nasza własność, i kaczki, i kury,
Tylko co jedno chłopa nie odrzemy z skóry.
Nie ciężko pobanłować po chałupce wszędzie.
Najdą li się pieniążki — nasze szęście będzie,
Jesli gdzie dziewka gładka, ta się nie wyscidzi..... (¹)

(¹) Приложенія эти напечатаны для спеціалистовъ въ изученіи Польско-Украинской исторіи, которые безъ знанія Польскаго языка не могли бы сдѣ-

Славный войсковой проповѣдникъ Бирковскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, упрекая воиновъ въ развратѣ и необузданности страстей, и грозя гнѣвомъ Божіимъ, который долженъ поразить за то всю Рѣчь Посполитую, представляетъ намъ такое изображеніе тогдашняго жолнѣра: »Dziś służy żołnierz wojnę: idzie na wojnę — drze, łupi ubogie ludzie; z wojny wraca — pieniądze bierze, ani wie, jak mu one talary z garsci wyleciały; ledwie przyszły, a już ich niemasz. Idzie tedy jako zmyty ad pisarstwu skarbowych, i że niema nic w trzosie, patrzy kędyby szablą znowu chleba dostawał. Nie śmie do Tatar, ani do Turek, więc się puści do swoich; ci u niego się miasto pogańskich synów; miasto Tatar, nad tymy się pastwi, te zabija, gwałci, zdziera, plondruje«, etc.

Надобно здѣсь замѣтить, что войско такъ называемое *чужеземное* было самое необузданное въ Польшѣ. Эти наемные солдаты, эти *мохнатые кнехты* (knechty kudłate), какъ называетъ ихъ Старовольскій, эти драгуны на краденныхъ кобылахъ, были самыми страшными притѣснителями народа; а они-то всего больше и квартировали въ Украйнѣ.

Жалобы на самоуправства жолнѣровъ слышались отовсюду, такъ что на сеймѣ 1685 года постановленъ законъ, въ силу котораго учреждена была коммиссія для удовлетворенія просьбъ Волынскаго воеводства и Кіевскаго Полѣсья, гдѣ жолнѣры надѣлали множество грабежей, наѣздовъ и разнаго рода уголовныхъ преступленій. (Vol. Leg. 5-tum.)

Но эта необузданность Польскаго войска представляетъ слишкомъ близкое сходство съ безчинствами войскъ въ среднихъ вѣкахъ, на Западѣ. Во Франціи и въ Нѣмецкихъ земляхъ происходило то же самое. Такъ намъ извѣстно, что во Франціи въ 1356 — 1360 годахъ образовались было изъ иноземныхъ войскъ славныя Grandes Compagnes, которыя долго терзали Французскія провинціи своими наѣздами и грабежами. Вспомнимъ также о страшныхъ Routièrs, Brabançons, Coutereaux, Tardvenus, которые прославились не менѣе первыхъ своими грабежами, зажигательствами и разбоями, и о знаменитыхъ своими злодѣйствами Нѣмецкихъ солдатахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Vogelfreye Menschen.

Къ стр. 312. *Но все это не составляло еще того, что мож-*

лать ни шагу въ своей наукѣ; и потому переводить Польскія выписки изъ старинныхъ книгъ и бумагъ считаю дѣломъ излишнимъ. *Изд.*

но было бы назвать систематическимъ, повсемѣстнымъ угнетеніемъ.

Систематическаго угнетенія подданныхъ въ Рѣчи Посполитой Польской не было, и, если Грондскій, въ своей исторіи войнъ козацкихъ, писалъ о нихъ, то на его слова не слѣдуетъ вполнѣ полагаться. Извѣстна жизнь этого человѣка. Сперва онъ передался на сторону Шведовъ, потомъ присталъ къ Ракочію, и когда Ракочій не успѣлъ въ своемъ походѣ противъ Поляковъ, онъ, какъ измѣнникъ, бѣжалъ въ Седмиградію и тамъ написалъ исторію войнъ козацкихъ, наполнивъ ее множествомъ выдумокъ. Что не было въ тѣ времена угнетенія, происходящаго изъ владѣльческаго права, доказательствомъ тому служатъ хозяйственные инвентари, изъ которыхъ видно, что подданные платили всего только небольшой чиншъ землевладѣльцу. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ *люстраціи* города Гуляникъ (нынѣ село Мотовиловка, въ Кіевскомъ уѣздѣ) и другихъ владѣній, 1616 года: она дастъ намъ точное понятіе о повинностяхъ крестьянскихъ того времени на Украйнѣ.

»To miasto nowoosadzone na pustym gruncie i nowym korzeniu.... W tym miescie jest osiadłych domów więcej niż 300; było i dobrze więcej, ale na swawolę się rozeszło... Nie wysiedzieli jeszcze słobody wedle listu, ale do lat 7 siedzieć i wolności zażywać mają. A powinność ich będzie taka: możniejsi konno wsiadać z dobrym orężem pko nieprzyjacielowi przy swym dzierżawcy abo jego namiestniku, a ubożsi do parkanu z orężem. Czynszu po stałemu na on czas, gdy wysiedzą słobodę i będą bogatsi, powinni dawać. Puszkarze tylko do posługi i strzelby, a jeszcze im koszuły dawać. Do folwarku niemasz roboty żadnej, tylko co swemi pługami i swym kosztem zrobi się. Summa prowentu całego 160 zp.«

Вотъ еще люстрація мѣстечка Романовки, того же 1616 года:

»Miasteczko to roku przeszłego przez Tatary spustoszone. Jest w niem osiadłych ludzi numero 52. Czynsze przed spustoszeniem Tatarskim różne płacili. Tych, co dawali po groszy 10, jest 30; tych, co po groszy sześć, a niektórzy po groszy 4, ostatek. Ale teraz, dla spustoszenia przez Tatary, nie dają. Innych podatków nie dawali. Summa proventu 150 zp.«

»Wieś Czarnawka, do tegoż stwa należąca. W tej wsi osiadłych jest 30. Robią dzień jeden zimie, a lecie dwa w tydzień. Czynszu dają po groszy sześć — czyni złotych sześć. Owsa po cwierci valoris grossos quatuor czyli zł. 4. Summa prowentu wsi tej zp. 10.«

Къ стр. 312. *Поляки эти безлюдныя пустыни почти вновь населили.*

Послѣ того, какъ Татары вышли изъ Украйны, она представляла страшное безлюдье. Жители частію были истреблены, частію разбѣжались въ мѣста болѣе безопасныя. Плано Карпини, проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ и его окрестности, выражается такъ: »Вездѣ мало жителей; Монголы ихъ истребили, или увели въ неволю.« Но, по изгнаніи Татаръ, Польскіе короли начали дѣятельно заботиться о заселеніи этого края и довели бы его до цвѣтущаго состоянія, еслибы не столь частые Татарскіе набѣги, которые не позволяли Украинцамъ спокойно сидѣть на своихъ земляхъ. Татары нападали на нихъ безпрестанно, полонили народъ, жгли села, и все это дѣлалось по внушенію Порты, которая постоянно держалась той политики, чтобы окружать себя со всѣхъ сторонъ пустынями. Уже со временъ Витольда начались пожалованія Кіевскимъ обывателямъ на этомъ пограничьи *пустынь, пустошей, пустовщины,* урочищъ *пустыхъ* и селищъ. Въ правленіе князя Александра (Олелька) населеніе края начало особенно увеличиваться, потому что въ это время Татары были заняты войною въ Малой Азіи съ султаномъ Баязетомъ и перестали безпокоить Русскія области. Сохранилась интересная ревизія Житомирскаго за́мка, произведенная въ 1545 году Юріемъ Фальчевскимъ, епископомъ Луцкимъ, и Львомъ Поцѣемъ, въ царствованіе Сигизмунда Августа. Изъ нея видно, что городъ Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе короля Казимира, были довольно многолюдны, что *се́ла седили на своихъ се́лищахъ;* но Татары сдѣлали набѣгъ подъ предводительствомъ Менглигирея, и послѣ набѣга въ этомъ краю почти совсѣмъ не осталось жителей. Во время упомянутой ревизіи, по селамъ жителей не было, деревни оставались пустыми, поля лежали облогами, а всѣ поселяне, уцѣлѣвшіе отъ набѣга, укрылись въ укрѣпленномъ Житомирѣ и жили въ немъ, построивши себѣ *городни.* Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ той ревизіи, чтобы дать понятіе о ничтожной населенности края, который заключалъ въ себѣ нынѣшніе уѣзды Житомирскій, Бердичевскій, часть Сквирскаго и Радомысльскаго.

»....Иншіе се́лища держалъ въ головахъ наиперве́й именя материзные пана Ивана Горностая Дворно́го, подскарбія земского, и брата его милости пана Оникія Юлины.... *Людей ихъ милости въ мѣстѣ мѣшкаютъ десять человиковъ.* Панъ Василій Тишкевичъ, имене его Сло-

бодище, Бердичовъ, Рудники, Селцо, двои Чартолесы, Бернавка отчизна, а купленые имени Кодня и Озеране. Людей его, которые тутъ мешкали, пошли всѣ до слободищъ. — Панъ Кмитичъ Криштофъ, имене его выслужоное Коростышовъ за Александра короля отець его выслужилъ. *Людей его осмь человиковъ.* — Князь Дмитрій Любецкій держить имене пасынковъ своихъ, князей Сенскихъ, на имя Ставокъ. Выслужилъ дидъ его, панъ Полозъ на короли Александрѣ, *одинъ человикъ*. — Панъ Олизаръ Волчкевичъ; имени его Топорище а Волынци а Волосовъ; *людей его девять человиковъ*. — Панъ Герасим Андріевичъ; имени его Хотиничи, Колодієво, Ивановичи а Вильско отчизна и дедизна; *людей его пятнадцать человиковъ*. — Иванъ Стрибиль зъ братаничомъ Стецькомъ; имени ихъ Пилиповичи, отчизна, и купленое Студена Вода у Корчовскихъ, а закупное Старосельци у продка Корчовского, а другое закупленое зъ Теберинци; *Людей ихъ десять человиковъ.* — Грицько а Стецько Вороничъ; имени ихъ Трояновци, Мократичи отчизна, а купленое Грицково... у Макаровича, также повѣдаютъ отчизна, а выслужоное имене Грицьково жъ на Александре королю, на имя Крошня, отець его Ивашко Ворона выслужилъ, а другое имени Ловковъ, отець Стецьковъ Гневошъ выслужилъ на королю Александрѣ; *людей ихъ двадцать чотири человики.* — Есифъ Немиричъ, имене его Чернеховъ материзна по Скобейку; *людей его одинадцать человиковъ.* — Богданъ а Жданъ, Семенъ а Васько Презовскіе; имени ихъ отчизное Презовъ, а особливо имене выслужоное Богданово, што отець его Андрей выслужилъ, на имя Трибѣсовъ, а закупное имене матки Скоморохи; *людей ихъ два человики.* — Богданъ а Васько Корчевскіе и братаничъ ихъ Васько; имени ихъ Селцо а Корчовъ а Минийковичи, дядьковщина ихъ, держить въ застави Стрибиль; *людей ихъ четири человики.* — Нефедко Мошковичъ держить имене по жони, на имя Зезиловъ а Хамутовъ на Пяту, отчизна жоны его нижъ ты повидитъ, нижъ ти сѐлища панъ Василій Тишкевичъ въ него одимаетъ. — Сенко а Жданъ Шереніевскіе; сѐлища ихъ на имя Шереніево, отчизна; *Въ тихъ людей нитъ.* — Всихъ тихъ головъ пановъ и земянъ Житомирскихъ двадцать и два, а *сѐлищъ тридцать и девять, а людей ихъ всихъ сто и чотири человики, а кромѣ тихъ выжей мененихъ, иншихъ никого нитъ. И тие люде ихъ въ местѣ Житомирскомъ мешкають, а на сѐлищахъ не смиють передъ Татары жити....«*

Изъ всего этого видно, что въ 39 деревушкахъ считалось тогда только сто четыре жителя и что самыя деревушки были слишкомъ малочисленны, принимая во вниманіе огромное пространство, на которомъ онѣ были расположены. Отсюда такъ-же можно заключить, какъ ничтожна была первоначальная населенность этого края. Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Уманя? Онѣ были тогда въ полномъ смыслѣ слова *дикою степью* и *пустынею*.

Чтобъ показать безлюдность Украйны въ старыя времена и вмѣстѣ съ тѣмъ ея постепенное заселеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ Триполь Дыдку Трипольскому, и въ пожалованной грамотѣ сказано, что въ Триполѣ есть только »*7 человиковъ, и то недавнихъ.*« — Въ 1522 году Овручскій обыватель Федько Омеляновичъ Вешнякъ получилъ отъ короля Сигизмунда Перваго *пустовскую* землю въ Овручскомъ повѣтѣ и *пустое* дворище въ Овручѣ (fol. 185, § 15 Metr. Lit.) — Въ 1550 году король пожаловалъ Козаровичи Ельцу. Въ Козаровичахъ было тогда только двое подданныхъ, Бачило и Комина, которые платили медовую дань. — Въ 1554 году король Сигизмундъ Августъ далъ Өедору Тишѣ *пустовскія* земли, подъ названіемъ Ходорковъ и Крыве, Маникова и Таніевцы, и землю Козіевку, и при этой послѣдней *одного человика*, Остапка Котовича, съ братьями его Иваномъ и Жданомъ. (Изъ грамоты.) — Въ 1590, предоставлена королю свободная раздача *пустынь* за Бѣлою Церковью, а именно: монастырь Черехчинаровскій надъ Днѣпромъ, Барышполь съ селищемъ Иванковскимъ, городище Влодерецкое и къ тому сéлищу въ Зволозѣ Прузвицкомъ большая слобода надъ рѣкою Росью, Рокития надъ рѣкою Рокитнею особамъ тремъ, такъ-же Гороше и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ Московской. (Vol Leg. Konstytucya, fol. 588.) — 1609, пожалованіе *пустыни* Умани Валентію Александру Конецпольскому »за знатныя и кровавыя послуги« (Vol. Leg. 2-dum).

Къ стр. 314... *въ случаѣ войны, ничего не было для Поляковъ полезнѣе этого* (козацкаго) *ополченія; но оно было для нихъ крайне неудобно и тягостно во время мира съ сосѣдями, и именно съ Турціею.*

Походы Запорожцевъ по Черному морю, безпокоившіе и раздражавшіе Турцію, давали ей поводъ къ безпрестанному нарушенію мира съ

Рѣчью Посполитою и къ мстительнымъ вторженіямъ въ ея предѣлы. Страдала отъ этого Украйна, страдалъ и весь Польскій народъ. Правительствовавшія лица въ королевствѣ пытались отвратить эти бѣдствія — одни совершеннымъ уничтоженіемъ козаковъ, другія преобразованіемъ ихъ корпораціи, и на сеймахъ безпрестанно поднимались огромныя массы голосовъ съ предложеніемъ или уничтожить козаковъ, или удержать ихъ отъ произвольныхъ морскихъ походовъ. Конституціонныя книги наполнены повтореніемъ постановленій противъ ихъ дѣйствій, вредныхъ для общаго блага Рѣчи Посполитой Польской. Выписываемъ цѣлый рядъ такихъ постановленій:

»O swawoli Ukrainnej kozackiej, r. 1611. — O kozakach i ludziech swawolnych, r. 1615 (Vol. Leg. 3-um.) — O kozakach i zmniejszeniu ich, r. 1619. — Kommissja kozacka na zatrzymanie w porządku wojska Zaporozkiego, 1623. — Aprobacja ordynarji kozaków Zaporowskich, r. 1624. — Pohamowanie inkursij morskich od wojska Zaporozkiego, r. 1635. — Ordynacja wojska Zaparozkiego i rejestrowego, r. 1638 (Vol. Leg. 3-um.)

Уже Гурницкій, въ rozmowie o elekcji, сказалъ о козакахъ пророчески: »Ten Niż wielki kiedyś upadek Koronie przyniesie«, и, видно, изъ этого-то опасенія часто на сеймахъ поднимали вопросъ о козакахъ. Велико было бы большинство голосовъ противъ ихъ совершеннаго уничтоженія, еслибы въ тѣ времена всѣ не имѣли въ виду войны съ Турціею, войны въ большихъ размѣрахъ, которая должна была положить конецъ могуществу Османовъ. Къ ней готовились, какъ къ крестовому походу, называя ее sacrum bellum, и намѣревались поднять на Турокъ все населеніе Польской Рѣчи Посполитой. Не смотря на трудность и, можетъ быть, даже невозможность осуществить такую мысль, всѣ тогдашніе политики Польскіе были горячо ей преданы; а предвидя близкое начало войны, начали щадить козаковъ, которыхъ дознанное мужество могло играть въ ней не послѣднюю роль. Поэтому то Криштофъ Пальчевскій первый подалъ въ пользу козаковъ голосъ въ своей небольшой книжкѣ, подъ заглавіемъ: »O kozakach, jesli ich znieść, lub nie, discurs.« Kraków, 1618. Въ ней онъ доказываетъ, что козаки, будучи переднею стѣною Рѣчи Посполитой, нужны ей для отпора Турецкихъ силъ; но всё таки говоритъ, что надобно ихъ преобразовать кореннымъ образомъ, давая имъ гетмановъ и ротмистровъ по назначенію короля. То

же самое мнѣніе о козакахъ высказалъ и Симонъ Старовольскій, въ сочиненіи своемъ: »Pobudka albo rada na zniesienie Tatarów Perekops kich«, г. 1671.

Къ стр. 317... *Кто владѣлъ имѣніями въ Украйнѣ? князья Южно-Русскіе, дворянство Южно-Русское.*

Изъ ревизіи Житомира въ 1545 году мы уже видѣли, кто владѣлъ землями въ этомъ краю. Горностаи, Тишкевичи, Олизары, Трипольскіе, Проскуры, потомки Вороны и другіе дворяне Южно-Русскаго имени и Греко-Русскаго исповѣданія. Они-то заселили Украйну, по грамотамъ королей Польскихъ, жалованнымъ имъ за заслуги общему отечеству ихъ, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ. Были между Украинскими колонизаторами и родовые Поляки, то есть Поляки по фамильнымъ именамъ и по Римскому вѣроисповѣданію; но естественнно, что на опустошенныя земли старой Руси выходили изъ Польши (если не укрывались тутъ же въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ) всего больше потомки уроженцевъ Русской земли, заселяемой заботами Польскаго правительства; и такимъ образомъ Украинская почва, подъ владычествомъ Польши, принадлежала не иноземному племени, господствовавшему надъ простолюдинами, а самимъ туземцамъ.

Что касается до заботъ правительства заселить безлюдныя пустыни Южной Руси, то онѣ видны не изъ однихъ земскихъ юридическихъ актовъ, но такъ-же изъ современныхъ брошюръ и книгъ. Назовемъ нѣкоторыя: 1) »Droga pewna do prędszego i snadniejszego osadzenia w Ruskich krainach pustyú rycerswem królewstwa Polskiego«, 1590 г.; 2) Juzefa Wereszczyńskiego, biscupa Kijowskiego, »Sposob osady nowego Kijowa«, 1595 г; 3) Piotra Grabowskiego, »Polska Niżna, albo Osada Polska«, 1596 г; 4) Szymona Starowolskiego, »Votum o naprawie Rzplitej«, 1625 г.

КЪ ЗАПИСКѢ ТЕПЛОВА.

Примѣчаніе. Не имѣя подъ рукой Малороссійскихъ архивовъ для потвержденія выписками изъ подлинныхъ бумагъ того, что̀ сказано мною въ предисловіи къ »Запискѣ« Теплова и что̀ пишетъ самъ Тепловъ, я обратился съ просьбою къ молодому этнографу и археологу Южно-Русскому, Н. М. Бѣлозерскому, и онъ доставилъ мнѣ прилагаемыя здѣсь выписки, за которыя приношу ему искреннюю благодарность. Выписки, включенныя мною сюда изъ каталога архива Н. А. Маркевича, означены словами: *Арх. Марк.*

Универсалъ гетмана Мазепы, 1701. »Вамъ, пану полковникови наказному Лубенскому, сотникамъ и атаманѣ городовой и сѣлской полку того жъ симъ писанемъ нашимъ ознаймуемъ: ижъ дойшло намъ вѣдати, же многое число легкомыслного и непостоянного полку вашого Лубенского товариства, не чинячи своей повинности досить, и не хотячи на нинѣшной монаршой его царского пресвѣтлого величества службѣ зъ паномъ полковникомъ своимъ попрацовати и указы наши гетманскіе легце собѣ важачи, самоволне въ домахъ своихъ пооставалися. На которихъ легкомысликовъ и повеленія властителей своихъ преслушателей, яко не малую имѣемъ уразу и гнѣвъ нашъ, такъ посылаемъ отъ боку нашого умыслного посланного нашого пана Тимофѣя Радича, товариша войскового, зълецивши ему и приказавши, жебы тыхъ осталцовъ зревидовалъ и кождого именно въ реестръ написавши, вѣдати намъ донеслъ; а мы знатимемъ якое имъ за тое преслушаніе и самоволство наказаніе учинити. Зачимъ, приказуемъ вамъ, старшинѣ, подъ неласкою нашею и срокгимъ вой-

сковымъ каранемъ, абысте тыхъ осталцовъ, бынамнѣй не крiючи, нашимъ посланнымъ для учиненія скутечной ревизіи, обявляли. О тое и повторе пилно вамъ приказуемъ, и поручаемъ ихъ же въ сохраненіе Господу Богу.«

Изъ »Вѣчистой Книги« Стародубовского магистрата, 1712. Жители слободы Чубковичъ (въ полку Стародуб.), ставши на урядъ, объявили: »Ижъ що покойныкъ блаженной памяти, подъ часъ уряду своего полковничого, панъ Михайло Миклашевскій привлащилъ былъ и до своего окопу прівернулъ кгрунту ихъ ...... пахотныи до хуторца и речки Істровкы. Теды теперъ, яко поссесоровѣ покойного, его милости пану Андрею Миклашевскому, респектуючому нашой кривдѣ, той крунтъ въ окопѣ пахатномъ найдуючийся..... отвели, продали и поступили въ моцъ и вечистое держанне его мил.. пану Андрею Миклашевскому, малжонце и потомкомъ его на вѣчность, за сумму исполне до рукъ нашихъ одобранную, то есть за золотыхъ чотыриста грошей, личбы Литовской, монети доброй...«

Изъ протеста сотника Антипа Соколовскаго, 1712. »Будучи мни, Антипу Соколовському за певнимъ интересомъ у двори рейментарскомъ Баклáнськомъ, за староства Соболевського, первая мене споткала укоризна отъ Соболевського: »Щò ты таке и одкуль узявся, що »для тебе панъ гетьманъ Гудовича, зацного чоловика и заслужоного, зъ »сотницва вдаливъ и чести ёму на-вики спраздливъ для тебе самого! А »ти бъ знавъ, що ти кушнирськпй синъ. Да хиба для того, що въ герцювъ »служивъ, а въ виську бакъ ниrде не бувъ; такъ соби у гетьмана лопа- »тою сотництва заробивъ, що бувало копи пидгрибуешъ«...*Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральнаго асаула Бутовича (1718) товариству сотни Новомлинской, которое жаловалось на своего сотника Тишкевича за »утеменжене (угнетеніе), озлобленіе и безчестіе, що яко есть вельце праву давнему и волностямъ козацкимъ противно и погрѣшительно.« *Арх. Марк.*

Изъ универсала Скоропадскаго Ивану Бороздинѣ, 1718. Іосифъ Шидловскій, бывшій инспекторомъ сына вашего, котораго при-

дано исъ школъ Латинскихъ съ коллегіумъ Оршанскаго, плачліве намъ ускáржился (жаловался) на васъ, що вы.... за цилорочную прáцю около науки сына вашого и добрыхъ процеде́ровъ належной контрактомъ отъ васъ вымовленной платы, именно рублей десять грошей, Французского тонкого сукна локтій 5 на кунтушъ и луда́ну локтій 12 на жупанъ, не тилько ему не заплатилисте, але, хотячи забрати у его шаблю, фузію... безъ боязни Божой кривавымъ его немилостиво окри́листе боемъ прилю́дне и намировалисте забитого въ колодки на згинене заслати въ гуту« (стеклянный заводъ)... *Арх. Марк.* (Это напоминаетъ поступокъ графа Савойскаго въ балладѣ Шиллера: Der Gang nach dem Eisenhammer.)

Изъ донесенія Кіевскаго полковника Антона Танскаго гетману Скоропадскому, 1719. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда полковники навязывали козакамъ сотниковъ противъ права свободнаго выбора. Танскій посылалъ въ Ирсовку Ханенка для врученія сотенной хоругви Былинѣ. Когда Ханенко, прибывъ туда и взявъ церковныя хоругви, приказалъ читать универсалъ гетманскій, козаки взбунтовались, вырвали у Ханенка универсалъ и не только самого его »безчестно конфундовали«, но чуть не убили; универсалъ истоптали, сотенную хоругвь изломали и »вздумали« избрать вольными голосами въ сотники Шаулу-Ворошила; а Былину безчестили и хотѣли убить. *Арх. Марк.*

Изъ письма Павла Полуботка къ гетману, 1719. Семенъ Лизогубъ выслалъ нѣсколько сотъ душъ на его земли и забралъ всю траву; »грунта́« его вспахалъ и засѣялъ; положилъ свои рубежи владѣніямъ Полуботка; изранилъ саблею его слугу, и пр. *Арх. Марк.*

Изъ письма Гадячскаго полковника Михаила Милорадовича къ гетману Скоропадскому, 1720. Сотникъ Опошнянскій жаловался на Милорадовича, что онъ вписываетъ его подданныхъ въ козаки, не допускаетъ свободно владѣть селомъ; слугъ его полковничьи слуги »обдираютъ«; полковникъ Милорадовичъ запрудилъ рѣку и подтопилъ земли его крестьянъ. *Арх. Марк.*

Изъ универсала Ивана Чарныша, 1721. Карпо Власенко, производя слѣдствіе надъ Ѳедоромъ Проскурненкомъ, »первій яко злочинцю

на верби зависивъ и черезъ дви годипи мордовавъ, а потомъ знявши зъ верби, киями бивъ безъ пощады, а зверхъ того гонячи попидъ лавами, веливъ ему яко псу щекати (лаять), що онъ, принужденъ будучи его зъ розыщиками мордерствомъ (тиранствомъ), мусивъ чинити.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Пахома Семака генеральному асаулу, 1723. »Село Семаки еще за Жигимонта по-правдѣ служили войску.« Послѣ Чигиринской войны, когда »мало-помалу власть пановъ Лизогубовъ расширилать, тогда подгорнули (они) село Семаки себѣ въ подданство.« Поселяне уговорились единодушно доказать свои права на козачество. Семенъ Лизогубъ узналъ о томъ и хотѣлъ поколотить Семака. »Сохранившужеся мнѣ отъ таковаго гвалту«, убили Лизогубы 50 ульевъ пчелъ, взяли пшеницу, ржаную муку, овса три осмачки, »кабана годованого и одно сало.« *Арх. Марк.*

Изъ акта начала, или первой четверти XVIII вѣка. Сердюки полка Бурляя возили по Деснѣ набайдакѣ вапну въ Черниговъ, для гетмана. Подпивши, они говорили между собою: »Лѣпше бы намъ, друзи, въ походъ военный ходити, нежели теперъ вапну возити!«....

Изъ прошенія бунчуковаго товарища Стефана Тарновскаго, 1725 — 1727. Въ 1716 г. онъ купилъ въ Городницкой сотнѣ (Черниговскаго полка, часть дубровы и, найдя тамъ свободную землю, упросилъ гетм. Скоропадскаго дать позволеніе »осадить загреничныхъ человѣка десять и большъ«. Гетм. приказалъ Черниговскому полковнику Павлу Полуботку »ограничить« тотъ грунтъ и ввести Тарновскаго во владѣніе. Полуботокъ же, гнѣваясь на тестя Тарновскаго, не велѣлъ »граничить«; а послѣ, съ позволенія жителей тамошнихъ, занялъ ту дуброву, къ ней прикупилъ земли и началъ самъ »садить слободку«. Тарновскій жаловался гетману; исполненіе прошенія всё было отсрочиваемо. По смерти Скоропадскаго, Тарновскій сталъ просить самого П. Полуботка; тотъ обѣщалъ возвратить земли; но былъ взять въ Петербургъ. Земли Полуботка были отобраны въ казну; а послѣ — часть возвращена его дѣтямъ, а часть, какъ »собственно на власть полковничую належачихъ«, по приказу бригадира Румянцева, отдана во владѣніе Черниговскаго полковника Михаила Богданова. Дѣти Полубоутка отдали захвачен-

ныя ихъ отцомъ земли Тарновскому. Вмѣстѣ съ Полуботкомъ былъ схваченъ и Тарновскій и посаженъ подъ арестъ. По освобожденіи, былъ посылаемъ въ Гилянскій походъ и, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ ту слободу во владѣніе на три года генералу Роппу, за 300 рублей. »Теперь же Черниг. полковникъ Богдановъ привлащаетъ ее себѣ«, говоря что она належитъ »на полковничую власть«. Отобралъ воловъ; схватилъ стастаросту. По жалобѣ Тарновскаго, изъ войсковой генеральной канцеляріи были посланы разыщики; но Богдановъ ихъ обругалъ, и указъ имъ данный отобралъ.

Это дѣло тянулось еще и въ 1732 г., какъ видно изъ письма къ гетм. Данилу Апостолу вдовы того Тарновскаго, 1732 іюля 2.

Изъ донесенія слѣдователей, 1727: дѣйствително ли села: Полу́ботки, Пивци, Выхвастовъ, Буровка и Дроздовица принадлежали дѣду жены Семена Лизогуба, Каленику, т. е. тестю гетмана Скоропадскаго по первой женѣ. »Селомъ Полу́ботками владѣлъ прадѣдъ Йрины Ильинишны, Каленикъ, и сынъ его Никифоръ Калениковичъ, и внука его Пелагея Никифоровна, которая вышла за Ивана Ильича Скоропадскаго (въ послѣдствіи гетмана). А пріѣхалъ и женился, то имѣлъ при себѣ только одного челядника, коней четверо и палубецъ (крытый возъ) одинъ.« *Арх. Марк.*

Изъ доноса на старшинъ, производившихъ въ Почепѣ слѣдствіе, 1727. »Начали пити за здоровье его свитлости генералиссимуса (Меньшикова), а онъ, Ладинскій, за здоровье е. св. пити не схотивъ, которому троекратно говорилъ, чтобъ онъ за такое высокое здоровье выпилъ; но онъ, Ладинскій, того учинити не хотивъ; и я ему на то еще сказавъ: что »и бабушка твоя такого высокого чину не слыхивала, а »ты нынѣ слышишъ и пити за такую высокую особу не хочешъ; а буду»чи ты у Нарковской у-ночи́ и до оной комплементу́ючи, сивуху не пома»лу тягнулъ.... она одъ тебе принуждена была кочергою одбиватися.« ...»И приходятъ къ Ладинскому по ночамъ дивки й бабы, зъ которыми онъ, Ладинскій пьетъ, а ихъ, козаковъ, заставляетъ имъ, бабамъ, кланяться въ землю и просить, чтобъ онѣ пили, и за то ихъ, козаковъ, бьетъ смертнымъ боемъ, которая не выпьетъ.« *Арх. Марк.*

Изъ письма Якова Лизогуба къ гетману Апостолу, 1728. Жалоба на Якова Полуботка, который отнимаетъ у него Рудню Гунковскую, принадлежащую ему »съ отца и дѣда«. Проситъ защиты въ Руднѣ отъ Полуботковъ, а въ Чумгакѣ отъ Лукаша. *Арх. Марк.*

Изъ другого письма, безъ числа. Проѣзжіе Великороссіяне и *Малороссіяне* беззаконно требуютъ отъ жителей села Бѣгача живности, провіанта, лошадей; водятъ войта »за шію« и вяжутъ его; насильно берутъ все у обывателей и грабятъ такъ, что народъ обнищалъ и разбѣжался. *Арх. Марк.*

Изъ перваго тома »Матеріаловъ для Отечественной Исторіи«, изданныхъ М. Судіенкомъ.

Въ 1728 году, »9 марта писана грамота въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, что на бывшую гетманову Скоропадскую многіе являются челобитчики, а она въ Малой Россіи [сказуетъ] несудима, понеже имѣетъ грамоту протекціальную; тако жъ о прежнемъ скарбѣ войсковомъ, что оного мало по смерти гетмана Скоропадского осталося, а оный скарбъ необыкновенно содержали его гетмана Скоропадского дворовые люди. (Стр. 16.)

»18 марта, туда же... писана (грамота) о скарбѣ войсковомъ и о пожиткахъ гетманскихъ, которіе она жъ, гетманова Скоропадская, завладѣла, а прежде того было обыкновеніе такое, что всѣ бывшіе гетмани, принимая гетманскій урялъ, принимали и всѣ остающіеся по гетману скарбы и пожитки. (Стр. 23.)

»По донесеню ся ясневелможному вѣдати, что въ сотняхъ Ирклѣевской и Золотоношской, такожъ и Кропивянской, козакамъ и протчіимъ обивателямъ отъ сотниковъ ихъ починени немаліе отнятемъ грунтовъ, взятками, незносними работизнами, побоями и протчіими налогами обиди. (Стр. 26.).

»Старшина полку Гадяцкого пишутъ къ его велможности, въ подтвержденіе прежнихъ своихъ жалобъ, доносячи на полковника своего Милорадовича, же онъ, Милорадовичъ, заѣхавши въ полковіе маетности, жадного полкового дѣла не правитъ, но свои домовие прихоти и новое свое господарство расширяючи, козакамъ и посполитимъ безмѣрне и необичаіне барзѣй, накиданемъ горѣлокъ по тридцати и по сороку рублей куфу, чинитъ здирство и налоги, такожъ, мимо волю и указъ ясневельмож-

ного, зъ доходовъ войсковыхъ денги и хлѣбъ на свой домъ самовольно позабиралъ и беретъ... (Стр. 39.)

»По поданной суплѣцѣ отъ полчанъ Стародубовскихъ... что въ помянутомъ сими недавними роками со всего народа разними дачами стягненную сумму урядники тамошніе, самовластне позабиравши, удержуютъ напрасно, виданъ универсалъ... (Стр. 69.)

»По словесной жалобѣ пана Василія Журековскаго, асаула енерального, что старшина сотенная Глуховская излишними податми подданныхъ его непропорціонално обтяжаютъ и людей его и старостъ къ суду своему, а особливе курѣнчиковъ его до сотенныхъ повинностей, которіе прежде до того не належали, притягаютъ, занесенной, писанъ листовній указъ... (Стр. 70.)

»По суплѣцѣ войта Никифора Бруевича на сотника Бакланского Леонтіа Кгалецкого, что якобы онъ суплекуючого домъ незносними обидами обтяжилъ, жену его жъ подъ караулъ взялъ, худобу заграбилъ, такожъ и въ полю, якое въ его, Бруевича, въ заставѣ за денги, чинитъ перешкоду къ отбиранню пожитковъ, поданной, писанъ листовный указъ... (Стр. 75.)

»Писаны универсали во всѣ Малороссійскіи полки... даби... запретить накрѣпко старшинѣ и протчіимъ, дабы козакамъ и посполству налогъ, обыдъ и тягостей отнюдъ не чинили, при судахъ зъ козаковъ и посполства накладовъ и взятковъ на себе и ни на кого отнюдъ не брали и нѣякого пиття и протчего своего и ничіего на нихъ не накидывали, и ни на якіе свои приватніе работи ихъ не посилали, и зверхъ того, что указами повелено, ничего не брали, такожъ у козаковъ кгрунтовъ, земель и протчего недвижного не отнимали, и тимъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали, и до раззоренія не приводили... (Стр. 87.)

»По жалобѣ Ивана Бабича, жителя села Погребокъ съ товарищи, прибувшого въ Москву, на пана Андрѣя Лизогуба занесенной, что якобы онъ ихъ, въ козацство опредѣленнихъ, притягаетъ до подданства и чинитъ имъ грабителства позабиранемъ воловъ и коней, писанъ универсалъ...« (Стр. 105.)

Потверждая Козелецкому магистрату Магдебургское право, гетманъ Данило Апостолъ, въ универсалѣ 1729 года, говоритъ: »... жеби панъ полковникъ Кіевскій и старшина полковая тамошняя, отъ ратуша Козелецкого, о святкахъ, ралціовъ и другихъ нѣякихъ датковъ не вимагали, и под-

данних их ратушних на приватніе свои работи не употребляли...« (Стр. 58, второй нумераціи.)

Изъ жалобы генеральнаго хорунжаго Забѣлы гетману Апостолу (безъ числа). Староста Полтавскаго полковника поколотилъ крестьянина Забѣлы, вышибъ зубъ, рвалъ за волосы и топталъ, другому крестьянину разшибъ голову, прикащика забилъ въ колодки, набѣжалъ на господскій дворъ, угналъ 16 штукъ рогатаго скота, 20 штукъ овецъ, приколотилъ слугу палками, приговаривая: »Щò то за Забѣла? черный, или бѣлый? чортъ его знае!« *Арх. Марк.*

Извлеченіе изъ жалобы Дейнекъ на хищничество Павла Полубка, 1730. Дейнеки, занимаясь торговлею за границею Малороссіи, ѣхали съ табакомъ черезъ имѣніе маршáлка великаго княжества Литовскаго, Поцѣя. Староста Поцѣевъ арестовалъ ихъ товары и отправилъ къ своему господину въ Вильно. Когда Дейнеки явились къ самому Поцѣю, онъ сказалъ, что они ограблены за Полуботка, который долженъ ему 40,000 злотыхъ. Поцѣй объяснилъ свою претензію въ писмѣ къ гетману Скоропадскому, которое и было вручено Дейнекамъ. Гетманъ по этому письму, велѣлъ Полуботку удовлетворить ихъ. Но Полуботокъ медлилъ. Между тѣмъ Скоропадскій умеръ. Началась тяжба Полуботка съ Поцѣемъ и съ Дейнеками. Поцѣй утверждалъ, что Полуботокъ бралъ у его арендатора деньги и товары, чрезъ шляхтича Цыбульскаго; Полуботокъ запирался. Дейнеки приводили въ доказательство письма Поцѣя; Полуботокъ доказывалъ, что эти письма — вздоръ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что Полуботокъ потребованъ былъ въ Петербургъ и вскорѣ умеръ. — Но не одинъ Поцѣй обвинялъ Полуботка въ хищничествѣ. Шляхтичъ Цыбульскій купилъ у Полуботка нѣсколько сотъ пудовъ табаку, по 4 злотыхъ за пудъ, а »звонникамъ« (колокольнымъ мастерамъ) продалъ 200 пудовъ мѣди. Полуботокъ объявилъ ему, что онъ охотно заплатитъ по 6 рублей за пудъ мѣди, принявъ ее въ счетъ за табакъ, и, на этомъ основаніи, во время провоза ее изъ Слуцка въ Кіевъ, арестовалъ ее въ Черниговѣ, а недочетъ доплатилъ наличными деньгами. Цыбульскій предлагалъ ему, вмѣсто мѣди, 80 воловъ, которыхъ онъ купилъ для него, по его словесной просьбѣ; но Полуботокъ воловъ не принялъ, и Цыбульскій по-

казалъ въ своей жалобѣ 1437 злотыхъ убытку. — Тотъ же Цыбульскій, въ 1716 году, купилъ у Борковскаго хлѣбъ, »осмачку по два талера«, и послалъ за нимъ подводы. Но Полуботокъ, въ качествѣ Черниговскаго полковника, не позволилъ ему вывезть хлѣбъ за границу; потомъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему купить у него, Полуботка, »100 куфъ (бочекъ) горилки« съ тѣмъ, что если онъ купитъ горилку, то позволено будетъ ему вывезть и хлѣбъ. У Мокріевича Цыбульскій купилъ по 10 битыхъ талеровъ куфу; Полуботокъ содралъ съ него по 18. Но этимъ не кончилось: когда Цыбульскій уѣхалъ за границу, оставивъ у своихъ факторовъ, для перевозки хлѣба и горилки, 74 червонца и 150 золотыхъ, Полуботокъ тотъ-часъ арестовалъ и перековалъ всѣхъ ихъ, »за дукатъ, найденный между червонцами«. *Арх. Марк.*

Изъ инструкціи гетмана Апостола обозному Ивану Носу, 1731. Ѣхать туда-то. На пути »никакихъ обидъ обывателямъ не чинить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.« *Арх. Марк.*

Изъ жалобы Коропского мѣщанина Семена Литуша гетману Апостолу, 1731. Сотникъ, войтъ, бурмистры и двое мѣщанъ, по жалобѣ священниковъ о святотатствѣ, безъ доказательствъ и свидѣтелей, вытащили его жену изъ дому въ Коропскую ратушу, три раза сѣкли плетьми и посадили въ тюрму. Онъ поѣхалъ въ Кіевъ жаловаться митрополиту. Узнавъ о томъ, эти старшины три раза высѣкли ее голую розгами и опять посадили въ тюрму, гдѣ просидѣла она восемь недѣль. Къ ней пришла дочь повидаться; они и ее два раза клали и сѣкли. *Арх. Марк.*

Изъ универсала генеральной войсковой канцеляріи, *1734*. Подтверждаются всѣ прежнія права, дарованныя Черниговскому магистрату; въ заключеніе сказано: ».... позволяется тими всѣми вишше показанними маетностми, млинами и другими угодіами владѣть ему, войту, зъ маистратомъ безпрепятственно, такъ: даби полковникъ Черниговскій съ старшиною полковою и сотниками во владѣніи тихъ селъ, грунтовъ и протчихъ угодій и въ отбираню съ онихъ всякихъ пожитковъ, а зъ млина розмѣровихъ приходовъ, ему, войту, зъ маистратомъ нихто ни малѣй-

шей не важился чинити трудности и перешкоды, — пилно предлагается...«

Изъ универсала той же канцеляріи, 1746. Говорится объ универсалѣ генеральной канцеляріи, отъ 1741 г., іюня 24, данномъ по челобитью войта Черниг. магистрата, въ которомъ сказано: »что многия грунта зъ жалованнихъ на оную ратушъ Чернѣговскую и старшину маистратовую селъ и другихъ угодій въ разние владѣнія невѣдомо почему поотходили; такожъ полковникъ нинѣшній всякихъ ремесниxъ людей къ работѣ въ домъ свой привлекаеть и за работу ничего имъ не платить; онъ же, полковникъ, и полковая канцелярия тамошняя въ протекцѣи своей мѣщанъ знатнихъ содержить, отъ податей общенароднихъ уволняють, въ козачое звание мѣщанъ притягають, и мимо ратушній судъ къ своему суду мѣщанъ и приежжихъ людей привлекають, торговимъ людемъ приежжимъ товари ихъ въ рознь ѳартою продавать позволяють, и перекупней, живущихъ при городѣ Черніговѣ въ дворахъ приежжихъ, разного звания людей зъ ратушного вѣдомства отняли и помоществовать въ общенароднихъ нуждахъ мѣщанамъ тѣмъ людемъ запрещають; его жъ, войта, бурмистровъ и другихъ маистратовихъ чиновниковъ къ своему суду извлекають, и тѣмъ многие чинять обиди. И просили о таковыхъ, отшедшихъ съ подъ владѣния ихъ грунтахъ и угодияхъ о учиненіи надлежащого слѣдствия и разсмотрения... отъ войковой генералной канцеляріи конфирмаціи...«

Изъ жалобы Черниговскаго магистрата гетману Разумовскому, 1753. Магистратъ жалуется на полковника и коменданта Черниговскаго, Божича, который, злобствуя на магистратъ за то, что последній »подсудственними своими въ командѣ его, г-на полковника, не состоить«, причиняетъ магистрату разныя обиды, и публично побилъ одного войта; »райцу магистрату Черниговского, Никиту Инспекторенка, безъ всякой оного винности, сыскавъ въ домъ свой, билъ его, Инспекторенка, нещадно плетми; а минувшого мая 14 д. 1750 г. магистратового слугу, Лукяна Симонтовского, зъ другимъ магистратовимъ служителемъ, не по командѣ его полковничей, взявъ и осадивъ между колодники, содержалъ чрезъ многое время въ секвестри весма напрасно. Тому же служителю Лукяну Симонтовскому такъ домъ магистратовій, яко и служителѣ

магистратовие всѣ поручени били въ смотрение; о которомъ хотя и требовано зъ магистрату, точію, неведомо для чего, не отпущено. Съ чего магистрату всепокорнѣйшая послѣдовала обида; ибо когда минувшого мая, зъ 19 противъ 20 числа того жъ 1750 году, въ городѣ Черніговѣ учинился пожаръ, то тотъ би слуга магистратовий зъ другими служителями и съ тѣмъ служителемъ, съ коимъ онъ въ секвестри полковомъ содержался, сначала такова пожара [какъ уповательно] оному пожару распространитись не допустилъ, или дѣла, въ магистратѣ имѣвшиесь, виратовать моглъ би, — которой, хотя въ то время, когда тотъ пожаръ распространятись начиналъ, плачучись просился, точію и въ самой тотъ самонужнѣйшій случай не отпущенъ; почему такъ магистратъ ввесь съ письменними дѣлами, яко и все того слуги убожеское имущество, до остатку згорѣло. При послѣдовавшемъ же пожару мая 20 оной госп. полковникъ Божичъ, браня и грозя магистратовую старшину, произносилъ похвалки: »Ежели би, де, »войтъ вашъ былъ зде, я би, де, его, войта, нинѣ велѣлъ вброситъ въ »сей огонь!« При взятіи же на томъ пожарѣ шинкаря магистратового и десятниковъ двохъ подъ свой караулъ, принародно жъ браня, сказивалъ бурмистрамъ и писарю магистратовому, кои были на томъ пожарѣ: »Е»жели, де, ви что ни-на-есть объ етомъ пожарѣ будете въ войсковую »енеральную канцелярию писать, то, де, я вашему этому писарю пере»ламаю руки и ноги!« И таковими своими угрожениями такъ тогда магістратъ Черніговскій привелъ въ страхъ, что не точию въ другихъ отъ его г-на полковника, обидахъ подсудственнимъ магистратовимъ причиненнихъ по вишшей командѣ бить челомъ невозможно, но й по указнимъ дѣламъ магистрату правление имѣть было опасно....« и. т. д.

Изъ листа полковой Лубенской канцелярiи, за подписью полковника Лубенскаго, Ивана Кулябки, ко всѣмъ сотникамъ того полка, 1758. »Во время недавно бившого въ Лубняхъ въ полковой канцелярии всѣхъ господъ полковой старшини і сотниковъ собрания, съ представления нѣкоторихъ господъ полковой старшини на пановъ сотниковъ и сотеннихъ старшинъ, отъ коихъ надлежащого имъ, полковимъ старшинамъ, почтения никогда не чинится, обявлено отъ нижеподписавшагося полковника всѣмъ вътобщѣ командирски, даби чинъ чина почиталъ всегда и вездѣ, какъ должно и запристойно есть и вездѣ водится. Но какъ нинѣ самимъ нижеподписавшимся полковникомъ усмотрѣвается зъ обхож-

деній здешнихъ полковихъ сотниковъ, какъ могуть полковие старшини отъ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ имѣть почтеніе, когда оного нижеподписавшомуся полковнику, настоящему и первому въ полку командиру, въ началѣ того почтения нѣтъ? ибо, чего нѣгдѣ не водится, зъ онихъ сотниковъ мало когда которого, а иного и никогда і въ ȝлаза видимо не биваетъ, и что въ городѣ дѣлается — невѣдомо, кромѣ развѣ кто случайно и сторонно обявитъ. Состоящие же при полковихъ резиденцияхъ старшини повсяденно должни приходя полковимъ командирамъ являться и, что̀ происходитъ, репортовать....«

Изъ жалобы Крестоваго намѣстника Ѳедора Савицкаго на сотника Второсенчанскаго Ѳедора Слюза, въ судъ полковый Лубенскій, 1762. Въ 1761 году человѣкъ Савицкаго, Антонъ Чехъ, вмѣстѣ съ козакомъ Запорожскимъ пили горѣлку у священника въ с. Скоробогаткахъ. По какому-то подозрѣнію. сотникъ Слюзъ, жившій въ томъ же селѣ, схватилъ Запорожца и отправилъ въ сотенное правленіе; но Запорожецъ бѣжалъ. Тогда сотникъ ни съ того, ни съ сего, схватилъ и Чеха, о̀тобравъ у него и коня, »и, заковавъ въ желѣза, содержалъ въ земляномъ погребѣ, подъ арестомъ«, не давая знать о случившемся, какъ слѣдовало по закону, Савицкому. Чеха »батожжемъ немилосердно билъ. домагаясь, чтобъ говорилъ, кто таковъ есть съ людей его, Савицкого, воръ. И при томъ онъ, Слюзъ, и самого его, Савицкого, воромъ порицалъ и другими многими пашквильними словами ругалъ и унослѣждалъ«. Настрашенный Чехъ говорилъ то, чего не бывало, а наконтцъ бѣжалъ. Въ то время сотникъ, »чрезъ многочисленную козачую команду, гвалтовно взялъ« изъ двора Чехова коня. Вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію сотника, сотенный писарь Товстоногъ, съ такою же »командою«, напалъ на шинкъ Савицкаго въ с. Жданахъ (гдѣ жилъ Савицкій): »тамо шинкаря Оврама Яценка (онъ же и Сербинъ) възялъ и, связавъ назадъ руки, отвезлъ въ село Скоробогатки«; во время пути, Товстоногъ. безъ всякой вины, »билъ (шинкаря) где ни попавъ плетью немилосердно; а и бившие при немъ козаки, смотря на его, Товстонога, потому же нещадно плетьми били«. Потомъ сотникъ опять послалъ Товстонога съ сотеннымъ хоружимъ Паламаренкомъ и съ такою же командою, и они схватили третьяго человѣка Савицкаго, отобрали у него лошадь и привезли въ с. Скоробогатки, гдѣ эти люди были »содержани подъ арестомъ при сотен-

номъ правленіи, въ ручнихъ и ножнихъ колодкахъ. въ землянихъ погребахъ, чрезъ шесть недѣль« Послѣ люди были забраны въ Лубенскую полковую канцелярію. Лошади же остались у сотника и были употребляемы имъ въ работу. На этихъ людей Сотникъ доносилъ въ Лубенскую полковую канцелярію, что они схвачены за то, что, будто, воровали заодно »съ домашними« Савицкаго. Эти люди даже не были подвѣдомственны Слюзу.

При допросахъ людей, сотникъ называлъ Савицкаго воромъ и пр.; еще прежде замоталъ у послѣдняго деньги; писалъ въ Лубенскую полковую канцелярію, »попрекая ему, Савицкому, нѣякимись непорядками, привичкою къ тяжбамъ, отъ начала живота его, Савицкого, уфундаментованною, самоволствомъ, безстрашіемъ и високимъ о себѣ мнѣніемъ, и что будто онъ, Савицкий, въ тяжбахъ жизнь свою провесть желаеть. Тако его, Савицкого, опашквилевалъ и опотварилъ предъ полковою канцеляриею, национальнимъ правительствомъ.« Когда отъ Слюза изъ полковой Лубенской канцеляріи былъ потребованъ отвѣтъ о дерзостяхъ, говоренныхъ при человѣкѣ Савицкаго на полковую канцелярію и особливо на полковника, то Слюзъ »и въ томъ отвѣтѣ опашквилевалъ его, Савицкого, неякоюсь природою къ тяжбамъ, а особливо нѣякимсь злодѣемъ его, Савицкого...« Въ домѣ полковника Лубенскаго »поносилъ его, Савицкого, воромъ, злодѣемъ и смертоубийцею.«

Судъ Лубенскій велѣлъ сотнику Слюзу возвратить Савицкому коней и съ козакомъ послалъ къ нему указъ, съ требованіемъ въ 4-мѣсячный срокъ или самому явиться въ судъ, или прислать отъ себя повѣреннаго. Слюзъ въ полученіи этого указа, не смотря на требованіе, не далъ росписки, и въ судъ ни самъ не явился, ни повѣреннаго не прислалъ, и не далъ никакого отвѣта. Прежде же этого, »всѣ тѣ указы... презрѣлъ и преслушалъ, и еще доношениемъ полковую канцелярию обругалъ, а людей (Савицкаго) съ подъ караула не освободилъ.«

Изъ прошенія жителей Кролевца, гетману Разумовскому, 1764. Съ согласія гетмана, маіоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товарищъ Григорій Долинскій взяли на откупъ право »продавать собственные іхъ напитки въ имѣючихся въ Малой Россіи свободнихъ войсковихъ маетностехъ—мѣстечкахъ. селахъ і деревняхъ« и обязались платить въ скарбъ войсковый вдвое противъ получавшагося прежде. Назначенный,

для надзора въ городѣ Кролевцѣ »свободнихъ мѣщанъ« значковый товаришъ Өедоровскій, по требованію повѣренныхъ откупщиковъ — войсковыхъ товарищей Павловскаго и Михайловскаго — отвелъ послѣднимъ на шинки »уѣздныхъ дворовъ« (т. е. заѣзжихъ) 4 и цеховихъ церковныхъ столько же, тогда какъ цеховые дворы были всегда свободны отъ постоевъ и т. п., и устроены собственнымъ коштомъ — козаками и мѣщанами, »товариствомъ города Кролевца«; изъ доходовъ же съ этихъ дворовъ »къ церквамъ, въ силѣ закона Божія, разнія потребности и въ церквахъ узаконенія свѣчы всегда по православію Хрыстіянскому единственно исправляются і нѣкогда не угашаютъ въ молебномъ пѣніи..« Изъ мѣщанъ же назначены въ его дворы »ліодовники — ліодъ бить и возить«; что »нынѣ въ отведенныхъ прописаннимъ Федоровскимъ цеховихъ церковныхъ дворахъ шинковать Скоропадскаго і Долѣнского напитками весма будетъ намъ обидно«, потому что иные изъ нихъ, не имѣя собственныхъ домовъ, живуть въ тѣхъ дворахъ; въ »уѣздныхъ« же дворахъ, всегда, отъ ратуши отводились квартиры для знатныхъ проѣзжихъ, »і по требованію техъ проежаючыхъ персонъ всегда дается імъ разная провизія. Егда жъ будеть шинкъ, то уже въ случае проезду изъ знатныхъ персонъ квартерою стать не пожелаеть ныкто и хозяе лышатся чрезъ то вовся своего препитанія«, церкви же лишатся свѣчъ. И въ шинкари некого назначить, потому что большая часть ихъ — негрунтовые ремесленники. Для битья и возки льду въ 7 ледниковъ, необходимо болѣе 20 пѣшихъ и болѣе 30 конныхъ людей, »конхъ людей намъ, нижайшимъ, коннихъ за ежеденно неусипними подводами і переходами разнихъ командъ, а пѣшихъ за подчинкою во все весняное і лѣтное время вездѣ по находячимся около Кролевця трактамъ мостовъ і гатей — виставчать крайне несносно.« По всему этому просятъ: »освободить насъ, беднихъ, отъ одкупу Скоропадского і Долѣнского, а імѣть імъ оной въ техъ мѣстахъ толко, гдѣ въ 1762 году содержанъ билъ.«

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Въ первомъ томѣ »Записокъ о Южной Руси« есть недосмотръ. На стр. 116, вмѣсто словъ : *Новой Басани, Переяславскаго уѣзда*, слѣдовало бы напечатать : ***Новой Басани, Козелецкаго уѣзда.***

Опечатки. Въ нотахъ напечатано нѣсколько разъ *швиденько*, а слѣдовало бы *швидéнько*. — На стр. 283 напечатано *Пріхоровичу*, а слѣдовало бы : *Прóхоровичу*. — На стр. 300 напеч. *честі*, а слѣдовало бы *чаші*. — На стр. 322 напеч. *сеймковъ*, а слѣдовало бы *сеймиковъ*.